ISSN 2077-8325

К 35-летию независимости
Республики Таджикистан
и к 30-летию РТСУ

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

№ 3 (93)-2026

К 35-летию независимости
Республики Таджикистан
и к 30-летию РТСУ

To the 35 anniversary of independence
of Republic of Tajikistan and
to 30 anniversary RTSU

Ба чашни 35-солагии истиклолият
Ҷумхурии Тоҷикистон
ва ба 30-солагии ДСРТ

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

UNIVERSITY BULLETIN

(RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY)

РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

Основан в 2002 г.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (93) – 2026 г.

Душанбе – 2026

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2002

UNIVERSITY BULLETIN

(RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY)

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 (93) – 2026 г.

Dushanbe – 2026

ISSN – 2077-8325
Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Золотухин Алексей Валерьевич, доктор юридических наук
Редакционная коллегия:
Русакова Марина Васильевна, кандидат филологических наук,
заместитель главного редактора журнала
Баратова Рано Вахидовна, ответственный секретарь журнала

по филологическим наукам:
Абдуллозода Масрур Ахмад, доктор филологических наук (Таджикистан)
Искандарова Дилоро Мукаддасовна, доктор филологических наук (Таджикистан)
Косимов Олимджон Хабибович, доктор филологических наук (Таджикистан)
Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук (Таджикистан)
Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)
Муродов Мурод Бердиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)
Султанова Рафохат Мирзоевна, доктор филологических наук (Таджикистан)
Турсунов Фаёз Мелибоевич, доктор филологических наук (Таджикистан)
Шамбезода Хусрав Джамшедович, доктор филологических наук (Таджикистан)

по экономическим наукам:
Амонова Дильбар Сабхоновна, доктор экономических наук (Таджикистан)
Иброхимзода Илхомуддин Раджабали, доктор экономических наук (Таджикистан)
Комилов Сироджиддин Джалалиддинович, доктор экономических наук (Таджикистан)
Плоских Елена Викторовна, доктор экономических наук (Кыргызстан)
Султанов Зубайдулло Султанович, доктор экономических наук (Таджикистан)
Ташбаева Рано Гайбуллаевна, кандидат экономических наук (Узбекистан)
Ткаченко Александр Александрович, доктор экономических наук (Россия)
Тураева Мадина Октамовна, доктор экономических наук (Россия)
Файзуллаев Машраб Курбоналиевич, доктор экономических наук (Таджикистан)

Редактор:	Р.В.Баратова
Технический редактор/ компьютерная верстка:	Г.Х.Ташматова
Перевод на английский язык:	С.У.Тагаева
Перевод на таджикский язык:	К.Камолов

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан
Свидетельство о регистрации №488/ЖР-97 от 22 апреля 2026 года.
Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики Таджикистан
Подписной индекс журнала 77691
Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, улица М. Турсунзаде, д.30
тел: (+992) 44 620 42 34; 44 620 42 11
www.vestnik.rtsu.tj
vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет) ежеквартально публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики и филологии. Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена по месту его работы (требования к рецензированию см. на сайте РТСУ).

Авторы представляют свои работы в электронной и печатной версиях, оформленные в соответствии с требованиями, установленными Правилами для авторов.

Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

К рукописи статьи обязательно прилагается справка о прохождении через систему «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 70%.

Общий объем статьи без аннотации, ключевых слов и списка литературы – не менее 10 страниц, но не более 14 страниц.

В структурные элементы статьи входят (в порядке расположения): УДК, название статьи, ФИО автора/авторов (полностью) с указанием ученой степени, ученого звания (при наличии), должности, названия структурного подразделения, учреждения/организации, почтового адреса с индексом, номера телефона и E-mail; аннотация (150-200 слов) на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

Аннотация должна ясно излагать содержание статьи и быть пригодной для публикации отдельно от статьи. В аннотации необходимо кратко описать актуальность рассматриваемой проблемы, цель работы, элементы новизны, результаты исследования и общий вывод.

Статья должна носить проблемный характер, в ней должны отражаться научная новизна проблемы или новизна подходов к её решению, знание автором научных достижений в этой области, результаты исследования и чётко сформулированные выводы. Необходимо соблюдать точность цитирования, фактологическую достоверность, научный стиль изложения, ясность и последовательность выражения суждений (мыслей).

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатуры приводятся сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет) (далее – РТСУ).

Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

В списке должно быть представлено не менее 10 наименовании только научной литературы, в том числе не менее 5 источников, опубликованных за последние 5 лет. При-

ветствуются материалы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях и за рубежом. Самоцитирование, использование учебников и учебных пособий строго ограничено. Список литературы располагается в алфавитном порядке, сначала указываются работы на русском языке, далее литература на иностранных языках. Работы отечественных ученых, опубликованные на таджикском языке, приводятся в переводе на русский язык в общем перечне с русскоязычными источниками с указанием языка оригинала (на тадж.яз.). В список литературы не должны включаться работы, ссылки на которые отсутствуют в тексте статьи.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитированная страница (напр.: [7, с.20]).

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Ответственность за достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах и текст аннотации на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

Страницы статьи должны иметь сквозную нумерацию. Рукопись должна быть тщательно выверена и отредактирована автором.

Ответственный секретарь редакционной коллегии может самостоятельно отправить рукопись на доработку в случае, если её оформление не соответствует установленным правилам оформления.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные поправки, не искажающие основное содержание статьи.

Статьи, не отвечающие правилам оформления, к рассмотрению не принимаются, рукописи не возвращаются.

Доработанный вариант статьи с её электронной версией возвращается в редакцию вместе с первоначальной версией не позднее, чем через две недели после получения замечаний. В случае нарушения указанного срока, а также повторного обнаружения ошибок и недоработок дата опубликования статьи переносится на более поздний срок.

Датой поступления считается день поступления окончательного варианта текста статьи.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Ректора РТСУ профессора А.В.Золотухина 13
Приветственное слово Первого проректора – проректора по образовательной деятельности РУДН им. Патриса Лумумбы профессора Ю.Н.Эбзеевой 17

• **ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Джабборова М.Т. Частеречная принадлежность инфинитива в русском и таджикском языках 23
Королькова А.В., Кривченкова И.В., Басанова Д.И. Прецедентные тексты в современном русскоязычном медиапространстве 36
Турсунов Ф.М., Давлатова Х.Б. Реалии сферы культуры в русском языке и особенности их перевода на английский и таджикский языки (на примере произведения “Преступление и наказание” Ф.М.Достоевского) 54
Султанова Р.М, Саидова Ф.З. Реализация валентностного потенциала девербативов в русском и таджикском языках 66
Иванова С.С., Левина В.Н., Вологина Н.В., Лонцкая М.А. Семантико-функциональные особенности лексем *пространство* и *локация* (на материале Национального корпуса русского языка) 79
Смолий Е.С., Повалко П.Ю., Колышева О.Н., Гатина А.Э. Русский язык в языковом ландшафте интернационального университета 95
Калинина Ю.М., Гишкаева Л.Н., Салоев А.Т. Семья как объект лингвоаксиологии: динамика ценностных доминант в языковом сознании 116
Григорян В.А., Березняцкая М.А. Функционирование прецедентных феноменов в современном русском политическом дискурсе 136
Брагина М.А., Астахова Я.А., Лушникова Е.И., Шарапова Е.В. Языковые средства актуализации тематической доминанты «Семья» (на материале журнала «Литературные знакомства») 152
Курбонова Х.Х. Когнитивно-метафорические модели концепта «Садоқат» (Верность) в таджикской лингвокультуре 172
Новоспасская Н.В., Ахметова Б.Н. Типы лексической избыточности в масс-медийном научно-популярном тексте 184
Москвичева С.А., Данилов С.И., Жарбулова С.Т. Типы языковой лояльности в структуре языковой ситуации в Усть-Ордынском Бурятском округе 196
Романова И.А., Умарова Ф.К. Структурно-семантическая характеристика амбивалентной зоны интегративного глагольного поля «Любить – Ненавидеть» 213
Гусаров Д.А., Гишкаева Л.Н., Мельникова Е.Н. Лингвокультурный типаж *Монах* в романе Надежды Алексеевой «Полунощница» 224
Панкратова А.Д., Александрова О.И., Эрнисова А.Э. Декларируемое и переживаемое: образ семьи в официальном дискурсе и обыденных представлениях носителей русского языка 243
Сайдализода Ф.О. Вербализация ценности труда в таджикской литературе и фольклоре 259

Мирзоев Н.С. Особенности перевода дискурсивных единиц, выражающих субъективную модальность (на примере таджикского и русского языков) 271

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЖУРНАЛИСТИКА

Каландариён Х.С. Абу Али ибн Сино в культурно-историческом пространстве таджикского народа 283
Суфизода Ш.З., Ахтамова М.У. Поэтические версии Кольмана Баркса и феномен «Американского мавляна» в современном литературоведении 302
Лазарева О.В., Бурибаева М.А. Парадигма ценностных доминант магического реализма в романе «Ева Луна. Истории Евы Луна» Исабель Альенде и романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита» 324
Дуктова Л.Г., Шарапова Е.В. Женские образы в современной белорусской прозе на тему Великой Отечественной войны 341
Ладыгина О.В. «Окна ТАСС» в системе советской периодической печати: феномен военного «Прото-Медиа» 357
Саибназарова Ш.М., Мансури Б.С. Экологическая журналистика в системе массовых коммуникаций: теория, история и практика 371

- **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Комилов С.Дж., Шоидарвозова М.С. Трансформация законов миграции Э.Равенштейна в условиях Республики Таджикистан: теоретико-аналитический анализ 386
Ткаченко А.А. Таджикистан: инвестиции, инновации и миграция 401
Кодирзода Д.Б., Сафарзода Н.У. Основные факторы повышения общественного благосостояния в Таджикистане 412
Кошонова М.Р., Турахонзода Ш.Н. Модель государственного бюджета Республики Таджикистан и методы прогнозирования на период до 2030 года 422
Баринов М.А. Трудовые ресурсы как фактор долгосрочного роста региональной промышленности 435
Быкова М.Л. Оценка неопределенности инновационного развития регионов-доноров и дотационных регионов 447
Шарипов Ф.Р. Роль региональных интеграционных объединений в формировании внешнеэкономических связей Республики Таджикистан 464

CONTENTS

Welcome address of Rector of the RTSU professor A.V.Zolotukhin 13
Welcome address of First vice-rector – vice-rector for educational activities RUDN name after of P.Lumumba professor Yu.N Ebzeeva. 17

- **PHILOLOGICAL SCIENCES**

LINGUISTICS

Jabborova M.T. Part-of-speech status of the infinitive in the Russian and Tajik languages 23
Korolkova A.V., Krivchenkova I.V., Basanova D.I. Precedent texts in the modern Russian-language media space 36
Tursunov F.M., Davlatova Kh.B. Cultural realia in the Russian language and specifics of their translation into English and Tajiki (Based on F.M. Dostoevsky's "Crime and Punishment") 54
Sultanova R.M., Saidova F.Z. Realization of the valence potencial of deverbatives in Russian and Tajik 66
Iwanova S.S., Levina V.N., Vologina N.V., Lontskaya M.A. Semantic and functional features of the lexemes *prostranstvo* and *lokatsiya* (based on the Russian national corpus) 79
Smolii E.S., Povalko P.Yu., Kolysheva O.N., Gatina A.E. Russian language in the linguistic landscape of an international university 95
Kalinina Yu.M., Gishkaeva L.N., Saloev A.T. Family as an object of linguo-axiology: the dynamics of value dominants in linguistic consciousness 116
Grigoryan V.A., Bereznyatskaya M.A. The functioning of precedent phenomena in modern Russian political discourse 136
Bragina M.A., Astakhova Ya.A., Lushnikova E.I., Sharapava A.V. Linguistic means of actualizing the thematic dominant «Family» (based on the material of the journal «Literary acquaintances») 152
Kurbonova Kh.Kh. Cognitive-metaphorical models of the concept "Sadokat" (Loyalty) in Tajik linguoculture 172
Novospasskaya N.V., Akhmetova B.N. Types of lexical redundancy in mass media popular scientific text 184
Moskvitcheva S.A., Danilov S.I., Zharbulova S.T. Types of language loyalty in the language situation of the Ust-orda Buryat okrug 196
Romanova I.A., Umarova F.K. Structural-semantic characterization of the ambivalent zone of the integrative verbal field "To love – to hate" 213
Gusarov D.A., Gishkaeva L.N., Melnikova E.N. Linguo-cultural personality type *Monk* in Nadezhda Alexeeva's *midnight office* 224
Pankratova A.D., Alexandrova O.I., Ernisova A.E. He declared and the experienced: the image of the family in official discourse and the everyday conscepts of Russian speakers 243
Saidalizoda F.O. The verbalization of the value of labor in Tajik literature and folklore 259

Mirzoev N.S. Translation peculiarities of discourse units, expressing subjective modality (a study based on Tajik and Russian languages) 271

LITERARY CRITICISM, JOURNALISM

Qalandariyon Kh.S. Abu Ali Ibn Sino in the cultural and historical space of the Tajik people 283
Sufizoda Sh.Z., Akhtamova M.U. Coleman Barks's poetic versions and the "American mawlana" phenomenon in contemporary literary studies 302
Lazareva O.V., Buribayeva M.A. The paradigm of value dominants of magical realism in the novel «Eva Luna». The stories of «Eva Luna» by Isabel Allende and M.Bulgakov's novel "the Master and Margarita" 324
Duktova L.G., Sharapova A.V. Female images in contemporary Belarusian prose on the theme of the Great Patriotic war 341
Ladygina O.V. «TASS Windows» in the soviet periodical press system: the phenomenon of wartime «Proto-media» 357
Saibnazarova Sh.M., Mansuri B.S. Environmental journalism in the system of mass communications: theory, history and practice 371

- **ECONOMIC SCIENCES**

Komilov S.J., Shoidarvozova M.S. Transformation of E.Ravenstein's laws of migration in the Republic of Tajikistan: a theoretical and analytical study 386
Tkachenko A.A. Tajikistan: investments, innovations and migration 401
Kodirzoda D.B., Safarzoda N.U. Key factors for improving public welfare in Tajikistan 412
Koshonova M.R., Turakhonzoda Sh.N. State budjet model of the Republic of Tajikistan and forecasting methods for the 2030 period 422
Barinov M.A. Labor resources as a factor of long-term growth of regional industry 435
Bykova M.L. Assessing the uncertainty of innovation development in donor and subsidized regions 447
Sharipov F.R. The role of regional integration associations in shaping the foreign economic relations of the Republic of Tajikistan 464

МУНДАРИҶА

Сухани табрикотии Ректори ДСРТ профессор А.В.Золотухин 13
Сухани табрикотии Муовини якуми ректор – муовини ректор оид ба фаъолияти таълимии ДДҲР ба номи Патрис Лумумба профессор Ю.Н.Эбзеева 17

• **ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГӢ**

ЗАБОНШИНОСӢ

Ҷабборова М.Т. Масъалаи мавқеи масдар дар системаи ҳиссаҳои нутқи забонҳои русӣ ва тоҷикӣ 23
Королкова А.В., Кривченкова И.В., Басанова Д.И. Матнҳои претседентӣ дар фазои медиавии муосири русизабон 36
Турсунов Ф.М., Давлатова Ҳ.Б. Реалияҳои соҳаи фарҳанг дар забони русӣ ва хусусияти тарҷумаи онҳо ба забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ (дар мисоли асари “Ҷиноят ва ҷазо”-и Ф.М.Достоевский) 54
Султанова Р.М., Саидова Ф.З. Татбиқи имконияти валентнокии девербативҳо дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ 66
Иванова С.С., Левина В.Н., Вологина Н.В., Лонская М.А. Хусусиятҳои семантикӣ-функсионалии лексемаҳои *Фазо* ва *Макон* (дар асоси маводи Корпуси миллии забони русӣ) 79
Смолий Е.С., Повалко П.Ю., Колышева О.Н., Гатина А.Э. Забони русӣ дар фазои забонии донишгоҳи байналмилалӣ 95
Калинина Ю.М., Гишкаева Л.Н., Салоев А.Т. Оила ҳамчун объекти лингвоаксиология: динамикаи доминантаҳои арзишӣ дар шуури забонии 116
Григорян В.А., Березнятская М.А. Фаъолияти падидаҳои претседентӣ дар гуфтугӯи сиёсии муосири рус 136
Брагина М.А., Астахова Я.А., Лушникова Е.И., Шарапова Е.В. Воситаҳои забонии актуализатсияи доминантаи мавзӯии «Оила» (дар асоси маводи маҷаллаи «Литературные знакомства») 152
Курбонова Х.Х. Моделҳои когнитивӣ-метафории консепцияи «Садокат» дар забону фарҳанги тоҷик 172
Новоспасская Н.В., Ахметова Б.Н. Навъҳои изофагии луғавӣ дар матни оммавӣ-илмии медиавӣ 184
Москвичева С.А., Данилов С.И., Жарбулова С.Т. Навъҳои вафодории забонӣ дар сохтори вазъияти забонӣ дар ҳавзаи Буряти Уст-орда 196
Романова И.А., Умарова Ф.К. Хусусияти сохторӣ-мафҳумии минтақаи Амбивалентии майдони феъли пайвастаи "Дӯст доштан – нафрат доштан” 213
Гусаров Д.А., Гишкаева Л.Н., Мелникова Е.Н. Типажи лингвофарҳангии «Монах» дар романи Надежда Алексеева «Полунощница» 224
Панкратова А.Д., Александрова О.И., Эрнисова А.Э. Эълоншуда ва аз сар гузаронидашуда: образи оила дар дискурси расмӣ ва тасаввуроти рӯзмарраи барандагони забони русӣ 243
Сайдализода Ф.О. Шеҳршуносии қиммати меҳнат дар адабиёт ва фолклори тоҷик 259

Мирзоев Н.С. Хусусиятҳои тарҷумаи воҳидҳои дискурсивии ифодакунандаи модалияти субективӣ (дар асоси маводи забонҳои тоҷикӣ ва русӣ) 271

АДАБИЁТШИНОСӢ, ЖУРНАЛИСТИКА

Қаландариён Ҳ.С. Абуалӣ ибни Сино дар фазои фарҳангӣ ва таърихии мардуми тоҷик 283
Суфизода Ш.З., Ахтамова М.У. Версияҳои шоиронаи Кольман Баркс ва падидаи «Мавлянаи Амрикоӣ» дар адабиётшиносии муосир 302
Лазарева О.В., Бурибаева М.А. Системаи арзишҳои асосии реализми ҷодуӣ дар романи «Ева Луна. Ҳикояҳои Ева Луна»-и Исабель Альенде ва романи М.Булгаков «Мастер ва Маргарита» 324
Дуктова Л.Г., Шарапова Е.В. Образҳои занон дар насри муосири беларусӣ дар мавзуи Ҷанги Бузурги Ватанӣ 341
Ладыгина О.В. «Тирезаҳои ТАСС» дар низоми матбуоти даврии шӯравӣ: падидаи «Прото-медиа»-и замони ҷанг 357
Соибназарова Ш.М., Мансурӣ Б.С. Рӯзноманигории экологӣ дар системаи муошират оммавӣ: назария, таърих ва амалия 371

- **ИЛМҲОИ ИҚТИСОДӢ**

Комилов С.Ҷ., Шоидарвозова М.С. Таҳаввули қонунҳои муҳоҷирати Э.Равенштейн дар шароити Ҷумҳурии Тоҷикистон: таҳлили назариявӣ ва таҳлилӣ 386
Ткаченко А.А. Тоҷикистон: сармиятҳо, инновация ва муҳоҷирӣ 401
Қодирзода Д.Б., Сафарзода Н.У. Омилҳои асосии баландбардории некӯаҳволии ҷамъиятӣ дар Тоҷикистон 412
Кошонова М.Р., Турахонзода Ш.Н. Модели буҷаи давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва усулҳои пешбинии он барои давраи то соли 2030 422
Баринов М.А. Захирахои мехнатӣ ҳамчун омили тараккиёти дузонмухдати саноати районон 435
Быкова М.Л. Арзёбии номуайянии рушди инноватсионии минтақаҳои донор ва минтақаҳои ёрдампулӣ 447
Шарипов Ф.Р. Нақши иттиҳодияҳои ҳамгироии минтақавӣ дар ташаккули робитаҳои иқтисодии хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон 464

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Дорогие читатели, уважаемые коллеги!

Вашему вниманию предлагается выпуск журнала «Вестник университета», подготовленный совместно с нашими коллегами и партнерами из Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Журнал «Вестник университета», которому сегодня исполняется 25 лет, стал заметным явлением в научно-образовательной жизни Республики Таджикистан и русскоязычного сегмента периодических изданий страны, выполняя роль связующего звена между исследователями как в самой республике, так и за её пределами.

Хотелось бы отметить, что практика создания совместных выпусков нашего журнала сложилась не так давно, однако её плодотворные результаты очевидны. Публикации «Вестника», охватывающие разнообразные аспекты проблем современных гуманитарных наук, вызывают живой интерес специалистов и в целом широких читательских кругов. Благодаря такому формату издания, происходит живой процесс обоюдного обмена научной информацией, новейшими разработками, идеями и достижениями. Отрадно отметить, что география авторов журнала все более расширяется, охватывая исследователей из Беларуси, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Китая и др. регионов международного научного пространства.

Предлагаемый вашему вниманию номер «Вестника университета» приурочен к знаменательному для народа Таджикистана событию – празднованию 35-летия независимости страны, а также к 30-летию основания нашего вуза – Российско-Таджикского (Славянского) университета, ставшего флагманом продвижения и популяризации русского языка в республике.

Благодаря поддержке Основателя мира и согласия, Лидера нации – Президента Республики Таджикистана уважаемого Эмомали Рахмона, а также профессиональному труду профессорско-преподавательского состава, университет в настоящее время превратился в крупный учебный и научный центр – динамично развивающееся образовательное учреждение страны. Наш вуз тесными узами связан со многими учебными центрами мира, и особую нишу в этих связях занимает Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, партнёрство с которым имеет долгосрочную и многообещающую перспективу.

Убежден, что продолжение практики совместных выпусков «Вестника» будет и в дальнейшем приносить взаимную пользу в деле взаимообмена и взаимообогащения достижениями вузовской науки.

Желаю вам дальнейшей плодотворной работы, творческих успехов и свершений во имя укрепления авторитета отечественного образования и науки!

Алексей Валерьевич Золотухин
Ректор Российско-Таджикского
(Славянского) университета
доктор юридических наук, профессор

WELCOME ADDRESS!

Dear readers, respected colleagues,

We are pleased to present this issue of the "University Bulletin" journal, prepared jointly with our colleagues and partners from the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Marking its 25th anniversary today, "University Bulletin" has become a significant fixture in the scientific and educational landscape of the Republic of Tajikistan and the country's Russian-language periodical sector, serving as a vital link between researchers both within the republic and abroad.

It is worth noting that while the practice of producing joint issues of our journal is relatively recent, the results have been undeniably fruitful. Publications in Bulletin, which cover diverse aspects of contemporary humanities research, generate keen interest among specialists and the general readership alike. This publishing format fosters a dynamic exchange of scientific information, cutting-edge developments, ideas, and achievements. We are also pleased to see the journal's author base expanding to include researchers from Belarus, Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, China, and other regions of the international scientific community.

This issue of «University Bulletin» is dedicated to two momentous occasions for the people of Tajikistan: the celebration of the country's 35th anniversary of independence and the 30th anniversary of our institution – the Russian-Tajik (Slavonic) university – which has become a flagship for the promotion and popularization of the Russian language in the republic.

Thanks to the support of the Founder of Peace and National Unity – Leader of the Nation, the President of the Republic of Tajikistan, His Excellency Emomali Rahmon, as well as the dedicated work of the faculty, the university has evolved into a major academic and research hub – a dynamically developing educational institution within the country. Our university maintains close ties with numerous educational centers worldwide; a special place among these partnerships is held by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), with whom we share a long-term and highly promising collaboration.

I am convinced that the continued practice of publishing joint issues of the "University Bulletin" will yield mutual benefits, fostering the exchange and cross-enrichment of academic achievements between our institutions.

I wish you continued success in your endeavors and further achievements as we work together to enhance the prestige of our national education and science sectors!

Alexey Valerievich Zolotukhin
Rector of the Russian-Tajik (Slavonic) university,
doctor of juridical sciences, professor

СУХАНИ ТАБРИКОТИ

Хонандагони азиз, ҳамкорони муҳтарам!

Ба таваҷҷуҳи Шумо шумораи маҷаллаи «Вестник университета»-ро пешниҳод менамоем, ки он дар ҳамкорӣ бо ҳамкорон ва шарикони мо аз Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия ба номи Патрис Лумумба омода гардидааст. Маҷаллаи «Вестник университета», ки имрӯз 25-солагии худро таҷлил менамояд, дар ҳаёти илмию таълимии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва бахши русзабони нашрияҳои даврии кишвар ба як падидаи қобили таваҷҷуҳ табдил ёфта, нақши пайвандгари муҳаққиқонро ҳам дар дохили ҷумҳурӣ ва ҳам берун аз он иҷро мекунад.

Бояд зикр кард, ки таҷрибаи таҳияи шумораҳои муштараки маҷаллаи мо чандон дер боз ташаккул наёфтааст, аммо натиҷаҳои самарабахши он аллакай равшан мебошанд. Мақолаҳои «Вестник», ки паҳлуҳои гуногуни масъалаҳои илмҳои муосири гуманитариро дар бар мегиранд, таваҷҷуҳи зиёди мутахассисон ва умуман доираи васеи хонандагонро ба худ ҷалб менамоянд. Ба шарофати чунин шакли нашр раванди фаъоли мубодилаи дуҷонибаи иттилооти илмӣ, коркардҳои навтарин, андешаҳо ва дастовардҳо ба роҳ монда мешавад. Боиси хушнудист, ки ҷуғрофияи муаллифони маҷалла пайваста густариш ёфта, муҳаққиқони Беларус, Арманистон, Қазоқистон, Қирғизистон, Ӯзбекистон, Чин ва дигар минтақаҳои фазои илмии байналмилалиро фаро мегирад.

Шумораи пешниҳодшудаи «Вестник университета» ба рӯйдоди муҳими ҳаёти мардуми Тоҷикистон – таҷлили 35-солагии Истиқлоли давлатии кишвар, инчунин ба 30-солагии таъсиси донишгоҳи мо – Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон бахшида шудааст. Ин донишгоҳ ба яке аз пешсафони рушд ва густариши забони русӣ дар ҷумҳурӣ табдил ёфтааст.

Ба шарофати дастгирии Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон, инчунин меҳнати пурсамари ҳайати профессорону омӯзгорон, донишгоҳ имрӯз ба як маркази бузурги таълимӣ ва илмӣ – муассисаи таҳсилотии босуръат рушдёбандаи кишвар табдил ёфтааст. Донишгоҳи мо бо бисёре аз марказҳои таълимии ҷаҳон робитаҳои мустаҳкам дорад ва дар миёни ин робитаҳо ҳамкорӣ бо Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия ба номи Патрис Лумумба ҷойгоҳи хоссаеро ишғол менамояд. Ин шарикӣ дурнамои дарозмуддат ва умедбахш дорад.

Итминон дорам, ки идомаи таҷрибаи нашри шумораҳои муштараки «Вестник» минбаъд низ дар рушди мубодилаи мутақобила ва ғанигардонии якдигар аз дастовардҳои илми донишгоҳӣ манфиати ҳамдигарӣ хоҳад дошт.

Ба Шумо кори минбаъдаи пурсамар, комёбиҳои эҷодӣ ва дастовардҳои навро баҳри таҳкими нуфузи маориф ва илми ватанӣ таманно дорам!

Алексей Валеревич Золотухин
Ректори Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор

Уважаемые читатели, дорогие друзья!

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы придаёт приоритетное значение развитию партнёрства с Российско-Таджикским (Славянским) университетом – одним из ведущих вузов Республики Таджикистан. Ежегодно возрастающее число студентов из Таджикистана, приезжающих для обучения в РУДН, делает нашу совместную работу особенно значимой: она позволяет не только поддерживать непрерывный научно-образовательный обмен, но и целенаправленно содействовать сохранению русского культурного наследия и продвижению русского языка в Таджикистане.

Практическими результатами партнёрства становятся, в частности, совместные выпуски журнала «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет), а также скоординированная организация крупных академических событий.

2026 год – юбилейный для Российско-Таджикского (Славянского) университета, учреждённого в 1996 году в соответствии с Договором о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан. За три десятилетия РТСУ стал не только крупным образовательным и научным центром, но и основой межгосударственного культурного взаимодействия.

Деятельность РТСУ выстроена как целостная образовательная экосистема: университет курирует общеобразовательные школы в Душанбе и Кулябе, а его Институт повышения квалификации обеспечивает профессиональное развитие педагогов по всей республике. В структуре вуза 7 факультетов, более 700 преподавателей, 4 диссертационных совета, Научно-исследовательский институт с профильными лабораториями («Этнокультурология и социокультурные исследования», «Фотоника и нелинейная спектроскопия», «Междисциплинарные прикладные исследования»), а также Российско-Таджикский ресурсный центр – площадка для полевых исследований российских учёных в Таджикистане.

Международное партнёрство университета охватывает свыше 130 соглашений с зарубежными вузами, участие в программах университета II ЮС и Сетевого университета СНГ, а также регулярную организацию научных мероприятий - от республиканских конференций до международных круглых столов. Так, в апреле 2026 года в РТСУ состоялись «XXX Славянские чтения», приуроченные к юбилею вуза, 35-летию Государственной независимости Таджикистана и Дню таджикской науки, а в ноябре 2026 года на базе университета пройдёт научно-практическая конференция с международным участием «Образование XXI века: международные стандарты и национальные приоритеты», соорганизатором кото-

рой выступит Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

РУДН рассматривает развитие связей с РТСУ как долгосрочную инвестицию в общее образовательное будущее: такие проекты открывают новые профессиональные и академические перспективы для талантливой молодёжи России и Таджикистана, усиливают интеграцию научных школ и формируют устойчивую платформу для межкультурного диалога.

Надеемся, что сотрудничество РУДН и РТСУ будет последовательно расширяться и углубляться, укрепляя академические традиции и создавая дополнительные возможности для научного роста нового поколения специалистов.

Поздравляем коллектив Российско-Таджикского (Славянского) университета с юбилеем и желаем дальнейших успехов в образовательной и исследовательской деятельности!

Юлия Николаевна Эбзеева

Первый проректор – проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор социологических наук, кандидат филологических наук, профессор; Почётный работник сферы образования Российской Федерации; председатель МССН по языкознанию и литературоведению; член Международного академического консультативного комитета QS; член редколлегии журналов «Russian Journal of Linguistics», «Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология», «Социально-экономическое управление: теория и практика» и «Macroscociolinguistics and Minority Languages».

Dear colleagues and dear friends!

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University) attaches priority importance to developing its partnership with the Russian-Tajik (Slavonic) university – one of the leading higher education institutions in the Republic of Tajikistan. The steadily increasing number of students from Tajikistan coming to study at RUDN makes our joint efforts particularly significant: this collaboration not only facilitates continuous scientific and educational exchange but also actively supports the preservation of Russian cultural heritage and the promotion of the Russian language in Tajikistan. Tangible outcomes of this partnership include, among other things, joint issues of the "University Bulletin" (Russian-Tajik (Slavonic) university) and the coordinated organization of major academic events.

The year 2026 marks a milestone anniversary for the Russian-Tajik (Slavonic) university (RTSU), which was established in 1996 in accordance with the Agreement on Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Over the past three decades, RTSU has evolved into not only a major educational and research hub but also a cornerstone of interstate cultural cooperation.

RTSU operates as an integrated educational ecosystem: the university oversees general education schools in Dushanbe and Kulob, while its Institute for Advanced Training ensures the professional development of educators across the republic. The university comprises 7 faculties and a teaching staff of over 700; it hosts 4 dissertation councils and a Research Institute featuring specialized laboratories (focusing on "Ethnoculturology and Sociocultural Studies," "Photonics and Nonlinear Spectroscopy," and "Interdisciplinary Applied Research"), as well as the Russian-Tajik Resource Center – a platform for field research conducted by Russian scholars in Tajikistan. The university's international partnerships encompass over 130 agreements with foreign institutions, participation in the CIS Network University and other joint university programs, and the regular organization of scientific events – ranging from national conferences to international roundtables. For instance, in April 2026 the "XXX Slavic Readings" took place at RTSU, an event marking the university's anniversary, the 35th anniversary of Tajikistan's state independence, and the Day of Tajik Science. Furthermore, in November 2026 the international scientific-practical conference "Education of the 21st Century: International Standards and National Priorities" will be held, co-organized with the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

RUDN views the development of ties with RTSU as a long-term investment in a shared educational future; such projects open up new professional and academic prospects for talented young people in Russia and Tajikistan, foster the integration of scientific schools, and build a sustainable platform for intercultural dialogue.

We hope that the cooperation between RUDN and RTSU will continue to expand and deepen, strengthening academic traditions and creating further opportunities for the professional growth of a new generation of specialists.

We congratulate the staff of the Russian-Tajik (Slavonic) university on this anniversary and wish them continued success in their educational and research endeavors!

Yulia Nikolaevna Ebzeeva
First vice-rector for educational activities, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); doctor of sociological sciences, candidate of philological sciences, professor; honorary worker of education of the Russian Federation; chair of the International scientific council on linguistics and literary studies; member of the QS International Academic advisory committee. Member of the editorial boards of the journals “Russian Journal of Linguistics”, “Bulletin of the state university of humanities and technology”, “Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: sociology series”, “Socio-economic management: theory and practice”, and «Macrosociolinguistics and minority languages”.

Хонандагони муҳтарам, дӯстони азиз!

Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия ба номи Патрис Лумумба рушди ҳамкориро бо Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон – яке аз муассисаҳои таҳсилоти олии пешрафтаи Ҷумҳурии Тоҷикистон – самти афзалиятнок медонад. Сол ба сол афзудани шумораи донишҷӯён аз Тоҷикистон, ки барои таҳсил ба ДДХР меоянд, аҳамияти фаъолияти муштараки моро боз ҳам бештар месозад: ин ҳамкорӣ на танҳо ба нигоҳдории мубодилаи мунтазами илмию таълимӣ мусоидат мекунад, балки барои ҳифзи мероси фарҳангии рус ва рушди забони русӣ дар Тоҷикистон низ ҳадафмандона замина фароҳам меорад. Аз ҷумла, аз натиҷаҳои амалии ин ҳамкорӣ нашри муштараки шумораҳои маҷаллаи «Вестник университета»-и Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон, инчунин ташкили ҳамоҳангшудаи чорабиниҳои бузурги академӣ мебошанд.

Соли 2026 барои Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон соли ҷашнӣ мебошад. Донишгоҳ соли 1996 дар асоси Созишнома дар бораи дӯстӣ ва ҳамкорӣ байни Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон таъсис ёфтааст. Дар тӯли се даҳсола Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон на танҳо ба як маркази бузурги таълимӣ ва илмӣ, балки ба пояи ҳамкории фарҳангии байнидавлатӣ низ табдил ёфтааст.

Фаъолияти Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон ҳамчун як экосистемаи ягонаи таълимӣ ба роҳ монда шудааст: донишгоҳ фаъолияти мактабҳои таҳсилоти умумиро дар Душанбе ва Кӯлоб ҳамоҳанг месозад, Институти такмили ихтисоси он бошад, рушди касбии омӯзгоронро дар тамоми ҷумҳурӣ таъмин менамояд. Дар сохтори донишгоҳ 6 факултет, зиёда аз 700 омӯзгор, 2 шӯрои диссертатсионӣ, Институти таҳқиқоти илмӣ бо озмоишгоҳҳои соҳавӣ («Этномаданиятшиносӣ ва таҳқиқоти иҷтимоию фарҳангӣ», «Фотоника ва спектроскопияи ғайрихаттӣ», «Таҳқиқоти байнисоҳавии амалӣ»), инчунин Маркази захиравии Россия ва Тоҷикистон – майдон барои анҷом додани таҳқиқоти саҳроии олимони рус дар Тоҷикистон – фаъолият мекунанд.

Ҳамкориҳои байналмилалии донишгоҳ беш аз 130 созишнома бо муассисаҳои таҳсилоти олии хориҷӣ, иштирок дар барномаҳои Донишгоҳи II ЮС ва Донишгоҳи шабакавии ИДМ, инчунин ташкили мунтазами чорабиниҳои илмиро – аз конференсияҳои ҷумҳуриявӣ то мизҳои мудаввари байналмилалӣ – дар бар мегирад. Аз ҷумла, моҳи апрели соли 2026 дар Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон «XXX Хонишҳои славянӣ» баргузор гардиданд, ки ба ҷашни 30-солагии донишгоҳ, 35-солагии Истиқлоли давлатии Тоҷикистон ва Рӯзи илми тоҷик бахшида шуда буданд. Моҳи ноябри соли 2026 дар заминаи донишгоҳ конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ бо иштироки намояндагони кишварҳои хориҷӣ таҳти унвони «Маорифи асри XXI: стандартҳои байналмилалӣ ва афзалиятҳои миллӣ» баргузор мегардад, ки Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия ба номи Патрис Лумумба ҳамчун яке аз ҳаммуассисони он баромад мекунад.

ДДХР рушди робитаҳо бо Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистонро ҳамчун сармоягузории дарозмуддат ба ояндаи муштараки соҳаи маориф арзёбӣ

мекунад: чунин лоиҳаҳо барои ҷавонони боистеъдоди Россия ва Тоҷикистон имкониятҳои нави касбӣ ва академиро фароҳам оварда, ҳамгироии мактабҳои илмиро тақвият мебахшанд ва барои гуфтугӯи устувори байнифарҳангӣ заминаи мустаҳкам эҷод мекунанд.

Умедворем, ки ҳамкории ДДХР ва Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон минбаъд низ пайваста густариш ва таҳким ёфта, анъанаҳои академиро тақвият мебахшад ва барои рушди илмии насли нави мутахассисон имкониятҳои иловагӣ фароҳам меорад.

Ҳайати Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистонро ба муносибати ҷашни солгард табрик гуфта, ба он дар фаъолияти таълимию таҳқиқотӣ комёбиҳои минбаъда таманно дорем!

Юлия Николаевна Эбзеева
Муовини якуми ректор – муовини ректор оид ба фаъолияти таълимии Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия ба номи Патрис Лумумба, доктори илмҳои сотсиологӣ, номзади илмҳои филологӣ, профессор; Корманди фахрии соҳаи маорифи Федератсияи Россия; раиси МССН оид ба забоншиносӣ ва адабиётшиносӣ; узви Кумитаи байналмилалии машваратии академии QS; узви ҳайати таҳририяи маҷаллаҳои «Russian Journal of Linguistics», «Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология», «Социально-экономическое управление: теория и практика» ва «Macroscociolinguistics and Minority Languages».

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1+811.222.8

ЧАСТЕРЕЧНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ИНФИНИТИВА В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Джабборова Мархабо Тухтасуновна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (м.)

В статье рассматриваются различные научные подходы к определению грамматического статуса инфинитива в русском и таджикском языках, выявляются основные дискуссионные положения, связанные с определением природы инфинитива, раскрываются особенности их функционирования в системе языка и речи. Особое внимание уделяется соотношению глагольных и именных признаков инфинитива сравниваемых языков, а также его месту в системе частей речи. На основе сопоставительного анализа русского и таджикского языков устанавливаются типологические сходства и различия в функционировании инфинитивных форм, а также их специфические особенности. Констатируется, что русский инфинитив значительно ближе к глаголу, тогда как таджикский масдар сохраняет более тесную связь с именем существительным; однако процессуальная семантика, выражение модальности и связь с системой глагольных отношений свидетельствуют о сохранении важнейших глагольных характеристик.

Ключевые слова: инфинитив; масдар; части речи; русский язык; таджикский язык; вербоид; глагол; имя действия; грамматический статус; функциональная грамматика; синтаксис; сопоставительное языкознание.

Проблема частеречной принадлежности инфинитива относится к числу наиболее сложных и дискуссионных вопросов современной грамматики. Несмотря на длительную историю изучения данной формы, в языкознании до настоящего времени отсутствует единая точка зрения относительно ее грамматической природы. Одни исследователи рассматривают инфинитив как одну из форм глагола, другие склонны видеть в нем особую переходную категорию, сочетающую признаки имени и глагола, третьи выделяют инфинитив в самостоятельный грамматический класс. Подобная неоднозначность обусловлена как историей происхождения инфинитива, так и спецификой его функционирования в языке.

Особую актуальность проблема приобретает в сопоставительном аспекте, поскольку различные по строению языковые системы, как например, русский и таджикский, демонстрируют неодинаковые способы реализации инфинитивных форм. Сравнение русского инфинитива и таджикского масдара позволяет выявить не только общие закономерности развития неспрягаемых форм глагола, но и типологические особенности каждого исследуемого языка. Как в русском, так и в таджикском языках, инфинитив традиционно включается в систему неличных форм глагола, поскольку представляет гибридную природу, репрезентируя признаки имени существительного: в русском языке инфинитив «рассматривают в качестве исходной глагольной формы, как имя действия, и на этом основании его сближают с именительным падежом существительного», в то же время «двойственность инфинитива проявляется в его функционировании в роли любого члена предложения, как и существительное» [15, с.510]; таджикский масдар – начальная неспрягаемая форма глагола характеризуется морфологическими признаками имени существительного (образует формы множественного числа и сочетается с местоименными энклитиками и изафетом, с предлогами и послелогом и др.) и его синтаксической ролью. Стало быть, в лингвистической традиции инфинитив обоих сравниваемых языков рассматривается как переходная форма между глаголом и именем.

В русской лингвистике интерес к инфинитиву проявился еще в трудах представителей сравнительно-исторического языкознания. Одним из первых исследователей, обративших внимание на сложную природу инфинитива, был А.А.Шахматов. Он утверждал, что «инфинитив по своему происхождению представляется именною глагольною формой» [17, с.197]. Ученый полагал, что инфинитив исторически восходит к форме косвенного падежа отглагольного имени. По мнению исследователя, первоначально инфинитив обладал преимущественно именными признаками, однако в дальнейшем постепенно вошел в систему глагольных форм [17, с.199].

Подобную точку зрения частично разделял и Ф.И.Буслаев, который считал инфинитив, «не что иное, как существительное, от глагола произведенное» и рассматривал, как результат постепенного перехода имени действия в сферу глагольности [3, с. 108]. Ученый подчеркивал, что инфинитив сохранил способность обозначать действие отвлеченно, без указания на субъект и время, что сближает его с существительным [3, с.110].

Однако уже в трудах А.А.Потебни начинает формироваться иной подход к пониманию природы исследуемой категории: «инфинитив только был некогда именем, но теперь уже не есть имя», однако даже при отсутствии формального выражения субъектная соотнесенность инфинитива сохраняется потенциально [12, с.344]. Он стал первым, кто углубленно в историческом плане изучил инфинитив; им дано правильное определение инфинитиву как глагольной грамматической категории (по традиции он называет инфинитив иеопределенным наклонением). Исследование ученого определяется как самое глубокое и самое полное по содержанию трудом об инфинитиве в древнерусском языке. Исследователь обращал внимание прежде всего на процессуальную

семантику данной формы и ее тесную связь с системой глагола. Согласно его точке зрения, инфинитив «есть имя в этимологическом и род глагола в синтаксическом отношении», не может рассматриваться исключительно как имя действия, поскольку сохраняет способность выражать действие как процесс [12, с.356]. По мнению ученого, инфинитив никогда не существует вне связи с возможным носителем действия. Следовательно, А.А.Потебня трактует инфинитив исторически как бывшее имя действия, тем самым фиксируя его промежуточный статус в системе частей речи. Аналогичная мысль впоследствии получила развитие в функциональной грамматике.

Особое место в изучении инфинитива русского языка занимает и концепция А.М.Пешковского, в которой инфинитив, «загадочная по своему современному значению категория глагола», выражает «идею действия вообще», без связи с деятелем; это «оголенное название действия», максимально приближенное к отвлеченному понятию; это представление «о процессе самом по себе, вне связи его с производителем» [11, с.126]. Именно это качество, по мнению ученого, сближает инфинитив с существительным. В то же время, наличие глагольного управления и процессуальной семантики препятствует полному переходу инфинитива в разряд имен. Исследователь определял инфинитив как особую, «пограничную» форму между глаголом и существительным», «смешанную грамматическую категорию», сочетающую признаки имени существительного и глагола [11, с.128]. Он, подчеркивая двойственную природу инфинитива, описывал его таким образом: «Если бы мы ничего не знали о происхождении неопределённой формы, то мы бы определили её как «глагол, сделавший один шаг по направлению к существительному»; зная же её происхождение, мы скажем: «существительное, не дошедшее на один шаг до глагола», что отражает его отвлечённость от категорий лица, времени, наклонения, одновременно сохранение глагольного значения действия с глагольным управлением [11, с.131].

Дискуссия о частеречной принадлежности инфинитива в дальнейшем особенно активизировалась в XX веке. Представители различных научных школ предлагали неодинаковые критерии классификации частей речи. Одни ученые исходили преимущественно из морфологических признаков, другие – из семантических свойств, третьи – из синтаксических функций. Именно различие методологических подходов во многом обусловило отсутствие единой точки зрения на природу инфинитива.

Сторонники морфологического подхода чаще склонялись к признанию инфинитива глагольной формой. Так, В.В.Виноградов отмечал, что инфинитив представляет собой «особую форму словесного выражения процесса»; именно процессуальная семантика является главным признаком, определяющим принадлежность инфинитива к системе глагола [4, с. 338]. Вместе с тем академик признавал, что инфинитив занимает в глагольной системе особое положение, являясь «наиболее отвлеченной формой выражения действия»; эта отвлеченность формы позволяет ему занимать промежуточное положение между именем и глаголом, хотя, надо полагать, определяющим остается именно процессуальный характер значения, сближающий инфинитив с глагольной системой [4, с.344]. Со-

гласно точке зрения ученого, инфинитив всё же существенно отличается от личных форм глагола, так как входит в глагольную систему благодаря наличию категорий вида и залога, а также способности к управлению; отсутствие категорий лица и времени не исключает принадлежности исследуемой формы к данной системе, поскольку «отношение к лицу потенциально заложено в форме инфинитива» [4, с.349].

Вместе с тем, сторонники функционального подхода обращали внимание на широкий спектр синтаксических функций русского инфинитива. Данная форма способна выступать в роли любого члена предложения: подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства и даже самостоятельного сказуемого. Например: «***Учиться*** *хорошо», «Я просил про****читать****», «У неё мечта* ***закончить*** *университет», «Он пришел* ***поговорить»*** *и «****Курить*** *здоровью* ***вредить****»*. Подобная синтаксическая гибкость и позволяет ряду исследователей рассматривать инфинитив как переходную форму между именем и глаголом.

Таким образом, в различных научных концепциях русской грамматической традиции инфинитив последовательно интерпретируется как форма, находящаяся на границе имени и глагола, объединяющая признаки обеих категорий и функционирующая как универсальное средство выражения отвлечённого действия.

В таджикском языкознании аналогичная проблема связана с определением грамматического статуса инфинитива. Таджикский масдар традиционно репрезентируется как неличная форма глагола, называющая имя действия отвлеченно без указания лица, числа и наклонения и обладающая рядом именных признаков. Материалы нашего исследования показывают, что в данном языке также степень глагольности инфинитива остается предметом дискуссии. По мнению Ш.Рустамова, таджикский инфинитив следует рассматривать как переходную категорию между существительным и глаголом, поскольку «масдар выражает название действия или состояния без указания лица, времени и наклонения [15, с.91]. Исследователь уделял особое внимание на именные признаки инфинитива: на способность принимать аффиксы принадлежности: «*хонаданам*» («*моя учёба*»), «*омаданат*он» («*ваш приход*») и суффикс множественного числа: «*гуфтанҳо”* (“*разговор*ы”), “*шукуфтанҳо*” (“*цветения*»), употребляться с предлогами: «*Ман* ***ба хондан*** *меравам*» («*Я иду учиться*»), послелогом ***-ро***: «*Ман* ***хонданро*** *дуст медорам*» («*Я люблю учиться*»), изафетом ***–и: «Хондани*** *китоб ба ман маъқул аст”* (“*Чтение книг мне нравится*”) и выполнение роли любого члена предложения: **«*Хондан*** *хуб аст*» **(«*Учиться*** *– хорошо*») – подлежащего, «*Мақсад илм* ***омухтан аст***” (“*Цель –* ***изучать*** *науку*”) – сказуемого, “***Расм кашиданро*** *омухтам*” (“*Научился* ***рисовать”***), «***Ба кор кардан*** *омадем*» («*Приехали* ***работать»***), “*Ӯ қобилияти* ***хондан*** *дорад*” (“*У него способность* ***учиться****”).* Вместе с тем инфинитив таджикского языка сохраняет процессуальную семантику и связь с глагольной основой и имеет глагольные признаки (переходность/непереходность, способ глагольного действия, глагольное управление). Ученый рассматривал масдар как основную отглагольную форму с двойственной – именной и глагольной – природой. Исследования ученого по морфо-

логии таджикского языка широко использовались в академической «Грамматике современного таджикского литературного языка».

Согласно точке зрения другого исследователя таджикского языка А.Мирзоева, «масдар – нефинитная форма глагола, которая содержит признаки имени и глагола»; его следует рассматривать «как результат исторического взаимодействия имени и глагола»; он демонстрирует более тесную связь с именем существительным и «в значительно большей степени сохраняет именные свойства, и это проявляется как в морфологии, так и в синтаксисе», однако полностью утратить связь с глагольной системой инфинитив не смог [9, с.53].

По мнению В.С.Расторгуевой, «основная форма инфинитива в таджикском языке сама по себе не выражает времени, однако «всей системе форм инфинитива в целом не чужды категории видо-временных отношений, поскольку имеется специальная длительная (определенная) форма инфинитива с вспомогательным глаголом «*истодан*» («*стоять*», «*пребывать*»): «*хонда истодан*» - «*читать*» в какой-то определенный момент в прошлом или настоящем [13, с.144].

У.Абдурахмонов придерживается мнения о том, что «вопрос о структуре и месте инфинитива относится в таджикском языкознании к числу спорных, так как инфинитив – неспрягаемая форма глагола в своей основной форме является одновременно именем действия («*кардан*» – «*делание*», «*совершени*е»; «*мондан*» – «оставление»), поэтому наряду с глагольными свойствами обладает грамматическими признаками существительных: он может иметь при себе артикль неопределенности, сочетаться с предлогами, послелогом ***–ро,*** принимать суффикс ***–ҳо*** и входить в изафетную конструкцию*»*» [1, с.19].

И.Б.Мошеев, исследуя инфинитив русского и таджикского языков в сопоставительном плане, утверждает: «Русский инфинитив, в отличие от таджикского, особых именных свойств не имеет. Однако ограничиваться исключительно именной трактовкой таджикского инфинитива также невозможно, поскольку он сохраняет связь с глагольной основой, способен выражать процессуальность и участвует в образовании аналитических глагольных конструкций» [10, с.160]. Ученый считает, что «глагольная природа инфинитива таджикского языка особенно отчетливо проявляется в том, что ему свойственна такая чисто глагольная грамматическая категория, как залог. В таких случаях основная форма инфинитива используется всегда в значении основного (действительного) залога: «*хондан*» («*читать»*), а сложная форма, образованная при помощи вспомогательного глагола «*шудан*» («*делаться*», «*сделаться*»), всегда имеет пассивное (страдательное) значение: «*хонда шудан*» («*быть прочитанным*»)» [10, с.161].

Сопоставительный анализ исследуемой формы в русском и таджикском языках в морфологическом плане показывает, что русский инфинитив обладает более высокой степенью интеграции в систему глагола. Он активно участвует в образовании аналитических форм, сочетается с модальными и фазовыми глаголами, способен выражать видовые различия. Таджикский масдар, напротив, чаще функционирует как отвлеченное имя действия [6, с.158].

Дальнейшее изучение проблемы частеречной принадлежности инфинитива русского и таджикского языков демонстрирует, что данная категория занимает

особое положение не только в морфологической системе языка, но и в сфере синтаксической организации речи. Именно синтаксическое функционирование инфинитива во многом определяет сложность его грамматической квалификации. В русском и таджикском языках инфинитивные формы показывают различные модели взаимодействия с другими частями речи, что обусловлено типологическими особенностями данных языков.

Особый интерес представляет вопрос о способности инфинитива участвовать в выражении предикативности. Традиционная грамматика связывала предикативность прежде всего с категориями лица и времени. Поскольку инфинитив лишен данных категорий, многие исследователи отрицали возможность его самостоятельной предикации. Однако фактический языковой материал свидетельствует об обратном, так как в сравниваемых языках инфинитив способен реализовывать предикативную функцию даже без участия личной формы глагола, например, в русском языке: «***Не догнать*** *тебе его*», «***Быть*** *грозе*», «*Умом Россию* ***не понять***». Подобные конструкции представляют собой самостоятельные коммуникативные единицы, обладающие ярко выраженной модальностью и воспринимающиеся как полноценные высказывания; в них инфинитив, реализуя предикативную функцию, становится центром высказывания и выражает сложный комплекс модальных значений.

Ученые-русисты считают, что способность к самостоятельной предикации является главным аргументом в пользу глагольной природы инфинитива. Так, Г.А.Золотова отмечала, что инфинитив концентрирует в себе модально-предикативное значение, а это значит, что инфинитивные предложения основаны не на временной, а на модально-ситуативной предикации [7, с.49]. Согласно В.В.Бабайцевой, «инфинитивные предложения характеризуются особым типом предикативности, основанным не на категории времени, а на модально-ситуативной соотнесенности» [2, с.68]. Значит, в русском языке данное свойство существенно отличает инфинитив от имени существительного.

Вопрос о предикативности инфинитива тесно связан с проблемой его коммуникативной функции. Русский инфинитив широко используется в разговорной речи для выражения приказа, просьбы, оценки, сомнения или эмоционального состояния. В таких конструкциях действие представляется как необходимое, возможное, неизбежное или запрещенное. Это существенно расширяет функциональные возможности инфинитива и укрепляет его связь с глагольной системой [7, с.53]. Например: «*Только* ***мечтать***!», «***Не шуметь!***». Такие конструкции обладают высокой степенью экспрессивности и активно функционируют в различных стилях речи. По мнению Г.А.Золотовой, «экспрессивный потенциал инфинитива объясняется его способностью сочетать отвлеченность и процессуальность» [7, с.59]. Следовательно, инфинитив обозначает действие вне конкретной временной локализации, благодаря чему воспринимается как потенциальное или универсальное, и это качество делает его особенно удобным средством выражения модальности.

Таджикский инфинитив реже употребляется в таких структурах и обычно требует дополнительных аналитических элементов; иначе говоря, в подобных

конструкциях структура обычно более аналитична, поэтому для выражения модально-предикативных значений и передачи эмоционально-оценочных значений используются аналитические средства [1, с.26]: «*лозим аст*» («нужно»), «*мумкин аст*» («можно»), «*бояд*» («необходимо»), например: «*Набояд* ***фаромӯш кард***» («*Не следует* ***забывать***»), ***Хондан*** *лозим аст*» («*Необходимо* ***учиться***», «*Кош* ***рафтан*** *мумкин мебуд*» («*Если бы можно было* ***уйти***»). Здесь модально-предикативное значение формируется всей конструкцией, а не самим инфинитивом и распределяется между несколькими компонентами, тогда как русский инфинитив способен концентрировать его внутри одной формы.

Некоторые исследователи объясняют данное различие русского и таджикского языков типологическими особенностями. Русский язык характеризуется более развитой системой синтетических средств и допускает высокую степень грамматической концентрации внутри одной формы. Таджикский язык, напротив, тяготеет к аналитическим конструкциям и распределению грамматических значений между несколькими компонентами [6, с.160].

В современной функциональной грамматике проблема частеречной принадлежности инфинитива рассматривается значительно шире, чем в традиционном морфологическом описании. Исследователи все чаще обращают внимание не столько на формальные признаки инфинитива, сколько на его участие в организации высказывания и выражении коммуникативных значений. Такой подход позволяет по-новому оценить место инфинитива в системе частей речи и объяснить его промежуточный характер.

Одним из наиболее спорных вопросов остается проблема соотношения инфинитива и имени действия. В русском языке разграничение между инфинитивом и отглагольным существительным обычно проводится достаточно последовательно. Инфинитив сохраняет процессуальность, способность к управлению и связь с категорией вида, тогда как девербатив постепенно утрачивает глагольные свойства и входит в систему существительного. Однако ряд исследователей считает подобное разграничение условным.

Интересно, что в таджикском языке граница между масдаром и именем действия выражена значительно менее отчетливо. Масдар способен употребляться практически во всех синтаксических позициях существительного, сохраняя при этом связь с глагольной основой. Например: «*хондан*» («*чтение*», «*читать*»), «*навиштан*» («*писание*», «*писать*»). В зависимости от контекста одна и та же форма может интерпретироваться как процесс или как отвлеченное действие. По наблюдениям Ш.Рустамова, подобная синкретичность является одной из важнейших особенностей таджикской грамматической системы [15, с.94]. Исследователь подчеркивал, что масдар не может быть однозначно отнесен ни к существительному, ни к глаголу, поскольку сочетает признаки обеих категорий.

Некоторые современные лингвисты предлагают использовать для обозначения подобных форм термин «вербоид». Под вербоидом понимается промежуточная грамматическая единица, обладающая одновременно признаками глагола и имени. В русской лингвистике данная концепция получила распространение прежде всего в исследованиях неспрягаемых форм глагола.

Однако не все ученые согласны с необходимостью выделения особого класса вербоидов. Так, В.В.Виноградов считал, что подобная классификация излишне усложняет систему частей речи [4, с.341]. По мнению ученого, инфинитив следует рассматривать в рамках глагольной парадигмы, поскольку именно глагольные признаки определяют его функциональную специфику.

Противоположной позиции придерживались представители функционального синтаксиса. Они подчеркивали, что синтаксическое поведение инфинитива существенно отличается от поведения личных форм глагола. Например, инфинитив способен выступать подлежащим: «***Жить*** **–** *Родине* ***служить***» (в данном предложении сказуемое также выражено инфинитивом), «***Курить*** *вредно*». Личная форма глагола подобную функцию выполнять не может. Следовательно, инфинитив обладает особыми синтаксическими свойствами, выходящими за пределы традиционной глагольной системы.

Показательно и различие в сфере модальности. Русский инфинитив способен самостоятельно выражать приказ, просьбу, необходимость или невозможность. Например: «***Молчать****!*», «***Не курить***!», «***Стоять*** *смирно*!». В таджикском языке подобные значения обычно передаются аналитически: «***Хомӯш истодан*** *лозим*», «***Тамоку кашидан*** *мумкин нес*т». Сопоставительное исследование показывает, что именно модальность является одной из важнейших сфер, в которых проявляется специфика инфинитива как особой грамматической формы. Его способность сочетать процессуальность с отвлеченностью позволяет выражать широкий спектр субъективных и объективных значений.

Одним из наиболее убедительных аргументов в пользу особого статуса инфинитива русского и таджикского языков является его участие в образовании аналитических форм. Русский инфинитив активно используется в сочетании с фазовыми, модальными и предикативными словами: «*начать читать*», «*продолжать работать*», «*хотеть поехать*», *«уметь понять», «надо идти*». Инфинитив в таких конструкциях становится обязательным компонентом составного сказуемого и образуют важную часть глагольной системы русского языка.

В таджикском языке аналогичные конструкции также чрезвычайно распространены: «*мехоҳам равам*» («*хочу пойти»),* «*метавон фаҳмид*» («*можно понять*»), «*лозим аст хондан*» («*нужно учиться*»), «*сар кардан ба хондан*» («*начать читать*»). Здесь значение распределяется между несколькими компонентами конструкции, и аналитический характер конструкции выражен значительно ярче.

Сопоставительный анализ показывает, что русский инфинитив обладает значительно большей степенью синтаксической самостоятельности, чем таджикский. Он способен реализовывать широкий круг функций без обязательной поддержки вспомогательных элементов. Таджикский инфинитив чаще выступает как часть аналитической конструкции и сохраняет более тесную связь с именной системой.

Несмотря на различия, обе формы объединяет способность обозначать действие отвлеченно, без конкретизации субъекта и времени. Именно это общее

свойство позволяет рассматривать русский инфинитив и таджикский масдар как функционально соотносительные категории.

В современной лингвистике существует несколько основных критериев определения частеречной принадлежности слова: семантический, морфологический и синтаксический. Однако применение данных критериев к инфинитиву нередко приводит к противоречивым результатам. С точки зрения семантики инфинитив обозначает действие, что сближает его с глаголом. С точки зрения синтаксиса он способен выполнять функции, характерные для существительного. Морфологически инфинитив лишен категорий лица, времени и наклонения, что также затрудняет его однозначную классификацию.

Особую роль в определении частеречной принадлежности инфинитива играет проблема управления. Русский инфинитив свободно управляет зависимыми словами: «*читать книгу*», «*строить дом*», «*любить музыку*». Подобная способность традиционно рассматривается как важнейший глагольный признак. Имя существительное не обладает столь широкими возможностями управления процессуальными объектами.

В таджикском языке масдар также способен присоединять зависимые компоненты, однако структура подобных сочетаний отличается большей аналитичностью. Например: «*китоб хондан*» («*читать книгу*»), «*ба кор рафтан»* («*идти на работу*»). В некоторых случаях зависимые элементы оформляются с помощью служебных слов, что сближает данные конструкции с именными словосочетаниями.

Интересно, что в русском языке инфинитив нередко утрачивает собственно процессуальное значение и приобретает более отвлеченный характер. Особенно заметно это в устойчивых сочетаниях и фразеологических конструкциях: «*жить-поживать*», «*ни дать, ни взять*», «*быть или не быть*». Инфинитив в таких случаях выполняет не столько номинативную, сколько экспрессивно-стилистическую функцию.

Некоторые исследователи рассматривают подобные конструкции как свидетельство высокой степени функциональной гибкости инфинитива. По мнению Н.Ю.Шведовой, инфинитив способен переходить из сферы чисто грамматической в сферу коммуникативной организации текста [14, с.223]. Именно этим объясняется его активное участие в художественной и разговорной речи.

В таджикском языке инфинитив также широко используется в устойчивых выражениях и пословицах. Например: «***Омӯхтан*** *– нур аст*» («*Учение – свет*»), «***Донистан*** *беҳ аз* ***надонистан***» («*Знать лучше, чем не знать*»). Здесь масдар выступает как средство выражения обобщенного жизненного опыта и сближается с отвлеченным существительным.

Вопрос о самостоятельности инфинитива как части речи особенно активно обсуждался в первой половине XX века. Некоторые представители формальной школы предлагали выделять инфинитив в отдельную категорию, не сводимую ни к имени, ни к глаголу. Основанием для подобного подхода служило сочетание разнотипных признаков внутри одной формы.

Одним из ключевых аргументов в пользу глагольной природы русского инфинитива является его тесная связь с категорией вида. Главным аргументом становилась его способность участвовать в системе видовых противопоставлений. Русский инфинитив сохраняет категорию вида: *«читать» – «прочитать», «писать» – «написать», «строить» – «построить»*. Такая корреляция отсутствует у существительных и рассматривается как один из важнейших глагольных признаков. Данные корреляции отражают различие между процессуальностью и результативностью действия и являются характерной особенностью именно глагольной системы. По мнению Ю.С.Маслова, видовая корреляция представляет собой одно из наиболее убедительных доказательств принадлежности инфинитива к глаголу [8, с.176]. Исследователь подчеркивал, что ни одна именная категория не обладает столь развитой системой аспектуальных противопоставлений.

В таджикском языке ситуация существенно отличается. Инфинитив не имеет видовых коррелятов, поскольку в таджикском языке отсутствует категория вида, а значение завершенности действия передается лексически или аналитически. Например, русские пары «*читать – прочитать*» или «*писать – написать*» в таджикском языке выражаются с помощью дополнительных компонентов: «*хондан*» – «*хонда тамом кардан*», «*навиштан*» – «*навишта анҷом додан*». Это свидетельствует о более слабой интеграции масдара в систему глагольных категорий. Некоторые исследователи считают именно отсутствие развитой видовой системы одной из причин более выраженной номинативности таджикского инфинитива. По наблюдениям А.Мирзоева, «масдар в таджикском языке сохраняет значительную степень отвлеченности и ближе к имени действия» [9, с.61]. Это еще раз подтверждает различие в степени глагольности русского инфинитива и таджикского масдара.

Следует обратить внимание и на проблему словообразовательных связей инфинитива. В русском языке инфинитив тесно связан с системой глагольного словообразования. От инфинитивной основы образуются личные формы, причастия, деепричастия и другие производные единицы. Аналогичная связь укрепляет положение инфинитива внутри глагольной системы.

В таджикском языке инфинитив также участвует в словообразовательных процессах, однако его производные нередко обнаруживают более выраженную номинативность. Это объясняется общей аналитической направленностью таджикской грамматики.

Проблема частеречной принадлежности инфинитива тесно связана и с вопросом о границах частей речи как таковых. Современная лингвистика все чаще отказывается от жестких классификаций, признавая существование переходных и синкретичных категорий. Инфинитив является одним из наиболее ярких примеров подобной переходности.

Сопоставительный анализ русского инфинитива и таджикского масдара показывает, что обе формы сочетают признаки различных грамматических классов. Однако степень проявления данных признаков неодинакова. Русский инфинитив значительно ближе к глаголу, тогда как таджикский масдар сохраняет более тесную связь с именем существительным. Тем не менее ни русский и ни таджикский

инфинитив не могут быть полностью отождествлены с именем действия. Их процессуальная семантика, способность участвовать в выражении модальности и связь с системой глагольных отношений свидетельствуют о сохранении важнейших глагольных характеристик.

Следовательно, проблема частеречной принадлежности инфинитива остается открытой и продолжает привлекать внимание исследователей. Многообразие научных подходов объясняется прежде всего сложной природой инфинитива, сочетающего признаки различных грамматических классов и функционирующего одновременно на нескольких уровнях языковой системы. Ее решение требует комплексного подхода, учитывающего взаимодействие семантических, морфологических и синтаксических факторов. Только подобный подход позволяет адекватно описать сложную природу инфинитива и определить его место в системе частей речи русского и таджикского языков.

Таким образом, инфинитив следует рассматривать не как периферийное явление грамматики, а как особую категорию, отражающую сложное взаимодействие глагольности и номинативности в языке. Его исследование имеет важное значение не только для теоретической грамматики, но и для сопоставительного языкознания, функциональной лингвистики и методики преподавания русского языка в условиях билингвизма.

Литература

1. Абдурахмонов У. Неспрягаемые глагольные формы в современных таджикском и персидском языках. – Душанбе: Дониш, 1988. – 168 с.
2. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968. – 160 с.
3. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623с.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
5. Граматика современного литературного языка. Ч.1: Фонетика ва морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 355 с. (на тадж.яз.)
6. Джабборова М.Т. Система неличных форм глагола в русском и таджикском языках (сопоставительный аспект). –Душанбе: РТСУ, 2005. – 300с.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 350с.
8. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. –263 с.
9. Мирзоев А.М. Фраза в таджикском языке. – Душанбе, 2002. – 148с. (на тадж.яз.)
10. Мошеев И.Б. Сопоставительная типологиярусского и таджикского языков. – Душанбе, 1991. – 232с.
11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. –М.: Учпедгиз, 1956. – 512 с.
12. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1-2. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.
13. Расторгуева В.С., Керимова А.А. Система таджикского глагола. – М.: Наука, 1964. – 291 с.
14. Русская грамматика. –М.: Наука, 1980. – 789с.
15. Рустамов Ш. Классификация частей речи и положение существительных. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 92с. (на тадж.яз.)
16. Современный русский язык. Морфология: учебник для студентов фил. фак. вузов / С.И.Богданов, М.Д.Воейкова, В.Б.Евтюхин и др. – СПб., 2007. – 662с.
17. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.

PART-OF-SPEECH STATUS OF THE INFINITIVE IN THE RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

Jabborova Marhabo Tukhtasunovna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (m.)

This article deals with various scholarly approaches to defining the grammatical status of the infinitive in Russian and Tajik, identifies key points of debate regarding the nature of the infinitive, and explores the specific features of its functioning within the language system and in speech. Particular attention is paid to the interplay between verbal and nominal characteristics of the infinitive in the languages under comparison, as well as its position within the system of parts of speech. Based on a comparative analysis of Russian and Tajik, the study establishes typological similarities and differences in the functioning of infinitive forms, along with their specific peculiarities. It is noted that the Russian infinitive is significantly closer to the verb, whereas the Tajik "masdar" retains a closer connection to the noun; nevertheless, processual semantics, the expression of modality, and the link to the system of verbal relations demonstrate the retention of essential verbal characteristics.

Keywords: infinitive; "masdar"; parts of speech; Russian language; Tajik language; verboid; verb; verbal noun; grammatical status; functional grammar; syntax; comparative linguistics.

МАСЪАЛАИ МАВҚЕИ МАСДАР ДАР СИСТЕМАИ ҲИССАҲОИ НУТҚИ ЗАБОНҲОИ РУСӢ ВА ТОҶИКӢ

Ҷабборова Марҳабо Тухтасуновна

Доктори илмҳои филология,
профессори кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (моб.)

Дар мақола масъалаи тааллуқи ҳиссаи нутқии масдар дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Равияҳои гуногуни илмӣ оид ба муайян намудани мақоми грамматикии масдар дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ таҳлил гардида, хусусиятҳои семантикӣ, морфологӣ ва синтаксисии онҳо шарҳ дода мешаванд. Таваҷҷуҳи асосӣ ба муносибати аломатҳои феълӣ ва номии масдар, инчунин ба ҷойгоҳи он дар низоми ҳиссаҳои нутқ равона шудааст. Дар мақола андешаҳои забоншиносони рус, тоҷик ва олимоне, ки бо таҳқиқи муқоисавии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ машғуланд, тасвир карда шуда, масъалаҳои баҳсталаби табиати грамматикии масдар

мавриди таҳлил қарор мегирад. Дар асоси таҳлили муқоисавӣ монандиҳо ва фарқиятҳои типологии инфинитиви русӣ ва масдари тоҷикӣ муайян карда мешаванд. Гуфта мешавад, ки инфинитиви русӣ ба феъл наздиктар аст, дар ҳоле ки масдари тоҷикӣ бо исм робитаи зичтарро нигоҳ медорад; аммо семантикаи амалу ҳолат, ифодаи модалӣ ва алоқамандӣ бо системаи феъл аз ҷой доштани хусусиятҳои муҳими феълӣ шаҳодат медиҳанд.

Калидвожаҳо: инфинитив; масдар; ҳиссаҳои нутқ; забони русӣ; забони тоҷикӣ; вербоид; феъл; номи амал; мақоми грамматикӣ; грамматикаи функционалӣ; синтаксис; забоншиносии муқоисавӣ.

УДК 811.33

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Королькова Анжелика Викторовна

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка №4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 952 39 46, доб. 3746
korolkova-avk@rudn.ru

Кривченкова Ирина Владимировна

Старший педагог дополнительного образования
кафедры русского языка №4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 952 39 46, доб. 3746
krivchenkova-iv@rudn.ru

Басанова Дарья Ильинична

Магистрант кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 92 705 5816 (м.)
darya.basanova9@gmail.com

В статье подвергается анализу феномен прецедентности, определяются границы понятия *прецедентный феномен*, в который включаются понятия *прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя.* Прецедентные высказывания включают в себя афоризмы (антиафоризмы), крылатые выражения, пословицы (антипословицы) и в настоящее время рассматриваются как особый пласт фразеологии (при широком толковании понятия). В рамках прецедентного высказывания (прецедентного текста) анализируются особенности функционирования афоризмов, крылатых выражений (крылатых слов), литературных цитат. Прецедентные феномены русской лингвокультуры репрезентируют ценностные доминанты национальной картины мира, они воспроизводимы, узнаваемы и имеют особое значение для описания русской языковой и концептуальной картины мира. Прецедентные высказывания и преце-

дентные тексты (афоризмы, литературные цитаты, крылатые выражения) отражают в диахронии ценностные приоритеты социума, в том числе ценности и антиценности этнокультуры, прецедентные ситуации (реже всего встречающиеся в медийном пространстве) выражают представления этноса о стереотипные рецепты деятельности, прецедентные имена способствуют формированию и поддержанию национального культурного кода. Прецедентные феномены выполняют различные комплексные функции в современном медиапространстве: номинативные и персуазивные функции, людические и парольные функции. Прецедентные феномены в текстах современного медиапространства реализуют стратегии адресантов, в том числе стратегии рекуррентности, модально-оценочную и стратегию прагматического воздействия.

Ключевые слова: прецедентный текст; прецедентный феномен; прецедентное имя; прецедентная ситуация; прецедентное высказывание; функции прецедентных текстов.

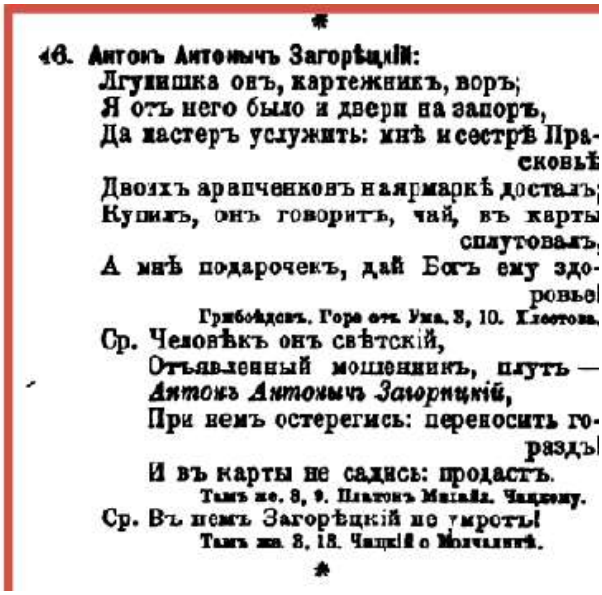
Введение. Понятия «прецедентный текст», «прецедентный феномен» появились в теории языкознания в XX веке, хотя интерес к метким выражениям, «крылатым словам», фразеологизмам, пословицам и поговоркам существовал со времен античности.

В конце XIX – начале XX вв. в России начинают появляться словари крылатых выражений, метких слов. Среди них особо следует отметить словарь М.И.Михельсона «Ходячие и меткие слова», а также труд «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» в 2-х томах [20; 21; 22; 23].

В Предисловии к словарю «Ходячие и меткие слова» М.И.Михельсон отмечает, что со времен античности и средневековья (называет Аристотеля, Плутарха, Квинтилиана, Эразма Роттердамского) появляются специальные книги «цитат», «сентенций», «пословичных изречений», «метких слов». «Изречения мудрецов, а также подслушанные в народе меткие слова, выражая в возможно краткой форме, то в прямом смысле, то удачными сравнениями, то иносказательно, – ту или другую мысль или известное понятие, делались любимыми, общеупотребительными, большинству знакомыми словами: отличаясь не только оригинальностью и красотою формы, но и своею убедительностью и многовековою авторитетностью, они «вошли в ход», приняты и усвоены обществом, и сделались ходячими – наравне с ходячими монетами, всеми принимаемыми и имеющими свою известную цену» [20, с.III]. По сути, М.И.Михельсон собрал в данном словаре разного рода устойчивые воспроизводимые обороты речи, а также слова (словосочетания), которые общеизвестны, оригинальны, «красивы по форме», убедительны и авторитетны.

Приведенное пояснение М.И.Михельсона соотносится с определением прецедентных текстов, которое в 80-е годы XX в. дал Ю.Н.Караулов. Прецедентными текстами он называл такие, которые являются значимыми «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях»; «имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников»; «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [9, с.216].

В словаре «Ходячие и меткие слова» приводится ряд «ходячих и метких слов», которые были известны современникам М.И.Михельсона (конец XIX – начало XX вв.), многие из них в настоящее время также входят в активный запас языка и употребляются как прецедентные имена; среди них, например, *Антон Антоныч Загорецкий, Ляпкин-Тяпкин, Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, Базаров (Базаровщина), Дон Жуан, Квазимодо* и пр. В словаре прецедентные имена иногда толкуются, но всегда к ним приводятся контексты из литературных произведений.



16. Антонъ Антонычъ Загорѣцкій:
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ;
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ, чай, въ карты спрутовалъ,
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!
Грибоѣдовъ. Горе отъ Ума. 3, 10. Хлестова.
Ср. Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ —
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій,
При немъ остерегись: переносить гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ.
Тамъ же. 3, 9. Платонъ Михайл. Чацкому.
Ср. Въ немъ Загорѣцкій не умеръ!
Тамъ же. 3, 13. Чацкій о Молчалинѣ.

В начале XX в. в России помимо словарей М.И.Михельсона было издано несколько десятков словарей крылатых слов и выражений, афоризмов, сборников изречений известных писателей, философов, ученых. Некоторые деятели культуры сами создавали сборники своих изречений. Например, книга «Мысли и афоризмы» музыканта А.Г.Рубинштейна, в которой приводятся, в частности, следующие афоризмы:

«***Деспоты*** *никогда не считают народ достаточно зрелым для свободы.*

Клевета *– столь же опасное оружие, как и огнестрельное»* [31].

В качестве примера приведем также словарь С.Н.Максимова «Крылатые слова. Не всегда и неспроста слово молвится и до веку не сломится», словарные статьи в котором весьма объемные, каждая из них представляет собой краткое описание какого-либо события, ставшего основанием для возникновения крылатого выражения или крылатого слова [19]. По сути, словарь С.Н.Максимова представляет собой сборник очерков, среди которых следующие: ***десятая вина, ильинская пятница, дороже Каменного моста, подкузьмить и объегорить, правда голая, послов не рубят, по земле и вода*** и пр.

В начале XX в. в России появился особый интерес к словарям афоризмов, крылатых выражений, метких и образных слов. На протяжении всего XX в. пе-

риодически создавались словари и сборники крылатых выражений и афоризмов, в которые включались словарные единицы, рассматриваемые в современной теории фразеологии (в широком понимании термина) как прецедентные.

Материалы и результаты исследования. Материалом исследования стала картотека прецедентных текстов, извлеченных из различных дискурсов современного медиапространства в количестве ста контекстов.

Вначале следует уточнить, что в современной лингвистике понимается под прецедентным текстом, прецедентным феноменом. Литература по этому вопросу весьма обширна, так как системное изучение прецедентности начинается с 80-х гг. XX в. Так, о прецедентности писали (помимо Ю.Н.Караулова) В.В.Красных, Ю.Е.Прохоров, В.Г.Костомаров, Д.Б.Гудков, В.И.Макаров, В.Л.Латышева, Г.Г.Слышкин, Н.В.Иноземцева, Н.М.Орлова и др. [14; 15; 164 30; 13; 5; 18; 17; 32; 7; 27; 28]. Заметим, что теория прецедентности рассматривается с различных позиций, что и обуславливает множественность интерпретации и объяснения феномена.

Ю.Н.Караулов, как уже отмечалось, полагал, что прецедентные тексты – это краткие, значимые для социума и отдельных его представителей, повторяющиеся тексты, которые имеют «хрестоматийный характер», то есть знакомы и узнаваемы в любом широком контексте. Караулов также отмечал особые хронотопические параметры прецедентных текстов. Он полагал, что прецедентность имеет хронотопическую маркированность, то есть тексты могут являться прецедентными в зависимости от исторического времени.

Так, в упомянутом словаре «Ходячие и меткие слова» М.И.Михельсона приводятся, например, такие слова и выражения ***ментор*** (в значении наставник), ***Мессалина*** (развратная женщина), ***мешок в чести*** (о почете из-за богатства), ***из блох голенища кроить*** (о скряге), ***на счет прусского короля*** (трудиться даром), ***нашествие двунадесяти языков 1811 года*** (о нашествии Наполеона), ***не во гнев будет сказано*** (не в обиду будет сказано), которые в настоящее время ушли из активного запаса языка.

По концепции Ю.Н.Караулова, прецедентные тексты обязательно должны быть многократно воспроизводимы и давать возможность множественной интерпретации, то есть употребляться в контекстах различного семантико-стилистического плана. Ю.Н.Караулов полагал, что существует несколько способов, как прецедентный текст может воспроизводиться в общественном сознании и в публицистическом пространстве. **«Натуральный»,** когда текст доходит до адресата в первозданном виде; **«вторичный»**, когда текст преобразуется в другую форму искусства или становится предметом размышлений; **«семиотический»,** когда к оригиналу отсылают аллюзия, намёк или признак. В таком случае в коммуникацию может включаться или весь текст, или его значимый фрагмент как целостная единица. Согласно Ю.Н.Караулову, именно этот способ и является по-настоящему прецедентным. Концепция Ю.Н.Караулова в настоящее время является отправной точкой для практико-теоретического исследования прецедентности.

Отметим, что в настоящее время прецедентность рассматривается с точки зрения лингвокультурологического подхода и с точки зрения когнитивного подхода. В каждой из концепций содержится множество теоретических постулатов, которые дополняют друг друга. Так, например, согласно положениям В.В.Красных и Д.Б.Гудкова (когнитивный подход), прецедентные тексты (предлагается изменить границы прецедентности) репрезентируют концепты русской картины мира, именно поэтому они воспроизводимы, узнаваемы и имеют особое значение для описания русской языковой и концептуальной картины мира.

В.В.Красных, Д.Б.Гудков, Д.В.Багаева, И.В.Захаренко вводят понятие прецедентного феномена, прецедентной ситуации [6]. Прецедентные тексты могут включать имена, значимые для культуры, могут содержать намек на прецедентную ситуацию. По мнению названных исследователей, прецедентный текст в целом зачастую не может использоваться в полном объеме, поэтому вводится понятие *символ прецедентного текста* (зачастую это прецедентное имя), т.е. прецедентный феномен в широком толковании включает в себя прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания. Уточним названные понятия.

Прецедентный текст – это «полипредикативная единица; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену национально культурного общества; в когнитивную базу входит инвариант его восприятия» [5, с.107].

Прецедентные высказывания – это воспроизводимые продукты речемыслительной деятельности этноса (пословицы, крылатые выражения, афоризмы, литературные цитаты).

Прецедентная ситуация – важная, знаковая для определенной лингвокультуры ситуация, входящая в когнитивную систему языка и речи (свадьба, окончание школы, поступление в первый класс, празднование Рождества и пр.)

Прецедентное имя – это особый воспроизводимый знак лингвокультуры, связанный с конкретной прецедентной ситуацией и конкретным лицом (или персонажем художественного текста), т. е. какое-либо имя собственное становится прецедентным в силу исторических и лингвокультурных причин (Анна Каренина, Кузьма Минин, Федор Михайлович Достоевский, Столыпин, Николай II и пр.), в качестве прецедентных могут выступать и антропонимы мифологического характера (Бага Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, Русалка и пр.)

В настоящее время в современном медиапространстве подавляющая часть прецедентных феноменов актуализируется посредством употребления именно прецедентных имен, самым частотным из которых является имя А.С.Пушкина. Заметим, что употребление прецедентного имени может стать концептуальным ядром для трансформированных пословиц, антиафоризмов, крылатых выражений.

Так, в медиапространстве частотна фраза: «*… А кто, Пушкин будет за тебя <делать, строить, изучать, создавать* и пр.>»?

«А уроки за тебя кто, Пушкин делать будет?» (частотная фраза школьного дискурса советского времени).

«А за квартиру Пушкин платить будет»?

«А дверь закрывать за тебя Пушкин будет»?

Приведенные ироничные фразы построены по модели фраз из романа М.Булгакова, когда персонаж Никанор Иванович Босой произносит:

«А за квартиру Пушкин платить будет?»

«Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?»

«Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?».

Полагаем, что **прецедентные высказывания вполне соотносимы с такими лингвистическими фразеологическими категориями как крылатые слова и выражения, афоризмы, литературные цитаты.** Афоризмы (антиафоризмы), крылатые выражения, пословицы (антипословицы) в настоящее время рассматриваются как особый пласт фразеологии (при широком толковании понятия) и, по мнению большинства лингвистов, входят в состав прецедентных феноменов.

Особенно частотными в современном русскоязычном медиапространстве являются крылатые выражения, которые представляют собой прецедентные символы лингвокультуры. Крылатые выражения в отличие от афоризмов могут утратить «печать авторства», когда носители языка понимают, что фраза принадлежит «кому-то из классиков» и имеет хрестоматийный характер.

С.Г.Шулежкова полагает, что крылатые единицы (включая крылатые слова и крылатые выражения) – это «особые языковые знаки», которые «отягощены» своеобразным семантическим «довеском», «генетической памятью об авторе, создавшем КЕ; о произведении, из которого она вычленилась, или историческом событии, послужившем основой для её возникновения. Семантический «довесок», сохранённый генетической памятью носителей языка, характерен для всех КЕ (и КС, и КВ) [34, с.64].

Значительное количество крылатых единиц в современном языке (и медиапространстве) являются своеобразным отражением ценностных ориентиров социума. Крылатые выражения, имеющие литературное происхождение, всегда соотносятся с национальной культурой, репрезентируют его ценностные доминанты. Так, например, известное крылатое выражение «***берегите русский язык, наш великий, могучий, правдивый и свободный русский язык***». Во-первых, данное выражение является частью знаменитого стихотворения в прозе И.С.Тургенева «Русский язык». Во-вторых, далее даже из приведенной усеченной фразы вычленяется ***«великий и могучий русский язык»***, а далее по мере активно употребления в СМИ (с XIX века) от всей фразы остается ***«великий и могучий».*** В современном медиапространстве активно употребляются крылатые слова ***«великий и могучий»*** без каких-либо пояснений. В пространстве русской лингвокультуры с учетом того, что в стихотворение в прозе И.С.Тургенева изучается в рамках школьной программы, никаких дополнительных комментариев не требуется. Но при этом в медиапространстве меняется и семантика, и стилистические параметры крылатого выражения.

Приведем ряд примеров: название статьи, опубликованной в Московском комсомольце: ***«Великий и могучий. Проза жизни»***; название иронического се-

риала ***«Великий и могучий»***; название статьи, опубликованной на портале litres.ru ***«Великий и могучий: 30 фактов о русском языке»*** и пр.

Однако, в медиапространстве содержится большое количество контекстов, где крылатые слова ***«великий и могучий»*** становятся основой иронии и сарказма.

Из иронического текста «Как выжить в личной драке»: «Если не хотите попасть в больницу или того хуже, придётся становиться на одну ступеньку с агрессором, для чего просто необходимо вспомнить ***великий и могучий»*** (имеется в виду употребление бранных слов и мата) [33].

В качестве примера также можно привести крылатое выражение из известного стихотворения А.С.Пушкина «Зимний вечер»: ***буря мглою небо кроет.***

Ироническая трансформация крылатого выражения зафиксирована в «Школьном словаре крылатых выражений А.С.Пушкина» (пример в словаре взят из медийного пространства):

«***Буря мглою кроет.***
Я же бурю крою чем попало. И бегу
Да, такой неясною порою
Очень просто вышибить мозгу» (А.Калашников)» [24, с.49].

Полагаем, что частью прецедентных феноменов, несомненно, являются афоризмы. Афористика представляет собой сложное явление, изучается не только в рамках лингвистики (фразеологии), но и в литературоведении, философии, социологии, поэтому нет единого понимания природы афоризма. В ряде работ мы определяли афоризм как «краткое по форме изречение фразеологического типа, которое обладает такими свойствами, как наличие в структуре слов-концептов; паспортизированность, воспроизводимость. Афоризм может обладать такими факультативными признаками, как субъективность, оригинальность, парадоксальность, неожиданность формулировки, наличие переносного смысла, способность к выражению универсальных истин и пр.» [11, с.37].

Афоризмы можно рассматривать как прецедентные высказывания, но в том случае, когда афоризмы создаются отдельно как литературный жанр (они не являются частью больших текстов), их можно считать прецедентными текстами.

Афористика в современном медиапространстве функционирует активно. В афоризмах всегда определено авторство. Во многих случаях при использовании афоризма авторы разнообразных текстов транслируют, что изречение принадлежит конкретному автору, это оказывается важным для достижения прагматической коммуникативной цели. При этом следует указать, что в отличие от крылатых выражений, которые восходят к хрестоматийным текстам, афоризмы не всегда общеизвестны. Однако в рамках лингвокультуры имена авторов афоризмов и соответственно их изречения представляют собой определенную культурную ценность. Авторитет классиков русской культуры высок, к их мнению присоединяются; с помощью изречений известных людей авторы текстов медиапространства отстаивают свою правоту, обращают внимание на какие-либо проблемы, демонстрируют свой высокий уровень образования и пр.

Следует сказать, что в медиапространстве содержатся сотни авторских страниц, на которых опубликованы изречения И.Бродского, причем контексты далеки от обсуждения вопросов истории и теории литературы.

Например, на странице одного из психотерапевтов, предлагающих свои услуги, как эпиграф помещен афоризм И.Бродского (из его речи на вручении Нобелевской премии): «***Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека – всегда можно»;*** на страничке «Мне 50+» в рубрике «8 жизненных советов Иосифа Бродского» помещен этот же афоризм, а также на сайте «Религия и этика в изречениях и цитатах» и пр.

Известный афоризм Ф.М.Достоевского: **«*Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества»***, – активно обсуждается в медиапространстве; большое количество страниц пользователей содержат толкование и объяснение смысла изречения. Одна из страниц, на которой размещены афоризмы Ф.М.Достоевского, так и называется: «Мое толкование афоризмов Достоевского».

В целом, в русскоязычном медиапространстве содержится до четырех миллионов страниц с теми или иными афоризмами Достоевского. Если отдельно в поисковой системе Яндекс попытаться найти страницы с крылатым выражением Ф.М.Достоевского ***«красота спасет мир»,*** то найдется свыше двух миллионов страниц, среди которых множество – с толкованием самого афоризма, но, помимо этого, множество страниц психологов и салонов красоты используют данный афоризм.

Яркость и глубина образа крылатого выражения позволяет использовать его в совершенно различных контекстах, причем авторы могут и не задумываться о настоящем смысле крылатой единицы. Например, название статей ***«Красота спасет мир авто», «Так что же спасет мир: красота или уродство?»*** (о салонах красоты)***, «Путин согласился с утверждением, что красота спасет мир»*** (речь также идет не о духовном просвещении человека, а о производстве уходовой косметики), ***«Красота спасет мир, если мир спасет красоту», «О красоте и женщине, которые спасут мир»*** и пр., т. е. афоризмы писателей-классиков в современном медиапространстве используются не только в образовательных и дидактических целях, но скорее с прагматической целью создания привлекающего внимание контента (изречения классиков и крылатые выражения помещаются в заголовки и лиды статей).

Рассматривая функционирование крылатых единиц и афоризмов в медиапространстве, следует обратить внимание на такие единицы, которые образовались не из изречений писателей-классиков, философов, ученых, а появились благодаря массовой культуре (т.е. закрепились в языке из-за популярности художественных и/или мультипликационных фильмов). Подобные единицы обычно используются в иронических, шутливых, юмористических контекстах, актуализируя в сознании носителей языка факты лингвокультуры. Так, например, в последнее время частотными являются фразы из известных мультфильмов про богатырей. ***«Не смешите мои подковы»,*** – говорит персонаж конь Юлий. Эта фраза представляет собой трансформированный фразеологизм ***не смешите меня***. Примеры

названий страниц в поисковой системе Яндекс: ***«Не смешите мои подковы. Сейчас так ужен не поют», «Американцы были на луне. Не смешите мои подковы», «Я должна? Не смешите мои подковы. Поболтаем»*** и пр.

Лингво-когнитивная концепция В.В.Красных и Д.Б.Гудкова, Д.В.Багаевой, И.В.Захаренко стала основой для дальнейших когнитивных исследований прецедентных текстов в различных видах дискурсов. Появляются исследования прецедентности в политическом, молодежном, художественном, кинематографическом, мультипликационном и пр. дискурсах.

В статье «Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов» предлагается обобщающая дефиниция. Прецедентные феномены – «целостные единицы коммуникации, являющиеся апелляцией к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью для отдельно взятой языковой личности или вплоть до лингвокультурного сообщества в целом» [25, с.22]. Р.З.Назарова, М.В.Золотарев в названной статье предлагают систему иерархии прецедентных феноменов:

1. Прецедентные феномены, хорошо известные в данном лингвокультурном сообществе.
2. Прецедентные феномены, известные большой социальной группе.
3. Прецедентные феномены, известные малой социальной группе.
4. Индивидуальные прецедентные феномены.

В современном медиапространстве активны **прецедентные феномены, хорошо известные в данном лингвокультурном сообществе.** Например, в ряде текстов используются крылатые выражения из комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума», которые известны всем, кто учился в школе, так как чтение комедии включено в курс школьной программы. Так произошло с крылатым выражением: «***Пожар способствовал ей много к украшенью».***

Из блога архитектора:

«*Пожар способствовал ей много к украшенью*

Сколько ни брались правители кардинально перестроить Москву, а она все не давалась. Но есть у нас градостроитель почище царей – это пресловутый пожар. В 1812 году Москва выгорела на две трети, и это открыло широкие возможности ее реконструкции» [8].

Приведем пример **прецедентного феномена, который явно известен малой социальной группе** интеллигенции (людям, которые застали советское время и знают кто такой Булат Окуджава).

На портале «Смотрим» опубликован цикл авторских радиопередач Людмилы Борзяк «От пролога к эпилогу» [29]. У Булата Окуджавы есть замечательная авторская песня, которая называется «Я сочиняю исторический роман», в ней – строки:

«*Исторический роман сочинял я понемногу,*

Пробираясь, как в туман, ***от пролога к эпилогу***».

В реальной языковой практике современного медиапространства прецедентные феномены могут, опираясь на общеизвестные прецедентные тексты, трансформироваться и становиться приметой индивидуально-авторского стиля, по

концепции Р.З.Назаровой, М.В.Золотарева– **индивидуальные авторские прецедентные феномены:**

Из «Школьного словаря крылатых выражений А.С.Пушкина» в словарной статье:

«Белка песенки поет

Да орешки все грызет

О сомнительном качестве орехов

[Загол.] ***Белка песенки поет, а орешки не грызет*** [24].

Тревогу экспертов вызывают орехи… Недавно в результате проверки партии арахиса из Китая и Вьетнама специалисты из Центра контроля качества косметических и продовольственных товаров выявили превышение содержания токсинов в этом сырье в 250 сырья (Метро. 2001. №19)» [24, с.30].

При рассмотрении феномена прецедентности в современном медиапространстве возникает вопрос о том, какие функции они выполняют в современном медиапространстве?

Современные тексты любого дискурса в медиапространстве выполняют особые функции в соответствии с целями и задачами адресанта (индивидуального или коллективного). Прецедентные феномены в различных институциональных дискурсах могут выполнять разноплановые функции. Например, в педагогическом дискурсе они выполняют образовательную функцию, в медицинском дискурсе – аттрактивную функцию (т. е. привлекают внимание к определенной проблеме), в дискурсе моды – функцию воздействия и функцию создания определенных ассоциаций (когда имена собственные соотносятся с брендом одежды и аксессуаров, обозначая исключительность и принадлежность к элитарным группам потребителей: Шанель, Гуччи, Версаче и пр.). В современном медиапространстве прецедентные феномены выполняют определенные функции в соответствии с принадлежностью текста к тому или иному дискурсу, а также в соответствии с общими целями медиадискурса.

Уточним, что медиадискурс в поддерживаемой нами концепции Е.А.Кожемякина мыслится «как любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ. Так, можно говорить о политическом, религиозном, педагогическом и прочих медиадискурсах, подразумевая, что для своей реализации указанные типы институционального дискурса предполагают наличие относительно устойчивого набора практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации», т.е. прецедентные феномены могут быть частью любого вида медиадискурса, который репрезентирует любой вид институционального дискурса [10, с.16].

Медиапространство вслед за Н.Н.Оломской мы толкуем, как «поле функционирования дискурсов», «как особую реальность, в которой происходит коммуникативная интеракция» [26, с.114].

Н.Н.Оломская справедливо указывает: «Взаимодействуя в медиапространстве, дискурсы социально ориентированы, поскольку внутридискурсивные агенты формируются, исходя из конкретного употребления языковых средств в конкретной коммуникативной ситуации, так как все объекты медиапространства

(например, социальные структуры, организации, группы, индивидуумы) являются частью этого пространства, оказывающей влияние, в конечном итоге, на формирование картины мира в целом» [Там же].

Так как прецедентные феномены могут являться частью любого институционального медиадискурса, в конкретной коммуникативной ситуации они отвечают целям и задачам адресантов, выполняя различные функции. Основные функции прецедентных феноменов в рамках современного медиапространства связаны с их лингвистической природой и ценностными ориентирами лингвокультуры. Прецедентные феномены в медиапространстве могут прямо или опосредованно выражать этнокультурные и общечеловеческие морально-нравственные ценности, которые в конечном счете определяют мировоззрение и поведенческие паттерны этноса. Так, в русскоязычном медиапространстве функционирует большое количество национальных пословиц, афоризмов, крылатых выражений, которые востребованы как раз потому, что репрезентируют актуальные для современного общества ценностные доминанты и даже определяют одобряемые (или порицаемые) обществом поведенческие реакции, предлагают определенные стереотипы действий (в прецедентных ситуациях).

Рассматривая функции прецедентных феноменов в современном российском медиапространстве, следует отметить, что существует ряд исследовательских работ о функциях прецедентных текстов. Так, Г.Г.Слышкин в книге «От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе» утверждает, что прецедентные феномены выполняют следующие функции:

- номинативную (функцию называния фрагментов действительности с целью формирования представлений о них),
- персуазивную (когда прецедентный текст используется с целью убеждения (ссылка на авторитет, добавим, что данная функция является частью стратегии манипуляции),
- людическую (прецедентные тексты становятся частью игровой апелляции к общеизвестным фактам. Слышкин утверждает, что таким образом устанавливается успешный контакт между коммуникантами),
- парольную функцию (прецедентные феномены репрезентируют антиномии «свой»/«чужой», «плохой»/«хороший») [32].

Соглашаясь, в целом с обозначенными функциями прецедентных феноменов, приведем ряд примеров. Отметим, что прецедентные феномены в медиапространстве обычно выполняют одновременно несколько функций, что зависит от целей и задач адресантов и даже потенциальной группы адресатов.

Так, например, когда в журналистских текстах медиапространства используются афоризмы писателей-классиков (причем неважно – русских или зарубежных), то явно выполняются и номинативная, и персуазивная функции, что дает возможность автору, ссылаясь на авторитет, что-либо утверждать, не прибегая к другим доказательствам.

Во многих медийных текстах последнего времени активно употребляется крылатое выражение А.С.Пушкина ***«любви все возрасты покорны».*** Крылатые

слова Пушкина употребляются в прямом значении – люди любого возраста способны любить, но при этом полностью искажается смысл, который в свое время вкладывал Пушкин в данную фразу. В полном варианте фраза представляет собой афоризм (из «Евгения Онегина»):

«Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Её порывы благотворны,
Как бури вешние полям:
В дожде страстей они свежеют,
И обновляются, и зреют –
И жизнь могущая даёт
И пышный цвет, и сладкий плод» [12].

В современном медиапространстве использование крылатого выражения А.С.Пушкина должно подтверждать, что люди любого возраста могут любить, создавать семьи и пр.

Например, на интернет-портале «ВЦИОМ Новости» в разделе «Общество» опубликован материал под заголовком *«Любви все возрасты покорны…»* с лидом *«Если союз, где мужчина старше женщины, привычен и скорее не вызовет осуждения, то обратная ситуация – женщина старше мужчины – остается вызовом традиционным ролям м встречает заметно больше неодобрения»* [4].

При использовании прецедентных феноменов – крылатых выражений из мультипликационных и кинофильмов актуализируются людическая и парольная функции. Тексты с прецедентными именами, высказываниями, ситуациями рассчитаны на то, чтобы определить оппозицию свой/чужой (чужие не поймут юмора, не оценят имплицитную информацию), а также помогают установить дружескую коммуникативную ситуацию между «своими».

Так, например, использование крылатых выражений из мультфильма «Маша и медведь»:

«Я ж волшебное слово знаю: «Дайте»»; «Вкусновато, но маловато», «Главное – красиво поклониться», «Ох, я такая скорая на помощь» и пр.

На страничке портала о покупке/продаже животных в разделе «Ямайка – до чего ж я хороша) в Москве авито – Канадский сфинкс – Кошки – Животные»:

«***Поселите дома у бабушки и дедушки СУПЕРВНУЧКУ КОТОДЕВОЧКУ ЯМАЙКУ! Супервнучка кошечка Ямайка - идеальный вариант для вашей семьи, потому что: 1. Ямайка очень хорошо кушает на радость бабуле и дедуле ("Я ж волшебное слово знаю: «Дайте!»)»*** [35].

Прецедентные феномены в виде афоризмов, как мы уже указывали, становятся крылатыми выражениями. В медиапространстве афоризмы и крылатые выражения из текстов А.П. Чехова являются частотными, так как в яркой образной форме выражают представления социума о том, каким должен быть человек, как он должен действовать в каких-то жизненных ситуациях, то есть выполняют функцию персуазивную.

Одним из самых частотных афоризмов Чехова является изречение из пьесы «Дядя Ваня»: ***В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.*** В современном медиапространстве данное прецедентное высказывание приобретает переносное значение и даже используется в различных видах дискурсов, в которых изначальное смысловое содержание искажается, меняясь практически на противоположное.

Приведенный афоризм А.П.Чехова приводится в статье «Цитаты и умные мысли о красоте из журнала NAILS», наряду с высказываниями Мэрилин Монро, Коко Шанель, Эвелины Хромченко, Натальи Водяновой и пр. Статья является частью дискурса моды.

Различные изречения А.П.Чехова как часть прецедентных феноменов русской литературы находят отражение в других литературных произведениях. Так, в рассказе Григория Горина «Хорошее воспитание» приводится афоризм А.П.Чехова о хорошем воспитании (***хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой…***), дальнейшее развитие сюжетной линии обыгрывает афоризм в ироническом ключе. Рассказ является частью художественного дискурса.

Использование прецедентных феноменов в различных дискурсах в медиапространстве обусловлены стратегиями авторов текстов.

Самой частотной стратегией является **модально-оценочная стратегия**, автор текста использует прецедентный феномен для выражения собственной оценки коммуникативной ситуации и для того, чтобы сформировать определенное отношение у адресатов. С данной стратегией связывается **стратегия прагматического воздействия**. Например, автор текста, опираясь на авторитет автора прецедентного высказывания, эффективно воздействует на читателей.

В одной из современных телепередач на белорусском телевидении (канал СТВ) в передаче известного журналиста Николая Азаренка «Потаенное» рисуется отрицательный образ Анатоля Чубайса посредством обращения к творчеству Ф.М.Достоевского и использования его прецедентного имени:

«Чубайс ненавидел в своей жизни двоих: нашего Президента и Достоевского. Либеральная сволочь сделала все, чтобы поломать, остановить, затормозить интеграцию России и Беларуси. А про Федора Михайловича говорил так: «Вы знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как о святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски» [1].

В современном медиапространстве использование прецедентного феномена связывается со стратегией ***рекуррентности***, которая заключается в последовательном повторении в рамках какого-либо дискурса любого прецедентного феномена, что дает возможность создать особые смысловые связи между текстами, осуществлять прагматическое воздействие на адресатов.

В современном русском медиапространстве наиболее частотным прецедентным феноменом, используемым в рамках стратегии рекуррентности (что форми-

рует русское национальное лингвокультурное пространство), являются имена русских носителей классиков, деятелей культуры, ученых, исторических деятелей. Прецедентные имена в медиапространстве русской лингвокультуры формируют национальный культурный код.

Заключение. Прецедентные феномены в современном русскоязычном медиапространстве следует рассматривать как особые знаки лингвокультуры, сложные в лингвистическом плане явления фразеологического порядка. Понятие прецедентного феномена включает в себя прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные имена.

Наиболее частотными в современных текстах медиапространства являются прецедентные имена, которые являются знаками русской лингвокультуры. Прецедентные высказывания (чаще афоризмы и литературные цитаты) выражают в диахронии ценностные приоритеты социума, прецедентные тексты (афоризмы, крылатые выражения) репрезентируют ценности и антиценности этнокультуры, прецедентные ситуации (реже всего встречающиеся в медийном пространстве) выражают представления этноса о стереотипных жизненных ситуациях и предлагают стереотипные рецепты деятельности.

Прецедентные феномены выполняют различные комплексные функции в современном медиапространстве в рамках любого институционального медиадискурса, в том числе одновременно номинативные и персуазивные функции, людические и парольные функции.

Прецедентные феномены используются в текстах современного медиапространства в рамках реализации стратегий рекуррентности, модально-оценочной и стратегии прагматического воздействия.

Литература

1. Азаренок Н. «Чубайс ненавидел в своей жизни двоих: нашего Президента и Достоевского». Почему Запад хочет отменить русского классика? | Общество | СТВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ctv.by/news/obshestvo/chubajs-nenavidel-v-svoej-zhizni-dvoih-nashego-prezidenta-i-dostoevskogo-pochemu-zapad-hochet-otmenit-russkogo-klassika (дата обращения: 15.06.2026)
2. Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д.В.Багаева, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 1997. – №3. – С.62-85.
3. Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д.В.Багаева, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 1997. – №4. – С.106-118.
4. ВЦИОМ. Новости: Любви все возрасты покорны… [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ljubvi-vse-vozrasty-pokorny (дата обращения: 19.06.2026).
5. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд во Моск. ун-та, 1999. – 152 с.
6. Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В.Захаренко, В.В.Красных, Д.В.Гудков, Д.В.Багаева // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. – М., 1997. – С.82-90.

7. Иноземцева Н.В. Прецедентные феномены как лингвистические маркеры заголовков англоязычных поэтических произведений для детей» // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – №11 (147). – С.84-88.
8. История: как перестраивали Москву из века в век – INMYROOM. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.inmyroom.ru/posts/14082-istoriya-kak-perestraivali-moskvu-iz-veka-v-vek (дата обращения: 12.07.2026).
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: URSS, 1987. – 264 с.
10. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия гуманитарные науки. – 2010. – №12 (83). – С.13-21.
11. Королькова А.В. Афористика в контексте русской культуры. – Смоленск: СмолГУ, 2018. – 226 с.
12. Королькова А.В. Словарь афоризмов русских писателей / А.В.Королькова, А.Г.Ломов, А.Н.Тихонов; под рук. А.Н.Тихонова. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2004 (Н. Новгород: ГИПП Нижполиграф). – 627 с.
13. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – №1. – С.73-76.
14. Красных В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. – М., 1997. – С.8-9.
15. Красных В.В. Ментефакты – метафоры – эталоны – символы: взаимодействие подсистем лингвокультуры // Вопросы психолингвистики. – 2026. – №2 (68). – С.84-99.
16. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В.Красных, А.И.Изотов. – М.: Изд-во «Диалог-МГУ», 1997. – Вып.2. – С.5-12.
17. Латышева В.Л. Характеристика прецедентных феноменов как ядерных элементов национального языкового сознания: на материале русского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Латышева Вера Леонидовна. – Иркутск, 2011. – 19 с.
18. Макаров В.И. Субстантивные фразеологизмы и прецедентные имена // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2009. – №51. – С.73-76.
19. Максимов С.В. Крылатые слова. Не всегда и неспроста слово молвится и до веку не сломится. По толкованию С.Максимова. – СПб.: Изд-во А. Суворина, 1903. – 486 с.
20. Михельсон М.И. Меткие и ходячие слова: сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. – СПб.: Паровая скоропечатня П.О.Яблонского, 1894. – Т.VI. – 690 с. – Во 2-м изд. загл.: Ходячие и меткие слова.
21. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. – Посмертное изд. – СПб.: Тип. АО "Брокгауз – Ефрон", 1912. – Т.XII, 1046. – 103 с.
22. Михельсон М.И. Русская мысль и речь = Опыт русской фразеологии: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: [в 2 т.]. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, ценз. 1902-1903.
23. Михельсон М.И. Русские крылатые слова: иллюстрированный словарь: [6+] / Мориц Михельсон. – М.: Просвещение, 2016. – 357 с.
24. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. – 800 с.
25. Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Филология. Журналистика. – 2015. – Т.15. – Вып. 2. – С.17–23.
26. Оломская Н.Н. Медиапространство как полу функционирования дискурсов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – №2 (13). – С.113-115.
27. Орлова Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис. ... д-ра филол. н.: 10.02.19 / Орлова Надежда Михайловна. – Саратов, 2010. – 50 с.
28. Орлова Н.М. Смысловая структура и динамика прецедентной ситуации библейского истока // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2015. – №3(27). – С.128-134.

29. От пролога к эпилогу, радио, передача, слушать онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://smotrim.ru/brand/57189; https://smotrim.ru/brand/57189 (дата обращения 20.07.2026)
30. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта, 2021. – 224 с.
31. Рубинштейна А.Г. Мысли и афоризмы / пер. с нем. Н.Н.Штраух; А.Г.Рубинштейн. – СПб.: Г.В. Малаховский, ценз., 1903. – 175 с.
32. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
33. Терёхин К. «Как выжить в уличной драке» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.saveyou.ru/gorod/263-kak-vyzhit-v-ulichnoj-drake-chast2.htmlhttp://www.saveyou.ru/gorod/263-kak-vyzhit-v-ulichnoj-drake-chast2.html (дата обращения: 16.07.2926).
34. Шулежкова С.Г. Лексикографическое описание крылатых единиц: проблемы и перспективы // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – №2 (24). – С.62-72.
35. Ямайка – до чего ж я хороша) в Москве авито – Канадский сфинкс – Кошки – Животные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.doska3.com/moskva/zhivotnye/koshki/kanadskiy_sfinks/ad17944032 (дата обращения: 17.07.2026).

PRECEDENT TEXTS IN THE MODERN RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA SPACE

Korolkova Anzhelika Viktorovna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of the Russian language №4
Russian language Institute
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (495) 952 39 46, ext. 3746
korolkova-avk@rudn.ru

Krivchenkova Irina Vladimirovna

Senior teacher of additional education of the chair of Russian language № 4
Russian language Institute
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (495) 952 39 46, ext. 3746
krivchenkova-iv@rudn.ru

Basanova Darya Ilyinichna

Master's student of the Russian language chair
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+99) 92 705 5816 (m.)
darya.basanova9@gmail.com

This article analyzes the phenomenon of precedence and defines the boundaries of the concept of precedent, which includes the concepts of precedent text, precedent statement, precedent situation, and precedent name. Precedent statements include aphorisms (anti-aphorisms), catchphrases, proverbs (anti-proverbs), and are currently considered a special layer of phraseology (within a broad interpretation of the concept). Within the framework of precedent statements (precedent texts), the functioning of aphorisms, catchphrases (catchwords), and literary quotations is analyzed. Precedent phenomena of Russian linguistic culture represent the value dominants of the national worldview; they are reproducible, recognizable, and have special significance for describing the Russian linguistic and conceptual worldview. Precedent statements and precedent texts (aphorisms, literary quotations, and catchphrases) diachronically reflect the value priorities of society, including the values and anti-values of ethnic culture. Precedent situations (less common in the media) express an ethnic group's ideas about stereotypical behavioral patterns. Precedent names contribute to the formation and maintenance of a national cultural code. Precedent phenomena perform various complex functions in the modern media space: nominative and persuasive functions, ludic and parable functions. Precedent phenomena in modern media texts implement the strategies of their addressers, including recurrence strategies, modal-evaluative strategies, and strategies of pragmatic influence.

Keywords: precedent text; precedent phenomenon; precedent name; precedent situation; precedent statement; functions of precedent texts.

МАТНҲОИ ПРЕТСЕДЕНТӢ ДАР ФАЗОИ МЕДИАВИИ МУОСИРИ РУСИЗАБОН

Королкова Анжелика Викторовна

Доктори илмҳои филологӣ, профессор,
профессори кафедраи забони русии № 4
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 952 39 46, дох. 3746
korolkova-avk@rudn.ru

Кривченкова Ирина Владимировна

Омӯзгори калони таҳсилоти иловагии кафедраи забони русии №4
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 952 39 46, дох. 3746
krivchenkova-iv@rudn.ru

Басанова Даря Илинична

Магистранти кафедраи забони муосири рус
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 92 705 5816 (м.)
darya.basanova9@gmail.com

Дар мақола падидаи прецедентӣ таҳлил гардида, ҳудудҳои мафҳуми *падидаи прецедентӣ* муайян карда мешаванд, ки ба он мафҳумҳои *матни прецедентӣ, гуфтори прецедентӣ, вазъияти прецедентӣ, номи прецедентӣ* дохил мешаванд. Гуфторҳои прецедентӣ афоризмҳо (антиафоризмҳо), ибораҳои қанотдор, мақолҳо (антиқолибҳо)-ро дар бар мегиранд ва дар айни замон, ҳангоми тафсири васеи ин мафҳум, ҳамчун қабати махсуси фразеология баррасӣ мешаванд.

Дар доираи гуфтори прецедентӣ (матни прецедентӣ) хусусиятҳои корбурди афоризмҳо, ибораҳои қанотдор (калимаҳои қанотдор) ва иқтибосҳои адабӣ таҳлил карда мешаванд. Падидаҳои прецедентии лингвомаданияти русӣ доминантаҳои арзишии тасвири миллии ҷаҳонро бозтоб менамоянд, қобили бозтавлид ва шинохтаншаванда буда, барои тавсифи тасвири забонӣ ва мафҳумии ҷаҳони рус аҳамияти хос доранд.

Гуфторҳо ва матнҳои прецедентӣ (афоризмҳо, иқтибосҳои адабӣ, ибораҳои қанотдор) дар ҷараёни таърихӣ афзалиятҳои арзишии ҷомеа, аз ҷумла арзишҳо ва зиддиарзишҳои фарҳанги этникиро инъикос менамоянд. Вазъиятҳои прецедентӣ, ки дар фазои медиавӣ нисбатан камтар ба назар мерасанд, тасаввуроти этносро дар бораи қолабҳои стереотипии фаъолияти инсон ифода мекунанд. Номҳои прецедентӣ бошанд, ба ташаккул ва ҳифзи коди фарҳангии миллӣ мусоидат менамоянд.

Падидаҳои прецедентӣ дар фазои медиавии муосир вазифаҳои гуногуни мураккабро иҷро мекунанд: вазифаҳои номинативӣ ва персуазивӣ, вазифаҳои бозигарӣ ва рамзӣ. Падидаҳои прецедентӣ дар матнҳои фазои медиавии муосир стратегияҳои ирсолкунандагони иттилоотро амалӣ намуда, аз ҷумла стратегияи такроршавӣ, стратегияи арзёбии модалӣ ва стратегияи таъсири прагматикиро истифода мебаранд.

Калидвожаҳо: матни прецедентӣ; падидаи прецедентӣ; номи прецедентӣ; вазъияти прецедентӣ; гуфтори прецедентӣ; вазифаҳои матнҳои прецедентӣ.

УДК 82.035:8082+802.0+809.155.0

РЕАЛИИ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ И ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫКИ (на примере произведения “Преступление и наказание” Ф.М.Достоевского)

Турсунов Фаёзджон Мелибоевич

Доктор филологических наук,
профессор кафедры сравнительного языкознание и переводоведения
Таджикский Международный университет иностранных языков им. С. Улугзаде
734019, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мухаммадиева, 17/6
Тел.: (+992) 93 577 20 37 (м.)
fayoztursunov@gmail.com

Давлатова Хумайро Бахтиевна

Магистрант 1-го года обучения
Таджикский Международный университет иностранных языков им. С. Улугзаде
734019, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мухаммадиева, 17/6
Тел.: (+992) 94 066 88 66 (м.)
humairolilly@gmail.com

Статья посвящена описанию реалий с национально-культурной спецификой значения в романе Ф.М.Достоевского “Преступление и наказание” в контексте анализа способов передачи данной лексики при переводе на таджикский и английский языки. Отмечается, что культурно-маркированная лексика отличается особыми структурно-семантическими характеристиками и функциональными особенностями, вызывая существенные трудности при её переводе. По мнению авторов, нарушение корреляции единиц данного лексического пласта исходного и переводящего языков может повлечь за собой утрату не только национального колорита романа великого русского писателя, но и его важных смысловых акцентов. В связи с этим успешное решение проблемы видится в обязательном владении исполнителем перевода, особенно художественного, комплекса необходимых лингвистических и экстралингвистических знаний.

Ключевые слова: перевод; таджикский язык; русский язык; английский язык; культурно-маркированная лексика; реалии; роман “Преступление и наказание” Ф.М.Достоевского.

Перевод – это одна из древнейших форм человеческой деятельности. Многообразие языков создало для человечества сложную задачу, призванную облегчить обмен идеями между людьми. Слово «перевод» многогранно и имеет два терминологических значения. Первое значение определяет мыслительную деятельность, процесс передачи текста, выраженного на одном языке и воспроизводимого средствами другого языка. Второе значение является результатом этого

процесса – как устного, так и письменного. Хотя эти понятия имеют разные значения, они образуют диалектическую общность между собой, то есть одно из них не имеет смысла без другого.

Как нам представляется, значение переводческой деятельности сегодня неоценимо. Вне зависимости от области применения, например, в науке и образовании перевод позволяет учёным делиться своими открытиями и идеями с другими, в бизнесе перевод открывает новые рынки и облегчает международное сотрудничество, а в дипломатии и международных организациях перевод имеет особое значение для взаимопонимания между государствами и культурами. Мы уже убедились, что перевод играет ключевую роль в объединении людей, культур и цивилизаций, экономических и социальных отношений и т.д.

В современном мире, где глобализация, то есть процесс интеграции стран и народов в различных регионах, ускорилась, всевозможная информация, идеи и технологии распространяются с невероятной скоростью. Именно поэтому без перевода и интерпретации большинство этих ценностей были бы недоступны миллионам людей по всему миру. Иными словами, справедливо будет сказать, что именно благодаря переводческой деятельности происходит сближение культур и цивилизаций, экономик и политических систем.

Переводческая деятельность – это мост между мирами. Перевод –это мощный инструмент объединения людей, средство обмена идеями и фактор взаимопонимания между различными народами и странами. В глобальном обществе переводческое дело – это не только профессия, но и ответственная цель, направленная на устранение барьеров на пути межъязыкового взаимодействия человечества в рамках различных языков.

Однако важно отметить, что процесс перевода – это не просто замена слов из одного языка на другой. Это искусство переноса смысла, эмоций и культурного контекста исходного языка на переводящиц язык. Для обеспечения адекватного перевода переводчик должен не только хорошо знать исходный язык, но и понимать психологию, историю и традиции народа этого языка со всеми их нюансами и особенностями. Например, литературный перевод требует особого внимания к стилю и манере выражения, в то время как технический перевод требует точности и понимания профессиональной терминологии.

Разумеется, в эпоху цифровых технологий перевод вышел на новый уровень. Машинный перевод и искусственный интеллект облегчают и упрощают работу переводчика, но на данном этапе, без исключения, человеческий фактор по–прежнему остаётся уникальным. Искусственный интеллект может передавать слова, но только человек может правильно передать диалект, нюансы смысла, то есть тонкие детали и культурные особенности, особенно в процессе такого важного и сложного вида перевод, как художественный перевод.

С.Влахов и С.Флорин в своей книге «Непереводимое в переводе» говорят о том, что “теорию непереводимости опровергла живая переводческая практика, превосходные работы плеяды талантливых переводчиков, и доказывать её несостоятельность значило бы ломиться в открытую дверь. Уже Пушкин считал, что выраженное автором должно быть пере выражено переводчиком; Гоголь предла-

гал, что “иногда отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе»; А.К.Толстой думал, что «не следует переводить слова, и даже иногда смысл, а главное – надо передавать в п е ч а т л е н и е»; К.И.Чуковский призывал «переводить смех – смехом, улыбку – улыбкой» Из опыта мастеров возникла советская школа перевода, создатели которой недвусмысленно показали, что нет непереводимых произведений, что «каждый высокоразвитый язык является средством достаточно могущественным для того, чтобы передать содержание, выраженное в единстве с формой, средствами другого языка» [Влахов, Флорин, 1980, с.5].

Одной из актуальных и требующих исследования проблем в этой области является специфика перевода слов, обозначающих понятия сферы культуры с одного языка в другой. Данная категория языковых единиц объединена общим названием “реалии”, которые, по мнению специалистов, являются яркими образцами безэквивалентых слов.

Это понятие включает в себя элементы повседневной жизни и культуры, исторические периоды, социальные, государственные, фольклорные системы, специфику и особенности конкретного народа или государства. Вопросы языка, культуры и картины мира рассмотрены в ряде работ российских учёных [Аксенова, 1990; Алексеева, 2004]. Хорошо освещены теоретические вопросы реалий и в специальных исследованиях [Влахов С., Флорин С., 1980; Верещагин, Костомаров, 1983; Томахин, 1988; Паморозская, 1990 и др.]. В целом, реалии представляют собой интересную, и в то же время не столь простую и однозначную категорию слов.

Лексические вопросы перевода отражены в работах видных российских учёных [Виноградов, 1978; Любимов, 1982; Федоров, 1983; Бреус, 2000; Галеева, 1989, 1997; Комиссаров, 2004 и др.]

Специально исследованы и вопросы перевода текстов, особенно художественного текста [Семенова, 2009; Колесникова, 2001].

Разновидности русских реалий с точки зрения их перевода на английский и таджикский языки рассмотрены в отдельных работах и таджикских учёных [Турсунов, Давлатова, 2020; Давлатова, 2025].

В предыдущих работах нами также подробно проанализирован ряд особенностей реалий как особой части безэквивалентных языковых единиц. В частности, было отмечено, что “термин «реалия» в современном языкознании, а именно в переводоведении, сопоставительном языкознании, в контрастивной лингвистике и лингвострановедении занимает особое место как актуальный вопрос изучения и исследования. С другой стороны, вопросы, связанные с реалиями, всегда рассматриваются на стыке нескольких научных направлений и с привлечением материалов нескольких языков или минимум двух языков” [Турсунов, 2015, с.92].

Из вышесказанного следует, что серьёзные проблемы перевода возникают в тех случаях, когда ситуация, описанная в языке оригинала, отсутствует в коллективном опыте переводящего языка. Вместе с тем, даже в таких случаях проблема решения переводческого вопроса не означает, что перевод невозможен.

Опираясь на различные источники и научную литературу, мы установили, что “надо иметь в виду, что любой человеческий язык устроен таким образом, что при его помощи можно описывать не только уже известные, но и совершенно новые, прежде никогда не встречавшиеся ситуации, причём неограниченное их количество таких новых, прежде неизвестных ситуаций. И действительно – язык, который не был бы устроен таким образом, то есть такой, при помощи которого нельзя было бы описывать новые, дотоле неизвестные ситуации, не представлял бы коммуникативной ценности, поскольку на этом языке можно было бы сказать только то, что уже известно, то есть что уже когда-то было сказано. Такой язык, понятно, не мог бы быть орудием познания и сделал бы человеческий прогресс просто невозможным. Поэтому способность описывать новые, незнакомые ситуации является неотъемлемым свойством любого языка; и именно это свойство и делает возможным то, о чем идёт речь – передачу средствами другого языка ситуаций, специфических для жизни данного народа и данной страны и не имеющих аналогов в жизни других народов и других стран” [Бархударов, 1975, с.8].

Именно эта особенность позволяет выразить на другом языке специфические ситуации и явления жизни народа и страны, не имеющие аналогов в жизни иностранного народа и культуры. Однако следует помнить, что вопрос сохранения и адаптации оригинальности языка исходного текста в переведённом тексте должен находиться в фокусе переводчиков.

Как правило, реалии не имеют точных эквивалентов в других языках, требуют культурного разъяснения и при их замене аналогами могут лишиться национального колорита. Отсюда, в задачи переводчиков входит проявить осторожность при выборе способа передачи таких реалий с тем, чтобы сохранить в тексте перевода национальную окраску и выражение национальной идентичности.

Для подтверждения наших суждений рассмотрим ряд примеров на базе классификации, предложенной С.Влаховым и С.Флориным. Иллюстративным материалом послужили фрагменты перевода романа Ф.М.Достоевского на таджикский и английский языки, выполненные Шамси Собиром и Констанс Гарнетт.

1. Потом, уже достигнув зрелого возраста, прочла она несколько книг содержания, романтического, да недавно ещё, через посредство господина Лебезятникова, одну книжку «Физиология» Льюиса – изволите знать–с? (Достоевский, 1990, с.20) – Since she has attained years of maturity, she has read other books of romantic tendency and of late she had read with great interest a book she got through Mr. Lebeziatnikov, Lewes' Physiology–do you knowit? (Dostoevsky, 1994, p.20) – Баъд вай ба ҳадди балоғат расида чандто китоби ишқияро хонда баромад, ба ҳамин қарибӣ, воқеан, ба воситаи тавсияи ҷаноби Лебезятников як китобчаи Льюис “Физиология”– ро эҳтимол чашматон афтида бошад? (Достоевский, 1984, с.22)

Реалия данного примера: «Физиология» Льюиса – название книги английского учёного Д.Г.Льюиса,“Физиология обыденной жизни”, известная в России. Названия книг, газет и журналов, как правило, передаются при помощи транскрипции и транслитерации переводчики воспользовались данным способом: Lewes' Physiology, Льюис “Физиология”. Тем не менее, в переводе Шамси, кроме

данного способа, реалия описана в сносках текста с тем, чтобы она была понятна таджикскому читателю.

2. В это время вошла с улицы целая партия пьяниц уже и без того пьяных, и раздались у входа звуки нанятой шарманки и детский надтреснутый семилетний голосок, певший «Хуторок» (Достоевский, 1990, с.22-23). – At that moment a whole party of revellers already drunk came in from the street, and the sounds of a hired concertina and the cracked piping voice of a child of seven singing "The Hamlet" were heard in the entry (Dostoevsky, 1994, p.22). – Ҳамин вакт ба майхона аз куча як туда майзадагон даромада омаданд, аз дами дар садои сантури кирой ва овози гирифтаи кудаки ҳафтсолае баромад, ки суруди «Хуторча»–ро мехонд (Достоевский, 1984, с.25).

Хуторок – популярная в России в середине XIX века песня, написанная на стихи А.В.Кольцовой и музыку Е. Климовского. Поскольку это стихотворение уникально для русской культуры, оно также включено в группу реалий. Обычно названия стихотворений передаются при переводе методом транскрипции и транслитерации, но почему–то переводчик английского текста передал эту реалию методом приблизительного перевода: "The Hamlet", т.е. вместо названия известной русской песни переводчиком использовано название известного английского стиха. А в переводе на таджикский язык сохранена традиция передачи реалий: «Хуторча».

3. Вот недавно ещё я читал в «Московских ведомостях», что в Москве целую шайку фальшивых монетчиков изловили (Достоевский, 1990, с. 169). – "Only the other day I read in the Moscow Newsthat a whole gang of false coiners had been caught in Moscow (Dostoevsky, 1994, p.170). – Ба қарибӣ ман дар газетаи «Московские ведомости» хондам, ки дар Москва як дастаи калони пули қалбакӣ месохтагиҳоро дастгир кардаанд (14, 192).

Реалия, использованная в данном примере, – “Московские ведомости”. Она представляет собой название ежедневной газеты, издававшейся с 1863 по 1887 годы. Переводчик английского языка прибегает к такому способу перевода, как калькирование: Moscow News. Такой подход оправдан и отвечает требованиям перевода данного класса слов, ибо результат калькирования здесь положительный и понятен читателю. Что касается передачи данной реалии на таджикский язык, то она осуществлена своеобразно – языковая единица целиком сохраняет свою оригинальную форму. Так как в обоих языках используется кириллица, применённая транскрипция/транслитерация понятна читателю таджикского текста. Следует здесь подчеркнуть, что такая традиция наблюдалась в период, когда осуществлялся перевод произведения на таджикский язык, в результате чего многие языковые единицы русского языка сохранялись в таджикском переводе и не вызывали трудностей для понимания. Кстати, в данном случае способ передачи полностью отвечает нормам перевода: «Московские ведомости». То, что это название помещено в кавычки, упрощает его понимание читателем переводящего языка.

4. А Катерина Ивановна приказала вас очень просить быть завтра на отпевании, утром… за обедней… на Митрофаниевском, а потом у нас… у ней… отку-

шать… (Достоевский, 1990, с.243) – Katerina Ivanovna told me to beg you... to be at the service... in the morning... at Mitrofanievsky... and then... to us... to her... to do her the honour... (Dostoevsky, 1994, p.246) – Катерина Ивановна фармуданд, аз шумо бисьё рилтимос кунам, ки пагоҳ ба намози ҷаноза равед, пагоҳӣ... намози бамдод... дар калисо иМитрофаний, сонӣ ба хонаи мо... ба хонаи он кас.. ба оши худоӣ... Қадам ранҷа фармоед...(Достоевский, 1984, с.277)

Реалией в приведённого выше примера является отпевание, что означает погребальная молитва, обряд, совершаемый у гроба усопшего. Оба переводчика, Гарнетт и Шамси, использовали метод полного соответствия реалий при передаче этой реалии: service, намози ҷаноза. В английской версии в перевод можно было бы добавить слово funeral для полного контекстуального раскрытия понятия, так как слово service в английском языке многозначно.

5. У меня и фигура уж так самим богом устроена, что только комические мысли в других возбуждает; буффон–с; (Достоевский, 1990, с.349) – God has given me a figure that can awaken none but comic ideas in other people; a buffoon; (Dostoevsky, 1994, p.353) – Қадду басти маро худо худаш ҳамин хел сохтааст, фақат барои боиси хандаи мардум шудан, барои пайдо шудани фикру хаёлҳои хандаовари мардум; буффон... (Достоевский, 1984, с. 400)

В данном примере реалия – это французское заимствование, означающее актёра комедийных ролей или шута: буффон. Оба переводчика, английского и таджикского, использовали метод транскрипции и транслитерации для передачи вышеупомянутой реалии: buffoon, буффон. Однако, чтобы приблизить читателя к замыслу автора, переводчик таджикской версии в конце переведённого текста даёт описательный перевод вышеупомянутой реалии: масхарабоз (франсузӣ).

6. Да мимоходом зашел прежде в нумер к госпожам Кобылятниковым, чтоб занести им «Общий вывод положительного метода» и особенно рекомендовать статью Пидерита (а впрочем, тоже и Вагнера)… (Достоевский, 1990, с. 410) –But on my way I went first to Madame Kobilatnikov's to take them the 'General Treatise on the Positive Method' and especially to recommend Piderit's article (and also Wagner's) (Dostoevsky, 1994, p. 409) – Сари роҳ ба хонаи хонум Кобилятниковаҳо дам даромадам, ба онҳо «Маҷмуаи хулосаи умумии усули эҷодӣ»–ро дода, мақолаи Пидерит (баробари ҳамин аз они Вагнер-ро ҳам) махсусан барои хондан тавсия карданӣ будам (Достоевский, 1984, с.470).

Реалией приведённого выше примера является название сборника «Общий вывод позитивного метода», включающего статьи писателя и доктора Т.Пидерита. Хотя названия таких сборников передаются методом транскрипции и транслитерации, как английский, так и таджикский переводчики использовали метод перевода данных реалий: 'General Treatise on the Positive Method' и «Маҷмуаи хулосаи умумии усули эҷодӣ». Это один из случаев положительного результата калькированием как способа передачи реалий.

7. Соня поняла, что этот мрачный катехизис стал его верой и законной (Достоевский, 1990, с.428). – Sonia felt that his gloomy creed had become his faith and code (Dostoevsky, 1994, p.427). – Соня фаҳмид, ки Раскольников ҳамин

ақидаи мудҳишро ба имону эътиқоди худ табдил додаст (Достоевский, 1984, с.490).

Реалией данного примера является *катехизис,* она заимствована из греческого языка, чтобы сделать свой текст более красочным и привлекательным. Ее смысл – объяснение христианской религиозной доктрины в форме вопросов и ответов. Оба переводчика передали эту реальность, используя метод приблизительного перевода: creed, ақида.

8. Не «Гусара же на саблю опираясь» петь в самом деле! (Достоевский, 1990, с 440) –We really can't sing 'An Hussar' (Dostoevsky, 1994, p.440.) – Охир«Такья карда ба шамшер гусар»–ро намехонем–ку! (Достоевский, 1984, с.505)

Эта реалия “Гусара же на саблю опираясь” – известная песня XIX века, автором стиха которой является К.Н.Батюшков (1787-1855гг.) под названием «Разлука». Музыку к ней написала известная виолончелистка, музыкант и покровительница графа М.Ю.Вельгорского. Переводчиком английской версии этой реалии использован метод трансформационного перевода: 'An Hussar.' А переводчик на таджикский язык прибегнул к дословному переводу: *«Такья карда ба шамшер гусар».* Однако этот способ перевода не может приблизить иностранного читателя к замыслу автора, поскольку все названия стихотворений и песен, газет и журналов, а также личные имена, как правило, передаются методом транскрипции и транслитерации. Хотя переводчик Гарнетт так же не следовала этому правилу, ее перевод более понятен читателю. То есть он понимает, что это название стихотворения и что речь идёт о стихотворении или песне.

9. Тут у нас случилась одна девушка, Параша, черноокая Параша, которую только что привезли из другой деревни, сенная девушка, и которую я еще никогда не видывал… (Достоевский, 1990, с.485) – There happened to be a girl in the house then, Parasha, a black–eyed wench, whom Ihad never seen before (Dostoevsky, 1994, p.485). – Дар ин миён як духтар пайдо шуда монд, номаш Параша, Парашаи сиёҳчашмак, ки нав аз деҳаи дигар оварда буданд, барои канизакӣ; ман пештар вайро асло надида будам (Достоевский, 1984, с.558).

Реалией данного примера является Параша, что представляет собой первую строку стихотворения Г.Р.Державина (1743-816гг.) “Параше” (1798): “Белокурая Параша, Сребророзова лицом...”. Оба переводчика применили транскрипцию/транслитерацию: Parasha, Параша.

10. На второй неделе великого поста пришла ему очередь говеть вместе с своей казармой (Достоевский, 1990, с.557). – The second week in Lent, his turn came to take the sacrament with his gang (Dostoevsky, 1994, p.552). – Ҳафтаи дуюми айёми рӯзаи калон буд, бо аҳли казарма навбати рӯзагирӣ ба ӯ ҳам расид (Достоевский, 1984, с.639).

Говеть – это ритуал Православной Церкви, совершаемый в дни поста, который длится 7 недель перед Пасхой, когда верующие молятся и готовятся к богослужениям. Английским переводчиком использован метод приблизительного перевода: Lent. А перевод на таджикский язык представляет собой описательный перевод: рӯзаи калон.

11. Знаю и то что, о чем ты всю ночь продумала, ходя по комнате, и о чем молилась перед Казанскою божией матерью, которая у мамаша в спальне стоит (Достоевский, 1990, с.46). – and I know too what you were thinking about, when you walked up and down all night, and what your prayers were like before The Holy Mother of Kazan who stands in mother's bedroom (Dostoevsky, 1994, p.44). – ҳаминашро ҳам медонам, ки ту шаби дароз рӯ – рӯи хона қадам зада, хаёлу андешаи чиҳоро мекардӣ ва дар пеши сурати Бибимарьям, ки дар хонаи хоби модарам овезон аст, дуою ибодат карда чиҳо талабиданатро ҳам медонам (Достоевский, 1984, с.50).

Реалией данного примера является икона *«Казанская Божья Матерь»,* созданная в Казани, копии которой впоследствии распространились по всей России. Автором английского перевода использовано калькирование: Holy Mother of Kazan. Однако таджикский переводчи прибегает к методу контекстуальной замены: сурати Бибимарьям.

12. В полдневный жар, в долине Дагестана…(Достоевский, 1990, с.444) – "In the heat of midday in the vale of Dagestan (Dostoevsky, 1994, p.444). –Дар гармии тобистон!.. Дар домани Доғистон... (Достоевский, 1984, с.510).

Реалию данного примера составляет известное русское стихотворение: В полдневный жар, в долине Дагестана. На оба языка – английский и таджикский – она переведена калькированием: – "In the heat of midday in the vale of Dagestan. – Дар гармии тобистон!.. Дар домани Доғистон...

13. Не «Петрушку» же мы какого-нибудь представляем на улицах, а споем благородный романс…(Достоевский, 1990, с.440) – We aren't going to have a Punch and Judy show in the street, but to sing a genteel song.... (Dostoevsky, 1994, p.440) – Охир мо ба кӯча баромада кадом як «Петрушка»-ро хонда намегардем–ку, мо як романи шариф мехонем... (Достоевский, 1984, с.504).

В приведённом выше примере в качестве реалии выступает слово Петрушка. Оно обозначает персонажа народного театра кукол в дореволюционной России. При переводе на английский язык применен способ приблизительного перевода: Punch and Judy. Переводчик на таджикский язык воспользовался транскрипцией/транслитерацией: Петрушка.

14. Но вот вдруг становится очень шумно: из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками пьяные–препьяные большие такие мужики в красных и синих рубашках, с армяками в накидку (Достоевский, 1990, с.61). – All of a sudden there was a great uproar of shouting, singing and the *balalaïka,* and from the tavern a number of big and very drunken peasants came out, wearing red and blue shirts and coats thrown over their shoulders (Dostoevsky, 1994, p.59). – Лекин ногаҳон ғавғою мағали сахте бархест: аз майхона мужикҳои масти мадҳуш доду фарьёдкунон, сурудхонон бо балалайкаҳо берун меоянд, ки дар тан куртаҳои сурху кабуд доранду чакманҳошонро аз сари китф партофтаанд (Достоевский, 1984, с.68).

В приведённом выше примере в качестве реалии сферы искусств выступает слово балалайка – название русского музыкального инструмента. И английский, и таджикский переводчики использовали метод транскрипции и транслитерации

для передачи этого реального предмета, что вполне соответствует нормам перевода: balalaïka, балалайка. В самом деле, балалайка является одним из известных русских музыкальных инструментов, знакомых также за пределами России. Поэтому ни в одном тексте не наблюдаем дополнительные комментарии по это поводу.

Таким образом, в статье мы рассмотрели методы применения и способы перевода реалий сферы искусства, включая музыкальные инструменты, в трёх текстах –оригинальном русском и переводных английском и таджикском, и пришли к выводу, что процесс перевода сложен и деликатен, а работа переводчика с этими реалиями требует профессиональных навыков и специальных теоретических знаний. Поэтому знакомство с жизнью, обычаями, культурой и литературой разных народов является важной основой для выполнения полноценного перевода.

Необходимо констатировать, что в статье нами проанализировано 14 слов–реалий, представляющих названия сферы искусства и музыкальных инструментов, большинство из которых были переданы на языки перевода, в основном, способом транскрипции/транслитерации, описательным переводом, приблизительным переводом, а иногда и калькированием. Анализ ещё раз подтверждает, что реалии, представляющие собой называния сферы искусства и музыкальных инструментов, считаются национальными элементами языка, не имеют прямых эквивалентов в других языках и требуют особого внимания со стороны переводчиков в процессе перевода. Успех переводчика зависит от его опыта и приобретённых знаний и навыков в области культуры и истории языка оригинала.

В подтверждение вышесказанного мы также считаем необходимым подчеркнуть, что “непереводимое” в переводе –это не ограничение, а реальная и интересная практика. Она заставляет переводчиков всегда мыслить творчески и находить наилучший способ передачи смысла, чтобы читатель почувствовал, что текст передал не только слова, но и культуру и идеи оригинала.

Литература

1. Аксенова Г.Н. Язык, культура и бытийная картина мира // Язык и культура: библиографический аспект проблемы: сборник / [редкол.: Ю. В. Горшунов и др.]. – Уфа: РИО Госкомиздата БАССР, 1990. – 240 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СпбГУ.– М.: Академия, 2004. – 352с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учеб. пособие / Е.В.Бреус; Университет Российской академии образования. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
6. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 172 с.
7. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.

8. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. – Тверь: Тверской государственный университет, 1997. – 80 с.
9. Галеева Н.Л. Переводимость и некоторые принципы достижения адекватности перевода // Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология: межвузовский сборник науч. тр. / Калининский государственный университет; [отв. ред. И.Э.Клюканов]. – Калинин: Изд-во КГУ, 1989. – С.81-88.
10. Давлатова Х. Реалии, обозначающие национальную одежду в русском язык и их перевод на таджикский и английский языки (на примере “Преступление и наказание” Ф.М. Достоевского) // Прагмалингвистика, Функциональный перевод и Интерграция процессов обучения языкам: материалы Международной научно-практической конференции. – Душанбе, 2025. – С.682-691.
11. Колесникова В.С. К проблеме художественного перевода как речемыслительной деятельности // Мир языка и межкультурная коммуникации: материалы Международной научно–практической конференции. Ч.1. – Барнаул: Изд–во БГПУ, 2001. – 147-153.
12. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. –М.: Р. Валент, 2004. – 424с.
13. Любимов Н.М. Перевод – искусство. – 2–е изд, доп. – М.: Сов. Россия, 1982. – 128с.
14. Паморозская Н.И. Роль слов-реалий в создании культурного фона художественного произведения // Лексика и культура: межвузовский сборник науч. тр. / Тверской государственный университет. – Тверь: ТГУ, 1990. – С.59-62.
15. Семенова М.Ю. Основы перевода текста: учебник. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 344с.
16. Томахин Г.Д. Реалии–американизмы. –М.: Высшая школа, 1988.– 239 с.
17. Турсунов Ф.М. Безэквивалентная лексика в переводе (на материале английского и таджикского языков): монография. – Душанбе, 2015. – 432с.
18. Турсунов Ф.М., Давлатова Х. Особенности перевода имён собственных романа “Преступление и наказание” Ф.М.Достоевского на английский и таджикский языки // Вестник Института языков. Серия филологических, педагогических, исторических и философских наук. – Душанбе, 2020. – С.5-10.
19. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. –М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
20. Достоевский Ф.М. Избранные сочинения / редкол.: Г.Беленький, П.Николаев; сост., вступ. статья, примеч. Н.Якушина. – М.: Худож. лит., 1990. – 606 с.
21. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман. Состоит из шести частей с продолжением / пер. Шамси Сабир. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 656 с.
22. Fyodor Dostoevsky. Crime and punishment. by Fyodor Dostoevsky / translated by Constance Garnett // Barnes and Noble Books. – New York, 1994. – 449 p.

CULTURAL REALIA IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE SPECIFICS OF THEIR TRANSLATION INTO ENGLISH AND TAJIK (Based on F.M. Dostoevsky’s “Crime and Punishment”)

Tursunov Fayozjon Meliboevich

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of comparative linguistics and translation studies
Tajik International university of foreign languages named after S. Ulughzoda
734019, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Muhammadiev str., 17/6
Ph.: (+992) 93 577 20 37 (m.)
fayoztursunov@gmail.com

Davlatova Humairo Bakhtievna

A first-year master's student
Tajik International university of foreign languages named after S. Ulughzoda
734019, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Muhammadiev str., 17/6
Ph.: (+992) 94 066 88 66 (m.)
humairolilly@gmail.com

The article is devoted to cultural realia-lexical items possessing specific national-cultural connotations- found in F.M.Dostoevsky's novel "Crime and Punishment", analyzing the methods used to render this vocabulary in Tajik and English translations. It highlights that culturally marked vocabulary is characterized by distinct structural-semantic and functional features, which pose significant challenges during translation. The authors argue that a failure to maintain the correspondence between units of this lexical stratum in the source and target languages could result in the loss of not only the novel's national flavor – penned by a great Russian writer – but also its significant semantic nuances. Consequently, a successful solution to this issue requires the translator-particularly in literary translation – to possess a comprehensive set of necessary linguistic and extralinguistic knowledge.

Keywords: translation; Tajik language; Russian language; English language; culturally marked vocabulary; "realia"; the novel "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky.

РЕАЛИЯҲОИ СОҲАИ ФАРҲАНГ ДАР ЗАБОНИ РУСӢ ВА ХУСУСИЯТИ ТАРҷУМАИ ОНҲО БА ЗАБОНҲОИ АНГЛИЙСӢ ВА ТОҶИКӢ (дар мисоли асари "Ҷиноят ва ҷазо"-и Ф.М.Достоевский)

Турсунов Фаёзҷон Мелибоевич

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забоншиносии муқоисавӣ ва тарҷумашиносии
Донишгоҳи байналмилалии забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи С.Улуғзода
734019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Муҳаммадиев, 17/6
Тел.: (+992) 93 577 20 37 (м.)
fayoztursunov@gmail.com

Давлатова Ҳумайро Бахтиевна

Магистранти соли якум,
омӯзгори кафедраи забоншиносии муқоисавӣ ва тарҷумашиносии
Донишгоҳи байналмилалии забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи С.Улуғзода
734019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Муҳаммадиев, 17/6
Тел.: (+992) 94 066 88 66 (м.)
humairolilly@gmail.com

Дар мақола реалияҳои дорои маъноҳои хоси миллӣ-фарҳангии романи Ф.М.Достоевский «Ҷиноят ва ҷазо» вомехӯранд, мавриди баррасӣ қарор гирифта, усулҳои интиқоли онҳо дар тарҷумаҳои тоҷикӣ ва англисӣ таҳлил мешаванд. Қайд мегардад, ки воҳидҳои луғавии обуранги фарҳангидошта хусусияти хоси сохторию маъноӣ доранд ва барои тарҷума душвориҳои назаррас эҷод мекунанд. Ба ақидаи муаллифон, риоя нагардидани мувофиқати байни воҳидҳои ин қабати луғавӣ дар забонҳои асл ва тарҷума метавонад на танҳо боиси аз даст рафтани рангомезии миллии романи нависандаи бузурги рус, балки инчунин нозукиҳои муҳими маъноии он гардад. Аз ин рӯ, ҳалли муваффақонаи ин масъала аз тарҷумон – бахусус дар соҳаи тарҷумаи бадеӣ – доштани маҷмӯи зарурии донишҳои лингвистикӣ ва ғайрилингвистиро тақозо мекунад.

Калидвожаҳо: тарҷума; забони тоҷикӣ; забони русӣ; забони англисӣ; вожагони дорои хусусияти фарҳангӣ; реалия; романи «Ҷиноят ва ҷазо»-и Ф.М. Достоевский.

УДК 811.161.1’367.625.45+811.222’8367

РЕАЛИЗАЦИЯ ВАЛЕНТНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕВЕРБАТИВОВ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Султанова Рафохат Мирзоевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 80 666 66 68 (м.)
rafoat10@mail.ru

Саидова Фариза Зохировна

Преподаватель кафедры романо-германских языков
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 433 30 40 (м.)
fssaidova@mail.ru

В статье рассматриваются валентностные свойства девербативов в русском и таджикском языках. Основное внимание уделяется способности отглагольных существительных сохранять семантико-синтаксический потенциал производящих глаголов и организовывать вокруг себя зависимые компоненты, отражающие участников и обстоятельственные характеристики исходной глагольной ситуации. Анализ показывает, что девербативы в сопоставляемых языках способны реализовывать субъектные, объектные, адресатные, инструментальные, локативные и направительные зависимости. Выявлено, что наиболее устойчивой является объектная валентность, поскольку отглагольные существительные регулярно сохраняют компонент, обозначающий объект действия, оценки, исследования, изменения, создания или воздействия. Субъектный актант также может получать формальное выражение, однако нередко опускается и восстанавливается из контекста. Установлено, что общность русского и таджикского языков проявляется в сохранении девербативами связи с исходной глагольной конструкцией, тогда как различия обусловлены способами синтаксического оформления зависимых компонентов. В русском языке ведущую роль играют падежные и предложно-падежные формы, в таджикском — изафетная связь, предлоги, аналитические конструкции и порядок слов. Согласно выводу авторов, делается вывод о том, что сочетание именной формы и предикативной семантики определяет особый синтаксический статус девербатива как средства номинализации и выражения свёрнутой предикативности.

Ключевые слова: девербатив; отглагольное существительное; валентность; синтаксический потенциал; предикативность; номинализация; субъектный актант; объектный актант; адресатный актант; инструментальный компонент; локативный компонент.

Девербативные образования занимают особое место в системе языка, поскольку, совмещая признаки имени и глагольной семантики, сохраняют связь с аргументной структурой производящей глагольной единицы. Переход действия или процесса в сферу именной номинации сопровождается преобразованием способов выражения его участников, однако не приводит к полной утрате валентностных свойств исходного глагола. Напротив, значительная часть семантических валентностей глагольной основы может сохраняться в структуре девербатива и реализовываться посредством различных синтаксических средств.

Вопрос о степени сохранения глагольной валентности при номинализации представляет особый интерес в сопоставительном плане. Русский и таджикский языки различаются как по грамматическому строю, так и по способам оформления синтаксических отношений, вследствие чего один и тот же тип семантической связи при девербативе может получать различное формальное выражение. Сопоставление материала двух языков позволяет выявить как общие закономерности наследования валентности производящего глагола, так и языковоспецифические способы её реализации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного сопоставления валентностных характеристик девербативных единиц в двух языках и выявления общих и специфических механизмов трансформации глагольной аргументной структуры при номинализации.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и сопоставлении способов реализации валентностного потенциала девербативов в русском и таджикском языках. Для достижения поставленной цели рассматриваются характер наследования валентностей производящего глагола, способы синтаксического выражения зависимых компонентов при девербативе, а также соответствия и различия в реализации субъектных и объектных отношений в сопоставляемых языках.

Прежде чем перейти к анализу валентностных свойств девербативов, следует отметить, что проблема валентности получила определённое освещение как в таджикском языкознании, так и в сопоставительных исследованиях. Так, Н.И.Каримова рассматривает валентное окружение отдельных лексико-семантических групп глаголов русского и таджикского языков [2]; Г.Рустамзода анализирует реализацию семантической и синтаксической валентности глагольного предиката в русском и таджикском языках [4]; Дж.К.Усмонов обращается к валентностным характеристикам глаголов ощущения [9]; С.О.Ходжаева исследует валентность объектных глаголов на материале таджикского и английского языков [10]; М.М.Бобоева – семантико-валентную организацию глаголов эмоционального состояния в таджикском языке в сопоставлении с немецким [1]. В частности, М.М.Бобоева определяет валентность глагола как «обусловленную его семантикой способность сочетаться с определенным кругом актантов» [1, с.132], подчёркивая тем самым зависимость валентностной структуры от семантики предиката.

Существенной для настоящего исследования является позиция Г.Рустамзода, согласно которой «семантические валентности глагола являются отражением глубинных связей между глагольным действием и его существенными участни-

ками» [4, с.35]. Данное положение позволяет предположить, что при номинализации действия часть этих семантических связей может сохраняться и в структуре девербатива.

Вместе с тем валентностный потенциал девербативов, особенно на материале русского и таджикского языков, не получил всестороннего изучения. Отдельные аспекты функционирования девербативов в сопоставляемых языках ранее рассматривались авторами настоящей статьи [5; 6; 7].

В современной лингвистике валентность рассматривается как сложная семантико-грамматическая категория, отражающая взаимодействие семантического и синтаксического уровней языка. С.В.Шустова и Е.А.Смирнова определяют глагольную валентность как универсальную семантико-грамматическую категорию, связанную с соотношением потенциальных семантических и актуализированных синтаксических актантов [11, с.21]. Обращаясь к истории изучения данного явления, исследователи отмечают, что термин «валентность» был введён в языкознание С.Д.Кацнельсоном в 1948 г. Согласно его трактовке, глагол потенциально располагает определённым набором «мест» или «гнёзд», которые в предложении заполняются словами, категориальные признаки которых соответствуют признакам этих «гнёзд» [3, с.88]. Такое понимание валентности позволяет рассматривать её как заложенную в семантике языковой единицы способность прогнозировать определённое окружение и реализовывать его в синтаксической структуре.

С точки зрения теории валентности, заложенной французским лингвистом Л.Теньером, глагол рассматривается как структурно-семантический центр предложения. Как указывает исследователь, специфика глагольной семантики детерминирует строение высказывания через создание определенных «лакун» (пустых мест), требующих обязательного или факультативного заполнения [8, с.162]. Валентность глагола была объектом сопоставительного исследования

Под валентностным потенциалом девербатива в настоящем исследовании понимается его способность сохранять обусловленные семантикой производящего глагола позиции участников обозначаемой ситуации и реализовывать их в именной конструкции. валентностные свойства девербативов рассматриваются через соотношение трёх уровней: семантической структуры производящего глагола, актантной структуры девербатива и его синтаксической реализации в составе простого предложения. При анализе валентностных свойств девербативов в настоящем исследовании учитываются прежде всего те актантные позиции, которые соотносятся с семантикой производящего глагола: субъектная, объектная, адресатная, инструментальная и локативная.

1. **Выражение субъектного актанта при девербативах.** Субъектный актант представляет собой синтаксическую позицию, закрепленную за семантической ролью *агенса* (или каузатора) – активного участника ситуации, который инициирует, контролирует или производит описываемое действие. При переходе от глагола к отглагольному существительному (девербативу) этот актант претерпевает радикальную деривационную трансформацию: доминирующая позиция подлежащего в именительном падеже (студенты исследуют) полностью утрачи-

вается, переходя в позицию периферийного приименного дополнения в форме творительного падежа субъекта (исследование студентами). Подобное синтаксическое кодирование переводит агенса из ранга главного структурного узла предложения в ранг факультативного распространителя именной группы, однако глубинная семантическая связь "субъект – действие" при этом сохраняет свою инвариантность.

***«Ужесточение российскими властями** правил выхода иностранных владельцев из активов в РФ мало повлияет на скорость их исхода с рынка»* [Коммерсантъ, 29.03.2023].

В приведённом предложении девербатив *ужесточение* сохраняет валентную структуру производящего глагола *ужесточить / ужесточать*: *кто ужесточает что*. Компонент *российскими властями* выражает субъектный актант девербативного действия, поскольку обозначает производителя действия, соотносимого с исходной глагольной ситуацией: *российские власти ужесточают правила*. Синтаксически данный актант реализуется формой творительного падежа. Компонент *правил выхода иностранных владельцев из активов в РФ* заполняет объектную позицию при девербативе *ужесточение,* так как обозначает предмет, на который направлено действие. Таким образом, в *конструкции ужесточение российскими властями правил выхода...* субъектная валентность девербатива получает эксплицитное выражение посредством творительного падежа.

Сопоставление глагольной и девербативной конструкций показывает, что девербатив *ужесточение* наследует от производящего глагола основные валентные позиции: субъектную и объектную. При этом субъектный актант в глагольной конструкции выражается именительным падежом *российские власти*, а в девербативной конструкции — творительным падежом *российскими властями*. Это подтверждает, что форма творительного падежа при девербативе может служить средством эксплицитного выражения производителя девербативного действия.

В таджикском материале субъектный актант при девербативе может выражаться аналитической конструкцией с компонентом *аз ҷониби*. Ср.: «***Пазироиши** ислом **аз ҷониби ақвоми ориёӣ** ва мақоми муваққати забони арабӣ дар сарзамини онҳо боиси паҳншавии алифбои арабӣ дар ин сарзамин гардид»* [Вестник ТНУ, 2, 2024:48]. – «***Принятие** ислама **арийскими народами** и временное положение арабского языка на их территории стали причиной распространения арабского алфавита в этих землях»*.

Девербатив *пазироиш* генетически и семантически связан с глагольной основой *пазируфтан / қабул кардан* и обозначает действие принятия. Анализируемый девербатив сохраняет валентную структуру производящего глагола: *кӣ киро/чиро пазируфт – кто признал кого/что.* В конструкции *пазироиши ислом аз ҷониби ақвоми ориёӣ* сочетание *аз ҷониби ақвоми ориёӣ* выражает субъектный актант девербативного действия, так как указывает на производителя действия — арийские народы. В свою очередь компонент *ислом* заполняет объектную позицию, поскольку обозначает то, что принимается. Следовательно, в таджикской девербативной конструкции субъектная валентность реализуется не падежной формой, как в русском языке, а аналитическим средством *аз ҷониби + имя*.

Субъектный актант в таджикском языке может быть выражен посредством изафетной связи, например, в словосочетании *арзёбии коршиносон* в следующем контексте:

«*Тибқи* ***арзёбии коршиносон*** *пешгӯйиҳои модели иқлимӣ афзоиши обро дар давраи камобии тирамоҳ ва коҳишёбии онро дар давраи обхезии тобистон пешбинӣ мекунанд»* [Садои мардум, 08.05.1925]. – «*По оценкам экспертов, прогнозы климатической модели указывают на увеличение объёма воды в период осеннего маловодья и на его уменьшение в период летнего паводка».*

Девербатив *арзёбӣ* репрезентирует свёрнутую предикативную ситуацию, выражаемую производящим составным глаголом *арзёбӣ кардан — оценивать*. Как и в предыдущем случае, девербатив наследует валентную модель исходного глагола: *кӣ киро/чиро арзёбӣ кард – кто оценил кого/что.* В сочетании *арзёбии коршиносон* компонент *коршиносон* обозначает производителя действия, то есть тех, кто осуществляет оценивание. Следовательно, он заполняет субъектную позицию девербатива.

2. Выражение объектного актанта при девербативах. Объектный актант представляет собой синтаксическую позицию, закрепленную за семантической ролью *пациенса* – сущности (одушевленной или неодушевленной), которая подвергается воздействию. При переходе от глагола к отглагольному существительному (девербативу) этот актант претерпевает регулярную деривационную трансформацию: позиция прямого дополнения в винительном падеже (читать книгу) сворачивается в позицию приименного генитива – родительного падежа объекта (чтение книги). Несмотря на смену поверхностного синтаксического кодирования, глубинная семантическая связь "действие – пациенс" остается неизменной:

«Ее целью было ***обеспечение*** *финансовой и политической* ***стабильности*** *в Ливане, чья экономика переживала глубокий кризис вследствие военных действий на его территории»* [Вестник ТГУ, 474, 2022:183].

В рассматриваемом предложении объектная валентная позиция связана с девербативом *обеспечение*. Данный девербатив представляет собой номинализованную форму соответствующего глагола *обеспечить / обеспечивать*, валентная модель которого предполагает наличие объектной позиции: *обеспечивать что-либо*. В рассматриваемой конструкции компонент *финансовой и политической стабильности* заполняет эту объектную позицию и обозначает то, на что направлено действие обеспечения. Синтаксически объектный актант выражен формой родительного падежа: *обеспечение чего? – стабильности*. Компонент *в Ливане* конкретизирует пространственную соотнесённость обозначаемой ситуации, указывая на территориальную сферу проявления стабильности. Субъектный актант при девербативе *обеспечение* в данном предложении эксплицитно не выражен и восстанавливается только из более широкого контекста.

Анализ глагольной и девербативной конструкций свидетельствует о том, что девербатив *обеспечение* сохраняет от исходного глагола валентную позицию объекта действия. В глагольной модели пациенс занимает позицию прямого дополнения (выраженного винительным падежом): *обеспечить (что?) стабиль-*

ность, тогда как в девербативной конструкции позицию прииименного генетива: *обеспечение (чего?) стабильности*.

В таджикском языке выражение объектного актанта при девербативах осуществляется за счет изафетной связи. Так, в следующем фрагменте научного текста объектный актант (пациенс) реализуется при девербативе *баҳодиҳӣ*: *«Солҳои тулонӣ ширкатҳо нақшаҳои истеҳсолии худро ҳамчун ҷараёни* ***баҳодиҳии ҳатмии даромад ва харочоти*** *дарпешистодаи ширкат муаррифӣ менамуданд»* [Вестник ТНУ, 2, 2024:75]. – *«На протяжении многих лет компании рассматривали свои производственные планы как процесс обязательной* ***оценки*** *предстоящих* ***доходов и расходов*** *предприятия».*

Девербатив *баҳодиҳӣ* соотнесён с составным именным глаголом *баҳо додан / баҳодиҳӣ кардан – оценивать*. Валентная модель глагола включает позиции субъекта и объекта: *касе ба касе/чизе баҳо дод – кто-либо оценил кого-/что-либо*. В сочетании *баҳодиҳии ҳатмии даромад ва харочоти дарпешистодаи ширкат* компонент *даромад* ва *харочоти дарпешистодаи ширкат* обозначает предмет оценки, то есть то, на что направлено действие оценивания. Следовательно, данный компонент заполняет объектную валентность девербатива *баҳодиҳӣ* и может рассматриваться как объектный актант. Синтаксически девербативная конструкция оформлена изафетной конструкцией *баҳодиҳи**и** даромад ва харочот.*

3. **Выражение адресатного и реципиентного актантов**. Реципиентный актант (реципиент) обозначает участника ситуации, которому направлено действие или который выступает получателем определённого объекта, информации, услуги, права либо доступа. В глагольной конструкции данный актант обычно реализуется формой дательного падежа и соотносится с вопросом *кому?*: *оказать населению помощь*. При переходе глагольной конструкции в девербативную реципиентная позиция сохраняется: *оказание помощи населению*. Следовательно, при девербативах реципиентный актант выступает как унаследованная от производящего глагола валентная позиция, обозначающая получателя или адресата девербативного действия.

«Поскольку процесс социальной (образовательной) инклюзии предполагает не просто ***предоставление целевым группам*** *(в нашем случае — представителям коренных народов) доступа к тем или иным благам (образовательным услугам)...»* [Вестник ТГУ, 474, 2022:147].

В приведённом примере адресатно-реципиентная валентность реализуется при девербативе *предоставление.* Данный девербатив генетически и семантически связан с производящим глаголом *предоставить / предоставлять*, валентная модель которого включает позиции субъекта, адресата и объекта: *кто-либо предоставляет кому-либо что-либо*: *Процесс предоставляет целевым группам доступ*. В рассматриваемой конструкции компонент *целевым группам* выражает адресатно-реципиентный актант, поскольку обозначает группу лиц, которым направлено действие предоставления. Синтаксически данный актант оформлен формой дательного падежа. Компонент *доступа* заполняет объектную позицию при девербативе предоставление и обозначает то, что предоставляется. Зависимый компонент *к тем или иным благам (образовательным услугам)* конкретизи-

рует содержание доступа. Субъектный актант в данном фрагменте эксплицитно выражен единицей *процесс*.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что девербатив сохраняет от производящего глагола не только как минимум три валентные позиции: субъектную, объектную и адресно-реципиентную, но и реализацию реципиента формой дательного падежа: *предоставить (кому?) целевым группам → предоставление (кому?) целевым группам*.

Обратимся к способам реализации адресатного и реципиентного актантов в таджикском языке. В составе публицистического контекста наблюдается функционирование адресатно-реципиентного актанта при девербативе *хизматрасонӣ: «Дар умум, бо мавриди истифода қарор додани ду коргоҳи истеҳсоли оксиген* ***хизматрасонии тиббӣ ба аҳолӣ*** *боз ҳам беҳтар гардид»* [Ҷумҳурият, 16.06.2025]. – *«В целом, благодаря введению в эксплуатацию двух цехов по производству кислорода оказание* ***медицинских услуг населению*** *стало ещё более качественным».*

Отглагольное существительное *хизматрасонӣ* сохраняет связь с глагольной конструкцией *хизмат расондан* – оказывать услуги, обслуживать, валентная модель которой предполагает наличие адресата: *хизмат расондан ба кӣ? – оказывать услуги кому?* В сочетании *хизматрасонии тиббӣ ба аҳолӣ* компонент *ба аҳолӣ* обозначает получателя медицинских услуг и потому выражает адресатно-реципиентный актант. В таджикском языке данная валентная позиция оформляется аналитически – посредством *предлога ба + имя*, тогда как в русском переводе она может передаваться дательным падежом: *оказание медицинских услуг населению*.

Таким образом, на примере девербатива *хизматрасонӣ* стало очевидным, что отглагольные существительные сохраняют адресатно-реципиентную валентность производящих простых или составных именных глаголов, что оформляется аналитическим способом – посредством *предлога ба + имя*. Это свидетельствует о том, что в таджикском языке адресатный актант при девербативах может выражаться не падежной формой, как в русском языке, а предложной конструкцией, передающей значение направленности действия на его получателя.

4. **Инструментальные компоненты в структуре девербативных конструкций.** Девербативы, сохраняя валентные свойства производящих глаголов, способны присоединять зависимые компоненты в форме творительного падежа. При этом творительный падеж может выражать как субъектный актант девербативного действия (исследование проблемы учёными, принятие закона парламентом), так и инструментальный компонент (измерение температуры прибором, обработка данных программой). Разграничение этих значений осуществляется с учётом семантики зависимого компонента: лицо или коллективный субъект обычно интерпретируется как производитель действия, тогда как предмет, средство, механизм или технология – как инструмент его осуществления.

*«****Защита*** *жизни и здоровья в условиях пандемии* ***гражданско-правовыми способами*** *может эффективно осуществляться лишь при условии качественного законодательства»* [Вестник ТГУ, 474, 2022:255].

В приведённом примере инструментальный актант зависит от девербатива *защита*. Данный девербатив сохраняет связь с исходным глаголом *защитить / защищать*, валентная модель которого предполагает наличие как минимум четырех позиций: субъектной, объектной, инструментальной и обстоятельственной: *кто-то защищает кого-то, чем-то, как-то*: *Некто/нечто защищает жизнь и здоровье гражданско-правовыми способами в условиях пандемии.*

В рассматриваемой девербативной конструкции словосочетание *гражданско-правовыми способами* выражает инструментальное значение: оно указывает на средство или способ осуществления защиты. Синтаксически данный компонент оформлен формой творительного падежа неодушевленного существительного. В свою очередь, конструкция *жизни и здоровья* заполняет объектную валентность девербатива *защита*, поскольку обозначает объект, на который направлено действие. Сочетание в *условиях пандемии* характеризует обстоятельственную обстановку реализации действия и выступает сирконстантом условия, а компонент *при условии качественного законодательства* обозначает условие эффективности защиты.

Таким образом, можно заключить, что анализируемый девербатив унаследовал валентность производного глагола. Более того, инструментальный компонент в обоих случаях, выраженный компонетом *гражданско-правовыми способами*, обозначает не производителя действия, а механизм, при помощи которого осуществляется защита, и синтаксически он оформлен формой творительного падежа.

Рассмотрим способы выражения инструментальных компонентов в структуре девербативных конструкций таджикского языка.

*«**Баҳодиҳии** аҳамиятнокии коэффисиентҳои регрессия ва коррелятсия **бо ёрии t-критерияи Стюдент** бо роҳи мувофиқгузории қимати онҳо бо бузургии хатоии стандартӣ иҷро карда мешавад»* [Вестник ТНУ, 1, 2023:46]. – *«**Оценивание** значимости коэффициентов регрессии и корреляции осуществляется **с использованием t-критерия Стьюдента** посредством соотнесения их значений с величиной стандартной ошибки».*

В данном фрагменте научного текста центральным компонентом девербативной конструкции является *баҳодиҳӣ*, соотносимый с составным именным глаголом *баҳо додан / баҳодиҳӣ кардан – оценивать*. Валентная структура предполагает наличие субъекта оценочной деятельности и объекта оценки: *касе ба касе/чизе бо ёрии чизе баҳо медиҳад – кто-либо оценивает кого-/что-либо с помощью чего-либо.*

Сочетание *бо ёрии t-критерияи Стюдент* выражает инструментальный компонент: оно указывает на средство, с помощью которого осуществляется оценивание. В таджикском языке данное значение передаётся аналитически посредством конструкции *бо ёрии + имя*. Компонент *аҳамиятнокии коэффисиентҳои регрессия ва коррелятсия* заполняет объектную валентность девербатива, поскольку обозначает предмет оценивания – значимость коэффициентов регрессии и корреляции. Компонент *бо роҳи мувофиқгузории қимати онҳо бо бузургии хатоии стандартӣ* дополнительно конкретизирует способ выполнения оценки и

показывает, каким путём реализуется данное действие. Следовательно, при девербативе *баҳодиҳӣ* объектная валентность выражается изафетной конструкцией, а инструментально-способовое значение – аналитическими средствами *бо ёрии* и *бо роҳи*.

5. **Выражение локативных и направительных компонентов**. Локативные и направительные компоненты в структуре девербативных конструкций обозначают пространственные параметры ситуации, выраженной отглагольным существительным. Они указывают на место осуществления действия, исходный пункт, конечный пункт, направление движения или сферу локализации процесса. Данные компоненты особенно характерны для девербативов, образованных от глаголов движения, перемещения, размещения, включения, вступления, возвращения, выхода, поступления и распространения. В таких случаях пространственный компонент может быть обусловлен семантикой производящего глагола и выступать как локативный или направительный актант. Синтаксически локативные и направительные компоненты чаще всего выражаются предложно-падежными формами: *в + винительный падеж, на + винительный падеж, из + родительный падеж, с + родительный падеж, к + дательный падеж, в + предложный падеж, на + предложный падеж*. Их конкретное значение зависит от семантики производящего глагола: формы типа *в город, на рынок, к границе* обозначают направление или конечный пункт движения; формы типа *из страны, с рынка, от границы* указывают на исходный пункт; формы типа *в регионе, на территории, в организации* выражают место или сферу локализации действия.

«Также в формате свободного нарратива информантка повествует о том, как было принято решение о ***переезде в Пермь*** *и полученми высшего образования»* [Вестник ТГУ, 474, 2022:147].

В рассматриваемой девербативной конструкции локативно-направительная позиция реализуется при отглагольном существительном *переезд*. Данный девербатив восходит к глаголу *переехать / переезжать*, валентная модель которого предполагает наличие субъекта перемещения и конечного пункта движения: *кто-либо переезжает куда-либо*.

В девербативной конструкции *переезд в Пермь* компонент *в Пермь* выражает направительный компонент, указывающий на конечный пункт перемещения. Он оформлен предложно-падежной формой *в + винительный падеж*. Субъектный актант при девербативе переезд в данной конструкции эксплицитно не выражен, однако восстанавливается из контекста: речь идёт об информантке. Следовательно, девербатив *переезд* сохраняет направительную валентность производящего глагола, а компонент *в Пермь* выступает не как обычный сирконстант места, а как валентно обусловленный направительный актант.

В приведенном ниже фрагменте таджикского научного текста направительный компонент соотносится с девербативом *ҷойивазкунӣ*, обозначающим процесс перемещения предмета в пространстве: *«****Ҷойивазкунии*** *поршенро ба тарафи рост идома дода, онро дар ҳолате ҷой медиҳанд, ки сатҳи садо дар баромадгоҳи баландгӯяк қимати максималӣ гирад»* [Вестник ТНУ, 1, 2023:34]. – *«Продолжая* ***перемещение*** *поршня вправо, его устанавливают в таком положении, при ко-*

тором уровень звука на выходе громкоговорителя достигает максимального значения».

Девербатив *ҷойивазкунӣ* восходит к составному глаголу *ҷой иваз кардан* – перемещать, менять положение – и обозначает процесс изменения положения предмета в пространстве. Валентная структура данного глагола предполагает наличие субъектного и объектного актанта: касе ҷои чизеро иваз кард – кто-то переместил что-то.

Рассматриваемое отглагольное существительное, будучи производным от *ҷой иваз кардан*, сохраняет его систему актантных связей. Компонент *поршен* обозначает объект перемещения, то есть предмет, на который направлено действие. Субъектный актант эксплицитно не выражен. Девербатив *ҷойивазкунӣ* обозначает процесс перемещения, однако лицо, осуществляющее данное действие, в структуре девербативной группы не названо. Сочетание *ба тарафи рост* выражает направительный компонент, поскольку указывает направление осуществления перемещения. Данный компонент связан с семантикой производящего глагола движения и поэтому может рассматриваться как валентно обусловленный направительный актант. В таджикском языке такая направительная семантика оформляется аналитически посредством предлогов *аз* и *ба* в сочетании с пространственным ориентиром *тарафи, самти*.

В таджикском языке локативный актант или локативный компонент девербативной конструкции может получать синтаксическое выражение посредством предложно-именной конструкции с предлогом *дар*, который указывает на место, пространственную сферу или территориальные рамки реализации действия: *дар шаҳр – в городе, дар мактаб – в школе*. При девербативах такая конструкция соотносится с локативной семантикой производящего глагола и конкретизирует пространство, в пределах которого осуществляется обозначенный процесс.

Сопоставительный анализ валентностных свойств девербативов в русском и таджикском языках показывает, что в двух языках отглагольные существительные сохраняют связь с производящими глаголами и способны воспроизводить основные участники исходной предикативной ситуации. Девербатив выступает как средство свертывания глагольной конструкции в именную, однако при этом не утрачивает полностью актантную структуру производящего глагола.

Общим для русского и таджикского языков является сохранение субъектной, объектной, адресатной, инструментальной, локативной и направительной семантики при девербативах. При этом объектная валентность оказывается наиболее устойчивой: девербативы регулярно сохраняют зависимый компонент, обозначающий предмет действия, оценки, исследования, изменения, создания или воздействия. Субъектный актант также может быть выражен, однако в двух языках он часто опускается или восстанавливается из контекста, особенно в научных и публицистических текстах.

Различия между языками проявляются прежде всего в способах синтаксического оформления актантов. В русском языке валентные позиции девербативов реализуются с помощью падежных и предложно-падежных форм: родительного, творительного, дательного падежей, а также конструкций с предлогами *в, на, из,*

к, для, с помощью и др. В таджикском языке, в отличие от русского, преобладают аналитические средства выражения: изафетная связь, предлоги *ба, бо, дар, аз*, конструкции *аз ҷониби, бо ёрии, бо роҳи* и порядок слов.

Таким образом, в русском языке синтаксическая реализация валентности девербативов в большей степени связана с падежно-предложной системой, тогда как в таджикском языке она осуществляется преимущественно аналитико-синтаксическими средствами. Однако функционально сопоставляемые языкы демонстрируют сходную закономерность: девербатив сохраняет валентностный потенциал производящего глагола и способен организовывать вокруг себя зависимые компоненты, отражающие участников и обстоятельственные параметры свернутой предикативной ситуации.

Литература

1. Бобоева М.М. Семантика и валентность глаголов эмоционального состояния в таджикском и немецком языках: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Бобоева Мадина Маруфовна. – Душанбе, 2019. – 170 с.
2. Каримова Н.И. Лексико-семантическая классификация некоторых групп глаголов в русском и таджикском языках в сопоставительном плане: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхомбековна. – Душанбе, 2006. – 218 с.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – 216 с.
4. Рустамзода Г. Предложения с присловным объектным распространением в русском и таджикском языках: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Рустамзода Гуландом. – Душанбе, 2007. – 141 с.
5. Саидова Ф.З. Актуализация таксиса в русском и немецком языках (на материале отглагольных существительных) // Вестник университета (РоссийскоТаджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №1 (79). – С.203-211.
6. Саидова Ф.З. Структурно-семантические особенности девербативных конструкций в системе разноструктурных языков // Политическая лингвистика. – 2026. – №3. – С.199-206.
7. Султанова Р.М. Девербативы как результат морфологической деривации в системе частей речи русского и таджикского языков // Вестник университета (РоссийскоТаджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – №4 (90). – С.35-44.
8. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр.; вступ. ст. и общ. ред. В.Г.Гака. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
9. Усмонов Дж.К. Семантико-грамматическая характеристика глаголов ощущения в русском и таджикском языках: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Усмонов Джумабой Кульджанович. – Душанбе, 2014. – 141 с.
10. Ходжаева С. О. Глагольные словосочетания с объектным отношением в таджикском и английском языках: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Ходжаева Сурайё Очиловна. – Душанбе, 2003. – 127 с.
11. Шустова С.В., Смирнова Е.А. Глагольная валентность как семантико-грамматическая категория // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – Т.7, вып. 4 (32). – С.21-29.

REALIZATION OF THE VALENCE POTENCIAL OF DEVERBATIVES IN RUSSIAN AND TAJIK

Sultanova Rafohat Mirzoevna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str.30
Ph.: (+992) 80 666 66 68 (mobile)
rafoat10@mail.ru

Saidova Fariza Zohirovna

Lecturer of the chair of of Romance and Germanic languages
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str.30
Ph: (+992) 93 433 30 40 (mobile)
fssaidova@mail.ru

This article deals with the valence properties of deverbatives in Russian and Tajik. The primary focus is on the ability of deverbal nouns to retain the semantic-syntactic potential of their source verbs and to organize dependent components around themselves that reflect the participants and circumstantial characteristics of the original verbal situation. The analysis demonstrates that deverbatives in the languages under comparison are capable of realizing subject, object, addressee, instrumental, locative, and directional dependencies. It has been determined that object valency is the most stable, as deverbal nouns consistently retain the component denoting the object of an action, evaluation, investigation, change, creation, or impact. The subject actant may also receive formal expression, though it is frequently omitted and inferred from the context. The study establishes that the commonality between Russian and Tajik lies in the deverbal nouns' retention of a link to the original verbal construction, whereas differences arise from the methods of syntactically encoding dependent components. In Russian, case forms and prepositional-case forms play a leading role, while in Tajik, the “izafet” construction, prepositions, analytic constructions, and word order are decisive. The authors conclude that the combination of a nominal form and predicative semantics defines the distinct syntactic status of the deverbal noun as a means of nominalization and the expression of condensed predicativity.

Keywords: deverbal noun; verb-derived noun; valency; syntactic potential; predicativity; nominalization; subject actant; object actant; addressee actant; instrumental component; locative component.

ТАТБИҚИ ИМКОНИЯТИ ВАЛЕНТНОКИИ ДЕВЕРБАТИВҲО ДАР ЗАБОНҲОИ РУСӢ ВА ТОҶИКӢ

Султанова Рафоҳат Мирзоевна

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 80 666 66 68 (м.)
rafoat10@mail.ru

Саидова Фариза Зоҳировна

Муаллими кафедраи забонҳои романӣ-германӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 433 30 40 (м.)
fssaidova@mail.ru

Дар мақола хусусиятҳои валентӣ ва синтаксисии девербативҳо дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд. Таваҷҷуҳи асосӣ ба қобилияти исмҳои аз феъл сохташуда ҷиҳати нигоҳ доштани имкониятҳои семантикӣ-синтаксисии феълҳои асоси калимасоз ва дар атрофи худ муттаҳид намудани ҷузъҳои тобеъ, ки иштирокчиён ва хусусиятҳои ҳолии вазъияти ибтидоии феълиро инъикос мекунанд, равона шудааст. Таҳлил нишон медиҳад, ки девербативҳо дар забонҳои муқоисашаванда метавонанд вобастагиҳои субъектӣ, объектӣ, қабулкунанда, воситавӣ, маконӣ ва самтиро амалӣ намоянд. Валентнокии объектӣ нисбатан устувор буда, исмҳои феълӣ мунтазам ҷузъи тобеъеро нигоҳ медоранд, ки объекти амал, арзёбӣ, таҳқиқ, тағйир, эҷод ё таъсирро ифода мекунад. Актанти субъектӣ низ метавонад ифодаи шаклӣ дошта бошад, аммо дар бисёр мавридҳо ҳазф гардида, аз матн барқарор карда мешавад. Муайян шудааст, ки умумияти забонҳои русӣ ва тоҷикӣ дар нигоҳ доштани робитаи девербатив бо сохтори феълии ибтидоӣ зоҳир мегардад, дар ҳоле ки тафовутҳо асосан ба воситаҳои синтаксисии ифодаи ҷузъҳои вобаста марбутанд. Дар забони русӣ шаклҳои падежӣ ва пешояндиву падежӣ, дар забони тоҷикӣ бошад, алоқаи изофӣ, пешояндҳо, сохторҳои аналитикӣ ва тартиби калимаҳо нақши муҳим доранд. Хулоса мешавад, ки омезиши шакли исмӣ ва семантикаи предикативӣ мақоми махсуси синтаксисии девербативро ҳамчун воситаи номинализатсия ва ифодаи предикативияти фишурда муайян мекунад.

Калидвожаҳо: девербатив; исми феълӣ; валентнокӣ; имконияти синтаксисӣ; предикативият; номинализатсия; актанти субъектӣ; актанти объектӣ; актанти қабулкунанда; ҷузъи воситавӣ; ҷузъи маконӣ.

УДК 81.374

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМ *ПРОСТРАНСТВО* И *ЛОКАЦИЯ* (на материале Национального корпуса русского языка)

Иванова Светлана Сергеевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7(495) 434 00 01, доб. 1586
ivanova-ss@rudn.ru

Левина Вера Николаевна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 15 86
levina-vn@rudn.ru

Вологина Наталья Владимировна

Кандидат политических наук, доцент,
проректор по учебной работе
МОУ ВО «Белорусско-Российский университет»
212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, 43
Тел.: +375 22 271 28 21
nvshel@mail.ru

Лонцкая Мария Алексеевна

Старший преподаватель кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586
lontskayamaria@gmail.com

Статья посвящена исследованию семантико-функциональной специфики лексем *пространство* и *локация* на материале Национального корпуса русского языка (Подкорпус «Социальные сети»). Выборка контекстов употребления лексем *пространство* и *локация* производилась из текстов постов русскоязычной социальной сети «ВКонтакте», которая работает в России начиная с 2006 года. Исследования интернет-дискурса актуальны в современной лингвистике, поскольку в настоящее время виртуальное пространство является неотъемлемой частью жизни человека и, соответственно, частью его языковой картины мира. В статье рассматриваются семантические особенности указанных лексем в сопоставительном аспекте. В процессе исследования авторы обращаются к словарным дефинициям лексем *пространство* и *локация,* для чего привлекают авторитетные лексикографические источники, анализируют контекстные значения указанных лексем в текстах постов, которые отражают их функциональную специфику в интернет-тексте. Словарные значения рассматриваемых лексических единиц сопоставлены с теми значениями, которые были выявлены в ходе анализа корпусных данных. Наряду с этим, выявлены особенности сочетаемости лексем *пространство* и *локация* с глаголами, прилагательными, существительными. Наконец, сделаны выводы относительно сходств и различий в семантическом объеме указанных лексем.

Ключевые слова: семантика; лексема; пространство; локация; семантико-функциональный анализ; репрезентация; предикация.

Целью данной статьи является сопоставительный анализ семантико-функциональных особенностей лексем *пространство* и *локация*, активно употребляемых в текстах такого жанра интернет-дискурса, как пост.

Начиная с последних десятилетий XX века применительно к гуманитарной парадигме, ученые и философы все чаще говорят о так называемом пространственном, или, иначе, топологическом повороте в исследованиях. Пространственный поворот, подобно лингвистическому, «ставит синхроническое над диахроническим, системное над историческим, языковую систему над последовательным использованием речи» [2, с.339]. Следует отметить, что после Второй мировой войны в культуре наблюдается двойственная тенденция, связанная с осознанием роли пространства. С одной стороны, появляются новые границы, пространственные диспаритеты, все больше претензий на разграничения. С другой стороны, происходит диспатиализация и делокализация. Развитие телекоммуникаций приводит к «уплотнению» и расширению пространства посредством быстрого преодоления границ и пониманию мира как «глобальной деревни». Но даже при таком понимании пространство не исчезает; напротив, наблюдается тенденция «возвращения локального, принадлежности какому-то месту, родного места – иными словами, тенденция к стабилизации идентичностей, вплоть до сепаратизма культур и до утрирования локальных и культурных различий в конфликтных процессах» [2, с.342]. По словам А.В.Шалаевой, «представители самых разных дисциплин все чаще стали говорить о том, что пространство имеет значение для понимания множества социальных и культурных феноменов. Это сказалось в постоянном увеличении массива публикаций по социальной и культурной географии, исследовании пространства в различных его аспектах» [17, с.129].

Современная научная мысль использует термин «пространство» максимально широко. Так, говорят о географическом, континентальном, экономическом, экологическом, национальном, социологическом, политическом, коммерческом, демографическом, мировом пространстве, пространстве природы, даже пространстве досуга и целого ряда других пространств [10, с.23]. Пространство не ограничивается лишь физической данностью, оно наполнено также возможными моделями реальности (фиктивными пространствами) [2, с.362]. Представляется интересным, что об этом же, только в художественной форме, говорит аргентинский писатель и публицист Х.Л.Борхес (1899-1986) в новелле «Сад расходящихся тропок», в которой показано множество моделей жизни, альтернативных реальности. Герой новеллы доктор Стивен Альбер, размышляя о таких возможностях, говорит о том, что мир есть разветвленная сеть параллельных времен и пространств. В одном из них существует он сам и герой-рассказчик Си Пэн, в другом есть только Стивен Альбер, в третьем только Си Пэн. Или иная сетка возможностей: Си Пэн приходит в дом Стивена Альбера и осматривает сад, в другой – находит хозяина мертвым, в третьем – Стивен Альбер существует лишь как мираж, призрак [5]. Таким образом, по мысли Х.Л.Борхеса, все пространственные и временные континуумы, как реальные, так и вероятностные, сосуществуют одновременно.

Пространство – это не территориальность, родина или хранилище традиций, не резервуар, но социальное производство как неоднородный и подчас противоречивый социальный процесс, «динамика социальных отношений, указывающих на изменчивость пространства»; это «процесс социального производства восприятия, использования и освоения, тесно связанный с символическим уровнем репрезентации пространства (посредством кодов, знаков, карт)» [2, с.344-347]. Пространственный поворот связывает с явлением транснационализации. В будущем пространство не может пониматься как статический резервуар культурных традиций, связанный с национальным ареалом.

Именно интересом современной гуманитаристики к проблемам категоризации, репрезентации пространства и пространственных образов и объясняется актуальность представленного исследования. Следует отметить, что аспектам языковой концептуализации пространства посвящены работы многих лингвистов [1; 7; 8; 10; 13; 17].

Категория пространства связывает ментальное и культурное, социальное и историческое [2, с.11]. В ней совмещаются три составляющих: открытие, производство, создание. Открытие – это обнаружение неизвестных пространств (мест, континентов, космических пространств). Производство – это конструирование устройства, характерного для данного общества. Создание – это, по существу, оформление локуса подобно художественному произведению, например, урбанистического пейзажа. При этом «любой пространственный механизм основан на соположении в сознании и на физическом совмещении элементов, чью синхронность производим мы» [2, с.11].

В рамках данной статьи в качестве материала анализа привлекаются текстовые фрагменты, выделенные из Национального корпуса русского языка (далее –

НКРЯ). Обращение к корпусу обусловлено тем фактом, что, по словам В.А.Плунгяна, «в современной теоретической лингвистике корпус – это не только мощный инструмент исследования языка, но и новая идеология, ориентирующая исследователя на текст как главный объект теоретической рефлексии» [15, с.14].

Для аналитического исследования из НКРЯ нами были выбраны контексты употребления лексем *пространство* и *локация*, представленные в постах русскоязычной социальной сети «ВКонтакте», основанной в 2006 году. Ее аудитория, по данным на 2022 год, составляла около 47 млн пользователей. Это свидетельствует о востребованности данной платформы и степени ее влияния в современном информационном пространстве. Пост при этом понимается нами как одна из ключевых единиц современной медиакоммуникации, а именно текст, сопровождаемый / не сопровождаемый визуальным контентом, размещенный интернет-пользователями в их социальных сетях [11, с.160]. Выборке подверглись контексты, включающие лексемы *пространство* и *локация*, функционирующие в текстах постов, созданных в 2019-2022 гг.

В НКРЯ представлено около 164 тыс. текстов, включающих лексему *пространство*, и около 32 тыс. текстов, содержащих лексему *локация*. Необходимо сразу подчеркнуть, что в рамках данной статьи мы не претендуем на выявление всей полноты семантико-функциональных особенностей лексем *пространство* и *локация*. Речь, скорее, идет о попытке определения общих закономерностей функционирования данных лексических единиц, а также аспектов их семантики, что впоследствии станет основой для проведения более масштабных исследований.

На первом этапе нашей работы остановимся на анализе лексикографических данных. Рассмотрим значения, представленные в «Словаре русского языка» в 4-х тт. под редакцией А.П.Евгеньевой (1981–1984) (далее – МАС) и «Большом академическом словаре русского языка» (2012). Так, МАС зафиксированы следующие значения лексемы *пространство*:

1. Неограниченная протяженность (во всех измерениях, направлениях). *Бесконечное пространство. Воздушное пространство. Мировое пространство*. || филос. Одна из основных всеобщих объективных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом. *В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм.*

2. Место, способное вместить что-л. *Между слипшимися комочками земли образовалось свободное, наполненное воздухом пространство. Соколов-Микитов, В Каменной степи.*

3. Большой участок земной поверхности. *Перед нами открылось широкое, холмистое, постепенно понижавшееся пространство, покрытое то нивами пшеницы, то кукурузными полями <…>.*

4. устар. Промежуток (времени). *Стихотворения, напечатанные ныне г. Вердеревским, обнимают пространство времени в одиннадцать лет. Добролюбов, <…>* [16].

Далее обратимся к «Словарю современного русского литературного языка», где представлен следующий спектр значений слова *пространство*:

1. Одна из основных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом. *Некоторые теоретики считают, что черная дыра – колодец во времени и пространстве, коридор в иные миры.*

2. Неограниченная протяженность во всех измерениях, направлениях. Бесконечное пространство || Космическое, межпланетное, безвоздушное пространство. *Человек запустил этот корабль в безвоздушное пространство.*

3. Промежуток между чем-либо; место, где что-либо вмещается или способно вместиться. *[Аннушка] скрывалась за печку, где ей было отведено крохотное пространство*.

4. Большой участок земной, водной поверхности. *Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою девственною пустынею.*

5. Пределы, в которых существует какое-либо явление. *Пространство языка расширялось веками* [3, с.283].

На втором этапе нашего анализа мы обращаемся к семантическому анализу контекстного употребления лексемы *пространство* в постах, представленных в русскоязычной социальной сети «ВКонтакте», где были выявлены следующие значения указанной лексической единицы:

1. Пространство как физическая категория (вместилище, локус), например:

– *...сделать городское* ***пространство*** *уютнее и экологичнее...* [14].

– *Женщины по природе хуже ориентируются в* ***пространстве***... [14].

– ***Пространство*** *вокруг становится просто фоном…* [14].

– *Желание очищать* ***пространство*** *вокруг себя…* [14].

– *Дизайнеры стремились сделать* ***пространство*** *функциональным, максимально легким…* [14].

В текстах постов *пространство* предстает, с одной стороны, как физическая категория (территория, место), с другой стороны, оно предельно антропоцентрично. Авторы постов говорят не о пространстве как таковом, но о вполне конкретных локусах, в которые «встроен» сам говорящий и его окружение *(дом, сад, город и т.д.)* и которое говорящий конструирует по своему желанию.

Отметим, что лексема *пространство* имеет и специализированное значение – расстояние между органами человеческого тела. В данном случае эта лексема включена в терминологические словосочетания (например, *межзубное пространство, межклеточное пространство*), например:

– *Очистка* ***межзубных пространств*** *зубной нитью очень эффективна, главное овладеть…* [14].

– *Полощите рот водой, а для очистки* ***межзубных пространств*** *используйте ирригатор или зубную нить* [14].

– *Массаж выводит клетки из* ***межклеточного пространства****, улучшает кровоток...* [14].

Пространство как «вместилище» может быть как физическим (помещение, здание), так и виртуальным (интернет-среда):

– *С помощью цвета, стен и стеклоблоков* ***пространство*** *разделили на несколько функциональных зон* [14].

– *Я помню, когда начала делать первые «шаги» в* ***онлайн-пространстве*** [14].

Пространство как физическая категория выступает предметом отображения на живописном полотне. При этом художник может работать с пространством, владеть им, выстраивая сюжет картин, например: *Его работы отличает характерное свободное владение* ***пространством****, космическая цветовая палитра и богатство фактуры* [14].

Также в текстах постов фиксируется еще одно узкое значение лексемы *пространство – «*поверхность, на которую наносится изображение»:

Развивает мышление, воображение и ориентировку в ***пространстве*** *листа* [14].

Еще одним значением лексемы *пространство*, в котором она употребляется в текстах постов, является значение «место проведения мероприятий». В этом случае *пространством* именуются, например, *галерея, выставка, арт-салон, арт-резиденция, коворкинг, кластер, магазин, ресторан и т.д.* Лексема *пространство* употребляется, например, в сочетании с корнем *арт-*, а также лексемами *продукты, гастрономический.* Приведем ряд примеров:

– *В году Ленинградская область порадует жителей новыми общественными* ***пространствами****, созданными в рамках нацпроекта...* [14].

– *В* ***арт-пространстве*** *«Перламунтр» организуют ярмарку мастер-классов…* [14].

– *На зимнем фестивале «Дело Рук» в* ***арт-пространство*** *«Синий коридоor»* [14].

– *Распределение потенциальных проектов и резидентов для креативных* ***пространств****, питчинг проектных команд, открытая дискуссия…* [14].

– *В 15.00 организуем личную встречу в* ***пространстве*** *продуктов для здорового питания «Гурмалион»* [14].

– *В ТРК «Сити Молл» на 5 этаже открылось ещё одно гастрономическое* ***пространство*** [14].

Очевидно, что отдельный интерес представляет причина, по которой авторы постов предпочитают употребление лексемы *пространство* вместо привычных и, если можно так выразиться, традиционных слов *магазин, галерея* и др. Лингвистический эксперимент планируется на следующих этапах нашего исследования, а в рамках данного исследования мы можем лишь предположить, что слово *пространство* воспринимается говорящими как терминологически емкое и «наукообразное». Учитывая рекламный характер ряда постов, его употребление представляется более удачным для привлечения потенциальных клиентов.

2. Участок земной, водной, воздушной поверхности, например:

Нарушил воздушное ***пространство*** *страны в районе Ормузского пролива…* [14].

3. Пространство как физические и психические структуры человека, например:

Защитить свою личность, эмоции и физическое ***пространство*** *от постороннего вмешательства* [14].

4. Пространство как сфера деятельности, например:

– *Воспитание и развитие личности в современном образовательном* ***пространстве*** *стала современной площадкой для обмена…* [14].

– *Контролировать платежное* ***пространство****…* [14].

5. Пространство как эзотерическая структура, например:

– *Приходим к состоянию полноценности, проявляем в* ***пространство*** *свет и добро*... [14].

– *Их "засасывает" в зеркало — омут,* ***пространство*** *для выдоха и перезагрузки* [14].

– *...нарушает энергообмен в нашем с вами совместном пространстве* [14].

Следует отметить, что в подобных контекстах лексема *пространство* имеет семантику *нематериальный, духовный мир, доступный лишь посвященным*. В ряде случаев лексема *пространство* синонимична лексеме *душа*, например:

Это уже есть в вашем ***пространстве****, а значит, точно проявится в реальности* [14].

Употребление лексемы *пространство* вместо традиционной для религиозного дискурса лексемы *душа* связано, полагаем, с попыткой говорящего представить разного рода эзотерические теории научно обоснованными и, соответственно, привлекательными для потенциальных адептов.

6. Пространство как период жизни человека (и здесь категория пространства тесным образом связана с категорией времени), например:

Дошкольное детство: ***пространство*** *воспитания и развития личности…* [14].

7. Пространство как личная жизнь человека. Под *личным пространством* понимаются не столько личные территориальные аспекты жизни человека (хотя и их нельзя отрицать), сколько его эмоциональная независимость, а также сфера интересов [12, с.23]. Приведем следующие контекстные употребления лексемы *пространство*:

– *Партнеры вспоминают о своём личном* ***пространстве****, о хобби и увлечениях...* [14].

– *Потому что уважение к личному* ***пространству*** *создаёт доверие, а не дистанцию* [14].

В целом, можно отметить, что в текстах постов русскоязычной социальной сети «ВКонтакте», написанных в 2019-2022 гг., наблюдается детализация семантики лексемы *пространство*. Рассмотрим, какие контекстные значения указанной лексемы, совпадают с узуальными, а какие и в какой степени в диахронии отличаются.

В текстах постов представлены значения, сходные с закрепленными в лексикографических источниках, а именно: «одна из основных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом», «неограниченная протяженность во всех измерениях, направлениях», «промежуток между чем-либо; место, где что-либо вмещается или способно вместиться», «большой участок земной, водной поверхности», «пределы, в которых существует какое-либо явление». При этом значение «неограниченная протяженность во всех измерениях, направлениях» конкретизируется, то есть появляется сема «виртуальная форма существования» (пространства). Значение «пределы, в которых существует какое-либо явление» также уточняется, появляются семы «сфера деятельности», «личная жизнь человека, сфера интересов».

С точки зрения семиотики, лексема *пространство* как языковой знак репрезентирует абстрактный объект. В концепции Ч.Пирса и У.Морриса языковой знак включает «имя» (лексема), референт (объект, к которому отсылает знак) и представление о референте, существующее в сознании субъекта речи. Языковые знаки пространство, локация имеют своими референтами абстрактную категорию, понятие. Отсюда, такого рода знаки составляют трудности для интерпретации. Соответственно, в текстах авторы стремятся сделать их понимание максимально точным, ясным. Именно поэтому имена пространство и локация употребляются вместе с предикатными знаками.

С позиций логической семантики, предикаты классифицируются на внутренние и внешние. Внутренние предикаты репрезентируют свойства, качества, характеристики объекта (например, цвет, размер, переход из одного состояния в другое и др.). Внешние же предикаты отображают отношения данного объекта с другими (например, расположение, взаимодействие с другими предметами и др.) [6, с.28]. Поэтому нам было важно проследить, какими предикатами сопровождается лексема *пространство* в текстах постов. В процессе выборки из НКРЯ мы задали такой параметр, как сочетаемость лексемы пространство с глаголами и прилагательными. В результате были выявлены следующие закономерности.

Лексема *пространство* функционирует в сочетании с предикатами, выраженными глаголами:

1) с семантикой физического действия (пространство может расширяться), например:

Разместили спальню, а наличие балкона визуально ***расширило*** *пространство* [14].

2) с семантикой речи (пространство, подобно человеку, может говорить), например:

Улыбаюсь от того как же тонко ***говорит*** *пространство через карты…* [14].

3) с «креативной» семантикой (пространство может быть создано, сконструировано человеком), например:

– *Стать более эффективным в помощи людям и* ***создавать*** *пространство для их роста* [14].

– *Встроили в нишу из шкафов, чтобы максимально* ***оптимизировать*** *пространство и создать красивую композицию* [14].

4) репрезентирующими пространство как емкость (пространство может быть наполнено чем-либо, в нем можно занять место), например:

– *Авантюрин, он* ***собирает из*** *пространства любовь* [14].

– *Наша душа* ***занимает место в*** *пространстве…* [14].

5) с семантикой «открыть» (пространство может быть открыто чем- или кем-либо), например:

Расположение дверей вдоль окон ***раскрыло*** *пространство и изменило его восприятие* [14].

6) с семантикой «преодоление» (пространство можно превозмочь, переместиться сквозь него. На это способно, например, искусство), например:

Музыка – это искусство, способное ***преодолевать*** *время и пространство, связывать поколения…* [14].

7) визуального восприятия (подобно живому существу, пространство может смотреть на мир и человека), например:

Я обычно прошу просто показать, как пространство ***считывает*** *меня сейчас…* [14].

Вместе с тем в анализируемых текстах постов выявлены сочетания лексемы *пространство* с предикатами, выраженными именами прилагательными.

1) прилагательные светообозначения, например:

Квартира спроектирована для девушки, которая хотела создать в ней просторное ***светлое*** *пространство…* [14].

2) прилагательные с «витальной» семантикой, например:

Обнажили кирпичную кладку, восстановили старинную лепнину – благодаря этому пространство ***выглядит живым****…* [14].

3) прилагательные, описывающие эмоциональное состояние, например:

Это [выставка] открытое и ***дружественное*** *пространство...* [14].

Кроме того, нами была проанализирована сочетаемость лексемы *пространство* с предикатами, выраженными **существительными и местоимениями**, например:

– *Помогают в* ***очищении*** *вашего эмоционального пространства…* [14].

– *Ребята, у которых есть еще и* ***свое*** *пространство…* [14].

Таким образом, сочетания лексемы *пространство* со словами, относящимися к перечисленным выше частям речи, представляют собой метафору. В концепции Дж.Лакоффа метафора основывается на взаимодействии двух когнитивных структур: источника (*source domain*) и цели (*target domain*). В процессе метафоризации цель уподобляется источнику [9, с.10]. В этом процессе значимую роль играет наш эмпирический опыт. «Когда объекты недискретны и неразграничены, мы все же их классифицируем как четко определенные и разграниченные» [9, с.50]. Наш опыт взаимодействия с дискретными материальными объектами создает основу для конструирования так называемых онтологических метафоры, когда недискретные «предметы» воспринимаются как физические сущно-

сти. Именно это и происходит, когда абстрактная категория *пространство* репрезентируется по аналогии с миром эмпирически доступным и самим человеком [9, с.50]. Оно может расширяться, быть светлым или темным, очищаться, говорить. В результате абстрактная категория мыслится как «приближенная» к человеку и доступная познанию.

В рамках данной статьи, как было указано выше, наша цель заключается в сопоставлении функционально-семантических особенностей лексем *пространство* и *локация*, поэтому далее будет закономерно обратиться к семантико-функциональной характеристике лексемы *локация*.

Этимология слова *локация* восходит к лат. «locatio» – «размещение». В МАС данная лексема отсутствует. Однако она есть в «Большом академическом словаре русского языка» (2012): *локация* – это определение местонахождения, положения в пространстве какого-либо объекта по испускаемым или отраженным сигналам [4, с.287].

В проанализированных нами текстах постов социальной сети «ВКонтакте» лексема *локация* представлена в несколько ином значении – место, точка расположения, размещения чего-либо. Оно реализуется, например, в следующих контекстах:

– *По словам проректора, данная* ***локация*** *отвечает всем требованиям, необходимым для студентов* (речь идет о расположении студенческого кампуса) [14].

– *Путешествие с учетом ваших предпочтений по проверенным карельским* ***локациям*** *из любой точки России* [14].

– *Вокруг лес, часто меняющиеся* ***локации****, прекраснейший вид на Онежское озеро* [14].

Таким образом, лексема *локация* в диахронии претерпела семантические изменения и ее значение в текстах постов лишь отчасти совпадают с узуальным. Сохранилась сема «положение в пространстве», однако семы «определение местонахождения», «по испускаемым и отраженным сигналам» в текстах утрачиваются. Можно говорить о том, что в настоящее время лексема *локация*, будучи синонимична лексеме *место*, активно используется вместо последней. Представляется интересным проследить причины данного явления с использованием методов экспериментальной лингвистики.

Отметим также, что в ряде случаев лексема *локация* синонимична лексеме *пространство*. Например, легко представить ее на месте *локации* в следующем контексте: *По словам проректора, данная локация отвечает всем требованиям, необходимым для студентов* (*По словам проректора, данное пространство отвечает всем требованиям, необходимым для студентов*) [14].

В процессе анализа словоупотреблений в текстах постов мы сделали выборку лексемы *локация* в сочетании с именами прилагательными. В результате обнаружились следующие закономерности. Лексема *локация* выступает в сочетании с прилагательными, репрезентирующими:

1) территориальные характеристики (это может быть город, часть городского пространства или, например, природа как таковая), например:

– *Второе и третье места рейтинга* ***московских*** *локаций с относительно невысокими ценами заняли* [14].

– *Беговой клуб регулярно проводит тренировки в* ***городских*** *локациях* [14].

– *Экотур: вдохновляющие прогулки по великолепным* ***природным*** *локациям…* [14].

2) оценочное отношение говорящего (оно может быть как позитивным, так и негативным; степень выраженности отношения представлена градуально, от относительно нейтральных (*неудобный*) до максимальной степени (*великолепные, классная, топовые*)), например:

– *Экотур: вдохновляющие прогулки по* ***великолепным*** *природным локациям…* [14].

– *Реально простая и* ***классная*** *локация получилась* [14].

– *Завораживающие места, заброшки,* ***странные*** *локации и города-призраки…* [14].

– *…показывают* ***топовые*** *локации* [14].

– *…неликвидные объекты: те, что расположены в* ***неудобных*** *локациях, с плохой историей строительства…* [14].

3) степень известности (*локация* может быть *известной, знаменитой* и т.п.), например:

– *Рисунок на домах – это наша* ***знаменитая*** *локация Чертов мост, который был построен…* [14].

– *Завтра пригласили на гастроужин в уже* ***известную*** *ростовскую локацию…* [14].

4) степень привлекательности (*локация* в текстах постов предстает как *любимая, удачная* и др.), например:

– *…конечно –* ***одна из*** *моих* ***любимых*** *локаций здесь – это спуск на набережную* [14].

– ***Удачная*** *локация, чудесная погода, много еды…* [14].

5) отношение к истории (территория и все, что на ней расположено, может являться объектом исторического наследия либо же нет), например:

Но верю – мы дождемся действительно красивой, исторической ***локации*** *в самом сердце Тамбова* [14].

6) отношение к сезону (*локация* может характеризоваться в соответствии с сезоном, в который происходит то или иное событие, действие), например:

Одна из самых живописных ***зимних*** *локаций – парк Паанаярви* [14].

7) цветовые характеристики (*локация* наделяется самыми общими характеристиками, отображающими палитру составляющих ее объектов, в той или иной мере насыщенную), например:

Достичь цели ему помогла ***красочная*** *локация и поддержка зрителей* [14].

Прилагательные, которые в контекстах являются предикатами по отношению к имени *локация*, позволяют мыслить точку в пространстве не как абстрактную территорию, но как вполне конкретный «объект».

В результате сопоставления семантико-функциональных особенностей лексем *пространство* и *локация*, используемых интернет-авторами в текстах постов русскоязычной социальной сети «ВКонтакте» нами были выявлены следующие закономерности. Большая часть представленных значений лексемы *пространство*, функционирующей в текстах постов, совпадают с закрепленными в словарях. Однако присутствует и расширение, уточнение указанной семантики. В текстах постов проявляются такие семы, как «виртуальная форма существования (пространства)», «сфера деятельности», «личная жизнь человека, сфера интересов». Лексема же *локация* представлена в текстах постов в несколько ином значении по сравнению с зафиксированным в словарях. Если в словаре указано значение *определение местонахождения, положения в пространстве какого-либо объекта по испускаемым или отраженным сигналам*, то в проанализированных интернет-текстах наблюдается иная семантика лексемы *локация* – это *место, точка расположения, размещения чего-либо*.

Исследование показало, что семантика лексемы *пространство*, безусловно, шире, нежели семантика лексемы *локация*. *Локация* – это точка в пространстве. При этом в ряде случаев в зависимости от контекста данные лексические единицы могут выступать как синонимичные понятия.

Литература

1. Балакина Ю.В. Пространство и время в русскоязычной и англоязычной картинах мира / Ю.В.Балакина, П.Е.Белова, А.В.Соснин // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: матер. Международной конференции «Скребневские чтения» (27-28 октября 2022 г.) – Вып. 4 (33). – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2022. – С.30-40.
2. Бахманн-Медик Д. Культурны повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.
3. Большой академический словарь русского языка.– М.; СПб.: Наука, 2012. – Т.9. – 659с.
4. Большой академический словарь русского языка. – М.; СПб.: Наука, 2012. – Т.21. – 632с.
5. Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lib.ru/BORHES/sad.txt
6. Бразговская Е.Е. Референция и отображение. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006. – 191с.
7. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
8. Каногина (Белова) П.Е. Динамика концептуализации и категоризации пространства и ее отражение в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 5.12.3 / Каногина Полина Евгеньевна. – Нижний Новгород, 2025. – 26 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
10. Лефевр А. Производство пространства. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
11. Ломыкина Н.Ю. Пост: жанрово-форматные характеристики публикации в социальных сетях // Медиалингвистика. – 2025. – Т.12 (S). – С.160-164.
12. Мартиросян К.В. Суверенность личного пространства как предмет теоретического и эмпирического психологического исследования // Науковедение. – 2013. – Вып.6. – С.1-15.
13. Морозова Н.Н. Выражение пространственных отношений в когнитивной семантике // Преподаватель XXI век. – 2015. – №4-2. – С.353-363.

14. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Подкорпус «Социальные сети» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggW (дата обращения: 20.07.2026).
15. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – №16 (2). – С.7-20.
16. Словарь русского языка: в 4 т. // АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.
17. Шалаева А.В. О трансформации понятия пространства в гуманитарных дисциплинах в контексте Topologische Wende // Труды БГТУ. – 2016. – №5. – С.129-132.

SEMANTIC AND FUNCTIONAL FEATURES OF THE LEXEMES *PROSTRANSTVO* AND *LOKATSIYA* (BASED ON THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS)

Iwanova Svetlana Sergeevna

Candidate of philological,
associate professor of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN university
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 1586
ivanova-ss@rudn.ru

Levina Vera Nikolayevna

Doctor of philology, associate professor,
professor of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN university
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 1586
levina-vn@rudn.ru

Vologina Natalia Vladimirovna

Candidate of political sciences, associate professor,
vice-rector for academic affairs
Inter-state educational institution of higher education
“Belarusian-Russian university”
212000, Republic of Belarus, Mogilev, Mir ave, 43
Ph.: +375 22 271 28 21
nvshel@mail.ru

Lontskaya Maria Alexeevna

Senior lecturer of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 1586
lontskayamaria@gmail.com

This article is devoted to the study of semantico-functional specifics of *prostranstvo* and *lokatsiya* lexemes. The study is carried out on the material of the National Corps of the Russian language. The selection of contexts for the use of *prostranstvo* and *lokatsiya* tokens was made from the texts of posts posted on the domestic social network "VK", which has been operating in Russia since 2006. Research on Internet discourse is relevant in modern linguistics, since today virtual space is an integral part of a person's life and, accordingly, part of his linguistic picture of the world. The article analyzes the semantic features of these lexemes in a comparative key. First, we turn to the analysis of dictionary definitions of the *prostranstvo* and *lokatsiya* lexemes. For this purpose, the "Dictionary of the Russian Language" edited by A.P. Evgenieva and "Great Academic Dictionary of the Russian Language" (2012). Next, we analyzed the values in which the *prostranstvo* and *lokatsiya* tokens function in the texts of posts. Dictionary values of both lexemes are compared with those values that were identified in the research material. In addition, the compatibility of *prostranstvo* and *lokatsiya* lexemes with verbs, adjectives, nouns was analyzed. Finally, conclusions are drawn regarding the similarities and differences in the semantic scope of these lexemes.

Keywords: semantics; lexeme; prostranstvo; lokatsiya; functional-semantic analysis; representation; predication.

ХУСУСИЯТҲОИ СЕМАНТИКӢ-ФУНКСИОНАЛИИ ЛЕКСЕМАҲОИ *ФАЗО* ВА *МАКОН* (дар асоси маводи Корпуси миллии забони русӣ)

Иванова Светлана Сергеевна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, дох. 1586
ivanova-ss@rudn.ru

Левина Вера Николаевна

Доктори илмҳои филологӣ, дотсент,
профессори кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, дох. 1586
levina-vn@rudn.ru

Вологина Наталья Владимировна

Номзади илмҳои сиёсӣ, дотсент,
муовини ректор оид ба корҳои таълимӣ
Муассисаи таълимии хусусии таҳсилоти олии
«Донишгоҳи Белоруссияву Россия»
212000, Ҷумҳурии Белоруссия, Могилёв, хиёб. Мира, 43
Тел.: +375 22 271 28 21
nvshel@mail.ru

Лонская Мария Алексеевна

Муаллими калони кафедраи забони русии № 1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, дох. 1586
lontskayamaria@gmail.com

Мақола ба таҳқиқи хусусиятҳои семантикӣ-функсионалии лексемаҳои *фазо* ва *макон* дар асоси маводи Корпуси миллии забони русӣ (зеркорпуси «Шабакаҳои иҷтимоӣ») бахшида шудааст. Интихоби контекстҳои корбурди лексемаҳои *фазо* ва *макон* аз матнҳои постҳои шабакаи иҷтимоии русизабони «ВКонтакте» анҷом дода шудааст, ки аз соли 2006 дар Россия фаъолият мекунад.

Таҳқиқи дискурси интернетӣ дар забоншиносии муосир аҳамияти муҳим дорад, зеро имрӯз фазои маҷозӣ ба қисми ҷудонашавандаи ҳаёти инсон ва мутаносибан ба ҷузъи тасвири забонии ҷаҳони ӯ табдил ёфтааст.

Дар мақола хусусиятҳои семантикии лексемаҳои мазкур дар ҷанбаи муқоисавӣ баррасӣ мешаванд. Дар раванди таҳқиқ муаллифон ба таърифҳои луғавии лексемаҳои *фазо* ва *макон* муроҷиат намуда, барои ин аз сарчашмаҳои муътабари луғатшиносӣ истифода мебаранд ва маъноҳои контекстии лексемаҳои мазкурро дар матнҳои постҳо таҳлил мекунанд. Ин матнҳо хусусиятҳои функсионалии лексемаҳои мавриди таҳқиқро дар матни интернетӣ инъикос менамоянд.

Маъноҳои луғавии воҳидҳои лексикии мавриди таҳқиқ бо он маъноҳое муқоиса карда шудаанд, ки дар рафти таҳлили маълумоти корпусӣ муайян гардидаанд. Ҳамзамон, хусусиятҳои ҳамнишинии лексемаҳои *фазо* ва *макон* бо феълҳо, сифатҳо ва исмҳо муайян карда шудаанд.

Дар ниҳоят, оид ба монандиҳо ва фарқиятҳои ҳаҷми семантикии лексемаҳои мазкур хулосаҳо пешниҳод гардидаанд.

Калидвожаҳо: семантика; лексема; фазо; макон; таҳлили семантикӣ-функсионалӣ; репрезентатсия; предикатсия.

УДК 81'272

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Смолий Елена Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 936 85 84, доб. 2573
smoliy-es@rudn.ru

Повалко Полина Юрьевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 936 85 84, доб. 2573
povalko-pyu@rudn.ru

Колышева Ольга Николаевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 936 85 84, доб. 2573
kolysheva-on@rudn.ru

Гатина Альмира Эмуровна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русской филологии
Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина
720021, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44
Тел.: +996 (312) 66 25 67
A.E.Gatina@krsu.kg

Статья посвящена исследованию роли русского языка, его статуса и основных функций в языковом ландшафте интернационального университета на примере Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью функций и статуса конкретного языка в языковом пространстве образовательных организаций международного уровня. Системный критериальный анализ места отдельного языка в языковом ландшафте и его функциональной нагрузки в различных коммуникативных сферах частично заполняет лакуну в данном исследовательском поле. Результаты исследования показывают, что русский язык является безусловной доминантой в языковом ландшафте РУДН, присутствуя в подавляющем большинстве текстов. Преобладающей формой его бытования выступает монолингвальный текст. Критериальный анализ зафиксировал, что основным адресантом является администрация университета, при этом в официальной сфере русский язык функционирует в монопольном режиме. Студенты демонстрируют гибкость в языковом выборе, однако в их текстах русский язык сохраняет доминирующую позицию, выполняя функцию *lingua franca* в условиях межнационального общения. Функциональный анализ позволил выделить ключевые функции: информационную, символическую, идентифицирующую, аксиологическую, адаптационную, дидактическую, медиативную, интегрирующую. Таким образом русский язык выступает институционально закрепленной и коммуникативно востребованной доминантой, обеспечивающей единство образовательного и социокультурного пространства университета, а его роль определяется пересечением государственного статуса и реальных коммуникативных потребностей поликультурного сообщества.

Ключевые слова: языковой ландшафт; русский язык; интернациональный университет; многоязычная и поликультурная коммуникация; lingua franca; функции языка; роль языка.

Исследования языковых ландшафтов сегодня являются одной из наиболее развивающихся областей современной прикладной лингвистики и социолингвистики. От «классических» исследований языковых ландшафтов городов в целом [21; 11; 1 и др.] фокус внимания исследователей сместился на описание языковых ландшафтов конкретных районов, улиц, туристических зон, а также различных учреждений, организаций и др. [26, 5-7 и др.].

Отдельным направлением стало изучение “linguistic uniscapes” и “linguistic schoolscapes” – языковых ландшафтов образовательных учреждений, в которых отражается постоянное взаимодействие официальной языковой политики университета или школы и реальных языковых практик, как, например, выбор языка / языков для повседневного общения и официальной коммуникации. Актуальность таких исследований подтверждается не только растущим числом отдельных научных публикаций [17; 10; 23 и мн. др.], но и появлением фундаментальных трудов [19; 27].

Традиционное понимание феномена языкового ландшафта как языка дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц, мест, а также публичных вывесок на зданиях и магазинах [21] трансформируется, включая в себя глубинные коммуникативные процессы и дискурсивные практики, происходящие внутри образовательной организации. Так, например, важным исследовательским вопросом становится фиксация национальной языковой политики страны и стратегических целей образовательной организации, их отражение в языковом ландшафте, а также вопрос доминирующего в ландшафте языка и определение его функций

[см. подробнее: 22]. Сопоставление языкового ландшафта как реального использования языка с языковой политикой университета, выраженной в официальных документах, на официальном сайте или в официальных рекламных текстах, может показать как совпадение, так и противоречия. Языковой ландшафт в таком случае выступает своеобразным фиксатором реального состояния описываемой проблематики, где языковые идеологии сталкиваются с повседневными коммуникативными практиками [см., например, 23].

Развивается и методология современных лингволандшафтных исследований: статистический подсчет знаков и языковых единиц пополняется дискурсивным и семиотическим анализом. Это позволяет изучать не только то, сколько знаков и языков представлено в языковом ландшафте, но и как они представлены: через какие конститутивные признаки они могут быть охарактеризованы, какую роль они играют в конструировании коммуникативного пространства, какие функции они выполняют в языковом ландшафте образовательной организации и др. Так, например, в исследовании языкового ландшафта – schoolscape – гамбургской школы (Германия) среди параметров учитывается не только языковое разнообразие текстов, но и геосемиотика самого пространства для систематического анализа школьной среды: какие дискурсы (регулятивные, коммеморативные, дидактические и др.) материализуются в вывесках, через какие жанры это происходит (плакаты для учеников, граффити, расписание и др.) и как эти жанры распределены по разным зонам в пространстве школы [10]. Такой подход позволяет увидеть, какие зоны «закреплены» за определенными функциями, то есть описать функциональную дифференцированность образовательного пространства.

Таким образом, обзор современных научных работ, посвященных описанию языковых ландшафтов образовательных организаций, позволил систематизировать различные подходы к решению актуальных исследовательских вопросов. Так, особого внимания заслуживает изучение роли отдельного языка в формировании языкового ландшафта и описание его функций. Данный вопрос становится особенно актуальным, когда речь идет об интернациональном образовательном учреждении.

Традиционно, понятие «интернациональность» ассоциируется с использованием английского языка в качестве lingua franca, что подтверждают многочисленные исследования [15; 19 и мн. др.]. Однако в новейших работах по изучению языковых ландшафтов университетов разных стран фиксируется понятийный и концептуальный сдвиг в понимании статуса интернационального вуза и роли языков в реализации этого статуса. Как отмечает Д.Гортер, использование более чем одного языка подтверждает усилия организации по продвижению многоязычия [14]. Так, описание языкового ландшафта Университета им. Султана Кабуса (Sultan Qaboos University) – ведущего университета в Омане – с выявлением преобладания билингвальных текстов на арабском и английском языках (62,75%) отражает самоидентификацию университета как билингвального института, ориентированного на международную узнаваемость и вовлеченность во взаимодействие с национальным и интернациональным сообществами (*переведено авторами статьи*) [22]. Исследование языкового ландшафта университета Конкук в

Корее, который в последние годы активно проводит политику интернационализации, показывает, что большинство публичных текстов написаны на английском и корейском языках, однако отмечается активное проникновение в публичное пространство вуза и новых языков – китайского и вьетнамского [17].

Дж.Дженкинс, отмечая безоговорочный статус английского языка как lingua franca на примере анализа языковой политики интернациональных университетов разных стран, пишет, что статус университета «интернациональный» предполагает лингвистическое разнообразие [19]. Однако, как было выявлено авторами в результате теоретического изучения современных работ, в центре этого переосмысления чаще всего остается английский язык [20], в то время как роль иных языков в формировании языкового ландшафта современных международных университетов изучена недостаточно, чем и обусловлена актуальность предлагаемого исследования. Данная работа является частью научного проекта «Языковой ландшафт и дискурсивные практики кампуса интернационального вуза», который с 2022 года реализуется на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, РФ).

Цель исследования на данном этапе – описать роль русского языка и особенности его функционирования в языковом ландшафте российского интернационального университета. Материал был собран коллективом, осуществляющим научный проект, в результате полевой работы в период с января по март 2026 года и представляет собой корпус текстов, функционирующих на территории кампуса РУДН, в количестве 4872 единиц.

Таким образом, новизна проведенного исследования заключается в частичном заполнении лакуны в сфере определения роли и статуса конкретного языка (помимо английского) в языковом ландшафте интернациональных образовательных организаций.

Роль русского языка в языковом ландшафте РУДН

Одним из важнейших методологических вопросов стал вопрос таксономии. Критерии анализа материала были подробно описаны в методологической статье “Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings” [24]. Представляется целесообразным использовать эти критерии для описания статуса и функционирования отдельного языка в языковом ландшафте международного вуза.

Первым критерием для классификации собранного материала стал язык текстов. Данный критерий позволяет фиксировать представленность языков и, что особенно важно для данной части исследования, определять их долю в языковом ландшафте университета.

Вторым критерием классификации был принят лингвистический тип коммуникации – монолингвальный, билингвальный и полилингвальный. Этот критерий необходим для определения коммуникативных ситуаций изолированного использования конкретного языка и случаев его «соседства» с другими языками.

Следующим критерием для классификации был определен адресант текста. В образовательном дискурсе такими адресантами являются администрация уни-

верситета; преподаватели; студенты; внешние субъекты (кафе, копировальные центры, парикмахерские и пр.). Этот критерий позволяет установить обусловленность выбора конкретного языка и возможности его сочетания с другими языками при создании текстов языкового ландшафта.

Кроме того, в качестве критерия были выделены темы текстов: управление деятельностью университета; обеспечение учебного процесса; внеучебная деятельность; организация университетского пространства (навигация); обустройство быта студентов. Этот критерий позволяет проследить, как степень присутствия того или иного языка зависит от темы текста / тематики коммуникации, а также охарактеризовать роль / статус конкретного языка в той или иной коммуникативной сфере. Другими словами, данный критерий выступает своеобразным инструментом для дифференцированного анализа роли конкретного языка в том или ином сегменте университетского коммуникативного пространства.

В данной работе названные выше критерии используются для определения зон присутствия, а также для описания роли и функций русского языка в языковом ландшафте Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

В соответствии с первым критерием нами были зафиксированы тексты на 16 языках (русский, английский, арабский, вьетнамский, испанский, итальянский, китайский, латинский, португальский, узбекский, фарси, французский, японский, казахский, корейский, немецкий), что подтверждает интернациональный характер университета. Учитывая динамический характер языкового ландшафта, отметим, что представленность языков и их процентное соотношение претерпевают изменения: языковой выбор на публичных вывесках является результатом согласования официальной языковой политики, языковых установок и коммуникативных потребностей людей [16]. Русский язык представлен в языковом ландшафте университета всегда, а ключевым для данного исследования результатом является количественный показатель функционирования русскоязычных текстов. Так, последние количественные данные демонстрируют, что тексты на русском языке или с использованием русского языка составляют 95% всего корпуса.

В соответствии со вторым критерием все собранные тексты были разделены на монолингвальные (67,2%), билингвальные (31,5%) и полилингвальные (1,3%). При этом 94% монолингвальных текстов написаны на русском языке; 99% билингвальных текстов представляют комбинацию русского и английского языков; 1 % билингвальных текстов создан с использованием русского и других иностранных языков (например, «русский язык + испанский язык», «русский язык + китайский язык»). Полилингвальные тексты представлены комбинациями «русский язык + английский язык + иной иностранный язык». Это означает, что русский язык присутствует практически во всех текстах, за исключением крайне немногочисленных иноязычных монолингвальных текстов.

Субъекты, формирующие языковой ландшафт университета (третий критерий), обладают различной степенью активности. Так, на долю внутренних субъектов (администрация, преподаватели, студенты) приходится около 96% всех текстов, на долю внешних субъектов – 4%.

Администрация университета является наиболее активным создателем языкового ландшафта университета (87% текстов). Тексты, исходящие от администрации, превалируют во всех тематических группах, что обусловлено ее полифункциональностью. Однако при отмеченном тематическом разнообразии текстов их языковая характеристика подчиняется чёткой закономерности – абсолютное доминирование русского языка, особенно в тех сферах коммуникации, которые регламентируются законодательством. Так, доля русскоязычных текстов (приказы, нормативные акты, распоряжения и пр.), посвященных управлению университетом, предельно высока – 98%, что объясняется законодательными требованиями к ведению документооборота в РФ.

Высокий процент монолингвальных русскоязычных текстов фиксируется и в блоке «Организация учебного процесса» – 88%. Это связано с тем, что подавляющее большинство основных образовательных программ бакалавриата и магистратуры реализуются на русском языке как государственном языке образования и науки. Оставшаяся доля текстов приходится на английский язык, так как в университете представлены некоторые англоязычные программы. Кроме того, русскоязычными (реже – билингвальными с использованием английского языка) являются тексты аксиологического содержания, адресантами которых выступает исключительно администрация.

Преподаватели – наименее активные создатели публичных текстов (всего 3% от общего количества текстов). Немногочисленные объявления, размещенные на информационных стендах кафедр, в учебных корпусах, написаны на русском языке и строго ограничены академической тематикой – расписанием консультаций, изменениями в графике занятий, темами курсовых работ и под.

Студенты являются наиболее креативным и лингвистически разнообразным адресантом неформальных письменных текстов (6% текстов). Их языковой выбор становится более гибким и отражает реальные коммуникативные потребности полилингвального сообщества: тексты могут быть написаны на русском, английском и других иностранных языках. Использование других языков тесно связано с пространством учебных зон. Например, сектор иностранных языков демонстрирует наибольшую концентрацию текстов, созданных студентами в рамках внеучебной деятельности: плакаты на праздничную тематику, афиши культурных мероприятий, организуемых студентами и т.д. При этом русский язык сохраняет позицию доминирующего в неформальной студенческой коммуникации, выполняя функцию lingua franca для студентов, не владеющих общим иностранным языком. Студенты также привносят в ландшафт элементы языковой игры и лингвистической гибридности – показатель лингвокреативности высок именно в студенческих текстах, что отражает стремление к самовыражению и созданию особой идентичности интернационального кампуса (см., например, рис.1).

Рисунок 1 – Креативные тексты, созданные студентами

Внешние субъекты, принимающие участие в формировании языкового ландшафта университета (4% текстов), создают преимущественно монолингвальные тексты на русском языке (см. рис.2). Другие тексты внешних субъектов билингвальны с обязательным включением русского языка, который выполняет основную информационную функцию. Присутствие иностранного языка в тексте-билингва часто носит прагматический характер и, как правило, нацелено на реализацию аттрактивной функции, что соответствует маркетинговой стратегии «not to inform but to impress and attract» [28, с.558].

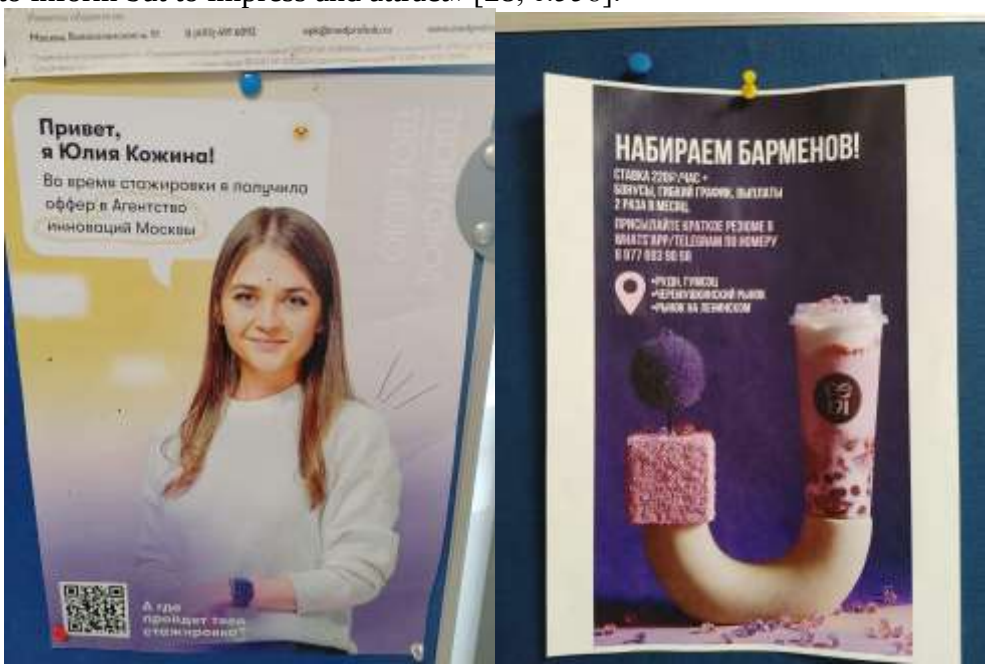


Рисунок 2 – Русскоязычные тексты, созданные внешними субъектами

Результаты анализа материала в соответствии с четвертым критерием показывают, что степень присутствия русского языка зависит от темы текста.

Как уже было сказано выше, русский язык исполняет монопольную роль в тематическом блоке «Управление вузом» (98% русскоязычных текстов и текстов с использованием русского языка) и доминирующую роль в блоке «Обеспечение учебного процесса» (88%), что отражает институциональный и юридический статус русского языка как государственного и как языка науки и образования в Российской Федерации.

Блок «Организация пространства (навигация)» характеризуется обязательным присутствием русского языка, однако не монопольным, а часто в сочетании с английским языком (99% текстов – это тексты-билингва «русский язык + английский язык»). Такой характер текстов обеспечивает доступность навигационной информации для иностранных студентов (см. рис.3). Таким образом, навигация становится зоной, где русский язык сохраняет обязательный статус, но делится пространством с английским как языком международного общения.

Рисунок 3 – Билингвальная табличка на двери аудитории

В блоке «Обустройство быта» также фиксируется постоянное использование русского языка, однако именно в этой сфере проявляется максимальная полилингвальность текстов (см. рис.4), что обусловлено чрезвычайной важностью заключенной в них информации, касающейся безопасности жизни и здоровья, а также необходимостью донести информацию до максимального числа адресатов.

Рисунок 4 – Полилингвальный текст в общежитии РУДН

Наибольшая конкуренция русского языка с другими языками обнаруживается в блоке «Внеучебная деятельность» и объясняется тем, что в этом блоке активным адресантом являются студенты – как иностранные, так и российские, изучающие различные языки и создающие объявления о кружках, клубах, студенческих обществах, а также афиши мероприятий и событий. Тем не менее русский язык остается основой даже в этой многоязычной и поликультурной среде, выступая в роли lingua franca.

Таким образом, критериальный анализ показал следующее:

а) русский язык является абсолютной доминантой в языковом ландшафте РУДН по количественному показателю, что несомненно объясняется его статусом государственного языка Российской Федерации и языка науки и образования;

б) основная форма функционирования русского языка на территории кампуса РУДН – это монолингвальный русскоязычный текст;

в) востребованность в билингвальных текстах комбинации «русский язык + английский язык» отражает интенцию интернационального университета совместить статус государственного языка Российской Федерации и потребности международной коммуникации;

г) администрация университета, согласно законодательству, предопределяет монопольную роль русского языка в официальной и регулятивной сферах, в то время как студенты демонстрируют гибкость в языковом выборе, однако в текстах языкового ландшафта, созданных студентами, русский язык сохраняет доминирующую позицию, выполняя функцию lingua franca в условиях межнационального общения;

д) русский язык является обязательным элементом всех коммуникативных сфер, однако степень его доминирования и характер взаимодействия с другими языками существенно варьируются.

Функции русского языка в языковом ландшафте РУДН

Исследователи университетских языковых ландшафтов, опираясь на классическую дихотомию информационной и символической функций [21], выявляют более специализированные функции, которые раскрывают роль языкового ландшафта не просто как средства коммуникации или маркера статуса, но как инструмента управления, формирования и трансляции ценностей, адаптации и обучения [17; 12; 9 и др.]. Для данного исследования особый интерес представляет то, какие функции выполняет конкретный язык в языковом ландшафте интернационального вуза.

Установлено, что функции отдельного языка не являются имманентными, а обусловлены социально-политическим и институциональным контекстом [22], что и отличает их анализ от изучения языкового ландшафта в целом.

Так, результаты, полученные в ходе настоящего исследования, показали, что русский язык в языковом ландшафте РУДН выполняет целый ряд функций: информационную, символическую, идентифицирующую, аксиологическую, адаптационную, дидактическую, интегрирующую, медиативную.

Информационная функция в контексте университетского языкового ландшафта трактуется шире, чем просто передача данных. Она также предоставляет сведения о языковом разнообразии территории и о ее вовлеченности в глобализационные процессы [21], то есть транслирует «языковой облик» университета. Роль же конкретного языка в реализации этой функции ограничивается классическим пониманием и связана с передачей информации.

Русский язык на территории кампуса РУДН несет основную информационную нагрузку: все значимые информирующие тексты создаются на русском языке или с его использованием. Однако практическая реализация информационной функции русского языка в языковом ландшафте дифференцируется в зависимости от коммуникативной задачи, адресанта и адресата. Как уже было сказано выше, в официальной сфере русский язык является практически единственным средством письменной коммуникации, что обеспечивает однозначность и юридическую четкость передаваемой информации для всех членов университетского сообщества. В бытовой письменной коммуникации интернационального сообщества университета русский язык разделяет реализацию информационной функции с другими иностранными языками.

Идея *символической функции* в языковом ландшафте была высказана Лэндри и Борхесом, которые связывали ее «со статусом языка, демографической и институциональной мощью этноса» [21]. То есть доминирование того или иного языка на вывесках, объявлениях, указателях и т.д. – это визуальный маркер того, какой язык (и, следовательно, какая культура) считаются в данном пространстве главными. Как отмечают исследователи, такое доминирование подчёркивает «силу, власть, значимость и жизнеспособность» языка [25] и может влиять на восприятие легитимности языка, его признания и приемлемости в сообществе

преподавателей, студентов, посетителей и других заинтересованных сторон [22]. Так, доминирование русского языка в публичном пространстве университета является прямым отражением его статуса как государственного языка и языка образования в РФ.

Тесно связана с символической функцией *идентифицирующая функция*, которая заключается в способности языка конструировать идентичность самого учебного заведения и формировать ощущение принадлежности субъекта к данному университетскому сообществу. Количественное доминирование языка (символическая функция) является одним из условий эффективности реализации его идентифицирующей функции. Так, идентифицирующая функция русского языка в языковом ландшафте РУДН реализуется через визуальное напоминание («кириллический облик») о том, что университет, несмотря на свою интернациональность, функционирует в рамках культурного поля России, что также отражается в его названии (Российский университет дружбы народов им. П.Лумумбы). Кроме того, русский язык выступает как основной язык трансляции институциональной идентичности университета, включая его ценности.

Аксиологическая функция русского языка проявляется в трансляции ценностей РУДН и реализуется в текстах с аксиогенным потенциалом. Подавляющее большинство аксиологических текстов являются или монолингвальными русскоязычными текстами, или текстами-билингва с обязательным компонентом – русским языком (второй компонент – английский язык). Таким образом, ключевые ценности университета транслируются именно через русский язык. Такие тексты обладают значительным воздействующим потенциалом, что подтверждается данными ассоциативного эксперимента, зафиксировавшего отражение транслируемых администрацией вуза ценностей в языковом сознании преподавателей и студентов [подробнее об этом см. 8].

Исследование текстов аксиологической направленности, функционирующих на территории кампуса РУДН (мотивационные надписи, лозунги, плакаты, бегущие строки), позволило выявить ряд закономерностей, связанных с использованием различных средств и конструкций русского языка для экспликации ценностных смыслов (например, лозунг на рис.5), которые создают у адресата образ социума – «своих людей» – и формируют ощущение включенности в это множество и чувство принадлежности к университету. Это, в свою очередь, «работает» и на актуализацию идентификационной функции русского языка.

Рисунок 5 – Аксиологический текст, размещенный на фасаде главного корпуса РУДН

Адаптационная функция русского языка проявляется в том, что русский язык в языковом ландшафте университета может выступать как инструмент адаптации иностранных студентов и формирования их идентичности как членов университетского сообщества: «знаки и объявления на русском языке мотивируют иностранных студентов изучать его более глубоко, а также служат для более быстрой адаптации в иноязычной среде» [2]. Так, иностранные студенты, ежедневно сталкиваясь с русскоязычными текстами на территории кампуса университета, оказываются в ситуации «вынужденного» контакта с языком, что способствует привыканию к кириллическому алфавиту и принятию «необычного» графического облика русских слов.

Обучающиеся получают знания не только от преподавателя в аудитории, но и при взаимодействии с окружающей средой и пространством, в котором происходит образовательный процесс. Русскоязычные тексты, размещенные на территории кампуса, становятся для иноязычных учащихся эффективным дидактическим инструментом, способствующим формированию коммуникативной компетенции, для российских студентов они являются инструментом расширения общекультурного кругозора, углубления знаний и развития навыков профессионального общения в академической среде. Эта двунаправленность *дидактической функции* русскоязычных текстов позволяет охватить разные категории студентов и делает ее ключевой в реализации образовательной миссии университета, превращая всё пространство кампуса в учебную среду.

Многократное повторение текстов в «знаковых» локациях кампуса способствует запоминанию русских слов и узнаванию их в различных грамматических формах и в составе словосочетаний. Например, в корпусе отобранных текстов лексема *мир* встречается 32 раза в различных контекстах и падежных формах

(*«Делай мир лучше!», «В твоих руках диплом РУДН! В твоих руках целый мир!»*). Билингвальные тексты позволяют соотносить русские слова и коллокации с их англоязычными эквивалентами, что облегчает семантизацию новой лексики (см. рис.6).

Рисунок 6 – Билингвальный аксиологический текст, размещенный на здании РУДН

Российские студенты, постоянно пребывая в окружении официальных документов, связанных с организацией учебного процесса (приказы, нормативные акты, различные распоряжения и т.д.), объявлений о научно-технических мероприятиях, конференциях, расписаний занятий, консультаций и пр., погружаются в академический дискурс и усваивают его закономерности и жанрово-стилистические особенности не в ходе специальных занятий по культуре русской речи, а в процессе повседневной естественной коммуникации, что способствует их эффективному обучению.

Дидактическая функция русскоязычных текстов может проявляться и в развитии лингвистической рефлексии, что особенно важно для студентов, обучающихся по образовательным программам гуманитарной направленности. Языковой ландшафт РУДН представляет собой уникальное исследовательское поле, которое позволяет наблюдать за тем, как русский язык соседствует с другими языками в билингвальных и полилингвальных текстах, как он функционирует, как меняется под воздействием поликультурной среды и т.д.

Такая рефлексия способствует формированию метаязыкового сознания, которое сегодня становится важнейшей составляющей профессиональной компетенции всех специалистов-гуманитариев, работающих в условиях поликультурной и многоязычной коммуникации.

Особого внимания в рамках данного исследования заслуживает *медиативная функция* русского языка в языковом ландшафте интернационального университета. Изучение этой функции в последнее время привлекает внимание исследователей [3; 18; 13; 4 и др.].

В широком значении медиативная функция – это реализация роли посредника, который помогает установить связи, снять барьер непонимания или найти компромисс там, где есть расхождения. Медиативная функция языка понимается нами как реализация его способности устанавливать связи между коммуникантами различных социальных групп, обладающих отличающимися картинами мира, представляющих разные культуры и т.д. Так, медиативная функция русского языка в языковом ландшафте интернационального университета проявляется в его способности выступать в роли медиатора между разнородными субъектами многоязычной и поликультурной среды университета.

Например, на культурно-просветительском уровне медиативная функция русского языка заключается в том, что служит мостом между принимающей культурой (российской) и культурами иностранных студентов, а также между разными культурами, представленными в университете. При помощи русского языка информация о различных народах и культурах передается студентам из более чем 160 стран мира, обучающимся в университете. Таким образом, русский язык становится медиатором, помогая узнать, понять и принять факт многообразия культур, способствуя формированию диалога культур, укреплению взаимопонимания между представителями различных народов, тем самым нейтрализуя возможные конфликтогенные ситуации (см. рис.7).

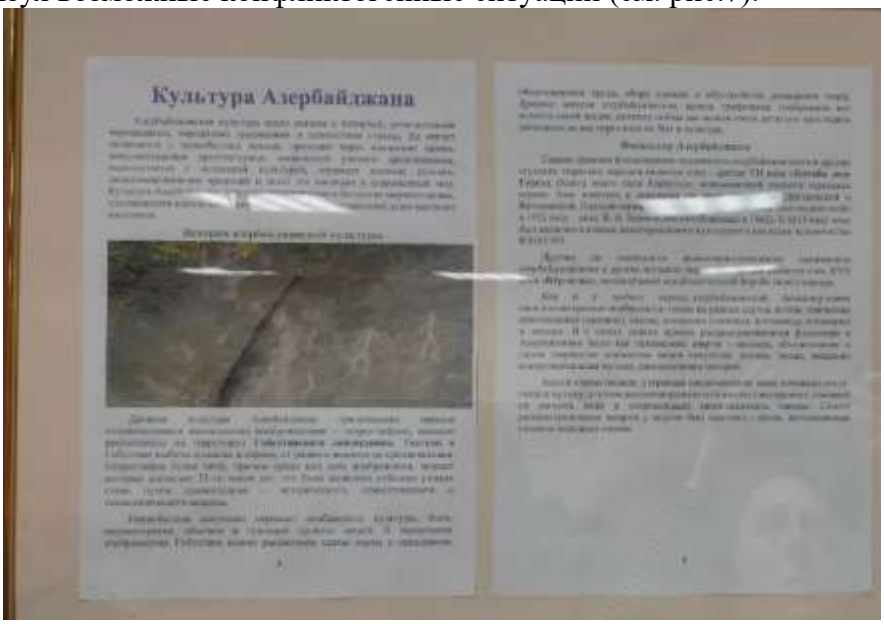


Рисунок 7 – Тексты, реализующие медиативную функцию русского языка

На институционально-коммуникативном уровне медиативная функция русского языка проявляется в его способности выступать посредником между различными субъектами университетского сообщества – администрацией, преподавателями и студентами. Административные тексты (приказы, распоряжения, нормативные акты) создаются исключительно на русском языке (см. об этом выше), а затем, в случае необходимости, транслируются в студенческую среду через билингвальные и полилингвальные объявления или устные разъяснения. В отличие от простой передачи информации, медиация предполагает адаптацию содержания к разным коммуникативным ситуациям: официальный приказ на русском языке может быть трансформирован в более доступную форму в студенческом объявлении, но русский язык сохраняется как канал, связывающий эти две коммуникативные сферы. Преподаватели, создавая тексты на русском языке, также выступают в роли медиаторов между академическим знанием и студенческим восприятием, а русский язык становится инструментом этой медиации как основной язык обучения.

Особый интерес представляет соотношение медиативной и *интегрирующей (объединяющей) функций* русского языка. Медиативная функция является инструментальной основой для интегрирующей функции, результатом реализации которой является формирование единого сообщества и развитие чувства общности. Так, без языка – посредника, в роли которого на территории кампуса РУДН выступает русский язык, достижение коммуникативного и культурного единства было бы невозможно. Именно русский язык в полилингвальной коммуникативной среде кампуса становится тем связующим звеном, которое соединяет раз-

личные сферы общения, коммуникативные ситуации и культурные контексты в единое функциональное коммуникативное пространство.

Итак, функции определенного языка в языковом ландшафте образовательного учреждения актуализируются и проявляются в конкретном социально-институциональном контексте. Функции русского языка в языковом ландшафте РУДН обусловлены, с одной стороны, его статусом государственного языка РФ и языка образования и науки, а с другой – интернациональным характером университета, в котором происходит постоянное взаимодействие языков и культур. Именно в точке пересечения институциональной обязательности и коммуникативной необходимости рождается система функций, которая делает русский язык не просто доминирующим, но и функционально незаменимым элементом языкового ландшафта интернационального университета.

Заключение. Проведенное исследование показало, что, в языковом ландшафте интернационального университета (РУДН) русский язык выступает как институционально закрепленная и коммуникативно востребованная доминанта, обеспечивающая единство образовательного и социокультурного пространства, а его функции актуализируются на пересечении государственного статуса и реальных коммуникативных потребностей поликультурного сообщества.

В более широком теоретическом контексте исследование вносит вклад в развитие лингволандшафтной теории, демонстрируя, что анализ роли конкретного языка в языковом ландшафте университета требует выхода за рамки простого количественного анализа и фиксации языкового разнообразия. Полученные результаты показывают, что ключ к пониманию роли языка в многоязычной и поликультурной среде лежит в анализе его функциональной нагрузки в различных коммуникативных сферах, в учете институциональных и социальных факторов, определяющих языковой выбор, а также в понимании того, как язык конструирует идентичность университета, выступая посредником между различными субъектами коммуникации в многоязычной и поликультурной среде, обеспечивая в конечном итоге коммуникативное единство.

Литература

1. Габдрахманова Г.Ф. Языковой ландшафт российского города: социогуманитарные подходы изучения [Электронный ресурс] // Социологические исследования. – 2023. – №2. –С.72-82. – Режим доступа: https://doi.org/10.31857/S013216250021396-8
2. Губанова О.И., Лоханкина И.Н. Эргономичность коммуникативного пространства интернационального кампуса: взгляд иностранных студентов // Восточный калейдоскоп: материалы докладов и сообщений III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых-востоковедов с международным участием (Москва, РУДН, 06 декабря 2022 г.). – М., 2023. – С. 136–144.
3. Данилова Н.К., Нестерюк Ю.В. Медиативная функция языка в информационном обществе // Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А.Гагарина (г.Самара, 28-30 апреля 2021г.). – Самара, 2021. – С.338-343.
4. Деревянченко Е.А. Медиативная деятельность в контексте профессионально ориентированного обучения иностранному языку в вузе // Вестник Костромского государственного уни-

верситета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2024. – №2. – С.97-103.
5. Лю Лифэнь. Русский компонент лингвистического ландшафта города Санья: современное состояние // Политическая лингвистика. – 2017. – №6. – С.184-190.
6. Лю Лифэнь. Сопоставление пространственной конфигурации языкового ландшафта китайских и российских университетов [Электронный ресурс] / Лю Лифэнь, У Цзюань, Жэнь Яцянь // Political Linguistics. – 2019. – №5. – С.185-192. – Режим доступа: https://doi.org/10.26170/pl19-05-20
7. Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Russian Journal of Linguistics. – 2017. – V.21. – №3. – P.493-514.
8. Повалко П.Ю. Аксиосфера современного университета: трансляция ценностей и их отражение в языковом сознании студентов и преподавателей / П.Ю.Повалко, Е.С.Смолий, О.Н.Колышева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – №1. – С.109-119.
9. Alphonce Ch. & Lusekelo A. Linguistic Landscape of Tanzanian Public Universities: Is Kiswahili Still Dominant in Public Communication? – 2025. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/393264059_Linguistic_Landscape_of_Tanzanian_Public_Universities_Is_Kiswahili_Still_Dominant_in_Public_Communication
10. Androutsopoulos J., Kuhlee F. Die Sprachlandschaft des schulischen Raums: Ein diskursfunktionaler Ansatz für linguistische SchoolscapeForschung am Beispiel eines Hamburger Gymnasiums // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. – 2021. – №75. – P.195-243.
11. Backhaus P. Linguistic Landscape // The Routledge Handbook of Japanese Sociolinguistics. – Taylor & Francis, 2019. – P.158-169.
12. Csapó-Horváth A, Makkos A. A Study of the Linguistic Landscape of a Hungarian University That Is Going International [Electronic resource] // Education Sciences. – 2025. –№15(11). – P.1466. – Access mode: https://doi.org/10.3390/educsci15111466
13. Duarte J., Veenstra S., van Dijk N. Mediation of Language Attitudes through Linguistic Landscapes in Minority Language Education [Electronic resource] // Linguistic landscapes in language and teacher education. – Publisher: Springer, 2023. – P.165-185. – Access mode: https://doi.org/10.1007/978-3-031-22867-4_9
14. Gorter D. Multilingual inequality in public spaces: Towards an inclusive model of linguistic landscapes // Multilingualism in public spaces: Empowering and transforming communities / In: R.Blackwood, D.A.Dunlevy (Eds.). – Bloomsbury, 2021. – P.13-30.
15. House J. English as a lingua franca: A threat to multilingualism? // Journal of Sociolinguistics. – 2003. – №7(4). – P.556-578.
16. Hult F.M. Language policy and planning and linguistic landscapes / J.W.Tollefson & M.Pérez-Milans (eds.) // The Oxford handbook of language policy and planning. – Oxford university press, 2018. – P.333-352.
17. Jang In-chull, Hwang Byeonghoo, Liu Zhuolin. Multilingualism in the Linguistic Landscape of Konkuk University Glocal Campus // Story & Image Telling. – 2019. – №18. – P.395-428.
18. Janíková V. Linguistic Landscape als Potenzial für die Entwicklung von Sprachmittlungskompetenz [Electronic resource] / Katelhön P., Marečková P. (eds) // Sprachmittlung und Mediation im Fremdsprachenunterricht an Schule und Universität. Sprachen lehren – Sprachen lernen. – Frank & Timme, Berlin, 2022. – Access mode: https://doi.org/10.57088/978-3-7329-9223-2_4
19. Jenkins J. English as a Lingua Franca in the International University: The politics of academic English language policy // Routledge. – 2013. – Access mode: https://doi.org/10.4324/9780203798157.
20. Jenkins, J., & Mauranen, A. (Eds.). Linguistic Diversity on the EMI Campus: Insider accounts of the use of English and other languages in universities within Asia, Australasia, and Europe (1st ed.) [Electronic resource]. – Routledge, 2019. – Access mode: https://doi.org/10.4324/9780429020865
21. Landry R., Bourhis R. Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – Vol.16 (1). – P.23-49.

22. Mehta S.R., Tuzlukova V. Mapping visual language: Exploring the linguistic landscape of a university in Oman [Electronic resource] // Social Sciences & Humanities Open. – 2026. – V. 13. – Access mode: https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2026.102473
23. Motschenbacher H. Contrasting a university's language policy with its linguistic landscape: a Norwegian case study [Electronic resource] // Current Issues in Language Planning. – 2024. – V.25. – I.3. – P.237-265. – Access mode: https://doi.org/10.1080/14664208.2023.2283652
24. Povalko P.Y. Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings / P.Y.Povalko, E.S.Smolii, O.N.Kolysheva [Electronic resource] // RUDN Journal of language studies, semiotics and semantics. – 2023. – Vol. 14. – N. 4. – P. 1321–1336. – Access mode: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1321-1336
25. Pütz M. Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology [Electronic resource] // Russian journal of linguistics. – 2020. – №24 (2). – P.294-324. – Access mode: https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-294-324
26. Savski K. Language policy and linguistic landscape // Linguistic Landscape An international journal. – 2021. – Vol.7. – №2. – P.128-150.
27. The Handbook of Linguistic Landscapes and Multilingualism // Durk Gorter & Jasone Cenoz (eds.). – Wiley-Blackwell, 2025. – 640 p.
28. Yelenevskaya M. & Fialkova L. Linguistic landscape and what it tells us about the integration of the Russian language into Israeli economy [Electronic resource] // Russian Journal of Linguistics. – 2017. – №21 (3). – P.557-586. – Access mode: https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-557-586

RUSSIAN LANGUAGE IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF AN INTERNATIONAL UNIVERSITY

Smolii Elena Sergeevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of general and Russian linguistics
RUDN university
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (495) 936 85 84, ext. 2573
smoliy-es@rudn.ru

Povalko Polina Yurievna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of general and Russia linguistics
RUDN university
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (495) 936 85 84, ext. 2573
povalko-pyu@rudn.ru

Kolysheva Olga Nikolaevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of general and Russia linguistics
RUDN university
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (495) 936 85 84, ext. 2573
kolysheva-on@rudn.ru

Gatina Almira Emurovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
head of the chair of Russian philology
Kyrgyz-Russian Slavonic university after names
the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin
720021, Kyrgyz Republic, Bishkek, Kievskaya str., 44
Ph.: (+996) 312 66 25 67
A.E.Gatina@krsu.kg

The article examines the role of the Russian language within the linguistic landscape of an international university, using the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University) as a case study. The relevance of the research is underscored by the insufficient scholarly attention paid to the functions and status of specific languages within the linguistic landscapes of internationally oriented educational institutions. The study aims to delineate the role, status, and functions of the Russian language within the linguistic landscape of an international university. The scientific novelty of the work lies in its systematic criteria-based analysis of a single language's position within the linguistic landscape and its functional load across various communicative domains, thereby partially addressing a gap in the current research field. The findings indicate that Russian unequivocally dominates the linguistic landscape of RUDN University, being present in the vast majority of texts. The predominant mode of its manifestation is the monolingual text. The criteria-based analysis reveals that the primary addressor is the university administration, and within the official domain, Russian operates in an exclusive monopoly mode. Students exhibit flexibility in their language choices; however, Russian maintains a dominant position in their texts as well, fulfilling the function of a *lingua franca* in cross-cultural communication. The functional analysis identifies several key functions: informational, symbolic, identificatory, axiological, adaptive, didactic, mediatory, and integrative. The authors conclude that Russian constitutes an institutionally entrenched and communicatively salient dominant, ensuring the unity of the university's educational and sociocultural space. Its role is ultimately determined by the intersection of its official state status and the actual communicative needs of the polycultural community.

Keywords: linguistic landscape; Russian language; international university; multilingual and multicultural communication; *lingua franca*; language functions; role of language.

ЗАБОНИ РУСӢ ДАР ФАЗОИ ЗАБОНИИ ДОНИШГОҲИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ

Смолий Елена Сергеевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забоншиносии умумӣ ва русшиносӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Михлухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 936 85 84, дох. 2573
smoliy-es@rudn.ru

Повалко Полина Юрьевна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забоншиносии умумӣ ва русшиносӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Михлухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 936 85 84, дох. 2573
povalko-pyu@rudn.ru

Колышева Ольга Николаевна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забоншиносии умумӣ ва русшиносӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Михлухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 936 85 84, дох. 2573
kolysheva-on@rudn.ru

Гатина Альмира Эмуровна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи филологияи рус
Донишгоҳи Славянии Қирғизистону Россия
ба номи Президенти якуми Федератсияи Россия Б.Н. Елтсин
720021, Ҷумҳурии Қирғизистон, Бишкек, кӯч. Киевская, 44
Тел.: +996 (312) 66 25 67
A.E.Gatina@krsu.kg

Мақола ба таҳқиқи нақши забони русӣ, мақоми он ва вазифаҳои асосии он дар фазои забонии донишгоҳи байналмилалӣ дар мисоли Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия ба номи Патрис

Лумумба (ДДХР) бахшида шудааст. Аҳамияти таҳқиқот ба дараҷаи нокифоя омӯхта шудани вазифаҳо ва мақоми забони мушаххас дар фазои забонии муассисаҳои таълимии сатҳи байналмилалӣ вобаста мебошад. Таҳлили низомманду меъёрии ҷойгоҳи забони алоҳида дар фазои забонӣ ва вазифаҳои он дар соҳаҳои гуногуни коммуникатсионӣ холигии мавҷударо дар ин самти таҳқиқот то андозае пур менамояд.

Натиҷаҳои таҳқиқот нишон медиҳанд, ки забони русӣ дар фазои забонии ДДХР мавқеи бебаҳс бартаридошта дошта, дар аксари мутлақи матнҳо истифода мешавад. Шакли асосии истифодаи он матни якзабона мебошад. Таҳлили меъёрӣ нишон дод, ки маъмурияти донишгоҳ ирсолкунандаи асосии матнҳо мебошад ва дар соҳаи расмӣ забони русӣ ба таври истисноӣ истифода мешавад.

Донишҷӯён дар интихоби забон чандирӣ нишон медиҳанд, аммо дар матнҳои онҳо низ забони русӣ мавқеи бартаридоштаро нигоҳ медорад ва дар шароити муоширати байни миллатҳо вазифаи *lingua franca* — забони умумии муоширатро иҷро мекунад.

Таҳлили функсионалӣ имкон дод, ки вазифаҳои калидии забони русӣ муайян карда шаванд: иттилоотӣ, рамзӣ, ҳувиятбахш, аксиологӣ, мутобиқсозӣ, дидактикӣ, миёнаравӣ ва ҳамгиросозӣ.

Ҳамин тариқ, забони русӣ ҳамчун унсури институтсионалӣ муқарраршуда ва аз нигоҳи коммуникатсионӣ серталаб дар фазои забонии донишгоҳ баромад намуда, ягонагии фазои таълимӣ ва иҷтимоию фарҳангии донишгоҳро таъмин мекунад. Нақши он дар натиҷаи ҳамбастагии мақоми давлатӣ ва ниёзҳои воқеии коммуникатсионии ҷомеаи бисёрфарҳангӣ муайян мегардад.

Калидвожаҳо: фазои забонӣ; забони русӣ; донишгоҳи байналмилалӣ; муоширати бисёрзабона ва бисёрфарҳангӣ; *lingua franca*; вазифаҳои забон; нақши забон.

УДК 81'27

СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОАКСИОЛОГИИ: ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Калинина Юлия Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка №4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов,
117 198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (919) 990 16 30
kalinina-yum@rudn.ru

Гишкаева Луиза Нахидовна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Российский университета дружбы народов,
117 198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (925) 208 62 27
gishkaeva-ln@rudn.ru

Салоев Азиз Тошмуродович

Кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет,
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+ 992) 98 541 54 23 (м.)
saloev_aziz@mail.ru

Статья посвящена лингвоаксиологическому анализу образа семьи, представленному в русской паремиологии различных временных отрезков и созданных по их структурному образцу паремиях нового времени. Сопоставляются понятия, репрезентирующие концепт «семья», трех временных периодов: традиционные для русской культуры, представленные в сборнике «Пословицы русского народа» В.И.Даля; отражающие ценности советского периода, вошедшие в сборник «Русские пословицы и поговорки» М.А.Рыбниковой; созданные в последние 30 лет и репрезентирующие представление о семье современных носителей русского языка. На основании проведенного анализа обосновано выделение трех социально-исторических этапов, повлиявших на динамику ценностных доминант в русском языковом сознании, охарактеризованы отличительные особенности образа семьи в каждый из выделяемых периодов. Анализ паремий позволяет конста-

тировать изменение ценностных доминант в разные исторические периоды и неоднозначность ценностных ориентиров современного общества, а не кризис системы ценностей.

Ключевые слова: образ семьи; лингвоаксиология; пословицы и поговорки; паремии; патриархальная семья; лингвокультурология; языковое сознание; смена ценностных доминант; аксиологическая турбулентность.

Введение. Отличительной особенностью современной лингвистики является полипарадигмальность, выражающаяся в том, что антропоцентрическая, функциональная и когнитивная парадигмы не столько заменяют друг друга, сколько дополняют, создавая более полное и многогранное понимание языка. Вместе с тем с конца XX века наблюдается и смещение ракурса научного познания: от изучения системы языка к изучению языка как репрезентанта картины мира и способа субъективной оценки окружающего мира человеком. Динамично развивается лингвоаксиология – наука, которая «базируется на постулатах антропоцентризма и берет основание в аксиологии как отрасли философского знания» [8, с.624], а также изучает и описывает «способы представления ценностей и оценок в языке и речи» [15, с.236], причем «под ценностью имеется в виду понятие, относящееся к сфере должного, а под оценкой – проявление ценностного отношения субъекта речи» [Там же]. Важно отметить тот факт, что «идея оценки и представление о ценностях находят отражение в семантике языковых единиц разных уровней: включенные в речевой акт, они репрезентируют ценностные доминанты говорящего – вневременные или соответствующие формату “Я – здесь и сейчас”» [10, с.8].

С течением времени и сменой социально-культурного контекста трансформировались и ценностные доминанты, но вместе с тем в языке сохранялись понятия, имеющие особую значимость как для представителей конкретного этноса, так и для всего человечества в целом. К ним относится «семья», которая, согласно социологическим исследованиям, входит в число общечеловеческих ценностей: «Сфера общения членов социума друг с другом и с самим социумом детерминирована <…> мировоззренческими универсалиями, которые называются общечеловеческими ценностями <…>: *безопасность, вера, власть, внимание к людям, достаток, дружба, здоровье, семья, покой, порядочность* (курсив автора) и т.п.» [17, с.9], причем «семья» вошла в число наиболее частотных ценностей [Там же, с.15]. Концепт «семья» справедливо считается «основным из концептосферы повседневности» [5, с.59].

Парадоксальным, на первый взгляд, представляется следующий факт: при сохраняющемся в настоящее время «понимании семьи как общечеловеческой ценности, восприятии ее в качестве единственной и надежной опоры индивида в условиях нестабильности общества» [6] «сегодня в Российской Федерации наблюдается кризис брачно-семейных отношений: доля домохозяйств из одного человека составляет 42%, тогда как на полноценные семьи приходится лишь 21% от общего числа домохозяйств» [1, с.156-157]. Указанный парадокс, на наш взгляд, обусловлен наличием лакуны между социологическими данными, под-

утверждающими кризис семьи, и лингвистическими данными, свидетельствующими о высокой положительной оценке семьи в русской культуре.

Целью данной статьи является выявление и систематизация аксиологических доминант концепта «семья», вербализованных в русской паремиологии, и определение динамики данного понятия в концептосфере традиционной языковой картины мира.

Методология и методы исследования. Методология данного исследования обусловлена ключевыми принципами лингвоаксиологии, в частности, репрезентативным потенциалом лексических единиц разных уровней, формирующих аксиологическую диаду «хорошо – плохо», неразрывной связью языка и культуры, системностью, динамичностью и интерпретативностью анализируемого понятия «семья», учетом экстралингвистических факторов и междисциплинарности описываемого лингвокультурологического явления.

Для подтверждения выдвигаемой гипотезы об изменении ценностного ядра понятия «семья» мы опираемся на предложенную современными отечественными учеными многоуровневую структуру лингвоаксиологии, включающую следующие уровни: «аксиологическую семантику лексических единиц <…>; аксиологическую семантику синтаксических единиц, представленных в речи в виде ценностно-оценочных комплексов <…>; аксиологическую семантику форм, ценностно-оценочный потенциал которых реализуется в определенных синтаксических конструкциях (морфосинтаксис); аксиологическую семантику текста-дискурса, формируемую средствами предыдущих уровней» [10, с.9].

В процессе исследования авторы использовали методы лингвистической семантики, такие как компонентный и дистрибутивный анализ, сопоставительный и психолингвистические методы.

Результаты исследования. Согласно когнитивной методике анализа, концептуальное исследование понятия «семья» начинается с описания значений соответствующей лексемы, представленных в толковых словарях современного русского языка. Авторы статьи в своем исследовании отходят от данного принципа и обращаются к паремиологическому фонду русского языка как к репрезентанту «духа, культуры народа» [11], где «в тесном единстве представлены <…> этические, нравственные, религиозные, магические, художественные и логические аспекты народного сознания» [Там же]. Выбор языкового материала для определения аксиологических доминант неслучаен: «Современный подход к изучению языковой картины мира невозможно представить без изучения пословиц и поговорок – воплощения исторической и культурной памяти народа. <…> Культурная или национальная обусловленность последних в настоящее время не только не утрачивает своей теоретической значимости, но и обретает в рамках культурологического подхода к изучению фразеологии и паремиологии новую силу» [4, с.40]. Кроме того, исследование паремиологического национального фонда имеет «обширный лингвоаксиологический потенциал, представленный универсальными и национально-маркированными чертами, находящимися в непосредственной зависимости от типа культур по разным параметрам (индивидуалистской или социоцентрической тенденций, дистанции власти, гендерной

направленности, ориентированности на материальные или духовные ценности, влияния религиозного фактора, особенностей ведения хозяйства и традиций питания и др.). Специфика понимания ценностей и их вербализация получают непосредственное отражение в языке посредством использования совокупности языковых средств репрезентации аксиологической семантики (значения и смысла) паремий на разных уровнях языка» [9, с.363].

Одним из наиболее полных и широко известных авторитетных источников, в которых представлены русские пословицы и поговорки, является сборник В.И.Даля «Пословицы русского народа» в 2 томах [12]. Собрание, опубликованное отечественным этнографом и лексикографом в середине XIX века (в 1862 году), до настоящего времени значимо для лингвистов, культурологов, а также широкого круга читателей, интересующихся русским языком и культурой. Специалисты справедливо отмечают «дидактическую ценность данного пословичного материала. Несмотря на то, что в <…> пословицах достаточно архаичных элементов, большинство из них концептуально не утратили своей актуальности» [7, с.56].

С концептом «семья» в сборнике В.И.Даля связано несколько разделов: «Одиночество – женитьба», «Муж – жена», «Дети – родины», «Семья – родня», описывающие многогранную палитру взаимоотношений между многочисленными родственниками. Например, в разделе «Семья – родня» сборника В.И.Даля представлено более 260 паремий, которые, исходя из образа представленных в них семейных взаимоотношений, можно разделить на следующие группы:

- декларирующие ценность согласия, мира и единства в семье: *Тишь да гладь да божья благодать; Тишь да крышь, мир да благодать божья; Где мир да лад, там и божья благодать; На что и клад, коли в семье лад; Любовь да совет – так и нуждочки (и горя) нет; Вся семья вместе, так и душа на месте; Всякий мирянин своему брату семьянин; Русский человек без родни не живет; Духовное родство пуще плотского; Дочернины дети милее своих; Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит; У кого есть дед, у того и обед; Любовь братская – союз христианский; Братская любовь пуще (лучше) каменных стен; Брат с братом на медведя ходят; Зять да сват у тещи – первые гости; Зять на двор – пирог на стол* и другие;

- описывающие непростые взаимоотношения между родственниками: *Родными (Своими) считается, а с женою в разводе живет; Чужих нет, а своих мало; Родных много, а пообедать не у кого (или: а голова одинока); Родня до полдня, а пообедать негде; Больше баб в семье, больше греха; Кому от чужих, а нам от своих; В семье не без урода, а на урода все не в угоду; Родным не ссуда, а только остуд; Без раздела (в хозяйстве) спорее, да много греха на душу примешь; Есть родня, есть и возня; С родней не без хлопот; Когда не вижу своих, так тошно по них; а увижу своих, да много худых, так лучше б без них; Вместе тошно, а розно скучно; Был свой, а стал чужой (от рук отбился); Деревенская родня, как зубная боль (докучает); Зубная болезнь – девичья сухота да деревенская родня; И добрый сват – собаке брат; В лихом свекре правды нет. Журлива что свекровь; Свекор – гроза, а свекровь выест глаза; Кукушка соловушку жу-*

рит (свекровь сноху); Свекровь на печи, что собака на цепи; У лихой свекрови и сзади глаза. Невестке на отместку; Богоданны сестрицы – крапива жгучая; Золовки-колотовки, побей головки; Золовка хитра на уловки; Все в семье спят, а невестке молоть велят; Тепло, тепло да не лето, добра, добра, да не мать родна; Своя матка бья не пропьет, а чужая гладя прогладит; Горько живется от мачехи пасынку, а не сладко и мачехе от пасынка; Муж жену любит здоровую, а брат сестру богатую; Сын отца умнее – радость, а брат брата умнее – зависть; Был у тещи, да рад утекши; Ни в сыворотке сметаны, ни в зяте племени; С сыном бранись, на печь ложись; а с зятем бранись, за скобу берись (т. е. уходи; о тесте); Зять любит взять, тесть любит честь, а шурин глаза щурит; Сынок – свой горбок; зятек – покупной щеголек; теща хлопочет, тесть кропочет и другие;

- подчеркивающие дальность родственных связей или духовную чуждость при наличии близкого родства: *Десятая вода на киселе; Сёмая водина на квасине; С боку припека; Ни ношено, ни рожено, не знай откуда (приемыш, подкидыш и пр.); Не грело, не горело, да вдруг осветило; Я тебе сват, да ты-то мне кто?; Он нашему слесарю (слесарше) троюродный кузнец; Есть и братья у меня, да не свои, чужие; Как родня? Да на одно солнышко глядим; Ближняя родня: на одном солнышке онучи сушили; На одной онучке сушены; Из одной землицы испечены; Это барской (генеральской) курицы племянник; Поколе пьем вместе, так и сваты, а напились – и разошлись; Два брата на медведя, а два свата (свояка) на кисель* и другие;

- описывающие мудрость родственников, в том числе старших, и имплицитно призывающие проявлять уважение к ним: *Добрая кума прибавит ума; Кума да кум наставят на ум.*

В разделе «Одиночество – женитьба» собраны паремии, основная мысль в которых сводится к тому, что холостым быть плохо, жизнь неженатого мужчины свободная, но одинокая: *Ни роду, ни племени. Бобыль бобылем. Круглый сирота и сверху и снизу; Одинку — где хлеб, там и угол; Один скачет, один и плачет, а все один; Живешь – не с кем покалякать; помрешь — некому поплакать; И в раю жить тошно одному; О том и кукушка кукует, что своего гнезда нет; Холостой, что бешеный. Холостой – полчеловека* и другие.

Одинокая холостяцкая жизнь противопоставляется более счастливой, насыщенной семейной жизни, в которой даже заботы описываются с положительной коннотацией: *Семейная кашка погуще кипит; В семье и каша гуще; Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи! Семья воюет, а одинокий горюет.*

Подчеркивается в пословицах и серьезность такого важного события, как женитьба, а также ответственный подход к выбору невесты: *Жениться – не лапоть надеть; Женишься раз, а плачешься век; Жениться недолго, да бог накажет, долго жить прикажет; Женитьба есть, а разженитьбы нет; Не с богатством жить, с человеком; Худую взять – стыдно в люди показать; Богатую взять – станет попрекать! Хорошую взять – много будут люди знать; Умную взять – не даст слова сказать; Знатную взять – не сумеет к работе пристать;*

На хорошую глядеть хорошо, а с умною жить хорошо (женой); Добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом разнесет (растрясет) и другие.

О том, как много в семье зависит именно от женщины, говорится в пословицах раздела «Муж – жена»: *Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит; Жена мелет, а муж спит. Жена прядет, а муж пляшет; Жена у посудника (дома), и муж у посудника (в кабаке); Не хвали жену телом, а хвали делом! Не наряд жену красит – домостройство; Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт; Злая жена сведет мужа с ума.*

Отмечается, что чужая жена может казаться лучше своей, но мужчина несет ответственность за свой выбор, не может оставить нелюбимую супругу, которая для него все равно роднее других женщин: *Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая; Жена не сапог (не лапоть), с ноги не скинешь; Жена не рукавица, с руки не сбросишь (за пояс не заткнешь.); Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь; Жена не седло: со спины не сымешь; Всякому мужу своя жена милее. Своя жена – своя и краса.*

Счастье женщины в патриархальной семье во многом зависит от того, насколько хороший муж ей достанется: *Не та счастливая, что у отца (счастлива), а что у мужа*. Однако при этом отмечается, что лучше быть замужем, чем остаться незамужней, потому что муж – это опора и защита: *С ним горе, а без него вдвое; С мужем – нужа; без мужа – и того хуже; а вдовой да сиротой хоть волком вой; Хоть лыками сшит, да муж; Худ мой Устим, да лучше с ним; Худ мой мужилка, а завалюсь за него – не боюсь никого; Муженек хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижу сиротой; Хоть плох муженек, да затулье мое; завалюсь за него – не боюсь никого; За мужа завалюсь, всем насмеюсь, никого не боюсь; За мужнину жену есть кому вступиться* и другие.

Многие паремии подчеркивают общность супругов: *Муж да жена – одна душа; Муж да жена – одна сатана; Жена да муж – змея да уж (т. е. одна порода, заодно); Промеж мужа и жены нитки не продернешь; Где муж, там и жена; Муж с женой, что мука с водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь); Жить вместе и умереть вместе* и другие.

Присутствуют в сборнике В.И. Даля пословицы, в которых не только разрешается, но и поощряется рукоприкладство по отношению к жене и детям, но только в воспитательных целях, в качестве наказания за проступок и поддержания авторитета мужа – главы семьи: *Люби жену, как душу, тряси ее, как грушу (бей, как шубу)! Шубу бей – теплее, жену бей – милее; Учи жену без детей, а детей без людей! Бей жену до детей, бей детей до людей! Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); Кто вина не пьет, пьян не живет; кто жены не бьет – мил не живет; Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее (тем наварней щи)* и другие.

В паремиях осуждаются ленивые жены: *Муж в поле пахать, а жена руками махать; Муж пашет (плачет), а жена пляшет (скачет); Жена поет, а муж волком воет; Муж за хлеб да скатерть, а жена за избу да пляшет; Муж – как бы хлеба нажить, а жена – как бы мужа избыть; Муж в двери ногою, а жена в окно и с головою; Муж в голях, жена в бусовых серьгах* и так далее.

Дети в семье – божье благословение, в будущем опора родителей и большая ответственность, их воспитание – тяжелый и подчас неблагодарный труд (раздел «Дети – Родины»): *Дети – благодать божья; У кого детей много, тот не забыт от бога; Дай бог вспоить, вскормить, на коня посадить (а если дочь, за пряслицу посадить); У кого детей нет – во грехе живет (чтобы бог простил, приемыша берут); У кого детки, у того и заботы (и бедки); Не устанешь детей рожаючи, устанешь на место сажаючи; Детушек воспитать – не курочек пересчитать (перещипать); Валяй, дети: отец в ответе; Маленьки детки – маленькие бедки, а вырастут велики – большие будут; Детки маленьки – поесть не дадут, детки велики – пожить не дадут; Не вскормивши малого, не видать и старого; Наказуй детей в юности, упокоят тя на старости; Дочь – чужое сокровище. Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай; Сына корми – себе пригодится; дочь корми – людям снадобится; Глупому сыну не в помощь наследство (не впрок богатство)* и другие.

Подчеркивается особая роль отца в семье: *Как бог до людей, так отец до детей; Бог до людей, а отец до детей.*

Отмечается в паремиях и тяжелая судьба сирот, за которых некому заступиться, и особая любовь матери к детям: *В сиротстве жить – слезы лить; На свете все найдешь, кроме отца и матери; Все купишь, а отца-матери не купишь; Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота; Отцов много, а мать одна (т. е. отца легче заменить); Была кабы матка, была б и увятка (т. е. пища); Пчелки без матки – пропащие детки; Житье сиротам, что гороху при дороге: кто мимо идет, тот и урвет; Тогда сироте и праздник, когда белую рубаху дадут; Нет такого дружка, как родная матушка; При солнце тепло, а при матери добро; Птица радуется весне, а младенец матери; У кого есть матка, у того голова гладка; Слепой щенок и тот к матери ползет; Мать праведна – ограда каменна* и другие.

Из данных примеров можно сделать вывод о том, что семейная жизнь в народном представлении лучше холостяцкой, потому что семья – это опора для любого человека. У каждого члена семьи свои обязанности: женщина в семье создает уют, мужчина оберегает и защищает домочадцев, наказывая за провинности. В семье обязательно должны быть дети. Но в то же время семья – это источник неприятных эмоций, ссор (особенно непростой представлена жизнь снохи – молодой хозяйки в новой для нее семье мужа и детей, воспитывающихся мачехой, сирот, то есть самых уязвимых в силу возраста и социального статуса членов патриархальной русской семьи). Амбивалентность наблюдается при описании взаимоотношения одних и тех же родственников (мужа – жены, брата – сестры, тещи – зятя) репрезентированы паремиями как с положительной, так и с отрицательной коннотацией, что доказывает неоднозначность внутрисемейных связей.

Следующий исторический период, в который произошли значительные изменения социального характера, нашедшие отражение в паремиях, – это советское время. В 1961 г. был издан сборник М.А.Рыбниковой «Русские пословицы и поговорки», куда вошли паремии, активно использующиеся в русской речи в

начале XX века (в 30-е гг). «Исходя из основного теоретического положения, что народное творчество постоянно шлифуется и активно развивается, что оно неразрывно связано с текущей жизнью, М.А.Рыбникова показала, что пословицами советские люди характеризовали настоящее и прошлое, образно оценивали социальный строй, явления общественного порядка, семейный быт, моральные качества человека» [14, с.4], а значит, можно, опираясь на примеры из сборника, сделать вывод об образе семьи в представлении советского человека и определить, что в данном представлении осталось неизменным по сравнению с русской культурой XIX века, а что претерпело трансформацию. Также отметим, что, выбирая примеры для анализа, мы проверяли наличие используемых в качестве иллюстрации паремий в сборнике «Пословиц русского народа» В.И.Даля и использовали только те, которые отсутствовали у В.И.Даля, а также содержали детали, характерные для реалий советского времени. Вместе с тем стоит отметить, что многие пословицы в сборнике М.А.Рыбниковой повторяют паремии из сборника В.И. Даля либо содержат другие лексемы с сохранением семантики, что можно объяснить, с одной стороны, преемственностью в ценностных доминантах, а с другой – особой значимостью отдельных нравственных постулатов, которые остаются неизменными в любую историческую эпоху.

В сборнике «Русские пословицы и поговорки» М.А.Рыбниковой есть раздел «Семья», содержащий подразделы, выделенные по семантическому принципу. Так, в подразделах «Муж и жена», «Дети и родители» находим следующие паремии, в которых

- имплицитно выражено описание идеальной жены (хозяйственная, умная, добродетельная, ласковая, положительно влияющая на мужа): *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде; Гляди невесту не в народе, а в ляде* (т.е. пашне – примечание составителя сборника. – авторы); *Бери не плясунью хороводницу, а ту, что полосу дожнет и песню споет; Возьмешь дуру-неряху, не сошьет мужу рубаху; Не ищи красоты, а ищи доброты; Шей шубу теплее, а жену выбирай добрее; На хорошую глядеть хорошо, а с умною жить хорошо; Один женился – свет увидел; другой женился – с головой пропал; У хорошей жены и дурак-муженек в умниках слывет; С доброй женой горе – полгоря; Разумная жена прибавит мужу чести, а злая – разнесет худые вести* и другие;

- рекомендуется не спешить с браком, а подходить к созданию семьи осознанно: *По себе дерево руби, по себе жену бери; Кто на борзом коне жениться поскачет, тот скоро поплачет; Женился на скорую руку, да на долгу муку; Не торопись жениться, чтобы потом на себя не сердиться*; *Гляди семью, отколь берешь жену; Купи готовый дом, женись, узнав жену; Жену выбирай и глазами и ушами* и другие;

- осуждается одинокая и разгульная жизнь: *Одиночество – собачество; Под чужим крыльцом гнезда не вей;*

- поощряется семейная жизнь в согласии, в мире с родственниками, даже при отсутствии/дефиците материальных ценностей; подчеркивается, что супруги взаимно влияют друг на друга – как положительно, так и отрицательно, а также оказывают сильное влияние на детей, воспитывая их по своему подобию: *Был бы*

милый по душе, проживем и в шалаше; *Куда иголка, туда и нитка; Милые бранятся, только тешатся; Добрая семья прибавит разума-ума; В семье все за одного и один за всех; Где тесно, тут и место; Лад да совет – и в подполье свет; В избе теснота, да в душе чистота; Муж за рюмку, жена за стакан; Какой ствол, такие и сучья; Какие корешки, такие и ветки, какие родители, такие и детки; С дуба яблочка не снимешь; Не в пень-колоду, в свою породу; От яблони яблоко родится, а от елки – шишка; Яблочко от яблони недалеко падает; От плохого семени не жди доброго племени; От вороны павы не жди; Кони-то стадами, а люди родами; Самые строгие судьи – наши дети* и другие;

- утверждается, что дети в семье – счастье и главная цель в жизни (однако присутствует и небольшое количество паремий с антонимичным значением, в которых описываются трудности, связанные с наличием детей): *Дети не в тягость, а в радость; Детки – радость, детки – горе; Дом с детьми – базар, без детей – могила; С детьми дом – содом, без детей – могила; Мед сладок, а ребенок еще слаще; Малые дети заснуть не дают, большие вырастут – сама не спишь; Дитя, хоть и криво, а отцу с матерью мило* и другие;

- открыто представляется главенствующая роль женщины в семейном союзе, большее влияние на мужчину жены, чем матери; вместе с тем сохраняется приверженность патриархальным традициям, когда мужчина – главный в семье и доме: *Муж говорит: – Я – глава. А жена: – А я шея, куда хочу, туда головушку верчу; Ночная кукушка денную перекукует; Хозяин в доме всему голова; Без хозяина дом сирота; Обед не в обед, как хозяина дома нет* и другие;

- подчеркивается сила родительской любви и заботы, доброта матери (особенно по сравнению с отношением к ребенку мачехи), духовное родство: *Без матушки родной и цветы не цветно цветут; Какое без солнышка тепло, такое от мачехи добро; Отец умрет – полсироты; мать умрет – вся сирота; Грозила матка сыну ножом, а на ноже-то блин большой, а пасынку блинок дает, да ножиком сует; На свете все сыщешь, кроме отца с матерью; Лучше матери друга не сыщешь; Не та мать, которая родила, а которая растила; Не тот батька, кто родил, а тот, кто уму-разуму научил* и другие.

Таким образом, в паремиях советского времени сохраняются основные представления о большой дружной семье с детьми, о главенствующей роли мужа в доме и хозяйственности и мудрости женщины – то, что находило отражение в русских пословицах и поговорках более раннего исторического периода. Однако новые социальные реалии тоже оказывают свое влияние, и в паремиях уже появляются утверждения о равноправии женщины, большем влиянии супруги на мужчину, чем матери, о воспитании детей неродными отцами/матерями, то есть приемными семьями, что свидетельствует о постепенном ослаблении патриархального семейного уклада, спровоцированном изменением социального положения женщины в обществе, сменой нравственной парадигмы.

Особый контраст по сравнению с традиционными пословицами и поговорками русского народа представляют паремии, появившиеся в последние 30 лет, после распада Советского Союза. В качестве материала для анализа мы использовали пословицы из словаря «Антипословиц русского народа» [2], а также из

открытых ресурсов из сети Интернет. Отметим, что данные языковые элементы не могут быть отнесены к пословицам и поговоркам в их традиционном понимании, так как «современные паремии, в основном имеющие цель создать комический эффект, намеренно отступают от предписаний и лингвистического, и культурно-семиотического плана» [3, с.46]. Объяснение этому исследователи видят в следующем: «С изменением уклада жизни меняется и содержание народных изречений. При анализе семантики новых паремий отчетливо видно стремление обновить традиционные установки, показать современные реалии, сформировать новые разумные взгляды на старые стереотипные убеждения. При этом часть паремических трансформаций демонстрирует сохранение консервативными ценностями своих позиций. Объяснение этому находим в свободе самовыражения, являющейся одним из важнейших свойств интернет-коммуникации. Ряд трансформов преследует чисто юмористические цели» [Там же, с.147]. Поскольку в современных паремиях, по сравнению с традиционными пословицами и поговорками, слабее выражены дидактическая и аксиологическая функции, то для номинации данных паремий мы будем использовать термин «антипословицы», включающий «языковые единицы весьма широкого круга: пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий <…>; библейские сентенции <…>; вывернутые наизнанку афоризмы и крылатые выражения знаменитых людей <…>; обсценные и бранные паремии <…>; веллеризмы» [2, с.9]. Изучение антипословиц представляется нам важным для определения семантических компонентов образа «семьи» и фиксации замены отдельных ценностных доминант в сознании современных носителей русского языка.

Противопоставление индивидуалистского и коллективистского начала детерминировано превалированием западных ценностей, что проявилось в тенденции к противопоставлению семьи и счастливой жизни индивидуума. Если ранее в пословицах и поговорках утверждалось, что счастье возможно только в кругу близких, родных людей, то теперь семья и дети часто представляются обременением или угрозой: *Семья заменяет все, поэтому прежде, чем ее завести, подумай, что дороже – все или семья»* (здесь и далее примеры взяты из словаря «Антипословиц русского народа». – Авторы); *Дети – цветы жизни, пускай они растут на чужом подоконнике; Дети – цветы жизни. На могиле родителей; Дети – цветы жизни. Так в воду их, в воду!; Даже самая любимая работа, самый любящий муж и самые спокойные дети не заменят полноценного отдыха от них; Первую половину жизни нам отравляют родители, вторую – дети; До свадьбы поживем; Свадьба – это контрольный выстрел Амура; Берегись тестя с молотом; Любовь к теще измеряется километрами; От любви до ненависти – одна ночь* и другие.

Брак, который традиционно был единственным в жизни, в антипословицах представляется как явление временное, а понятие «верность» становится относительным при декларировании свободных отношений между супругами: *Брак – поезд дальнего следования, с которого многие сходят на ближайшей станции; Вступающие в брак должны глядеть во все глаза до брака и держать их полузакрытыми после; Если ты хочешь, чтобы жена тебе не изменяла, не женись; С*

кем поведешься, на того и похожи дети; Дети цветы, алименты – ягодки; Не пожелай ближнему жены своей; Если у вас возникли проблемы с женой, надо кончать с подругами; Лучше потерять любимую жену, чем скорость на повороте; Верные мужья обычно верны и своим любовницам; Идеальный муж может быть только чужим мужем; Муж не шкаф – подвинется; Разводы тоже совершаются по любви… к другому; Гражданский брак – джентльменское соглашение с леди; Любовь нечаянно нагрянет, когда жену совсем не ждешь и другие. В отдельных антипословицах наблюдается явное обесценивание и опошливание любви, влюбленности: *Прошла любовь, завяли помидоры, ботинки жмут, и нам не по пути; Уважение надо заслужить. Любовь можно заработать; Если я тебе скажу «да», ты перестанешь меня уважать. Если – «нет», ты перестанешь меня любить. Поэтому – «не исключено»; Влюбленные трусов не надевают.*

В словаре «Антипословицы русского народа» представлены паремии и с положительной коннотацией, но их количество ничтожно мало. Так, среди антипословиц, коррелирующих с концептом «семья», удалось найти только 2, в которых показывается общность мужа и жены и ответственность перед детьми в браке: *Муж и жена – энергетика одна; На родителей всегда смотрят дети и боги.*

Семья представляется неоднозначно в паремиях, собранных в книге А.В.Разумца «Русские пословицы и поговорки с новым продолжением» [13]. Например, есть поговорки, в которых

- дети показаны ленивыми и портящими жизнь родителей: *Муж – голова, а жена – шея… Да только вот детки – наездники; Без детей горе, а с детьми – вдвое; Ленивый сын хуже петли на шее… Гнать надо такого сына из дома взашей;*

- семейная (несчастливая) жизнь противопоставляется свободной жизни разведенного мужчины: *Холостому везде плохо, а женатому только дома… Разведенному же всегда лепота;*

- женщина в семье по факту является главной и несет основную ответственность, а мужчина тяжело трудится: *От слова до дела – бабушкина верста… Что сказала, то дед и сделал, а уж чего не сказала – то не его вина; Ходит баба по хате, на мужа кричит, а он от страха, глядишь, сам родит; У черта и жена ведьма, и теща дракон! А тесть у них все равно Иван-дурак будет; Была бы шея, а хомут будет… Утром жена тебя с ним и разбудит; Женился на скорую руку, да на долгую муку… Думал, взял себе подругу, а оказалось – с…у* [сокращено нами из этических соображений. – Авторы]; *Жених весел – всему браку радость… А он трусы на люстру повесил – вот какова у него храбрость!; У плохого мужа жена всегда дура… А да ну и пусть. Зато какова у жены фигура!; У хорошей жены и плохой муж будет молодцом… А у пьяной бабы и мужик – соленым огурцом;*

- высмеивается внешность женщины: *Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи… И жирная жена кому-то нужна, даже если готовит борщи; Выбирай себе подругу по ее крупу; А у милки бровки, как у коня подковки.*

Выделяются:

–поговорки, представляющие образ большой семьи, в которой отец является главой: *Делай дело за семерых, а слушайся одного… Кроме бати, брати, сестёр их и мати – нет у тебя никого; Умел взять, умей и отдать, А у умелого тестя и зять смел, и теща на месте;*

- осуждение прелюбодеяния: *Петь не пой, а подтягивай… Пришел к чужней жене – трусы выше натягивай;*

- описание матери как самого близкого человека, сильнее которого ребенка любят только бабушки и дедушки: *В шутках правда прячется, А девицы мамке плачутся; Уважение трудно заработать, но легко потерять… Уважай отца за работу. А за заботу – мать; Без отца – полсироты, а без матери – вся сирота, а без дедов да бабушек, сиротинушка сирая, не родился бы ты;*

- родительство как тяжелый труд: *родить дитя трудно, научить добру еще тяжелее; Наказывай детей в юности, успокоят тебя в старости… Не приучай к грубости – не услышишь от них гадости.;*

- преемственность в поведении между родителями и детьми: *Дед жил свиньей, а внук – поросенком… Мамка рычит львицей, а родилась котенком; Не хвались отцом, хвались сыном молодцом. Не хвались родителями, хвались добродетелями; В семье не без урода. Знать, такова у семьи порода;*

- взаимные любовь и уважение: *Здоров будешь – все добудешь… Любить будешь – любим будешь.*

Согласно названию самого сборника, многие паремии были созданы на основе традиционных русских пословиц и поговорок, которые остались в структуре новых языковых единиц в качестве первой части. Вторая же часть придает паремиям новый смысл, отражающий, по большей части, переосмысление современными россиянами традиционных ценностных доминант русской культуры.

В паремиях, которые можно найти в Интернете, констатируется сожаление человека о совершенных поступках, в том числе и о создании семьи: *Женишься или не женишься, а раскается придётся* [16]; *Сколько жену не выбирай, все равно ошибешься* [Цит. по: 18, с.47]; *Женился сам – останови товарища; Лучше красиво повеситься, чем плохо жениться* [Там же]. Супружеские отношения заменяются кратковременными связями без обязательств, и такая ситуация описывается с долей иронии: *Зачем любить, зачем страдать, Коль все пути ведут в кровать?; Любовь зла – полюбишь и козла. Любовь пройдёт, козёл останется; Некрасивых баб (женщин) не бывает: бывает мало водки* [16]; *Если муж не идет к жене, то жена идет к Магомету* [18, с.48]. Особое внимание уделяется материальным ценностям и меркантильности супруги: *Чем бы жена ни тешилась, лишь бы не моей зарплатой / лишь бы денег не просила / лишь бы заначку мужа не искала / лишь бы шубу не клянчила* [Там же].

Таким образом, схематичное определение понимания семьи, отраженное в паремиях разного времени, можно представить в виде следующего кластера:

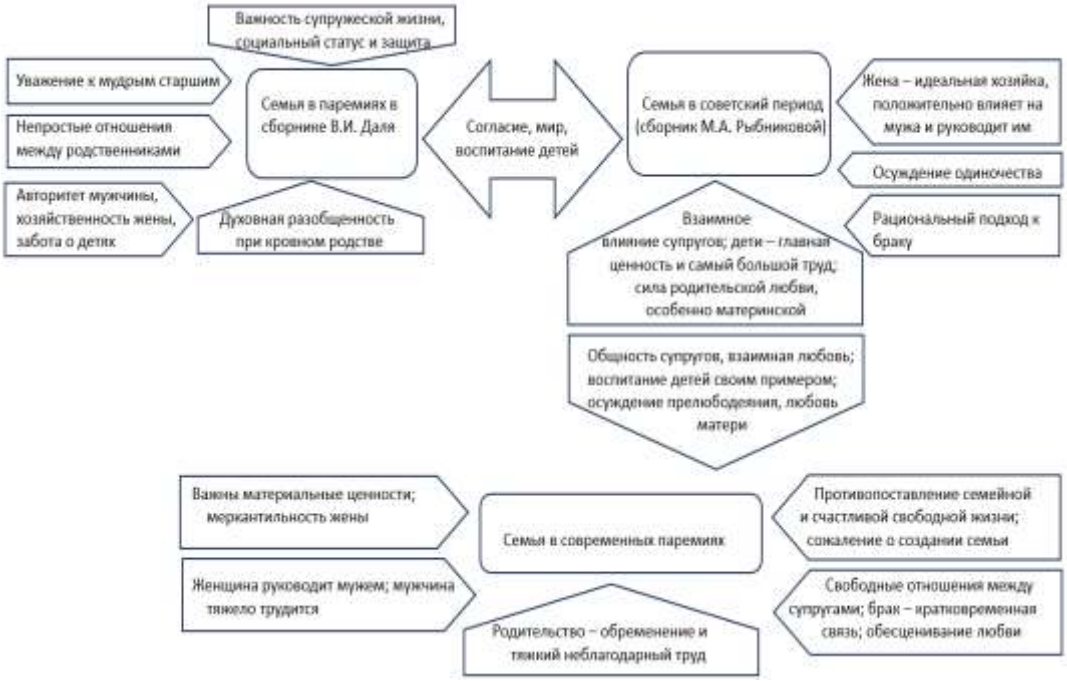


Рисунок 1 – Схематичное представление образа семьи, отраженное в паремиях, которые представлены в сборниках В.И.Даля, М.А.Рыбниковой, различных современных источниках

Данный кластер фиксирует сходства и различия в представлениях о семье носителей русского языка в разные исторические периоды, однако не отражает преемственности и трансформации ценностных доминант. Для того чтобы зафиксировать динамику аксиологических ценностей, авторы предлагают визуализировать изменение образа семьи в виде следующей таблицы (своего рода древа эволюции образа семьи):

ДРЕВО ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В ПАРЕМИОЛОГИИ

КОРЕНЬ (ЯДРО) КОНЦЕПТА:
«СЕМЬЯ» В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ
Базовый смысловой ствол: духовно-нравственные, социальные и институциональные устои общества

ВЕТВЬ I: ТРАДИЦИОННАЯ (Сборник В.И. Даля) *[Традиционный этап]*	**ВЕТВЬ II: СОВЕТСКАЯ (Сборник М.А. Рыбниковой)** *[Советский этап]*	**ВЕТВЬ III: СОВРЕМЕННАЯ (Современные паремии)** *[Современный этап]*
├─ **Определение социального статуса** │ Муж – защита для женщины и детей; хозяйственная жена – поддержка для супруга; │ Сироты – самые обделенные члены общества ├─ **Формирование духовно-нравственной основы** │ Согласие, единство, духовная близость, совместное воспитание детей ├─ **Осуществление почитания старших** │ Глубокое уважение к мудрым старшим и родительскому авторитету └─ **Описание сложных внутрисемейных связей** Непростые отношения между родственниками; проявление духовной разобщенности при кровном родстве	├─ **Установление гармонии и порядок** │ Согласие, мир, воспитание детей своим личным примером ├─ **Определение статуса и роли женщины** │ Жена – идеальная хозяйка, положительно влияет на мужа и руководит им ├─ **Утверждение ценности детей и материнства** │ Дети – главная ценность, их воспитание – ответственный труд; сила материнской любви └─ **Установление социальной нормы** Общность супругов, взаимная любовь; осуждение одиночества и прелюбодеяния; рациональный подход к браку	├─ **Превалирование материального фактора** │ Важны материальные ценности; проявление меркантильности жены ├─ **Распределение социальных ролей** │ Женщина руководит мужем; мужчина тяжело трудится ├─ **Переосмысление роли родительства** │ Родительство воспринимается как обременение и тяжкий неблагодарный труд └─ **Констатация кризиса института брака** Противопоставление семейной и счастливой свободной жизни; сожаление о создании семьи; свободные отношения, брак как кратковременная

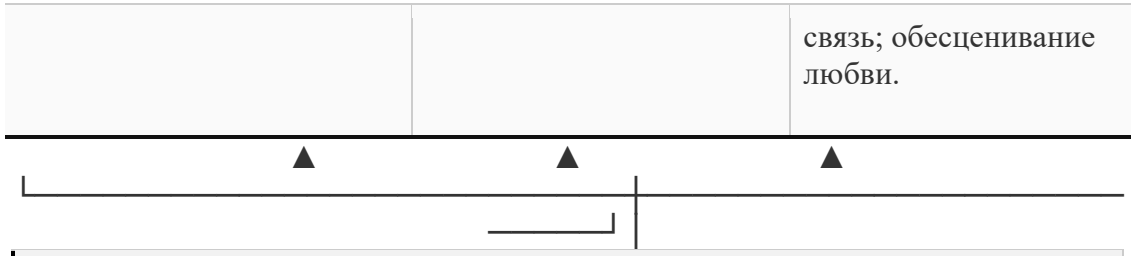


Рисунок 2 – Визуализация динамики эволюции представлений о семье в русской лингвоаксиологии на основе анализа паремий

Можно утверждать, что в последние 25 лет концепт «семья» в языковом сознании представителей русской культуры переживает этап своего рода аксиологической турбулентности, при которой ядро концепта (положительное восприятие дружной патриархальной семьи) остается стабильным, но коннотативная периферия кардинально трансформируется под влиянием социального дискурса. На смену нормативно-общественной оценке (полезность индивида для системы) приходит персонально-психологическая, выражающаяся в доминировании принципа «личное счастье внутри системы». Лингвоаксиологический анализ позволяет объективно диагностировать признаки кризиса не в культурной системе ценностей, а в ценностных ориентирах общества, причем только отдельной его части.

Заключение. Таким образом, анализ приведенных выше примеров показывает, что понятие «семья» было и остается одним из важнейших понятий русской лингвокультуры, ценностной константой, которая в связи с изменением социально-исторической ситуации также претерпевает трансформацию. Наиболее значимыми периодами в изменении культурной парадигмы и, как следствие, ценностных доминант, на наш взгляд, стали сначала возникновение, а затем распад Союза Советских Социалистических Республик, что привнесло значительные изменения в паремиологический фонд русского языка – пласт, который можно рассматривать как наиболее показательный с точки зрения отражения отношения носителей русского языка к базовым доминантам русской культуры. Приняв в качестве отправной точки анализа пословицы и поговорки, собранные В.И.Далем, мы подтвердили, что традиционными для русской культуры были представления о патриархальной семье, в которой главой является муж, хозяйкой

и символом заботы – жена, где декларируется уважение к старшим, духовная близость и единство всех членов и в то же время отмечаются непростые взаимоотношения между родственниками, что вполне оправданно, когда семья включает в себя представителей нескольких поколений, а также относительно близких кровных родственников и людей, считающихся родственниками в силу духовной близости. Далее, с изменением идеологии в соответствии с принципами СССР, происходит и некоторая смена установок в паремиях: сохраняется популяризация семейных отношений, рождения и воспитания детей, но вместе с тем чаще звучит мысль о равноправии женщины, а также сокращении числа родственников до самых близких – супругов, детей, бабушек и дедушек. Максимально контрастными по сравнению с традиционными русскими пословицами и поговорками кажутся паремии нового времени – антипословицы, фиксирующие ироничное отношение современного российского общества к свободным отношениям вне брака или в нем, доминирование материальных ценностей над духовными, отсутствие уважения и эмоциональной близости между родителями и детьми, супругами. Воспринимать данные антипословицы, популяризируемые в настоящее время, как истинные аксиологические ценности, выполняющие регулятивную (воспитательную) функцию, на наш взгляд, необоснованно, так как наличие иронии и откровенного высмеивания представленных в паремиях семейных отношениях усиливает их развлекательное предназначение и доказывает восприятие такого поведения представителями русской национальной культуры как чуждого, недопустимого и в целом противоречащего нашему менталитету. Это же подтверждают возникающие одновременно с антипословицами паремии, в которых репрезентируются традиционные семейные ценности: взаимная любовь, уважение между супругами, воспитание детей своим примером, осуждение прелюбодеяния, восприятие мужчины как главы семьи.

Перспективным, на наш взгляд, является продолжение исследования образа семьи как одного из ключевых объектов лингвоаксиологии с уточнением и подробной классификацией входящих в концепт «семья» компонентов, а также расширение проведенного авторами статьи исследования за счет включения в число примеров представлений о семье, описанных в художественных и публицистических текстах. Это позволит уточнить периоды, в которые происходило изменение ценностных доминант, связанных с представлением о семье, причины, напрямую влияющие на смену аксиологической парадигмы, а также установить, какой образ семьи воспринимается как истинно ценный представителями современной русской культуры и разработать эффективные рекомендации по популяризации верных аксиологических доминант в представлении современного общества.

Литература

1. Бархатов Е.Д. Кризис института семьи в России: предпосылки, теория и практика // Ex jure. – 2026. – №2. – С.155-162. DOI: 10.17072/2619-0648- 2026-2-155-162. EDN UGVYFH.

2. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 576 с.
3. Васильева К.Н. Паремии-трансформы в интернет-коммуникации: структура, семантика, тематические группы: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Васильева Ксения Николаевна. – М., 2022. – 259 с.
4. Гаспарян Н.К. Лингвокультурные константы «семья», «родина», «труд» (на материале русского и армянского языков): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Гаспарян Нина Карапетовна. – Калининград, 2021. – 191 с.
5. Глазкова Т.В. Семья в концептосфере русской культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – №4 (44). – С.56-61.
6. Гурджиян М.В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления // Общество: философия, история, культура. – 2017. – №1. – С.59-62.
7. Ли К.К., Лукьянова А.Н. Отражение национальных нравственных ориентиров в «Пословицах русского народа» В.И.Даля // Дали Даля: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (20-21.05.2021 г. «Далевские чтения») /отв. ред. д.пед.н. Т.Ф.Новикова. – Белгород: ООО «Эпицентр». 2021. – 180 с.
8. Ломакина О.В. Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2025. – Т.16. – №3. – С.622-637. – Режим доступа: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-622-637
9. Нелюбова Н.Ю. Аксиологические доминанты лингвокультуры и их маркированность в паремиологии (на материале французского, русского и тувинского языков): дис. … д-ра филол. наук: 5.9.8 / Нелюбова Наталья Юрьевна. – М., 2025. – 411 с.
10. Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография / М.С.Милованова (отв. ред.), К.Я.Сигал, В.И.Карасик, Г.Г.Слышкин, Б.И.Фоминых, Н.А.Боженкова, Л.М.Гончарова, А.Н.Матрусова, Р.Р.Шамсутдинова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина. – М.; – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2022. – 390 с.
11. Пантелеева О.О., Рыбак А.М. Паремиологический фонд русского языка как отражение культуры народа // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – №12. – С.122-124.
12. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. – М.: Худ. лит-ра, 1989.
13. Разумец А.В. Русские пословицы и поговорки с новым продолжением. – М., 2025. – 23 с.
14. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки / отв. ред. Б.П.Кирдан. –М.: Изд-во академии наук СССР, 1961. – 232 с.
15. Сигал К.Я. Аксиология и синтаксис // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2019. – №4. – С.236-240.
16. Современные русские поговорки и прибаутки. 2007-2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litprichal.ru/work/211934/
17. Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. – 2012. – №15. – С.8-17.
18. Тимирящева К.Р. Отражение семейных отношений в новых паремиях // Парадигма. – 2025. – №8.1. – С.45-49.

FAMILY AS AN OBJECT OF LINGUO-AXIOLOGY: THE DYNAMICS OF VALUE DOMINANTS IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Kalinina Yulia Mikhailovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
head of the chair of Russian language №4
Russian language Institute
RUDN university
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (919) 990 16 30
kalinina-yum@rudn.ru

Gishkaeva Luiza Nakhidovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of foreign languages
RUDN university
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (925) 208 62 27
gishkaeva-ln@rudn.ru

Saloev Aziz Toshmurodovich

Candidate of philological sciences,
head of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university,
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 98 541 54 23 (м.)
saloev_aziz@mail.ru

The article is devoted to a linguo-axiological analysis of the image of family as presented in Russian paremiology of various time periods and in the new-time paremias created based on their structural model. The concepts representing the concept of "family" from three time periods are compared: those traditional for Russian culture, presented in V.I.Dal's collection "Proverbs of the Russian People"; those reflecting the values of the Soviet period, included in M.A.Rybnikova's collection "Russian Proverbs and Sayings"; and those created in the last 30 years, representing the image of family held by modern native speakers of the Russian language. Based on the analysis, it has been substantiated to identify three socio-historical stages that influenced the dynamics of value-based dominants in the Russian linguistic consciousness, and the distinctive features of the image of the family in each of the identified periods have been characterized. An analysis of proverbs allows us to observe a change in value-based dominants across different historical periods and the ambiguity of the value orientations in modern society, rather than a crisis of the value system.

Keywords: family image; linguoaxiology; proverbs and sayings; paroemias; patriarchal family; linguoculturology; linguistic consciousness; change of value dominants; axiological turbulence.

ОИЛА ҲАМЧУН ОБЪЕКТИ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ: ДИНАМИКАИ ДОМИНАНТАҲОИ АРЗИШӢ ДАР ШУУРИ ЗАБОНИИ

Калинина Юлия Михайловна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи забони русии №4
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия,
117198, Россия, Москва, кӯч. Михлухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (919) 990 16 30
kalinina-yum@rudn.ru

Гишкаева Луиза Нахидовна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забонҳои хориҷӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия,
117198, Россия, Москва, кӯч. Михлухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (925) 208 62 27
gishkaeva-ln@rudn.ru

Салоев Азиз Тошмуродович

Номзади илмҳои филологӣ,
мудири кафедраи забони муосири рус
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон,
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 98 541 54 23 (м.)
saloev_aziz@mail.ru

Мақола ба таҳлили лингвоаксиологии образи оила бахшида шудааст, ки дар паремиологияи русии давраҳои гуногуни таърихӣ ва ҳамчунин дар паремияҳои даврaи муосир, ки бар асоси сохтори онҳо эҷод шудаанд, инъикос ёфтааст. Мафҳумҳои ифодакунандаи консепти «оила» дар се даврaи таърихӣ муқоиса карда мешаванд: арзишҳое, ки барои фарҳанги русӣ анъанавӣ буда, дар маҷмӯаи «Зарбулмасалҳои мардуми рус»-и В.И.Дал инъикос ёфтаанд; арзишҳои даврaи шӯравӣ, ки ба маҷмӯаи «Зарбулмасалҳо ва мақолҳои русӣ»-и М.А.Рыбникова ворид шудаанд; инчунин паремияҳое, ки дар 30 соли охир эҷод гардида, тасаввуроти забонгӯёни муосири русро дар бораи оила ифода мекунанд.

Дар асоси таҳлили анҷомдодашуда ҷудо намудани се марҳилаи иҷтимоӣ-таърихӣ асоснок карда мешавад, ки ба динамикаи доминантаҳои арзишӣ дар шуури забонии русӣ таъсир

расонидаанд. Ҳамчунин, хусусиятҳои фарқкунандаи образи оила дар ҳар яке аз даврaҳои муайяншуда тавсиф карда мешаванд.

Таҳлили паремияҳо имкон медиҳад, ки тағйирёбии доминантаҳои арзишӣ дар даврaҳои гуногуни таърихӣ ва гуногунрангии самтгирии арзишии ҷомеаи муосир, на бошад, буҳрони низоми арзишҳо, қайд карда шавад.

Калидвожаҳо: образи оила; лингвоаксиология; зарбулмасалҳо ва мақолҳо; паремияҳо; оилаи патриархалӣ; лингвомаданиятшиносӣ; шуури забонӣ; тағйирёбии доминантаҳои арзишӣ; турбулентии аксиологӣ.

УДК 81’25

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Григорян Виолетта Амаяковна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Российско-Армянский университет
0051, Республика Армения, Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
Тел.: +374 919 331 23
violetta.grigoryan@rau.am

Березняцкая Марина Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка №5
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7(495) 787 38 03, доб. 1192
bereznyatskaya-ma@rudn.ru

Целью исследования является выявление и систематизация основных лингвопрагматических функций прецедентных феноменов, описание когнитивных механизмов их актуализации в современном русском политическом дискурсе. Актуальность данной работы обусловлена возрастающей ролью средств массовой информации и интернет-коммуникаций, где общественно-политическая лексика выступает не только в качестве инструмента для получения информации, но и как эффективное средство манипуляции общественным сознанием. В статье рассматриваются теоретические основы понятия прецедентности, основные типы прецедентных феноменов (прецедентные имена, тексты, высказывания и ситуации), их место в системе политической коммуникации и роль в реализации прагматических задач политической речи. Особое внимание уделяется функциям прецедентных феноменов, среди которых выделяются воздействующая, оценочная, идентификационная, манипулятивная и аргументативная. Обращение к историческим событиям, литературным произведениям, библейским образам, советскому культурному наследию, кинематографу и массовой культуре способствует формированию необходимых интерпретаций политической действительности и усилению эмоционального воздействия на аудиторию. Анализируются современные тенденции развития прецедентности в условиях цифровизации политической коммуникации, включая распространение интернет-мемов, медийных и индивидуально-авторских прецедентных единиц. Делается вывод о том, что прецедентные феномены выступают важнейшим инструментом смысловой компрессии, формирования коллективной памяти

и конструирования политической картины мира, а их трансформация отражает динамику современного медиапространства и политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс; прецедентные феномены; политическая коммуникация; прецедентные имена; прецедентные тексты; прецедентные высказывания; прецедентные ситуации; интертекстуальность; языковая картина мира; манипулятивное воздействие; медиадискурс; цифровая коммуникация.

Введение. Современный политический дискурс является особой коммуникативной сферой для формирования, распространения и интерпретации общественно значимых идей и ценностей, а также представляет собой совокупность речевых практик, которые связаны с построением особой системы ценностей, борьбой за власть и влиянием на общественное мнение. По мнению лингвистов, к основным характеристикам данного дискурса относятся идеологическая направленность, оценочность, манипулятивность, прагматическая ориентированность, интертекстуальность и высокая степень эмоциональности.

В основе политического дискурса лежит ориентированность на убеждение граждан и удерживание власти, так как его ключевой характеристикой является театральность. По мнению российского учёного Е.И.Шейгал, политика по своей сути представляет собой семиотическую деятельность, в основе которой борьба за власть, проявляющаяся главным образом через знаковую систему [17]. Известный лингвист А.П.Чудинов в своих трудах подчёркивает, что автор политического текста берёт на себя роль не просто пассивного передатчика информации, а искусного стратега, реализующего конкретную программу, цель которой состоит в убеждении аудитории в собственной правоте, внедрении выгодных оценок и побуждении к определённым действиям. Политический лидер берёт на себя ответственность за содержание текста, потому что аудиторию интересует именно его позиция, а не его помощников или спичрайтеров [16]. Российский лингвист А.Н.Баранов рассматривает в своих научных трудах скрытые механизмы воздействия политического текста на аудиторию. Исследователь подчёркивает, что политический дискурс по своей природе ориентирован на убеждение, которое неизбежно порождает использование манипулятивных языковых стратегий [1]. В.З.Демьянков обращается к когнитивной природе текстовой коммуникации и предлагает оригинальное понимание динамики восприятия речи. По его мнению, дискурсом можно назвать текст в процессе его развёртывания перед мысленным взором интерпретатора [5]. Обращаясь к внутреннему устройству властной коммуникации, основатель критического дискурс-анализа Р.Водак указывает на её многоуровневость и отмечает, что политический дискурс представляет собой сложную систему взаимосвязанных жанров: от официальных правительственных заявлений и парламентских дебатов до партийных программ и публичных выступлений политиков [2].

Политическая коммуникация ориентирована не только на передачу информации, но и на непосредственное воздействие на адресата, формирование общественного мнения, создание определённых оценок (позитивных и негативных) и моделей восприятия политической действительности. Одним из наиболее эффек-

тивных и одновременно манипулятивных средств такого воздействия выступают прецедентные феномены, позволяющие апеллировать к коллективной памяти и общему культурному опыту аудитории.

Прецедентные феномены являются важнейшим компонентом культурной памяти народа. Они являются своеобразными когнитивными ориентирами, обеспечивающими успешное взаимопонимание между участниками коммуникации. Благодаря общности культурного опыта они позволяют говорящему передавать сложные смыслы в сжатой форме, вызывать устойчивые ассоциации, актуализировать эмоционально-оценочные реакции и тем самым существенно усиливать прагматический эффект политического высказывания. Более того, использование прецедентных единиц способствует своеобразной смысловой компрессии: одно имя, цитата или историческое событие способны эффектно заменить развернутое описание политической ситуации.

Понятие прецедентного феномена в российской научной литературе разработано Ю.Н.Карауловым [7]. Далее теория прецедентности получила развитие в трудах В.В.Красных [9], Д.Б.Гудкова [3], И.В.Захаренко [6], Г.Г.Слышкина [14] и других исследователей. Ю.Н.Караулов определяет прецедентные тексты как тексты, обладающие высокой значимостью для личности и социума, хорошо известные широкому кругу носителей языка и неоднократно актуализируемые в дискурсе. В лингвистике под прецедентными понимаются тексты, значимые для той или иной группы в познавательном и эмоциональном отношениях. Развивая это понимание, Ю.Н.Караулов связывает понятие прецедентности с языковой личностью в целом, показывая, что оно оказывается системообразующим для описания национального языка и позволяет достичь нового синтеза знаний о языке через призму структуры языковой личности [8].

Исследователи подчеркивают когнитивную природу данных языковых единиц. Так, по справедливому мнению В.В.Красных, «прецедентный феномен – это феномен, хорошо известный любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества, актуальный в когнитивном плане и имеющий инвариант своего восприятия» [9, с.173]. В более широком понимании прецедентные феномены представляют собой единицы коллективной памяти, к которым относятся прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации. К их дифференциальным признакам относятся известность достаточно большому кругу носителей языка, культурная значимость, способность регулярного воспроизведения в речи, присутствие устойчивых ассоциативных связей, а также экспрессивная и оценочная маркированность.

Следует отметить, что прецедентные феномены проходят несколько этапов развития:

1) *генезис* (появление в определённой коммуникативной ситуации). На данном этапе возникает имя, текст или речевая ситуация, которые ещё не являются общеизвестными и понятны только участникам конкретного диалога или социальной группе, например, яркое высказывание политика во время закрытого заседания или журналистского интервью.

2) *актуализация* (пропаганда в информационной среде). На этом этапе происходит выход прецедентной единицы за пределы первичной ситуации благодаря СМИ, социальным сетям или межличностной коммуникации, например, подхватывание конкретной фразы журналистами, которые превращают её в заголовки новостей и вирусный контент в социальных сетях.

3) *институционализация* (закрепление в коллективном сознании). Этап характеризуется тем, что прецедентный феномен признаётся большинством носителей языка и больше не привязывается к автору или определённому контексту. Ярким примером является высказывание В.С.Черномырдина: «Мы хотели как лучше, а получилось как всегда».

4) *трансформация и выход из активного словоупотребления.* На данном этапе прецедентный феномен претерпевает структурные, семантические и стилистические изменения и постепенно уходит из активного употребления, например, известный экономический лозунг «Даешь пятилетку за четыре года».

Современная цифровая среда способствует сокращению по времени перечисленных этапов развития прецедентных феноменов, вследствие чего жизненный цикл многих из них уменьшается и составляет всего несколько месяцев. Так, например, «Грета Тунберг и глобальное потепление» (обвинение мировых лидеров в бездействии экоактивисткой) прожил только полгода.

Особое значение прецедентные феномены имеют именно в политическом дискурсе, где они выступают в качестве инструмента борьбы за манипулятивную интерпретацию событий, формирования бинарных оппозиций «свой – чужой» и манипуляции общественным мнением. Политики активно интегрируют литературные, исторические, мифологические, медийные и религиозные концепты и превращают их в эффективные инструменты, формирующие идеологические установки и ценностные ориентиры. Например, упоминание великих реформаторов Александра Невского, Петра I или Столыпина работает на имидж сильной власти. В своих выступлениях перед военнослужащими Сергей Шойгу очень часто обращается к военной истории: упоминает Александра Невского как защитника западных рубежей и Петра I как создателя регулярной армии и флота. Апелляция политиков к событиям Смутного времени, Великой Отечественной войны и распада СССР позволяет выстроить исторические аналогии, которые усиливают политические аргументы современного высказывания. Например, Сергей Лавров обращается к данным событиям преимущественно во внешней политике.

Таким образом, прецедентные феномены выполняют функцию своеобразных культурных кодов, которые позволяют передавать большой объём сложной информации при помощи кратких языковых сигналов.

Материалы и результаты исследования. Исследование проведено на материале текстов публичных выступлений российских политических деятелей за 2020-2026 годы. Использованы обращения, послания, выступления Президента Российской Федерации на заседаниях Международного дискуссионного клуба «Валдай», пресс-конференциях, интервью. Также проанализированы публикации федеральных СМИ (ТАСС, «Новая газета»), в которых отражены функциониро-

вание и трансформация прецедентных феноменов. Основными источниками являются официальный портал Президента Российской Федерации (kremlin.ru) и архивы центральных периодических изданий.

Отбор примеров проводился методом сплошной выборки контекстов, в которых прецедентные феномены (имена, тексты, высказывания, ситуации) выполняли одну или несколько из выделенных функций – воздействующую, оценочную, идентификационную, манипулятивную и аргументативную. Каждый пример анализировался с точки зрения источника прецедентности, механизма её актуализации в конкретном высказывании и прагматического эффекта, достигаемого в контексте политической коммуникации.

Политическая речь всегда рассчитана на массового адресата и предполагает использование средств, способных быстро активизировать коллективную память и вызвать определенные эмоции. Именно поэтому прецедентные феномены становятся одним из наиболее эффективных инструментов политической коммуникации. В этом ракурсе можно рассмотреть прецедентные имена, встречающиеся в медийном пространстве: имя собственное, связанное с определенным набором культурных и исторических ассоциаций. Так в современном русском политическом дискурсе широко функционируют имена известных деятелей: Сталин, Ленин, Берия, Пётр I, Екатерина II, Суворов, Наполеон, Гитлер, Черчилль, Горбачёв и другие. Подобные синонимы выступают не столько как обозначения конкретных исторических личностей, а как символы определенных качеств или политических моделей. Так сравнение политика со Сталиным может актуализировать идеи жесткости и сильной власти, а обращение к Горбачёву – ассоциации с реформами и распадом государства. Показательным примером обращения к историческим прецедентным ситуациям может служить выступление В.В.Путина на совещании по борьбе с коронавирусной инфекцией 8 апреля 2020 года, в котором глава государства провёл параллель между текущим кризисом и историческими испытаниями, через которые прошла Россия (нашествия печенегов и половцев), тем самым встраивая новую, ещё не осмысленную угрозу в привычную для аудитории систему исторических координат: «*Дорогие друзья! Всё проходит, и это пройдёт. Наша страна не раз проходила через серьёзные испытания:* ***и печенеги её терзали, и половцы****, – со всем справилась Россия. Победим и эту заразу коронавирусную. Вместе мы всё преодолеем»*[1].

Прецедентными в политическом дискурсе могут стать имена литературных героев (Обломов, Дон Кихот, Чичиков, Остап Бендер, Шариков, Раскольников, Павлик Морозов, барон Мюнхгаузен и др.), а также актеров, спортсменов и т.д., каждый из которых актуализирует определённый комплекс оценочных характеристик. Апелляция к прецедентным именам и ситуациям в пространстве власти выполняет важную прагматическую задачу. Д.Б.Гудков отмечает, что использование прецедентных феноменов в дискурсе позволяет оратору не только эконом-

[1] Путин В.В. Вступительное слово на совещании по вопросам санитарно-эпидемиологической обстановки. 08.04.2020 // Официальный сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru

но выразить сложную мысль, но и апеллировать к ценностно-нормативной шкале, общей для него и его аудитории [4].

Стоит отметить, что прецедентные тексты проникают в речь политиков из российских и зарубежных кинофильмов: *«Спортсменка, комсомолка и просто красавица»*, *«Минуточку! Минуточку… Будьте добры помедленнее, я записываю»*, *«Какая гадость эта Ваша заливная рыба»* и многие другие. Использование подобных выражений делает речь политика эмоциональной и «приближает» его к народу. Ведь данные устойчивые выражения, «перекочевавшие» в кодифицированный русский язык из кинофильмов и успешно прижившиеся в нем, окружают россиян ежедневно (в обыденной разговорной речи, в текстах популярных песен, в заголовках политико-публицистических статей и т.д.). Так, например, цитаты из популярных кинофильмов («Москва слезам не верит», «Джентльмены удачи», «Иван Васильевич меняет профессию», «Семнадцать мгновений весны», «Следствие ведут знатоки» и многие другие) быстро разлетелись на цитаты.

Непосредственно к прецедентным текстам для российской лингвокультуры можно отнести Библию (Давид и Голиаф; Ноев ковчег; Иуда; Адам и Ева, Содом и Гоморра; камень преткновения; альфа и омега и другие), произведения русских писателей («Война и мир», «Преступление и наказание», «Идиот», «Вишневый сад» и многие другие), басни Крылова («Ворона и лисица», «Стрекоза и муравей», «Мартышка и очки», «Слон и Моська», «Лебедь, щука и рак», «Лисица и виноград» и многие другие), популярные советские песни («Как молоды мы были», «Прекрасное далеко», «Священная война», «Журавли» и другие), популярные кинофильмы. Например, высказывание из романа Ильфа и Петрова *«Лёд тронулся, господа присяжные заседатели»* активно используется политиками для обозначения начала преобразований. Приведем другие примеры: *«А судьи кто?»*, *«Служить бы рад, прислуживаться тошно»*, *«Рукописи не горят»*, *«Бороться и искать, найти и не сдаваться»*, *«Есть такая профессия – Родину защищать»*.

Особую группу прецедентных текстов образуют крылатые выражения: *«Хотели как лучше, а получилось как всегда»*; *«Тяжело в учении – легко в бою»*; *«Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет»*; *«Перестройка продолжается»*; *«Не в силе Бог, а в правде»*; *«Промедление смерти подобно»*; *«Враг не пройдёт»*; *«Никто не забыт, ничто не забыто»* и т.д.

Прецедентные высказывания способны концентрировать большой объем культурной информации и усилить выразительность политической речи.

Говоря о прецедентности, следует упомянуть и так называемые прецедентные ситуации, примерами которых могут выступать Великая Отечественная война; Смутное время; Перестройка; распад СССР; холодная война; кризис 1990-х годов; Октябрьская революция; Крещение Руси; Отечественная война 1812 года; Карибский кризис; распад Российской империи; пандемия COVID-19 и другие. Обращение к подобным ситуациям позволяет проводить исторические параллели и формировать необходимые интерпретации современных событий.

Следует учитывать, что эффективность прецедентных феноменов не является абсолютной. При отсутствии у адресата необходимых фоновых знаний прецедентная единица теряет значительную часть своего прагматического потенциала. Особенно заметно это в условиях смены поколений и активного расширения цифровой культуры, когда одни культурные коды постепенно утрачивают актуальность, а другие только начинают формироваться, что непременно следует учитывать в политическом дискурсе.

Мы выделили основные функции прецедентных феноменов в политическом дискурсе:

⇨ Воздействующая функция

Главной задачей политической речи является убеждение аудитории. Прецедентные феномены позволяют усилить эмоциональное воздействие высказывания. Например, употребление выражений *«новая холодная война»*, *«железный занавес»*, *«гонка вооружений»*, *«красные линии»*, *«ось зла»* вызывает у адресата целый комплекс ассоциаций, связанных с международным противостоянием XX века. Так, в выступлениях на заседаниях Международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 года и 7 ноября 2024 года В.В.Путин неоднократно апеллировал к образу *«победителей в холодной войне»*, используя эту прецедентную ситуацию как объяснительную модель для интерпретации целого ряда современных международных конфликтов: «*Создалось впечатление, что так называемые* ***победители в «холодной войне»*** *решили дожать ситуацию, перекроить весь мир исключительно под себя, под свои интересы*»[1].

⇨ Оценочная функция

Посредством прецедентных имен и ситуаций политические деятели формируют позитивную или негативную оценку событий. Например, сравнение политического противника с Горбачёвым или Ельциным может использоваться для выражения отрицательной оценки.

⇨ Идентификационная функция

Прецедентные феномены способствуют формированию коллективной идентичности: Георгий Победоносец; Дмитрий Донской; Георгиевская ленточка; Бессмертный полк. Обращение к Победе в Великой Отечественной войне, образам Минина и Пожарского способствует консолидации общества вокруг общих исторических ценностей. Ярким примером апелляции к прецедентной ситуации Великой Отечественной войны в идентификационной функции служит обращение В.В.Путина к гражданам России 24 февраля 2022 года: *«Итоги* ***Второй мировой войны****, как и жертвы, принесённые нашим народом на алтарь победы над нацизмом,* ***священны****»*. В нём итоги Второй мировой войны и жертвы, принесённые народом ради победы, были названы «священными» – данная формулировка

[1] Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 05.10.2023; 07.11.2024 // Официальный сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru

использована для консолидации аудитории вокруг общей исторической памяти и легитимации принимаемого политического решения[1].

⇨ Манипулятивная функция

Прецедентные феномены позволяют управлять общественным сознанием через создание аналогий и ассоциаций. Исторические параллели не всегда являются объективными, однако они способны формировать определенную картину мира.

⇨ Аргументативная функция

Ссылки на исторический опыт выполняют роль аргумента. Так, например, обращение к реформам Петра I может использоваться для оправдания масштабных преобразований.

В XXI веке источниками прецедентности становятся кинематограф, телевидение, интернет-мемы, социальные сети. При этом одной из особенностей современного политического дискурса является активная трансформация известных выражений. Например, крылатая фраза В.С.Черномырдина *«Хотели как лучше, а получилось как всегда»*, впервые произнесённая на пресс-конференции 6 августа 1993 года по поводу денежной реформы, спустя более чем тридцать лет продолжает активно функционировать в медиапространстве как универсальная модель критики: так, в аналитическом материале «Новой газеты» от 25 сентября 2023 года эта фраза вновь актуализируется применительно к истории денежных реформ в России[2]. Изменение структуры прецедентных выражений способствует созданию иронии, сатиры и усилению экспрессивности речи политика.

Прецедентные феномены отражают базовые ценности русского национального сознания (государственность, патриотизм, историческую преемственность, коллективизм, идею национального единства), поскольку русская языковая картина мира характеризуется особой значимостью исторической памяти. Поэтому, как было отмечено выше, в русском политическом дискурсе доминируют литературные реминисценции, советские символы, православная символика.

И сегодня можно легко выявить основные источники прецедентности в современном русском политическом дискурсе. В этом ракурсе интересна историческая метафорика, которая в определенных ситуациях может стать доминирующей стратегией. Ведь не секрет, что одной из устойчивых российских тенденций остается обращение к историческим прецедентам, прежде всего к событиям XX века. В политических речах активно используются модели *«исторический поворот»*, *«возвращение к многополярному миру»*, *«уроки XX века»* и другие. Такие выражения выполняют функцию интерпретации текущих международных процессов через призму уже известных исторических сценариев, что позволяет адресату быстро включить событие в понятную систему координат. Поэтому часто актуализируется также советский культурный код *(«Никто не забыт, ничто не*

[1] Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации. 24.02.2022 // Официальный сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru

[2] Пресс-конференция В.С.Черномырдина, 06.08.1993 (цит. по: Хотели как лучше, а получилось как всегда: денежные реформы в России // Новая газета. 25.09.2023. URL: www.novayagazeta.ru)

забыто»; «Наше дело правое»; «Всё для фронта, всё для Победы» и другие). Причем, надо оговорить, что в современном русскоязычном дискурсе сохраняется высокая активность советских прецедентных формул, однако их функция в настоящее время заметно трансформируется. Если в классическом варианте они служили для формирования идеологической консолидации, то сегодня они часто используются как риторические маркеры, средства иронии, элементы политической стилизации. Например, формулы типа*: «Мы не привыкли отступать»; «Победа будет за нами»* и другие могут функционировать как универсальные патриотические коды, независимо от первоначального контекста их возникновения. Современный этап развития русского политического дискурса характеризуется резким усилением медиатизации и цифровизации коммуникации. Политические высказывания сегодня существуют не только в формате официальных речей, но и в виде фрагментов, цитат, мемов и реплик, распространяемых в социальных сетях и новостных лентах.

В подобной среде прецедентные феномены обретают принципиально иное назначение. Теперь они работают как триггеры моментального сжатия смыслов, обеспечивая молниеносное, лавинообразное распространение политических доктрин. К тому же современная медиасреда сама по себе генерирует новые прецедентные единицы. Базой для их формирования все чаще становятся популярные киноленты, контент видеоблогеров, ток-шоу, социальные платформы и интернет-мемы. Как следствие, параллельно наблюдается заметное ускорение самих процессов обретения и последующей утраты статуса прецедентности. Если ранее прецедентные тексты сохраняли актуальность десятилетиями, то сегодня некоторые единицы существуют лишь несколько месяцев. Причина нам видится в активно формирующемся феномене «сетевой прецедентности», отличающейся высокой динамичностью и вирусным характером распространения. Данная тенденция уже получила освещение в новейших лингвистических исследованиях. Так, Е.В.Терентьева и М.В.Милованова анализируют механизмы реконтекстуализации прецедентного феномена в русскоязычном политическом интернет-меме [15], а Н.П.Пешкова с соавторами описывают новые формы прецедентного текста, возникающие непосредственно в интернет-коммуникации [13]. Показательным примером подобной комплексной прецедентности служит интернет-мем *«Путин стреляет – Байден падает»*, возникший в марте 2022 года на основе реального видео с падением президента США Дж.Байдена при посадке в самолёт: два независимых события были объединены в единый визуальный нарратив, мгновенно ставший узнаваемым культурным символом [11].

В отличие от классических прецедентных текстов, закрепленных в культуре на десятилетия, интернет-прецеденты обладают кратким жизненным циклом и в то же время высокой степенью распространения. К их источникам относятся вирусные высказывания политиков, теледебаты, интервью, короткие видеофрагменты и сатирические изображения. Такие единицы быстро переходят в разряд культурных символов. Например, отдельные фразы из публичных выступлений могут становиться устойчивыми мемами, используемыми для иронического комментирования политической реальности: *«Мы вас похороним!»*

(Н.С.Хрущёв), «*Процесс пошёл* (М.С.Горбачёв)», *«Однозначно», «Уберите камеры!»* (В.В.Жириновский) и другие. Интернет-прецедентность можно охарактеризовать высокой скоростью актуализации, эмоциональной поляризацией, зависимостью от медийного контекста, кратковременностью существования.

Особенно часто используется метафорическая актуализация Второй мировой войны как символа глобального конфликта, угрозы и борьбы цивилизаций. Подобные прецедентные модели усиливают эмоциональное восприятие политических сообщений и формируют высокую степень вовлеченности аудитории.

Оговорим рост значимости индивидуально-авторских прецедентных выражений. Это устойчивые формулы, закрепляющиеся за конкретным политическим деятелем и начинающие функционировать как узнаваемые речевые символы. Показательным примером такой индивидуально-авторской трансформации служит высказывание министра иностранных дел С.В.Лаврова, прокомментировавшего в июне 2022 года ситуацию с «железным занавесом» между Россией и Западом характерной для его стиля иронично-афористичной репликой о необходимости Западу «вести себя осторожно», чтобы «ничего себе не прищемить»: *«Что касается* ***железного занавеса****, то он уже опускается, процесс запущен. <...> Только пусть [на Западе]* ***ведут себя осторожно****, чтобы* ***ничего себе не прищемить****»*[1]. В данном случае классический прецедентный феномен эпохи холодной войны получает индивидуально-авторскую стилистическую окраску, узнаваемую именно как «лавровский» речевой почерк, что впоследствии тиражируется в медийных подборках его высказываний. Такие выражения регулярно повторяются в публичных выступлениях, цитируются СМИ, становятся элементами политической идентичности, а также используются в пародийном и аналитическом дискурсе. Их особенность заключается в том, что они могут переходить в разряд коллективной прецедентности, если получают широкое распространение.

В условиях высокой информационной конкуренции прецедентные феномены приобретают особую стратегическую значимость. Они используются как для конструирования образа «своих» и «чужих», так и для формирования исторических параллелей, легитимации политических решений, а также эмоционального усиления сообщений. Прецедентные модели позволяют не просто описывать реальность, но интерпретировать её в заданной идеологической рамке. Это делает их важным инструментом не только риторики, но и политической борьбы.

Еще одной характерной чертой современного этапа является размывание границ между официальной политической речью и медиапространством. Прецедентные феномены свободно переходят из официальных выступлений в интернет-мемы, из медийного пространства обратно в политическую риторику, из художественных текстов в политическую аргументацию. Стоит также отметить, что происходит формирование единого интертекстуального пространства, в котором политический смысл не только коллективно конструируется, но и непрерывно трансформируется.

[1] Лавров С.В. Пресс-конференция. Минск, 2022. июнь (цит. по: РИА Новости).

Таким образом, анализ современного политического дискурса 2020-2026 годов свидетельствует о трансформации системы прецедентности: традиционные культурные коды активно дополняются цифровыми, медийными и индивидуально-авторскими формами. Прецедентные феномены в настоящее время являются не только маркерами культурной памяти, но и эффективным инструментом политического влияния, активно формирующим общественное мнение.

Следует также подчеркнуть, что российская политическая риторика, в отличие от ряда западных политических дискурсов, ориентированных на античные традиции и конституционные нормы, опирается преимущественно на историко-патриотические, военно-исторические и государственно-ориентированные прецедентные феномены. Данная специфика обусловлена особенностями национальной ментальности и исторического самосознания российского социума. Доминирование подобных прецедентов отражает базовые ценности русской языковой картины мира – государственность, историческую преемственность, коллективизм, патриотизм и национальное единство. Именно поэтому прецедентные феномены остаются одним из наиболее эффективных механизмов формирования общественного сознания и ценностных ориентиров в современной политической коммуникации.

Основные функции прецедентных феноменов в современном российском политическом дискурсе представлены в таблице (см. табл.1).

Таблица 1 – Функционирование прецедентных феноменов в современном русском политическом дискурсе (материал исследования)

Прецедентный феномен	**Функция**	**Автор / источник**	**Дата**
«Печенеги и половцы»	Идентификационная	В.В.Путин	08.04.2020
«Победители холодной войны»	Воздействующая, аргументативная	В.В.Путин	05.10.2023 07.11.2024
Итоги Великой Отечественной войны	Идентификационная	В.В.Путин	24.02.2022
«Железный занавес... не прищемить»	Индивидуально-авторская трансформация	С.В.Лавров	Июнь 2022
«Хотели как лучше...»	Трансформация классического феномена	В.С.Черномырдин / медиа	1993/2023
«Путин стреляет – Байден падает»	Сетевая (мемная) прецедентность	Интернет-сообщество	Март 2022

Table 1 – The Functioning of Precedent Phenomena in Contemporary Russian Political Discourse (research material)

Precedent phenomenon	Function	Author / source	Date
«Pechenegi i polovcy» «Pechenegs and Polovtsians»	Identification	V.V.Putin	08.04.2020
«Pobediteli holodnoj vojny» «Winners of the Cold War»	Impactful, argumentative	V.V.Putin	05.10.2023 07.11.2024
Itogi Velikoj Otechestvennoj vojny (Results of the Great Patriotic War)	Identification	V.V.Putin	24.02.2022
«Zheleznyj zanaves... ne prishchemit'» «The Iron Curtain... cannot be pinched»	Individual authorial transformation	S.V.Lavrov	June 2022
«Hoteli kak luchshe...» «We wanted the best...»	Transformation of a classic phenomenon	V.S.Chernomyrdin / media	1993/2023
«Putin strelyaet – Bajden padaet» «Putin shoots, Biden falls»	Network (meme) precedent	Internet community	March 2022

Заключение. Итак, анализ современного русского политического дискурса позволяет выделить ряд тенденций, характеризующих функционирование и развитие прецедентных феноменов на современном этапе:

⇨ Сегодня наблюдается расширение круга источников прецедентности. Если традиционно основными прецедентными единицами выступали исторические события, художественная литература, библейские тексты и произведения кинематографа, то сегодня активными источниками становятся цифровая медиасреда, социальные сети, интернет-мемы, видеоплатформы и публичные выступления политических деятелей. В результате культурное пространство, формирующее прецедентный фонд общества, становится значительно более динамичным и открытым.

⇨ Другой важной тенденцией является ускорение процессов возникновения и распространения прецедентных феноменов. Современная медиасфера способствует стремительному распространению новых речевых формул, которые очень быстро интегрируются в политический дискурс и начинают функционировать как автономные интертекстуальные единицы. При этом наблюдается тенденция к сокращению жизненного цикла прецедентных выражений, актуальность которых

во многом зависит от длительности общественного интереса к породившему их событию.

⇨ Параллельно отмечается рост значимости индивидуально-авторских прецедентных единиц. Высказывания политических деятелей, вырванные из исходного контекста, зачастую становятся объектом цитирования и начинают функционировать как самостоятельные элементы политической риторики. Они обретают статус коллективного достояния, т.е. коллективной прецедентности, благодаря СМИ, пользователям социальных сетей и участникам общественно-политической коммуникации.

⇨ Важной чертой современного этапа развития классических прецедентных феноменов является их трансформация. Известные афоризмы, крылатые выражения и цитаты очень часто подвергаются структурным, семантическим стилистическим изменениям и адаптируются к определённой политической ситуации. Данные изменения позволяют сохранять узнаваемость исходного прецедента и параллельно усиливать его оценочный, иронический или полемический потенциал.

⇨ В целом, современный российский политический дискурс характеризуется высокой степенью интертекстуальности, потому что в одном коммуникативном пространстве происходит взаимодействие литературных, исторических, религиозных, медийных и цифровых прецедентных феноменов, образующих сложную систему связанных между собой культурных и медийных кодов. Вследствие чего высказывание политика приобретает многоуровневую семантику, которая позволяет одновременно воздействовать как на рациональную, так и на эмоциональную сферы аудитории.

Таким образом, в настоящее время прецедентные феномены выступают в качестве ключевого инструмента конструирования политической реальности. Они тесно связаны с языком, культурой, коллективной памятью социума, а также оказывают воздействие на адресата и подтверждают антропоцентрическую направленность современной лингвистики.

В условиях цифровизации и развития медиапространства наблюдается расширение источников прецедентности и появление новых форм интертекстуальности, что делает изучение прецедентных феноменов одним из наиболее актуальных направлений современной политической лингвистики.

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 368 с.
2. Водак Р. Политический дискурс в действии: политика без прикрас: монография / пер. с англ. Е.Г.Литвиновой. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2018. – 320 с.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности: монография. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
4. Гудков Д.Б. Теория прецедентности: истоки и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2003. – №4. – С.102-114.

5. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политический дискурс: История и современные исследования: сб. науч. трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – С.7-20.
6. Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В.Захаренко, В.В.Красных, Д.Б.Гудков, Д.В.Багаева // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В.Красных, А.И.Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып.1. – С.82-103.
7. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре языковой личности // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюзной научной конференции. – М.: Наука, 1986. – Ч.1. – С.105-126.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
9. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
10. Марченко Т.В. Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосемиотическая интерпретация // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т.9, №3. – С.505-518.
11. Напалкова И.Г., Семенов А.С. Интернет-мем как метод политической коммуникации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2022. – №2 (17). – С.55-72.
12. Павлина С.Ю. Функционирование прецедентных феноменов в визуальной политической коммуникации // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – №1. – С.93-101.
13. Пешкова Н.П. Новые формы прецедентного текста в современной интернет-коммуникации / Н.П.Пешкова, А.Г.Моисеева, А.С.Титлова // Вопросы психолингвистики. – 2024. – №2 (60). – С.77-89.
14. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 128 с.
15. Терентьева Е.В., Милованова М.В. Политические интернет-мемы в современной российской интернет-коммуникации // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – №4 (95). – С.306-309.
16. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004. – 326 с.

THE FUNCTIONING OF PRECEDENT PHENOMENA IN MODERN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

Grigoryan Violetta Amayakovna

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the chair of the Russian language
and professional communication
Institute of philology and intercultural communication
Russian-Armenian university
0051, Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin str., 123
Ph.: +374 919 331 23
violetta.grigoryan@rau.am

Bereznyatskaya Marina Anatolyevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of chair of the Russian language №5
Russian language Institute
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7(495) 787 38 03, ext. 1192
bereznyatskaya-ma@rudn.ru

The article is devoted to the study of the functioning of precedent phenomena in modern Russian political discourse. The relevance of this study stems from the growing role of mass media and online communications, where socio-political vocabulary serves not only as a tool for obtaining information but also as an effective means of manipulating public consciousness. The aim of the study is to identify and systematize the key lingua-pragmatic functions of precedent-based phenomena and to describe the cognitive mechanisms by which they are actualized in contemporary Russian political discourse. The article examines the theoretical foundations of the concept of precedent, the main types of precedent phenomena (precedent names, texts, statements and situations), their place in the system of political communication and their role in the implementation of pragmatic tasks of political speech. Special attention is paid to the functions of precedent phenomena, among which there are influencing, evaluative, identification, manipulative and argumentative. The examples show that the appeal to historical events, literary works, biblical images, Soviet cultural heritage, cinema and popular culture contributes to the formation of necessary interpretations of political reality and enhance emotional impact on the audience. The article analyzes current trends in the development of precedent in the context of digitalization of political communication, including the spread of Internet memes, media and individual author's precedent units. It is concluded that precedent phenomena are the most important tool for semantic compression, the formation of collective memory and the construction of a political picture of the world, and their transformation reflects the dynamics of modern media space and political discourse.

Keywords: political discourse; precedent phenomena; political communication; precedent names; precedent texts; precedent statements; precedent situations; intertextuality; linguistic worldview; manipulative influence; media discourse; digital communication.

ФАЪОЛИЯТИ ПАДИДАҲОИ ПРЕТСЕДЕНТӢ ДАР ГУФТУГӮИ СИЁСИИ МУОСИРИ РУС

Григорян Виолетта Амаяковна

Номзади илмҳои педагогӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забони русӣ ва муошарати касбӣ
Институти филология ва муошарати байнифарҳангӣ
Донишгоҳи Россия-Арманистон
0051, Ҷумҳурии Арманистон, Ереван, кӯч. Овсеп Эмин, 123
Тел.: +374 919 331 23
violetta.grigoryan@rau.am

Березняцкая Марина Анатольевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забони русии №5
Институти забони рус
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Русия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7(495) 787 38 03, доб. 1192
bereznyatskaya-ma@rudn.ru

Мақола ба таҳқиқи фаъолияти падидаҳои претседентӣ дар гуфтугӯи сиёсии муосири рус бахшида шудааст. Аҳамияти ин кор бо нақши афзояндаи воситаҳои ахбори омма ва муоширати интернетӣ вобаста аст, ки дар он луғати иҷтимоӣ ва сиёсӣ на танҳо ҳамчун воситаи гирифтани иттилоот, балки ҳамчун воситаи самараноки идоракунии шуури ҷамъиятӣ баромад мекунад. Мақсади тадқиқот ошкор ва ҷобаҷокунии вазифаҳои асосии лингвопрагматикии падидаҳои претседентӣ, тавсифи механизмҳои маърифатии барқароркунии онҳо дар гуфтугӯи сиёсии муосири рус мебошад. Дар мақола инчунин асосҳои назариявии мафҳуми претседентӣ, намудҳои асосии падидаҳои прецедентӣ (номҳои прецедентӣ, матнҳо, изҳорот ва ҳолатҳо), ҷойгоҳи онҳо дар усули муоширати сиёсӣ ва нақши онҳо дар татбиқи вазифаҳои прагматикии нутқи сиёсӣ баррасӣ карда мешаванд. Ба вазифаҳои падидаҳои претседентӣ диққати махсус дода мешавад, ки дар байни онҳо таъсирбахш, арзёбӣ, муайянкунӣ, фикр вайронкуни ва далеликунонӣ таъсирбахшанд. Муроҷиат ба рӯйдодҳои таърихӣ, асарҳои адабӣ, образҳои инҷил, мероси фарҳангии шӯравӣ, кинематограф ва фарҳанги оммавӣ ба ташаккули тафсирҳои зарурии воқеияти сиесӣ ва тақвияти таъсири эҳсосӣ ба хонандагон мусоидат мекунад. Тамоюлҳои муосири рушди претседентӣ дар шароити рақамикунонии муошират сиёсӣ, аз ҷумла паҳншавии мемҳои шабакаҳои иҷтимоӣ, воҳидҳои претседентии оммавӣ ва инфиродӣ-муаллифӣ таҳлил карда мешаванд. Хулоса бароварда мешавад, ки падидаҳои претседентӣ воситаи муҳимтарини фишордиҳии маъноӣ, ташаккули хотираи дастаҷамъӣ ва сохтани тасвири сиёсии ҷаҳон мебошанд ва тағирёбии онҳо афзудани фазои муосири ахбори оммаро ва гуфтугӯи сиёсиро инъикос мекунад.

Вожаҳои калидӣ: гуфтугӯи сиёсӣ; падидаҳои претседентӣ; муошират сиёсӣ; номҳои претседентӣ; матнҳои претседентӣ; изҳороти претседентӣ; ҳолатҳои претседентӣ; интертекстуалӣ; тасвири фаҳмиши забонӣ; таъсири фикр вайронкуни; гуфтори оммави; муошират рақамӣ.

УДК 81'42

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ «СЕМЬЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗНАКОМСТВА»)

Брагина Марина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 787 38 03, доб. 1513
bragina-ma@rudn.ru

Астахова Яна Алексеевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01 доб. 1586
доцент кафедры русского языка
Институт филологии и истории
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Россия, Москва, Миусская площадь, 6
Тел.: +7(495)250 64 46
yana_ast87@mail.ru

Лушникова Елена Игоревна

Педагог дополнительного образования
кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01 доб. 1586
lushnikova-ei@rudn.ru

Шарапова Елена Васильевна

Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
МОУ ВО «Белорусско-Российский университет»
212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, 43
Тел.: +375 (29) 746 92 21
alenasharapava@yandex.by

Целью работы является выявление и систематизация маркирующих образ семьи и семейные ценности лексем, находящихся в корпусе из 172 текстов-рассказов. Хронологические рамки установлены в пределах 2022–2025 гг. Актуальность исследования заключается в необходимости изучения транслируемых традиционных ценностных ориентиров через выбор авторами определенных языковых средств. Научная новизна исследования заключается в применении гибридного метода, сочетающего качественные и количественные методы анализа (с использованием веб-приложения контекстного анализа Voyant Tools и других цифровых инструментов), относительно ранее неизученных материалов в аспекте лингвокультурологии, лингвистики и филологии. Анализ языковых средств актуализации на лексическом уровне показал, что тематическая доминанта «Семья» включает семантические группы «Родители», «Кровное родство (старшее поколение)», «Дети», «Братья, сестры и др.», «Родство по браку», «Предбрачные статусы и ритуалы», «Семейные события и процессы», «Социально-бытовая сфера семьи». Кроме того, выявлены доминирование лексем, маркирующих отцовские фигуры *отец, дед*, а также асимметрия в репрезентации родительских фигур – материнские номинации превалируют в разговорно-эмоциональном регистре, отцовские – в нейтрально-социальном; прослежена динамика от патриархальной модели (2022 г.) к модели семьи, центрированной на материнстве и детстве (2024 г.). Полученные результаты свидетельствуют, что авторы исследуемого журнала посредством своих произведений транслируют традиционные семейные ценности, закрепленные в Указе Президента РФ № 809.

Ключевые слова: тематическая доминанта; семья; языковые средства; частотный анализ; гибридный метод; лексический анализ; лингвокультурология; медиалингвистика.

В эпоху цифровой трансформации современные печатные литературные издания испытывают влияние цифрового медиапространства и, в то же время, сохраняют литературную традицию – репрезентация общечеловеческих и культурных ценностей. Исследование современных печатных литературных изданий отражает состояние современной литературы и демонстрирует ценностные ориентиры авторов. Так, Л.П.Быков отмечает, что толстый литературный журнал защищает культуру и развивает литературу, а серьёзная литература становится элитарным явлением для своих создателей и своих читателей, площадкой для пишущей и читающей элиты [5, с.1254]. В 2020-х гг. печатные литературные издания представляют собой институт, работающий в рамках «элитарного сообщества», среди которого выделяются культуртрегеры, транслирующие мнение на широкую аудиторию через иные каналы связи, к числу которых можно отнести науку, образование, кинематограф и театр.

Актуальность и значимость настоящего исследования заключается в том, что изучение тематического профиля журнала открывает новые перспективы для по-

нимания того, как современная литература оказывает влияние на формирование языковой картины мира читателя.

На особую значимость исследования указывает тот факт, что Президент РФ В.В.Путин на XVII внеочередном съезде Союза писателей России отметил важность «лучших работ современных авторов» и необходимость сохранения литературного наследия России, его «огромнейшее значение для укрепления нашего культурного, духовного и мировоззренческого суверенитета» [16]. Настоящее исследование современной литературной периодики укрепляет позицию отечественных литературных журналов, транслирующих традиционные ценности российской культуры, и подтверждает полученные результаты статистическими данными. Главный редактор журнала «Литературные знакомства», д.и.н., почетный академик РАХ Л.У.Звонарева также подчеркивает значимость литературных журналов в «утверждении актуальности в современном мире традиционных ценностей отечественной культуры Золотого и Серебряного века» [10, с.1].

Традиционные ценности, действительно, находят свое отражение в тематическом профиле и редакционной политике издания «Литературные знакомства». Рубрикатор содержит как традиционные для литературного журнала разделы, так и тематические блоки, обеспечивающие диалог поколений и межкультурную коммуникацию. Так, например, в рубрике «Мир прозы» было опубликовано большинство рассказов, вошедших в корпус настоящего исследования. Рубрика «Региональные литературные тетради» подтверждают цели и задачи журнала по созданию единой платформы писателей из различных регионов Российской Федерации. Раздел «Культура без границ» способствует построению межкультурного диалога на страницах издания, а рубрика «Племя младое, незнакомое» направлена на построение диалога разных поколений читателей посредством знакомства с творчеством молодых авторов. Биографические и автобиографические эссе, также вошедшие в анализируемый корпус текстов, были опубликованы в разделе «Литературные судьбы» [1]. Данная рубрика направлена на сохранение творческого наследия России и преемственность поколений через обращение к судьбам значимых деятелей культуры нашей страны.

Семья как базовая ценность находит отражение в языке печатных литературных изданий, оказывая влиянием на формирование определенной картины мира читателя. В связи с этим особый интерес представляет анализ языковых средств, актуализирующих тему семьи на страницах журнала «Литературные знакомства».

В 2022 году Президент РФ В.В.Путин подписал Указ №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором приведен перечень традиционных ценностей [24]. В документе обращается внимание на такие ценности, как крепкая семья, историческая память и преемственность поколений, жизнь и достоинство, приоритет духовного над материальным, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение. Настоящее исследование, проведенное на материале журнала «Литературные знакомства», позволяет выявить, каким образом

репрезентируются указанные ценностные ориентиры в современном литературно-публицистическом дискурсе.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации лексических средств как базовых, участвующих в формировании тематической доминанты «Семья» в творчестве молодого поколения авторов.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

1) уточнить понятие *тематическая доминанта* в лингвистике;

2) провести количественный и качественный анализ семантической группы *семья* в текстах журнала;

3) определить языковые средства актуализации тематической доминанты *Семья*.

4) выявить ценностные ориентиры, транслируемые современными литературными авторами на страницах периодического издания.

Научная новизна заключается в том, что ранее журнал «Литературные знакомства» не был исследован в аспекте лингвокультурологии, медиалингвистики и цифровой филологии. Нами был предложен, апробирован и применен гибридный метод, сочетающий количественный частотный анализ с применением цифровых инструментов и качественный метод, включающий этапы классификации и интерпретации частотных лексем. Впервые были систематизированы лексические средства актуализации тематической доминанты *Семья* в современном литературно-публицистическом дискурсе.

Ранее было проведено исследование «Принципы изучения тематических доминант литературных журналов с помощью веб-приложения Voyant Tools (на материалах журналов «Серебряные сверчки» и «Литературные знакомства»), результатом которого стал составлен корпус текстов-рассказов, включающий 172 текста-рассказа, опубликованных в журнале «Литературные знакомства» [14, с.106-137].

Нами были установлены хронологические рамки: проанализированы тексты-рассказы, опубликованные в период 2022-2025 гг. В корпусе текстов-рассказов, опубликованных в журнале «Литературные знакомства» в 2022 г, выявлено 54 текста, в 2023 г. – 51, в 2024 г. – 57 и в 2025 г. – 10 текстов. Корпус представляет собой таблицы, систематизированные по годам выпуска публикаций, с перечислением названий текстов, авторов и частотных лексем соответственно.

Литературно-художественный журнал «Литературные знакомства» [17], послуживший основой для формирования корпуса текстов-рассказов, издается с 2008 года под руководством главного редактора Л.У. Звонаревой, доктора исторических наук, почётного академика РАХ, секретаря Союза писателей Москвы. В редколлегию входят писатели, художники, более 10 докторов наук из России, стран ближнего и дальнего зарубежья, что подтверждает международный масштаб издания.

Настоящее исследование реализовано посредством гибридного метода, сочетающего количественный и качественный методы. Количественный метод осуществляется с помощью веб-приложения контекстного анализа Voyant Tools (ча-

стотный анализ) и включает в себя предобработку текстов (лемматизация, удаление стоп-слов с помощью программы морфологического анализа MyStem (Яндекс), а также визуализация результатов с помощью написания программного кода в сервисе Google Colab (библиотеки matplotlib и numpy). Качественный метод реализован через неинструментальную категоризацию частотной лексики – нами была осуществлена группировка лексем по семантическим группам на основе их значений и контекстуальных связей.

В результате анализа корпуса частотных лексем журнала «Литературные знакомства» была выявлена тематическая доминанта *Семья*, которая оказалась наиболее устойчивой – с 2022 по 2025 г., она занимает первое место в перечне тематических доминант печатного издания. Далее нами была проведена классификация полученных частотных лексем по семантическим группам.

Термин *доминанта* был введен в XX в. физиологом А.А.Ухтомским, открывшим «принцип доминанты» как господствующего рефлекса, трансформирующего и направляющего работу прочих рефлекторных дуг, что подчеркивает междисциплинарный генезис понятия [25, с.50]. Далее понятие трансформировалось в литературоведении благодаря трудам Р.О.Якобсона и Ю.Н.Тынянова, представителям формальной школы. Исследователи рассматривали доминанту в качестве «фокусирующего компонента произведения искусства», способного управлять, определять и преобразовывать остальные компоненты текста [26, с.119]. Впоследствии Ю.Н.Тынянов рассматривал доминанту как «систему взаимосвязанных элементов», где доминанта выступала в качестве главенствующего элемента, подчиняющего остальные [23, с.270-281]. Современные лингвисты при определении тематической доминанты подчеркивают, что она представляет собой «устойчивую, регулярно воспроизводимую тему, организующую вокруг себя информационное пространство дискурса» [4; 8; 11]. По мнению Г.А.Гуковского, доминанты находят свое выражение в стиле, речи и художественных приемах [7, с.20]. Исследователь рассматривает их на аксиологическом уровне в контексте формирования мировоззрения. Подход Г.А.Гуковского, положен в основу настоящего исследования, так как в этом случае тематическая доминанта выступает аксиологическим маркером.

С функционально-стилистических позиций доминанты были рассмотрены В.В.Виноградовым, который писал о том, что доминантой может быть «сказ» в прозе или «система семантических скреплений» в лирике [6, с. 118]. Вместе с тем, доминанты как явление языка были исследованы в аспекте функциональной грамматики А.В.Бондарко и Г.А.Золотовой [9, с.306-315]. М.М.Бахтин предложил рассматривать доминанту как способ построения жанра и содержательно-эстетического начала текста [2, с.332]. Благодаря его научным трудам проблемное поле исследования значительно расширилось в литературоведении.

В конце XX века психолингвисты А.И.Новиков, В.П.Белянин, В.Г.Красильникова иначе рассмотрели проблему доминанты [16, с.29; 3, с.36]. В.П.Беляниным была предложена классификация доминант по эмотивным оттенкам в тексте, что кардинально изменило подход к изучению доминанты, сменив фокус с автора как адресанта на читателя и его восприятие [3, с.36].

В настоящем исследовании под *тематической доминантой* нами понимаются «смысловые ядра» текста, вокруг которых построено его содержание.

Нами было выделено три модели представления тематической доминанты в тексте.

1. Тематическая доминанта как семантическое ядро, которое входит в число фоновых тем и принципиально или случайно не охватывает остальные темы. (рис. 1).

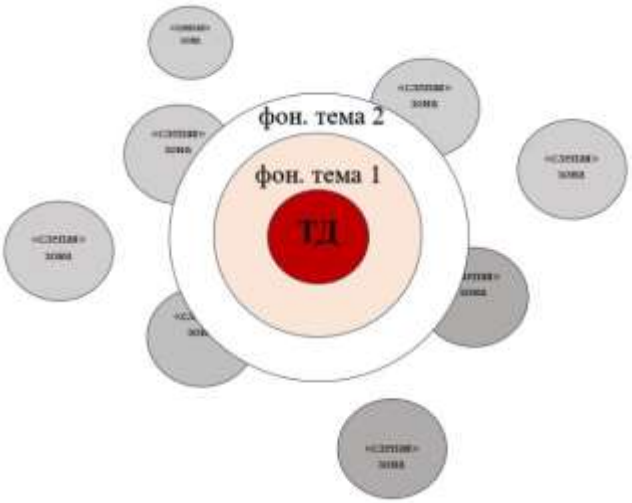


Рисунок 1

2. Тематическая доминанта как независимое от фоновых тем организующее начало. В этом случае тематическая доминанта выстраивает вокруг себя фоновые темы, влияя на них, видоизменяя и притягивая. Связи между тематической доминантой и фоновыми темами работают в этом случае только в одностороннем порядке (рис.

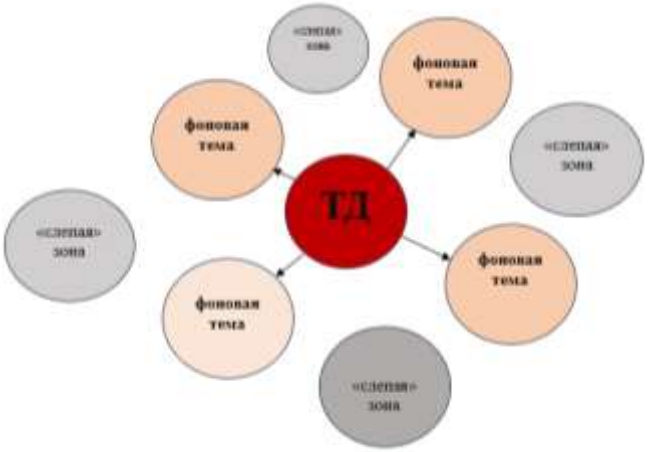


Рисунок 2

3. Доминанта способна как оказывать влияние на фоновые темы, так и изменяться в результате влияния фоновых тем на неё (рис. 3).

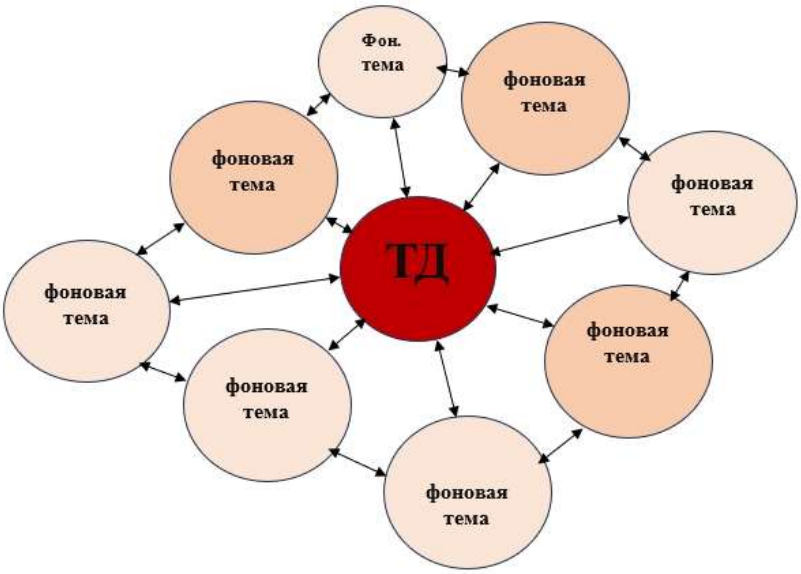


Рисунок 3

Таким образом, понятие *доминанта*, появившееся на стыке гуманитарных и естественных наук, трансформировалось в современной лингвистике в *тематическую доминанту*.

Языковые средства актуализации тематической доминанты представляют собой единицы разных уровней языка (лексических, морфологических, синтаксических и стилистических). Как отмечает И.А.Тисленкова, анализ языковых средств актуализации предполагает выявление маркеров, коррелирующих с содержательными доминантами текста, среди которых ключевыми являются лексическое наполнение (книжная лексика, абстрактные слова, термины, фразеологизмы), синтаксическая организация высказывания (сложные многочленные предложения) и стилистические приемы (метафоры, сравнения, гиперболы) [22, с.148]. На лексическом уровне актуализация достигается посредством высокой частотности тематически маркированных лексем. Выявление частотных лексем, их классификация по семантическим группам позволяет выявлять в тексте темы и выстраивать иерархию ценностей, транслируемых авторами в своих произведениях.

В настоящем исследовании фокус сделан на лексическом уровне, поскольку именно высокая частотность тематически маркированных лексем, их контекстуальные связи и стилистическая вариативность позволяют реконструировать иерархию ценностей, транслируемых авторами в материалах журнала «Литературные знакомства».

Семантическая группа в настоящем исследовании понимается как «совокупность слов разных частей речи по их сопряженности с одной темой на основе экстралингвистических параметров» [20, с.3]. Следуя экстралингвистическому принципу, мы соотнесли лексемы с определенными сферами семейной жизни, определили номинации родственников и обозначили семейные статусы, выдели-

ли маркеры семейных событий и ритуалов, а также лексику, маркирующую социально-бытовое пространство семьи.

Согласно лингвокультурологическому подходу, именно лексика выступает наиболее репрезентативным языковым средством, поскольку слова «аккумулируют культурно-национальные стереотипы поведения, миропонимания и мироощущения» [21, с.15]. Как отмечает В.А.Маслова, лексический фонд языка является «ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, в нем как бы законсервированы мифы, легенды, обычаи» [15, с.4]. Применительно к анализу текстов журнала «Литературные знакомства», лексический уровень позволяет реконструировать иерархию ценностей, транслируемых изданием, поскольку именно выбор тех или иных номинативных единиц отражает как авторскую интенцию, так и соответственно коммуникативные приоритеты редакционной политики издания.

Для верификации полученных результатов с помощью написания программного кода в сервисе Google Colab была создана визуализация тематических доминант. В качестве примера приведена визуализация тематических доминант, выявленных на материале корпуса текстов-рассказов, опубликованных в 2022 г. (рис. 4).

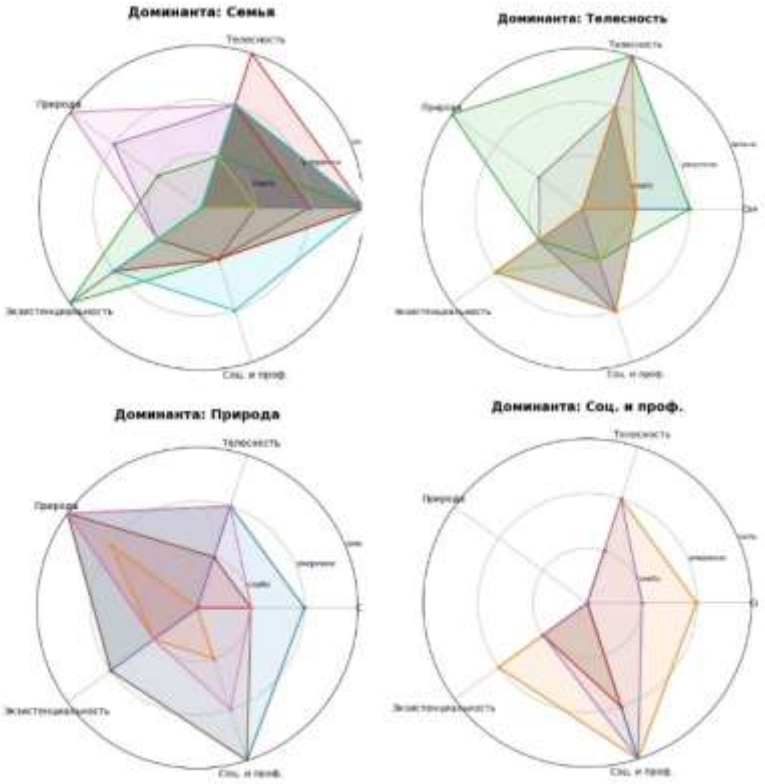


Рисунок 4

На рисунке изображены радиальные (лепестковые) диаграммы, которые включают 5 осей, обозначающих тематические доминанты. Для системы оценивания была составлена шкала с градацией: *максимально* (наибольшее количество

частотных лексем текста принадлежат тематической доминанте и входят в 10 наиболее частотных), *умеренно* (тема не доминирует, но явно присутствует), *слабо* (минимальное количество лексем принадлежит тематической доминанте) и *отсутствует*.

Доминирующие темы в рассказах 2022 г. представлены на рис. 4. Тема *Семья* охватывает наибольшее количество текстов, представленных в корпусе и выражена в них максимально, несмотря на пересечение с тематическими доминантами *Телесность, Природа, Социальное и профессиональное*.

В настоящем исследовании тематическая доминанта *Семья* проанализирована более подробно. Так, на основе составленных ранее корпусов текстов была создана таблица 1, в которой частотные лексемы были распределены по семантическим группам.

Таблица 1 – Тематическая доминанта «Семья» в рассказах, опубликованных в журнале «Литературные знакомства» (2022-2025 гг.)

Семантическая группа	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Родители	папа (100); отец (95); батюшка (9); атай (10); папаша (7); батя (8); мать (45); мама (67)	отец (24); папа (8); отче (5); мать (30); мама (20); мамаша (2)	отец (50); папа (26); родитель (36); мама (105); мать (7)	отец (10); папа (3); маменька (5); мать (6); мама (13); родитель (4)
Кровное родство (старшее поколение)	дед (94); дедушка (12); дедушко (5); бабушка (18); бабка (14)	дед (44); дедушка (13); бабушка (18)	дед (60); дедушко (14); бабка (22)	бабушка (39); дедушка (19)
Дети	сын (69); сынок (5); дочь (7); дочка (18); ребенок (26); внучка (10)	сын (45); дочка (11); ребенок (38); внук (6); двойняшка (15)	сын (22); ребенок (77); внучка (3); внук (3)	ребенок (3); дочь (2); внучка (5)
Братья, сестры и др.	брат (6); сестра (34); сестренка (6); дядя (11); тетка (27)	брат (16); сестра (22); дядя (24); тетя (11)	брат (20); сестра (16); дядя (18); тетя (29); родня (7); родственник (9)	сестра (5)

Родство по браку	жена (30); муж (25)	жена (45); муж (17); супруг (4)	жена (63); муж (32); супруга (3); теща (17); невестка (4); агай (7); бабай (2); апай (3)	–
Предбрачные статусы и ритуалы	невеста (3)	невеста (9); жених (8); сват (8); сватовство (5)	жениться (4)	–
Семейные события и процессы	рождение (5)	развод (8)	–	–
Социально-бытовая сфера семьи	няня (20); дом (45); малышка (7)	дом (38)	дом (71)	дом (8)

На основе анализа частотной лексики текстов журнала «Литературные знакомства» были выделены семантические группы: «Родители», «Кровное родство (старшее поколение)», «Дети», «Братья, сестры и другие (родственники)», «Родство по браку», «Предбрачные статусы и ритуалы», «Семейные события и процессы», а также «Социально-бытовая сфера семьи». Каждая из выделенных групп была проанализирована нами в диахроническом аспекте по годам публикации, что позволило проследить динамику смещения тематических акцентов.

В анализируемых текстах журнала «Литературные знакомства» лексика отличается многообразием: только в тематической группе *Семья* представлено более 40 лексем, маркирующих родство, семейные статусы и события, а также социально-бытовую сферу. Каждому году соответствует несколько семантических групп, однако заметно и отсутствие некоторых. Например, в 2024 г. отсутствуют лексемы, соответствующие группе «Семейные события и процессы». Так же, как в 2025 г., не обнаружено лексем, маркирующих родство по браку, предбрачные статусы и семейные события.

Лексемы охватывают вертикальные типы родственных связей (*отец – сын, дед – внук*), горизонтальные (*брат – сестра, муж – жена*), а также расширенные (*теща, невестка, сват*). Тематическая доминанта *Семья* получает семантическое расширение посредством лексем *няня, дом, малышка, невеста, жених, сватовство*.

Обобщающие номинации представлены в корпусе лексемами *семья* (27) и *семейство* (2). Доминирование лексемы *семья* свидетельствует о стилистической нейтральности семейного дискурса анализируемых текстов: авторы предпочитают современную, общеупотребительную номинацию, избегая архаизмов. Лексемы *семья* и *семейство* уступают по частотности лексемам, маркирующим социальные роли или родство (*отец, папа, мать, мама, дед*). Семья в материалах

журнала «Литературные знакомства» репрезентируется как конкретная система отношений между действующими лицами сюжета рассказа. Авторы предпочитают показывать семью через отдельные фигуры (*отец, мать, дед, сын*) и их взаимодействие, избегая обобщающих лексем.

Отдельного внимания заслуживает лексема *дом*, проявленная с высокой частотностью в рассказах (2022 г. – 45 ЛЕ, 2023 г. – 38 ЛЕ, 2024 г. – 71 ЛЕ, 2025 г. – 8 ЛЕ). Согласно значениям, представленным в Большом академическом словаре русского языка [27, с.245], Словаре современного русского языка [27, с.954], Толковом словаре русского языка Д.Н.Ушакова [30, с.759], а также Толковом словаре русского языка под редакцией С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой [28, с.380], *дом*, помимо прямого (здание, жилище), имеет вторичное значение и представляет собой: 1. Место для проживания семьи; 2. Семью как коллектив; 3. Род, династию. Согласно данным лексикографических источников, лексема *дом* систематически представлена во вторичных значениях *отчий дом, родной дом*. В контексте реплик героев рассказов *дом* становится образом рода. Так, опираясь на лексикографические данные, мы отнесли лексему *дом* к тематической группе *Семья*. Лексема *дом* представляет собой метонимическое средство актуализации темы *Семья*. Контексты семейных хроник превращают *дом* в образ рода, исторической памяти и ценностного центра семьи, объединяя пространственное, бытовое и эмоционально-аксиологическое измерения семейного дискурса.

Следует отметить, что Ли Исинь, анализируя представления о семье в русской языковой картине мира на материале русского народного творчества и авторских сказок, отмечает, что «представления о семье определяют ядерные лексемы: *отец, мать, дети (брат и сестра), бабушка и дедушка*» [12, с.450]. Частотность лексем, маркирующих близкое кровное родство, в корпусе текстов анализируемого нами издания, также достаточно высокая. В семантической группе «Родители» наблюдается максимальная частотность входящих в нее лексем. Так, например, в 2022 г. лексема *папа (100)* является преобладающей. Она представлена синонимами *отец, батюшка, папаша, батя,* а также *атай (башк. папа).* Такая развитая синонимическая парадигма лексемы *папа* подтверждает высокую значимость отцовской фигуры в языковой картине мира авторов анализируемых текстов. Лексемы актуализируют различные грани понятия *отец*: эмоционально-близкую, социально-ролевую, сакральную *(отче)*, этнокультурную *(атай)*. Значимую роль играет и контекстуальная обусловленность выбора номинации.

Авторы рассказов, опубликованных в журнале «Литературные знакомства», используют весь лексический спектр при выборе номинативной единицы в зависимости от того, какой оттенок они хотят придать номинации отцовской фигуры в тексте: нейтральное *отец*, разговорное *папа*, книжно-церковное *батюшка* или этнокультурное *атай*.

Так, в ходе контекстуального анализа было выявлено, что лексема *отец* встречается в драматическом и историческом контексте: *отец погиб, отец ушел на войну, отец ранен*. Это замечание актуализирует измерение отцовства, связанное с исторической памятью и утратой. Лексема *папа* (100), напротив, функ-

ционирует преимущественно в бытовом, диалогическом регистре: *папа сказал, папа пришел, папа любит*. Ее употребление маркирует повседневность и эмоциональную близость с фигурой отца.

Согласно Большому толковому словарю русского языка: «1. ПА́ПА, -ы; м. Разг. Преимущественно в речи детей: -Оте́ц (1 зн.)», – то есть это указывает на доминирование разговорного регистра – лексема *папа* связана с детским внутрисемейным восприятием фигуры отца [18].

Использование лексемы *атай* в некоторых рассказах, опубликованных в журнале «Литературные знакомства», свидетельствуют об этнокультурном тематическом многообразии издания. Данная лексическая единица несет дополнительную культурную коннотацию и выступает этнокультурным маркером, подчеркивающим региональную идентичность персонажей и авторов. *Батюшка* (9) вводит сакральное, патриархальное измерение, отсылая к традиционному укладу и религиозному почитанию отца. Просторечные лексемы *папаша* (7) и *батя* (8) создают эффект фамильярности, маркируя неформальное общение.

В ходе анализа языкового материала также было выявлено, что лексема *отец* уступает по частотности лексеме *папа*. Наблюдается количественное преобладание разговорного стиля над нейтральной номинацией *отец.* Авторы отдают приоритет эмоционально-бытовому регистру в репрезентации отцовской фигуры и акцентируют внимание читателя на личных, бытовых и эмоциональных отношениях между отцом и ребёнком.

Номинации материнской фигуры в анализируемых рассказах журнала «Литературные знакомства» представлены лексемами *мама, мать, маменька*. Лексема *мама* имеет разговорно-эмоциональный стилистический оттенок, *мать* – нейтральный, строгий, официальный, ругательный, разговорно-сниженная форма *маменька* имеет иронический оттенок. В 2025 г., несмотря на меньший объем выборки, сохраняется доминирование лексемы *мама* (13) над *мать* (6), появляется лексема *маменька* (5).

В разговорном стиле наблюдается значительное доминирование материнской номинации – лексемы *мама* (2023-2025 гг.), что подтверждает утрачивание эмоционально-близкой и бытовой фигуры отцовства – лексемы *папа*, уступающей дистанцированной и строгой лексеме *отец*. Эмоционально-близкая модель материнства усиливается с каждым годом. Авторы печатного издания отдают предпочтение формальному и официальному, строгому стилю при репрезентации отцовской фигуры и показывают материнский образ, используя разговорную лексему *мама*.

Посредством лексического предпочтения авторов анализируемого литературного журнала выстраивается модель семьи, где отец и мать репрезентуются в разных стилистических регистрах, что отражает их функциональное разделение. Отцовская фигура предстает в двух ипостасях: близкой (*папа*) и дистанцированной (*отец*). Однако в 2024-2025 гг. лексема *папа* почти исчезает из текстов, уступая место лексеме *отец*, что свидетельствует об акценте на его социальной роли, авторитете, дистанцировании и исторической памяти. *Отец* в рассказах – собирательный образ главы семьи, строгого, ответственного, часто связанного с

внешним миром, войной, историей. Материнская фигура, напротив, репрезентуется через лексему *мама*. *Мать* репрезентируется в рассказах как близкий человек, центр тепла, заботы и домашнего уюта. Лексические предпочтения авторов в анализируемых рассказах демонстрируют ценность патриархальной семьи, где отец выступает в роли авторитета, носителя родовой памяти и преемственности поколений.

Лексическая асимметрия свидетельствует: в журнале «Литературные знакомства» формируется традиционная модель семьи (отец – строгий глава, носитель авторитета и исторической памяти, а мать – близкий, эмоциональный центр семьи). При этом в 2024 г. происходит смещение акцента: материнская фигура выходит на первый план (мама – 105), что может свидетельствовать о растущем интересе авторов к темам материнства, детства и домашнего уюта. Однако отцовская фигура при этом сохраняет свою дистанцированную, социально-ролевую функцию (отец – 50).

Еще одна семантическая группа «Кровное родство (старшее поколение)» включает в себя лексемы *дед, дедушка, дедушко* и *бабушка, бабка*. В диахронии их частотность меняется: в 2022 г. заметно преобладание в текстах лексемы *дед* (суммарно, вместе с синонимами – 111) над лексемой *бабушка* (32). Лексема *дед* имеет синонимы *дедушка* и *дедушко*. Лексема *дедушко* используется в текстах только одного автора – П.Г.Кренева, рассказывающего о поморской культуре и быте Русского Севера. Лексема *бабушка*, помимо нейтральной номинации, представлена посредством разговорно-сниженной лексемы *бабка*. Доминирование номинаций мужского рода указывает на патриархальный характер семейного дискурса. В 2023-2024 гг. сохраняется преобладание лексем мужского рода над женским. Кардинальная смена доминантности происходит в корпусе текстов-рассказов 2025 г. – лексема *бабушка* (39) становится более частотной, чем лексема *дедушка* (19). Бабушка становится центральной фигурой старшего поколения. Диахронический анализ семантической группы «Кровное родство (старшее поколение)» показывает похожие тенденции, наблюдаемые в семантической группе «Родители»: частотность лексем мужского рода резко сменяется лексемами женского рода (от *отца* к *матери, от дедушки к бабушке*).

Ли Исинь подчеркивает, что дальние отношения между членами семьи представляют собой периферию *(двоюродные или троюродные братья, внучатые племянники и др.)* [12, с.450]. На материале анализируемых нами рассказов эта гипотеза подтверждается количественно. Так, лексемы, маркирующие дальнее родство (*дядя, тетя, родня, родственник*), не так частотны по сравнению с лексемами *мать, отец, дед, бабушка*.

На основе проведенного анализа лексики материалов, опубликованных в журнале «Литературные знакомства» (2022-2025 гг.), представим ценностную модель семьи, транслируемую авторами издания. Модель семьи в представлении авторов текстов характеризуется патриархальностью и авторитетом старшего поколения, о чем свидетельствует преобладание мужских номинаций. Эмоциональная близость в отношениях матери и ребёнка – смысловой центр семейного дискурса, так как в 2024-2025 гг. лексема *мама* количественно начинает преоб-

ладать над лексемой *папа,* а также совпадает с частотными пиками лексем *ребёнок* (77) и *дом* (71), что указывает на смещение с патриархальной модели семьи к модели, где материнство и детство оказываются смысловым центром.

Примечательна смена акцента в тематической группе «Семейные события» с лексемы *рождение* (2022 г.) на *развод* (2023). Диахронический анализ этой группы отражает, как авторский интерес сместился с созидательных, жизнеутверждающих аспектов семьи на кризисные, драматические ситуации. Авторы журнала чаще обращаются к темам семейных конфликтов, распада браков и связанных с этим психологических травм. В ценностном отношении наличие этих лексем демонстрирует, что журнал не избегает позитивных или негативных аспектов семейной жизни. Семья показана не конъюнктурно, а в динамике, включающей созидательные и кризисные периоды. Преемственность поколений подтверждается лексической репрезентацией родства через горизонтальные типы родственных связей (*отец – сын, дед – внук*). Семья в анализируемых текстах журнала «Литературные знакомства» представлена как разветвленная родовая структура, а связь между поколениями представляет собой основу культурной идентичности. Этнокультурные маркеры *атай, агай, бабай, апай* формируют полиэтничный характер произведения и подтверждают заявленное главным редактором Л.У. Звонаревой стремление к поддержанию межкультурного диалога на страницах возглавляемого ею издания «Литературные знакомства». Дом служит сакральным пространством семьи – частотность лексемы *дом* стабильно высокая на протяжении всего анализируемого временного диапазона.

Согласно Указу Президента РФ В.В.Путина №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (9 ноября 2022 г.), к российским ценностям относятся: крепкая семья, историческая память и преемственность поколений, жизнь и достоинство, приоритет духовного на материальным и высокие нравственные идеалы, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение. Ценности, представленные на страницах анализируемого литературного журнала, соответствуют ценностям, закрепленным в этом нормативном документе.

В результате исследования языковых средств актуализации тематической доминанты «Семья» в журнале «Литературные знакомства» нами были сформулированы следующие выводы. Понятие «доминанта» имеет междисциплинарный характер, в современной лингвистике трансформируется в отдельную категорию. Согласно предложенному нами определению, тематическая доминанта является устойчивой и регулярно воспроизводимой темой, организующей информационное пространство дискурса. В ходе исследования был сформирован корпус из 172 текстов-рассказов, опубликованных в литературно-художественном журнале «Литературные знакомства» в период 2022-2025 гг. На основе полученных данных были классифицированы частотные лексемы, формирующие лексическое поле тематической доминанты «Семья», по семантическим группам: «Родители», «Старшее поколение», «Дети», «Братья, сестры и другие», «Предбрачные статусы и ритуалы», «Семейные события и процессы» и «Социально-бытовая сфера семьи».

Анализ лексического уровня актуализации темы «Семья» показал, что группа «Родители» предстает наиболее репрезентативной за счет насыщенной синонимической парадигмы. Сравнительный анализ парных номинаций «мама – папа» и «мать – отец» позволил выявить функционально-семантическую асимметрию в репрезентации родительских фигур. Сопоставление выявленных тематических акцентов с перечнем традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закрепленных в Указе Президента РФ, позволяет утверждать, что журнал «Литературные знакомства» последовательно транслирует следующие ценностные ориентиры: крепкая семья (высокая частотность всех номинаций родства), историческая память и преемственность поколений (присутствие лексем *дед, бабушка, внук, внучка*), жизнь и достоинство (драматические сюжеты, связанные с войной и утратой), приоритет духовного над материальным (доминирование эмоционально-близких номинаций над формальными, сакрализация дома), коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение (лексика расширенной семьи и родственных связей).

Литература

1. Архив номеров [Электронный ресурс] // Литературные знакомства. – Режим доступа: https://litznak.org/index.php/arkhiv-nomerov (дата обращения: 25.07.2026).
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Электронный ресурс] // ВЕХИ. – Режим доступа: https://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/02.html (дата обращения: 07.06.2026).
3. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
4. Бондарев М.В. Стилистические доминанты средств репрезентации подтекста в лирике Серебряного века (сравнительно-сопоставительный анализ) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2025. – Вып. 3 (239). – С.89-97. – DOI: 10.23951/1609-624X-2025-3-89-97.
5. Быков Л.П. The 'Thick Journal' in Russia: Yesterday, Today and Tomorrow // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2016. – Vol. 9, №5. – P.1249-1255.
6. Виноградов В.В. Проблема автора в художественной литературе // Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Наука, 1971. – С.104-211.
7. Гуковский Г.А. Изучение литературного произведения в школе: (Методологические очерки о методике). – М.; Л.: Просвещение, 1966. – 266 с.
8. Даниленко И.А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – №1. – С.6-13. – DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-6-13.
9. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: КомКнига, 2007. – 368 с.
10. Звонарёва Л.У. Литературная пресса в XXI веке: от альманаха к журналу (на материале издания «Литературные знакомства») [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т.13, №2. – Режим доступа: https://sfk-mn.ru/PDF/24FLSK222.pdf (дата обращения: 07.05.2026).
11. Ионова С.В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Теоретические вопросы лингвистики эмоций. – 2023. – №1. – С.13-27. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.2.
12. Ли Исинь. Семья в русской языковой картине мира (на материале русских народных и авторских сказок) // Неофилология. – 2019. – Т.5, №20. – С.447–455. – DOI: 10.20310/2587-6953-2019-5-20-447-455.

13. Литературные знакомства: литературно-художественный журнал. – М., 2022–2025. – №64–105.
14. Лушникова Е.И. Принципы изучения тематических доминант литературных журналов с помощью веб-приложения контекстного анализа Voyant Tools (на материалах журналов «Серебряные сверчки» и «Литературные знакомства»): маг. дис. – М.: Российский университет дружбы народов, 2026. – 140 с.
15. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
16. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 304 с.
17. О журнале [Электронный ресурс] // Литературные знакомства. – Режим доступа: https://litznak.org/index.php/o-zhurnale (дата обращения: 25.07.2026).
18. Папа // Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С.А.Кузнецов // Грамота.ру. – Режим доступа: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D0%B0%D0%BF%D0%B0&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 25.07.2026).
19. Путин: литературное наследие России важно для укрепления суверенитета: информационное сообщение [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2025. – 27 февр. – Режим доступа: https://ria.ru/20250227/putin-2001924448.html (дата обращения: 10.03.2026).
20. Ракипова В.Л. Критерии выделения лексико-тематических групп семейных отношений (на материале русского и вьетнамского языков) // Вестник БГУ. – 2009. – №10. – С.153-156.
21. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
22. Тисленкова И.А. Языковые средства актуализации высокого уровня профессионализма говорящего в нарративном интервью (на материале английского языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – №8 (161). – С.146-152.
23. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / подгот. изд. и коммент. Е.А.Тоддеса, А.П.Чудакова, М.О.Чудаковой. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
24. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 24.07.2026).
25. Ухтомский А.А. Доминанта. – М.: АСТ, 2022. – 320 с.
26. Якобсон Р.О. Доминанта / пер. с англ. И.Чернова // Хрестоматия по теоретическому литературоведению: в 2 т. – Тарту, 1976. – Т.1. – С.56-63.
27. Большой академический словарь русского языка: в 27 т. / гл. ред. А.С.Герд. – М.: Наука, 2019. – Т.5: Деньга–Жюри. – 728 с.
28. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Академия наук СССР, 1949. – 750 с.
29. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. – Т.3: Г–Е. – 954 с.
30. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. – Т. 1: А–Кюрины. – 759 с.

LINGUISTIC MEANS OF ACTUALIZING THE THEMATIC DOMINANT «FAMILY» (BASED ON THE MATERIAL OF THE JOURNAL «LITERARY ACQUAINTANCES»)

Bragina Marina Alexandrovna

Candidate of philological sciences, assistant professor
head of the chair of Russian language №1
Russian language Institute
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 495 787 38 03, ext. 15 13
bragina-ma@rudn.ru

Astakhova Yana Alexeevna

Candidate of philological sciences,
assistant professor of the chair of Russian language №1
Russian language Institute
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 15 86
assistant professor of the chair of Russian language
Institute of philology and history
Russian state university for the humanities
125047, Russia, Moscow, Miusskaya square, 6
Ph.: +7(495) 250 64 46
yana_ast87@mail.ru

Lushnikova Elena Igorevna

Teacher of additional education of the chair of Russian language №1
Russian language Institute
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str.,6
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 15 86
lushnikova-ei@rudn.ru

Sharapava Alena Vasiljewna

Senior lecturer of the chair of humanities
Inter-state educational institution of higher education
“Belarusian-Russian university”
212000, Republic of Belarus, Mogilev, Mir ave, 43
Ph.: +375 (29) 746 92 21
alenasharapava@yandex.by

The aim of this study is to identify and systematize lexical items marking the concepts of family and family values within a corpus of 172 narrative texts. The study covers the period from 2022 to 2025. Its relevance lies in the need to examine the traditional values conveyed through the specific linguistic choices made by authors. The study’s scientific novelty stems from the application of a hybrid approach combining qualitative and quantitative analysis methods (utilizing the Voyant Tools web application for contextual analysis alongside other digital tools) to materials that have not previously been studied from the perspectives of linguoculturology, linguistics, and philology. An analysis of the linguistic means of actualization at the lexical level revealed that the thematic domain "Family" encompasses the following semantic groups: "Parents," "Blood Kinship (Older Generation)," "Children," "Siblings and Others," "Affinal Kinship (Kinship by Marriage)," "Pre-marital Statuses and Rituals," "Family Events and Processes," and "The Socio-Domestic Sphere of Family Life." Furthermore, the study identified a prevalence of lexical items marking paternal figures (such as "father" and "grandfather") and an asymmetry in the representation of parental figures: terms denoting mothers predominate in the colloquial-emotional register, whereas terms denoting fathers prevail in the neutral-social register. The study traces the shift from a patriarchal model (2022) to a family model centered on motherhood and childhood (2024). The findings indicate that the authors contributing to the journal in question convey – through their works – traditional family values as enshrined in Decree of the President of the Russian Federation №809.

Keywords: thematic dominant; family; linguistic means; frequency analysis; hybrid method; lexical analysis; linguoculturology; media linguistics.

ВОСИТАҲОИ ЗАБОНИИ АКТУАЛИЗАТСИЯИ ДОМИНАНТАИ МАВЗӮИИ «ОИЛА» (ДАР АСОСИ МАВОДИ МАҶАЛЛАИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗНАКОМСТВА»)

Брагина Марина Александровна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дустии халкҳои Россия
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 787 38 03, дохил. 1513
bragina-ma@rudn.ru

Астахова Яна Алексеевна

Номзади илмҳои филологӣ,
доценти кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дустии халкҳои Россия
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01 дохил. 1586
доценти кафедраи забони русӣ
Институти филология ва таърих
Донишгоҳи давлатии гуманитарии Россия
125047, Россия, Маскав, майдони Миусская, 6
Тел.: +7(495) 250 64 46
yana_ast87@mail.ru

Лушникова Елена Игоревна

Муаллими таълими иловагӣ
кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дустии халкҳои Россия
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01 дохил. 1586
lushnikova-ei@rudn.ru

Шарапова Елена Васильевна

Муаллими калони кафедраи фанҳои гуманитарӣ
Ёддошти тафоҳумномаи "Донишгоҳи Белорус-Россия"
212000, Ҷумҳурии Беларус, Могилев, хиёб. Мира, 43
Тел.: +375 (29) 746 92 21
alenasharapava@yandex.by

Тадқиқоти мазкур ба воситаҳои забонии актуализатсияи доминантаи мавзӯии «Оила» дар дискурси муосири адабӣ дар асоси маводи мачаллаи «Литературные знакомства» бахшида шудааст. Доираи хронологии тадқиқот солҳои 2022–2025-ро фаро мегирад. Мубрамияти тадқиқот дар зарурати омӯзиши самтҳои арзишии анъанавии интиқолшаванда тавассути интихоби муаллифонаи воситаҳои муайяни забонӣ иборат аст. Ҳадафи кор муайян ва систематизатсияи лексемаҳое мебошад, ки симои оила ва арзишҳои оилавиро дар корпуси 172 ҳикояи кӯтоҳ ифода мекунанд. Навоварии илмӣ дар татбиқи усули гибридии муаллиф, ки усулҳои сифатӣ ва миқдориро (бо истифода аз заминаи вебии таҳлили контекстии Voyant Tools ва дигар воситаҳои рақамӣ) ба маводи қаблан дар ҷанбаи лингвокултурология, забоншиносӣ ва филология омӯхтанашуда муттаҳид мекунад, мебошад. Дар натиҷаи таҳлили воситаҳои забонии актуализатсия (дар сатҳи луғавӣ) маълум гардид, ки доминантаи мавзӯии «Оила» гурӯҳҳои семантикии зеринро дар бар мегирад:

«Волидайн», «Хешовандӣ (наслҳои калонсол)», «Кӯдакон», «Бародарон, хоҳарон ва дигарон», «Хешовандӣ тавассути издивоҷ», «Вазъиятҳо ва маросимҳои пеш аз издивоҷ», «Рӯйдодҳо ва равандҳои оилавӣ», «Соҳаи иҷтимоӣ-маишии оила». Ғайр аз ин, бартарии лексемаҳои ифодакунандаи симои падар – падар, бобо – муайян карда шуд, инчунин ноҳамвории намояндагии симои волидайн ошкор гардид: номинатсияҳои модарӣ дар сабти гуфтугӯй-эмотсионалӣ ва номинатсияҳои падарӣ дар сабти бетараф-иҷтимоӣ бартарӣ доранд; динамика аз модели патриархалӣ (2022) ба модели дар маркази модарӣ ва кӯдакӣ буда (2024) пайгирӣ шуд. Натиҷаҳои бадастомада нишон медиҳанд, ки маҷалла арзишҳои анъанавии оилавиро, ки дар Фармони Президенти Федератсияи Русия № 809 сабт гардидаанд, интиқол медиҳад.

Калимаҳои калидӣ: доминантаи мавзӯӣ; оила; воситаҳои забонӣ; таҳлили басомад; усули гибридӣ; таҳлили луғавӣ; забоншиносӣ; забоншиносии медиавӣ.

УДК 811.222.8'373.612.2

КОГНИТИВНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОНЦЕПТА «САДОҚАТ» (ВЕРНОСТЬ) В ТАДЖИКСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Курбонова Хафиза Халимовна

Кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 00 744 43 33 (м.)
kurbanova_xafiza@mail.ru

Статья посвящена метафорической вербализации концепта «садоқат» (верность) с привлечением данных из толковых словарей таджикского языка и Национального корпуса таджикского языка. Установлено, что в таджикской лингвокультуре исследуемый концепт выступает символом нравственной устойчивости, духовной ценности, социальной ответственности и культурной преемственности. На основе анализа устойчивых словосочетаний и контекстуальных употреблений выявлено восемь метафорических моделей, посредством которых абстрактное понятие «садоқат» (верность) получает образно-предметную и пространственную конкретизацию. В рамках данных моделей исследуемый концепт отражается через образы зерна, двери, пути, руки, основы, посоха, царства (владения) и города, что свидетельствует о его концептуализации через различные предметные и пространственные сферы-источники.

Выявленные основные когнитивно-метафорические модели репрезентируют особенности концептуализации верности в языковом сознании носителей таджикского языка. Результаты исследования позволяют определить место данного концепта в системе национально-культурных ценностей таджикского народа.

Ключевые слова: метафора; концепт «садоқат»; лексикографический анализ; корпусный анализ; когнитивная лингвистика; языковое сознание; таджикский язык.

Проблема метафорического переноса концептов на протяжении длительного времени привлекает внимание лингвистов и рассматривается в различных прикладных направлениях и научных парадигмах. В частности, изучение метафоры осуществляется в рамках таких дисциплин, как биосемантика, лингвостилистика, лингвопрагматика, а также когнитивная лингвистика. Каждое из этих направлений акцентирует внимание на определённых аспектах функционирования метафоры, рассматривая её либо как средство художественной выразительности, либо как инструмент коммуникации, либо как механизм организации человеческого мышления.

Метафора является одним из наиболее активно исследуемых феноменов в современной лингвистике, интерес, к которому сохраняется на протяжении многих десятилетий. Истоки научного осмысления метафоры восходят к трудам

Аристотеля, который в своём исследовании «Поэтика» рассматривал метафору как «перенос имени с одного предмета на другой по сходству или аналогии» [2, с.145-147].

В XX веке проблема метафоры получила новое развитие в трудах Айвора Ричардса, который предложил различать компоненты метафоры – это «tenor» (содержание) и «vehicle» (образ) [28, с.48], а также Макса Блэка, разработавшего интеракционную теорию метафоры, согласно которой «значение возникает в результате взаимодействия двух семантических сфер» [8, с.153-172].

Отдельно следует выделить труды представителей когнитивных наук, внесших существенный вклад в развитие теории метафоры – Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, которые в своём главном труде «Metaphors We Live By» («Метафорами, которыми мы живём») подчеркивают положение о том, что «метафора является не только стилистическим средством, но и фундаментальным механизмом человеческого мышления» [27, с.3-6].

Дальнейшее развитие когнитивного подхода в определении метафоры связано с Жилем Факонье и Марком Тернером, которые разработали теорию концептуального смешения [25].

Важно отметить, что до конца XX века исследования метафоры в рамках когнитивной науки не представляли собой единой и системной теории. Отдельные аспекты метафорического переноса рассматривались различными учёными, однако комплексного понимания метафоры как универсального механизма мышления долгое время не существовало. Существенный вклад в развитие когнитивного подхода к метафоре внёс Э.Маккормак, который в своем труде «Когнитивная теория метафоры» предложил рассматривать метафору как «специфическую форму познавательной деятельности человека» [13, с.59]. Учёный трактует метафору не просто как языковое явление, а как «результат сложных мыслительных процессов, обеспечивающих создание нового знания» [13, с.59].

Согласно Э.Маккормаку, «возникновение метафоры обусловлено сопоставлением различных семантических концептов, которые в обычных условиях могут восприниматься как малосовместимые или даже несопоставимые» [13, с.68]. Тем не менее, учёный считает, что «человеческое сознание способно устанавливать между ними определённые ассоциативные связи посредством специальных когнитивных операций. В процессе такого сопоставления происходит выявление, как сходств, так и различий между концептами, что и становится основой для формирования метафорического значения» [13, с.85].

Когнитивная лингвистика как научное направление сформировалась во второй половине XX века и получила активное развитие в исследованиях американских ученых, прежде всего, представителей научных школ Калифорнийских университетов в Беркли и Сан-Диего. Основное внимание в рамках данного направления уделяется взаимосвязи языка, мышления и познавательных процессов человека. Одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики является метафора, которая рассматривается не только как языковое средство выразительности, но и как важнейший механизм человеческого мышления.

Согласно концепции Дж.Лакоффа и М.Джонсона, «метафора выполняет функцию первичного когнитивного механизма, который участвует в организации, упорядочении и структурировании человеческого опыта. Метафорическое мышление позволяет человеку осмысливать окружающую действительность, формировать представления о сложных явлениях и строить абстрактные концепты» [12, с.244].

Следовательно, метафора играет важную роль в развитии абстрактного мышления и познавательной деятельности человека.

А.Ричардс в своем исследовании «Философия риторики» пишет, что «в основе метафорического переноса лежит заимствование и взаимодействие идеи смена контекста» [18, с.103]. Согласно учёному, «мысль метафорична и развивается через ассоциативное сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке» [18, с.104].

Проанализировав существующие подходы к пониманию природы метафоры, Дж.Лакофф подвергает критике традиционное представление о ней как исключительно языковом и стилистическом явлении. Учёный пишет, что «классические концепции ограничивали роль метафоры, рассматривая ее лишь как средство художественной выразительности, не связанное с процессами мышления и познания» [12, с.154]. В рамках традиционного подхода утверждалось, что «любой объект или явление может быть полностью осмыслено в буквальном, неметафорическом смысле; метафора используется преимущественно в поэтической или художественной сфере; метафора является исключительно языковым явлением; метафорические выражения не могут быть истинными, тогда как правдивость якобы свойственна только буквальному языку» [12, с.158].

Дж.Лакофф отмечает, что «метафора по своей природе является не столько языковым, сколько концептуальным явлением» [12, с.159]. Это означает, что метафорические процессы происходят, прежде всего, на уровне мышления и концептуальной системы человека. Языковые выражения выступают лишь внешним проявлением этих когнитивных структур.

Система концептуальных метафор в значительной степени функционирует бессознательно и автоматически. Люди используют метафоры в речи, не осознавая их когнитивной природы и не прилагая специальных усилий для их применения, например, когда говорится, что человек «в плохом настроении», носитель языка не осмысливает сознательно метафору настроения как некого «вместилища».

Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в научный обиход вошли в середине 80-х гг. XX в. в рамках когнитивной парадигмы и психолингвистики. В 1970-1980-е годы проблема метафоры привлекла внимание многих исследователей, среди которых можно отметить А.Хили, Р.Харриса, А.Ортони, Р.Рейнольдса и др., которые внесли значительный вклад в развитие современной теории метафоры.

Исследователи (Дж.Лакофф, М.Джонсон, Р.Харрис, А.Ортони и др.) подчеркивают, что «метафора не ограничивается сферой художественного языка или риторики. Напротив, она пронизывает все уровни человеческой деятельности и

оказывает влияние на процессы мышления, поведение человека, научное познание и повседневную коммуникацию. Наиболее наглядно метафорические структуры проявляются в языке и речи, поскольку язык фиксирует и отражает способы концептуализации действительности, присущие человеческому сознанию. В связи с этим в когнитивной лингвистике часто говорится о «вездесущности метафоры» (ubiquity, omnipresence), что означает ее постоянное присутствие в различных сферах человеческого опыта» [11, с.86].

Следует отметить, что система метафор играет значительную роль не только в формировании лексики, но и в организации грамматики языка. Метафорические процессы способны влиять на развитие различных языковых структур, что свидетельствует о глубокой интеграции метафоры в языковую систему.

Среди других исследователей значимую роль в разработке теории метафоры сыграли Джон Серль, рассматривающий метафору «в рамках теории речевых актов» [Searle, 1979].

В российском языкознании изучение метафоры активно развивалось в 1970-1990-е годы. Ключевую роль в этом направлении играли труды Р.Якобсон, А.А.Потебни, В.В.Виноградова, Н.Д.Арутюновой, Г.Н.Скляревская, В.Н.Телии, А.Вежбицкая, А.Н.Баранов, А.П.Чудинов и др.

Российские учёные рассматривали метафору в теории дискурса, принимали во внимание экстралингвистические факторы, мыслительные особенности и сознание человека, при этом язык являлся основным инструментом для анализа.

По словам Г.Н.Скляревской, «когда метафора воспринимается как метафора и отличается от других языковых явлений и описывается отдельно, тогда возникает вопрос о ее двойственной природе – быть средством языка и художественной формой (поэтической фигурой)» [19, с.58-65].

Роман Якобсон рассматривает метафору в системе поэтического языка [Якобсон, 1990] Анна Вежбицкая анализирует семантические и культурные аспекты метафоризации [Вежбицкая, 1992].

Для А.А. Потебни метафора – это «форма мышления и познания» [17, с.98]. В.В.Виноградов рассматривает метафору в рамках стилистики как «способ создания экспрессии в тексте» [9, с.56]. В.Н.Телия определяет метафору как «способ мышления о мире, который использует прежде добытые знания» [20, с.45].

Среди российских ученых, занимающихся проблемами метафоры, стоит отметить труды А.Н.Баранова и А.П.Чудинова. Их работы считаются наиболее актуальными в аспекте когнитивной науки. А.П.Чудинов в своих трудах рассматривает политические метафоры и создает теорию метафорического моделирования, которая основывается на детализации лексико-семантических группировок. Учёный пишет, что «значения метафор классифицируются на первичные и вторичные. Вторичные значения метафор являются основополагающими, поскольку в них отражается ассоциативные и отличительные признаки» [21, с.34]. Ученый считает, что в семантических характеристиках слов существует две понятийные зоны. Одна исходная понятийная зона входит в группу слов с первичной семантикой, а другая отражает переносное значение слов. При этом исследователь за-

ключает и существование типовых сценариев и фреймов, которые связаны с языковой картиной мира [21].

Следовательно, А.П.Чудинов подходит к изучению метафоры больше с семантической точки зрения.

Другой исследователь А.Н.Баранов, проанализировав теорию метафоры, вводит новый термин «когнитивное мерцание» [4]. Учёный под когнитивным мерцанием имеет в виду, что у метафоры нет одного строго закреплённого смысла. Одна и та же метафора понимается людьми неоднозначно в зависимости от ситуации и контекста, т.е. смысл метафоры «мерцает» меняется и раскрывается по-разному. А.Н.Баранов пишет, что «не как точное сравнение, а как гибкий способ понимания и описания мира. Она помогает назвать и объяснить сложные, абстрактные или трудноописуемые явления через более понятные и конкретные слова» [4, с.180]

«Метафора, – говорит исследователь, – может включать несколько смысловых признаков одновременно» [4, с.181]. Эти признаки помогают перейти от конкретного к абстрактному, от части к целому и от известного к менее понятному [4, с.182].

Соответственно, по А.Н.Баранову, «метафора – это способ мышления, при котором признаки одного явления переносятся на другое благодаря взаимодействию области источника (то, откуда берётся образ) и области цели (то, что объясняется через этот образ)» [4, с.189-193].

В истории таджикской науки о языке особое место принадлежит выдающемуся таджикскому лингвисту, академику Мукарраме Набиевне Касымовой, научная деятельность которой оказала фундаментальное влияние на становление и развитие современной таджикской лингвистики. Исследования М.Н.Касымовой охватывают широкий круг проблем исторической грамматики, синтаксиса, морфологии, лексикографии, истории таджикского литературного языка и методики преподавания языковедческих дисциплин. Её труды стали важнейшей теоретической базой для дальнейшего развития отечественного языкознания и формирования научной школы в области изучения таджикского языка.

Важно отметить труды учёного в рамках исторической морфологии таджикского языкознания («Синтаксис простого предложения таджикской прозы XI века», «Придаточные условные предложения в таджикском литературном языке», типологии таджикского языка, лексикографии («Краткий русско-таджикский тематический учебный словарь») и др.

Значительный вклад в развитие метафорологии в таджикском языкознании внесли Б.Камолиддинов, Х.Маджидов, М.Мухаммадалиев и др.

Таджикские ученые, как и российские и зарубежные исследователи, отмечают, что метафора способствует развитию и обновлению мыслительных процессов, выступая значимым средством концептуализации и интерпретации действительности.

Развёрнутое определение метафоры представлено в труде Мухаммада Гиясиддина «Ғиёс-ул-луғот»: «Метафора – это путь, противоположность истине.

Она употребляется не прямом (истинном) значении. Его первоначальное значение не утрачивается полностью, а между исходным и переносным значениями устанавливается отношение сходства или иная смысловая связь» [29, с.233].

Из приведённого определения следует, что метафора рассматривается как употребление слова в переносном значении, сохраняющем связь с его прямым значением на основе сходства, потенциальной соотнесённости или причинно-следственной связи.

Аналогичное толкование содержится и в словаре «Фарханги Амид», где отмечается: «Маҷоз – метафора, слово, употребляемое не в своём прямом значении, при этом переносное значение должно быть связано с исходным значением отношением сходства» [23, с.55].

Следует отметить, что трактовка данного понятия в этих словарях похожа и отличается только некоторыми идиомами. Исследователи теории средневековой литературы, трактуя то или иное искусство, в первую очередь подчеркивали его терминологическое значение. Например, Шамс Кайси Рози выразил следующее мнение о метафоре: «Суть метафоры состоит в том, чтобы игнорировать правду и придавать слову другое значение, чтобы поместить его в контекст ситуации. Но существует связь между истинностью слова и отношением к пониманию цели говорящего» [31, с.192].

Мухаммад Толиб Амули в своём труде «Нафоис-ул-фунун фи ароис-ул-уюн», в разделе «Улуми адабӣ», рассматривая сущность термина «маҷоз» (метафора), в частности, исследователь отмечает, что «метафора представляет собой употребление слова вне его прямого значения» [16, с.88]. По мнению автора, «слово включает два аспекта: первый связан с его лексическим значением, а второй – с контекстуальным употреблением и смыслом, возникающим в речевой структуре» [16, с.118].

Метафора по своей природе отражает концепты, существующие в объективной действительности, однако способ их языкового выражения носит непрямой и образный характер. В связи с этим изучение метафорической природы концептов занимает важное место не только в зарубежной и российской лингвистике, но и в таджикском языкознании.

Исследованием различных аспектов метафоры и её концептуальной природы в таджикской лингвистике занимались представители научной школы «Прикладная лингвистика в Республике Таджикистан», в частности профессора кафедры теоретического и прикладного языкознания Д.М.Искандарова, Х.Дж.Шамбезода, М.Б.Давлатмирова, доцент Н.И.Каримова, также их ученики – Х.Х.Курбонова, О.Л.Козлова, Н.К.Бойматова, М.Б.Разыкова и другие.

Таким образом, метафора выступает универсальным механизмом познания, который помогает человеку систематизировать знания об окружающем мире, формировать новые смыслы и объяснять абстрактные концепты через конкретные образы. Дальнейшее развитие данного направления связано с изучением типов концептуальных метафор, их структуры, а также их роли в формировании языковой картины мира.

Итак, из вышесказанного следует отметить, что когнитивная теория метафоры представляет собой удобный инструмент для анализа концептов, связанных с эмоциональными и социальными феноменами, например, при изучении таких понятий, как *«садоқат»/«верность», «любовь», «преданность», «время», «семья»* и др., метафорический перенос позволяет выявить, каким образом люди осознают и выражают эти абстрактные психологические состояния через более конкретные и наглядные области опыта

В рамках настоящего исследования предполагается анализ когнитивно-метафорической репрезентации понятия «садоқат» (верность) в таджикской лингвокультуре. Исследование ориентировано на выявление и описание метафорических моделей, структурирующих данную оппозицию в языковом сознании носителей таджикского языка. Практическую базу исследования, как отмечалось выше, составляют примеры, полученные из лексикографических источников и Национального корпуса таджикского языка.

В ходе анализа были получены следующие типы когнитивных метафор, выражающих концепт «Садоқат» (верность) в таджикской лингвокультуре:

Группа 1. «Верность – это устойчивость и опора». Верность представляется фундаментальной силой, обеспечивающей стабильность межличностных и социальных связей, например, «пояи меҳру садоқат» (основа любви и верности), «асои садоқат» (посох верности), «вафои бебақо», «вафои қавӣ» (непоколебимая верность). Проанализированные примеры соответствуют предложенной когнитивной метафорической модели Дж.Лакоффа «Эмоции как структурная сила», где абстрактное понятие моделируется через физические и пространственные предметы.

Группа 2. «Верность – это путь»: «роҳи дурахшони садоқат» (светлый путь верности), «аз раҳи сидқу вафо» (по пути правды и верности), «роҳи садоқат» (путь преданности). Данные примеры концептуализируют верность как моральный ориентир и стратегию поведения. Они репрезентируют когнитивный принцип Дж. Лакоффа о том, что абстрактные этические и социальные категории осмысляются через схемы движения и направления.

Группа 3. «Верность – это телесное действие»: «дасти вафо» (рука верности). В рамках данной группы «садоқат» (верность) репрезентируется через соматизм рука, являющийся символом помощи и поддержки.

Группа 4. Верность – это зерно / основа: «дони вафо» («зерно верности»). В рамках когнитивного аспекта понятие «садоқат» (верность) осмысливается как потенциал, формирующий нравственный характер личности или отношений. Такая метафора подчеркивает длительный и процессуальный характер верности.

Группа 5. Верность – это дверь / доступ: «дари вафо» («дверь верности»). Данное выражение реализует концептуальную метафору «верность – это пространственный портал», где дверь символизирует вход, переход и возможность доступа.

Группа 6. Верность – это владение: «мулки вафо» («владение/царство верности») и «шаҳри вафо» («город верности»). Эти словосочетания символизируют

верность как устойчивую систему ценностей, сферу морального порядка и пространства, в пределах которого действуют определённые нормы.

Группа 7. «Сила верности»: «садоқати беандоза» (безграничная преданность, безмерная верность), «вафои фаровон» (великая верность, неиссякаемая преданность, обильная верность), «садоқати ирсии ватанхоҳӣ» (наследственная преданность Родине). «Садоқат» (верность) в этих примерах осмысливается как внутренняя сила личности, культурно наследуемая доминанта, укрепляющая связь человека с Родиной, социумом и моральными идеалами.

Группа 8. «Верность – ценность»: «садоқати комил» (совершенная верность, полная верность), «вафои бедареғ» (бескорыстная верность), «вафоро нигоҳ доштан» (хранить верность), «вафоро ҳифз кардан» (беречь верность), «вафо ганҷ аст» (верность – это сокровище) и др. «Садоқат» (верность) в рамках данной группы ассоциируется как нравственная ценность, которую нужно сохранить, беречь и защищать. Она определяется как символ идеального поведения, лишенного корысти и как духовного «сокровища».

Итак, проанализировав когнитивные метафоры, отражающие концепт «садоқат» (верность) в таджикском языке, можно заключить, что исследуемый концепт имеет многомерную и сложную структуру. «Садоқат» (верность) интерпретируется как устойчивость и опора, путь, телесное действие, зерно (основа), дверь (доступ), владение (пространство), сила и ценность. Каждая из этих метафор символизирует стабильность, направленность, деятельностный характер, потенциал развития, переходность, социальную организованность, внутреннюю мощь и нравственную значимость.

В исследуемых когнитивных метафорах «садоқат» (верность) понимается как доминанта, в которой отражаются моральные, социальные и национально-культурные аспекты. Данный концепт в таджикской лингвокультуре является устойчивой системой ментальных моделей, которые структурируют представления о межличностных и общественных отношениях.

Кроме того, на материале Национального корпуса таджикского языка были выявлены атрибутивные признаки понятия «Садоқат» (верность), репрезентируемые в форме качественно-оценочных определений. С целью выявления данных характеристик был применён метод корпусного запроса по модели «Садоқати чӣ гуна?» («Верность какая?»), что позволило зафиксировать типичные контекстуальные реализации исследуемого понятия.

В результате анализа были получены следующие устойчивые словосочетания с указанием частотности: “садоқати бепоён» (бесконечная, безграничная верность) (908 употреблений); “садоқати давлатҳо» (верность государств) (58 употреблений); “садоқати гарму самимӣ» (тёплая и искренняя верность) (52 употребления); “садоқати шоҳона» (царственная, возвышенная верность) (52 употребления) и “садоқати ҳамкорона» (партнёрская, коллегиальная верность) (20 употреблений).

Выявленные атрибутивные характеристики демонстрируют семантическую и аксиологическую дифференциацию исследуемого понятия в таджикской языковой картине мира. Данные характеристики фиксируют положительно маркиро-

ванные признаки, акцентирующие эмоциональную глубину и нравственную абсолютность верности: «садоқати бепоён», «садоқати гарму самимӣ», «садоқати шоҳона».

Анализ языкового материала, извлечённого из лексикографических источников и Национального корпуса таджикского языка, показал, что исследуемый концепт обладает сложной и многомерной структурой, отражающей специфику национального языкового сознания носителей таджикского языка. В результате были выделены основные когнитивные метафорические модели, посредством которых исследуемый концепт осмысливается в таджикской языковой картине мира следующим образом: «верность – это устойчивость и опора», «верность – это путь», «верность – это телесное действие», «верность – это зерно (основа)», «верность – это дверь (доступ)», «верность – это владение», «сила верности» и «верность – ценность». Установлено, что данные метафорические модели репрезентируют различные аспекты концепта, включая его нравственную значимость, социальную обусловленность, эмоциональную наполненность и культурную укоренённость.

В таджикской лингвокультуре концепт «садоқат» (верность) является одной из основополагающих доминант, репрезентирующих морально-этические, социальные, национально-культурные ценности общества.

Корпусный анализ также выявил ряд устойчивых атрибутивных характеристик исследуемого концепта, среди которых наиболее частотными являются «садоқати бепоён», «садоқати гарму самимӣ», «садоқати шоҳона» и другие. Данные языковые реализации подтверждают положительную аксиологическую маркированность исследуемого понятия и демонстрируют его связь с представлениями об искренности, преданности, духовной возвышенности и социальной ответственности.

Литература

1. Акимцева Ю.В. Характерные черты отечественного и зарубежного подходов в изучении концептуальной метафоры [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – №4. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/harakternye-cherty-otechestvennogo-i-zarubezhnogo-podhodov-v-izuchenii-kontseptualnoy-metafory (дата обращения: 08.05.2026).
2. Аристотель Поэтика. Риторика / пер. с греч. В.Аппельрота, Н.Платоновой; вступ. ст. и коммент. С.Ю.Трохачева. – СПб.: Азбука, 2000. – 346 с.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 5-32.
4. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей. – М.: Языки славянской культуры, 2014. –632 с.
5. Беляевская Е.Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора – синонимы? [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Гуманитарные науки. – 2015. – №22 (733). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/freym-kontsept-kontseptulnaya-metafora-sinonimy-o-sootnoshenii-i-vzaimodeystvii-metodov-kognitivnoy-lingvistiki (дата обращения: 14.05.2026).
6. Будаев Э.В. Когнитивные и риторические истоки теории Дж.Лакоффа / Э.В.Будаев, А.П.Чудинов [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы филологии и педагогической

лингвистики. – 2012. –№14. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-i-ritoricheskie-istoki-teorii-dzh-lakoffa (дата обращения: 14.03.2026).
7. Будаев Э.В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. – 2010. – №1 (31). – С.9-23.
8. Блэк М. Теория метафоры // Теория метафоры / под ред. Н.Д.Арутюновой, М.А.Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С.153-172.
9. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
10. Гриднева Т.В. Фреймовая структура как когнитивный субстрат фразеологического значения [Электронный ресурс] // Известия ВГПУ. – 2009. – №2. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/freymovaya-struktura-kak-kognitivnyy-substrat-frazeologicheskogo-znacheniya (дата обращения: 14.05.2026).
11. Кульчицкая Л.В. Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода [Электронный ресурс] // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. –2012. – №11. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-kognitivnaya-i-kontseptualnaya-metafora-v-otechestvennoy-lingvistike-rannekognitivnogo-perioda (дата обращения: 14.03.2026).
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М.: УРСС, 2004. – 256с.
13. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс. – 1990. – С. 358-386.
14. Мезенин С.М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. – 1983. – №6. – С.50-58.
15. Муминов А.А. Полисемия в таджикском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.661 / Муминов Алиакбар Абдуджалилович. – Душанбе, 1972. – 21 с.
16. Мухаммадиев М. Лексика таджикского литературного языка / М.Мухаммадиев, Х.Талбакова, Ю.Нурмахмадов. – Душанбе: Ирфон, 1997. – 190 с. (на тадж.яз.)
17. Потебня А.А. – Мысль и язык. – М., 1999. – 248 с.
18. Ричардс И.А. Философия риторики / пер. с англ. Р.И.Розиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512с.
19. Скляревская Г.Н. Языковая метафора в словаре // Вопросы языкознания. – 1987. – №2. – С.58-65.
20. Телия В.Н. Русская фразеология: семант., прагмат. и лингвокультурол. Аспекты. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 284 с.
21. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. – 2001. – №1. – С.34-41.
22. Шарифов Х. Творческое слово. – Душанбе: Маориф, 1991. – 100 с. (на тадж.яз.)
23. Шералиев С.О. Лексическая и терминологическая разъяснения понятия «маҷоз-метафора» в таджикском языке [Электронный ресурс] // Вестник Педагогического университета. – 2020. – №3 (86). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-i-terminologicheskaya-razyasneniya-ponyatie-ma-oz-metafora-v-tadzhikskom-yazyke (дата обращения: 08.05.2026).
24. Black M. Models and Metaphors. – New York: Cornell university press, 1962. – 267 p.
25. Fauconnier G., Turner M. Mental Spaces: Conceptual Integration Networks // Cognitive Linguistics: Basic Readings. Berlin: Walter de Gruyter, 2006. – P. 303-371.
26. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. – Boston; New York: Mariner Books, – 2000. – P. 84-100.
27. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, – 1980. – 440 p.
28. Richards I.A. The Philosophy of Rhetoric. – Oxford: Oxford university press, 1936. – 138p.

Справочные издания

29. Ғиёс-ул-луғот. – Душанбе: Ирфон, 1987. – С. 233.
30. Забони ҳозираи тоҷик. Лексика. – Душанбе: Ирфон, 1985. – С. 15-101.
31. Шамс Қайси Розӣ. Ал-муъҷам. – Душанбе: Адиб, – 1991. – 192 с.

COGNITIVE-METAPHORICAL MODELS OF THE CONCEPT «SADOQAT" (LOYALTY) IN TAJIK LANGUAGE CULTURE

Kurbonova Khafiza Khalimovna

Candidate of philological sciences,
head of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 00 744 43 33 (m.)
kurbanova_xafiza@mail.ru

This article deals with the metaphorical verbalization of the concept "sadoqat" (loyalty), drawing on data from Tajik explanatory dictionaries and the National Corpus of the Tajik language. It is established that, within Tajik linguistic culture, the concept in question serves as a symbol of moral steadfastness, spiritual value, social responsibility, and cultural continuity. An analysis of set phrases and contextual usages reveals eight metaphorical models through which the abstract concept of "sadoqat" (loyalty) acquires concrete imagery – both object-based and spatial. Within these models, the concept is reflected through images such as a seed, a door, a path, a hand, a foundation, a staff, a kingdom (domain), and a city, demonstrating its conceptualization via various concrete and spatial source domains.

The identified cognitive-metaphorical models represent the specific ways in which loyalty is conceptualized in the linguistic consciousness of Tajik speakers. The study's findings make it possible to determine the place of this concept within the system of national-cultural values of the Tajik people.

Keywords: metaphor; the concept of "sadoqat" (loyalty/devotion); lexicographical analysis; corpus analysis; cognitive linguistics; linguistic consciousness; Tajik language.

МОДЕЛҲОИ КОГНИТИВӢ-МЕТАФОРИИ КОНСЕПЦИЯИ «САДОҚАТ» ДАР ЗАБОНУ ФАРҲАНГИ ТОҶИК

Курбонова Хафиза Халимовна

Номзади илмҳои филологӣ,
мудири кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 00 744 43 33 (м.)
kurbanova_xafiza@mail.ru

Мақола ба таҳқиқи вербализатсияи метафории консепти «садоқат» бо истифода аз маълумоти фарҳангҳои тафсирии забони тоҷикӣ ва маводи Пайкараи миллии забони тоҷикӣ бахшида шудааст. Муайян карда шуд, ки консепти мавриди таҳқиқ дар фарҳанги забонии тоҷик ҳамчун рамзи устувории ахлоқӣ, арзиши маънавӣ, масъулияти иҷтимоӣ ва идомаи фарҳангӣ тақассум меёбад. Дар заминаи таҳлили таркибҳои устувори лексикӣ ва корбурдҳои контекстӣ ҳашт модели метафорӣ муайян карда шуд, ки тавассути онҳо мафҳуми абстрактии «садоқат» дорои мушахха-

соти образӣ-предметӣ ва фазоӣ мегардад. Дар доираи моделҳои мазкур консепти мавриди таҳқиқ тавассути образҳои *дона, дар, роҳ, даст, асос, асо, мулк (қаламрав) ва шаҳр* ифода ёфта, аз консептуализатсияи он тавассути соҳаҳои гуногуни манбаъии предметӣ ва фазоӣ шаҳодат медиҳад.

Моделҳои асосии когнитивию метафории муайянгардида хусусиятҳои консептуализатсияи ин мафҳумро дар шуури забонии гӯяндагони забони тоҷикӣ инъикос менамоянд. Натиҷаҳои таҳқиқ имкон медиҳанд, ки мавқеи консепти мазкур дар низоми арзишҳои миллӣ-фарҳангии халқи тоҷик муайян карда шуда, хусусиятҳои хоси таҷассуми забонии он дар доираи лингвомаданияти тоҷикӣ ошкор карда шаванд.

Калидвожаҳо: метафора; консепти «садоқат»; таҳлили лексикографӣ; таҳлили корпусӣ; забоншиносии когнитивӣ; шуури забонӣ; забони тоҷикӣ.

УДК 811.161.1

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ В МАССМЕДИЙНОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Новоспасская Наталья Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего и русского языкознания,
заместитель главного редактора научного журнала
«Вестник Российского университета дружбы народов
Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика»
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
+ 7(499) 936 8584 доб. 2584
novospasskaya-nv@rudn.ru

Ахметова Бахыткуль Надировна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент ОП «Русский язык и литература»
Кызылординский университет имени Коркыт Ата
76077, Республика Казахстан, Кызылорда, ул. Абудхаир хана, 50
Тел.: +7 (7242) 26 27 14
b.achmetova@mail.ru

В статье рассматриваются сочетания имени прилагательного и имени существительного, полученные методом сплошной выборки из массмедийных текстов медицинского содержания, в которых наблюдается лексическая избыточность. Методы исследования: корпусный анализ, метод сплошной выборки, семантический анализ, сопоставительный анализ. Материал исследования: тексты, полученные методом сплошной выборки из сети Интернет, общее количество знаков рабочего корпуса – 180 000.

Доказывается, что массмедийный текст медицинского содержания, который является объектом изучения, стилистически характеризуется как научно-популярный текст, а сочетания имени прилагательного и имени существительного, в которых наблюдается лексическая избыточность – предмет исследования, – могут характеризоваться как прототермины или как ошибки.

Новизна исследования состоит в расширении типологии лексической избыточности в паре имя прилагательное и имя существительное, а также во введении в научной оборот текстов медицинской направленности, которые относятся к нередактируемым текстам для массового читателя, не являющегося ученым или преподавателем, но ориентированного на получение специального знания.

Ключевые слова: лексическая избыточность; плеоназм; массмедийный научно-популярный текст; медицинский дискурс.

Введение. Лексический и стилистический уровни организации медийного текста остаются актуальным исследовательским полем лингвистики, поскольку в широкой палитре жанров данного дискурса сталкиваются три тенденции: необходимость сохранения чистоты русского литературного языка, авторская экспрессия, в том числе, выражающееся в желании обозначить языковую личность создателя теста, и аттрактивность. Исследователи медиадискурса также отмечают его особый статус в современном обществе: средства массовой информации оказывают значимое влияние на формирование картины мира как конкретного человека, так и нации в целом [14; 19], с одной стороны, с другой – массмедийный текст понимается как площадка для реализации языковых изменений: «язык не статичен, он постоянно меняется определением разнообразных факторов, как собственно лингвистических, так и внешних, включая, в том числе, и способы функционирования» [1, с.175]. Современный медийный текст также характеризуется отсутствием последствий за нарушение языковых норм [20].

Объектом нашего исследования является массмедийный текст медицинской направленности, предметом анализа стали сочетания имени прилагательного и имени существительного, в которых отмечается нарушение лексической нормы. Методами исследования выбраны корпусный анализ, метод сплошной выборки, семантический анализ, сопоставительный анализ. Материалом исследования явились тексты, полученные методом сплошной выборки из сети Интернет, общее количество знаков рабочего корпуса – 180 000. Отобранные тексты размещены на сайтах, имеющих медицинскую и психологическую направленность, и относятся к категории не редактируемых или слабо редактируемых – это, на наш взгляд, отражает реальную речевую деятельность носителя русского языка: «речевая деятельность носителя литературного языка осуществляется в постоянном (но при этом обычно не осознаваемом) согласование собственных коммуникативных действий с возможностями системы, с тем, что предписывают словари и грамматики данного языка (т. е. с нормой), и с общепринятыми в данное время в данном социуме средствами и способами его использования (речевой практикой, узусом)» [12, с.22].

Теоретическая основа исследования. Языковая норма – это совокупность общеупотребительных средств языка и правила их использования, включая отбор лексических единиц и их сочетаемость. Норма понимается как одно из существенных свойств языка, которые обеспечивают его функционирование и соответствие потребностям общества. Изменение нормы как неотъемлемый признак развития языка рассматривалась в работах лингвистов в таких аспектах, как:

1) язык понимается как система функциональных противопоставлений и реализаций нормы; система представляет норме языка серии вариантов [12; 18]; «в языке, как организованной совокупности средств, следует различать две стороны: систему/структуру и норму» [4, с.5];

2) динамическая сущность нормы: возможность сосуществования в языке вариантов нормы, что приводит к её изменению одновременно с динамическим

взаимодействием разных способов языкового выражения в зависимости от условия общения [1; 6; 10];

3) случаи нарушения нормы представляются ценным материалом исследований [8], которые выявляют механизмы возникновения ошибки, имеют целью определение ее типа (единичный индивидуальный [2] или системный [3, 5, 9]), а также систематизируют ошибки [11; 16].

Лексическая избыточность понимается лингвистами как ошибочный или сознательный выбор языковых элементов, который проявляется в нескольких типах: плеоназм, тавтология, изосемия. Также избыточность в языке оценивается как универсальное его свойство. Так, Е.В.Грудева доказывает, что в естественном языке до 50% элементов могут быть рассмотрены как повторяющие уже выраженное семантическое или грамматическое значение, т.е. как избыточные [5]. Лексическая избыточность отмечена в разных типах текста: в художественном [5; 22], рекламном [7], научном [11].

Плеоназм в современных исследованиях характеризуется как избыточность языковых средств, прежде всего выразительных, используемых для передачи лексического или грамматического смысла высказывания [9; 13; 21]. В случае лексического плеоназма отмечается повторение или синонимическое дублирование лексем, что происходит в рамках словосочетания, одним из которых является сочетание имени прилагательного и имени существительного, в пределах предложения, в тексте (изосемия). Типология плеоназма представлена двумя основными типами повтора: обусловленным системой и стилистическим, основанным на использовании экспрессии [6; 9].

В рамках нашего исследования мы рассмотрели случаи лексической избыточности в паре имя прилагательное и имя существительное, в которых отмечается дублирование и противоречение смыслов, выражаемых прилагательным и существительным, на примере научно-популярного массмедийного текста о здоровье.

Результаты исследования. Исследование медиатекстов медицинского содержания показало наличие лексической избыточности в паре имя прилагательное и имя существительное, которое мы характеризуем как плеонастическое словосочетание, 1) находящееся на этапе прототермина, или 2) употребленное ошибочно.

Рассмотрим несколько примеров и проведем анализ сочетания *первое знакомство*:

(1) ***Первое знакомство*** *может происходить по-разному в зависимости от того, в какой ситуации оно происходит и кто встречается. Однако, в любом случае, первые секунды встречи очень важны, так как они могут оказать решающее влияние на дальнейшие отношения* (Портал b17.ru – сайт психологов № 1. Режим доступа: https://www.b17.ru/article/422533/ (дата обращения: 12.03.2025)).

(2) *Никогда не общайтесь долгое время при* ***первом знакомстве!*** (сайт Андрея Зберовского, практического психолога, доктора наук, профессора, ТВ экс-

перта. Режим доступа: Режим доступа: https://dzen.ru/id/5d36b009a1b4f100adad5b06 (дата обращения: 15.03.2025)).

(3) ***Первое знакомство*** *– это момент, когда мозг одновременно пытается обработать десятки сигналов: внешний вид, голос, мимику, жесты, позу, интонации, настроение, уровень уверенности и эмоциональное состояние собеседника. Человек делает выводы о других за первые 5–15 секунд, но чаще не может объяснить, почему именно пришел к такому мнению. Чтобы разобраться, как быстро понять характер человека при* ***первом знакомстве****, важно опираться не на интуицию, а на закономерности поведения. Поведение – это набор шаблонов, которые человек демонстрирует независимо от обстоятельств. Эти шаблоны и позволяют считывать характер быстро и точно*. При первом знакомстве тело реагирует раньше слов, поэтому именно невербальные сигналы становятся самым надежным источником информации. Человек еще не успел выбрать «социальную маску», поэтому видим гораздо больше настоящего характера чем в длительной коммуникации. Мозг мгновенно считывает физические и эмоциональные параметры собеседника. Эти реакции автоматические: человек не успевает их контролировать. Первые признаки характера проявляются через микродвижения, взгляд, темп речи, позу и динамику поведения. Что считывается мгновенно: уровень уверенности, степень открытости, направленность внимания, эмоциональная стабильность, готовность к диалогу, внутреннее напряжение или расслабленность. Человек может произнести всего пару предложений, но тело уже все скажет за него (сайт Onskills.ru, раздел: Психология и личное развитие. Режим доступа: https://onskills.ru/blog/kak-bystro-ponyat-harakter-cheloveka-pri-pervom-znakomstve/ (дата обращения: 13.03.2025)).

Рассмотрим лексическое значение компонентов словосочетания:

Знакомство

1) действия по значению глагола *знакомить* ‘делать кого-либо знакомым другому, другим; представлять одного другому, другим’;

2) отношения между людьми, знающими друг друга;

3) наличие знаний о чем-либо [17].

В рассматриваемом словосочетании реализуется лексико-семантический вариант ‘результат представления одного человека другому или другим’(ЛСВ$_1$).

Первый

1) имеющий номер один, начальный, идущий раньше других в ряду однородных объектов;

2) ранний, произошедший или существовавший раньше других;

3) лучший, не имеющий себе равных;

4) имеющий важное значение, самый существенный; основной [17].

В рассматриваемом сочетании не может быть реализован ни один из лексико-семантических вариантов, т. к. ЛСВ$_1$ имеет сему ‘первый из нескольких’; ЛСВ$_2$ – сему времени и сему ‘один из нескольких’; ЛСВ$_3$ – оценочную сему при сравнении нескольких; ЛСВ$_4$ оценочную сему со значением абсолюта, что семантически не связывается со значением существительного *знакомство*.

Однако в рассматриваемых текстах сочетание *первое знакомство:*

- номинует акт восприятия одного человека другим, которое оказывает «решающее влияние на дальнейшие отношения» (1), т.е. реализуется сема значения прилагательного *первый* ‘имеющий важное значение’ ($ЛСВ_2$);
- намекает на серию встреч, каждая из которых является элементом процесса знакомства;
- имеет конкретную цель, реализация которой может оказать влияние на результат знакомства, следовательно, реализуется $ЛСВ_1$ прилагательного *первый* ‘имеющий номер один, начальный, идущий раньше других в ряду однородных объектов’. В текстах цель понимается как 1) произвести хорошее впечатление и не испортить его (*Никогда не общайтесь долго время при* ***первом знакомстве*** (2); 2) составить впечатление о человеке, с которым знакомишься, оценивая *внешний вид, голос, мимику, жесты, позу, интонации, настроение, уровень уверенности и эмоциональное состояние собеседника* (3); 3) принять решение о необходимости следующих встреч (*решающее влияние на дальнейшие отношения* (1)).

Следовательно, в данных текстах возникает новое значение сочетания *первое знакомство*, которое утрачивает статус плеонастического в литературном тексте и становится предтермином в психологических текстах.

Рассмотрим сочетание *потенциальная возможность*:

(4) В *Толковом словаре по психологии* (https://psychology_dictionary.academic.ru/) предлагается статья ***ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ*** следующего содержания:

Имеющийся набор обстоятельств, который предполагает латентную возможность, характеристики, которые используются для того, чтобы сделать вывод о том, что некоторое свойство или способность, не проявляющиеся в настоящее время, разовьются или появятся (слабая надежда, за которую цепляются родители, когда смотрят на своих детей) (Режим доступа: https://psychology_dictionary.academic.ru/6090 (дата обращения: 12.03.2025)).

(5) На сайте журнала «Образовательная политика» в главе из коллективной монографии «Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований» (М.: ВШЭ, издательство ВЦИОМ, 2023): *Ценность личностного потенциала обнаруживается в сложной, изменчивой, динамичной среде. Он позволяет быть и действовать в неопределенности и обеспечивает готовность к непредвиденным вызовам и возможностям, то есть он соотносится с тем, что А.Г.Асмолов обозначает вслед за рядом других авторов как преадаптацию, то есть* ***потенциальные возможности*** *будущего поведения в широком спектре возможных условий* (Режим доступа: https://edpolicy.ranepa.ru/psychology_02_23 (дата обращения: 12.03.2025)).

Лексическое значение компонентов словосочетания *потенциальная возможность* может быть представлено следующим образом:

Возможность

1) условия или обстоятельства, позволяющие сделать, осуществить что-либо; то, что может стать действительностью при наличии определенных условий;

2) то же, что вероятность; допустимость;

3) осуществимость;
4) реальные условия (пути, средства) для осуществления чего-либо;
5) личные способности, задатки успешного развития;
6) удобный случай, средства, благоприятность течения обстоятельств [17].

В рассматриваемом словосочетании реализуется лексико-семантический вариант ‘условия или обстоятельства, позволяющие сделать, осуществить что-либо; то, что может стать действительностью при наличии определенных условий’ ($ЛСВ_1$).

Потенциальный

1) *физ*. относящиеся к потенциалу;
2) существующий в потенции; скрытый, возможный, вероятный [17].

В рассматриваемом словосочетании сема ‘возможный’, присутствующая в семантическом комплексе имени существительного *возможность* и прилагательного *потенциальный,* дублируется, т.е. данное словосочетание является избыточным. Однако в примере (4) словосочетание *потенциальная возможность* используется как заглавное слово в словарной статье, следовательно, может быть оценено как терминологическое словосочетание или предтермин. В примере (5) *потенциальная возможность* функционирует как синоним к термину *преадаптация*.

Рассмотрим словосочетание *перспективный прорыв*:

(6) *Американские ученые сообщили о перспективном прорыве в лечении ВИЧ. Исследователи из Орегонского университета науки и здоровья смогли предотвратить формирование скрытых резервуаров вируса у детенышей макак, применив комбинацию из трех компонентов: антиретровирусной терапии (АРТ), широко нейтрализующих антител и блокатора рецептора CCR5 (леронлимаба)* (IQ Provision – обучающая платформа для провизоров и фармацевтов. Режим доступа: https://iq-provision.ru/news/796 (дата обращения: 12.03.2025)).

(7) ***Названы три самых перспективных прорыва в медицинских технологиях.*** *Участник рабочей группы «Хелстнет» Национальной технологической инициативы (НТИ) заместитель руководителя направления биомедицина Андрей Ломоносов рассказал о самых прорывных, по его мнению, достижениях в развитии медицинской отрасли. Именно они изменят жизнь людей в самое ближайшее время, уверен эксперт. По мнению эксперта, 2021 год отличился важными событиями в развитии медицинских технологий* (https://chemrar.ru/nazvany-tri-samyx-perspektivnyx-proryva-v-medicinskix-texnologiyax/ – сайт Химрар Высокие технологии – группа компаний «ХимРар», которая объединяет научно-исследовательские и производственные организации в области разработки инновационных лекарственных препаратов, средств диагностики, профилактики и новых методов лечения жизнеугрожающих заболеваний в России за рубежом. Режим доступа: https://chemrar.ru/nazvany-tri-samyx-perspektivnyx-proryva-v-medicinskix-texnologiyax/ (дата обращения: 12.03.2025)).

Лексическое значение компонентов словосочетания *перспективный прорыв* может быть представлено следующим образом:

Прорыв

1) значительное, революционное достижение, открытие;

2) *воен*. место, где был прорван фронт, оборона противника;

3) действие по значению глагола *прерывать*; нарушение целостности чего-либо как результат давления со стороны [17].

В рассматриваемом словосочетании *перспективный прорыв* реализуется лексико-семантический вариант ‘значительное, революционное достижение, открытие’ ($ЛСВ_1$). Следует также отметить, что образованное от имени существительного *прорыв* прилагательное *прорывной* может быть отнесено к актуальной общественно-политической лексике, *прорывной* используется в контексте оценки научных открытий и достижений, в НКРЯ 14 употреблений, например:

(8) *Нельзя также исключать, что поиск принципиально новых проектных решений с использованием других теплоносителей вместо воды приведет к прорывным решениям, обеспечивающим новые потребительские качества, которые будут дополнительно стимулировать строительство судов разных типов с ядерными энергетическими установками* (Ф.М.Митенков. Судовая ядерная энергетика // «Вестник РАН», 2003) [15].

Перспективный

1) относящийся к перспективе;

2) имеющий хорошие перспективы, способный успешно развиваться в будущем;

3) предусматривающий будущее развитие, рассчитанный на будущее [17].

В рассматриваемом словосочетании имя прилагательное *перспективный* реализует лексико-семантический вариант ‘имеющий хорошие перспективы, способный успешно развиваться в будущем’ ($ЛСВ_2$), в котором сема ‘способный успешно развиваться’ лишь отчасти дублирует сему ‘значительное достижение’, которая входит в семантический комплекс имени существительного *прорыв*: *значительное достижение* имеет мелиоративную окраску, которая не должна повторяться в согласованном определении *перспективный.* По-видимому, использование словосочетания *перспективный прорыв* реализует функцию психологического воздействия, усиления, создания сверхсмысла – в примере (6) сообщается об открытии комбинации различного типа терапии ВИЧ, которая потенциально может быть успешно использована в лечении человека; в примере (7) оцениваются совершенные открытия, выделяемые из числа нескольких (*три самых перспективных прорыва*). Данное словосочетание мы относим к проявлению лексической избыточности, считаем ошибочным и рекомендуем заменить на одиночное употребление имени существительного *прорыв* как уже имеющего сильное семантическое значение ‘значимость’: (6) *Американские ученые сообщили о перспективном прорыве в лечении ВИЧ*; (7) *Названы три прорыва в медицинских технологиях.*

В рамках исследования мы обращаемся к Национальному корпусу русского языка [15] для верификации использования сочетаний имени существительного и имени прилагательного, в которых фиксируется лексическая избыточность. Так, например, сочетание *государственные чиновники* в НКРЯ представлено 92 раза в 39 примерах – это тип лексической избыточности, который создан повторением

сем, в котором говорящие не идентифицируют наличие повторения [16]. Рассмотренные сочетания *первое знакомство*, *потенциальная возможность* и *перспективный прорыв* в Национальном корпусе русского языка не отмечены, что говорит об относительно узком поле их функционирования в текстах, не относящихся к художественному или публицистическому корпусам. Приведенные тексты мы можем отнести к научно-популярному стилю, на что указывают:

- способ представления информации – объяснение сложных научных явлений, в данном случае, психологического состояния человека в рамках построения межличностных отношений, понятным языком (*Первые признаки характера проявляются через микродвижения, взгляд, темп речи, позу и динамику поведения* (сайт Onskills.ru, раздел: Психология и личное развитие));
- канал распространения – сайты с хештегами #*психология* (сайт Onskills.ru, раздел: Психология и личное развитие);
- ориентация на реципиента – массового читателя, который не является ученым или преподавателем, но ориентирован на получение специального знания, т.к. обратился к профильному сайту;
- использование терминов в трех типах контекста:

1) изолированно (*сделать вывод о том, что некоторое свойство или способность <…> разовьются или появятся*: *способность* – термин психологии со значением ‘умение или возможность производить какие-либо действия’ (Толковый словарь по психологии));

2) с пояснениями (*потенциальная возможность – имеющийся набор обстоятельств <…>, которые разовьются или появятся* (Толковый словарь по психологии));

3) с заменой их на синонимы (*преадаптацию, то есть потенциальные возможности будущего поведения в широком спектре возможных условий*: *преадаптация* – термин, который толкуется через предтермин *потенциальные возможности* (Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований));

- применение средств создания образности (*Человек еще не успел выбрать «социальную маску», поэтому видим гораздо больше настоящего характера, чем в длительной коммуникации*: социальная маска – термин психологии, который номинует образ, который человек сознательно или неосознанно создает, чтобы вписаться в ту или иную группу, т.е. соответствовать ожиданиям окружающих; термин создан метафорическим переносом (сайт Onskills.ru, раздел: Психология и личное развитие));
- ссылка на мнение эксперта без буквального цитирования (*Участник рабочей группы «Хелстнет» Национальной технологической инициативы (НТИ) заместитель руководителя направления биомедицина Андрей Ломоносов рассказал о самых прорывных, по его мнению, достижениях в развитии медицинской отрасли* (сайт Химрар Высокие технологии));
- объяснение причинно-следственных связей (*Ценность личностного потенциала обнаруживается в сложной, изменчивой, динамичной среде. Он позволяет*

быть и действовать в неопределенности и обеспечивает готовность к непредвиденным вызовам и возможностям (Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований)).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что сочетания имени существительного и имени прилагательного, в которых отмечается лексическая избыточность, могут функционировать как ошибочные в художественном и публицистическом текстах и реализовать терминологическое значение с возможным приобретением статуса термина в научном тексте.

Заключение. Исследование показало, что массмедийный текст научно-популярной направленности характеризуется присутствием лексической избыточности в паре имя существительное и имя прилагательное. Рассмотренные примеры нами разделены на прототермины и ошибочные употребления. Перспективу исследования мы видим в рассмотрении когнитивных механизмов возникновения лексической избыточности в паре имя существительное и имя прилагательное как реализующей обязательную синтаксическую позицию определения и определения лексической избыточности как пути создания новых терминов в массмедийном научном, в том числе медицинском, тексте.

Литература

1. Беляков М.В., Максименко О.И. Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т. 15, №1. – С. 174–194. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194
2. Бурухин А.Н. Плеоназмы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. – СПб, 2012. – №1 (3). – С.167-174.
3. Воложанина Т.С. Тавтологические конструкции в когнитивно-стратегическом и переводческом аспектах: монография. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. – 164 с.
4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2000. – 832 с.
5. Грудева Е.В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2007. – 251 с.
6. Дорофеев Ю.В. Трансформация семантики языковых единиц в тексте: функциональный подход // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – Т.162, №5. – С.48-61. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.5.48-61
7. Дугалич Н.М. Медицинская реклама как жанр поликодового текста // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Казань, 2024. – Т.166, №1. – С.93-107. DOI: 10.26907/2541-7738.2024.1.93-107
8. Залевская А.А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С.6-22.
9. Ковалева Т.А. Плеоназм в русском языке XXI века: семантический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – Н.Новгород, 2017. – №4. – С.158-163.
10. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб.: Златоуст, 1999. – 352 с.
11. Красина Е.А., Новоспасская Н.В. Лексическая избыточность // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: материалы Международной научной конференции (Ярославль, 24-25 мая 2024 г.). – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. – С.140–145.

12. Крысин Л.П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. – 2017. – №2 (12). – С.20-31. DOI: 10.24147/2413-6182.2017.2.20-31
13. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tapemark.narod.ru/les/ (дата обращения: 21.05.2026).
14. Маркелова Т.В. Семиотика НАРРАТИВА в современном медиапространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М., 2026. – Т.17, №1. – С.9-25. DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-9-25
15. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 21.05.2026).
16. Новоспасская Н.В. Типы лексической избыточности в русскоязычных медиатекстах // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. Общегуманитарные и естественно-технические науки. – Бишкек, 2025. – №3. – С.269-273. DOI: 10.58649/1694-9099-2025-3-269-273
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dictionary.ru (дата обращения: 21.03.2025).
18. Перфильева Н.В., Новоспасская Н.В. Лингвистическая триада: норма, вариант нормы и речевая ошибка // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика / Тартуский университет. Кафедра русского языка. – Т.13. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. –С.204-215.
19. Стрельчук Е.Н., Лонская А.Ю. Формирование и трансформация концепта «Россия» в картине мира современных американских студентов // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т.7, №4. – С.741-754. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).741-754
20. Титлова А.С., Полякова Е.В. Особенности современного масс-медийного текста // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т.26, №3. – С.828–831. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.51
21. Тулина Т.А. Типы предложений с тавтологией главных членов в русском языке // Исследования по современному русскому языку. – М., 1970. – С.241-256.
22. Филиппова И.Н. Классификация вербальной избыточности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – М., 2011. – №1. – С.150-155.

TYPES OF LEXICAL REDUNDANCY IN MASS MEDIA POPULAR SCIENTIFIC TEXT

Novospasskaya Natalya Victorovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of general and Russian linguistics
Deputy editor-in-chief of the scientific journal
"Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia"
Series: "Theory of Language. Semiotics. Semantics"
RUDN university
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: + 7(499) 936 85 84. ext. 2584
novospasskaya-nv@rudn.ru

Akhmetova Bakhytkul Nadirovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the educational program
“Russian language and literature”
Korkyt Ata Kyzylorda university
76077, Republic of Kazakhstan, Kyzylorda, Abudkhair Khan str., 50
Ph.: +7 (7242) 26 27 14
b.achmetova@mail.ru

The article examines combinations of an adjective and a noun, obtained by continuous sampling from mass media medical texts in which lexical redundancy is observed. Research methods: corpus analysis, continuous sampling method, semantic analysis, comparative analysis. Research material: texts obtained by continuous sampling from the Internet, the total number of characters in the working corpus is 180,000.

It is proved that the mass media text of medical content, which is the object of the study, is stylistically characterized as a popular scientific text, and combinations of an adjective and a noun in which lexical redundancy is observed – the subject of the study – can be characterized as prototerms or errors.

The novelty of the study lies in the expansion of the typology of lexical redundancy in the pair of adjectives and nouns, as well as in the introduction into scientific circulation of medical texts, which are unedited texts for the general reader, who is not a scientist or teacher, but is focused on obtaining specialized knowledge.

Keywords: lexical redundancy; pleonasm; mass media popular science text; medical discourse.

НАВЪҲОИ ИЗОФАГИИ ЛУҒАВӢ ДАР МАТНИ ОММАВӢ-ИЛМИИ МЕДИАВӢ

Новоспасская Наталья Викторовна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забоншиносии умумӣ ва русшиносӣ,
муовини сармуҳаррири маҷаллаи илмии
«Паёми Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
Силсила: Назарияи забон. Семиотика. Семантика»
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Михлухо-Маклай, 6
+7 (499) 936 8584, дох. 2584
novospasskaya-nv@rudn.ru

Ахметова Бахыткул Надировна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти барномаи таълимии «Забони русӣ ва адабиёт»
Донишгоҳи Қорқыт Атои Қизилорда
76077, Ҷумҳурии Қазоқистон, Қизилорда, кӯч. Абулхайрхон, 50
Тел.: +7 (7242) 26 27 14
b.achmetova@mail.ru

Дар мақола таркибҳои сифат ва исм баррасӣ мешаванд, ки бо усули интихоби пайваста аз матнҳои медиавии дорои мазмуни тиббӣ ҷамъоварӣ гардидаанд ва дар онҳо изофагии луғавӣ мушоҳида мешавад. Усулҳои таҳқиқот: таҳлили корпусӣ, усули интихоби пайваста, таҳлили семантикӣ, таҳлили муқоисавӣ. Маводи таҳқиқотро матнҳое ташкил медиҳанд, ки бо усули интихоби пайваста аз шабакаи Интернет ҷамъоварӣ шудаанд; ҳаҷми умумии аломатҳои корпуси корӣ 180 000 аломатро ташкил медиҳад.

Исбот карда мешавад, ки матни медиавии дорои мазмуни тиббӣ, ки объекти таҳқиқ қарор гирифтааст, аз ҷиҳати услубӣ ҳамчун матни оммавӣ-илмӣ тавсиф мешавад. Таркибҳои сифат ва исм, ки дар онҳо изофагии луғавӣ мушоҳида мегардад ва предмети таҳқиқ мебошанд, метавонанд ҳамчун прототерминҳо ё ҳамчун хатогиҳо тавсиф карда шаванд.

Навоварии таҳқиқот аз густариши типологияи изофагии луғавӣ дар таркиби «сифат + исм», инчунин аз ба гардиши илмӣ ворид намудани матнҳои дорои мазмуни тиббӣ иборат аст, ки ба гурӯҳи матнҳои таҳриринашаванда барои хонандаи омма, ки олим ё омӯзгор нест, вале барои гирифтани дониши махсус нигаронида шудааст, дохил мешаванд.

Калидвожаҳо: изофагии луғавӣ; плеоназм; матни оммавӣ-илмии медиавӣ; дискурси тиббӣ.

УДК 811.512.31 27: 811.161.1 27

ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В УСТЬ-ОРДЫНСКОМ БУРЯТСКОМ ОКРУГЕ

Москвичева Светлана Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (499) 936 85 73
moskvitcheva@mail.ru

Данилов Сергей Ильич

Аспирант кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (499) 936 85 73
Danilov-sil@rudn.ru

Жарбулова Сауле Траровна

Кандидат педагогических наук
Кызылординский университет имени Коркыт Ата
76077, Республика Казахстан, Кызылорда, ул. Абудхаир хана, 50
Тел.: +7 (7242) 26 27 14
zharbul@mail.ru

Исследование структуры языковой лояльности в ситуации миноритарных языков является важной составляющей комплексного описания языковой ситуации, поскольку, с одной стороны, выявляет особенности этнической, языковой и социальной идентичностей в условиях языковых контактов, а с другой – позволяет выйти на возможные векторы динамики языковой ситуации и прогнозировать ее развитие. В работе исследуются инструментальные типы лояльности и символические лояльности аффективного и эвалюативного типа жителей Усть-Ордынского бурятского округа. Эмпирической основой исследования послужили данные социолингвистического анкетирования, проведенного в феврале-апреле 2026 года. На основе полученных данных сопоставлено фактическое использование бурятского языка в доменах семейной и рабочей коммуникации и представления (репрезентации) носителей языка о желаемых сценариях его использования. Проанализированы декларации респондентов об их владении различными языковыми компетенциями и связанный с ними тип языковой лояльности по компетенциям. Показано, что превалирующим типом лояльности является символическая аффективная лояльность, связанная с ролью язы-

ка как фактора формирования идентичности, но не как инструмента коммуникации, что в целом закономерно для миноритарных языковых ситуаций в условиях языкового сдвига.

Ключевые слова: бурятский язык; русский язык; языковые контакты; миноритарная языковая ситуация; социальный образ языка; языковые аттитюды.

Введение. Усть-Ордынский бурятский округ (далее УОБО) представляет собой территорию исторического компактного проживания западных бурят, говорящих на эхирит-булагатском (западном) диалекте бурятского языка. Административно он является частью Иркутской области и состоит из шести районов (аймаков): Аларского (23% бурят от всего населения района), Баяндаевского (59%), Боханского (22%), Нукутского (47%), Осинского (49%) и Эхирит-Булагатского (53%). По данным Всероссийской переписи населения 2020-2021 годов, в целом по округу бурятское население насчитывает 50615 человек, что составляет 41% населения округа. В Иркутской области буряты являются вторым по численности народом. Всего их проживает 74 746 человек, что составляет 3,59% от жителей области[1].

Как национально-территориальное объединение округ был сформирован в 1922 году в ходе политики коренизации и получил название и статус Монголо-Бурятской автономной области в составе РСФСР. В 1923 году область вошла в состав Бурят-Монгольской АССР, далее в ходе административно-территориальных реформ 1937 года она была выведена из последней и преобразована в Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ в составе вновь образованной Иркутской области. Под несколько разными названиями и в разных статусах округ сохранялся как национальный до распада СССР, а затем по Конституции 1993 года он стал самостоятельным субъектом Российской Федерации, при этом всегда находясь в составе Иркутской области. Таковым он оставался до 2008, когда произошло объединение в один субъект Иркутской области и Усть-Ордынского бурятского автономного округа.

Языковой ситуации в УОБО посвящено не так много работ. Ряд ее аспектов исследовались в работах И.В.Евсеевой, А.М.Кулеховой [3; 4], Ю.В.Латушко [5]. Истории округа посвящена книга под редакцией Л.М.Дамашека [1]. Некоторые вопросы, связанные с исследованием языковой лояльности в бурятском языковом континууме, представлены в работах Э.В.Хилхановой [10] и Г.А.Дырхеевой и Ч.С.Цыбеновой [2]. Вместе с тем социолингвистическая конфигурация УОБО интересна как в теоретическом, так и в практическом аспектах. В первую очередь ее анализ мог быть полезным для уточнения ряда понятий в таких областях социолингвистики, как языковые контакты, типология языковых ситуаций, соотношение языка и диалекта, норма и стандарт языка в миноритарной ситуации, а также социальный образ языка и языковые аттитюды.

[1] Федеральная служба государственной статистики. Иркутскстат. URL: https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/130_Национальный%20состав%20населения%20ВПН.pdf (дата обращения: 17.07.2026).

Специфика языковой ситуации в УОБО обусловлена, в первую очередь, особой динамикой соотношения языка и территории. Бурятский язык в форме эхирит-булагатского (западного) диалекта на территориях Прибайкалья является историческим автохтонным языком. При этом начиная со второй половины XVII в. он находится в ситуации языковых контактов разной степени интенсивности и был фактически окружен русскоязычными территориями. От основного континуума бурятского языка он удален и отделен озером Байкал.

После Революции 1917 года основным фактором, определяющим языковую ситуацию на той или иной территории, стало вхождение данной территории в субъект, образованный на основе национально-территориального деления, а это были, в первую очередь, советские союзные и автономные республики, но также это могли быть национальные области, округа, районы и даже сельсоветы. Главный принцип их формирования состоял в объединении территории, на которых относительно компактно проживали нерусские народы бывшей Империи. Вторая группа субъектов СССР формировалась на основе принципа административно-территориального деления без учета национального состава территории. Объектом политики коренизации, характерной для первых десятилетий Советской власти, в первую очередь были именно республики, как советские социалистические, так и автономные. Безусловно, политика коренизации охватывала и иные национальные единицы, например такие, как национальные районы. Однако глубина политики, равно как и последующие эффекты от ее внедрения, наиболее значимыми были в границах советских республик, тем более что подавляющее большинство национальных районов на территории РСФСР были упразднены к началу 70-х годов XX в. Усть-Ордынский бурятский округ всегда оставался национальным. УОБО на протяжении своей истории был и частью Бурят-Монгольской АССР, и отдельной национальной единицей в составе Иркутской области, и самостоятельным субъектом РФ. Неизменным оставалось одно: он всегда сохранял свой статус национальной территории, а значит и особые возможности в области языковой политики и планирования. Вместе с тем, тип и характер возможностей проведения языковой политики в рамках республики и национального округа различны, и языковая ситуация бурятского языка в УОБО после выхода из АССР в 1937 году, безусловно, может быть классифицирована как миноритарная. Фактически УОБО превратился в анклав, окруженный русскоязычными территориями. Попутно отметим, что решение о вхождении УОБО в состав Иркутской области было логичным с точки зрения экономических связей региона, логистики и административных возможностей управления. Тем не менее такие административно-территориальные трансформации сказались на уровне витальности идиома и в перспективе поставили вопросы о мерах его поддержки. Ситуация в УОБО интересна и с точки зрения анализа представлений носителей диалекта о престижности литературного языка, и возможном восприятии его как нормы в отношении местного варианта (диалекта).

Наконец, встают вопросы относительно инструментальной и символической лояльности к бурятскому языку в УОБО со стороны его носителей в ситуации бурятско-русского двуязычия, переходящего в русско-бурятское. Исследование

типов лояльности важно для понимания вектора общей динамики языковой ситуации: развивается ли она в центростремительном ключе на сближение с литературным бурятским языком и формирование единого стандарта или же, наоборот, лояльность направлена на локальные формы языка.

Предметом исследования настоящей работы стали типы языковой лояльности в отношении бурятского языка в его литературной форме и форме западного (эхирит-булагатского) диалекта на фоне русско-бурятского двуязычия в Усть-Ордынском бурятском округе. Цель статьи состоит в выявлении структуры данных лояльностей в связи с потребностью в языке как инструменте коммуникации и как основы идентичности. Такой подход предполагает анализ социальных представлений о языке (репрезентаций языка) в среде его носителей.

Теоретические основы и методология исследования. В основе исследования лежит эмпирико-индуктивный подход с преимущественным применением количественных методов и последующей качественной интерпретацией данных. Эмпирическую базу исследования составили результаты, полученные в ходе анкетирования, проведенного в УОБО в феврале-апреле 2026 года. Основным инструментарием исследования была социолингвистическая анкета, состоящая из 63 вопросов, распределенных по 4 классическим блокам: социодемографическая информация о респондентах, языковая биография, языковые практики, репрезентации языка и языковые аттитюды. В анкетировании приняло участие 300 респондентов, распределенных примерно равно по полу, возрасту и районам проживания в УОБО. Блоки вопросов о языковых практиках респондентов и их представлениях об этих практиках (символическое измерение языковой ситуации) были составлены по зеркальному принципу, таким образом, чтобы дважды получить ответ на вопрос об использовании респондентами языка в том или ином домене: сначала о реальных практиках, а затем о представлениях респондентов о том, какими эти практики могли бы или должны бы были быть.

В теоретическом плане исследование опирается на понимание языковой ситуации как комплекса системно организованных элементов, основными составляющими которого являются формы существования языка, языковые компетенции, домены использования языка и символическое измерение языковой ситуации [8, с.61; 9, с.697]. Структура языковой лояльности, как мы ее понимаем, в целом воспроизводит структуру языковой ситуации. Особенности последней прежде всего определяются типом языковых контактов, которые удобно концептуализировать через теоретические конструкты билингвизма и диглоссии. На основании результатов переписи населения 2002, 2010 и 2020-2021 годов, предыдущих исследований языковой ситуации [3], а также на основании наших данных можно с уверенностью утверждать, что языковая ситуация в УОБО является диглоссной с широким распространением билингвизма, близкого к субординативному типу.

Понятие языковой лояльности было введено в социолингвистику У.Вайнрайхом [15] и далее расширено в работах Дж.Фишмана [12]. Наше понимание языковой лояльности основано на работах классиков вопроса с последующим осмыслением и разработкой применительно к изучаемым ситуациям.

Языковая лояльность наряду с социальными представлениями о языке (репрезентациями языка в сознании его носителей) относится к блоку языковой ситуации, который предлагается называть символическим [8; 9], поскольку этот блок содержит не реальные практики использования языка, а представления носителей идиома о том, что такое «наш» язык, какой он должен быть, как и где мы должны его использовать. Символическое поле языковой ситуации включает два основных теоретических конструкта: социальные представления (репрезентации языка) и языковые аттитюды. Репрезентации языка по своей природе статичны, это своего рода образы и суждения о своем языке, которые формируются в когнитивной картине носителей языка. Примерами репрезентаций языка могут служить представления о языке по типу «красивый», «певучий», «правильный», «неправильный» и др. В свою очередь, аттитюды, будучи социальными установками, всегда предполагают определенные действия и участия волевого компонента личности. Аттитюды связаны с использованием или же, наоборот, с сознательным неиспользованием языка, если у его носителя сформирован комплекс негативных репрезентаций языка («деревенский», «непрестижный», «неправильный» и др.). По своей природе лояльность является аттитюдом (социальной установкой), и поэтому ее основным типом является инструментальная лояльность, связанная с использованием языка в его коммуникативной функции [11]. Вместе с тем, теоретический конструкт лояльности, с нашей точки зрения, может быт эффективным инструментом анализа всех компонентов языковой ситуации. Опираясь на работы испанских лингвистов [11], в структуре лояльности мы выделяем следующие типы: лояльность по формам существования языка, по компетенциям, инструментальную лояльность, связанную с доменами использования языка, и собственно символическую лояльность, связанную с определенными типами репрезентаций. Следует учитывать, что любые типы лояльности могут быть позитивными и негативными, осознанными и бессознательными. Ниже в таблице 1 приведены типы лояльности в сопряжении с основными компонентами языковой ситуации.

Таблица 1 – Типы лояльности к языку в Усть-Ордынском бурятском округе в зависимости от компонентов структуры языковой ситуации

Компонент языковой ситуации	Тип лояльности	Код лояльности	На что направлена в УОБО
Формы существования языка	Лояльность по формам существования языка	Lform	Русский язык (литературный и разговорный); Бурятский литературный; Западный диалект бурятского языка
Языковые компетенции	Лояльность по языковым компетенциям	Lcomp	Устные и письменные компетенции в бурятском языке
Домены использования языка	Инструментальная лояльность	Linst	Русский и бурятский языки: личная/анонимная коммуникация; устная/письменная коммуникация; обыденные/престижные сферы коммуникации
Символическое измерение	Символическая лояльность	Lsym	Аффективный тип лояльности (связан со структурами идентичности); Прескриптивный тип лояльности (связан с понятием о должном в использовании языка)

Результаты исследования. Основными формами существования языка в исследуемой ситуации являются литературный и разговорные формы русского языка, формы западного (эхирит-булагатского) диалекта бурятского языка и литературный бурятский язык, поскольку именно эта форма поддерживается и распространяется в рамках формального школьного образования. Русский язык является функционально доминирующим. По данным переписи населения 2020-2021 гг., процент бурят на территории Иркутской области, владеющих русским языком, составляет 99,5%. Высокие показатели знания русского языка в целом характерны для всей территории Российской Федерации и обусловлены комплексом факторов экстралингвистического порядка, на которых мы не будем останавливаться. Особенностью УОБО, оказавшей серьезное влияние на языко-

вую ситуацию, является его географическое положение. Даже когда УОБО входил в состав Бурят-Монгольской АССР (1923-1937 гг.), он не имел с ней общей границы и представлял собой анклав, окруженный русскоязычными территориями, за исключением преимущественно бурятского Ольхонского района, который, однако, не вошел в Усть-Ордынский бурятский национальный округ. Также большую роль сыграла близость к УОБО таких городских и промышленных центров, как Иркутск и Черемхово, привлекательных с точки зрения миграции сельского бурятского населения, резко усилившейся начиная с 60-70-х гг. XX в. Ввод в эксплуатацию Братской ГЭС и затопление территорий, в том числе и территорий УОБО, так же способствовало переезду населения в города. Все эти процессы запустили механизмы языкового сдвига и функциональной эрозии бурятского языка.

Лояльность по формам существования языка. Структура лояльности по отношению к вариантам (западный диалект и литературный язык) бурятского языка, как показывает наше исследование, асимметрично распределяется по инструментальному и символическому типам. 96% респондентов в различных типах коммуникации используют исключительно локальные варианты западного диалекта, с которыми, собственно, и связана инструментальная лояльность. Однако ответы на вопрос о престижности литературного языка или диалекта не столь однозначны. 49% респондентов не считают, что литературный бурятский язык, основанный на хоринском диалекте, престижнее, чем их родной вариант, и только 6% считают литературный язык более престижным. 45%, то есть фактически половина респондентов, затруднились дать ответ. Это говорит о неустойчивом характере символической лояльности к диалекту и литературному языку и, как следствие, возможной неустойчивости центробежных и центростремительных тенденций в языковом бурятском континууме.

Лояльность по языковым компетенциям. Бурятский язык по шкале витальности ЮНЕСКО имеет индекс 3Б[1], что говорит о процессах серьезного языкового сдвига. Это преимущественно сельский язык с ослабленной межпоколенческой передачей и ограниченной функциональной сферой применения. Все основные инструментальные функции, связанные с письменной формой, как правило, выполняются русским языком. Такое положение дел типично и, в целом, закономерно для подавляющего большинства языков в миноритарной ситуации как в России, так и в мире. Большую роль в закреплении такого положения дел играет система образования, которая отвечает принципу свободы перемещения личности. Есть и еще один фактор, сдерживающий использование письменных форм бурятского языка, типичный для национальных территорий вне титульных республик. В УОБО, поскольку он сохранял статус национального, бурятский язык всегда преподавался в системе среднего образования. Абсолютное большинство наших респондентов в той или иной степени изучали родной язык в школе. Однако и это тоже достаточно типичная ситуация для таких социолинг-

[1] Language vitality and endangerment. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000183699 (дата обращения: 20.06.2026)

вистических конфигураций, в школе преподается литературный вариант языка, а не локальный вариант. В то же время различия между стандартным (литературным) языком и диалектом могут быть значительными, и язык, изучаемый в школе, не вполне воспринимается как родной. Вместе с тем, как показывает практика наблюдения и анализа подобных ситуаций, часто дело не столько в лингвистической дистанции между литературным и локальным идиомами, а в ее восприятии (репрезентациях) носителями языка. Социальный престиж любого идиома обусловлен не его структурно-лингвистическими особенностями, а факторами экстралингвистического порядка: экономическим, культурным, религиозным потенциалом языка и выгодами от его изучения, исторической глубиной текстов на этом идиоме, знаковыми событиями для данного народа, которые происходили или могли происходить на территории распространения данного диалекта. Выше затрагивался вопрос оценки престижности бурятского литературного языка. Он достаточно высок, но престиж местного диалекта, который по определению не может иметь письменной формы, также высок. В таких случаях в плане перспективы использования письменной формы языка решающее значение может сыграть не собственно лингвистическая дистанция между идиомами, а превалирование идентичности народа как единой этнической общности. Иными словами, восприятие себя прежде всего как бурят и только потом каких именно бурят (хоринских, агинских, усть-ордынских и др.). В пользу возможности такого сценария говорят ответы на вопрос о желательности иметь единую форму бурятского языка. Положительно на него ответили 45% респондентов, отрицательно 22% и 33% затруднились с ответом. На рис. 1 представлены данные по оценке респондентами письменных компетенций в бурятском языке (чтение и письмо).

Рисунок 1 – Письменные компетенции в бурятском языке и представление о их необходимости (в %)

Очевидно, что существует значительный разрыв между желательным и настоящим положением дел. Из диаграмм видно, что подавляющее большинство

респондентов (93%) считает необходимыми наличие компетенций в чтении и письме на бурятском языке. Однако реальное владение навыками чтения и письма значительно ниже. Около 60% респондентов или не имеют письменных компетенций вообще или же владеют ими плохо. Хорошо и достаточно хорошо умеют читать и писать около 20% и еще 24% владеют этими навыками на среднем уровне. Таким образом, символическая лояльность по письменным компетенциям существенно выше инструментальной лояльности по этим же параметрам.

Подобная ситуация типична для социолингвистических конфигураций языков в миноритарной ситуации, но вопрос о том, насколько она пессимистична в плане будущего языка, должен решаться отдельно после проведения специальных исследований. Во-первых, высокие показатели символической лояльности свидетельствуют об интересе респондентов к языку и понимании значимости родного языка в жизни народа. Во-вторых, нам об этом уже приходилось писать [7], что миноритарные языковые ситуации нельзя оценивать по тем же критериям, что и ситуации мощных мажоритарных языков, скорее следует искать и развивать свои ниши, в которых компетенции на родном языке будут востребованы.

Инструментальная лояльность. Понятия инструментальной лояльности введено и концептуализировано в статье 2002 года испанскими лингвистами Лореной Сискар Рамирес, Давидом Гонсалесом Мартинесом и Пабло Переса Ледо [11]. В их работе было предложено различать первичную и вторичную инструментальные лояльности, а также инструментальную лояльность, связанную с письменной формой языка. Первичная инструментальная лояльность «коррелирует с «первичным» использованием языка. В схеме диглоссных ситуаций первичное использование языка предполагает его функционирование в семейной сфере, среди близких знакомых, друзей (дом, друзья, коллеги по работе, в повседневной жизни маленького населенного пункта (магазин, аптека, почта)» [7, с.480]. Вторичная инструментальная лояльность соотносится с ситуациями использования языка в условиях анонимной публичной коммуникации, к которой можно отнести разговор с незнакомыми людьми в магазине, на рынке и других общественных местах. Лояльность, как вид социальной установки, за которой стоит отношение к языку, может быть осознанной и неосознанной. С первой связно сознательно-волевое использование языка, со второй – спонтанно-естественное. Наш подход к структурированию природы языковой лояльности основан на работах российской школы психологии мотивации Д.А.Леонтьева [6] и французской школы социальной психологии С.Московичи [13], что приводит к пониманию языковой лояльности инструментального типа как сложного психологического комплекса социальных представлений, внешней и внутренний мотивации, а также потребности в языке. Этот комплекс определяет выбор и использование языка в ситуации языковых контактов [14]. В этом смысле лояльность активна в отличие от близкого, но нетождественного понятия репрезентации (представления) языка в сознании носителя. Использование того или другого языка в ситуации, где возможен выбор, – это овеществленное проявление инструментальной лояльности. Если учесть, что 99,5% бурят УОБО владеют рус-

ским языком, то в данной языковой ситуации говорить о выборе можно и нужно, а значит присутствует и инструментальная языковая лояльность.

На рисунке 2 приведены данные анкетирования по использованию бурятского языка в варианте западного диалекта в УОБО в домене домашнего, семейного общения соответствующего инструментальной лояльности первого типа и в трех доменах (работа, праздники и культурные мероприятия, шаманские обряды), коррелирующие с инструментальной лояльностью второго типа. Домены были отобраны на основе непосредственного включенного наблюдения языковой ситуации в УОБО и бесед с носителями языка.

Наибольшая потребность в бурятском языке отмечена в домене шаманских обрядов. Только 10% респондентов отметили, что они не принимают в них участия (эта категория не отражена на графике, поэтому сумма ответов по данному домену составляет менее 100%). «Часто» и «очень часто» используют бурятский язык во время обрядов 40% респондентов, что даже выше показателей использования языка в семейном общении. На работе бурятский язык не используют вообще или используют очень редко 64% респондентов. Близкий показатель и в домене праздников и культурных мероприятий (58%). Таким образом, наиболее высокие показатели использования языка, а значит и наличия инструментальной лояльности связаны с доменом шаманизма, что придает определенную специфику всей языковой ситуации округа. Инструментальная лояльность первого типа присутствует, но процент респондентов, постоянно использующих язык в семейном общении, относительно невысокий, что подтверждает гипотезу о происходящих процессах языкового сдвига. Также в пользу языкового сдвига свидетельствуют показатели доменов «работа» и «праздники и культурные мероприятия».

Данные об использовании бурятского языка в сферах потребления различных типов контента на нем приведены на рис.3.

Рисунок 3 – Использование бурятского языка при потреблении контента различного типа (в %)

В сферах визуального и аудиовизуального контента показатели инструментальной лояльности невысоки. 86% респондентов никогда не читают продукцию на бурятском языке или же делают это очень редко. Близки показатели потребления аудиовизуального контента (82% не смотрят продукцию на бурятском языке). В целом эти данные коррелируют с показателями письменных компетенций в языке. Напомним, что только 20% в той или иной степени свободно владеют навыками чтения и письма на бурятском. Выше всего потребность в бурятском языке и лояльность по инструментальному типу в сфере музыкального контента. 33% респондентов слушают музыку «очень часто» и «часто» и только 10% не слушают никогда. Такая ситуация довольно типична для языков в миноритарной ситуации. Музыка – это ниша, где язык оказывается, действительно, востребованным и где возможно и необходимо создавать условия для его сохранения.

Сравним данные по использованию бурятского языка в УОБО и коррелирующую с ними инструментальную лояльность с данными анкетирования о репрезентациях носителей языка о роли и месте родного языка в домене семейного общения и работы, а также значимости бурятского языка в структуре идентичности жителей УОБО. Эти показатели представлены на рисунке 4. Поскольку здесь речь идет не о реальных практиках, а о представлениях как язык должен/может использоваться в рассматриваемых доменах, связанная с ними лояльность будет принадлежать к символическому типу.

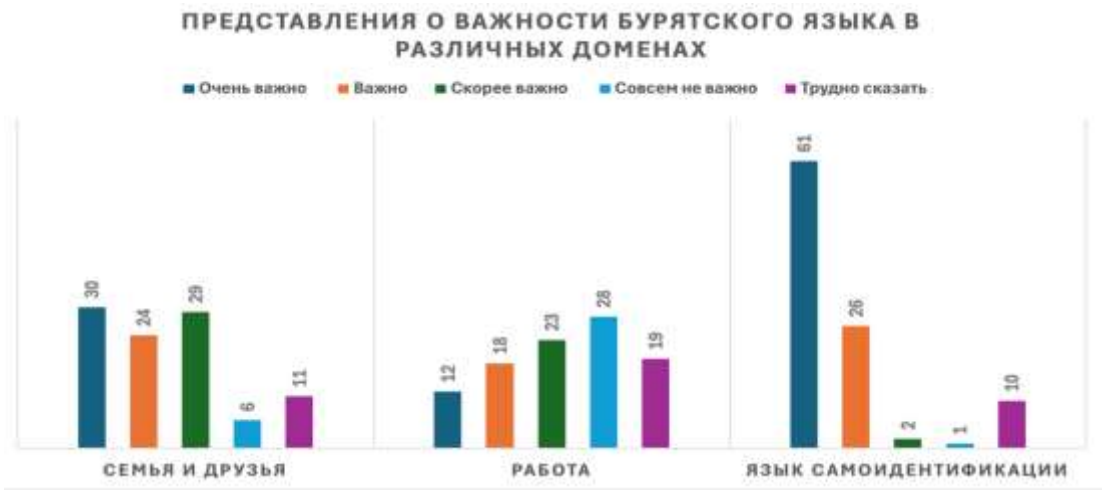


Рисунок 4 – Репрезентация оценок значимости использования бурятского языка в доменах семейного общения, работы и месте бурятского языка в структуре идентичности (в %)

Данные графика свидетельствуют об абсолютной значимости бурятского языка как важнейшего фактора в структуре идентичности. Только 1% отметил язык как «совсем неважный» и 2% как «скорее неважный» фактор самоидентификации. На этом основании можно уверенно констатировать наличие высокой символической лояльности *аффективного* типа к бурятскому языку УОБО. Аффективный тип символической лояльности связан с пониманием языка как родного, дорогого для человека языка, к которому испытывают теплые чувства. Это язык детства, родины, семьи, но это не обязательно язык, который знают и тем более используют. Данный тип лояльности хорошо коррелирует с продуктами творчества и искусства, и совсем не обязательно фольклорного типа, это могут быть как фольклорные, так и современные произведения. Чаще всего это песни и различные музыкальные форматы, например реп. Несмотря на то, что речь идет о символическом типе лояльности, значение ее чрезвычайно велико. Она производна от понимания человеком своего места в мире, и в какой-то степени она же гарантирует постоянство этого мира, в том числе его связь с предками и потомками. Эта же лояльность лежит в основе известного исследователям феномена, суть которого в том, что поколение родителей не говорит на языке, а поколение внуков, стремится вернуть утрачиваемый язык. Наличие устойчивой символической аффективной лояльности является основным условием любых мероприятий по ревитализации языка.

Репрезентации, связанные с оценкой значимости бурятского языка в домене семейного и дружеского общения, а также коммуникации на работе, представляют собой *эвалюативный* тип символической лояльности. Если аффективный тип лояльности напрямую не связан с инструментальным измерением языковой ситуации, то эвалюативный тип символической лояльности является проекцией

инструментальной функции языка в различных коммуникативных доменах на языковую ситуацию, которая видится как идеальная. Ее показатели говорят о том, какой должна была бы быть языковая ситуация. Данные графиков по домену «Работа» на рис. 4 демонстрируют, что репрезентации относительно важности бурятского языка на работе значительно выше, чем его реальное использование (рис.3). Как «очень важный» и «важный» бурятский язык оценивается 30% респондентов. Напомним, что часто его использует только 13% от числа опрошенных. Вместе с тем, 28%, то есть почти столько же респондентов, не считают бурятский язык важным для работы. Эти цифры говорят о языковом сдвиге, который, однако, является следствием изменившейся экономической ситуации, в том числе в области снижения роли традиционного хозяйства – основного фактора сохранения языка.

Показатели символической эвалюативной лояльности в домене семейного и дружеского общения остаются высокими. Как «очень важный» и «важный» в семье бурятский язык оценили 54% респондентов, и только 6% посчитали его совершенно неважным. Эти показатели выше, чем показатели реального использования языка в семейном общении (см. рис. 2), и они значимы, поскольку свидетельствуют о положительном отношении к родному языку.

Заключение. На основании проведенного исследования ситуация с бурятским языком в Усть-Ордынском бурятском округе может быть охарактеризована как неустойчивая, а положение бурятского языка как угрожающее. В основе динамики языкового сдвига лежат факторы экстралингвистического порядка, основным из которых является постепенный отход от форм традиционного хозяйства и высокий миграционный отток населения в города, усилившийся на рубеже 60-70 гг. XX в.

Вместе с тем сохраняется использование бурятского языка в семейном общении, что характерно для ситуаций такого типа. Важно и интересно, что язык используется, и даже шире, чем в семейном общении, во время проведения шаманских обрядов. Последнее придает специфику ситуации в УОБО. Если инструментальные типы языковой лояльности имеют условно невысокие показатели, то символическая лояльность остается высокой. Значима аффективная лояльность, которая в структуре этнической и культурной идентичности жителей округа занимает одно из центральных мест и вместе с шаманизмом формирует ядро структуры идентичности.

Высокая символическая лояльность эвалюативного типа сдерживает процессы языкового сдвига и может служить опорой при разработке мер по поддержанию языка и его ревитализации, при условии учета востребованных носителями языка доменов и сфер потребления контента на языке.

Литература

1. Дамашек Л.М. История Усть-Ордынского бурятского округа. – М.: Прогресс, 1995. – 544с.
2. Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. – С. 63–74.
3. Евсеева И.В., Кулехова А.М. Современная языковая ситуация в Иркутской области: причины языкового сдвига (на материале русского и бурятского языков) // Научный диалог. – 2019. – №10. – С.128-143. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-128-143.
4. Кулехова А.М. Социальные аспекты двуязычия в Прибайкалье // Вестник ИрГТУ. –2011. – №4 (51). –С.255-258.
5. Латушко Ю.В. Национально-культурное возрождение в посттрадиционных обществах (проблема качественной и количественной оценки) // Россия и АТР. – 2010. – №2. – С.173–180.
6. Современная психология мотивации / под ред. Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 343с.
7. Москвичева С.А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком» [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – №8(42). – С.1-10. – Режим доступа: DOI: https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.534
8. Москвичева С.А., Гасанов М.М. Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка в азербайджанской общине в Москве. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – Томск, 2021. – №3 (33). – С.59-69.
9. Москвичева С.А. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском языковом континууме / С.А.Москвичева, А.Вио, Р.Р.Замалетдинов // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – Т.27 (3). – С.689-715.
10. Хилханова Э.В. Проблема основного языка при двуязычии и критерии его определения (на примере бурятско-русского двуязычия) // Филология и человек. – 2009. – №1. – С.61–67.
11. Ciscar Ramírez, Lorena, González Martínez, David et Pérez Ledo, Pau. Lleialtats i actituds lingüístiques al País Valencia» [Electronic resource] // Noves SL. Revista de sociolingüística. – 2002. – №1. – Access mode: https://www.gencat.cat/llengua/noves/noves/hm02primavera/catalana/ciscar.pdf
12. Fishman J.A. Language loyalty in the United States: The maintenance and perpetuation of non-English mother tongues by American ethnic and religious groups. – Mouton, 1966. – 478 p.
13. Moscovici S. Des représentations collectives aux représentations sociales // In Les représentations sociales. – Paris: P.U.F., 1997. – P.79-104.
14. Moskvitcheva S., Viaut A. The need for minority languages in borderland conditions: field research methodology / In: Agranat, T. and Dodykhudoeva, L. (eds). Strategies for Knowledge Elicitation // The Experience of the Russian school of field linguistics. – Cham: Springer, 2021. – P.52-68.
15. Weinreich U. Languages in contact: Findings and problems // Linguistic circle of New York. – 1953. – P.99-102.

TYPES OF LANGUAGE LOYALTY IN THE LANGUAGE SITUATION OF THE UST-ORDA BURYAT OKRUG

Moskvitcheva Svetlana Alekseevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of general and Russian linguistics
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (499) 936 85 73
moskvitcheva@mail.ru

Danilov Sergei Il'ich

Postgraduate student of the chair of general and Russian linguistics
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (499) 936 85 73
Danilov-sil@rudn.ru

Zharbulova Saule Trarovna

Candidate of pedagogical sciences,
head of the educational program "Russian language and literature"
Korkyt Ata Kyzylorda University
76077, Republic of Kazakhstan, Kyzylorda, Abudkhair Khan str., 50
Ph.: +7 (7242) 26 27 14
zharbul@mail.ru

The investigation of the structure of language loyalty in a minority language situation is essential for a comprehensive account of the language situation. On the one hand, it reveals the specificities of ethnic, linguistic and social identities in contexts of language contact; on the other hand, it allows for the identification of possible vectors in the dynamics of the language situation and the forecasting of its further development. The paper examines instrumental types of loyalty and symbolic loyalty of both affective and evaluative types among the inhabitants of the Ust-Orda Buryat Okrug. The empirical basis of the study draws on data from a sociolinguistic survey administered between February and April 2026. On the basis of the collected data, the study compares the actual use of the Buryat language in the domains of family and work communication with the speakers' perceptions of its preferred use. The respondents' self-assessments of their proficiency in various language competences are analyzed, together with the corresponding types of language loyalty by competence. It is demonstrated that the prevailing type of loyalty is symbolic affective loyalty, which is associated with the role of the language as a factor in identity formation, rather than as an instrument of communication. This outcome is, in general, characteristic of minority language situations in the context of language shift.

Keywords: Buryat language; Russian language; language contact; minority language situation; social image of the language; language attitudes.

НАВЪҲОИ ВАФОДОРИИ ЗАБОНӢ ДАР СОХТОРИ ВАЗЪИЯТИ ЗАБОНӢ ДАР ҲАВЗАИ БУРЯТИ УСТ-ОРДА

Москвичева Светлана Алексеевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забоншиносии умумӣ ва русшиносӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Михлухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (499) 936 85 73
moskvitcheva@mail.ru

Данилов Сергей Ильич

Аспиранти кафедраи забоншиносии умумӣ ва русшиносӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Михлухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (499) 936 85 73
Danilov-sil@rudn.ru

Жарбулова Сауле Траровна

Номзади илмҳои педагогӣ
Донишгоҳи Қорқыт Атои Қизилорда
76077, Ҷумҳурии Қазоқистон, Қизилорда, кӯч. Абулхайрхон, 50
Тел.: +7 (7242) 26 27 14
zharbul@mail.ru

Таҳқиқи сохтори вафодории забонӣ дар вазъияти забонҳои ақаллиятӣ ҷузъи муҳими тавсифи ҳамаҷонибаи вазъияти забонӣ ба шумор меравад, зеро аз як тараф, хусусиятҳои ҳувиятҳои этникӣ, забонӣ ва иҷтимоиро дар шароити тамоси забонҳо ошкор менамояд ва аз ҷониби дигар, имкон медиҳад, ки самтҳои эҳтимолии динамикаи вазъияти забонӣ муайян карда шуда, рушди минбаъдаи он пешбинӣ гардад.

Дар таҳқиқот навъҳои инструменталии вафодорӣ ва вафодории рамзии навъи аффективӣ ва арзёбӣии сокинони ҳавзаи буряти Уст-Орда мавриди омӯзиш қарор гирифтаанд. Асоси эмпирикии таҳқиқотро маълумоти пурсиши сотсиолингвистӣ ташкил дод, ки моҳи феврал — апрели соли 2026 гузаронида шудааст.

Дар асоси маълумоти бадастомада истифодаи воқеии забони бурятӣ дар соҳаҳои муошират оилавӣ ва корӣ бо тасаввурот (репрезентатсияҳо)-и забонгӯён дар бораи сенарияҳои матлуби истифодаи он муқоиса карда шудааст. Изҳороти посухдиҳандагон оид ба сатҳи соҳибият ба салоҳиятҳои гуногуни забонӣ ва навъи вобастаи вафодории забонӣ аз рӯи салоҳиятҳо таҳлил карда шудаанд.

Муайян карда шуд, ки навъи бартаридоштаи вафодорӣ вафодории рамзии аффективӣ мебошад, ки бо нақши забон ҳамчун омили ташаккули ҳувият алоқаманд аст, на ҳамчун воситаи муошират. Ин ҳолат дар маҷмӯъ барои вазъиятҳои забонии ақаллиятҳо дар шароити тағйирёбии забонӣ қонуният дорад.

Калидвожаҳо: забони бурятӣ; забони русӣ; тамосҳои забонӣ; вазъияти забонии ақаллиятҳо; симои иҷтимоии забон; аттитюдҳои забонӣ.

УДК 81-133

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АМБИВАЛЕНТНОЙ ЗОНЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ГЛАГОЛЬНОГО ПОЛЯ «ЛЮБИТЬ – НЕНАВИДЕТЬ»

Романова Ирина Александровна

Ассистент кафедры русского языка №4,
аспирант кафедры общего и русского языкознания
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (917) 509 49 06
romanova-ia@rudn.ru

Умарова Фарангис Комилджоновна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель
общеуниверситетской кафедры русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 05 65 35 (м.)
umarovaf-93@mail.ru

В статье рассматривается проблема лингвистической репрезентации эмоциональных состояний через призму концепции интегративного глагольного поля, объединяющего полярные аттракторы «любить» и «ненавидеть». Основное внимание уделяется структурно-семантическому анализу амбивалентной зоны данного поля, фиксирующей переходные смыслы, в которых нивелируется четкая дихотомия позитивной и негативной оценки. В работе используются методы компонентного анализа, дефиниционного описания и контекстуального моделирования, что позволяет выявить специфические лексемы и предикативные конструкции, репрезентирующие смешанные чувства или эмоциональную неопределенность. В результате исследования определен ядерно-периферийный состав амбивалентной зоны, описаны механизмы семантической диффузии и энантиосемии, возникающей в рамках интегративного пространства. Автор приходит к выводу, что амбивалентность в системе глагольного поля является закономерным результатом когнитивной сложности эмоциональной сферы человека, находящей выражение в специфических синтагматических связях и парадигматических отношениях исследуемых единиц, что существенно расширяет представление о системной организации лексики чувств.

Ключевые слова: эмоциональное глагольное поле; амбивалентность; лексическая семантика; интегративное поле; антиномия; лингвистическая репрезентация чувств; структура поля; семантическая диффузия; глаголы эмоций; семантический континуум.

Введение. В отечественной лингвистике эмоций прочно утвердился тезис о неразрывной корреляции феноменов любви и ненависти. Задолго до формирования парадигмы когнитивной семантики данный парадокс был эмпирически зафиксирован в философских дискурсах и поэтических текстах: эмоциональная привязанность субъекта способна имплицировать раздражение, ревность, обиду и кратковременное отвращение к объекту привязанности без утраты базовой позитивной валентности самого чувства. Психологическая наука концептуализировала данное явление посредством термина «амбивалентность». В соответствии с лексикографической традицией, закрепленной в академических источниках, амбивалентность дефинируется как сосуществование антагонистических эмоциональных модальностей по отношению к единому денотату.

В Большой советской энциклопедии и Большом психологическом словаре под ред. Б.Г.Мещерякова закреплено следующее понятие: «Амбивалентность (от лат. ambo – оба и valentia – сила), двойственность чувственного переживания, выражающаяся в том, что один и тот же объект вызывает к себе у человека одновременно два противоположных чувства, например удовольствия и неудовольствия, любви и ненависти, симпатии и антипатии» [1; 5]. Амбивалентность коренится в неоднозначности отношения человека к окружающему, в противоречивости системы ценностей. Данный термин был предложен швейцарским психологом Э.Блейлером.

Лингвистический аспект амбивалентоности до сих пор изучен неравномерно: психологи описали феномен детально, однако его языковое отражение, в частности вербализация посредством предикативных единиц (глагольной лексики), вызывает устойчивый научный интерес, и до настоящего времени остается фрагментарно освещенной и недостаточно изученной.

Традиция изучения русского глагола как упорядоченной системы (семантического поля) была заложена в отечественном языкознании Московской школой функциональной семантики, Уфимской и Уральской семантическими школами и разработана в трудах Л.Г.Бабенко, В.Н.Денисенко, Л.М.Васильева и др. [3; 4; 7; 9; 10]. Согласно этой концепции, слова группируются вокруг общих смыслов. Так, В.Н.Денисенко пишет: «Выделение общего значения (в его связи с главным и частным) имеет универсальный характер и осуществляется на всех значимых уровнях языка. Вместе с тем оно всегда обнаруживает специфику, связанную с характером онтологии обозначаемого у тех или иных классов единиц» [9, с.80]. Л.Г.Бабенко объединила всю эмоциональную лексику в единый класс, который делится на пять микрополей: любви, ненависти, уважения, равнодушия и интереса [3]. Существенным методологическим фактом является то, что в описанной модели полюса «любви» и «ненависти» изначально позиционируются не как дискретные (взаимоисключающие) сущности, а как смежные зоны единого континуума. Традиционно построение семантических полей осуществлялось в рамках синонимических рядов как структурных единиц лексической системы языка. По мнению Ю.Д.Апресяна, синонимы, входящие в

состав одного синонимического ряда, характеризуются системностью и взаимосвязанностью своих семантических отношений [2]. В семных структурах антонимических единиц, несмотря на наличие противопоставленных сем, также сохраняется значительная степень общности: их структурно-семантическая организация демонстрирует близость, а семантическая дистанция между ними оказывается меньшей по сравнению с лексемами, принадлежащими к различным семантическим полям и не находящимися в отношениях корреляции.

Данное обстоятельство позволяет обосновать переход к рассмотрению явления категориальной проницаемости межполевой периферии: именно на периферийных участках семантических полей наблюдается ослабление жестких границ между категориями, что обеспечивает возможность межполевых пересечений, частичной нейтрализации оппозиций и формирования переходных зон с диффузными семантическими характеристиками. Наличие промежуточных областей – микрополя «уважения» (как социально-регламентированной формы симпатии) и «равнодушия» (семантического нуля или нейтрализатора обеих эмоций) – объективирует диффузный характер границ между полярными модальностями. Именно эта категориальная проницаемость межполевой периферии обусловливает возможность актуализации противоположных эмотивных установок субъекта применительно к одному референту, формируя тем самым лингвистическую базу вербализованной амбивалентности.

В рамках настоящей работы термин «интегративность» требует предварительной теоретической экспликации. Применительно к анализу эмотивной глагольной лексики данное понятие трактуется не в общесистемном, а в узкосемантическом значении. Интегративность исследуемого глагольного поля «любить – ненавидеть» манифестируется как конституирование единой структурно-семантической модели, объединяющей две традиционно антонимичных полюса позитивной и негативной оценки. Катализатором такой интеграции выступает наличие общей идентифицирующей архисемы – ‘эмоциональное отношение субъекта к объекту’. Именно категориальная тождество данного интегрального признака, а не формально-логическая оппозиция значений (антонимия), служит релевантным критерием для квалификации указанных микрополей как компонентов единого макроструктурного образования. Отсутствие этой семантической доминанты привело бы к распаду объекта исследования на две изолированные лексико-семантические группы с автономными принципами организации. Объединение исследуемых микрополей в единое интегративное глагольное поле обусловлено существованием обширной зоны диффузной семантики, где дифференциальные признаки притяжения и отталкивания актуализируются одновременно в значении одной глагольной единицы.

Ядро, периферия и амбивалентная зона: структурная анатомия поля «любить –ненавидеть»

Ядро интегративного глагольного поля образуют доминанты «любить» и «ненавидеть» – глаголы с максимально обобщенной, немаркированной семантикой чувства. Инвариантной семой рассматриваемого поля является компонент

значения ‘испытывать чувство к кому / чему-либо’. В отличие от обычного семантического поля, интегративное поле имеет две точки притяжения – два ядра по полюсам, различающимися положительным и отрицательным «зарядом» чувства, сема ‘эмоционального отношения’ будет являться дифференцирующей. Каждая из ядерных лексем «любить» и «ненавидеть» характеризуется максимальной частотностью в корпусах, например, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [11], стилистической нейтральностью, широкой валентностью, полисемией и высокой деривационной активностью, что позволяет нам отнести данных лексемы к ядру. Вокруг них выстраивается центральная зона микрополя: со стороны полюса «любить» центр включает единицы «нравиться», «обожать», «влюбляться», «предпочитать», «привязываться», «дорожить», «увлекаться», «ценить», «симпатизировать» и др.»; центр микрополя «ненавидеть» включает лексемы «презирать», «не выносить», «не нравиться», «раздражаться», «враждовать», «терпеть не могу».

Между указанными микрополями располагается диффузная зона, которая в рамках настоящего исследования квалифицируется как амбивалентная. Эта зона заполняется глагольными предикатами, семантическая структура которых характеризуется неустранимым противоречием: она имплицирует интегральные семы обоих полюсов – и «интенционально-положительного», и «интенционально-отрицательного» отношения. Стоит отметить, что даже в таких случаях степень выраженности компонентов редко бывает изоморфной: один из полюсов, как правило, доминирует, в то время как другой остается фоновым, что создает сложную внутреннюю иерархию внутри самой зоны перехода.

Следует подчеркнуть, что речь идет не о нейтральных единицах или зоне равнодушия. Равнодушие занимает промежуточное положение в системе, однако представляет собой семантический нуль (отсутствие эмоциональной валентности), тогда как амбивалентные единицы обладают синкретичной структурой с высокой плотностью конфликтующих признаков.

К данной группе относятся, в частности, такие лексемы:

- «ревновать»: содержит компонент глубокой привязанности и страха потери объекта (тяготеет к «любить») наряду с компонентом активного отторжения потенциального соперника («ненавидеть»). Например: *Он не питал особой слабости к этому длинноволосому музыканту и даже несколько* ***ревновал*** *к нему Женю (Л.Улицкая «Казус Кукоцкого»)*[1] [11]; *Анна видела: с одной стороны, они ее* ***ревновали****, с другой стороны, им было плевать на ее жизнь (В. Токарева «Своя правда»)* [11]; *В молодости Гена любил жену без памяти, нетерпеливо вожделел и* ***ревновал*** *к каждому, кто бросал заинтересованный взор на ее стати (Ю.М.Поляков. «Любовь в эпоху перемен»)* [11];
- «томиться страстью» / «тосковать» / «терзать/терзаться» / «душит тоска»: объединяет дифференциальную сему ‘сильное желание сближения’ (положительный полюс) с семой ‘страдание от невозможности реализации

[1] Здесь и далее приводятся примеры из Национального корпуса русского языка [электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.07.2026 г.) [11].

сближения’ (негативный полюс). Например: *Она не знала, куда деваться от охватившего ее счастья, и в то же время ее* ***душила тоска*** *(М.Булгаков «Мастер и Маргарита»)* [11]; *Я тоскую без Льва Эммануиловича, как можно тосковать по близкому, родному человеку (Р. Полищук. «Портреты»)* [11]; *Уедешь ты далеко от меня и от нашего детища, а я все время буду плакать и* ***тосковать*** *по тебе» (И.С.Ивин-Кассиров (обработка) «Сказка о сильном и славном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и о невообразимой красоте супруги его Анастасии Вахрамеевны»)* [11]; *Говори! О, как ты* ***терзаешь*** *меня, царица! И она… она – вся любовь, вся нежность и ласка! (А.И.Куприн «Суламифь»);*

- «снедать» / «изводить ревностью» / «мучиться» (кем-либо, из-за кого-либо): репрезентируют деструктивную форму аффилиативного чувства, где любовь (положительный полюс) реализуется через механизмы психологического подавления и контроля (негативный полюс). Например, *Вальдемар первый день как начал выбираться из недельного запоя. Его трясло, а внутри* ***снедала*** *тоска. Он как увидел Васю, так обрадовался, что есть на свете еще более никчемное, чем он сам, существо (Н. Божиков «Вася – Циклоп»)* [11]; *Ты* ***изводил*** *её своей* ***ревностью*** *(Е.Чижов «Перевод с подстрочника»)* [11]; *Арина пядь за пядью теснила его, занимала все больше места, осваивалась, тиранствовала, изводила ревностью (С.Гандлевский. «НРЗБ»); Я любил… Я* ***мучился****… Я думал: а если ты так легко со мной, то и с другими… (О.Зуева «Скажи, что я тебе нужна...»)* [11].

Также амбивалентная зона будет включать фразеологические единицы и коллокации, содержащие периферийные лексемы интегративного глагольного поля «любить – ненавидеть»:

- «испытывать противоречивые чувства» / «испытывать двойственные чувства» – функцию прямой экспликации внутреннего конфликта субъекта: *Вообще, по воспоминаниям брата, Пётр был способен экспромтом сложить небольшое стихотворение и,* ***вызывая противоречивые чувства*** *у знакомых барышень, записывал колкие эпиграммы в их девичьи альбомы (В.Вайнерман. «Я – золотистый рыцарь, жизнь посвятивший мечте»)* [11]. В их структуре архисема эмоциональной вовлеченности расщепляется на две дифференциальные семы: признание высокой значимости объекта для жизненного мира субъекта (полюс притяжения) и одновременное осознание деструктивного характера этой связи или неприемлемости качеств самого объекта (полюс отторжения). Это зона когнитивного диссонанса, где рациональная оценка вступает в конфликт с иррациональной привязанностью. Ещё примеры контекстного употребления коллокации: *Атай всё видит и* ***испытывает противоречивые чувства*** *ненависти и благодарности к своему сопернику (Л.Ю.Шерстюк-Гринько «Диалог Запада и Востока в творчестве отечественных современных композиторов»)* [11]; *Ты настоящий поэт, Грым! Я тебя люблю! Тут с Грымом произошло нечто странное. Все* ***противоречивые чувства****, секунду назад бушевавшие в его сердце, вдруг исчезли, и на их месте*

ослепительно сверкнуло новое переживание – внезапное, свежее, упоительное и совершенно ему незнакомое (В.Пелевин «S.N.U.F.F.») [11].

- «терпеть» – локализуется на границе зоны равнодушия, маркируя состояние вынужденной аффилиации: *Однако мама подталкивала маленького сына к своему отцу, и приходилось* ***терпеть****, покуда великан потреплет по голове или обхватит большими пухлыми ладонями щеки и подарит несколько замусоленных конфет (А.Варламов «Купавна»)* [11]. Положительный полюс здесь представлен имплицитно через сохранение социального контакта и отсутствие волевого акта по устранению объекта из личного пространства (сема пассивной терпимости). Однако эта связь лишена позитивной валентности: она характеризуется нулевой эмпатией и восприятием взаимодействия как бремени (сема долженствования): *Иногда находила какую-нибудь одну, милую, дорогую, любимую черточку и за эту черточку готова была* ***терпеть*** *нелюбимого человека рядом, но впоследствии выяснялось, что это было иллюзией, и мы расставались (О.Зуева. «Скажи, что я тебе нужна...»)* [11]; *Она* ***терпела****, мучилась, и Володькина нежность не производила должного впечатления.* <…> *Женщины крепче и выносливее мужчин. Мать не пьет,* ***терпит*** *эту жизнь. Но она даже не знает, бедная, как пахнет любимый мужчина (В.Токарева «Своя правда»)* [11]. Таким образом, единица противопоставлена ядру любви отсутствием радости обладания, а ядру ненависти – отсутствием активного желания разрушить объект.

- «от любви до ненависти…» – фразеологический маркер диффузности границ фиксирует парадокс сохранения интенсивности при инверсии знака оценки: *С сослуживцами и дальними знакомыми отношения, как правило, ровные, а любимого человека можно ненароком и убить.* ***От любви до ненависти – один шаг****. Верно (М.А.Захаров «Театр без вранья»)* [11]; *Может, он и не до зубного скрежета ненавидел Лику, но… Может, это и не так? И потом,* ***от любви до ненависти один шаг****. Мои расчеты строились на том, что Лика и Лев Николаевич были в близких отношениях, которые почему-то постарались от всех скрыть (Д.Донцова. «Уха из золотой рыбки»)* [11]; *Евнух пожал плечами:* ***От любви до ненависти один шаг****. Она его любила? Кажется, любила. До тех пор, пока не закрутил, прямо у нее на глазах, любовь сначала со всеми ее подругами… (С.Романов. «Парламент»)* [11]. Архисемой здесь выступает предельная степень эмоционального напряжения. Дифференциальным признаком является мгновенный переход от максимальной концентрации положительного заряда («любовь») к его абсолютному антиподу («ненависть»).

- «и любить, и ненавидеть» – данная формула отражает статику неразрешимого конфликта. Сема притяжения базируется на глубокой зависимости и невозможности отказа от объекта, тогда как параллельно активированная сема агрессии мотивирована восприятием того же объекта как источника страдания или фрустрации: *Я думаю, что и Ленина, в свою очередь, можно одновременно* ***и любить, и ненавидеть****: любить – за эту силу сочувствие угнетенным и за несокрушимую верность своему делу, и ненавидеть – за непонимание ценности человека, как такового, независимо от*

принадлежности к тому или иному классу, к той или иной партии, и за беспредельную ненависть и за вытекающую из нее столь же беспредельную жестокость к тем, кого он считал врагами своего дела…» (В.Ф.Булгаков «Толстой, Ленин, Ганди») [11]; *Бунина можно было* ***и любить и ненавидеть****. Он мог пленять людей своим великим писательским мастерством, своим необыкновенным человеческим шармом и также легко поражал их своей несдержанностью, часто доходившей до грубости, житейской мелочностью и эгоизмом (А.Седых. «Далекие, близкие. Воспоминания»)* [11].

- «любить до боли» / «мучительно любить» – данный оборот репрезентирует деструктивную периферию полюса любви, где вектор чувств переориентирован на самого субъекта (аутоагрессия), например:

Дышать мечтою небывалой
Наперекор судьбе слепой,
Сгорать от внутреннего жара,
Шагать нехоженой тропой,
Любить до боли*, до надлома,*
Любить всегда, любить везде,
Любить всем сердцем, что влекомо
К недосягаемой звезде… (В.Шахиджанян «1001 вопрос про ЭТО») [11]; *Теперь знаю, как сладко и как* ***мучительно любить****! (И.И.Лажечников. «Ледяной дом»)* [11].

Дифференциальная семы ‘близость с объектом’, ‘восприятие объекта как ценность’ тяготеет к положительному полюсу, тогда как сема ‘физиологического страдания’ – к отрицательному полюсу.

Нами отмечен тот факт, что размер амбивалентной зоны не одинаков в разных функциональных стилях. В художественной прозе – особенно там, где раскрывается психология сложных межличностных отношений, – доля глаголов смешанной семантики заметно выше, чем в публицистическом или официально-деловом тексте, где эмоциональная лексика в принципе минимизирована. Справедливо будет отметить, что на текущем этапе исследования количественные данные корпусных частотных словарей, релевантные для строгой статистической проверки распределения подобных единиц по стилям, представлены в открытых источниках фрагментарно. Вследствие этого сформулированное положение следует квалифицировать не как окончательно доказанный факт, а как рабочую гипотезу, требующую дальнейшей эмпирической проверки на расширенном материале Национального корпуса русского языка с применением методов корпусной лингвистики [11].

Практическая значимость подобного описания выходит за пределы теоретического интереса. Лексикографы, составляющие словари сочетаемости и толковые словари эмотивной лексики, регулярно сталкиваются с трудностью формулировки дефиниций для глаголов амбивалентной зоны: односложное толкование через «испытывать любовь» или «испытывать ненависть» неизбежно упрощает реальную семантику единицы и искажает картину для иностранного читателя, изучающего русский язык. Развернутая структурно-семантическая

модель, учитывающая переходную зону как самостоятельный участок поля, позволяет строить более точные и функционально адекватные дефиниции.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что амбивалентная зона не может квалифицироваться только лишь как периферия для каждого из полюсов интегративного глагольного поля «любить – ненавидеть», а составляет его структурообразующий центр, обеспечивающий переход между двумя микрополями и поддерживающий целостность поля как единой системы. Ядро и периферия каждого из полюсов существуют не изолированно, а в постоянном семантическом диалоге, материализованном в глаголах и глагольных кол локациях смешанной эмоциональной семантики.

Наиболее продуктивным механизмом формирования амбивалентности оказывается закрепление двух противоположно заряженных сем уже на уровне словарного значения лексемы, тогда как контекстуальная и метафорическая амбивалентность играют вспомогательную, но не менее значимую роль. Практическая ценность подобного анализа затрагивает лексикографию, методику преподавания русского языка как иностранного и корпусную лингвистику, где вопрос разметки эмотивной лексики со смешанной полярностью остается недостаточно решенным.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с количественным корпусным изучением частотности единиц амбивалентной зоны в различных функциональных стилях, а также с сопоставительным анализом аналогичных полей в других языках – подобное сопоставление способно прояснить, насколько универсален или, напротив, культурно специфичен феномен языковой амбивалентности среди глаголов эмоционального отношения.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 184 с.
3. Бабенко Л.Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Научный диалог. – 2020. – № 9. – С. 9-47.
4. Большая советская энциклопедия: в 30-ти т. – 3-е изд. [Электронный ресурс]. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1986. ил., карт. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/036/866.htm (дата обращения: 16.07.2026 г.)
5. Амбивалентность [Электронный ресурс] // Большой психологический словарь / под ред. Б.Г.Мещерякова, В.П.Зинченко. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/psychologie_dict/АМБИВАЛЕНТНОСТЬ (дата обращения: 15.07.2026);
6. Бонч-Осмоловская А.А. и др. Национальный корпус русского языка 2.0: корпусная платформа, инструменты анализа, нейросетевые модели разметки данных / А.А.Бонч-Осмоловская, С.А.Гладилин, А.Д.Козеренко, О.Н.Ляшевская, Д.А.Морозов, Ю.Н.Кузнецова, А.А.Махова, С.В.Пискунова, Н.Н.Буйлова, Д.Г.Бородина, И.И.Виноградова, В.Г.Сизов, П.В.Дьяченко, А.О.Казенников, Н.А.Власова, А.В.Глазкова, С.С.Столяров, Т.А.Гарипов, И.А.Смаль, Я.Н.Губарькова // Компьютерная лингвистика и

интеллектуальные технологии: материалы Ежегодной Международной конференции «Диалог». – 2025. – Вып. 23. (доп. том) – С.1003-1041.
7. Васильев Л.М. Семантика русского глагола: глаголы речи, звучания и поведения. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1981. – 184 с.;
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.;
9. Денисенко В. Н. Функциональная структура семантического поля ‘изменение’ в русском языке. – М.: ООО «ФЛИНТА», 2026. – 300 с.
10. Денисенко В.Н., Романова И.А. Антонимические оппозиции в структуре интегративного глагольного поля «любить – ненавидеть» в русском языке (структурный и семантический анализ) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2024. – №8. – С.35-40.
11. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 16.07.2026 г.)
12. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 192 с.

STRUCTURAL-SEMANTIC CHARACTERIZATION OF THE AMBIVALENT ZONE OF THE INTEGRATIVE VERBAL FIELD “TO LOVE – TO HATE”

Romanova Irina Alexandrovna

Lecturer of the chair of Russian language №4
postgraduate student of the chair of General and Russian linguistics
Russian language Institute
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 917 509 49 06
romanova-ia@rudn.ru

Umarova Farangis Komiljonovna

Candidate of philological sciences,
senior lecturer of the university chair of Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan , Dushanbe, M.Tursunzoda str., 30
Ph.: (+992) 935 05 65 35 (m.)
umarovaf-93@mail.ru

This article deals with the linguistic representation of emotional states through the lens of the integrative verb field concept, which unites the polar attractors "to love" and "to hate." The primary focus is on the structural-semantic analysis of the field's ambivalent zone, which captures transitional meanings where the clear dichotomy between positive and negative evaluation is blurred. The study employs methods of componential analysis, definitional description, and contextual modeling to identify specific lexemes and predicative constructions that represent mixed feelings or emotional ambiguity. The study identifies the core-periphery composition of the ambivalent zone and describes the mechanisms of semantic diffusion and enantiosemy arising within the integrative space. The author concludes that ambiv-

alence within the verbal field system is a natural consequence of the cognitive complexity of the human emotional sphere; this ambivalence manifests in specific syntagmatic connections and paradigmatic relations among the units under study, thereby significantly broadening the understanding of the systemic organization of emotion-related vocabulary.

Keywords: emotional verb field; ambivalence; lexical semantics; integrative field; antinomy; linguistic representation of feelings; field structure; semantic diffusion; emotion verbs; semantic continuum.

ХУСУСИЯТИ СОХТОРӢ-МАФҲУМИИ МИНТАҚАИ АМБИВАЛЕНТИИ МАЙДОНИ ФЕЪЛИ ПАЙВАСТАИ "ДӮСТ ДОШТАН-НАФРАТ ДОШТАН”

Романова Ирина Александровна

Ассистенти кафедраи забони русии №4
Институти забони рус
аспиранти кафедраи забоншиносии умумӣ ва рус
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Русия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (917) 509 49 06
romanova-ia@rudn.ru

Умарова Фарангис Комилджоновна

Номзади илмҳои филологӣ, омӯзгори калони
кафедраи умумидонишгоҳии забони русӣ
Донишгохи (Славянии) Россия ва Точикистон
734025, Чумхурии Точикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 935 05 65 35 (м.)
umarovaf-93@mail.ru

Дар мақола мушкилоти муаррифии забонии ҳолатҳои эҳсосӣ тавассути консепсияи майдони феълии пайвасткунони, ки аттракторҳои қутбии "дӯст доштан" ва "нафрат доштан"-ро муттаҳид мекунад, баррасӣ карда мешавад. Диққати асосӣ ба таҳлили сохтор ва семантикаи минтақаи амбивалентии майдони мазкур дода мешавад, ки маъноҳои гузаришро сабт мекунад ва дар онҳо дихотомияи возеҳи арзёбии мусбат ва манфӣ баҳо дода мешавад. Дар пажуҳиш усулҳои таҳлили ҷузъӣ, тавсифи таърифӣ ва намунаи маъноги истифода мешаванд, ки имкон медиҳад лексемаҳои хос ва сохторҳои предикативӣ ва эҳсосоти омехта ё номуайянии эҳсосотро ифода мекунанд, ошкор карда шаванд. Дар натиҷаи тадқиқот таркиби мағзӣ-периферии ҳудуди амбивалентӣ муайян карда шуд, хусусиятҳои диффузияи маъноӣ ва зиддият, ки дар доираи фазои пайвасткуни ба вуҷуд меоянд, тасвир карда шуданд. Муаллифон ба хулосае меоянд, ки амбивалети дар усули майдони феълӣ натиҷаи қонунӣ, мураккабӣ ва маърифатии соҳаи эҳсосоти инсон мебошад, ки дар робитаҳои махсуси синтагматикӣ ва муносибатҳои парадигматикии воҳидҳои тадқиқшаванда ифода ёфтааст ва тасаввуроти ташкили усули луғати ҳиссиётро ба таври назаррас васеъ мекунад.

Вожахои калидӣ: майдони феъли эҳсос; амбивалентӣ; маънои калима; майдони пайвастаги; зиддият; муаррифии забонии эҳсосот; сохтори майдон; диффузияи мафҳумӣ; феълҳои эҳсосот; пайдарпаии маъно.

УДК 821.161.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ *МОНАХ* В РОМАНЕ НАДЕЖДЫ АЛЕКСЕЕВОЙ «ПОЛУНОЩНИЦА»

Гусаров Дмитрий Александрович

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры немецкого языка
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
Тел.: +7 495 229 40 49
d.gusarov@my.mgimo.ru
доцент кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб.1586
gusarov-da@pfur.ru

Гишкаева Луиза Нахидовна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (925) 208 62 27
gishkaeva-ln@rudn.ru

Мельникова Елена Николаевна

Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
МОУ ВО «Белорусско-Российский университет»
212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, 43
Тел.: +375 (29) 746 92 21
elnikmel@gmail.com

Цель исследования – выявить и описать понятийные, образно-перцептивные и ценностные характеристики лингвокультурного типажа МОНАХ, актуализируемые в тексте романа. Впервые предпринимается комплексный лингвокультурный анализ данного типажа на материале современной прозы Надежды Алексеевой «Полунощница». Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения трансформации традиционных образов в современном художественном дискурсе, а также значимостью религиозного типажа для построения целостной картины ценностных ориентиров русской лингвокультуры. В ходе исследования на основе проанализированных контекстов установлено, что образ монаха в романе сохраняет традиционные признаки (обеты, молитва, уход от мира), однако существенно дополняется бытовыми, социальными и историческими обстоятельствами. Внешность монахов (одежда, борода) служит маркером иерархии. Речевое поведение характеризуется использованием библеизмов и сакральной лексики в повседневности. Трудовое послушание осмысляется как духовная практика, преобразующая хаос в порядок. Пение предстаёт как этический императив, неразрывно связанный с образом жизни. Ценностный аспект обнаруживает амбивалентное отношение к монахам как к духовным наставникам и одновременно как к чужакам и конкурентам. Делается вывод, что лингвокультурный типаж МОНАХ в романе представляет собой сложное многослойное образование, отражающее противоречивое сосуществование сакрального и обыденного в современной социальной реальности.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж; монах; концепт; образ; ценность; Надежда Алексеева; «Полунощница».

В ряду направлений современной антропологической лингвистики особое место занимает теория лингвокультурных типажей – узнаваемых типизируемых личностей, поведение которых в концентрированном виде отражает нормы общества в определенном месте и в определенную эпоху [6, с.124]. Теория лингвокультурных типажей «занимается моделированием и описанием концептов типизируемой личности как культуроносного и культурогенного компонента языковой и концептуальной картин мира» [3, с.243]. В качестве узнаваемых образов лингвокультурные типажи входят в систему лингвокультурных концептов [4, с.74] и в исследовательском отношении представляют собой «разновидность концепта, содержанием которого является типизируемая личность» [9, с.38].

Лингвокультурные типажи являются также и составной частью ценностной картины мира [11, с.73], поэтому их моделирование позволяет установить аксиологическую специфику языковой картины мира носителей определенной лингвокультуры [7, с.19]. Для различных типов дискурса характерны различные лингвокультурные типажи. Анализ лингвокультурных типажей с общим значением *священнослужитель* (батюшка, пастор, монах) представляется актуальным, поскольку позволяет построить полную картину религиозного дискурса [2, с.57]. Обращение при моделировании типизируемой личности к текстам художественной литературы объясняется тем, что при их создании «авторы опираются на существующий в сознании лингвообраз, построенный на представлении об определенном лингвокультурном типаже» [5, с.53].

Цель настоящего исследования заключается в анализе творческого осмысления лингвокультурного типажа МОНАХ в современной русскоязычной художественной прозе.

Материалом исследования послужил текст романа Надежды Алексеевой «Полунощница». Это произведение современной российской художественной прозы, которое в 2024 году было включено в короткие списки претендентов на литературные премии «Большая книга» и «Ясная Поляна». В ходе исследования были проанализированы фрагменты текста романа, содержащие описания внешности, поведения, речи монахов, а также оценки данного типажа другими персонажами. Всего проанализировано 45 контекстов.

В работе используются метод сплошной выборки (для отбора материала), метод контекстуального анализа (для интерпретации примеров), метод концептуального анализа (для выделения образных и ценностных признаков), а также описательно-аналитический метод, традиционно применяемый в лингвокультурологических исследованиях.

Образ монаха традиционно связан с представлениями об аскетическом образе жизни, молитвенном труде, отказе от мирских благ и посвящении себя Богу. Монах понимается как человек, принявший монашеские обеты целомудрия, нестяжательства и послушания. В православной традиции монах – это инок, то есть иной, отличный от мирского человека, избравший путь духовного совершенствования через уединение и молитву. Образ монаха концентрирует в себе целый комплекс представлений, связанных с православной духовной традицией. К числу наиболее устойчивых представлений относятся: отказ от собственности и мирских благ, подчинение духовному наставнику, постоянная молитва, телесный подвиг, жизнь в монастырской общине [8; 10].

Роман Надежды Алексеевой «Полунощница», действие которого разворачивается на острове Валаам в наши дни, дает возможность увидеть монашество как живую реальность, полную внутренних напряжений и внешних конфликтов. Основные понятийные характеристики лингвокультурного типажа МОНАХ, актуализируемые в тексте романа, включают: 1) отделение от мира и жизнь в монастыре; 2) принятие монашеских обетов; 3) особый внешний облик; 4) молитвенный образ жизни как основное занятие; 5) послушание как форма служения, выражающаяся в труде; 6) принадлежность к монастырской иерархии и подчинение настоятелю. Эти признаки служат отправной точкой для более детального анализа образных и ценностных характеристик рассматриваемого типажа в художественном дискурсе романа.

Внешний облик монахов в романе представляет собой многозначный семиотический комплекс, в котором одежда, борода и даже характер движений становятся носителями глубоких смыслов, связанных с положением человека в монастырской иерархии, его внутренним состоянием, отношением к миру и к самому себе.

Одним из наиболее заметных маркеров является черный цвет монашеского облачения, который в романе выполняет функцию не сакральной символики, а совершенно прагматического зрительного эффекта:

(1) *Монахи, провожавшие “Николая” на причале, слились в черную кляксу* [1, с.145].

Черный цвет здесь создает эффект неразличения, нивелировки индивидуальности. Монахи на причале воспринимаются не как отдельные личности, а как нечто целостное, нерасчленимое, что подчеркивает их отчуждение от пестрого, многоцветного мира мирян, сходящих на берег. Метафора *черная клякса* снижает сакральный пафос образа, что соответствует общей стилистике романа, избегающего излишней возвышенности.

Значительную роль в создании образа монаха играет описание одежды, которая далеко не всегда соответствует идеализированному представлению о благолепном внешнем виде. Автор демонстрирует не только парадную сторону монашеского облачения, но и его повседневную, часто изношенную и небрежную сторону. В одной из сцен главный герой Павел видит монаха, чей облик лишен всякой торжественности:

(2) *Второй, одетый в куртку, из которой клоками торчал наполнитель, смотрел на Павла так горестно, будто тот ему эту куртку и изорвал. Обут он был в огромные валенки с галошами. Павел его сначала за старуху принял* [1, с.12].

В этом описании детально подчеркнутые бедность и неопрятность монаха разрушают стереотипное представление о монашеской жизни как о чем-то возвышенном. Разорванная куртка, торчащий наполнитель – это атрибуты не аскезы, а бытовой неустроенности. Одежда маскирует не только статус, но и пол, что свидетельствует о принципиальной неразличимости внешних характеристик в условиях аскезы и сурового быта. Горестный взгляд монаха передает не святость, а человеческую боль, что приближает образ к обыденному миру страдающих от материальной неустроенности людей.

Длинные одежды монахов в романе становятся препятствием, затрудняющим передвижение и создающим снижающий пафос эффект:

(3) *По знакомым ступеням трехмаршевой лестницы, обгоняя Павла, скакал, наступая на рясу, молодой монах* [1, с.146].

Скачущий, а не шествующий монах, наступающий на собственную рясу, – это образ, лишённый всякого пафоса, в котором аскеза предстает не как духовное достижение, а как бытовая неловкость.

Особое место в системе внешних признаков монаха занимает борода. В романе она выполняет функцию социально-иерархической дифференциации, становясь своего рода визуальным индикатором. Состояние бороды – её опрятность, густота, ухоженность – напрямую коррелирует с положением монаха в монастырской иерархии. Наиболее показательным в этом отношении является описание появления настоятеля, которое строится вокруг данной детали его внешности, мгновенно распознаваемой всеми присутствующими:

(4) *На крыльце, перед монахом с благообразной бородой, все расступились. Ася, поклонившись, шепнула Павлу: «Настоятель»* [1, с.14].

Эпитет *благообразный* (то есть имеющий благопристойный, приятный облик) вместе с деталью *волосок к волоску* в другом эпизоде создают образ упорядоченной, структурированной внешности:

(5) Собравшиеся расступились перед монахом с благообразной бородой: волосок к волоску [1, с.48].

Такое описание указывает на тщательный уход, на приведение внешности в абсолютный порядок, что в контексте монастырской иерархии является символом не столько эстетического вкуса, сколько маркером власти. Мгновенное узнавание и почтительное отношение подчеркивают сакральный статус настоятеля, но при этом воспринимается он именно через внешние атрибуты – благообразную бороду, которая является ключевым опознавательным знаком.

Борода в романе становится объектом подражания со стороны мирян, что указывает на ее символическую силу и притягательность. Персонаж по имени Гоша, который вызывает у Павла антипатию, носит длинную, как у монахов, бороду и усваивает соответствующие речевые клише, пытаясь таким образом повысить свой авторитет:

(6) *Гоша Павлу не понравился. К его виду... добавилась еще и манера начинать фразу со «значит, так». При этом бороду он носил длинную, как у монахов, и, когда Павел в третий раз спросил, что им завтра делать, ответил: «Что Бог пошлет»* [1, с.8].

Этот пример демонстрирует, как внешний признак проецируется на поведенческие и речевые характеристики, причем такое подражание со стороны мирянина воспринимается как неестественное и вызывает недоверие у других персонажей. Гоша пытается заимствовать и монашеский облик, и монашескую речь, но это сочетание выглядит фальшивым, поскольку не подкреплено внутренним содержанием, образом жизни и реальным авторитетом.

Жилище монахов в романе отличается от жилья мирян и волонтёров не только функционально, но и эстетически. Монахи располагаются в специальном здании, которое выделяется на фоне остальной застройки:

(7) *Минуя красивое белое здание с зелёной крышей, где обитали монахи, старуха провела их ближе к воде, в низкий домик* [1, с.54].

Красота и ухоженность монастырского корпуса противопоставляются неустроенности временного жилья трудников и местных жителей, что отражает сложную иерархию пространственных и социальных отношений на острове. Белое здание с зелёной крышей выглядит идиллическим, оно вписано в природный ландшафт и одновременно возвышается над ним, обозначая особый, сакральный и привилегированный статус своих обитателей.

Келейный быт соответствует традиционному представлению о монашеской жизни как о жизни молитвенной и уединённой:

(8) *Справа в кельях тускло горели окна – наверное, монахи творили молитву* [1, с.15].

(9) *...монахи разбредались по кельям, чтобы творить Иисусову молитву* [1, с.27]. Иисусова молитва в православной традиции считается высшей формой молитвенного делания, и упоминание о ней указывает на серьёзность духовной практики монахов, не сводящейся к внешнему благочестию. Вместе с тем в романе нет идеализации этой практики, она упоминается как нечто само собой

разумеющееся, часть повседневного монастырского уклада, а не как исключительное духовное достижение.

Встречаются в романе и описания монашеского пространства, лишенные сакральной ауры:

(10) *Мусоросжигательный завод монахи спрятали за соснами и едва оперившимися березами. Здешнюю гарь и пепел ветер не доносил до Центральной усадьбы. Чайки держались от этого места подальше* [1, с.103].

Данный пример показывает, что монастырь – это современное хозяйство со своей инфраструктурой, включая промышленные объекты. Стремление монахов спрятать завод указывает на желание сохранить эстетику и сакральный образ монастыря, отделив его от прозаической и неприглядной стороны жизни.

Одной из ключевых особенностей языковой личности монаха в романе является использование библейской лексики и сакральных имён в контексте обыденных ситуаций. Это демонстрирует определённую механистичность такого употребления, когда высокий пласт языка становится профессиональным жаргоном, привычным инструментом описания любых, даже самых тривиальных обстоятельств:

(11) *Мимо Павла передавали на берег пестрые тюки и огромные чемоданы. Монах, принимая на берегу, называл их «голгофами»* [1, с.7].

Голгофа – место распятия Христа, одно из ключевых сакральных топонимов христианской традиции. В данном контексте это слово становится метафорой страдания, которое монах принимает как часть своего послушания. При этом перенос сакрального имени на бытовую ситуацию делает сакральное привычным и рутинным. Чемодан – это груз, который нужно нести, и в этом акте монах видит продолжение своего служения, но само это служение оказывается сведенным к физическому труду.

В другом эпизоде, при разборе мусора на мусоросжигательном заводе, монах спрашивает:

(12) *Вот так и работаем. Бутылки пропускаем, а они взрываются. Стекляшки кто теперь приберет? Михаил Архангел?* [1, с.104].

Здесь обращение к архангелу выполняет двойную функцию: с одной стороны, это выражение бессилия, юмористическое признание невозможности справиться с ситуацией собственными силами; с другой – подтверждение того, что даже в самых обыденных обстоятельствах монах мыслит категориями священной истории, обращаясь к небесным силам как к возможным помощникам или свидетелям трудностей человеческого существования.

Особого внимания заслуживает реакция монахов на бранную речь, демонстрирующая этическую стратегию, отличную и от светской, и от чисто канонической модели поведения:

(13) *Сука! — кричал кто-то тетке, спешащей вдоль причала. — Я те дам, не велено! Открой магазин, сказал!*

Павел перехватил окаменевший взгляд монаха, заметил, как тот мелко-мелко зашевелил губами, зашептал. Мужика, который, матерясь, сбежал с

лестницы и едва не схватил тетку за капюшон, заслонили от сходивших на берег два высоких монаха [1, с.8].

В этом фрагменте можно выделить три последовательных действия, составляющих единый поведенческий комплекс. Во-первых, окаменевший взгляд передаёт внутренний конфликт и неприятие, но не сопровождается вербальной реакцией. Во-вторых, шёпот – это молитва, реакция на грех через обращение к Богу, а не через конфронтацию с грешником. Монах не вступает в словесную перепалку, не делает замечание, не пытается переубедить, он уходит в молитву, то есть реагирует на зло так, как это предписано духовной традицией. В-третьих, физическое заслонение источника сквернословия – это защита окружающих от вовлечения в скандал. Монахи выполняют здесь пастырскую, а не карательную функцию, что отличает их от представителей иных институтов, которые могли бы применить административные или силовые меры.

Эпизод с известием о падении и гибели человека демонстрирует невербальный компонент монашеского поведения:

(14) *Эй, вы, откройте! Человек упал, разбился! Скорее!*

В кельях тут и там зажигались желтые окна. Лысый монах, крестясь, в накинутом поверх рясы пальто появился с той стороны ворот [1, с.112].

Монах не тратит время на размышления или вопросы, его тело реагирует быстрее сознания, крестное знамение совершается до полного осознания случившейся трагедии. Это свидетельствует о глубокой интериоризации религиозной практики, когда она становится второй натурой.

Однако более значимым является фрагмент, в котором монах узнает о самоубийстве:

(15) *Пришлось рассказать про Подосёнова.*

— Самоубийца, значит, — монах выключил фонарик.

— Не знаю, почему он так. У него семья была, сын. Я его видел! — Павел осекся. — Что же мне теперь делать?

— Ничего, Господь управит. Могила его тут?

Павел кивнул.

— Вот и навестите, помолитесь там: в храме мы не можем, не положено.

— Да я не умею.

— Знаете, можно просто прощенья попросить. У него [1, с.113].

В этом диалоге каноническое правило – не отпевать самоубийц – не отменяет пастырского милосердия. Монах предлагает не формальный запрет, а возможность личной молитвы, обращённой непосредственно к умершему, что смягчает строгость церковного запрета человеческим участием. Монах не говорит о грехе самоубийства, не осуждает покойного, не читает наставлений, он предлагает Павлу простой и понятный путь: попросить прощения у умершего. Этот совет свидетельствует о глубоком понимании сути покаяния как личного, а не институционального акта.

В романе крестное знамение неоднократно упоминается как элемент повседневного поведения монахов:

(16) *Минуя монастырскую лавку и магазин, наспех перекрестясь, монах вбежал на территорию храма* [1, с.146].

Глагол *вбежал* вместе с определением *наспех* снижают сакральность жеста, показывая его как привычное, автоматическое действие, которое не требует особого настроя или сосредоточения. Это не отменяет сакрального смысла ритуала, но помещает его в контекст обычной жизни, где священное и повседневное сосуществуют без явного противоречия.

Монахи становятся для мирян практическими руководителями в вопросах молитвенного делания:

(17)*…Ася уже построила Машу с Викой в ряд, позвала еще двух старух и со словами «взмолимся, сестры» затянула песню. Хриплый голос звучал весело: только когда сбоку подошел монах и принялся креститься, Павел догадался, что это молитва* [1, с.8].

Монах здесь выступает как визуальный и поведенческий ключ к пониманию происходящего, его крестное знамение становится сигналом, который помогает мирянину правильно интерпретировать ситуацию. Это указывает на то, что монах в массовом сознании является носителем религиозного знания и практики, его поведение служит образцом и подсказкой для тех, кто ещё не освоил церковный этикет.

Одной из центральных характеристик монаха в романе является его трудовая деятельность. Монахи непрерывно заняты физической работой, которая осмысляется через призму послушания и служения. Наиболее ярким примером сакрального осмысления труда является эпизод с собиранием камней:

(18) *Монахи нагибаются, что-то подбирая с земли, затем вдвоем волокут заполненный на треть мешок к обочине. Гоша, догнавший его на велосипеде, поторопил, сказав, что монахи с утра собирают здесь камни, чтобы расчистить поле и вспахать трактором, как станет посуше* [1, с.8].

Библейский мотив *время разбрасывать камни и время собирать камни* здесь воспроизводится в прямом, буквальном действии. Однако в контексте романа это приобретает дополнительный смысл: монахи расчищают землю для будущего урожая, то есть не просто выполняют механическую работу, а участвуют в преобразовании хаоса в порядок, символически подготавливая почву для новой жизни – как в прямом, так и в переносном смысле. Собирание камней становится не только сельскохозяйственной необходимостью, но и духовным действием, метафорой очищения пространства для роста и плодоношения.

Особое значение в романе приобретает эпизод с сортировкой мусора, в котором раскрывается принципиальное различие между монахом и мирянином в отношении к нечистоте и брезгливости. Диалог, который происходит между Павлом и монахом, является ключевым для понимания ценностных установок персонажа:

(19) *Павел пропускал пакеты не трогая, не разрывая. Монах качал головой, колыхался на его тощем теле плотный фартук. Он останавливал конвейер и говорил: «Это не дерьмо. Дерьмо еще в людях сидит». И рвал пакет рукой без перчатки* [1, с.104].

Контраст между Павлом, брезгливо избегающим прикосновений к мусору, и монахом, без перчаток разрывающим пакеты с нечистотами, имеет глубокий смысл. Монах не брезгует грязью, потому что для него истинная нечистота находится внутри человека, в его греховных помыслах. Телесный мусор лишь внешнее проявление внутреннего беспорядка. Истинная чистота для монаха не связана с физической стерильностью, а является внутренним состоянием. Мирянин же не способен провести это различие и остается в плену физического отвращения, не видя за ним духовного смысла.

Монашеский труд обладает преобразующей силой:

(20) *Потом Павел приноровился, представил, как монахи отмоют эти банки-бутылки до скрипа, до прозрачности. Продезинфицируют. Просушат. Может, вареньем наполнят яблочным* [1, с.104].

Хаос и грязь преобразуются в чистоту и полезность, что отражает основную идею аскезы: через преодоление человек преображается сам. Мусор не выбрасывается, он через переработку возвращается в оборот, обретает новую жизнь. Человек, проходя через трудности, обретает новое состояние, очищается и становится пригодным для иного, более высокого служения.

Труд монахов в романе пронизывает их повседневную жизнь:

(21) *Огородных работ уже не было: картошку – и ту рассортировали монахи своими силами* [1, с.80].

Этот пример показывает, что монастырь представляет собой самодостаточное хозяйство, где каждый член общины выполняет свою часть работы, причем труд является не временной обязанностью, а постоянным образом жизни. Работы не прекращаются с окончанием огородного сезона, они продолжаются в форме сортировки и хранения урожая.

При этом монастырская иерархия находит отражение даже в распределении продуктов:

(22) *Утром в подвале Работного дома Ася перебирала семенную картошку... Отец-эконом велел всю ссыпать в кучу и перекладывать на шесть сторон: мелочь на корм скоту, три по цвету для посадки на разных монастырских полях, самая крупная шла на стол владыки и его гостей, а средней крупности — на кухню и в трапезную, монахам и трудникам* [1, с.17].

Этот бытовой эпизод демонстрирует, что даже в таком простом действии, как сортировка картофеля, воспроизводится сложная иерархическая система, где продукты распределяются по качеству в соответствии с положением человека в монастырской структуре. Это не просто практическая необходимость, но и знак социальной дифференциации, которая пронизывает монашескую жизнь, несмотря на обет нестяжания и принцип равенства.

Монахи в романе руководят работой мирян, что ставит их в позицию начальников и организаторов, иногда вызывающую раздражение у тех, кто им подчиняется:

(23) *Монах в рыжем, как у железнодорожника, фартуке, надетом поверх рясы, подошел к курящим. Стукнул по земле не то палкой, не то шваброй. Они, затушив бычки, ушли за ангар.*

— Ну, прям прораб, — шепнул Бородатый [1, с.103].

Сравнение монаха с прорабом снижает образ, но одновременно показывает его как человека, способного организовать труд и поддерживать дисциплину, причем не только в духовной, но и в практической сфере. Фартук надет поверх рясы, то есть монашеское облачение не снимается даже во время грязной физической работы, оно остаётся на теле как постоянное напоминание о служении.

Среди монахов встречаются люди различных мирских профессий, которые они продолжают использовать для служения монастырю:

(24) *Их встретила тетка из трудниц, сын которой стал монахом и пек просфоры для братии, а раньше играл в хоккей* [1, с.57].

(25) *Внутри Никольский храм показался Павлу высоким – глаз не успевал добраться до купола, цеплялся за трехъярусный алтарь, за колонны, расписанные под малахит, за фигуры святых на стенах. Пахло лаком. Стены реставрировал художник из монахов* [1, с.52].

Контраст между хоккеем и выпечкой просфор подчёркивает радикальность смены жизненного пути, но также указывает на то, что монастырь не отвергает мирских навыков, а переосмысляет их в контексте служения. Спортивная подготовка, дисциплина и физическая выносливость оказались полезными и в монашеской жизни, хотя их применение кардинально изменилось. Профессиональная деятельность художника становится не просто работой, а служением, и красота храма оказывается результатом соединения таланта и веры. Художник-монах – это фигура, соединяющая в себе эстетическое и сакральное, искусство и молитву.

Монастырское пение является одной из важнейших составляющих образа монаха в романе. Эта тема разработана особенно подробно и включает как описание собственно музыкальной практики, так и глубокие этические обобщения, связывающие технику пения с образом жизни в целом.

Монахи-певчие изображаются с подчёркнутой серьезностью и сосредоточенностью:

(26) *Войдя, Серега увидел на клиросе пухлого подпоясанного старика и двух монахов. Лица певчих были серьезны, они смотрели на руку старика и поверх нее* [1, с.48]

Серьезность монахов-певчих – это концентрация, внимание к регенту, который управляет движением голосов. Они смотрят «поверх руки», то есть не на саму руку как физический объект, а на движение, на жест, на знак, который подаёт регент. Это указывает на высокий уровень музыкальной дисциплины и навыков.

Регент хора отличается особой внешней выразительностью:

(27) *Новичок? Хорошее дело. — Красивый монах в черной рясе, под кривым черным зонтом, стоял на ступеньку его ниже. — Проходи, брат, что же ты?... Я Иосиф, регент хора* [1, с.22].

Эпитет *красивый* применительно к монаху выделяется на фоне общего описания монашеской внешности как небрежной или аскетичной. Красота здесь

связана с искусством, с музыкальным дарованием, которое не отменяет аскезы, но высвечивает иное измерение бытия – эстетическое. Однако не случайно зонт у регента назван кривым, а сам он стоит на ступеньку ниже Павла. Эти детали снижают пафос, не позволяют образу стать слишком идеальным.

Описание церковного пения в романе детализировано до физиологических и музыкальных нюансов:

(28) *Одни монахи брали мелодию и держали ее где-то на уровне груди, не давая расплескаться…Другие растягивали слова* [1, с.52].

Здесь важна метафора *не давая расплескаться*: пение осмысляется как удержание звука, как контроль над тем, что может выйти за пределы. Это соотносится с общей идеей аскезы как удержания, сдерживания, контроля над собой. Звук не должен «расплескиваться», то есть выходить за пределы необходимого, становиться слишком громким, эмоциональным, экспрессивным. Пение должно быть сдержанным, строгим, каноническим.

Регент управляет процессом хорового пения с помощью жестов:

(29) *Он поднимал правую кисть, щипком останавливал певчих, снова вскидывал пальцы и спускал их плавно, как падает лист. Левой рукой, едва проступавшей из тьмы, перелистывал ноты. Певчие в них не смотрели, только на регента. Два монаха, бороды впрозелень, выводили, прикрыв глаза* [1, с.52].

Певчие не смотрят в ноты, пение для них является внутренним знанием, частью их бытия, а не внешним навыком. Они знают песнопение наизусть, оно стало частью их телесной памяти, и им не нужна бумажная опора. Глаза прикрыты, мир внешний отключён, внимание направлено внутрь, на звук, на молитву.

Центральное место в создании образа монахов-певчих занимает фраза отца Федора, которая обобщает этическую концепцию монастырского пения:

(30) *Догнал отца Федора, осыпал вопросами: как смыкать связки, как то и как это.*

— Вы, наверное, не знаете терминов, да?

Монах улыбнулся так, что Сереге стало стыдно.

— Извините, я не то чтобы, но мне же надо учиться вашему распеву.

— Чтобы петь знаменно, надо жить знаменно, – тихо так ответил отец Федор. Серега заметил, что этот монах говорил, не повышая голоса [1, с.49].

Знаменный распев – древнейшая форма русского церковного пения, восходящая к византийской традиции. Слово «знамя» означает знак, символ, и в данном контексте отец Федор утверждает неразрывность формы и содержания. Нельзя выучить знаменный распев как технику, нужно стать человеком, который способен его исполнять. Жизнь должна соответствовать пению, пение – жизни. Это соотносится с общей для романа идеей о том, что монашество – это не профессиональная деятельность, а образ жизни, не требующий внешнего контроля, так как внутренняя структура уже определяет внешнее поведение. Монах говорит тихо, не повышая голоса – и это тоже часть его вербального поведенческого облика, его внутренней сдержанности, которая не позволяет ему быть экспрессивным даже в ситуациях, когда другие люди повышают голос.

Отец Федор улыбается так, что Сереге становится стыдно. Это особая, невербальная коммуникация, которая передаёт больше, чем слова. Улыбка монаха – это не насмешка, а выражение понимания того, что Серега ещё не достиг того уровня духовной зрелости, который позволил бы ему постичь суть знаменного пения. Стыд, который испытывает Серега, – это осознание собственного несовершенства, что является важным шагом на пути к духовному росту.

Одна из важнейших сюжетных линий романа связана с конфликтом между монастырем и коренными жителями Валаама, которые воспринимают приход монахов как угрозу своему укладу жизни. Этот конфликт имеет экономическое, социальное и историческое измерения, и в нем отражается более общая проблема взаимоотношений церковных институтов с местными сообществами в постсоветской России.

Монахи изображены как сила, перестраивающая жизнь острова, часто в ущерб местным жителям:

(31) *Работы на Центральной усадьбе вовсе не стало: даже на электрику настоятель пригласил иностранцев, которых в русско-финскую гнали отсюда в шею. Митрюхин надумал уезжать. Жену его, Таньку, оставили не у дел: в Сортавалу перевели даже начальные классы, а старшие с конца девяностых на Валааме не обучались. Танька со своим педагогическим могла бы в экскурсоводы податься — да и туда охотнее брали приезжих, на сезон. Зимой монахам, видите ли, покой нужен* [1, с.58].

(32) *Тот рыжий, что донес с причала ее чемодан, сказал, что местные так и живут в Зимней, жаловался, что ему, электрику, заработать монахи мешают* [1, с.66].

Монахи здесь выступают как конкуренты на рынке труда и как фактор, изменяющий социальную структуру. Настоятель предпочитает привлекать специалистов извне, а не пользоваться местными кадрами, что вызывает возмущение. Выражение *видите ли* передает раздражение местных жителей, вынужденных подчиняться интересам монастыря.

Основой конфликта является вопрос о том, кто является исконным хозяином земли. Местные жители апеллируют к тому, что они жили на острове задолго до возвращения монахов в 1989 году:

(33) *Монахи когда вернулись? В восемьдесят девятом. Елка знает остров с пятьдесят первого. С рождения* [1, с.66].

Хронологический аргумент становится оружием в символической борьбе за право считать себя «настоящими» валаамцами. 1989 год является ключевой датой – это время начала возрождения монастыря после советского периода, когда Валаам был закрыт для церковной жизни. Местные жители, многие из которых родились и выросли на острове, воспринимают монахов как пришельцев, нарушающих сложившийся уклад.

Эпизод с лодкой, которую Семен швартует к причалу, ведущему через старый яблоневый сад, также отсылает к прошлому:

(34) *Лодку Семен швартовал справа, к ней вела не главная дорога, а заросшая стежка через старый яблоневый сад. Вроде водоносы ею пользовались еще при монахах* [1, с.69].

Выражение *ещё при монахах* указывает на то, что монахи для местных жителей не непрерывная традиция, а возобновлённый в новом качестве институт. Старый яблоневый сад – это память о прошлом, о дореволюционных монахах, и это прошлое оказывается ближе современным жителям, чем настоящее монастыря, который они воспринимают как чужой и враждебный.

Семен, один из центральных персонажей среди жителей острова, связывает возвращение монахов с переломом в своей жизни:

(35) *С возвращением монахов Семен чистил колокольню каждую весну. Одно время думал даже на звонаря выучиться* [1, с.118].

Для него приход монахов – это не только угроза, но и возможность, однако в контексте романа эта возможность так и остается нереализованной. Семен пытается найти общий язык с монастырем, но его попытки натыкаются на отчуждение и непонимание.

Роман включает также отсылки к советскому периоду, когда монахи воспринимались как классовые враги:

(36) *В классе... все еще висел бледный плакат, на нем мужик держал пудового налима, заявляя: «Прежних хозяев, монахов, — догнать и перегнать»* [1, с.45].

В романе монахи показаны как труженики, не уступающие никому в усердии, поэтому советская риторика выглядит нелепой. Однако само присутствие такого плаката указывает на то, что историческая память о конфликте между церковью и государством сохраняется в сознании местных жителей.

Монахи способны применять физическую силу для поддержания порядка:

(37) *Через минуту появились два дюжих монаха. Семен оценил их силу еще тогда, на причале, когда стерва-продавщица перед его носом погремела ключами... Монахи крепко скрутили его руки за спиной...Монахи выволокли Семена из кельи молча. Провели по коридору. Выставили на улицу. За спиной щелкнул тяжелый засов* [1, с.108].

В этом отрывке монахи действуют как представители силовой структуры, а не как пастыри. Эпитет *дюжие* указывает на физическую мощь, а глаголы *выволокли, провели, выставили* описывают принудительное действие без диалога и объяснений. Все действие происходит молча, что подчеркивает безличность и институциональность этого насилия. Монахи исполняют волю монастырской власти, чья дисциплинарная функция оказывается не менее важной, чем духовная.

Местные жители подозревают монахов в сговоре с героиней по имени Елка, которая пытается изменить жизнь на острове:

(38) *Елка. Всю его молодость перекособочила, а теперь явилась сжечь местных? Сорок лет почти прошло — и не забыла своего Егора. Или с монахами сговорилась, стерва?* [1, с.133].

Монахи оказываются втянутыми в сложную сеть личных и исторических отношений, где они могут быть и союзниками, и врагами. Слухи о сговоре с монахами – это ещё один способ демонизации монастыря, восприятия его как закрытой и враждебной структуры, действующей в своих интересах.

Елка же, напротив, стремится использовать монахов для своих целей, и ее поведение описывается через выбор места для пожертвования:

(39) *Елка пришла на полунощницу. Выбрала ящик для пожертвований ближний к монахам и певчим, достала кошелек, вытянула пять тысяч... Хотела, чтобы слухи о ее щедрости дошли до старца и настоятеля раньше, чем она сама предстанет перед ними* [1, с.66].

Здесь монахи выступают как посредники, через которых можно передать информацию и произвести нужное впечатление. Это подчеркивает их институциональную роль, которую они играют в глазах мирян.

Смерть и похороны в романе также показаны через призму монашеской иерархии и социальных различий:

(40) *Дальше, возле овражка, копали могилу... Не монах погиб — его бы ближе ко входу устроили* [1, с.135].

(41) *Минуя надгробья настоятелей, спустились в низину... Могила готова — выделили место у самого овражка: между монахами и мирянами* [1, с.137].

При выборе места для могилы сохраняется различие между настоятелями монастыря, рядовыми монахами и мирянами: настоятели и монахи имеют преимущество, их хоронят ближе к входу на кладбище, то есть на более почётном месте.

Для некоторых местных жителей монахи лишь временная сущность в длинной череде других явлений:

(42) *Рыбакам местным плевать: инвалиды тут, или монахи, или боцманов обучают, приют ли сиротский…*[1, с.99].

Это восприятие снимает с монахов сакральный ореол, уравнивая их с другими группами людей, которые могут появляться на острове и исчезать. Монахи не воспринимаются как нечто вечное и непреложное, они лишь один из множества социальных феноменов, которые приходят на Валаам.

Роман содержит также воспоминания о первом возвращении монахов на Валаам:

(43) *В восемьдесят девятом прибыли и освоились первые монахи, на острове затеяли ремонт. Жалкие они были, первопроходцы. Ходили с налобным фонарями, как шахтеры, служили в пустых кельях, обогревались буржуйками* [1, с.117].

Сравнение с шахтёрами снижает сакральный статус, но подчёркивает тяжесть и самоотверженность монашеского труда. Налобные фонари, буржуйки, пустые кельи – этот быт далек от красоты посвященной Богу аскезы, но именно он создаёт ощущение подвига, совершенного монахами в условиях полной неустроенности.

Отношение к монахам в романе со стороны других персонажей оказывается амбивалентным. Положительные оценки связаны с восприятием монахов как

носителей сакрального знания, как людей, к которым можно обратиться за советом и помощью:

(44) *Всю пятницу, посоветовавшись со случайно проходившим монахом, который как-то весь вытянулся при упоминании старца, Елка постилась* [1, с.117].

Здесь монах выступает как авторитетный наставник, а его поведение указывает на благоговение перед духовным авторитетом старца

Отрицательные оценки связаны с восприятием монахов как чужаков, конкурентов или лицемеров. В реплике одного из персонажей звучит прямая критика в адрес монаха-регента:

(45) *Носится со своим голосом, людей живых в грош не ставит. Монах хренов! Ну говорил мне папа твой, что ты рясу надел, но не думал вот так с тобой столкнуться. Вот где ты прижился!* [1, с.110].

Здесь монашество осмысляется как бегство от жизни, как приживание в удобном месте вместо того, чтобы решать реальные проблемы. Бранное слово *хренов* в сочетании с *рясой* создаёт резкий контраст, подчёркивая разрыв между внешним благочестием и внутренним содержанием, которое видит критик.

Проведённый анализ лингвокультурного типажа МОНАХ в романе Надежды Алексеевой «Полунощница» позволяет сделать следующие выводы.

В понятийном аспекте сохраняются традиционные признаки: отделение от мира, принятие обетов, особый внешний облик, молитвенный образ жизни и послушание. Эти признаки в романе уточняются и дополняются через бытовые обстоятельства, исторические контексты и социальные конфликты. Монах предстаёт как человек, живущий в конкретных условиях и несущий бремя своего служения со всеми его сложностями.

В образно-перцептивном аспекте внешность монаха (одежда, борода, жилище) служит не только знаком сакрального, но и инструментом социальной дифференциации. Черный цвет одеяний создаёт эффект безличности и монолитности, а состояние одежды отражает как аскетический идеал, так и бытовую неустроенность. Борода выступает как иерархический маркер, позволяющий различать настоятеля и рядовых монахов, причём опрятность бороды коррелирует с положением в монастырской иерархии. Жилище монахов оказывается одновременно и красивым, и отчуждённым от остальной застройки острова, что подчёркивает их особый статус и одновременно изолированность.

Речевое поведение монахов включает библеизмы и сакральную лексику, употребляемую в бытовых контекстах. Это указывает на глубокую интериоризацию религиозного языка, когда он становится естественным инструментом описания любых обстоятельств. Реакция на сквернословие через молитву и физическое заслонение источника конфликта демонстрирует пастырскую стратегию, отличную от светских моделей поведения. В случае смерти и самоубийства канонические правила смягчаются пастырским милосердием и возможностью личной молитвы.

Через трудовое послушание монахи показаны как люди, непрерывно занятые физической работой: собирание камней, сортировка мусора, огородные работы.

Этот труд осмысляется через библейские мотивы и нравственные упражнения. Монашеский труд обладает преобразующей силой: он превращает хаос в порядок, грязь в чистоту, отходы в полезные вещи. При этом монахи выступают не только как исполнители, но и как организаторы труда, что иногда вызывает раздражение у мирян.

Пение является важнейшей частью монашеской идентичности в романе, этическим императивом. Оно оказывается неразрывно связанным с образом жизни, а техника пения – с внутренним строем человека.

В ценностном аспекте отношение к монахам в романе амбивалентно. С одной стороны, они воспринимаются как духовные наставники, люди, к которым можно обратиться за советом, как хранители сакральной традиции. С другой стороны, они предстают как конкуренты, чужаки, занявшие территорию и оттеснившие местных жителей, как бюрократы, готовые применять физическую силу.

Таким образом, лингвокультурный типаж МОНАХ в романе «Полунощница» представляет собой сложное, многослойное образование, в котором традиционные понятийные признаки переплетаются с новыми смыслами, порождёнными современной социальной реальностью. Автор показывает монашество в его противоречивости, человеческой уязвимости и одновременно способности к духовному росту и преобразованию окружающего мира.

Литература

1. Алексеева Н. Полунощница. – М. : Изд-во АСТ, 2023. – 146 с.
2. Бобырева Е.В. Сопоставительное рассмотрение лингвокультурных типажей «батюшка»: «pastor» в русской и американской лингвокультурах // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – №3. – С.55-63.
3. Буженинов А.Э., Ли Т. Лингвокультурный типаж «Филолог» в русских и китайских креолизованных текстах // Научный диалог. – 2026. – Т.15, №4. – С.241-259.
4. Валяйбоб А. В. Понятийные характеристики лингвокультурного типажа «блогер» и его восприятие представителями молодого поколения носителей русской лингвокультуры // Вестник Калмыцкого университета. – 2025. – №1(65). – С.73-78.
5. Жаркова А.В. Лингвокультурный типаж «Врач»: презентация в русскоязычных художественных произведениях профессиональных медиков // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – 2025. – №3(127). – С.52-59.
6. Карасик В.И. Историко-мифологический лингвокультурный типаж «пророк» в русском языковом сознании // Научная мысль Кавказа. – 2026. – №1(125). – С.123-132.
7. Карасик В.И., Китанина Э.А. Лингвокультурный типаж «предприниматель» в современном русском языковом сознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2025. – Т.22, №1. – С.18-26.
8. Красноперов Д.В. Особенности развития русского монашества и монастырей в XIV веке // Церковный историк. – 2025. – №1(19). – С.31-44.
9. Кузнецова Е.Д. Эволюция понятийной сферы лингвоперсонологии в российском и немецком научном дискурсе // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2025. – Т.7, №2. – С.33-50.

10. Смолина, О. О. Культура православного монашества: поиски идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – СПб., 2015. – №3. – С.119-125.
11. Чистюхина Е.А. Лингвокультурный типаж «ленивый человек» как составляющая ценностной картины мира российских немцев (на материале шванков) // Филология и человек. – 2025. – №1. – С.72-89.

LINGUO-CULTURAL PERSONALITY TYPE *MONK* IN NADEZHDA ALEXEEVA'S *MIDNIGHT OFFICE*

Gusarov Dmitry Alexandrovich

Associate professor of the chair of German language
Moscow state institute of international relations (university)
Ministry of foreign affairs of the Russian Federation
119454, Russia, Moscow, Vernadsky ave., 76
Ph.: +7 495 229 40 49
d.gusarov@my.mgimo.ru
Associate professor of the chair of Russian language №1
Russian language Institute
RUDN University
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 1586
gusarov-da@rudn.ru

Gishkaeva Luiza Nakhidovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of foreign languages
Russian language Institute
RUDN University
117 198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6
+7 (925) 208 62 27
gishkaeva-ln@rudn.ru

Melnikova Elena Nikolajevna

Senior lecturer of the chair of humanities
Inter-State educational institution of higher education
"Belarusian-Russian university"
212000, Republic of Belarus Mogilev, Mir ave, 43
Ph.: +375 (29) 746 92 21
elnikmel@gmail.com

The aim of the study is to identify and describe the conceptual, imagery-perceptual, and axiological characteristics of the linguocultural archetype of the MONK as actualized in the text of the novel. This study presents the first comprehensive linguocultural analysis of this archetype based on the contemporary prose work “Polunoshchnitsa” (The Midnight Office) by Nadezhda Alekseeva. The relevance of the work stems from the need to examine the transformation of traditional images in contemporary literary discourse, as well as the significance of the religious archetype in constructing a holistic picture of the value orientations within Russian linguoculture. Based on an analysis of the textual contexts, the study establishes that while the image of the monk in the novel retains traditional attributes (vows, prayer, withdrawal from the world), it is significantly enriched by everyday, social, and historical circumstances. The monks' appearance (clothing, beard) serves as a marker of hierarchy. Their speech behavior is characterized by the use of biblical expressions and sacred vocabulary in daily life. Labor-based obedience is conceptualized as a spiritual practice that transforms chaos into order. Singing emerges as an ethical imperative inextricably linked to their way of life. The axiological aspect reveals an ambivalent attitude toward monks: they are viewed simultaneously as spiritual mentors and as outsiders or rivals. The conclusion is drawn that the linguocultural type "Monk" in the novel constitutes a complex, multi-layered construct reflecting the contradictory coexistence of the sacred and the mundane in contemporary social reality.

Keywords: linguocultural type; monk; concept; image; value; Nadezhda Alekseeva; “Polunoshchnitsa” (Midnight Office).

ТИПАЖИ ЛИНГВОФАРҲАНГИИ «МОНАХ» ДАР РОМАНИ НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВА «ПОЛУНОЩНИЦА»

Гусаров Дмитрий Александрович

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забони олмонӣ
Институти давлатии муносибатҳои байналмилалии Москва (донишгоҳ)
Вазорати корҳои хориҷии Федератсияи Россия
119454, Россия, Москва, хиёб. Вернадский, 76
Тел.: +7 495 229 40 49
d.gusarov@my.mgimo.ru
Дотсенти кафедраи забони русии № 1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, дох. 1586
gusarov-da@pfur.ru

Гишкаева Луиза Нахидовна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забонҳои хориҷӣ
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (925) 208 62 27
gishkaeva-ln@rudn.ru

Мелникова Елена Николаевна

Муаллими калони кафедраи фанҳои гуманитарӣ
Муассисаи таълимии ғайридавлатии таҳсилоти олии
«Донишгоҳи Беларусу Россия»
212000, Ҷумҳурии Беларус, Могилёв, хиёб. Мира, 43
Тел.: +375 (29) 746 92 21
elnikmel@gmail.com

Ҳадафи таҳқиқот муайян ва тавсиф намудани хусусиятҳои мафҳумӣ, образӣ-идрокӣ ва арзишии типажи лингвофарҳангии *МОНАХ* мебошад, ки дар матни роман актуалӣ мегарданд. Бори аввал таҳлили ҳамаҷонибаи лингвофарҳангии ин типаж бар асоси маводи насри муосири Надежда Алексеева «Полунощница» анҷом дода мешавад.

Аҳамияти таҳқиқот ба зарурати омӯзиши тағйирёбии образҳои анъанавӣ дар дискурси муосири бадеӣ, инчунин ба аҳамияти типажи динӣ барои ташаккули тасвири томи самтҳои арзишии лингвофарҳанги русӣ вобаста мебошад.

Дар ҷараёни таҳқиқот бар асоси контекстҳои таҳлилшуда муайян гардид, ки образи монах дар роман аломатҳои анъанавии худро (назрҳо, намоз, дурӣ ҷустан аз ҷаҳони дунявӣ) нигоҳ медорад, аммо ҳамзамон бо ҳолатҳои рӯзмарра, иҷтимоӣ ва таърихӣ ба таври назаррас пурра карда мешавад.

Зоҳири монахҳо (либос, риш) ҳамчун нишондиҳандаи иерархия хизмат мекунад. Рафтори нутқӣ бо истифодаи ибораҳои библиявӣ ва луғати муқаддас дар ҳаёти рӯзмарра тавсиф мешавад. Итоати меҳнатӣ ҳамчун амалияи маънавӣ дарк гардида, бесарусомониро ба тартиб табдил медиҳад. Сурудхонӣ ҳамчун як талаботи ахлоқӣ зуҳур мекунад, ки бо тарзи зиндагӣ робитаи ногусастанӣ дорад.

Ҷанбаи арзишӣ муносибати дугона ба монахҳоро ошкор месозад: аз як тараф, онҳо ҳамчун роҳнамоёни маънавӣ ва аз ҷониби дигар, ҳамчун бегонагон ва рақибон қабул мешаванд.

Хулоса мешавад, ки типажи лингвофарҳангии *МОНАХ* дар роман сохтори мураккабу бисёрқабата буда, ҳамзистии зиддиятноки муқаддас ва рӯзмарраро дар воқеияти иҷтимоии муосир инъикос менамояд.

Калидвожаҳо: типажи лингвофарҳангӣ; монах; консепт; образ; арзиш; Надежда Алексеева; «Полуношница».

УДК 811.161.1'37:81'23:81'42:316.36

ДЕКЛАРИРУЕМОЕ И ПЕРЕЖИВАЕМОЕ: ОБРАЗ СЕМЬИ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Панкратова Анастасия Денисовна

Магистрант филологического факультета
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 936 85 84, доб. 2573
pankratova.nastya2016@yandex.ru

Александрова Оксана Ивановна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 936 85 84, доб. 2573
alexandrova-oi@rudn.ru

Эрнисова Айгерим Эрнисовна

Кандидат филологических наук,
заместитель директора Института русского языка
Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина
720000, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44
Тел.: +996 312 62 21 17
aigerim_ernisova@mail.ru

В статье рассматривается соотношение официальной репрезентации образа семьи и индивидуального восприятия его в обыденном сознании носителей русского языка. Актуальность исследования связана с тем, что публичное закрепление темы семьи в политическом дискурсе не гарантирует прямого совпадения нормативных смыслов с индивидуальными представлениями носителей языка. Исследование ставит целью выявление зон пересечения и расхождения между нормативной рамкой, задаваемой официальным дискурсом, и внутренним образом семьи, актуализируемым в языковом сознании. Материалом для анализа послужили официально-политические тексты 2020-2025 гг., данные свободного ассоциативного эксперимента, мини-сочинения носителей русского языка и результаты прайминг-эксперимента. Образ семьи представлен как многослойная структура, в которой нормативная репрезентация и индивидуальное

восприятие соотносятся через зоны расхождения, частичного наложения и семантической трансформации компонентов. Результаты исследования показали, что официальная репрезентация ориентирована на демографическую, социально-поддерживающую и ценностно-нормативную модели семьи, тогда как индивидуальное восприятие концентрируется вокруг любви, дома, заботы, принятия и безопасности. На основе полученных данных предложена интегративная модель, отражающая различие между официальной репрезентацией и индивидуальным восприятием семьи, а также зоны их частичного смыслового пересечения.

Ключевые слова: образ семьи; языковое сознание; официально-политический дискурс; корпусный анализ; свободный ассоциативный эксперимент; мини-сочинения; прайминг-эксперимент; семантическая трансформация; эмоционально-ценностное ядро.

Введение. Семья, как фундаментальная общечеловеческая ценность, относится к социально значимым образам, отражающимся как в публичной коммуникации, так и в частном опыте человека. В официально-политическом дискурсе образ семьи используется для решения демографических задач, мер социальной поддержки, программ укрепления традиционных ценностей и воспитания детей. В повседневном восприятии он, как правило, связан с домом, близостью, заботой, принятием и возможностью быть защищенным в кругу своих. Насколько форма и содержание официальной трансляции семейных ценностей соответствует представлениям граждан о семье, и нет ли смыслового разрыва между этой трансляцией и повседневным восприятием? Ответ на этот вопрос можно получить лишь по результатам комплексного исследования, включающего как корпусный анализ текстов официального дискурса, так и психолингвистический эксперимент, обнаруживающий через реакции образа семьи в языковом сознании в индивидуальной интерпретации. Сопоставление полученных данных позволит определить структуру образа семьи: какие компоненты совпадают, какие меняют функцию, какие остаются периферийными. Зоны расхождения и пересечения официальной репрезентации и индивидуального восприятия образа семьи определят многослойность его структуры и возможную семантическую трансформацию общих компонентов при переходе из публичного дискурса в личный опыт. Использование метода прайминга позволит определить эмоционально-экспрессивное содержание и верифицировать ядерно-периферийное построение структуры образа семьи, выявленной по данным ассоциативного эксперимента.

Теоретические основания исследования. Основой используемого в данной работе подхода служит представление об образе как о сложной смысловой структуре, формирующейся на пересечении восприятия, памяти, языка, культуры и социального опыта. Для анализа образа семьи как объекта языкового сознания принципиально важно, что он не сводится к значению слова и не совпадает с официальной дефиницией, данной социальным институтом, этот образ включает оценку, эмоциональную реакцию, культурные ожидания и сценарии поведения.

Вслед за А.Н.Леонтьевым мы принимаем в качестве одной из точек зрения психологический подход и понимаем образ как результат взаимодействия субъекта с окружающей действительностью, а точнее как многомерную систему, в которой новое впечатление не просто фиксируется, а вписывается в уже существующее смысловое поле, обретая через него свое значение [5, с.260]. Вместе с

тем, осмысление действительности происходит благодаря языку, являющемуся средством доступа к структурам знания [4, с.44]. Именно поэтому анализ образа начинается с лексемы и ее окружения, что позволяет получить комплексное знание о нем — нормативное, культурное, эмоциональное, личностное и т.д. Знание это закрепляется в языковом сознании — совокупности образов сознания, овнешняемых языковыми знаками [8, с.4]. При этом овнешнение образов осуществляется не только отдельными словами, но и словосочетаниями, предложениями, текстами и ассоциативными полями [8, с.26]. Следовательно, ассоциативные реакции, мини-сочинения и дискурсивные формулы могут рассматриваться как разные способы языкового проявления рассматриваемого образа. А.А.Залевская уточняет этот подход через представление о слове как единице внутреннего лексикона и средстве доступа к индивидуальному знанию: значение слова в сознании человека не сводится к словарной дефиниции, а связано с системой опыта, ассоциативных связей и эмоционально-оценочных компонентов [2, с.164, 257-258]. Поэтому в нашем исследовании стимул семья в ассоциативном и прайминг-эксперименте и лексема семья в корпусе имеют разный исследовательский статус.

Учитывая многомерность образа семьи, мы вслед за З.Д.Поповой и И.А.Стерниным определяем организацию его структуры по полевому принципу, выделяя в нем ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию [6, с.81]. Полевая организация образа учитывает неоднородность его содержания: одни признаки обладают высокой степенью актуальности и устойчиво воспроизводятся носителями языка, тогда как другие представлены менее регулярно, но сохраняют связь с общим концептуальным полем. В связи с этим ядро образуют наиболее яркие и устойчивые компоненты, а периферийные зоны включают признаки, которые актуализируются реже или зависят от индивидуального опыта и конкретной коммуникативной ситуации. Как отмечают З.Д.Попова и И.А.Стернин, экспериментальные данные дают возможность выявлять степень актуальности отдельных компонентов концептуального содержания и на этой основе моделировать его ядерно-периферийную структуру [6, с.113-114].

Ассоциативный материал позволяет выделить актуальные компоненты концептуального содержания, поскольку фиксирует не только отдельные реакции на слово-стимул, но и устойчивые связи между фрагментами опыта, знания и оценки. Ю.Н.Караулов рассматривает ассоциативно-вербальные сети как отражение фрагментов картины мира, особенностей менталитета и национального характера носителей языка; такие сети, по его мнению, отражают предречевую готовность говорящего и его текстовый потенциал [3, с.191]. Ассоциативное поле имеет не только количественную, но и внутреннюю смысловую организацию. Для ее описания Ю.Н.Караулов использует понятие семантического гештальта: ассоциативное поле группируется в зоны, объединяющие типичные признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля [3, с.193]. Ассоциативные реакции помогают установить, какой признак слова-стимула оказывается наиболее актуальным для носителей языка и на каком основании стимул включается в систему связей со словом-реакцией [1, с.788]. Важное значение имеет смысловое содер-

жание реакций, характер отношений между стимулом и реакцией, а также их количественные характеристики ассоциатов [1, с.791]. Аспект количественности позволяет более четко определить границы ядра, центра и периферии ассоциативного поля. С этой целью мы используем индекс когнитивной значимости (cognitive salience index), предложенный У.Сутропом [16, с.263], который объединяет частоту упоминания реакции и ее среднюю позицию в ассоциативном ряду, то есть учитывает распространенность реакции среди информантов и степень ее актуальности в структуре ассоциативного поля [16, с.266-267].

Помимо осознанного выбора ассоциатов важно учитывать глубинные слои восприятия того или иного образа. В этом случае эффективным методом является прайминг, описывающий ситуацию, при которой предварительное предъявление одного стимула меняет последующую обработку другого. М.В.Фаликман и А.Я.Койфман разграничивают прайминг как воздействие и прайминг-эффект как его результат, выражающийся в качественном или количественном изменении реакции испытуемого [9, с.87]. В экспериментальной практике такое изменение фиксируется через точность опознания или время реакции при выполнении перцептивной, мыслительной или лексической задачи [9, с.89]. Для анализа языкового материала используется семантический прайминг: в этом случае прайм и целевой стимул сближаются не по внешним признакам, а по смысловой соотнесенности [9, с.90-91]. Т.Макнамара объясняет механизм семантического прайминга через взаимосвязь отношений, где смысловые компоненты соединены сетью. Предъявление прайма активирует в памяти определенную смысловую область, а обработка прайма запускает активацию соответствующего узла в семантической сети, после чего она частично распространяется на связанные с ним элементы [13, с.12-13]. Целевая единица, семантически соединенная с праймом, обычно распознается быстрее, чем несоотнесенная [13, с.3-4]. Данные исследований эмоционального распознавания слов дополнительно показывают, что валентность влияет на время реакции: позитивные и негативные слова могут обрабатываться с разной скоростью в задаче лексического решения [12, с.8501-8502; с.8509]. В настоящем исследовании сопоставление позитивных, нейтральных и конфликтных стимулов, следующих за предъявлением прайма «семья», рассматривается как проверка того, какие компоненты образа семьи обладают большей или меньшей доступностью для носителей языка.

Дискурсивный блок исследования опирается на корпусно-ориентированную методологию, позволяющую рассматривать официально-политические тексты не как набор отдельных высказываний, а как эмпирическую среду устойчивого употребления лексемы семья. В корпусной лингвистике принципиальным считается совмещение количественного и качественного анализа: частотные данные и конкордансы дают возможность быстро обнаруживать повторяющиеся языковые модели, но их интерпретация требует обращения к контексту употребления [14, с.1-2]. Конкордансные строки фиксируют исследуемую единицу в ближайшем окружении, а коллокационный анализ выявляет слова, регулярно появляющиеся рядом с ней в пределах заданного контекстного окна [15, с.169-170, 14, с.125-126]. В современных корпусно-ориентированных иссле-

дованиях дискурса к базовым процедурам также относятся анализ частотности, ключевых слов, коллокатов и n-грамм, поскольку эти параметры помогают описывать повторяющиеся языковые паттерны в корпусе [11, с. 43-44]. Исследование коллокаций выявляет устойчивые смысловые связи, формирующиеся в результате регулярного совместного употребления языковых единиц. Коллокаты становятся индикаторами широких тематических и оценочных закономерностей дискурса.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составляют четыре массива данных, фиксирующих измерения образа семьи: дискурсивную репрезентацию, ассоциативную актуализацию, развернутое личное высказывание и результаты семантического прайминга. Экспериментальная проверка верифицирует ядерно-периферийную структуру образа. Такой состав материала обусловлен необходимостью сопоставить внешнюю нормативную рамку образа семьи с его внутренним содержанием в сознании носителей языка.

Корпус официально-политического дискурса включает в себя 164 текста, опубликованных на официальном сайте Президента Российской Федерации [7] в период с 2020 по 2025 гг.: выступления, обращения, указы, официальные заявления, интервью и стенограммы пресс-конференций Президента РФ. Корпус был разделен на шесть частей по годам для отслеживания динамики репрезентации образа семьи. Обработка выполнялась в программе AntConc [10]. На первом этапе выполнялся конкордансный анализ в формате KWIC (Key Word In Context) с расширением ±10 позиций с целью увидеть слово в развернутом контексте, что важно при учете особенностей синтаксиса русского языка, где в предложении значимые коллокаты могут быть разделены несколькими словами. На основе конкордансных строк выявлялись устойчивые паттерны употребления лексем «семья» и «семейный». Для каждого вхождения узловой лексемы фиксировались ближайшие слова, при этом значимые устойчивые коллокации в большинстве случаев оказались сосредоточены в пределах 3 позиций влево и вправо от узлового слова (L3–R3). Для каждого годового подкорпуса была выделена абсолютная частота совместной встречаемости лексем «семья» и «семейный» с другими словами. На основе полученных данных выделялись устойчивые биграммы и триграммы, регулярно появляющиеся в ближайшем окружении узловых лексем. Кроме высокочастотных коллокаций, в анализ включались также единичные и низкочастотные сочетания с целью выявить смысловую периферию образа семьи в официальном дискурсе. Семантическая интерпретация коллокатов выполнялась на основе конкордансных строк, что позволило оценить количественные и качественные характеристики лексического окружения.

Второй блок материала был получен в ходе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного способом онлайн-анкетирования. В эксперименте приняли участие 120 респондентов, женщин (96) и мужчин (24) в возрасте от 14 до 50+ лет с разным семейным статусом. Респондентам предлагалось написать 10 ассоциаций на слово-стимул «семья». После первичной обработки, лемматизации и объединения словоформ был сформирован массив из 967 реакций на стимул семья. Устойчивые словосочетания (например, «*совместный досуг*») сохра-

нялись как отдельные смысловые единицы. Анализ частотности реакций дал нам предварительную ядерно-периферийную структуру образа семьи. Для уточнения центральности реакций использовался коэффициент ядерности, рассчитанный по индексу когнитивной значимости Сутропа: показатель учитывал частоту реакции, а также ее среднюю позицию в ассоциативном ряду [16, с.263]. Такие расчеты помогли выделить когнитивно более значимые компоненты образа внутри его полевой структуры. Следующим этапом исследования стала тематическая кластеризация реакций, которая обеспечила переход от количественных показателей к содержательному обобщению.

Помимо ассоциативного эксперимента респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос «Что для вас значит семья?» без ограничения объема. В результате опроса был собран корпус из 57 мини-сочинений участников эксперимента, мужчин (12) и женщин (45) в возрасте от 14 до 50+ лет. Каждое сочинение было обработано, лемматизировано и морфо-синтаксически размечено с помощью библиотеки pymorphy3 (Python). Анализ охватывал частеречный состав, падежное распределение существительных, разряды местоимений, глагольные формы и семантические кластеры лексики. Работа с материалом мини-сочинений открыла доступ к более глубокому слою языкового сознания носителей языка, где образ семьи обретает динамику, личную оценку и внутреннюю логику отношений.

Прайминг-эксперимент, проведенный с помощью ПАК «Нейробарометр», позволил проверить когнитивную доступность компонентов образа семьи, выделенных на предыдущих этапах. В эксперименте участвовали 52 респондента, в равных пропорциях распределенные по половым и возрастным группам. В качестве прайма использовано слово «семья», а положительно, отрицательно и нейтрально окрашенные стимулы были отобраны из частотных кластеров ассоциативного эксперимента, что обеспечило связь между этапами исследования. Испытуемые отличали реальные слова от псевдослов. Время реакции (мс) регистрировалось как основной показатель. Различия групп стимулов по этому параметру проверялись с помощью t-критерия для парных выборок в программе jamovi [17].

Поэтапное применение каждого метода позволило получить данные о разных слоях в структуре образа семьи, а их сопоставление и совмещение обеспечило построение интегративной модели, в которой видно, где эти слои сходятся, где расходятся и как общие компоненты меняют свою функцию при переходе из публичного дискурса в личный опыт.

Результаты.

Образ семьи в официальных документах

Корпусный анализ официальных документов показал, что семья в публичной коммуникации представлена прежде всего как объект государственной заботы и демографической регуляции. Слова «*дети*», «*рождаемость*», «*многодетность*», «*поддержка*», «*выплаты*», «*ипотека*», «*ценности*» и «*традиции*» задают институциональную интерпретацию образа семьи. Это подтверждается резким ростом частотности «семейной» лексики в документах 2024 года: когда тема семьи по-

лучила повышенный официальный статус, семья стала символом желаемого общественного порядка. Публичная репрезентация образа не нейтральна: в ней выбраны те признаки семьи, которые могут быть включены в язык государственной политики. Семья предстает как социальный институт, от которого ожидаются воспроизводство населения, воспитание детей, сохранение ценностей и участие в обеспечении будущего страны.

Выявленные при анализе лексического окружения лексемы «семья» были обобщены в смысловые блоки, каждый из которых соответствует определенному подходу в институциональном описании семьи (см. табл. 1).

Таблица 1 – Коллокационные профили официальной репрезентации образа семьи

Смысловой блок	Коллокаты	Функция в официальном дискурсе	Интерпретация
Демографический	дети, рождаемость, многодетные семьи	связывает семью с будущим страны	семья = ресурс воспроизводства и демографической устойчивости
Социальный	поддержка, выплаты, материнский капитал, ипотека	встраивает семью в систему государственных мер	семья = адресат помощи и объект политики
Нормативно-ценностный	ценности, традиции, воспитание, поколения	формирует образ правильной и социально одобряемой семьи	семья = носитель культурной преемственности
Национально-идентификационный	Россия, Родина, общество, страна, российская	расширяет частный образ до масштаба государства	семья = символ коллективного национального единства

По данным таблицы, официальная рамка образа семьи организована вокруг общественно значимых функций. Семья здесь рассматривается как ценность, но ее ценность определяется через внешние задачи: рождение и воспитание детей, получение поддержки, сохранение традиций, укрепление связи поколений.

Вместе с тем официальная рамка не является оторванной от представлений в обыденном языковом сознании. Некоторые ее компоненты (такие, как «поддержка», «защита», «дети», «защита», «традиции», будущее») могут быть обнаружены в слое личных представлений. Однако при переходе между уровнями они меняют смысловую функцию. Поддержка перестает быть только мерой государственной помощи и становится личной опорой; дети перестают быть только де-

мографическим ресурсом и включаются в представление о близости, заботе и продолжении семьи. Эта зона частичного наложения и трансформации становится ключевой при сопоставлении корпусных и ассоциативных данных.

Ассоциативное поле образа семьи и его текстовая конкретизация. Ассоциативный эксперимент выявляет несколько иной способ организации образа семьи: первичную личностную актуализацию. Данные исследования образуют и полевую структуру образа семьи: одни компоненты закрепляются как устойчивые и наиболее актуальные, другие смещаются к ближней или дальней периферии, сохраняя связь с образом семьи, но не определяя его основное содержание.

Для уточнения внутренней структуры ассоциативного поля нами был использован коэффициент ядерности Сутропа, определяемый по формуле Кя = (F / N) × (1 / Rcp), где F – абсолютная частота реакции, N – общее число респондентов, Rcp – средняя позиция реакции в ассоциативном ряду. Чем чаще реакция встречается и чем раньше она появляется в ответах респондентов, тем выше ее коэффициент ядерности. Выявленная таким образом ядерно-периферийная структура ассоциативного поля отражает степень устойчивости и смысловой значимости отдельных компонентов в образе семьи. Рассмотрим несколько наиболее показательных компонентов (ассоциатов) каждой зоны поля (см. табл. 2).

Таблица 2 – Ядерно-периферийная структура ассоциативного поля «семья»

Зона ассоциативного поля	Диапазон Кя	Основные компоненты
Абсолютное ядро	Кя ≥ 0,05	любовь, дом, поддержка, забота, тепло
Ядро	0,02 ≤ Кя ≤ 0,05	уют, счастье, дети, мама, радость, взаимопонимание, уважение
Ближняя периферия	0,01 ≤ Кя ≤ 0,02	доверие, опора, помощь, ответственность, воспитание, безопасность
Дальняя периферия	Кя ≤ 0,01	еда, чай, защита, честность, верность, традиции, принятие

Центр ассоциативного поля образуют эмоционально-ценностные и пространственные компоненты: «*любовь*», «*дом*», «*поддержка*», «*забота*», «*тепло*». Периферийные зоны расширяют образ за счет компонентов *ответственности, воспитания, безопасности, защиты, традиции и принятия*. Именно эти элементы важны для дальнейшего сопоставления с официальной рамкой: они демонстрируют зоны возможного пересечения индивидуального восприятия с официальным дискурсом.

Особенно показательна позиция ассоциативной реакции «*дом*». В официальном дискурсе материально-пространственный аспект семьи чаще проявляется

через ипотеку, жилье, меры поддержки. В ассоциативном поле «дом» метафоричен, связан с возвращением, уютом, теплом, «своим» местом. Следовательно, один и тот же структурный компонент может иметь разные смысловые регистры: в политическом дискурсе он относится к социальной инфраструктуре, в индивидуальном восприятии – к ощущению защищенного пространства. Аналогичное расхождение фиксируется и для реакции «поддержка»: в корпусе официальных текстов она связана с выплатами и льготами, а в ассоциациях – с опорой и помощью в трудный момент.

В полученных от респондентов мини-сочинениях свернутые ассоциативные реакции переведены в расширенные речевые формулы. В этих текстах семья преимущественно описывается как круг близких людей, которые *рядом, понимают, принимают, поддерживают, не осуждают*. Если ассоциации фиксируют ядро в виде отдельных слов, то мини-сочинения раскрывают сценарий этого ядра: любовь превращается в безусловность, поддержка – в помощь в трудный момент, дом – в место возвращения, близость – в возможность быть собой. Рассмотрим объединенные в семантические кластеры и семантически обобщенные группы частотных единиц, выявленных в мини-сочинениях (см. табл. 3).

Таблица 3 – Семантические кластеры индивидуального восприятия семьи

Кластер	**Опорные лексемы**	**Обобщенный смысл**	**Сопоставление с официальным дискурсом**
Люди и отношения	близкие, родные, рядом	семья = круг значимых людей	слабо институционализируется
Эмоции и чувства	любовь, тепло, счастье	семья = эмоциональная ценность	почти отсутствует в корпусе официальных документов
Поддержка и безопасность	поддержка, опора, помощь, защита	семья = тыл, безопасность	пересекается с официальной поддержкой, но меняет смысл
Принятие и безусловность	принять, простить, не осудить	семья = пространство права быть собой	не имеет прямого аналога в официальном дискурсе
Дом и совместность	дом, уют, место, праздник	семья = пространство совместной жизни и возвращения	частично пересекается с жилищной политикой и традициями

Анализ данных, полученных через ассоциативный эксперимент и мини-сочинения, в сопоставлении с данными корпусного анализа (ср. табл. 1 и 3) выявляет, что расхождение между официальным и индивидуальным слоями структуры образа семьи не сводится к противопоставлению положительного и

нейтрального. Оба слоя имеют разную природу. В официальном дискурсе оценка семьи связана с ее вкладом в социальное и демографическое будущее. В индивидуальном восприятии ценность семьи определяется тем, что она дает человеку опыт близости, принятия и внутренней защищенности. В мини-сочинениях проявляются компоненты, которые отсутствуют в официальной рамке: речевые формулы «*можно быть собой*», «*тебя примут*», «*не осудят*», «*всегда рядом*» демонстрируют, что личный образ семьи содержит этику безусловности. Этот компонент трудно свести к традиционно транслируемым ценностям, потому что он не формулируется как внешняя норма. Он существует как исключительно личностное ожидание внутренней лояльности и эмоционального убежища.

Нам кажется существенным и то, что в индивидуальных текстах подтверждается социальная природа семьи, транслируемая через официальный дискурс: в них часто встречаются такие семантические элементы, как дети, родители, бабушки, дедушки, совместные праздники, воспитание, ответственность. Однако эти элементы включены в образ семьи не с точки зрения обязанности перед государством, а с точки зрения отношений, поэтому совпадение лексем не означает совпадения смысловых моделей. Внутренний образ семьи сохраняет социальную составляющую, но переводит ее в пространство личной значимости.

Экспериментальная проверка ядерно-периферийной организации образа семьи.

Прайминг-эксперимент в настоящем исследовании использовался для проверки ядерно-периферийной организации образа семьи, сконструированной по данным ассоциативного эксперимента и мини-сочинений. Отметим, что все стимулы были подобраны из числа ассоциатов, а также наиболее часто встречаемых в мини-сочинениях слов: из каждого семантического блока результатов мы выделяли ряды положительно, отрицательно и нейтрально окрашенных лексем. Эксперимент показал, что после предъявляемого прайма семья позитивные и нейтральные стимулы обрабатывались быстрее негативных. Среднее время реакции на позитивные слова составило 733 мс, на нейтральные – 737 мс, на негативные – 832 мс. Различия между негативными и двумя другими группами стимулов статистически значимы при $p<0,001$. Во-первых, это позволяет обобщить, что образ семьи на бессознательном уровне носителей русского языка в целом имеет положительную тональность (напомним, чем быстрее реакция, тем теснее связи). Во-вторых, эти результаты важны для интерпретации периферии в структуре образа, которую мы обозначили как теневую. В представлениях о семье содержатся компоненты со значением конфликта: в полученных данных встречаем реакции «*ссора*», «*конфликт*», «*обида*», «*развод*», «*напряжение*». Показательным среди них оказывается стимул «*обида*»: несмотря на отрицательную окрашенность, он распознается быстрее, чем «*ссора*» и «*разлад*», а скорость реакции на этот стимул практически равна реакции на стимулы с положительной окраской. Прайминг показывает, что такие компоненты оказываются значимыми в структуре образа, хотя по данным ассоциативного эксперимента расположены на периферии. В представлениях о семье негативный опыт не блокируется, но вытесняется из центра смысловой структуры. Полученный результат может также объяснять-

ся данными о влиянии эмоциональной валентности на распознавание слов: отрицательная валентность может замедлять лексическое решение, тогда как положительная связана с более быстрым распознаванием [11, с.8509, 8516]. Семантический прайминг позволил обнаружить скрытую, «теневую» периферию образа семьи: она неоднородна и включает как компоненты разрыва, так и эмоционально напряженные состояния, сохраняющие связь с семейным опытом.

Интегративная модель образа семьи.

Обобщая результаты корпусного, ассоциативного, текстового и экспериментального этапов исследования, для образа семьи мы построили интегративную модель, демонстрирующую расхождения, пересечения и трансформации во внешней нормативной (официальной) рамке и индивидуальных представлениях, отражающих внутренний личный опыт (см. рис. 1). Внешний контур модели образует официальная нормативная рамка, центральную область занимает эмоционально-ценностное ядро. Между ними выделена зона семантической трансформации, где общие компоненты получают новое смысловое наполнение. Ближняя и дальняя периферии организуют дополнительные слои индивидуального восприятия, а нижняя зона фиксирует теневую периферию конфликтных компонентов.

Нормативная рамка включает компоненты, представленные в официально-политическом дискурсе: демографию, многодетность, государственную поддержку, выплаты, материнский капитал, семейную ипотеку, воспитание детей, традиционные ценности и преемственность поколений. В этой зоне структуры образа семьи представлено ее институциональное наполнение, семья описана как социальный институт, значимый для государства.

Рисунок 1 – Интегративная модель смысловых уровней образа семьи

Эмоционально-ценностное ядро представлено семантически иначе: его образуют любовь, дом, забота, тепло, близкие люди, принятие и безопасность. Эти компоненты закреплены в ассоциативном поле, раскрываются в мини-сочинениях и дополнительно подтверждаются результатами прайминг-эксперимента. В отличие от официальной рамки, в ядре образа мы наблюдаем личностные представления, где семья осмысляется через опыт близости, опоры, принятия и внутренней защищенности.

Между официальной рамкой и эмоционально-ценностным ядром нами выделена зона семантической трансформации. В нее входят компоненты, присутствующие на обоих уровнях, но меняющие функцию при переходе из публичного дискурса в индивидуальное восприятие. Так, поддержка в официальной рамке связана с выплатами, льготами и мерами помощи, тогда как в личных представлениях она превращается в опору и поддержку от близких. Дети в политической рамке связаны с рождаемостью и будущим страны, с демографией, поскольку основная актуальная задача государства состоит в повышении уровня рождаемости. В индивидуально представляемом образе семьи дети входят в сценарий родства, заботы и семейного продолжения. Традиции в официальном дискурсе выступают как идеологема и норма, а в мини-сочинениях и ассоциациях они конкретизируются через праздники, семейные вечера, совместную еду и т.д. Защита в официальной рамке связана с поддержкой и укреплением семьи, тогда как в индивидуальном восприятии она ассоциируется с безопасностью и правом на уязвимость.

Зона теневой периферии в интегративной модели включает смысловые компоненты, связанные с конфликтным или эмоционально напряженным семейным опытом: *ссорой, разладом, обидой, разводом, напряжением*. Они не входят в ядро в структуре представлений носителей русского языка о семье, поскольку ассоциативные данные и мини-сочинения показывают низкую частотность упоминания таких компонентов, а прайминг-эксперимент фиксирует более медленную обработку негативных стимулов по сравнению с позитивными и нейтральными. Теневая периферия в нашей интерпретации обозначает вытесненный из ядра слой образа: негативный опыт распознается как часть образа семьи, но не определяет его основное эмоционально-ценностное содержание.

Отдельного уточнения требует зона семантической трансформации, поскольку она отражает изменение функции смысловых единиц в сознании носителей языка. Эта зона может быть представлена как микромодель переходов от официальной репрезентации к индивидуальному восприятию. В ней выделяются четыре типа смыслового перехода: личностное переосмысление, бытовая конкретизация, включение в семейный сценарий и эмоциональная конкретизация. Личностное переосмысление отражает изменения функции компонента: поддержка и защита перестают быть только институциональными категориями и переходят в область опоры, безопасности и поддержки близких. Бытовая конкретизация характеризуется превращением абстрактных ценностных компонентов в повседневные практики: традиции получают выражение через семейные ритуа-

лы, праздники, совместные вечера, чай. Представления о детях и будущем, транслируемые государством в целях демографической политики, осмысляются через отношения родителей и детей, заботу, повседневное взаимодействие. Некоторые компоненты эмоционально конкретизируются, так, социальные обещания о поддержке и укреплении семьи трансформируются в личных представлениях в ощущения покоя, дома и надежности.

Таким образом, интегративная модель обнаруживает смысловую асимметрию между слоями образа семьи. Официальный дискурс устанавливает набор общественно значимых компонентов образа семьи, но в индивидуальном восприятии сохраняются только те элементы, которые могут быть соотнесены с опытом близости, заботы, безопасности и принадлежности, остальные не получают статуса центральных компонентов.

Заключение. Проведенное исследование показало, что официальная репрезентация и индивидуальное восприятие образа семьи в сознании носителей русского языка не совпадают полностью. В официально-политическом дискурсе образ семьи транслируется через нормативные установки и описывается через демографию, поддержку, воспитание, традиционные ценности и преемственность поколений. Индивидуальное же восприятие образа в обобщенном виде носит чувственный характер, концентрируясь в таких представлениях, как любовь, дом, забота, тепло, близкие люди, принятие и безопасность. В структуре образа есть расхождения между слоями, но они не противопоставлены, поскольку в них содержатся общие, хотя и трансформирующиеся с точки зрения семантической функции компоненты.

Предложенная интегративная модель описывает образ семьи как многослойную конфигурацию и фиксирует асимметрию между официальным и индивидуальным представлением образа семьи. Результаты исследования дают возможность оценивать, какие транслируемые элементы публичной коммуникации способны быть восприняты как личностно значимые, а какие остаются внешними административными формулами.

Литература

1. Вольская Ю.А. Ассоциативный эксперимент на материале рейтингов абстрактности/ конкретности: сопоставительный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т.15, №3. – С.786-801. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-786-801.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 561 с.
3. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 191-206.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1983. – С.251-261.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314с.

7. Президент России: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 15.06.2026).
8. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Языковое сознание и образ мира. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С.34-47.
9. Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2005. – №3. – С.86-97.
10. Anthony L. AntConc (Version 4.1.1) [Computer Software]. – Tokyo: Waseda University, 2022.
11. Bednarek M. Analysing intratextual patterns in corpus-assisted discourse studies // Journal of corpora and discourse studies. – 2024. – Vol.7. – P.43-62. DOI: 10.18573/jcads.113.
12. Haro J., Hinojosa J. A., Ferre P. The role of individual differences in emotional word recognition: Insights from a large-scale lexical decision study // Behavior research methods. – 2024. – Vol.56. – P.8501-8520. DOI: 10.3758/s13428-024-02488-z.
13. McNamara T. P. Semantic priming: perspectives from memory and word recognition. – New York: Psychology Press, Taylor & Francis Group, 2005. DOI: 10.4324/9780203338001.
14. McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: method, theory and practice. – Cambridge: Cambridge university press, 2012. – 294 p.
15. Sinclair J. Corpus, concordance, collocation. – Oxford: Oxford university press, 1991. – 179 p.
16. Sutrop U. List task and a cognitive salience index // Field Methods. – 2001. – Vol.13, №3. – P.263-276.
17. The jamovi project. jamovi (Version 2.6) [Computer software]. 2024. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.jamovi.org (дата обращения: 14.06.2026).

THE DECLARED AND THE EXPERIENCED: THE IMAGE OF THE FAMILY IN OFFICIAL DISCOURSE AND THE EVERYDAY CONSCEPTS OF RUSSIAN SPEAKERS

Pankratova Anastasia Denisovna

Postgraduate of the afaculty of philology
RUDN University
117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6
Ph.: +7 (495) 936 85 84, ext. 2573
pankratova.nastya2016@yandex.ru

Alexandrova Oksana Ivanovna

Associate professor of the chair of general and Russian linguistics
RUDN University
117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6
Ph.: +7 (495) 936 85 84, ext. 2573
alexandrova-oi@rudn.ru

Ernisova Aigerim Ernisovna

Vice director of the institute of the Russian language
Kyrgyz-Russian Slavic university
720000, Kyrgyz Republic, Bishkek, Kievskaya str., 44
aigerim_ernisova@mai.ru

This article examines the relationship between the official representation of the family image and its individual perception within the everyday consciousness of Russian speakers. The study is relevant because the public entrenchment of the family theme in political discourse does not guarantee a direct alignment between normative meanings and the individual perceptions held by native speakers. This study aims to identify areas of intersection and divergence between the normative framework established by official discourse and the internal image of the family as actualized in linguistic consciousness. The analysis draws on official political texts from 2020-2025, data from a free association experiment, short essays by native Russian speakers, and results from a priming experiment. The image of the family is presented as a multilayered structure in which normative representation and individual perception relate to one another through zones of divergence, partial overlap, and semantic transformation of components. The findings indicate that official representation focuses on demographic, social support, and value-normative models of the family, whereas individual perception centers on love, home, care, acceptance, and safety. Based on the data obtained, an integrative model is proposed that reflects the distinction between official representation and individual perception of the family, as well as the areas of their partial semantic overlap.

Keywords: image of the family; linguistic consciousness; official political discourse; corpus analysis; free association experiment; short essays; priming experiment; semantic transformation; emotional-evaluative core.

ЭЪЛОНШУДА ВА АЗ САР ГУЗАРОНИДАШУДА: ОБРАЗИ ОИЛА ДАР ДИСКУРСИ РАСМӢ ВА ТАСАВВУРОТИ РӮЗМАРРАИ БАРАНДАГОНИ ЗАБОНИ РУСӢ

Панкратова Анастасия Денисовна

Магистранти факултети филология
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 936 85 84, дох. 2573
pankratova.nastya2016@yandex.ru

Александрова Оксана Ивановна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забоншиносии умумӣ ва русшиносӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 936 85 84, дох. 2573
alexandrova-oi@rudn.ru

Эрнисова Айгерим Эрнисовна

Номзади илмҳои филологӣ,
муовини директори Институти забони русӣ
Донишгоҳи Славянии Қирғизистону Россия ба номи Б.Н. Елтсин
720000, Ҷумҳурии Қирғизистон, Бишкек, кӯч. Киевская, 44
Тел.: +996 312 62 21 17
aigerim_ernisova@mail.ru

Дар мақола таносуби бознамоии расмии образи оила ва дарки инфиродии он дар шуури рӯзмарраи забонгӯёни забони русӣ баррасӣ мешавад. Аҳамияти таҳқиқот ба он вобаста аст, ки мустаҳкам шудани мавзуи оила дар дискурси сиёсӣ дар сатҳи ҷамъиятӣ ҳанӯз маънои мувофиқати бевоситаи маъноҳои меъёрӣ бо тасаввуроти инфиродии забонгӯёнро надорад.

Ҳадафи таҳқиқот муайян намудани минтақаҳои ҳампӯшӣ ва ихтилоф миёни чорчӯбаи меъёрии муайяннамудаи дискурси расмӣ ва образи дохилии оила мебошад, ки дар шуури забонӣ актуалӣ мегардад. Маводи таҳлилро матнҳои расмӣ-сиёсии солҳои 2020-2025, маълумоти эксперименти ассотсиативии озод, иншоҳои кӯтоҳи забонгӯёни забони русӣ ва натиҷаҳои эксперименти прайминги ташкил доданд.

Образи оила ҳамчун сохтори бисёрқабата муаррифӣ мешавад, ки дар он бознамоии меъёрӣ ва дарки инфиродӣ тавассути минтақаҳои ихтилоф, ҳампӯшии қисман ва трансформатсияи семантикии ҷузъҳо бо ҳам таносуб пайдо мекунанд.

Натиҷаҳои таҳқиқот нишон доданд, ки бознамоии расмӣ ба моделҳои демографӣ, иҷтимоӣ-таъминотӣ ва арзишию меъёрии оила нигаронида шудааст, дар ҳоле ки дарки инфиродӣ бештар дар атрофи муҳаббат, хона, ғамхорӣ, қабул ва амният мутамарказ мегардад.

Бар асоси маълумоти бадастомада модели интегративӣ пешниҳод шудааст, ки фарқи байни бознамоии расмӣ ва дарки инфиродии оила, инчунин минтақаҳои қисман ба ҳам омадани маъноии онҳоро инъикос мекунад.

Калидвожаҳо: образи оила; шуури забонӣ; дискурси расмӣ-сиёсӣ; таҳлили корпусӣ; эксперименти ассотсиативии озод; иншоҳои кӯтоҳ; эксперименти прайминги; трансформатсияи семантикӣ; ҳастаи эҳсосӣ-арзишӣ.

УДК 811.222.8:81'44:398

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТИ ТРУДА В ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

Сайдализода Фотима Обид

Старший преподаватель кафедры языкознания и сопоставительной типологии
Кулябский государственный университет имени А. Рудаки
735360, Республика Таджикистан, Куляб, ул. С.Сафарова, 16
Тел: (+992) 98 751 94 97 (м.)
fotim8888@mail.ru

Статья посвящена отражению ценности труда в таджикской литературе и фольклоре. Категория труда является объектом различных дискурсов, что говорит о её неизменной актуальности. В культуре и цивилизации таджикского народа труд считается одной из важнейших нравственных и общественных ценностей и занимает значительное место в произведениях классических и современных писателей, а также в устном народном творчестве. В статье рассматривается роль труда как средства воспитания, духовного и личностного совершенствования человека, прогресса общества и укрепления гуманистических нравственных качеств.

Исследование показывает, что в классической таджикской литературе, в частности в произведениях Абуабдуллоха Рудаки, Абулкасима Фирдоуси, Саади Шерози и Абдурахмона Джами, а также в фольклоре труд воспевается как основа достойной жизни и человеческого счастья. Писатели призывали людей к трудолюбию, честности, ремесленничеству и самопознанию, осуждая безделье и лень. В поэмах, рассказах и назидательных стихах труд представлен как символ чести и достоинства, а также как средство достижения честного заработка и благополучия, что говорит о том, что трудовая деятельность осмысляется как в морально-этическом, так и в утилитарно-практическом аспекте.

Таким образом, таджикская литература и фольклор, выражая в концентрированном виде стереотипы и нормы поведения людей, представляют собой надежный источник культурологических и языковых исследований, в том числе в сравнительно-сопоставительном ключе.

Ключевые слова: труд; язык; фольклор; национальные ценности; культура; воспитание; ремесло; нравственность; устное народное творчество; классическая литература; ценности.

Художественная литература и фольклор занимают особое место в системе вербализации концепта «труд-меҳнат», поскольку именно в этих формах культуры труд осмысливается не только как вид деятельности, но и как нравственная, философская и экзистенциальная категория. «На примере наблюдений писателей жизни крестьян прошлой исторической эпохи можно воссоздать их картину мира и своеобразие жизнедеятельности, что позволяет утверждать, что крестьянский труд в таджикской концептосфере представляет собой, прежде всего, достойное

занятие, направленное на создание материальных и духовных ценностей» [6, с.343].

Вербализация ценности труда в таджикской литературе и фольклоре свидетельствует о важном месте труда в жизни народа. В произведениях литературы, народных сказках, пословицах, поговорках и песнях труд представляется как источник благополучия, нравственного совершенствования и общественного уважения. «Отношение к труду как к базовой ценности, - утверждает Л.А.Шкатова, - характеризует социум… По отношению к труду оценивают человека… Качество труда оценивается по его завершению» [11, с.214]. Через художественные образы и языковые средства авторы и народная мудрость передают идеи трудолюбия, ответственности, терпения и стремления к достижению целей. Таким образом, вербализация ценности труда способствует сохранению культурных традиций, формированию моральных качеств личности и передаче жизненного опыта от поколения к поколению. В рамках настоящей статьи таджикская литература и фольклор рассматриваются как важнейшие источники реконструкции ценностного содержания концепта «труд», отражающего коллективное мировоззрение народа.

Основой анализа является положение о том, что художественный и фольклорный дискурс представляют собой интерпретированную реальность, в которой социальный опыт перерабатывается и переосмысливается в образной форме. Как отмечает Ю.М.Лотман, художественный текст функционирует как особая семиотическая система, способная аккумулировать и транслировать культурные ценности [5, с.19-27]. В таджикской традиции одной из таких базовых ценностей выступает труд.

Фольклорные жанры (эпос, сказки, легенды, народные песни) формируют первичный слой концептуализации труда, в котором «меҳнат» тесно связан с выживанием, земледелием, ремеслом и коллективным усилием. В народных сказках трудолюбивый герой, как правило, вознаграждается, тогда как ленивый персонаж терпит поражение. Данная модель воспроизводит нормативную аксиологию труда и закрепляет его положительную оценку. Примером фольклорной концептуализации труда может служить устойчивый мотив «меҳнати ҳалол» (честный труд), который в народных песнях и сказаниях противопоставляется лёгкой наживе и обману. Труд здесь выступает как морально легитимированный путь к благополучию и уважению, что сближает фольклорный дискурс с паремиологической традицией.

Художественная литература, в свою очередь, представляет вторичный, рефлексивный уровень осмысления труда, где труд выступает не только как социальная необходимость, но и как средство самореализации, морального выбора и духовного роста. В произведениях таджикских писателей труд нередко изображается как испытание характера и показатель внутренней зрелости личности.

Важно подчеркнуть, что в литературе и фольклоре концепт «труд/меҳнат» вербализуется через разноуровневые языковые средства: лексические номинации, образные описания, сюжетные схемы и символические мотивы. Это позво-

ляет рассматривать художественный текст как расширенное поле вербализации концепта, выходящее за рамки отдельных слов и выражений.

Таджикская литература и фольклор выступают ключевым культурно-языковым пространством репрезентации ценности труда, в котором концепт «меҳнат» приобретает многомерный характер, объединяя экономические, нравственные и философские смыслы. Данный подход задаёт теоретическую рамку для дальнейшего анализа конкретных жанров, образов и текстов.

Народная сказка как жанр фольклора обладает высокой степенью сюжетной типизации, что делает её особенно продуктивной для анализа ценностных моделей, связанных с трудом. В таджикских народных сказках концепт «меҳнат» реализуется через устойчивые сюжетные схемы, в которых труд выступает ключевым фактором развития действия и моральной оценки персонажей.

Как отмечает академик Е.Н.Павловский, «сказка, будучи связана с народной жизнью и бытом, всесторонне отображает психологию, мировоззрение среды, её создавшей. Это установлено многими исследователями на материале русских сказок Заонежья и Печорского края, Урала и Сибири и др. областей. То же самое можно сказать и о таджикских сказках. Таджикские сказки наитеснейшим образом связаны с природой Таджикистана, с жизнью таджикского народа. В них постоянно фигурируют Самарканд и Бухара, Пенджикент и Куляб, горы Дарваза и степи Малика, «Золотая река» – Зеравшан и многоводный Пяндж, урочища Чилигул и Чилчинар и мн.др.» [7, с.29]. «В таджикских сказках, - подчеркивает ученый, – прекрасно отображена психология трудящихся масс, их любовь к труду, к родине. Сын косагара – бедняк оказал одному падишаху большие услуги. Падишах выдал за него свою дочь. Но бедняк вскоре оставил свою жену и управление государством и возвратился на родину… Бедняк вернулся в дом своей престарелой матери и принялся за прежнее свое ремесло косагара» [7, с.30].

Одним из устойчивых способов репрезентации ценности труда в таджикском фольклоре является образ трудолюбивого героя, который противопоставляется ленивому, праздному или хитрому персонажу. Данный образ формируется на основе традиционных представлений о труде как о нравственной норме и жизненной необходимости и занимает центральное место в фольклорной концептосфере «меҳнат».

Образ трудолюбивого героя воплощается в рамках когнитивно-нарративного подхода, предполагающего рассмотрение персонажа как носителя концептуальных признаков. Как подчёркивает В.Я.Пропп, фольклорный герой воплощает социально значимые функции и ценности, признанные культурой [8, с.74-82]. В таджикских сказках одной из таких ценностей является труд.

В народных сказках трудолюбивый герой, как правило, представлен как бедный, но усердный человек, который достигает успеха благодаря настойчивости и честному труду. Его деятельность часто связана с земледелием, ремеслом или уходом за семьёй, что отражает традиционный уклад жизни. Например, в сказочных сюжетах, где герой с утра до вечера работает в поле или мастерской, подчёркивается его терпение и ответственность: «Старик был очень трудолюбив, трудился и зарабатывал деньги, работал и обретал богатство. Сыновья выросли,

он потратил все нажитое и купил каждому по дому с хозяйством, женил всех троих и успокоился [см. 4, с.11.]

Характерным примером является фольклорный мотив, в котором герой, несмотря на тяжёлые условия, не отказывается от труда, в отличие от ленивых персонажей, надеющихся на удачу или обман. В финале повествования именно трудолюбивый герой получает вознаграждение – материальное благополучие, уважение общества или семейное счастье. Данный сюжетный ход закрепляет причинно–следственную связь «меҳнат → натиҷа» (труд → результат).

Важно отметить, что образ трудолюбивого героя в таджикском фольклоре часто наделяется моральными и духовными качествами, такими как честность, скромность и уважение к старшим. Труд в данном контексте выступает не только как средство выживания, но и как показатель внутренней добродетели человека.

В сопоставительном аспекте данный образ имеет универсальные черты, встречающиеся и в других фольклорных традициях. Однако в таджикском фольклоре трудолюбивый герой чаще всего действует в рамках семьи и общины, что подчёркивает коллективистскую направленность концепта «меҳнат» и отличает его от индивидуалистических моделей, характерных для западной традиции. Таджикский исследователь М.Б.Норов, выделяя ценностную характеристику дехканина, называет, прежде всего, «положительное отношение к труду, верность традициям земледелия, например, бережное отношение к земле, взаимопомощь и коллективизм людей, объединенных общей деятельностью, общими интересами, противоположные индивидуализму, труд на энтузиазме» и др. [6, с.341]

Образ трудолюбивого героя в таджикском фольклоре выполняет функцию культурного носителя ценности труда, закрепляя в коллективном сознании представление о «меҳнат» как об основе жизненного успеха и нравственной полноценности личности. Данный образ служит важным элементом художественной вербализации концепта труда и подготавливает переход к анализу конкретных жанров фольклора.

Сказочный сюжет опирается на выявление повторяющихся нарративных сценариев, отражающих коллективные представления о должном и недолжном поведении. Как подчёркивает К.Бремон, сюжет сказки организован вокруг логики выбора и последствий, где каждое действие героя имеет ценностную нагрузку [12, с.86]. В таджикских сказках труд последовательно включается в эту логику как социально и морально оправданное действие.

Одной из распространённых сюжетных моделей является мотив вознаграждения за труд, в котором герой достигает успеха благодаря настойчивой и честной работе. В таких сказках труд часто предшествует чудесной помощи или счастливому финалу, что подчёркивает его первичность по отношению к удаче или вмешательству внешних сил. Тем самым формируется установка на приоритет усилия над случайностью. В этом ракурсе интересна сказка «Как падишах стал ткачом, а дочь пастуха – женой падишаха», героиня которой, девушка из низов, требует от правителя, полюбившего её, овладеть каким-либо ремеслом. Именно знание ремесла ткача избавляет падишаха от смерти, попавшего в руки разбойников. Таким образом, наиболее значимыми концептуальными признака-

ми труда выступают мастерство, польза, необходимость, уважение, спасение, трудолюбие, которые в совокупности представляют миропонимание таджикского этноса [16].

Другой характерной моделью является сюжет, где герой проходит испытания, связанные с трудом, – тяжёлая работа, длительное служение или выполнение сложных заданий. Эти испытания не только проверяют физическую выносливость персонажа, но и раскрывают его нравственные качества: терпение, ответственность, уважение к старшим. Труд в данном случае выступает критерием морального отбора, как это происходит в сказке «Ахмед-сирота» [16].

Анализ сюжетных моделей таджикских народных сказок показывает, что труд является структурообразующим элементом повествования, определяющим ход событий и нравственную оценку персонажей. Через сказочные сюжеты концепт «меҳнат» закрепляется как базовая ценность, обеспечивающая социальную устойчивость и моральную гармонию.

Таджикский эпос как синтетический жанр устного народного творчества представляет особый интерес для исследования вербализации концепта «Меҳнат», поскольку в нём труд осмысливается одновременно в героическом и повседневном измерениях. Эпические произведения не ограничиваются изображением подвигов и воинской доблести, а включают труд как важнейший элемент жизнедеятельности героя и общества в целом.

Эпический материала основывается на принципе двойственной семантики эпоса, в котором героическое действие сосуществует с описанием обыденной жизни. Как отмечает А.Б.Лорд, эпос отражает не только идеализированные формы поведения, но и реальные социальные практики, значимые для сообщества [13, с.178]. В таджикском эпосе труд именно таким образом включается в структуру повествования.

В эпических сказаниях труд часто представлен как основа силы и устойчивости героя. Герой, обладающий физической выносливостью и навыками труда, оказывается способным к совершению подвигов и защите общины. Таким образом, труд подготавливает героическое действие, формируя телесную и нравственную основу личности. Эта модель подчёркивает неразрывную связь между трудом и доблестью.

Наряду с этим, в эпосе широко представлены сцены повседневного труда – земледелие, ремесло, строительство, уход за семьёй. Эти эпизоды служат фоном для героических событий и одновременно выполняют аксиологическую функцию, демонстрируя, что именно труд обеспечивает стабильность и процветание общества. Герой не противопоставляется труженикам, а, напротив, является их представителем и защитником.

Таджикский эпос показывает, что труд в нём выступает как фундаментальная ценность, обеспечивающая связь между героическим идеалом и повседневной жизнью. Такое осмысление труда расширяет рамки концепта «меҳнат» и позволяет рассматривать его как ключевой элемент национальной культурной модели мира.

Лирический фольклор таджикского народа – прежде всего народные песни (сурудҳои халқӣ) – представляют собой важнейший источник реконструкции эмоционально–аксиологического измерения концепта «меҳнат». В отличие от эпоса и сказки, где труд включён в сюжетно–героическую структуру, в песенной традиции он осмысливается через личное переживание, эмоциональное состояние и жизненный опыт носителя культуры.

Анализ трудовых мотивов в народных песнях осуществляется в рамках этнолингвистического и когнитивно-дискурсивного подходов, согласно которым фольклорная лирика отражает ценности повседневной жизни и формирует эмоциональную картину мира [9, с.141-150]. В таджикских народных песнях труд часто представлен как ежедневная необходимость, сопровождаемая усталостью, терпением и внутренней стойкостью. Характерным является мотив раннего подъёма и тяжёлой работы в поле, что отражает традиционный аграрный уклад жизни. Например, в одной из распространённых народных песен говорится:

«Саҳар бархостам, ба саҳро рафтам,
Бо меҳнати сахт рӯзро ёфтам»
С утра встал, пошёл в поле,
Тяжёлым трудом день прожил.

Данный текст наглядно демонстрирует вербализацию труда как нормы существования, где «меҳнат» включён в повседневный временной цикл жизни человека. Труд здесь не идеализируется, но воспринимается как неизбежное и социально одобряемое состояние.

Особое место в лирическом фольклоре занимает женский труд, который часто описывается через мотивы домашней работы, заботы о семье и терпеливого служения. В народных песнях женский труд неотделим от нравственных ценностей скромности и ответственности. Так, в одной из песен отмечается:

«Дасти зан хона обод кунад,
Бо меҳнаташ бахтро ёд кунад.»
Рука женщины дом благоустраивает,
Своим трудом счастье призывает.

Данный пример показывает, что концепт «меҳнат» распространяется не только на общественно видимый труд, но и на скрытый, повседневный труд, который оценивается как фундамент семейного и социального благополучия.

Народные трудовые песни также нередко выполняют регулятивную и воспитательную функцию, формируя у слушателя установку на терпение и ответственность. Как отмечает известный русский востоковед, специалист в области таджикского фольклора А.Н.Болдырев, песенная традиция служит «школой жизненной морали», где труд занимает центральное место [3, с.96].

Классическая таджикская литература представляет собой один из наиболее репрезентативных дискурсов для анализа ценностной концептуализации труда, поскольку в ней «меҳнат» осмысливается не только как форма практической деятельности, но и как философско–нравственная категория, определяющая достоинство человека и устойчивость общества. В отличие от фольклора, где труд ча-

ще представлен в нормативно–дидактической форме, классическая литература раскрывает его рефлексивное и аксиологическое содержание.

Лингвокогнитивный подход даёт возможность рассматривать художественный текст как форму концептуальной репрезентации коллективного опыта. В рамках данного подхода концепт «меҳнат» реконструируется через поэтические номинации, метафоры и причинно–следственные модели.

В поэзии Абуабдуллоха Рудаки труд представлен как основа благополучия и нравственного порядка. В его дидактических бейтах чётко прослеживается связь между усилием и жизненным результатом:

Ҳар кӣ меҳнат кунад, ба ганҷ расад,
Бекорихро насиби ранҷ расад» [15, с.112].

Тот, кто трудится, достигает благополучия и достатка,
тогда как уделом бездельника становятся нужда и страдания.

В данном фрагменте вербализация труда строится на оппозиции “меҳнат / бекорӣ”, где труд концептуализируется как путь к «ганҷ» (благу), а безделье – как источник страдания. Это подтверждает наличие в таджикской литературе устойчивой когнитивной модели «труд → справедливое вознаграждение».

В эпической традиции, прежде всего в «Шахнаме» Абулкосима Фирдоуси, концепт труда расширяется до социально-государственного уровня. Наряду с воинской доблестью, Фирдоуси подчёркивает значение земледелия и созидательного труда как основы силы государства:

«Ба меҳнат бимонд мулк устувор,
На бо теғу на бо зарру кор» [18, с.86].

Сохраняет свою устойчивость благодаря труду,
А не мечу, золоту или богатству.

Данный пример демонстрирует, что в эпическом дискурсе труд концептуализируется как фактор устойчивости мира и государства, превосходящий по значимости насилие и богатство. Таким образом, «меҳнат» получает статус макроценности, выходящей за пределы индивидуального опыта.

Особое место в формировании современной концептуализации труда занимает творчество Садриддина Айни, в котором труд приобретает ярко выраженное социально–этическое и гуманистическое измерение. В повести «Одина» труд представлен как единственное средство сохранения человеческого достоинства в условиях эксплуатации:

«Одам бо меҳнат одам мемонад,
бе меҳнат одам мешиканад» [14, с.74].

Человек остаётся человеком благодаря труду,
а без труда ломается.

В данном контексте труд вербализуется как антропологический маркер человечности, что сближает концепт «меҳнат» с концептом «одам» (человек), подробно исследованным в современных таджикских лингвокогнитивных работах (ср.: Турды-Аханова И.А., 2025) .

Классическая таджикская литература формирует многоуровневую модель концепта «меҳнат», включающую индивидуальный, социальный и государствен-

ный аспекты. Через поэтические и прозаические тексты труд вербализуется как фундаментальная ценность, обеспечивающая моральную устойчивость личности и целостность общества. Советская и постсоветская таджикская литература представляет особый этап в эволюции вербализации концепта «меҳнат», поскольку труд в этот период осмысливается в условиях социальной модернизации, идеологического дискурса и последующих культурных трансформаций. Художественные тексты данного времени фиксируют переход от традиционной, фольклорно-нравственной интерпретации труда к социально-институциональной и, позднее, экзистенциально-рефлексивной модели.

В советской таджикской литературе труд часто репрезентируется как социальная миссия и коллективная обязанность, связанная с идеями прогресса и общественного блага. В произведениях Садриддина Айни позднего периода и его последователей труд становится центральной характеристикой «нового человека», формирующегося через участие в общественно полезной деятельности. Например, в романе Айни «Дохунда» труд изображается как средство социальной эмансипации и преодоления неравенства.

Характерным является и творчество Мирзо Турсун-заде, где труд нередко осмысливается в поэтической форме как созидательная сила, объединяющая людей и народы. В его стихах труд представлен не только как физическое усилие, но и как интеллектуальная и духовная деятельность, направленная на мирное созидание:

«Меҳнат аст он қуввае, ки дунёро месозад» [17, с.54].

Труд – это та сила, которая создает мир.

В постсоветский период происходит переоценка ценности труда, связанная с изменением социально–экономических условий и утратой прежних идеологических ориентиров. В современной таджикской прозе труд часто изображается как личное испытание, способ сохранения человеческого достоинства в условиях нестабильности. При этом сохраняется традиционная нравственная оценка труда, унаследованная от классической и фольклорной традиции.

Примером может служить проза конца XX – начала XXI века, где герой–труженик противопоставляется социальной пассивности и утрате жизненных ориентиров. Труд в таких текстах перестаёт быть исключительно коллективным идеалом и приобретает индивидуально–экзистенциальное измерение, сближаясь с универсальными гуманистическими ценностями.

Советская и постсоветская таджикская литература отражает эволюцию концепта «меҳнат» от коллективно–идеологической модели к более сложной, рефлексивной и индивидуализированной интерпретации. При этом базовая аксиологическая установка – признание труда как нравственной ценности – сохраняет преемственность с фольклорной и классической традицией, что подтверждает устойчивость концепта «труд» в таджикской языковой картине мира.

В таджикской художественной прозе труд последовательно репрезентируется как механизм личностного становления, формирующий характер, систему ценностей и жизненную позицию героя. В отличие от фольклорных жанров, где труд чаще выступает нормативным требованием, прозаическая традиция раскры-

вает его психологическое и экзистенциальное измерение, показывая, как труд влияет на внутреннюю эволюцию личности.

Аксиологический подход к художественному тексту, предполагающий выявление ценностных доминант, репрезентируемых через образы, мотивы и речевые характеристики персонажей. Как подчёркивает М.М.Бахтин, нравственный идеал в литературе раскрывается через поступок и ответственность героя [2, с.123]. В классической традиции (Рудаки, Фирдоуси) труд включён в систему добродетелей наряду с разумом, справедливостью и умеренностью. Трудолюбивый герой представлен как носитель гармонии между личным и общественным благом. Эта линия получает развитие в прозе Садриддина Айни, где труд становится условием нравственного выживания личности в социально несправедливых условиях. В повести «Одина» труд противопоставляется праздности и эксплуатации, а трудящийся герой сохраняет моральную целостность, несмотря на внешнее давление.

В произведениях Садриддина Айни труд выступает как ключевой фактор нравственного взросления героя. Персонажи, прошедшие путь тяжёлого труда, обретают самостоятельность и внутреннюю устойчивость. В повести «Одина» труд изображён не как внешнее принуждение, а как средство сохранения человеческого достоинства в условиях социального давления, что придаёт концепту «меҳнат» выраженную гуманистическую направленность.

В прозе второй половины XX века труд нередко используется как сюжетный катализатор, запускающий трансформацию героя. Так, в произведениях, посвящённых сельской и рабочей тематике, персонаж через труд преодолевает инфантильность, социальную зависимость или нравственный кризис. Трудовая деятельность становится пространством самопознания и самоутверждения.

Значимым является и тот факт, что в таджикской прозе труд часто противопоставляется пассивному ожиданию и социальной апатии. Герой, избирающий путь труда, демонстрирует активную жизненную позицию, тогда как отказ от труда ассоциируется с утратой смысла и деградацией личности. Данная оппозиция усиливает аксиологическую нагрузку концепта «меҳнат».

В таджикской литературе труд последовательно выступает как ядро нравственного идеала, через которое оцениваются поступки персонажей, их жизненный выбор и социальная значимость. В художественном дискурсе «меҳнат» функционирует не только как действие, но и как этический критерий, определяющий меру человеческого достоинства.

Авторская афористика и публицистика таджикских писателей представляет собой особый тип дискурса, в котором концепт «меҳнат» получает обобщённую, рефлексивную и нормативно–оценочную интерпретацию. В отличие от художественной прозы и поэзии, афористические высказывания концентрируют смысл, превращая труд в формулу жизненного принципа и общественного идеала.

В афористическом наследии Садриддина Айни труд осмысляется как универсальный показатель человеческой зрелости, нравственной устойчивости и социальной значимости личности. В его публицистических произведениях и эссеистике трудовая деятельность противопоставляется бездействию, иждивенчеству

и различным формам социальной эксплуатации, выступая фундаментом человеческого достоинства и общественного прогресса. Показательным в этом отношении является следующее высказывание:

«Меҳнат инсонро озод мекунад, ҷаҳолат ӯро ба асорат мебарад» [1, с.41].

Труд освобождает человека, невежество ведет его к рабству.

В данном афоризме концепт «мехнат» вербализуется как антитеза несвободе, что придаёт ему ярко выраженное социально-философское звучание. В публицистике Мирзо Турсун-заде труд нередко представлен как моральная и цивилизационная категория, обеспечивающая мирное развитие общества. В его очерках и речах труд трактуется как созидательная сила, объединяющая людей разных культур и национальностей. Например:

«Меҳнат пояи сулҳ ва ваҳдат аст» [10, с.19].

Труд – основа мира и единства.

Здесь труд концептуализируется как основа социальной гармонии, что расширяет его значение за пределы индивидуального и экономического измерений.

В постсоветской публицистике таджикских авторов труд часто осмысливается в контексте кризиса ценностей и поиска новых ориентиров. Публицисты подчёркивают необходимость возвращения к этике труда как условию национального возрождения и социальной ответственности. В таких текстах «меҳнат» приобретает характер морального императива, адресованного обществу в целом.

Важно отметить, что афористика и публицистика способствуют стабилизации концепта «меҳнат», закрепляя его основные аксиологические признаки в максимально сжатой форме. Афоризм превращает труд в легко воспроизводимую ценностную формулу, усиливая его воздействие на общественное сознание.

Авторская афористика и публицистика таджикских писателей репрезентируют труд как нормативно-ценностную доминанту, играющую важную роль в формировании общественного сознания. Концепт «меҳнат» в данном дискурсе выступает как философская формула, соединяющая личную ответственность и социальную миссию.

Таким образом, таджикская литература и фольклор репрезентируют труд как многоуровневую культурно-языковую ценность, включающую нормативный, нравственный, социальный и экзистенциальный компоненты. Концепт «меҳнат» в данных дискурсах выходит за рамки экономической категории и осмысливается как фундаментальный принцип человеческого и общественного бытия.

Полученные результаты подтверждают, что литературно–фольклорный материал является важнейшей эмпирической базой для исследования вербализации концепта «труд» и создаёт надёжную основу для сопоставительного анализа с другими литературными и культурными традициями, где труд концептуализируется по иным аксиологическим и прагматическим моделям.

Литература

1. Айни С. Статьи и выступления. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 320с. (на тадж.яз.)
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. – М.: Искусство, 1979. – 424с.

3. Болдырев А.Н. Таджикский фольклор. – Душанбе: Ирфон, 1988. – 272с.
4. Ибрагимова Л.К. Отражение гендерных отношений в таджикских народных сказках: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.09 / Ибрагимова Лали Кузибаевна. – Душанбе, 2003 – 23с.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1979. – 384с.
6. Норов М.Б. отражение элементов крестьянства в социальокультурной жизни таджикского народа // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – №3(89). – С.330-345.
7. Павловский Е.Н. Таджикские сказки // Таджикские сказки. – Душанбе: ИЯЛ им. Рудаки НАН Таджикистана, 2023. – С.23-44.
8. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – Л.: Academia, 1928. – 150с.
9. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Оверки по славянской этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512с.
10. Турсун-заде М. Выступления и статьи. – Душанбе: Адиб, 1985. – 256с. (на тадж.яз.).
11. Шкатова Л.А. Труд в фольклорном сознании россиян // Вестник Челябинского гос. университета. – 2016. – №4(386). Филологические науки. – Вып.100. – С.213-215.
12. Bremond C. Logique du récit. – Paris: Seuil, 1973. – 350 p.
13. Lord A. B. The Singer of Tales. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. –309p.

Источники

14. Айни С. Одина. – Душанбе: Адиб, 1989. – 224с. (на тадж.яз.)
15. Рудаки. Диван. – Душанбе: Адиб, 2007. – 480с. (на тадж.яз).
16. Таджикские народные сказки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skazkoved.ru/indeks.php?fid=18sid=988.tid=3806
17. Турсун-заде М. Избранные произведения. – Душанбе: Адиб, 1985. – 256с. (на тадж.яз.).
18. Фирдоуси А.Шахнаме. – Душанбе: Ирфон, 1987. – Т.1. – 640с. (на тадж.яз.)

THE VERBALIZATION OF THE VALUE OF LABOR IN TAJIK LITERATURE AND FOLKLORE

Saidalizoda Fotima Obid

Senior lecturer of the chair of linguistics and comparative typology
Kulob state university after names A. Rudaki
735360, Republic of Tajikistan, Kulob, S. Safarov str., 16
Ph.: (+992) 98 751 94 97 (m.)
fotim8888@mail.ru

This article deals with the portrayal of the value of labor in Tajik literature and folklore. The concept of labor is a subject of various discourses, underscoring its enduring relevance. In the culture and civilization of the Tajik people, labor is regarded as a paramount moral and social value, occupying a significant place in the works of both classical and contemporary writers, as well as in oral folk traditions. The article explores the role of labor as a means of upbringing, spiritual and personal self-improvement, societ al progress, and the strengthening of humanistic moral qualities.

The study demonstrates that in classical Tajik literature – specifically in the works of Abuabdulloh Rudaki, Abulqasim Firdowsi, Saadi Shirazi, and Abdurrahman Jami – as well as in folklore, labor is celebrated as the foundation of a dignified life and human happiness. Writers encouraged diligence, honesty, craftsmanship, and self-discovery while condemning idleness and laziness. In poems, stories, and didactic verses, labor is depicted as a symbol of honor and dignity, as well as a means to achieve honest

earnings and well-being; this indicates that labor is conceptualized in both moral-ethical and utilitarian-practical terms.

Thus, Tajik literature and folklore, by encapsulating human behavioral norms and stereotypes, serve as a reliable source for cultural and linguistic research, including comparative studies.

Keywords: labor; language; folklore; national values; culture; upbringing; craftsmanship; morality; oral folk tradition; classical literature; values.

ШЕҲРШУНОСИИ ҚИММАТИ МЕҲНАТ ДАР АДАБИЁТ ВА ФОЛКЛОРИ ТОҶИК

Саидализода Фотима Обид

Муаллими калон кафедраи забоншиносӣ ва типологияи муқоисавӣ
Донишгоҳи давлатии Кӯлоб ба номи А. Рӯдакӣ
735360, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Кӯлоб, кӯч. С. Сафаров, 16
Тел.: (+992) 98 751 94 97 (м.)
fotim8888@mail.ru

Мақола ба инъикоси арзиши меҳнат дар адабиёт ва фолклори тоҷик бахшида шудааст. Категорияи меҳнат объекти баҳсҳои гуногун аст, ки аз аҳамияти доимии он шаҳодат медиҳад. Дар фарҳанг ва тамаддуни мардуми тоҷик меҳнат яке аз муҳимтарин арзишҳои ахлоқӣ ва иҷтимоӣ ҳисобида шуда, дар асарҳои нависандагони классикӣ ва муосир, инчунин дар фолклори шифоҳӣ мавқеи назаррасро ишғол мекунад. Дар ин мақола нақши меҳнат ҳамчун воситаи тарбия, рушди маънавӣ ва шахсӣ, пешрафти иҷтимоӣ ва тақвияти хислатҳои ахлоқии инсондӯстона баррасӣ мешавад. Таҳқиқот нишон медиҳад, ки дар адабиёти классикии тоҷик, бахусус дар осори Абуабдуллоҳ Рӯдакӣ, Абулқосим Фирдавсӣ, Саъдии Шерозӣ ва Абдураҳмони Ҷомӣ, инчунин дар фолклор, меҳнат ҳамчун пояи ҳаёти шоиста ва хушбахтии инсонӣ тачлил карда мешавад. Нависандагон одамонро ба меҳнатдӯстӣ, ростқавлӣ, ҳунармандӣ ва худшиносӣ ташвиқ карда, дар айни замон бекорӣ ва танбалиро маҳкум мекунанд. Дар шеърҳо, ҳикояҳо ва байтҳои тарбиявӣ меҳнат ҳамчун рамзи шараф ва шаъну шараф, инчунин воситаи ба даст овардани даромад ва некӯаҳволии ҳалол муаррифӣ мешавад, ки нишон медиҳад, ки меҳнат ҳам аз нигоҳи ахлоқӣ ва ҳам аз нигоҳи ахлоқӣ фаҳмида мешавад. Ҳамин тариқ, адабиёт ва фолклори тоҷик, ки стереотипҳо ва меъёрҳои рафтори инсониро дар шакли мутамарказ ифода мекунанд, манбаи боэътимоди таҳқиқоти фарҳангӣ ва забонӣ, аз ҷумла таҳқиқоти муқоисавӣ мебошанд.

Калидвожаҳо: меҳнат; забон; фолклор; арзишҳои миллӣ; фарҳанг; маориф; ҳунармандӣ; ахлоқ; фолклори шифоҳӣ; адабиёти классикӣ; арзишҳо.

УДК 491.550 +811.161.1+]-56+891.550.09

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДИСКУРСИВНЫХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ СУБЪЕКТИВНУЮ МОДАЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Мирзоев Неъматулло Семахмадович

Аспирант кафедры языкознания и литературоведения
Тюменский государственный университет
625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23
Тел.: (+992) 93 885 78 45 (м.)
nematullo.2017@mail.ru

В статье рассматриваются особенности перевода дискурсивных единиц (ДЕ) с таджикского языка на русский язык (на материале книги С.Айни «Воспоминания»). Актуальность исследования обусловлена не только необходимостью комплексного осмысления самых дискурсивных единиц таджикского языка, социокультурной и языковой специфики их употребления, недостаточно изученной в отечественной лингвистике, но и способов перевода данного лексического пласта на русский язык с учетов семантических и прагматических функций каждой ДЕ. В работе описываются основные признаки ДЕ, выражающих субъективную модальность, и анализируется четыре варианта переводческих решений: эквивалентное соответствие, функционально-коммуникативное соответствие, нулевой (опущенный) вариант соответствия и добавление. Анализируются основные трудности, возникающие вследствие различий в языковой структуре и речевых нормах таджикского и русского языков. Согласно выводу автора статьи, выбор переводческого соответствия определяется не только лексико-семантическими характеристиками дискурсивных единиц, но и их ролью в структурировании дискурса и выражении логико-смысловых отношений.

Ключевые слова: таджикский язык; русский язык; дискурсивные единицы; субъективная модальность; «Воспоминания С.Айни»; перевод; эквивалентное соответствие; функционально-коммуникативное соответствие; опущение; добавление.

Введение. Дискурсивные единицы можно считать достаточно популярным объектом лингвистического исследования в зарубежном языкознании. В таджикской лингвистике они находятся на этапе становления и развития. Долгое время языковые единицы, которые сегодня рассматриваются как дискурсивные единицы (дискурсивные маркеры, дискурсивные слова), изучались в рамках служебных частей речи, вводных слов, частиц, союзов, модальных слов и междометий. Их оснавная функция описывалась, преимущественно, с точки зрения грамматики и синтаксиса, тогда как их роль в организации дискурса и коммуникации оставалась недостаточно исследованной. С развитием теории дискурса, прагматики и когнитивной лингвистики в таджикском языкознании постепенно сфор-

мировался интерес к изучению дискурсивных единиц как самостоятельной категории. Исследователи стали рассматривать такие единицы не только как элемент грамматической структуры предложения, но и как средства организации текста, выражения отношения говорящего, управления ходом общения и обеспечения связанности речи [Ходжатов 2023; Абдуаллаев 2026 и др.].

Дискурсивные единицы, выражающие субъективную модальность, представляют собой языковые единицы, функционирующие на уровне дискурса и обозначающие эпистатическое, аксиологическое или эмоционально-оценочное отношение говорящего к сообщаемому. Их основная функция заключается в маркировании степени уверенности, вероятности, оценки или субъективной интерпретации информации, что способствует адекватному восприятию коммуникативного намерения автора. Е.Х.Орехова в своем диссертационном исследовании отмечает, что «*центральное место* в зоне проблематической достоверности принадлежит субъективному-модальному значению «предположение», так как оно является ядерным смыслом в сфере модально-персуазивной классификации» (на шкале, отражающей степень уверенности говорящего, располагаются модально-квалификативные значения, которые изменяются от наименьшей уверенности к большей: сомнения, предположение, допущение мнимость и уверенность) [7, с.27]. Кроме того, к ним относятся пять основных разновидностей модальности: модальность обычности, логическая модальность, модальность эвиденциальности, контактоустанавливающее модальное значение, эмоционально-оценочная модальность [Там же]. Следовательно, выделяются разновидности данных модальных значений (к примеру, предположение на логической основе, на основе догадки и т.п.). Рассмотрим определение ДЕ с точки зрения учёных-лингвистов.

Основная часть. Дискурсивные единицы (далее ДЕ) предоставляют собой функционально-прагматические элементы языка, служащие для организации дискурса, выражения субъективной модальности, установления логических и коммуникативных связей между фрагментами текста, а также для регулирования взаимодействия между говорящим и адресатом. Как утверждает Г.Андерсен, ДЕ выполняют ключевую роль в обеспечении когерентности текста, а также реализуют метапрагматические функции. Кроме того, они направляют слушателя в интерпретации пропозиции и иллокутивной силы высказывания и осуществляют регуляции межличностных отношений в коммуникативном пространстве [13, с.147]. Э.Трауготт обращает внимание на «метатекстовую работу» выполняемую ДЕ, позволяя говорящему выражать свою оценку при помощи указания не на содержание сказанного, а на структуру [14, с.6]. Е.В.Николаева в своем исследовании анализирует дискурсивные слова, отличительной особенностью которых, по сравнению с частицами, является выражение спутанной и непосредственной реакции говорящего на текущую ситуацию. Следовательно, они дают возможность «глубже понять позиции собеседников, особенности интерпретации обсуждаемых фактов, мнений и чувств» [5, с.127].

На основании функционально-семантического критерия И.А.Шаронов выделяет ДЕ на коммуникативы и дискурсивы. Автор отмечает, что, «коммуникативы

— это особые употребления слов, фразем и коротких предложений в позиции ответных реплик диалога для стереотипного выражения оценки, мнения и эмоции как реакции на высказывание собеседника» [9, с. 608], в то время как дискурсивы понимаются им в качестве модификаторов высказывания. Исследователь подчеркивает, что семантика единицы в дискурсивной и в репликовой функции принципиально различается: «дискурсивные компоненты значения свойства ее «выветриваются», интенциональные значения меняются» [Там же]. В дискурсивной функции интернациональные компоненты значения изменяются в зависимости от позиции, что подчеркивает динамический характер языковых средств коммуникации.

В таджикском языкознании так же уделено достаточно серьёзное внимание ДЕ. Так, в «Грамматике современного литературного таджикского языка» под редакцией Ш.Рустамова и Б.Камолиддинова отмечается, что вводные конструкции и предложения выражают отношение говорящего к содержанию основного предложения, они обозначают источник и способ получения информации, актуализацию мыслей, событий и фактов, степень достоверности мысли и информации, а также соотносят данное сообщение с предыдущими и последующими высказываниями» [2, с.194]. Далее, авторы указывают на простые и сложные вводные слова и отмечают, что они могут встречаться в начале, середине и конце предложения. [Там же, с.197]. В Энциклопедии таджикского языка под редакцей Н.Амиршохи дается следующее определение ДЕ: Вводные единицы – это слова, сочетания, обороты и предложения, используемые в устной и письменной речи, которые не имеют непостредственной грамматической связи с текстом и не являются членами предложения [12, с.87]. В Энциклопедии также приводится семантическая и структурная классификация единиц данного класса и указываются условия их употребления в начале, середине и конце предложений [Там же, с.87]. В другом определении отмечается, что, «обладая в предложении разные оттенки значения, вводные слова и сочетания в таджикском языке служат для выражения субъективного отношения говорящего к высказываемой мысли. Они не могут быть членами предложения, но могут придать различные оттенки значения» [6, с.51]: ***Ман гумон мекунам, ки*** баъд аз тӯй аҳволи зиндагонии хонадони мо хеле танг шуда буд [16, с.14]. ***Мне кажется,*** что положение нашей семьи вскоре очень ухудшилось [15, с.24]. ***Мегуфтанд, ки*** ӯ дар умри худ бемор нашудааст ва дар вақти вафоташ ҳам бемор нашуд [16, с.41]. ***Рассказывали, что*** за свою жизнь ни разу не болел, даже перед смертью не чувствовал недомогания [15, с.64].

Рассматривая основные типы дискурсивных слов в таджикском и русском языках, Б.С.Абдуалиев обращает особое внимание на то, что «новые условия и потребности коммуникативного дискурса обусловили активную реализацию дискурсивных слов в аналитических материалах массовой коммуникации, что влечет необходимость более глубокого анализа данного явления языка, которое хотя и находило свое описание в научной литературе, но было на периферии исследовательских интересов, а в таджикском языкознании это вообще новая тема для исследования. В то же время в неявной форме прослеживалось понимание

дискурсивных слов, функционирующих в языке, не как средства, а как языкового приема» [1, с.91]. В таджикском языкознании эти языковые единицы рассматривались лингвистами не как дискурсивные слова, а как вводные слова и словосочетания, частицы, междометия и т.п. Другими словами, встречается терминологическая вариативность при употреблении единиц данного класса.

Большой вклад в исследование ДЕ внесли отечественные языковеды, такие как П.Джамшедов, Ф.Х.Кобилова, Б.Д.Ходжатов, Б.С.Абдуалиев, Б.Х.Наврузшоев и другие. В работх этих ученых поднимается и анализируется ряд вопросов, касающихся структурных и семантических свойств дискурсивных единиц, терминологического определения и функционирования языковых единиц данного класса в современном таджикском языкознании.

В широком понимании термина к “дискурсивным единицам” исследователи относят не только отдельные слова различных частей речи (наречие: *воқеан – действительно;* частицы: *танҳо – именно*; союзные слова: *азбаски – потому, что; ҳар вакто, ки – всякий раз,* вводно-модалные слова: *бешубҳа – безусловно; шояд ки; возможно; эҳтимол дорад, ки – наверное; албатта – конечно*, глагольные формы с неактуальной предикативностью: *фарз кунем, ки – допустим; гӯем, ки – скажем; медонед – знайте; бинед – смотрите; мефаҳмед – понимаете*), но и словосочетания, отдельные выражения (*аз ҷумла – в том числе, таъкид кардан ба мавриd аст, ки – следует отметить, что, ба монанди ин – таким же образом*) и целые предложения *(баъзе аз одамон тасдиқ мекунанд, ки – некоторые люди приводят аргументы/утверждают, что*; *аксари мардум чунин мешуморанд, ки… – многие считают, что…, ба масъалаи дигар таваҷҷуҳ кунем – обращаемся к следующему вопросу….)*. Языковые единицы данного класса не однородные, но по основным функциям одинаковы. ДЕ каким-либо образом дополняют основную информацию и облегчают процесс понимания информации адресатом в определенном дискурсивном пространстве. Все эти единицы объединяет их общий функциональный признак, т.е. регулятивная и организующая роль в дискурсе [3].

Очевидно, что дискурсивные единицы выполняют разные функции в структуре высказывания (дискурса): обеспечение смысловой целостности в процессе коммуникации, выражение эмоционального отношения, говорящего к ситуации и регуляции процесса понимания, сказанного или написанного, усиление содержательной стороны высказывания, передача модальных характеристик, обеспечение языкового оформления и выполнение других прагматических функций. Эти единицы не имеют денотативного значения и не относятся к каким-то важным социокультурным явлениям. От других единиц они отличаются на основе морфологических, синтаксических и семантических свойств. Для данных единиц языкового класса актуален их функциональный критерий (обеспечение функции когерентности в тексте и речи). Например, *илова бар ин – кроме того, хуб – хорошо, зимнан – между прочим*, *аммо (вале, лекин) – впрочем*. В этих случаях дискурсивные единицы обеспечивают когерентность дискурса либо используются как метакоммуникативные средства [10].

Особый интерес для нас представляет перевод таджикских дискурсивных единиц, выражающих субъективную модальность, на русский язык и социокультурная и языковая специфика употреблении этих единиц как в таджикском, так и в русском языке. В качестве материала исследования была выбрана книга «Воспоминания» известного таджикского писателя, основоположника таджикской классической литературы Садриддина Айни. Перевод был выполнен известным востоковедом, иранистом и переводчиком А.З.Розенфельд. Нами было проанализировано более 250 контекстов употребления дискурсивных единиц в таджикском и русском языках. В контексте нашего исследования особое внимание обращено на мемуарный дискурс, где автор повествует о своем участии в исторических событиях и объясняет свое понимание прошлой действительности с учетом общественных взглядов и политической обстановки.

Подходы к изучению ДЕ. Существует множество подходов к изучению ДЕ. Каждый из подходов рассматривает дискурсивные единицы в своем направлении. Согласно *теории закономерных соответствий*, предложенной Я.И.Рецкером [8], устанавливаются определенные параметры, внутри которых осуществляется выбор вариантов перевода ДЕ. Не давая никаких рецептов, теория соответствий вскрывает общие закономерности переводческого процесса, основанные на функциональной зависимости. При переводе с одного языка на другой приходится учитывать действия одних и тех же факторов логико-семантического порядка для передачи одного и того же смыслового содержания. Все перечисленные выше подходы в той или иной степени рассматривают ДЕ, и в нашем исследовании мы будем придерживаться теории закономерных соответствий, анализируя дискурсивные единицы в различных контекстах в книге «Воспоминания» С.Айни.

Предлагая свою теорию, Я.И.Рецкер установил закономерности соответствия между единицами оригинала и перевода на уровне языка и речи. Данная теория неоднократно изменялась и дополнялась. Её окончательный вариант предлагает следующие три соответствия: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов; 2) вариантные и контекстуальные соответствия; 3) разные виды переводческих трансформаций. Эквивалентные соответствия относятся к сфере языка, а остальные два– к сфере речи [8, с.9].

На основе предлагаемой Я.И.Рецкером классификации, а также учитывая типы переводческих соответствий, предложенных А.Л.Бураком и Т.А.Казаковой, для нашего исследования считаем уместным употребление следующих видов соответствий: 1. Эквивалентные соответствия. Данную категорию можно считать постоянным равнозначным соответствием, т.е. они не зависят от контекста. (*ман фикр мекунам – я думаю, агарчанд – хотя, яъне – то есть, мутобиқан – соответственно*), 2. Функционально-коммуникативные соответствия (вариантные, контекстуальные, культурно-ситуативные замены, перевод-описание). Данный варинат перевода устанавливается между словами, когда в языке перевода существует несколько слов для перевода одного и того же значения исходного слова. Например, таджикское слово ***яқинан*** имеет несколько

вариантов в русском языке: *несомненно, безо всякого сом-нения; безусловно; определённо, очевидно; точно, достоверно; наверняка.* Было бы ошибкой считать слово ***яқинан*** многозначным, хотя русские варианты далеко не являются синонимами. 3. Опущения (нулевое соответствие) 4. Добавления [Рецкер 1974; Бурак 2002; Казакова 2003].

Очевидно, что для изучения особенностей перевода ДЕ с таджикского языка на русский язык особый интерес представляют последние три способа перевода. Эквивалентное соответствие можно легко получить из словаря. Остальные способы перевода являются результатом творческой работы переводчика по переобразованию и воспроизведению текста с учетом социокультурных особенностей переводящего языка. Функционально-коммуникативные соответствия считаются нами достаточно труднопереводимыми, потому что в ряде случев происходит определенное изменение значения при переводе, в том числе *«окказиональными эквивалентами»* (термин В.С.Виноградова) [Виноградов 2001]. Под *окказиональными эквивалентами следует понимать* контекстуально обусловленные переводческие соответствия, не зафиксированные в словарях. Функционально-коммуникативное соответствие содержит в себе и другие виды перевода, в том числе перевод-описание и структурное преобразование предложения в тексте.

Два последных вараинта перевода – опущение и добавление – отличаются друг от друга: если при опущении смысловое содержание перевода ДЕ остается непереданным, то при добавлении с включением ДЕ в высказывании либо формируется дополнительный смысл, либо передается некий элелемент смысла, который присутствовал в исходном языке, но с другим значением.

Большинство ДЕ таджикского языка переводится с помощью способа эквивалентных соответствий: *албатта – разумеется, ман гумон мекунам, ки – я полагаю, что, масъалан – например, маълум мешавад, ки – очевидно, что, дар ҳакиқат – действительно, Худо накарда – не дай Бог, махсусан – особенно, мувофиқан – соответсвтвенно, мефаҳмед – понимайте, ба назар мерасад, ки – кажется, шояд – вероятно, гӯё, ки – по-видимому, хӯшбахтона/мутаассифона – к счастью/к сожалению, ба назари ман – по-моему, ман фикр мекунам, ки – я думаю, что, умуман – в целом, лоақал – по крайней мере, гӯш кунед – послушайте* и т.д. Эти дискурсивные единицы выражают отношение говорящего к сообщаемой информации: уверенность, сомнение, оценку, эмоции, предположение, степень достоверности.

Проанализируем различные способы перевода ДЕ, встречающиеся в «Воспоминаниях» С. Айни и в переводе книги.

1. Эквивалентное соответствие. Здесь выявлены ДЕ, которые имеют соответствующие эквиваленты в обоих языках. Например:

(1) ***Ростӣ***, ***бо вуҷуди ин*** *ки аз шиддати дард худро аз гиря боздошта наметавонистам, худам ҳам дарун-дарун механдидам* [16, с.13].

По правде говоря*, хоть я от боли не мог сдержать слез, но про себя тоже смеялся* [15, с.24].

В начале этого предложения зафиксирована ДЕ, указывающая на экспрессивность высказывания, и она переведена с помощью эквивалентного соответствия: *ростӣ – по правде говоря* (полное соответствие в обоих языках). Данный маркер показывает, что говорящий переходит к честному, откровенному высказыванию, подчеркивает искренность и создает эффект доверительного общения. Следующий пример из книги:

(2) Туро гург намехӯрад, ёбон пур аз бача, дар лаби рӯд Эргаш акаат ҳам ***будагист,*** *ӯ подаи худро бештар дар ҳамон ҷоҳо мечаронад* [16, с.20].

Иди один! Тебя волки не съедят, в степи много мальчиков, на берегу канала, ***наверное,*** *сейчас твой брат Эргаш, он чаще всего пасет свое стадо* [15, с.33].

ДЕ ***будагист*** обладает разговорным характером в таджикском языке, её эквивалент в русском языке **наверное** выражает неуверенность говорящего или его предположение. В данном фрагменте говорящий пытается убедить собеседника в том, что его брат находится там, где он обычно пасет стадо.

2. Функционально-коммуникативное соответствие. В рамках данного подхода устанавливаются закономерные соответствия, отвечающие принципу естественности звучания в ПЯ. Переводчику следует найти необходимый маркер в ПЯ, который обладает такой же функцией в ИЯ, т.е. это результат творческой работы переводчика. Например:

(3) ***– Бисёр хуб, –*** *гуфтааст имом, –* ***ин тавр бошад****, ҳар чизе, ки бой муносиб бинанд, ҳамон ҳақи хизмати ту мешавад* [16, с.33].

- Очень хорошо, – *промолвил имам,* ***- значит всё,*** *что бай сам пожалует, то и будет вознаграждением за твой труд [15, с.51].*

(4) ***Ин тавр бошад****, ба падарам «ҳалвои равғанӣ гирифта диҳед» гуфта зорӣ кун!* [16, с.16].

Ну, *подойди к отцу, похнычь и попроси: «Купите мне масляной халвы»* [15, с.28].

В примере *(3)* в диалоге маркер ***бисёр хуб*** был переведен эквивалентным соответствием ***очень хорошо***. Другая единица ***ин тавр бошад*** была переведена на русский язык словом ***значит,*** которое сигнализирует о переходе к новой теме или о продолжении разговора. В примере *(4)* данный маркер был переведен на русский язык частицей ***ну***. Здесь дискурсивная единица ***ин тавр бошад*** означает *подведение итога и вывода*, что подтверждает необходимость учитывать контекст употребления при переводе единиц данного класса. Таким образом, контекстуальное значение не привносится извне, а является реализацией потенциально заложенных в слове значений, которые можно установить из смысловой структуры слова. Рассмотрим другие примеры:

(5) Ман он вақтҳо намедонистам, ки дар диёри мо шоирҳо ҳастанд,ақидаи ман ин буд, ки «барои шеър гуфтан «валӣ» будан лозим аст, дар замони мо, ки «охир замон» аст, «валӣ» шудан мумкин нест, ***бинобар ин*** *шеър гуфтан ҳам мумкин нест»* [16, с.70].

В те ранние годы я не предполагал, что и в наших местах тоже есть поэты. Мне казалось, чтобы слагать стихи, необходимо быть "святым", а мы

живем накануне "светопреставления", и никто из нас уже не может стать святым, ***значит*** *нельзя писать стихи* [15, с.104].

Маркер **бинобар ин** в Таджикско-русском словаре (ТРС) под редакцей Я.Калонтарова дается только три варианта: *поэтому, ввиду этого, следовательно*. Но в этом примере переводчик, прибегнув к контекстуальной замене, перевел единицу таджикского языка ***бинобар ин*** на русский единицей субъективной модальности ***значит,*** которая указывает на подведение итога или переход к следующей части высказывания. Контекстуальная замена заключается в замене единицы исходного языка единицей языка перевода, не являющейся ее прямым словарным соответствием, но обеспечивающей наиболее адекватную передачу семантического, прагматического и функционально-коммуникативного содержания высказывания в конкретном контексте.

3. Опущенное (нулевое) соответствие. Это один из переводческих приёмов, при котором в тексте перевода исключаются эелементы исходного текста, не являющиеся семантически или фунционально необходимыми для передачи сымсла, с целью обеспечения языковой нормы, языкового оформления или устранения избыточности. Например, в отличие от русского языка, в таджикском языке не существует падежей и категории рода. Однако присутствуют разные виды грамматических контрукций, присущих только таджикскому языку. Например, "изофат", что совпадает с русским родительным падежом: ҳуҷра***и*** омӯзгорон – кабинет преподавател***ей***. Например:

(6) Охир бо оҳанги ғазабо луд аз модаркалонам пурсидам:

– Пас, *аз кадом вақҳ будааст, он «даъвои нони қоқ?»* [16, с.186].

В конце концов я сердито спросил бабушку:

– Какие это претензии, высосанные из пальца? [15, с.270].

В данном случае происходит опущение дискурсивной единицы субъективной модальности ***(пас),*** котрая выражает логико-семантическую связь (вывод, следствие или переход). В примере *(6)* она актуализирует субективно-модальное значение, выражая умозаключение или решение, сформированное говорящим на основе интерпретации ситуации. В примере *(6)* единица таджикского языка ***пас*** была опушена переводчиком при передаче на русский язык. Однако она достаточно значима для содержания высказывания, в связи с чем было бы правномерно передать данную дискурсивную единицу на русском языке частицей ***ну*** с учетом контекста:

(7) Падарам пай бурд, ки ман ба ӯ чизе гуфтан мехоҳам, аммо ба кадом сабаб бошад, ки нагуфта истодаам, бинобар ин пурсид:

– Чӣ мехоҳӣ, гӯй?

– Як дурӯғи худро иқрор кардан мехоҳам.

– Хуб, иқрор кун!

– Рӯза гирифтанам дурӯғ буд .

Падарам хандида гуфт: [15, с.98].

Отец догодался, что я хочу что-то сказать, но не понял причины моего молчания. Он спросил:

- *О чем ты задумался? Говори!*

- *Я хочу признаться еще в одном обмане.*
- ***Признавайся!***
- *Я обманывал, что держу пост.*

Отец засмеялся [15, с.146].

В примере *(7)* единица субективной модальности таджикского языка ***хуб,*** была опушена при переводе на русский. Причина заключается в том, что сам маркер ***признавайся*** в форме повелительного глагола в русском языке имеет в виду привлечение внимания собеседника к своему требованию, побуждению, настойчивости и управлению ходом диалога. Поэтому, если перевести "***хуб, иқрор кун!"*** на русский маркером "***ну хорошо, признавайся!"*** это, возможно, смягчит настойчивость или побуждение, и поэтому при переводе был использован приём опущения. Одна из причин применения данного приёма, по мнению В.Н. Комиссарова, "может быть обусловлена излишней конкретизацией текста оригинала, выражающейся в употреблении числительных, единиц изменения, мер веса и других уточняющих элементов в тех случаях, когда они не являются существенно значимыми для содержания высказывания" [4, с.205].

4. **Добавление**. Добавление – это переводческая трансформация, при которой в текст перевода вводятся дополнительные языковые элементы, отсутствующие в оригинале, для обеспечения семантической ясности, эксплицитности или соответствия нормам языка перевода. Цель добавления заключается в уточнении, разъяснении или компенсации скрытой информации исходного текста:

(8) Аммо касе хабар овард, ки онҳо дар рӯидарича бар болои дарахти зардолу баромада, «пинҳон шудаанд» [16, с.12].

Однако кто-то сообразил, что они, ***наверное****, «спрятались»* [15, с.22].

В данном фрагменте происходит добавление в русском переводе дискурсивной единицы субъективной эпистатической модальности ***наверное***. Причина ее добавления в русский перевод заключается в том, что говорящий показывает, что он не обладает полной уверенностью в истинности высказывания и предоставляет информацию как возможную или вероятную. Рассмотрим следующие варианты:

(9) Ин ҷавоби ман ба ӯ магар аз ҷавоби аввалиам ҳам хуштар омад, ки қаҳ қосанон хандид ва маро дубора ба оғӯш кашида сару рӯямро аз бӯсаи сероб тар кард. ***Баъд*** *аз он маро сар дода...* [16, с.62].

Наверно, *этот ответ понравился ей еще больше прежнего, она громко рассмеялась, снова обняла меня, крепко и горячо расцеловала.* ***Потом,*** *отпустив меня, она сказала…* [15, с.94].

В примере *(9)* также происходит добавление дискурсивной единицы субъективной модальности ***наверно***. Причина добавления заключается в необходимости указывать на неуверенность говорящего в истинности своих слов. Другая дискурсивная единица таджикского языка ***баъд*** была передана на русский маркером ***потом,*** что свидетельствует о полном эквивалентном соответствии в обоих языках.

Выводы. Таким образом, дискурсивные единицы выражают связанность и целостность предложения, указывают на различные отношения между говоря-

щим человеком и слушающим, выполняют роль организаторов и регуляторов в тексте и речи, передают модальные характеристики, используются как средства для языкового оформления или выполняют другие прагматические функции. Большинство ДЕ в книге «Воспоминания» С.Айни переводились с помощью эквивалентного соответствия. Функционально-коммуникативный вариант соответствия достаточно заметен при переводе, так как традиции употребления ДЕ отличаются в зависимости от культуры и социальных положений разных языков. Опущенный вариант соответствия вместе с добавлением мало употребляем, потому что он используется тогда, когда в языке перевода необходимо передать содержание текста, соответствуя принципу естественности звучания. Поэтому при переводе ДЕ нужно учитывать контекст употребления, а не вариант словарного перевода. Если переводчик пропускает ДЕ при переводе, главная информационная составляющая часто не страдает. Однако следует подчеркнуть, что ДЕ могут стать источником смысловых потерь не на информационном уровне, а на уровне реализации коммуникативно-прагматического взаимодействия между автором текста и его адресатом. В этой связи ДЕ представляют собой значительную переводческую трудность, поскольку их адекватная передача предполагает сохранение не только пропозиционального содержания, но и его прагматических и дискурсивных характеристик.

Литература

1. Абдуалиев Б.С. Особенности функционирования «дискурсивных слов» в таджикском и русском языках (на материале статей прессы): дис. … канд. филол. наук: 5.9.6/5.9.8 / Абдуаливев Бахтиёр Сафарович. – Душанбе, 2026. – 254 с.
2. Грамматика современного таджикского литературного языка: Сложные предложения. – Душанбе: Изд-во “Дониш”, 1989. – 224 с. (на тадж.яз.)
3. Киселева К.Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания: – М.: Метатекст, 1998. – 447 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
5. Николаева Е.В. Дискурсивные слова и особенности их функционирования в среднеанглийском диалогическом дискурсе // Вестник ЧГПУ им. И.Я.Яковлева – 2014. – №2. –С.122-128.
6. Норова И. Обращение и вводные слова в таджикском литературном языке –Сталинабад, 1961. – 92 с. (на тадж. яз.)
7. Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Орехова Елена Николаевна. –М., 2011. –44 с.
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. –М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
9. Шаронов И.А. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии // Диалог: материалы ежегодной Международной конференции (Москва, 1-4 июня 2016 г.). Вып. 15 (22). – М: Изд-во РГГУ, 2016. – С.605-615.
10. Шилихина К.М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – №3. – С.120-125.
11. Шилихина К.М. Дискурсивные слова как маркеры иронии // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.11. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. – С. 103-124.

12. Энциклопедия таджикского языка. –Душанбе: ЭР-граф, 2022. – 680 с. (на тадж. яз.)
13. Andersen 1998 – The pragmatic marker like from a relevance-theoretic perspective // Discourse markers / eds. A.H.Jucker, Y.Ziv. – Pragmatics and beyond, 1998. – P.147-170.
14. Traugott 1995 – Traugott E. Subjectification in grammaticalisation // Subjectivity and Subjectivisation: Linguistic Perspectives. – Cambridge: Cambridge university press, 1995. – P.31054.

материалы-источники

15. Айни С. Воспоминания / пер. А.З.Розенфельд. –М. :Наука, 1960. – 1087 с.
16. Айнӣ С. Ёддоштҳо (чаҳор қисм): Иборат аз як китоб. –Душанбе. Сарредаксияи илмии Энсиклопедияи миллии тоҷик, 2009. – 680 с.

TRANSLATION PECULIARITIES OF DISCOURSE UNITS, EXPRESSING SUBJECTIVE MODALITY (A STUDY BASED ON TAJIK AND RUSSIAN LANGUAGES)

Mirzoev Nematullo Semahmadovich

Postgraduate of the chair of linguistics and literary studies
Tyumen state university
625003, Russia, Tyumen, Lenin str., 23
Ph.: (+992) 93 885 78 45 (m.)
nematullo.2017@mail.ru

In the article, the specifics of translating discourse units (DUs) from Tajik into Russian, (based on material from S.Aini's "Reminiscences", are considered. The study is relevant due to the need for a comprehensive understanding of Tajik discourse units – and the sociocultural and linguistic nuances of their usage, which remain under-researched in domestic linguistics – as well as the need to explore methods for translating this lexical category into Russian while accounting for the semantic and pragmatic functions of each DU. The paper outlines the key characteristics of DUs that express subjective modality and analyzes four types of translation strategies: equivalent correspondence, functional-communicative correspondence, zero correspondence (omission), and addition. It also examines the primary challenges arising from differences in the linguistic structures and speech norms of the Tajik and Russian languages. According to the author's conclusion, the choice of a translational equivalent is determined not only by the lexico-semantic characteristics of discourse units but also by their role in structuring discourse and expressing logical-semantic relationships.

Keywords: Tajik language; Russian language; discourse units; subjective modality; memoirs of S Aini; translation; equivalent correspondence; functional-communicative correspondence; omission; addition.

ХУСУСИЯТҲОИ ТАРҶУМАИ ВОҲИДҲОИ ДИСКУРСИВИИ ИФОДАКУНАНДАИ МОДАЛИЯТИ СУБЕКТИВӢ (ДАР АСОСИ МАВОДИ ЗАБОНҲОИ ТОҶИКӢ ВА РУСӢ)

Мирзоев Неъматулло Семахмадович

Аспиранти кафедраи забоншиносӣ ва адабиётшиносии
Донишгоҳи давлатии Тюмен
625003, Россия, Тюмен, кӯч. Ленина, 23
Тел: (+992) 93 885 78 45 (м.)
nematullo.2017@mail.ru

Дар мақолаи мазкур хусусиятҳои тарҷумаи воҳидҳои дискурсивии (минбаъд ВД) забонҳои тоҷикӣ ва русӣ (да асоси китоби “Ёддоштҳо”-и С. Айнӣ) баррасӣ мешаванд. Мубрамии таҳқиқоти мазкур зарурати таҳлили фарогири воҳидҳои дискурсивии забони тоҷикӣ ва роҳҳои тарҷумаи онҳоро ба забони русӣ бо назардошти хусусиятҳои семантикӣ, лингвистӣ ва коммуникативии онҳо дар бар мегирад. Ҳадафи мақолаи мазкур таҳлили хусусиятҳои тарҷумаи ВД забони тоҷикӣ ба забони русӣ ва муайян кардани хусусиятҳои лингокултурологӣ ва забонии чунин воҳидҳо ҳам дар заобонҳои тоҷикӣ ва ҳам русӣ мебошад. Мақолаи мазкур вижагиҳои асосии ВД, ки модалияти субъективиро ифода мекунанд, фаро гирифта чаҳор варианти ҳалли мушкилоти тарҷумавиро матраҳ мекунад: мутобиқати муодилнокӣ, мутобиқати функсионалӣ-коммуникативӣ, ҳазфи тарҷума ва илованамоӣ. Ҳамчунин, мушкилоти асосие, ки дар натиҷаи тафовутҳо дар сохтори забонӣ ва қонуниятҳои нутқи забонҳои тоҷикиву русӣ ба миён меоянд, матраҳ мешаванд. Натиҷаи таҳқиқот нишон медиҳанд, ки интихоби мувофиқати тарҷумаро на танҳо хусуситҳои лексикиву семантикии чунин воҳидҳо муайян мекунанд, балки нақши онҳо дар созмон додани дискурс ва баёни муносибатҳои мантиқиву маъноӣ зоҳир мегардад. Натиҷаҳои таҳқиқот аҳамияти назарявӣ барои соҳаи таҳқиқоти дискурс, прагмалингвистика ва назаряи тарҷума дошта, метавонанд ҳамчун моводи амалӣ барои тарҷумаи мантҳои адабӣ истифода шаванд..

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ; забони русӣ; воҳидҳои дискурсивӣ; модалияти субективӣ; ёддоштҳои С.Айнӣ; мувофиқати муодилнок; мувофиқати функсионаливу коммуникативӣ; ҳазф; илованаомӣ.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 821.222.8.09:929

АБУ АЛИ ИБН СИНО В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Каландариён Хоким Сафар

Доктор филологических наук,
директор
Институт гуманитарных наук имени академика Б.Искандарова
Национальной академии наук Таджикистана
736001, Республики Таджикистан, Хорог, ул. У.Холдорова, 4
Тел.: (+992) 93 489 26 26 (м.)
hokim1976@gmail.com

Статья посвящена исследованию проблемы национально-культурной принадлежности выдающегося мыслителя Востока Абу Али ибн Сино в контексте современных исторических и историографических дискуссий. Отмечается, что вопрос отнесения известных исторических личностей к той или иной нации не имеет универсального международно признанного критерия, поскольку определяется совокупностью исторических, культурных, языковых и политических факторов, а также особенностями национальной политики памяти различных государств. На основе анализа исторических, философских и научных источников автор рассматривает процесс формирования личности Ибн Сино, его мировоззрения и научного наследия. Особое внимание уделяется культурно-цивилизационной среде эпохи Саманидов, оказавшей определяющее влияние на становление ученого. Обосновывается вывод, что интеллектуальное, научное и духовное развитие Абу Али ибн Сино происходило в культурной традиции таджикского народа, сформированной высоким уровнем развития науки, образования и государственности Саманидской эпохи. Полученные результаты позволяют по-новому осмыслить историко-культурный контекст формирования научного наследия Ибн Сино и его место в истории мировой цивилизации.

Ключевые слова: Абу Али ибн Сино; национальная идентичность; историческая память; таджикская культура; Саманиды; национально-культурная принадлежность; научное наследие таджиков; таджикский язык; мировоззрение; личность в истории.

Поскольку вопрос принадлежности известных исторических личностей к той или иной нации в различных странах мира определяется разными критериями, зависящими от национальных ценностей отдельных государств и политики присвоения выдающихся фигур, установить единый международно признанный критерий их этнической или национальной идентификации представляется невозможным. И если некоторые тюркоязычные страны сегодня утверждают, что Шейх Абу Али ибн Сино (980-1037) принадлежит к их этнической общности, в

этом нет ничего предосудительного. В истории существуют народы с древней государственностью и богатым культурным наследием, такие как греки и таджики, а также относительно молодые нации, которые стремятся доказать своё древнее историческое присутствие на мировой карте. Гордость за Ибн Сино означает признание того мировоззрения, под влиянием которого формировалась его интеллектуальная система, доверие к научному и культурному наследию предков, под воздействием которого он развивался, а также уважение к слову и мысли, сформированным в контексте письменной традиции предшественников.

Духовная и социально-политическая среда, в которой формировался Ибн Сино, под влиянием которой он создал свои выдающиеся труды и которая вызывает восхищение у тюркоязычных народов, не является исключительно наследием самого Сино. Это, прежде всего, признание научно-культурной среды государства Саманидов, которое являлось продуктом творчества и деятельности таджиков. Личность Абу Али ибн Сино как выдающегося учёного-энциклопедиста, философа-универсалиста и одного из величайших гениев в истории человечества сформировалась именно в культурной, научной и духовной среде таджикского народа. Его мировоззрение, общественно-политическое мышление и научная деятельность были основаны на мощной и созидательной цивилизационной традиции, заложенной и развитой государством Саманидов, когда происходило возрождение таджикского языка, литературы, науки и культуры. В этом контексте Ибн Сино рассматривается как гениальный сын таджикского народа, один из ярчайших результатов саманидской цивилизации и многовековой культуры таджиков. Его научное наследие служит убедительным свидетельством того, что таджикский народ внёс значительный и исторически значимый вклад в развитие мировой науки, культуры и цивилизации.

Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, автор фундаментального труда «Чеҳраҳои мондагор» («Незабываемые личности») Эмомали Рахмон, опираясь на глубокое историческое понимание, широкое научное мировоззрение и объективный анализ, отмечает следующее: «Рождение в X веке н.э. в таджикской семье гения, подобного Ибн Сино, не является случайностью. Это было время, которое стало одним из золотых периодов нашей литературы и культуры и принесло мировую славу государству Саманидов. Именно в этот период Сино и другим научным, культурным и политическим деятелям удалось стать яркими звёздами мировой науки и цивилизации, навсегда вписав свои имена и имя своего народа в историю человечества. Эпоха Саманидов свидетельствует, что великие культурные и научные фигуры не появляются в истории случайно: благоприятная среда способствует тому, что из множества учёных, поэтов, музыкантов и представителей интеллигенции выделяются наиболее талантливые и выдающиеся личности. Ибн Сино так же получил образование у учёных своего времени и впоследствии, благодаря исключительному интеллекту и огромному научно-творческому труду, оставил бесценное наследие в области медицины и философии» [10, с.257].

Абу Али ибн Сино является уроженцем и воспитанником богатой научной, культурной и духовной среды государства Саманидов и его цивилизационного

центра – Бухары. Именно в этой благоприятной атмосфере, характеризовавшейся поддержкой знаний, развитием культуры и возрождением национальных традиций, сформировался и достиг зрелости его выдающийся талант. Бухара эпохи Саманидов была не только политическим центром, но и одним из важнейших научных и культурных центров тогдашнего мира. Жизнь и деятельность Сино являются наглядным свидетельством высокого уровня культурного и научного развития таджикского общества того времени.

Проблема роли и места таджиков в истории государственности и цивилизации Центральной Азии относится к числу наиболее значимых и дискуссионных вопросов историографии. В различные исторические периоды, особенно после распада государства Саманидов, политические и социальные процессы привели к существенным изменениям в структуре власти и в системе межэтнических отношений региона. В этом контексте некоторые исследователи отмечают, что с утратой национальной государственности представители других этнических и социальных групп, прийдя к власти, стремились, укрепляя собственные позиции, принизить роль таджиков в развитии культуры, науки и государственности. Рассмотрение данного вопроса требует более критической и научно обоснованной оценки исторических процессов на основе источников и объективных исследований. Это, безусловно, не является новым спором или дискуссией. После исчезновения с исторической карты последних следов таджикской государственности и прихода к власти тюркоязычных правителей эпохи постсаманидского периода на протяжении длительного времени предпринимались попытки посредством критики и умаления роли коренных носителей государственности компенсировать собственные политические и институциональные слабости.

Анализ исторических процессов показывает, что, несмотря на смену политических режимов и правящих династий, вклад таджиков в развитие цивилизации, науки, литературы и культуры региона оставался значительным и устойчивым. При этом историческая оценка должна основываться не на эмоциональных суждениях или односторонних интерпретациях, а на достоверных источниках и научно обоснованных исследованиях. Именно поэтому изучение наследия государства Саманидов и роли таджиков в истории региона имеет важное значение для правильного понимания прошлого и укрепления национального самосознания. Только посредством объективного и научного анализа источников возможно достижение достоверных и обоснованных выводов.

Одним из наиболее дискуссионных явлений историографии XX века стали попытки отнесения выдающихся представителей восточного научно-культурного наследия к различным современным нациям. В этом контексте личность Абу Али ибн Сино неоднократно становилась объектом спорных интерпретаций. После образования Таджикской ССР в составе Советского Союза (1929) и начала систематического изучения историко-культурного наследия таджиков в ряде научных и политических кругов фиксируются попытки приписывания Ибн Сино другим этническим общностям, в том числе тюркским народам. Между тем достоверные исторические источники не подтверждают подобные утверждения. В его собственном труде «Китаб аш-Шифа», а также в автобиографических сведениях,

зафиксированных его учеником Абу Убайдом аль-Джузджани, указывается, что он родился в селении Афшана близ Бухары. Имя его отца Абдуллах, матери - Ситора (Ситорабону). Его научная и культурная деятельность разворачивалась преимущественно в культурной среде государства Саманидов и таких городов, как Бухара, Гургандж, Рей, Казвин, Исфахан и Хамадан.

Следует отметить, что произведения Ибн Сино написаны не только на арабском языке, но и на персидско-таджикском (дари). Его известное сочинение «Донишнаме-йе Алаи» («Книга знания») [13] относится к числу важнейших образцов научной прозы на персидско-таджикском языке. Данный факт свидетельствует о его непосредственной связи с таджикско-персидской культурной средой. На основании сведений средневековых источников и данных современной востоковедческой науки можно заключить, что Ибн Сино является продуктом культурно-цивилизационной среды эпохи Саманидов, а попытки его этнической переатрибуции носят преимущественно идеологический и политизированный характер и не имеют достаточного историко-источниковедческого обоснования.

Однако почти 90 лет назад, в 1937 году, в Стамбуле была опубликована книга под названием «Исследование жизни и трудов турецкого философа и великого учителя медицины Ибн Сино». Несмотря на то, что, как отмечалось выше и как подтверждается неоспоримыми источниками, Хаким Сино родился в таджикоязычном селении Афшана в семье, восходящей по линии отца к Абдуллаху ибн Хасану ибн Али ибн Сино, а по матери к Ситорабону, и что он жил и творил в городах таджиков того времени – Бухаре, Хорезме, Гургане, Исфахане, Рее, Казвине и Хамадане, а также создавал свои произведения на таджикском языке, тем не менее предпринимались попытки его тюркизации.

Известный иранский учёный Саид Нафиси в своём фундаментальном труде «Жизнь, творчество и мировоззрение Ибн Сино» [8] выделяет специальную главу, посвящённую вопросу «Был ли Ибн Сино турком или был тюркизирован?». Ниже приводятся основные аргументы, подтверждающие его таджикское происхождение, с их дальнейшим обобщением:

1. Города и регионы, в которых жил и осуществлял научную деятельность Абу Али ибн Сино, – Бухара, Хорезм, Гурган, Рей, Казвин, Исфахан и Хамадан относятся к древнейшим центрам иранской цивилизации. Археологические, исторические и лингвистические исследования свидетельствуют о том, что на этих территориях с древнейших времён проживали иранские (в том числе таджикские) этнические группы, игравшие ключевую роль в формировании культуры, государственности и духовной жизни региона. В IX-XI вв., то есть в период жизни Ибн Сино, персидско-таджикский язык (дари) и ирано-таджикская культурная традиция занимали устойчивое положение и служили основным средством научной и культурной коммуникации. Именно в этой цивилизационной среде формировались интеллектуальный облик и научная личность Ибн Сино, а также создавались его фундаментальные труды.

2. Абу Али ибн Сино родился в 980 г. н.э. в политико-культурной среде государства Саманидов. Лишь спустя около двенадцати лет, в 992 г., караханидский правитель Бугра-хан Харун предпринял военный поход на Бухару и вре-

менно овладел городом. Это событие стало началом расширения политического влияния Караханидов в Мавераннахре и постепенного ослабления государства Саманидов. Вместе с тем источники свидетельствуют, что тюркские племена и их представители задолго до этого периода имели военные, торговые и политические связи с Мавераннахром и даже служили в составе саманидских войск. Существенным является то, что событие 992 года впервые привело к установлению политического контроля тюркской династии над столицей Саманидов. Следовательно, детство и формирование личности Ибн Сины приходится на период, когда культурная, языковая и научная среда Бухары ещё сохраняла доминирующее влияние традиций таджикско-саманидской эпохи.

3. Абу Али ибн Сино скончался в 1037 году н.э. Более чем четыре столетия спустя, в середине XV века, под руководством Абу-л-Хайр-хана союз узбекских племён в степях Дешт-и-Кыпчак превратился в значимую политическую силу. Во второй половине XV – начале XVI века данный процесс продолжился в ходе походов Мухаммад Шайбани-хана в Мавераннахр, что привело к падению государства Тимуридов и установлению власти династии Шейбанидов. Таким образом, между периодом жизни Ибн Сино и приходом к политической власти узбекских династий в Мавераннахре существует исторический разрыв более чем в четыре столетия. Данный факт свидетельствует о том, что политическая, социальная и культурная среда, в которой формировалась научная и интеллектуальная личность Ибн Сино, относится к предшествующему периоду, задолго до установления власти узбекских династий. Во время его жизни такие крупные города региона, как Бухара, Самарканд и другие центры, ещё находились в русле государственно-культурных традиций Саманидов и последующих постсаманидских образований.

4. После прихода к власти тюркоязычных династий в Мавераннахре, особенно начиная с XI-XII вв., наряду с традиционным термином «Мавераннахр» постепенно начинает более широко использоваться термин «Туркестан» в ряде исторических и географических источников. Однако на протяжении всего средневекового периода понятие «Мавераннахр» сохраняло своё политико-географическое значение и широко использовалось историками, географами и исламскими учёными. В последующие эпохи, особенно в период правления тюркских династий, а также в русской политико-географической литературе XIX века термин «Туркестан» получил распространение как обобщённое название регионов Центральной Азии. Такая трансформация терминологии отражала политические изменения и была связана с этническими, социальными и административными преобразованиями региона.

5. С точки зрения историографии и научной методологии, отнесение Абу Али ибн Сино к этнокультурной среде, не подтверждаемой современными ему источниками, вызывает серьёзные научные вопросы. Достоверные источники X-XI вв. свидетельствуют, что Ибн Сино родился в семье таджикского происхождения и был воспитан в таджикоязычной среде Саманидской эпохи. Сохранившиеся произведения и приписываемые ему персоязычные тексты свидетельствуют о глубокой связи учёного с персидско-таджикским языком и культурой.

Вся его научная и общественно-политическая деятельность осуществлялась в пределах исторических регионов Хорасана и Мавераннахра. В этой связи любые попытки переопределения его культурной и языковой идентичности должны основываться исключительно на первичных исторических источниках и признанных научных методах. В противном случае подобные интерпретации отражают не столько результаты объективного исторического анализа, сколько идеологические и позднейшие националистические конструкции.

6. С точки зрения исторической антропологии и этнологии, тюркские народы Малой Азии (Турции) и тюркские группы Мавераннахра, несмотря на языковую принадлежность к тюркской языковой семье, формировались в различных историко-географических и политических условиях. Караханиды X-XI вв., правившие в Мавераннахре и Кашгаре, принадлежали к центральноазиатскому историческому ареалу, тогда как формирование османского народа и государства в Малой Азии происходило значительно позже и в иных условиях. Следовательно, с научной точки зрения некорректно отождествлять современных турок Турции с тюркскими династиями Мавераннахра, включая Караханидов или узбекские племенные объединения XV-XVI вв., и утверждать о прямой исторической преемственности. Между ними существует языковое родство и определённые древние этнические связи, однако их исторические пути этногенеза и государственности были самостоятельными. Таким образом, турки Турции не имеют прямой исторической связи с узбеками Самарканда и Бухары или с правителями типа Бугра-хан и его предшественников и преемников. При анализе вопросов исторической идентичности необходимо различать языковое родство, этническую принадлежность и политико-историческую преемственность.

7. При рассмотрении культурной принадлежности выдающихся исторических личностей необходимо учитывать не только позднейшие генеалогические интерпретации, но прежде всего цивилизационную, языковую и интеллектуальную среду их формирования. Зороастр, Абу Али ибн Сино и Джалал ад-Дин Балхи представляют различные исторические эпохи, однако между ними прослеживается единая культурно-языковая традиция. Их творчество, идеи и мировоззрение сформировались в рамках иранской и персоязычной цивилизации, восходящей к устойчивой интеллектуальной и литературной традиции. С точки зрения истории культуры, появление таких фигур возможно лишь в условиях развитой научной традиции, образовательных институтов, сформированного научного языка и богатого интеллектуального наследия. Именно поэтому Зороастр, Ибн Сино, Насир Хусрав, Омар Хайям, Фирдоуси, Саади, Хафиз, Джами и Джалал ад-Дин Балхи рассматриваются как звенья единой культурной традиции, а не как изолированные или случайные явления. Их историко-культурная преемственность свидетельствует о существовании длительной цивилизационной линии, породившей множество выдающихся мыслителей и поэтов. На основании этого можно обосновать, что культурная идентичность исторических личностей определяется прежде всего языком, социальной средой, литературной традицией и цивилизационным контекстом их формирования. Изучение наследия указанных

мыслителей показывает, что они сформировались в рамках устойчивой интеллектуальной традиции, существовавшей на протяжении многих столетий.

С точки зрения Саида Нафиси, если предположить тюркское происхождение Зороастра, Ибн Сино и Джалал ад-Дина Балхи, то возникает вопрос: почему на протяжении всей последующей истории тюркских народов не наблюдается сопоставимого количества аналогичных фигур? Почему после Зороастра и Ибн Сино проходит почти два тысячелетия, а затем внезапно появляется Джалал ад-Дин Балхи, после чего вновь не фиксируется сопоставимого уровня интеллектуального прорыва? Не является ли более логичным и исторически обоснованным вывод о том, что данные личности принадлежат к той цивилизационной среде, которая на протяжении веков последовательно формировала десятки и сотни выдающихся представителей науки, философии и культуры?

8. Одним из выдающихся таджикских учёных XX века является Садриддин Айни, сыгравший важную роль в развитии таджикской литературы и исторических исследований. Он создал ряд научных трудов, посвящённых личности Абу Али ибн Сино. Эти работы написаны на таджикском языке – языке, сформировавшемся в культурной среде Бухары и Мавераннахра и до настоящего времени являющемся одним из основных культурных и научных языков Таджикистана. На протяжении веков данный язык служил основным средством выражения и передачи научного и литературного наследия региона и в современных исследованиях рассматривается как продолжение традиции классического персидского литературного языка.

По свидетельству Саида Нафиси, один из наиболее известных современных таджикских учёных – Садриддин Айни, действующий президент Академии наук Республики Таджикистан, уроженец города, связанного с именем Ибн Сино, и говорящий на языке отцов и семьи Ибн Сино, написал специальную книгу о его жизни на своём родном языке, который в данном регионе сегодня называют таджикским, и который является современным литературным языком данного региона.

9. В произведениях Абу Али ибн Сино содержится ряд языковых и культурных указаний, имеющих важное значение для определения его интеллектуальной и языковой среды. Многие исследователи, включая Мухаммада Муина, Фуруги и Алиакбара Деххудо, обращали внимание на данный аспект:

a) В «Ишарат ва танбихат» (раздел логики) Ибн Сино, рассматривая способы выражения отрицания в различных языках, упоминает персидский язык наряду с другими известными языками своего культурного окружения. Это свидетельствует о его глубоком знании структуры персидского языка и признании его как одного из научных языков;

b) В «Китаб аш-Шифа», особенно в разделе, посвящённом влиянию климата на человека, Ибн Сино приводит сравнительные примеры, сопоставляя жителей различных климатических зон (например, холодных и жарких регионов). В описании климатических характеристик он отмечает, что у тюрок, привыкших к холоду, тело менее подвержено воздействию низких температур, тогда как у жителей жарких стран, таких как эфиопы, наблюдается меньшая чувствительность к

жаре. Данное высказывание является прямым свидетельством того, что автор не отождествлял себя с тюрками, а свою страну рассматривал как отличную от земель тюрков и эфиопов, воспринимая и тех, и других как чужие народы;

с) В «Канон врачебной науки» («Канун фи-т-тибб») Ибн Сино во многих случаях приводит названия лекарственных средств и растений на арабском языке, одновременно указывая их персидские эквиваленты. Такой подход свидетельствует о широком распространении персидско-таджикского языка в научной среде того времени и, вероятно, ориентирован на читателей, владеющих данным языком [8, с.92-95].

Известный таджикский философ Алоуддин Богоутдинов так же рассматривает формирование научного мировоззрения Ибн Сины как результат развитой культурной среды Бухары эпохи Саманидов. Он отмечает: «Научные взгляды Абу Али Сино формировались в Бухаре, в столице государства Саманидов в период начавшегося заката Арабского халифата»» [13, с.7].

Академик Мухаммадджон Осими, обращаясь к вопросу историко-культурного места формирования личности Абу Али ибн Сино, стремится охарактеризовать интеллектуальную среду IX-XI вв. как единое научное пространство. В этом подходе основное внимание уделяется развитой культурной среде, в которой одновременно действовали выдающиеся представители литературы, философии, медицины и астрономии. Регион Мавераннахра и Хорасана в период формирования Ибн Сино являлся одним из важнейших научных центров исламского мира, где персидско-таджикские традиции взаимодействовали с арабской научной мыслью и наследием античной Греции. Именно этот культурный синтез создал условия для развития философских и научных школ эпохи. Как пишет М.С.Осими, «Авиценна родился и вырос в той культурно-исторической среде, в которой сформировался и расцвел гений Рудаки и Фирдоуси, Абу Бакра Рози и Абу Махмуда Ходженди, Фараби и Беруни» [2, с.77].

Данное высказывание указывает не только на хронологическое сосуществование выдающихся личностей, но прежде всего на существование единого цивилизационного пространства, в рамках которого стала возможной непрерывность научного и литературного развития. Именно в этой среде сформировались такие фигуры, как Рудаки, Фирдоуси, Абу Бакр Рази, аль-Фараби, Абу Райхан Беруни и Абу Махмуд Худжанди. В данном контексте личность Абу Али ибн Сино рассматривается как логическое продолжение великой интеллектуальной традиции, в которой Бухара и весь регион Мавераннахра играли центральную цивилизационную роль.

С фонетико-ономастической точки зрения, форма «Сино» не вполне вписывается в типичные модели именования семитских или тюркских языков. Именно это обстоятельство побудило некоторых исследователей обратиться к её этимологическому анализу в рамках иранских языков, включая таджикский. По их мнению, имя «Сино» может быть связано с древними профессиональными терминами и обозначать «перло-обработчика», «мастера по обработке жемчуга» или лицо, занимающееся подобным ремеслом [6, с.27]. Хотя подобные гипотезы требуют дальнейших лингвистических и сравнительных исследований, само их су-

ществование указывает на возможность интерпретации имени «Сино» в рамках таджикско-иранской языковой среды.

По данным Юсуфа Исхаки, в X веке, в эпоху правления Саманидов, Мавераннахр превратился в один из важнейших политических, экономических и культурных центров исламского мира. Относительная политическая стабильность и внутренняя безопасность, сохранявшиеся на протяжении почти столетия, создали благоприятные условия для развития земледелия, ремёсел, торговли и городской культуры. В этих условиях регион постепенно преодолел последствия ранних арабских завоеваний и вступил в новую фазу культурного и научного возрождения.

В такой политико-экономической и культурной среде Бухара, как столица Саманидов, превратилась в крупнейший центр науки и просвещения. В город стекались учёные, поэты, мыслители и ремесленники со всего исламского мира. Знаменитые библиотеки, научные собрания и устойчивая традиция учености превратили Бухару в один из важнейших интеллектуальных центров своего времени. Именно в этой развитой культурной и научной среде формировалось мировоззрение Абу Али ибн Сино. Его интеллектуальная система была результатом не только личного гения, но и совокупного воздействия экономических, социальных, политических, правовых, религиозных и культурных факторов среды Мавераннахра эпохи Саманидов. Иными словами, научный гений Ибн Сино сформировался на основе цивилизации, создавшей благоприятные условия для развития знания, мышления и научного творчества [6, с.7-13].

По словам автора труда «Ибн Сино и медицинская наука», мыслитель жил и занимался научной деятельностью в X веке – периоде, когда таджикский народ достиг значительных успехов в экономическом и культурном развитии своего государства. Этому способствовал ряд факторов: формирование национальной государственности и освобождение страны от политического влияния Аббасидского халифата, консолидация таджикского народа, централизация системы государственного управления, способствовавшая экономическому развитию страны, а также расширение экономических и культурных связей народов Центральной Азии с различными странами Ближнего Востока. Именно в таких благоприятных политических, экономических и культурных условиях были созданы предпосылки для развития науки, литературы и философской мысли, и на историческую арену вышли такие гении, как Абу Али ибн Сино [6, с.13].

Вопрос о происхождении и этнической принадлежности султана Махмуда Газневи является одним из наиболее дискуссионных в исторической науке. Однако большинство авторитетных источников рассматривают его как представителя тюркской военно-рабовладельческой (мамлюкской) среды. Его отец Сабуктегин происходил из тюркских племён Центральной Азии. В юности он был военным рабом и поступил на службу к Алптегину, впоследствии став правителем Газны. Мать Махмуда, предположительно, происходила из местного населения Хорасана или Забулистана, однако точных данных о её происхождении не сохранилось. Исходя из этого, с точки зрения генеалогии, Махмуд Газневи обычно рассматривается как тюркский правитель. Вместе с тем государство Газ-

невидов в культурном и языковом отношении находилось под сильным влиянием иранской (персидской) традиции: официальным языком управления и литературы был персидский, многие учёные и поэты персоязычного мира творили при его дворе, а государственная и придворная культура в значительной степени продолжала традиции Саманидской эпохи. Махмуд Газневи рассматривал учёных, литераторов и поэтов прежде всего как инструмент укрепления своего политического влияния и легитимации власти. Хотя его двор являлся важным центром сосредоточения представителей науки и литературы, основной целью покровительства было не развитие науки и культуры, как таковых, а прославление военной мощи и политических достижений государства. Поэты в своих панегириках восхваляли военные победы и величие султана, а историки и учёные представляли его правление как образец сильной и победоносной власти. В такой системе ценность учёного определялась степенью его лояльности двору и соответствием его взглядов политическим интересам правителя.

Идеи, противоречащие официальной идеологии или интересам власти, не всегда находили поддержку. Поэтому покровительство науке при Махмуде Газневи носило преимущественно политико-идеологический характер и служило укреплению авторитета султана. Именно этим объясняются напряжённые отношения между ним и рядом независимых мыслителей, включая Абу Али ибн Сино. По этой причине Абу Али ибн Сино и Абу Сахл Масихи не пожелали отправиться в Газну для службы при дворе тюркского султана. Они покинули Хорезм ночью и продолжили путь через безводные пустыни Каракумов. Ю.Исхаки справедливо отмечает, что «Махмуд окружал себя учеными и поэтами не потому, что хотел содействовать развитию науки и культуры. Нет, ему ученые и поэты нужны были для того, чтобы холопски воспевалось величие его разбойничьих подвигов. Он считал учеными только тех, кто служил ему и потакал грубым суевериям повелителя» [6, с.17], в то время как мировоззрение Абу Али ибн Сино и корни его интеллектуально-культурной традиции восходят к глубокой древности, включая эпоху священной книги «Авеста» [6, с.34].

Известный таджикский писатель Сотим Улугзода называет Абу Али ибн Сино «учёным-энциклопедистом и универсальным гением своего времени», тем самым подчёркивая его исключительное место в истории человеческой цивилизации. По его мнению, хотя личность Ибн Сино принадлежит всему человечеству и его научное наследие выходит за пределы географических и этнических границ, таджики имеют полное основание гордиться тем, что такой гений вышел из культурно-исторической и социальной среды их предков [14, с.10].

Подобная точка зрения объединяет два важнейших аспекта: с одной стороны, универсальный характер личности Ибн Сино как символа человеческого разума и науки, с другой – его историческую связь с культурной средой Центральной Азии и таджикской цивилизацией. Такое сочетание универсальности и национальных корней формирует образ Ибн Сино как транснациональной, но исторически укоренённой личности.

Особую значимость приобретает тот факт, что высокие идеи Абу Али ибн Сино и других его современников сыграли важную роль в сохранении и продол-

жении научных и философских традиций в период, когда мировая цивилизация переживала сложный исторический этап. Это интеллектуальное наследие внесло значительный вклад в развитие научного сознания человечества и постепенно способствовало освобождению человека от невежества и суеверий. Как отмечает Абдулджаббор Обид, рационалистические взгляды Ибн Сино и его современников «на протяжении веков в определённой мере сохраняли мировую цивилизацию до того момента, когда человечество пришло к осознанию и окончательно освободилось от влияния невежества и тьмы. Именно поэтому шейх Абу Али ибн Сино сегодня принадлежит всему миру, и все его труды следует воспринимать с уважением, восхищаясь его разумом, талантом и гениальностью» [9, с.7-10]. Вместе с тем особую значимость приобретает тот факт, что этот гений не только принадлежит всему человечеству, но и исторически связан с таджикским народом, будучи выходцем из его культурной и исторической среды. Такое единство универсального значения и национальных корней ещё более усиливает его роль в культурном самосознании.

Авторы статьи «Ибн Сино и английская философия: преемственность во времени и пространстве» подчёркивают, что все явления и процессы природы, общества и мышления находятся в тесной взаимосвязи и образуют целостную систему. Для понимания сущности любого явления необходимо изучать его в связи с другими явлениями и в рамках всей системы в целом. Кроме того, мир постоянно находится в движении, изменении и развитии. Основным источником этого развития выступает наличие противоречий и взаимодействие противоположных сил. Именно борьба и взаимное воздействие этих сил обусловливают изменения и прогресс. Каждая ступень развития вытекает из предыдущей и одновременно создаёт основу для последующих этапов. Явления возникают не случайно, между прошлым, настоящим и будущим существует закономерная связь: «Мир на любой стадии следует рассматривать не разрозненно, а в его единстве и целостности, в связах и общих моментах, во всеобщем движении, с присущими ему проиворечиями и противобоствующими силами. В связах и общениях между частями и ступенями развития мира проблема преемственности во времени и пространстве имеет первостепенное значение» [1, с.10].

Исходя из приведённой концепции, можно сделать вывод, что появление Ибн Сино не было случайным явлением, а представляло собой результат исторической, социальной и культурной необходимости своего времени. В IX-XI веках на территории Мавераннахра и Хорасана активно развивались наука, философия, литература и культура. Крупные научные центры, библиотеки, философские школы и атмосфера свободного обмена идеями создавали условия для формирования выдающихся личностей. И появление мыслителя мирового уровня, каким был Ибн Сино, закономерно вытекало из логики развития той эпохи и отвечало духовным и интеллектуальным потребностям общества. Однако тот факт, что Ибн Сино сформировался именно в таджикской культурной среде, имеет особое значение. Эта среда являлась наследницей древних традиций иранской культуры и в эпоху Саманидов достигла нового этапа расцвета. Возрождение языка, лите-

ратуры, государственности и национальной культуры создало условия, в которых философская мысль не только сохранялась, но и обогащалась и развивалась.

С этой точки зрения Ибн Сино можно рассматривать не только как индивидуального гения, но и как итог духовного и интеллектуального развития таджикской культурной среды. Логика этого утверждения заключается в том, что гении, как правило, не возникают в вакууме. Их формирование требует комплекса исторических, социальных, экономических и культурных факторов. Без развитой интеллектуальной среды, доступа к знаниям, устойчивых традиций мышления и культурной поддержки даже выдающийся индивидуальный талант не смог бы достичь столь высокого уровня развития. Следовательно, Ибн Сино одновременно является сыном своего времени и продуктом таджикской культурной среды. Если историческая необходимость обусловила появление Ибн Сино как великого мыслителя, то именно таджикская среда и иранская цивилизационная традиция определили форму и содержательное наполнение его гениальности. Иными словами, эпоха создала условия для его возникновения, тогда как таджикская культура придала этому явлению его интеллектуальный облик, мировоззренческую глубину и творческую энергию. В этом контексте следует отметить справедливость позиции профессора А.Мухаммадходжаева, который писал: «Абу Али ибн Сино… безусловно является гордостью не только таджикского народа, но и всего человечества» [7, с.26].

Большинство исследователей и учёных мира, включая российских историков и востоковедов, не подвергали сомнению принадлежность Абу Али ибн Сино к таджикскому народу и подтверждали этот факт на основе исторических, лингвистических и культурных данных. В подтверждение данного тезиса известный советский историк В.А.Ромодин писал: «Ибн Сино был таджикским ученым. Об этом говорит его биография, об этом свидетельствует имя его матери. Ибн Сино писал научные работы на своем родном языке. Он оставил прекрасные стихи на этом языке и является одним из создателей жанра философских четверостиший в таджикском поэзии» [11, с.36].

Некоторые исследователи, ссылаясь на то, что основная часть научных трудов Абу Али ибн Сино написана на арабском языке, высказывали сомнения относительно его принадлежности к таджикскому народу. Однако подобные взгляды в большинстве случаев опровергаются другими учёными на основании совокупности исторических, языковых и культурных свидетельств. По данному вопросу В.А.Ромодин высказывает следующее мнение: «Правда, большинство своих произведений Ибн Сино писал на научном языке стран Ближнего и Среднего Востока, каковым в то время являлся арабский. Но это не значит, что Ибн Сино можно считать арабским ученым. Ведь французский философ и математик Декарт, англичанин Ньютон, великий польский астроном Коперник, так же как и другие ученые их времени в Европе, писали свои труды на латинском языке. Но разве станет кто-нибудь на этом основании отрицать, что Декарт был французом и французским ученым, Ньютон – английским, а Коперник – польским?» [11, с.36-37].

Продолжая эту мысль, он отмечает важное положение: «Сын своего народа, Ибн Сино родился и вырос в Бухаре, там он сложился как человек и как ученый. На его творчество оказали большое влияние ученые Средней Азии, его предшественники и современники, в особенности философ Фараби и ученый энциклопедист Бируни, вышедшие из среды предков узбекского народа. В буржуазной науке нередко все ученые Востока, писавшие свои работы на арабском языке, объявляются арабскими. Это глубоко ошибочно и связано с неуважением к народам Востока и к их культурному наследству… Подобное искажение истины совершенно несправедливо умаляет и национальную культуру арабов, в истории которой имеется много своих славных ученых» [11, с.37].

По мнению известного таджикского учёного Ш. Хусейнзода, «Абу Али ибн Сино является продуктом и отражением культурной среды своего времени, а его произведения показывают многообразие идей той эпохи, оказавших влияние на формирование его творчества» [16, с.5]. В этом положении выделяются два основных аспекта. Во-первых, Ибн Сино характеризуется как «продукт и отражение культурной среды своего времени», то есть формирование его личности, мировоззрения и высокого научного уровня рассматривается как результат развитой научно-культурной среды, в которой взаимодействовали научные традиции Востока, греко-индийское наследие и интеллектуальная среда Мавераннахра и Хорасана.

Во-вторых, подчёркивается, что его труды отражают «многообразие идей той эпохи». Это означает, что его произведения не являются лишь результатом индивидуального мышления, но представляют собой синтез различных философских, научных и культурных течений своего времени. Тем самым он выступает как учёный, обобщивший и развивший интеллектуальный опыт человечества.

Безусловно принадлежность великих личностей не ограничивается языковыми признаками. Язык является лишь средством выражения мысли, тогда как сущность личности определяется уровнем мышления, содержанием и направленностью её научно-философских идей. Поэтому социальная и культурная среда как основа формирования мировоззрения играет ключевую роль, а выдающиеся личности, в свою очередь, способны оказывать на эту среду обратное и ещё более глубокое влияние. Исходя из этого, Ибн Сино выступает ярким примером взаимосвязи личности и среды: он является как продуктом научной среды своего времени, так и одним из основоположников её дальнейшего развития.

Роль Абу Али ибн Сино в развитии и распространении таджикского языка не ограничивается только его литературным наследием. Он относится к числу первых учёных, которые в условиях господства арабского языка как основного языка науки, философии и культуры проявили доверие к возможностям родного языка и ввели его в сферу научного мышления. Создав ряд значительных научных и философских трудов на таджикском языке, Ибн Сино доказал, что этот язык обладает широкими возможностями для выражения сложнейших научных понятий. Именно этот аспект его деятельности исследователи рассматривают как один из значительных вкладов в историю таджикской культуры и языка.

В этой связи приведём следующее высказывание: «Ибн Сино был одним из основоположников, развивателей и популяризаторов родного языка. В условиях средневековья и господства арабского языка во всех сферах научной, культурной и общественной жизни он создал ряд научных и литературных произведений на родном языке, который в то время не относился к числу языков преподавания и научного исследования, и тем самым продемонстрировал выразительные возможности таджикского языка не только в художественной литературе, но и в исследовании сложных научных проблем. Его научные и литературные произведения «Донишнома», «Зафарнома», «Курозаи табииёт», «Джавдия» и др., написанные на таджикском языке, являются подтверждением данного положения» [15, с.173].

Из сказанного выше следует, что вклад Абу Али ибн Сино в историю таджикского языка и культуры не ограничивается лишь созданием ценных научных и литературных произведений. Он по праву относится к числу первых мыслителей, которые, опираясь на выразительные возможности родного языка, заложили основы формирования таджикского научного языка. Его сочинения на таджикском языке не только служат ярким свидетельством культурной принадлежности этого выдающегося учёного, но и демонстрируют высокий потенциал таджикского языка в выражении сложных научных и философских понятий. Ибн Сино можно считать одним из пионеров и основоположников традиции создания научных трудов на таджикском языке, который своей деятельностью внес непреходящий вклад в развитие научного мышления и укрепление культурного статуса данного языка.

В эпоху, когда арабский язык занимал положение официального языка науки и управления, обращение Ибн Сино к таджикскому языку было не просто языковым выбором, а проявлением культурного самосознания и уважения к национальному наследию. Именно благодаря его трудам научно-философские возможности таджикского языка значительно расширились, а также была создана основа для формирования научной терминологии. «Любовь к родному языку, особенно в условиях 11 века, когда Махмуд Газневид изгнал таджикский язык из государственного аппарата, принимала характер демонстративной привязанности и преданности языку. Ибн Сино в нарушение всех «приличий» не только стихи, но и некоторые философские труды пишет по-таджикски, создает философскую терминологию, изгоняя подобно Фирдоуси, арабизмы из языка. В своих же арабоязычных произведениях он не раз приводит примеры из таджикского языка, что считалось тогда одиозным» [3, с.158].

В своих произведениях, особенно в «Донишнома», он использовал слова и терминологию, основанные на структуре таджикского языка, для выражения научных понятий. Тем самым он способствовал превращению таджикского языка в язык научного мышления и заложил основы развития национальной научной терминологии. В этом смысле его можно считать одним из основоположников таджикского научного языка. Эту мысль В.А.Ромодин формулирует следующим образом: «Философская работа Ибн Сино «Донишнома» («Книга знания») – один из первых известных нам памятников научной прозы на таджикском языке. На

своем родном языке Ибн Сино написал также и медицинский трактат о пульсе. В «Донишнома» впервые вводится ряд терминов, взятых Ибн Сино из своего родного языка и образованных им от корней этого языка, для замены арабских научных терминов» [11, с.37]. Его усилия по использованию и созданию научной терминологии на основе ресурсов родного языка заложили важную основу для расширения научных возможностей таджикского языка. В этом смысле его можно рассматривать как одного из основоположников традиции научного письма на таджикском языке и одного из пионеров формирования таджикского научного языка.

Когда речь заходит об Абу Али ибн Сино и других гениальных представителях его эпохи, наше восхищение не ограничивается их национальной принадлежностью. Истинная ценность этих великих личностей заключается в том, что силой разума и знания, своими бессмертными трудами и гуманистическими идеями они внесли огромный вклад в освобождение человечества от оков предрассудков, суеверий и невежества, проложив путь к познанию, самосознанию и интеллектуальному развитию. Эту мысль ясно подчёркивает автор фундаментального труда «Худжат ал-хак Абу Али Сино», который пишет: «Буали и его современники в средние века были единственными властителями на поле знания, по сути, они спасли человечество от уничтожения и гибели» [4, с.723].

Особый интерес представляют взгляды известного ученого-востоковеда И.С.Брагинского, который стремится оценить мировое значение Ибн Сино в связи с его национальными корнями и исторической средой формирования. Он пишет: «Об Ибн Сино написаны десятки и сотни книг и статей. Иные буржуазные профессора изрядно постарались исказить его образ, настолько, что отголоски этих искажений иногда проникали и в статьи советских авторов. Например, порочная легенда об Ибн Сино как о безродном скитальце, некоем космополитическим «гражданине вселенной». Это – неправда. Ибн Сино действительно мыслитель международного значения, деятель мировой культуры, но, как всякий действительно великий человек, он глубоко национален. Не поняв этого, нельзя понять той исторической среды, которая его породила и сделала поборником разума. Известно, что не великие люди, как бы они ни были велики, творят историю, а история творит великих людей, народ порождает их. Ибн Сино не безроден, у него была родина, которую он горячо любил – Средняя Азия, и народ, который породил его – таджики. Творчество Ибн Сино непосредственно примыкает к развитию прогрессивной философской мысли и поэзии в Средней Азии X-XI веков. Основанием этого развития был могучий подъем народного движения в Средней Азии VIII-X веков, в котором ведущую роль играли массы таджикского народа» [3, с.156-157].

«Ибн Сино – это наследие всего мира, и каждый народ по-своему вспоминает его», - отмечает И.С.Брагинский [3, с.164]. Разные народы почитают его как одну из выдающихся фигур науки и культуры, оценивая его вклад с точки зрения собственных исторических и культурных традиций. Иначе говоря, универсальность его наследия проявляется в его глобальном значении, тогда как

формы его восприятия различаются в зависимости от исторического опыта и культурной традиции каждого народа.

С этой точки зрения, особый интерес представляет и мнение азербайджанского учёного Зияддина Геюшева: «Сравнительный анализ этических взглядов таких видных представителей философской мысли Азербайджана, как Бахманяр ал-Азербайджани (11 в.), Низами Гянджеви, Афзалиддин Хагани (12 в.), Насируддин Туси, Махмуд Шабустари (13 в.), Имамеддин Насими (14 в.), Мухаммад Физули (16 в.) и других, убедительно доказывает, что их мысли по всем кардинальным вопросам этики не только созвучены с мыслями Ибн Сино, но и полностью идентичны. Если сюда добавить еще и тот факт, что некоторые из этих азербайджанских мыслителей непосредственно ссылались на труды Ибн Сино, то становится ясным, что совпадение, созвучность и идентичность этических мыслей азербайджанских мыслителей и Ибн Сино вовсе не были случайными. Они имели глубокие корни и солидные основания» [5, с.69].

Представленная точка зрения является интересной, обоснованной и заслуживающей внимания, поскольку сходство, созвучие и идейная близость этических взглядов различных мировых мыслителей с идеями Ибн Сино не могут рассматриваться как случайное явление. Их теоретическое единство является результатом взаимного влияния общих философских, культурных и духовных традиций Востока и формировалось на основе богатого научного наследия и рационалистического типа мышления. Наличие прямых ссылок на труды Ибн Сино в произведениях ряда мыслителей также подтверждает существование реальной интеллектуальной преемственности и духовно-научных связей между ними. Иначе говоря, общность и близость их этических воззрений имеют глубокие исторические, философские и культурные корни и обусловлены единством цивилизационной среды и общих традиций мышления.

Советский туркменский ученый, доктор философских наук, профессор, в своё время президент Академии наук Туркменской ССР Г.О.Чарыев называл Авиценну воплощением гордости цивилизованного человечества. Он подчёркивает: «Авиценна – гордость цивилизованного человечество, олицетворяющий мудрость народов Средней Азии, их гений, их дух, их природу. Мы с любовью говорим, что Авиценну дала Средняя Азия подобно тому, как Аристотеля дала древняя Греция, Джордано Бруно – Италия, Бэкона – Англия, Гегеля – Германия, Ломоносова – Россия» [17, с.65].

Известный востоковед, крупный специалист по истории Центральной Азии А.Ю.Якубовский, обладавший глубокими знаниями о народах региона и стремившийся в своих научных трудах к объективному и научно-строгому подходу, прямо подчёркивает, что Ибн Сино происходил из среды таджикского общества, вырос и сформировался в культурной, научной и духовной среде таджиков: «По происхождению таджик, Авиценна и как ученый сложился на таджикской культурной почве в самом центре Средней Азии – Саманидской столице, Бухаре» [18, с.87].

Эта точка зрения также находит отражение в работах известного русского советского востоковеда, доктора исторических наук А.А.Семёнова, который,

опираясь на собственный научный анализ, приходит к выводу о важной роли культурной среды таджикского народа в формировании личности и мировоззрения Ибн Сино: «Ибн Сино оформился как ученый на заключительном этапе существования в Средней Азии и Хорасане таджикского государства Саманидов. Эпоха Саманидов знаменовала собой возрождение культуры таджикского народа, подавленной арабскими завоевателями» [12, с.3].

Итак, в целом наша мысль сводится к тому, что выдающиеся личности мирового масштаба формируются в рамках своей историко-культурной и научной среды и появление значимой фигуры в истории не может быть случайным явлением. В этой связи попытки учёных из разных стран по разным основаниям и критериям приписывать Абуали ибн Сино к своей национальной принадлежности не имеют научного и исторического обоснования. Подобные дискуссии никоим образом не умаляют его связи с таджикским народом и не ставят под сомнение его принадлежность к таджикской интеллектуальной традиции. Его ценнейшее наследие, язык, среда формирования, культурные связи и аргументация десятков отечественных и зарубежных исследователей ясно доказывают, что Ибн Сино является сыном этой цивилизационной среды и прямым наследником научных и культурных традиций таджиков. Поэтому сохранение, изучение и популяризация его наследия – это не только проявление уважения к мировому гению, но и сохранение исторической памяти, укрепление национального самосознания и поддержание связи поколений настоящего и будущего с подлинными источниками культуры таджикского народа.

Литература

1. Аликулов Х., Шадманов К. Ибн Сино и английская философия: преемственность во времени и пространстве // Абу Али ибн Сина и мировая цивилизация: тезисы докладов Международной научной конференции. – Душанбе: Дониш, 2005. – С.10-12. (на тадж.яз.).
2. Асимов М.С.(Осими М.С.) Авиценна и мировая цивилизация // Азия и Африка сегодня. – 1980. – №5.
3. Брагинский И.С. Очерки из истории таджикской литературы. – Сталинабад: Полиграфкомбинат, 1956. – 452 с.
4. Гавхарин С.С. Худжат ал-хак Абу Али Сино. – Тегеран: Тус, 1356. – 723 с. (на перс.яз.)
5. Геюшев З.Г. Ибн Сино и средневековая азербайджанская этическая мысль // Торжество разума: материалы Международной сессии, посвященной 1000-летию со дня рождения Абуали ибн Сино. – Душанбе: Дониш, 1988. – 393 с.
6. Исхаки Ю.Б. Ибн Сино и медицинская наука. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 175 с.
7. Мухаммадходжаев А. Вклад Ибн Сино в развитие мировой культуры // Абу Али ибн Сино и мировая цивилизация: тезисы докладов Международной научной конференции. – Душанбе: Дониш, 2005. – С.26-29. (на тадж.яз.)
8. Нафиси С. Жизнь, творчество и мировоззрение Ибн Сино. – Тегеран: Асотир, 1384. – 471с. (на перс.яз.)
9. Обид Абдулджабор. Философия Ибн Сино и её историческое значение // Абу Али ибн Сино и мировая цивилизация: тезисы докладов Международной научной конференции. – Душанбе: Дониш, 2005. – С.7-10.
10. Рахмон Э. Незабываемые личности. – Душанбе: Эр-граф, 2023. – 424 с. (на тадж.яз.)

11. Ромодин В.А. Великий учёный Средней Азии Ибн Сино (Авиценна). – М.: Знание, 1952. – 40 с.
12. Семёнов А.А. Абу Али Ибн Сино. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1953. – 63 с.
13. Сино И. Дониш-намеманзура / пер. и предисл. акад. АН Тадж. ССР, д. филос. наук, проф. А.М.Богоутдинова. – Сталинабад: Таджикское государственное изд-во, 1957. – 285 с.
14. Улугзода С. Старейшина восточных мудрецов. – Душанбе: Маориф, 1980. – 196 с. (на тадж.яз.)
15. Хаскашев Т. Ибн Сино и порождающая фонетика // Проблемы Ибн Сино (литературное наследие, традиции и связи). – Душанбе: Таджикский государственный университет, 1980. – С.173-184. (на тадж.яз.)
16. Хусейнзода Ш. Облик и личность Ибн Сино // Проблемы Ибн Сино (литературное наследие, традиции и связи). – Душанбе: Таджикский государственный университет, 1980. – С.3-7. (на тадж.яз.)
17. Чарыев Г.О. Авиценна и Ренессанс // Торжество разума. Материалы Международной сессии, посвященной 1000-летию со дня рождения Абуали ибн Сино. – Душанбе: Дониш, 1988. – 393 с.
18. Якубовский А.Ю. Абу Али ибн Сино и его время // Вопросы истории. – М.: Правда, 1959. – №9.

ABU ALI IBN SINA IN THE CULTURAL AND HISTORICAL SPACE OF THE TAJIK PEOPLE

Qalandariyon Hokim Safar

Doctor of philological sciences
Institute of humanities named after academician B.Iskandarov
National Academy of sciences of Tajikistan
736001, Republic of Tajikistan, Khorog, U. Kholdorov str., 4
Ph.: (+992) 93 489 26 26 (m.)
hokim1976@gmail.com

This article examines the issue of the national-cultural identity of the prominent Eastern thinker Abu Ali Ibn Sina within the context of contemporary historical and historiographical debates. It notes that there is no universally recognized international criterion for attributing famous historical figures to a specific nation; rather, such attribution is determined by a combination of historical, cultural, linguistic, and political factors, as well as the specific national policies regarding historical memory in various states. Through an analysis of historical, philosophical, and scientific sources, the author explores the formation of Ibn Sina's personality, worldview, and scientific legacy. Particular attention is paid to the cultural and civilizational environment of the Samanid era, which played a decisive role in the scholar's development. The article concludes that Abu Ali Ibn Sina's intellectual, scientific, and spiritual growth unfolded within the cultural tradition of the Tajik people – a tradition shaped by the advanced state of science, education, and statehood during the Samanid period. These findings offer a fresh perspective on the historical and cultural context in which Ibn Sina's scientific legacy was formed and on his place in the history of world civilization.

Keywords: Abu Ali Ibn Sina; national identity; historical memory; Tajik culture; Samanids; national-cultural affiliation; scientific heritage of the Tajiks; Tajik language; worldview; the individual in history.

АБУАЛӢ ИБНИ СИНО ДАР ФАЗОИ ФАРҲАНГӢ ВА ТАЪРИХИИ МАРДУМИ ТОҶИК

Қаландариён Ҳоким Сафар

Доктори илмҳои филология,
директор
Институти илмҳои гуманитарии ба номи академик Б. Искандарови
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
736001, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хоруғ, кӯч. У. Холдоров, 4
Тел.: (+992) 93 489 26 26 (м.)
hokim1976@gmail.com

Мақолаи мазкур ба таҳқиқи масъалаи мансубияти миллӣ ва фарҳангии мутафаккири барҷастаи Шарқ Абуалӣ ибни Сино дар заминаи баҳсҳои муосири таърихӣ ва таърихнигорӣ бахшида шудааст. Зикр мегардад, ки масъалаи мансуб донистани шахсиятҳои маъруфи таърихӣ ба ин ё он миллат дорои меъёри ягонаи эътирофшудаи байналмилалӣ нест, зеро он аз маҷмуи омилҳои таърихӣ, фарҳангӣ, забонӣ ва сиёсӣ, инчунин аз хусусиятҳои сиёсати хотираи миллӣ дар давлатҳои гуногун вобаста мебошад. Дар асоси таҳлили сарчашмаҳои таърихӣ, фалсафӣ ва илмӣ муаллиф раванди ташаккули шахсияти Абуалӣ ибни Сино, ҷаҳонбинӣ ва мероси илмии ӯро мавриди баррасӣ қарор медиҳад. Таваҷҷуҳи махсус ба муҳити фарҳангӣ ва тамаддунии давлати Сомониён равона гардидааст, ки дар ташаккули шахсияти илмии ин донишманд нақши ҳалкунанда доштааст. Дар мақола асоснок карда мешавад, ки ташаккули зеҳнӣ, илмӣ ва маънавии Абуалӣ ибни Сино дар муҳити фарҳангии мардуми тоҷик, ки бар пояи сатҳи баланди рушди илм, маориф ва давлатдории аҳди Сомониён шакл гирифта буд, сурат пазируфтааст. Натиҷаҳои таҳқиқ имконият медиҳанд, ки заминаҳои таърихию фарҳангии ташаккули мероси илмии Абуалӣ ибни Сино ва ҷойгоҳи он дар таърихи тамаддуни ҷаҳонӣ аз дидгоҳи нав арзёбӣ ва бозшиносӣ карда шаванд.

Калидвожаҳо: Абуалӣ ибни Сино; ҳувияти миллӣ; хотираи таърихӣ; фарҳанги тоҷик; Сомониён; мансубияти миллӣ ва фарҳангӣ; мероси илмии тоҷикон; забони тоҷикӣ; ҷаҳонбинӣ; шахсият дар таърих.

УДК 82.091:82.03

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ КОЛЬМАНА БАРКСА И ФЕНОМЕН «АМЕРИКАНСКОГО МАВЛЯНА» В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Суфизода Шодимухаммад Зикриёпур

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) уинверситет
директор
Центральная научная библиотека
имени И. Ганди Национальной академии наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 33
Тел.: (+992) 90 770 11 11 (м.)
sufizadeh@gmail.com
SPIN-код: 8674-4201, AuthorID: 446104,
https://orcid.org/0009-0005-7622-4486

Ахтамова Мунира Усмановна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 918 64 69 12 (м.)
ahtamova@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена несоответствием между широкой популярностью поэтических версий Мавляна, созданных Кольманом Барксом, и фрагментарностью их научного осмысления. Цель статьи заключается в систематизации основных подходов к изучению Баркса и проверке гипотезы об «американском Мавляна» как результате многоступенчатой культурно-поэтической трансформации. Основной аналитический корпус исследования составили 14 научных публикаций 2000-2025 годов. Применены критический анализ научной литературы, сравнительно-литературоведческий, историко-литературный и рецептивный подходы, а также элементы переводоведческого, интертекстуального, поэтологического и нарратологического анализа. Исследовательское поле систематизировано с учетом историко-рецептивных, переводоведческо-генеалогических, доместикационно-адаптационных, религиозно-интертекстуальных, идеологических, поэтологических, нарратологических, паратекстуальных и рецептивно-социокультурных интерпретаций. Установлено, что наиболее подробно разработаны проблемы американизации, деисламизации и одомашнивания, тогда как генеалогия отдельных версий и классическая персидская поэтика привлекаются недостаточно. Предложена модель,

различающая текстовую операцию, поэтическое следствие, интерпретационный и рецептивный эффекты, введено рабочее понятие селективной универсализации. Показано, что текстуальная потеря и рецептивное приобретение могут быть сопряженными последствиями одной трансформации. «Американский Мавляна» определяется как транскультурное текстовое и рецептивное образование, сформированное многоступенчатым посредничеством, переписыванием и реконтекстуализацией в принимающей культуре.

Ключевые слова: Кольман Баркс; Мавляна Джалаладдин Руми; «американский Мавляна»; художественный перевод; поэтическая версия; переписывание; одомашнивание; деисламизация; рецепция; классическая персидская поэтика.

Введение. Англоязычная рецепция Джалаладдина Мавляна сложилась задолго до появления книг Кольмана Баркса. В XIX и первой половине XX века знакомство западного читателя с наследием Мавлоно определялось, прежде всего, академическим востоковедением, филологическим переводом и суфиеведением. Особое место в этой традиции заняли Рейнольд Эллейн Николсон и Артур Джон Арберри. Их переводы сопровождались лингвистическими, историческими и религиозными пояснениями и ориентировали читателя на культурно удаленный текст. Франклин Д. Льюис рассматривает западную рецепцию Мавляна как длительный процесс, в котором академическое изучение, перевод, литературная адаптация и формирование нового культурного образа поэта последовательно взаимодействуют [6, с.499-616]. Амир Садакат показывает, что во второй половине XX века характер этого посредничества заметно меняется. Особенно отчетливо с 1980-х годов в Северной Америке развиваются популяризаторские версии, включающие Мавляна в новую поэтическую, издательскую и духовную среду [12, с.223-235].

Кольман Баркс стал одной из наиболее заметных фигур этого этапа англоязычной рецепции Мавляна. Его книги существенно расширили присутствие поэта в массовой культуре, однако способ их создания не соответствует модели непосредственного перевода. Баркс не владел персидским языком и значительную часть текстов создавал на основе английских переводов Николсона и Арберри. В других случаях он использовал буквальные английские версии и пояснения Джона Мойна. Между персидским оригиналом и текстом, воспринимаемым американской аудиторией как «Мавляна», находился по меньшей мере один посреднический текст. Поэтому исследование Баркса не может ограничиваться оценкой переводческой точности. Необходимо учитывать границы перевода и адаптации, соотношение межъязыкового переноса и внутриязыкового переписывания, изменение поэтики и религиозного интертекста. Столь же существенны книжная композиция, авторский комментарий и связь этих преобразований с читательской рецепцией.

За последние десятилетия сформировалось значительное, но методологически неоднородное поле исследований Баркса. Его практику описывают через одомашнивание (domestication), деисламизацию (de-Islamization), американизацию, культурную апроприацию (appropriation) и идеологическую манипуляцию. Другие работы сосредоточены на свободном

стихе, повествовательной структуре, паратексте, книжном рынке и транснациональной «литературе мудрости». Эти подходы раскрывают разные стороны одного процесса, но нередко используют категории различных аналитических уровней как взаимозаменяемые. Так, термин domestication может обозначать устранение коранической аллюзии, синтаксическое упрощение, замену метрической организации свободным стихом, сокращение повествования или тематическую перегруппировку фрагментов. Такая широта позволяет обозначить общий вектор адаптации, но затрудняет анализ механизма конкретного преобразования.

Центральная проблема статьи заключается в том, как современное литературоведение объясняет возникновение транскультурного образования, условно обозначаемого как «американский Мавляна», и почему существующие объяснения пока не образуют целостной модели. Рабочая гипотеза предполагает, что этот феномен нельзя свести к одной переводческой стратегии. Его формирование связано с многоступенчатой культурно-поэтической трансформацией. В ней соотносятся персидский исходный текст, конкретный английский текст-посредник, поэтическое переписывание Баркса (rewriting), паратекстуальная и антологическая реконтекстуализация (recontextualization), нормы современной американской поэзии, духовная культура и механизмы читательской рецепции. Эта гипотеза не принимается как заранее доказанная. Анализ должен показать, какие ее звенья подтверждаются существующими исследованиями, а какие остаются задачей дальнейшей текстологической работы.

Постановка проблемы, материал и методология исследования.

В центре исследования находится современное научное осмысление англоязычных версий Мавляна, связанных с Кольманом Барксом. Предметом анализа служит структура исследовательского поля, включая используемые понятия, уровни анализа, пересечения между подходами и сохраняющиеся лакуны. Цель статьи состоит в построении аналитической типологии работ о Барксе и на этой основе в уточнении модели формирования «американского Мавляна». Для ее достижения определяется место Баркса в истории англоязычной рецепции Мавляна, уточняется жанровый и переводоведческий статус его текстов, сопоставляются исследования одомашнивания, деисламизации, идеологической трансформации, поэтики, нарратива, паратекста и массовой рецепции. Такое сопоставление позволяет выявить совпадающие выводы, различить аналитические уровни и обозначить области, где аргументация остается недостаточной. Результаты настоящего метаанализа при этом отделяются от задач будущего непосредственного текстологического сопоставления.

Основной аналитический корпус исследования составили четырнадцать научных публикаций 2000-2025 годов, посвященных Барксу, американской рецепции Мавляна или методологически значимым звеньям англоязычного посредничества. Корпус включает две монографии и двенадцать статей Франклина Д. Льюиса, Амиры Аз-Зайн, Абульфазла Хурри, Умида Азадибугара

и Саймона Паттона, Биты Нагме-Аббаспур с соавторами, Ахмада Шарифи и Мохаммада Резы Хашеми, Вахида Медхата, Хосейна Пирнаджмуддина и Паём Аббаси, Ф.Батул Джахан Артун, Келли Уошборна, Амира Садаката и Абир Пирачи. К этому корпусу привлечена статья Катайун Афзали 2025 года о филиации между переводами «Диван-и Шамс» Николсона и Арберри [1, с.1-21]. Она не рассматривает Баркса непосредственно и потому не включается в типологию исследований его творчества. Ее значение состоит в том, что она демонстрирует возможность реконструкции генеалогии англоязычных версий Мавляна как самостоятельной текстологической задачи и тем самым обосновывает необходимость учитывать конкретный текст-посредник.

Основу методологии составляет систематизация и критический анализ научной литературы. Сравнительно-литературоведческий и историко-литературный подходы используются для сопоставления моделей западной рецепции Мавляна и определения места Баркса в переходе от ориенталистско-филологического перевода к массовой транскультурной циркуляции. Сравнительно-переводоведческий анализ направлен не на новую построчную текстологическую сверку персидского оригинала с Барксом, а на сопоставление типов трансформаций, выявленных предыдущими исследователями, и способов их теоретического объяснения. Рецептивный подход применяется к работам об американском книжном рынке, New Age («Новая эра»), self-help («самопомощь») и секулярной духовности. Интертекстуальный и пара-текстуальный анализ необходим при рассмотрении исследований коранических аллюзий, комментариев, антологизации и новых заглавий. Поэтологические и нарратологические категории используются для систематизации опубликованных наблюдений о стиховой форме, дикции, метафорике и повествовательной структуре. Все цитаты из англоязычных исследований здесь и далее приводятся в переводе авторов статьи.

Методологические границы исследования требуют отдельного уточнения. Настоящая статья не содержит самостоятельной колляции полного персидского корпуса с конкретными текстами Николсона, Арберри, Мойна и Баркса. Поэтому обнаруженные в научной литературе трансформации нельзя автоматически приписывать Барксу без проверки их происхождения. Текстологическая перспектива имеет здесь метааналитический характер: оценивается, учитывает ли конкретное исследование генеалогию версии и различает ли изменения, возникшие при межъязыковом переводе, от преобразований, внесенных Барксом в процессе последующего переписывания. Такое разграничение позволяет не выдавать программу дальнейшей текстологической работы за уже выполненный анализ.

Научная новизна работы связана с систематизацией разрозненных исследований в единую типологию и с построением многоуровневой модели анализа. Типология охватывает историко-рецептивные и переводоведческо-генеалогические подходы, исследования одомашнивания и адаптации, религиозно-интертекстуальную и идеологическую критику, поэтологические и нарратологические работы, а также паратекстуальные и рецептивно-социокультурные интерпретации. Их сопоставление позволяет различать

текстовую операцию, ее поэтическое следствие, интерпретационный и рецептивный эффекты. Удаление религиозно маркированной единицы относится к уровню текстовой операции. Ослабление интертекстуальной связи становится ее возможным поэтическим следствием. Универсализирующее прочтение относится к интерпретационному эффекту, а повышение доступности для части аудитории относится к рецептивному эффекту. Такое разведение уровней позволяет рассматривать «потерю» и «приобретение» не как оценочные характеристики перевода, а как различные последствия одной трансформации.

Типология исследований переводческого проекта Кольмана Баркса.

Историко-рецептивный подход сосредоточен на реконструкции англоязычной традиции, внутри которой стали возможны книги Баркса. Франклин Льюис показывает, что западный образ Мавляна формировался в длительном взаимодействии академических переводов, биографических и суфиеведческих интерпретаций, популяризации и литературной адаптации [6, с.499-616]. Садакат расширяет эту перспективу сравнением английской, французской и немецкой рецепции и подробно описывает переход от филологически ориентированного посредничества к популярным версиям второй половины XX века [12, с.223-235]. В такой перспективе Баркс предстает не изолированной фигурой, а участником исторической смены режимов культурного посредничества. Преимущество этого подхода заключается в рассмотрении перевода как части более широкой рецептивной системы. Его предел проявляется там, где общая история не позволяет установить происхождение конкретного решения в отдельной версии.

Переводоведческо-генеалогический подход связан со статусом текстов Баркса и структурой посредничества. Исходное положение достаточно определенно: Баркс не переводил Мавляна непосредственно с персидского и опирался на английские переводы или буквальные версии. Льюис считает необходимым отличать перевод от адаптации, созданной через уже существующий перевод [6, с.644-646]. Садакат формулирует жанровую проблему прямо: «многие из этих публикаций технически не являются переводами, а представляют собой гипертекстуальные практики, называемые “версиями”» [12, с.225]. Для подобных случаев он использует также обозначения адаптация (adaptation), переписывание (rewriting), гипертекстуальный перевод (hypertextual translation) и поэтическая версия (poet’s version), подчеркивая различие между межъязыковым переводом и последующим творческим преобразованием английского текста [12, с.225-226, 243-255]. Разнообразие терминов показывает, что исследовательское поле не выработало единого жанрового определения для текстов Баркса. В настоящей статье используется нейтральное обозначение «поэтическая версия», которое фиксирует вторичность текста по отношению к Мавляна, но не предрешает вопрос о степени эквивалентности.

Исследования одомашнивания и адаптации сосредоточены на приспособлении текста к принимающей культуре. Абульфазл Хурри утверждает, что «одомашнивание является наиболее фундаментальной проблемой перевода Мавляна на американский английский у Баркса» [5, с.5]. Его сопоставление версии Баркса

с Николсоном связывает популярность «американского Мавляна» с адаптацией материала к языковым и культурным ожиданиям американского читателя [5, с.5-18]. Значение этой работы связано с использованием емкой категории для обозначения общего вектора преобразований. Одновременно понятие «domestication» (одомашнивания) оказывается слишком широким для объяснения конкретных операций. Удаление коранического имени, преобразование метафоры, переход к свободному стиху, сокращение сюжетного эпизода и перенос фрагмента в новый тематический раздел могут уменьшать культурную дистанцию, но относятся к различным уровням организации текста. Поэтому одомашнивание продуктивно как макроописание направления трансформации, которое требует дальнейшей аналитической дифференциации.

Значительную часть исследовательского поля образуют религиозно-интертекстуальные, идеологические и постколониальные работы. Аз-Зейн пишет, что творчество Мавляна «сегодня выносится за пределы мусульманской суфийской традиции в расплывчатое духовное движение», названное ею «новым суфизмом» [4, с.71]. Позднейшие исследования переводят тезис о секуляризации и деисламизации на уровень конкретных текстовых элементов. Нагме-Аббаспур и Тенгку Сепора Тенгку Махади, анализируя кораническую интертекстуальность «Маснави», заключают, что многие новейшие версии оказываются «в ином контексте вследствие разрыва интертекстуальной связи» с Кораном [8, с.34]. Тем самым сохранение, трансформация или исчезновение аллюзии рассматриваются как проверяемые отношения между текстами [8, с.32-37]. Нагме-Аббаспур, Махади и Марлина Джамал исследуют лексический выбор в «Суть Руми» («The Essential Rumi») Баркса и связывают повторяющиеся изменения культурно и религиозно маркированной лексики с идеологическим профилем принимающей среды [9, с 1162-1171].

К этому же кругу примыкают исследования комментария и постколониальной репрезентации. Нагме-Аббаспур, Махади и Икбал Зулкали подчеркивают, что «паратексты как действенная площадка для переводчиков эффективно направляют читательское восприятие» исходного текста и его автора [10, с.1831]. Тем самым комментарий переводчика рассматривается как самостоятельный механизм реконтекстуализации. Ф.Батул Джахан Артун связывает американизацию Мавляна с адаптацией к специфической религиозной чувствительности, универсализацией, деисламизацией и культурной апроприацией [2, с.71-97]. Пирача развивает постколониальную интерпретацию, сосредоточенную на репрезентации, культурной принадлежности и этической ответственности [11, с. 61-78]. Эти работы сходятся в констатации ослабления религиозного и культурного контекста в ряде версий, но по-разному объясняют причины и функции такого изменения.

Поэтологические и нарратологические исследования выводят анализ за пределы передачи тематического содержания. Шарифи и Хашеми определяют предмет своей работы как «роль поэтики в формировании образа и рецепции произведений Руми в языке и культуре перевода» [13, с.127]. Их материал составляют версии из первой книги «Маснави» в «The Essential Rumi» («Суть Мавляна»), од-

ной из наиболее известных антологий стихов и притч Мавляна, соотнесенные с нормами современной американской поэзии. Такой подход позволяет описывать американизацию не только как культурную утрату, но и как переход между различными поэтическими системами. Исторические и доктринальные реалии при этом могут уступать место непосредственной эмоциональной речи, а многослойная суфийская метафора приобретать психологическое или общегуманистическое толкование. Особенно показательна в этом отношении традиционная метафорика вина и опьянения: у Джалаладдина Балхи она связана с представлениями о божественной любви, экстазе, познании и приближении к Богу и восходит к коранической и суфийской герменевтике [14, с.117]. При переносе подобного образа в иной религиозно-культурный контекст внешняя метафора может сохраняться, тогда как ее историческая интертекстуальная память ослабевает. Метрически и риторически организованный исходный текст преобразуется в современный английский свободный стих с иными принципами строки, синтаксиса, дикции и коммуникативной непосредственности. Медхат, Пирнаджмуддин и Паём Аббаси на материале одного рассказа из «Маснави» констатируют: «анализ выявляет некоторые несогласованности в устройстве текстовых миров оригинала и перевода» [7, с.115]. Эти несоответствия затрагивают конфигурацию персонажей, повествовательные миры и развитие сюжета [7, с.115-130].

Паратекстуальный подход частично пересекается с идеологическим, но решает иные задачи. Паратекст важен не только как средство направления интерпретации, но и как фактор, изменяющий способ существования исходного материала в новой книге. Садакат показывает, что популярные антологии извлекают фрагменты из различных частей «Диван-и Шамс», «Маснави» и рубаи, снабжают их новыми заглавиями и объединяют в тематические последовательности, отсутствующие в исходных произведениях [12, с.190-192]. При анализе «Най-наме» в «Суть Руми» он отмечает: «предисловие каждой тематической главы играет важную роль, направляя читателя к определенному интерпретационному ракурсу» [12, с.257]. Опущение бейтов, перестановка элементов и включение фрагмента в раздел о пустоте и молчании формируют новое тематическое соседство и самостоятельное композиционное единство [12, с.190-192, 257-258]. Реконтекстуализация здесь выступает отдельным механизмом производства значения.

Рецептивно-социокультурный подход связывает тексты Баркса с книжным рынком, читательскими практиками и транснациональной циркуляцией. Аз-Зайн объясняет американский «феномен Мавляна» изменением форм духовного потребления и возможностью читать суфийские категории как универсальный язык личного опыта [4, с.71-85]. Азадибугар и Паттон, анализируя один из текстов, прямо фиксируют, что версия Баркса «отмечена преобразованием поэтической структуры и существенными опущениями исходного текста» [3, с.172]. Эти преобразования они соотносят с коммерческим функционированием книг Баркса в американском литературном поле [3, с.172-189]. Уошборн рассматривает Мавляна в более широком контексте превращения сакральных, философских и канонических текстов в массовую транснациональную литературу мудрости [15, с.124-143]. Такой подход позволяет анализировать не только дистанцию от

исходной культуры, но и новые функции текста в среде «Нью-эйдж» (New Age), культура самопомощи (self-help), антологического и индивидуального духовного чтения.

Сопоставление этих подходов выявляет различия в их доказательном статусе. Переводоведческие и интертекстуальные исследования чаще опираются на наблюдаемые текстовые соответствия и фиксируют опущение, замену, перестановку или изменение лексической маркированности. Идеологические и постколониальные интерпретации переходят от самой операции к объяснению ее культурной функции, тогда как рецептивные исследования сосредоточены на условиях чтения и циркуляции. Поэтологические, нарратологические и паратекстуальные работы показывают, как локальное изменение перестраивает более крупную художественную организацию. Поэтому совпадение исследователей в констатации ослабления исламски маркированного элемента не означает совпадения в объяснении его причин. Текстовый факт может быть установлен достаточно надежно, тогда как его интерпретация через одомашнивание, универсализацию, издательскую стратегию или культурную апроприацию остается дискуссионной. Такое различение позволяет отделить относительно устойчивые наблюдения от более широких объяснительных моделей.

Предлагаемая типология показывает, что исследовательское поле нельзя свести к единой линии критики Баркса. Наиболее подробно разработаны проблемы культурно-религиозной адаптации, деисламизации и идеологической репрезентации, достаточно полно описана общая история популяризации Мавляна. Работ о поэтике, нарративе и паратексте значительно меньше, а генеалогия конкретных версий и систематическое сопоставление с категориями классической персидской поэтики остаются наименее разработанными. При этом отдельные подходы закономерно пересекаются. Новая строковая организация может одновременно рассматриваться как поэтологический факт, проявление одомашнивания и предпосылка рецептивной доступности, однако эти уровни анализа не следует смешивать. Типология позволяет последовательно установить, что изменено, на каком уровне текста произошло изменение, как оно объясняется и какое значение имеет для чтения.

Отдельной лакуной остается историческая динамика проекта Баркса. Исследовательская литература нередко описывает его метод синхронно, объединяя тексты, созданные в различных издательских и творческих обстоятельствах. Между тем работа Баркса с Мавляна продолжалась десятилетиями и включала ранние опыты, сотрудничество с Робертом Блаем и Джоном Мойном, подготовку «Суть Руми» и последующие антологии. Сам по себе этот временной диапазон не доказывает эволюции метода, но делает ее проверяемой гипотезой. Для такой проверки необходимо сопоставлять разные периоды с учетом источника-посредника, степени сокращения, характера религиозной терминологии, объема авторского комментария, способов заглавливания и жанрового самообозначения, включая version, rendering, paraphrase и translation. Пока подобная диахроническая реконструкция не стала

самостоятельным направлением исследования, поэтому представление о неизменной «стратегии Баркса» следует понимать как типологическое обобщение.

Многоступенчатое посредничество и статус поэтических версий.

Существующая литература достаточно последовательно показывает ограниченность бинарного сопоставления Мавляна с Барксом. Если поэтическая версия создавалась через Николсона, Арберри или буквальный текст Мойна, анализ должен учитывать движение от персидского оригинала через конкретный английский текст-посредник к версии Баркса. Садакат различает «два режима работы»: переписывание уже существующего перевода, обычно Николсона или Арберри, либо сотрудничество с носителем персидского языка [12, с.226]. Во втором случае персоязычный участник обеспечивает переводческую основу, а англоязычный поэт осуществляет последующее переписывание. В отдельных случаях в эту цепь включаются комментарии, устные пояснения или редакторское вмешательство. Льюис также прямо указывает на посреднический характер работы Баркса [6, с.644-646]. Однако общее знание о посредничестве не означает, что генеалогия каждого отдельного стихотворения надежно реконструирована. Критическое сопоставление персидского текста с финальной английской версией без учета промежуточной стадии может привести к ошибочной атрибуции преобразования Барксу.

Методологически показательной в этом отношении является статья Афзали о связях между переводами «Диван-и Шамс» Николсона и Арберри. Исследовательница анализирует культурно маркированные единицы и коранические аллюзии и заключает, что «результаты исследования показали тесные отношения филиации между двумя версиями» [1, с.1]. При этом сходство стратегий не исключает различий в содержании примечаний и дискурсивной обработке материала [1, с.1-21]. Для исследования Баркса эта работа важна не как доказательство зависимости конкретного текста, а как модель текстологической процедуры. Оценке деисламизации или американизации должна предшествовать реконструкция того английского текста, которым располагал Баркс, и тех преобразований персидского оригинала, которые уже были внесены посредником.

Такая реконструкция уточняет атрибуцию текстовых преобразований. Если религиозный термин исчез уже в переводе Николсона или Арберри, его отсутствие в версии Баркса нельзя автоматически трактовать как самостоятельное устранение исламского элемента. Если посредник сохраняет термин или аллюзию, а Баркс заменяет их универсализирующей формулой, появляется основание связывать изменение со стадией переписывания. То же относится к синтаксическому упрощению, интерпретации метафоры и композиционному сокращению. Необходимо различать решения, унаследованные от посреднического текста, и операции, возникающие в процессе поэтической переработки Баркса. Такой подход не отменяет вопрос об эквивалентности, но делает атрибуцию преобразований проверяемой.

Генеалогия версии непосредственно связана с ее жанровым статусом. Термины перевод (translation), переводческая передача (rendering), парафраз

(paraphrase), адаптация (adaptation), поэтическая авторская версия (poet's version) и переписывание текста (rewriting) фиксируют разные представления о характере преобразования текста. Для филологического перевода принципиальна возможность соотнести решение переводчика с исходной языковой формой. При переписывании на основе уже существующего перевода непосредственным рабочим материалом становится английский текст-посредник. Поэтому Баркса неточно определять как «переводчика с персидского». Вместе с тем его деятельность нельзя полностью исключить из истории перевода, поскольку его версии возникают на основе межъязыкового перевода предшественников и функционируют в принимающей культуре как репрезентации Мавляна. Более точным представляется понятие многоступенчатого переводческого посредничества, в котором Баркс осуществляет поэтическое переписывание и реконтекстуализацию.

Различие жанрового статуса имеет и рецептивное значение. Сам Баркс использовал обозначения *versions, renderings* и *paraphrases,* тем самым признавая дистанцию между собственной работой и филологическим переводом. В издательской и массовой читательской практике эта дистанция часто становится незаметной. Когда переработка английского посредника воспринимается как непосредственное «стихотворение Мавляна», читатель утрачивает представление о цепочке интерпретаций, предшествовавшей финальному тексту. В одном авторском имени соединяются культурный авторитет Мавляна и поэтическая обработка Баркса. Поэтому Льюис и Садакат связывают вопрос жанрового статуса не только с переводоведением, но и с проблемой репрезентации [6, с.644-646; 12, с.243-255].

Будущая текстологическая работа должна строиться как последовательная реконструкция происхождения каждой версии. Она начинается с установления персидского источника и конкретного английского посредника, включая издание, которым мог пользоваться Баркс. После сопоставления оригинала с посредником необходимо проследить изменения, возникшие при переписывании Баркса, а затем учитывать книжное окружение текста, его заглавие, тематический раздел и авторский комментарий. Такая процедура позволяет различить межъязыковой сдвиг, интерпретацию посредника, поэтическую переработку и паратекстуальную реконтекстуализацию. Настоящая статья формулирует эту процедуру как исследовательский принцип, но не выдает ее за уже выполненную колляцию.

Генеалогический принцип уточняет и распределение переводческой ответственности. Бинарное сопоставление персидского текста с версией Баркса показывает дистанцию между двумя состояниями текста, но не всегда позволяет установить происхождение конкретного изменения. Синтаксическая экспликация, устранение аллюзии или смысловая конкретизация, уже присутствующие у Николсона или Арберри, относятся к стадии межъязыкового переноса. Сокращение или переорганизация готового английского материала Барксом относятся к стадии внутриязыкового переписывания. Подстрочники Мойна могут вводить дополнительный интерпретационный слой. Поэтому

текстологическая проверка должна распределять трансформации по звеньям филиации, а не сводиться к поиску «ошибок Баркса». Работа Афзали методологически подтверждает продуктивность такого подхода к истории англоязычного Мавляна [1, с.1-21], хотя непосредственно Баркса не рассматривает.

Американизация, деисламизация и границы идеологической модели.

Исследования одомашнивания и идеологической трансформации накопили значительный корпус наблюдений о религиозно-культурных изменениях в версиях Мавляна. Хурри связывает американский успех Баркса с приспособлением текста к ожиданиям целевой аудитории и секуляризацией образа поэта [5, с.5-18]. Нагме-Аббаспур и Махади рассматривают эту проблематику на интертекстуальном уровне, сопоставляя конкретную кораническую аллюзию, ее функцию в исходном тексте и ее судьбу в переводе [8, с.32-37]. Такой подход переводит общую характеристику деисламизации в область проверяемых текстовых отношений. О деисламизации конкретного решения можно говорить доказательно лишь тогда, когда установлена функция религиозного или кораического элемента в исходном фрагменте и прослежено его изменение в цепочке посредничества. Это требование распространяется и на неявно религиозные метафорические комплексы: например, винная образность у Мавляна Джалаладдина Балхи укоренена в кораической и суфийской герменевтике и связана с семантикой божественной любви, экстаза, познания и близости к Богу [14, с.117].

Лексический анализ Нагме-Аббаспур, Махади и Джамал показывает, что отдельная замена приобретает исследовательское значение как часть повторяющегося ряда решений. Авторы формулируют свой вывод предельно определенно: «исламская идеология поэзии Руми подвергается чрезвычайно сильной манипуляции» под воздействием доминирующих тенденций принимающего социального контекста [9, с.1162]. В настоящей статье этот вывод рассматривается как характеристика выявленного ими ряда лексических решений, а не как автоматически доказанный мотив всех преобразований Баркса. Такое разграничение позволяет точнее определить универсализацию. В версиях Баркса она не обязательно означает полное устранение религиозного содержания. Более корректно говорить о селективной универсализации. При таком процессе часть культурно и доктринально маркированных элементов ослабляется или исчезает. Семантические центры любви, единства, внутреннего преображения, пустоты и близости к Божественному сохраняются и получают более широкое читательское кодирование. Аз-Зайн показывает, что подобное преобразование делает Мавляна совместимым с американской внеконфессиональной духовностью. В этой среде суфийская лексика может интерпретироваться как язык личного и психологизированного мистического опыта [4, с.71-85].

Артун утверждает, что «попытка Баркса раскрыть универсальное послание, заключенное в стихах Руми, фактически деисламизирует его творчество и личность» [2, с.71]. Пирача сходным образом пишет, что версии Баркса «часто лишают стихи Руми исламского контекста и персидских культурных корней»

[11, с.61]. Обе формулировки принадлежат к интерпретационному уровню исследования и связывают текстовые изменения с более широкой проблемой культурной репрезентации. Эти работы показывают, что исследование Баркса выходит за пределы техники перевода. Когда англоязычная версия начинает выполнять для широкой аудитории функцию репрезентации исторического Мавляна, изменение культурной идентификации поэта становится литературоведческой и рецептивной проблемой.

Вместе с тем идеологическое объяснение не следует распространять на любое расхождение с персидским текстом. Само наличие трансформации не доказывает сознательной апроприации или намеренного устранения ислама. На результат воздействуют структурные различия языков, особенности английского текста-посредника, нормы свободного стиха, издательская компрессия, антологический формат, отказ от развернутого комментария, интерпретация метафоры и установка на коммуникативную непосредственность. Садакат предостерегает от механического перенесения общих ориенталистских моделей на историю перевода персидской литературы [12, с.232-234]. По его наблюдению, ряд решений у Николсона, Арберри и других переводчиков убедительнее объясняется поэтологическими и историческими условиями, чем недоказанной идеологической интенцией.

Поэтому необходимо различать наблюдаемую текстовую операцию и объяснение ее мотива. Удаление арабского выражения или имени пророка можно зафиксировать текстологически, если известны исходный текст и посредник. Ослабление коранической сети относится к интертекстуальному следствию и требует анализа функции соответствующего элемента. Универсализирующее прочтение представляет собой интерпретационный эффект. Предположение о том, что изменение было внесено ради американского рынка или с целью устранить исламский контекст, относится к реконструкции мотива и требует дополнительных доказательств. Такое разграничение усиливает доказательность идеологической критики, поскольку не позволяет автоматически отождествлять следствие с намерением.

Понятие domestication сохраняет аналитическую ценность, если используется для обозначения общего вектора приближения текста к нормам и ожиданиям принимающей культуры. Однако внутри этого вектора необходимо различать семантико-культурные, поэтико-формальные, композиционно-нарративные и паратекстуально-издательские преобразования. Рецептивный уровень следует рассматривать отдельно, поскольку он описывает функционирование уже преобразованного произведения, а не собственно текстовую операцию. Смешение этих уровней создает впечатление, будто одна категория одинаково объясняет изменение строки, устройство книги и причину популярности. Между ними существует последовательность связей, каждая из которых требует самостоятельного анализа.

Сходного уточнения требует понятие универсализации, которое в критике Баркса часто сближается с деисламизацией. Материал рассмотренных исследований позволяет использовать более точную категорию селективной

универсализации. Она обозначает перераспределение смысловой заметности, при котором элементы, требующие конкретного историко-религиозного знания, ослабляются или переинтерпретируются, а темы любви, внутреннего преобразования, молчания, близости к Божественному и духовного поиска приобретают относительную самостоятельность. В настоящей статье это авторская аналитическая категория, а не термин, общепринятый в предшествующей критике. Ее преимущество состоит в отказе от априорной реконструкции намерения Баркса. Такой эффект может возникать в результате сочетания поэтического вкуса, особенностей посреднического текста, издательского отбора и ожиданий аудитории. Поэтому селективную универсализацию следует устанавливать по совокупности текстовых и паратекстуальных операций, а не выводить из единичного опущения.

Поэтика, нарратив, паратекст и рецепция.

Для литературоведческого анализа наиболее заметной лакуной остается поэтическая форма. Шарифи и Хашеми ставят в центр исследования «роль поэтики в формировании образа и рецепции произведений Руми в языке и культуре перевода» [13, с.127]. На материале версий из первой книги «Маснави», включенных в «Суть Руми», они рассматривают способы передачи поэтических элементов и соотношение поэтики Баркса с доминирующими нормами принимающей литературы [13, с.127-149]. Этот подход не позволяет рассматривать форму как нейтральную оболочку, отделимую от содержания Мавляна. В классической персидской поэзии смысл формируется не только лексическими значениями. Существенную роль играют структура бейта, соотношение двух строк, метр, рифма, радиф, повтор, звуковые соответствия, синтаксический параллелизм, риторические фигуры, метафорические и интертекстуальные связи. Переход к свободному английскому стиху поэтому меняет не только внешний облик текста, но и способ организации поэтического значения.

Садакат специально рассматривает музыкальный и ритмический слой поэзии Мавляна и трактует форму выражения как компонент мистического дискурса, а не как внешнюю орнаментацию. Его теоретический вывод принципиален для рассматриваемой проблемы: «способ смыслообразования поэтического высказывания зависит не только от плана содержания, но и от плана выражения» [12, с.139]. Это позволяет точнее определить предел существующей литературы о Барксе. Исследования фиксируют свободный стих, разговорную дикцию, синтаксическое упрощение и перестройку образности, но редко соотносят эти изменения с системным описанием классической персидской поэтики. Поэтому вопрос об эквивалентности должен касаться не только сохранения значения, но и того, каким формальным устройством исходный текст производит значение и как это устройство преобразуется в иной поэтической системе. Настоящая статья обозначает эту задачу как исследовательскую лакуну и не утверждает, что такое систематическое сопоставление уже выполнено.

Особого внимания требует бейт как структурное единство. В классической персидской традиции взаимодействие двух мисраъов может строиться на параллелизме, антитезе, семантическом нарастании, повторе, вопросно-ответной

конструкции или переосмыслении первого полустишия во втором. При переходе к свободному стиху границы бейта могут исчезать, а синтаксическая организация перераспределяться между строками. Это способно менять темп восприятия, расположение смысловых акцентов и отношения между образами. Рифма и радиф также создают не только музыкальную связность, но и семантическую повторяемость, благодаря которой отдельное слово или формула становятся смысловым узлом. Если такой узел исчезает в нерегулярной английской строке, речь идет не только о потере рифмы, но и о возможном изменении механизма смыслообразования. Конкретные случаи требуют сопоставления оригинала, посредника и версии Баркса.

Нарратологические исследования показывают, что трансформация может затрагивать уровень, значительно более широкий, чем лексика и стиховая форма. Медхат, Пирнаджмуддин и Аббаси, сопоставляя рассказ из пятой книги «Маснави» с версией Баркса, отмечают: «анализ выявляет некоторые несогласованности в устройстве текстовых миров оригинала и перевода» [7, с.115]. Их исследование показывает различия в реконструкции повествовательных миров, персонажей и развития сюжета [7, с.115-130]. Для «Маснави» этот уровень особенно значим, поскольку авторские отступления, вставные повествования, смена голосов, отсрочка развязки и возвращение к предыдущей линии входят в структуру произведения. Сокращение нефабульных элементов может сделать рассказ более линейным и доступным, но одновременно изменить дидактическую перспективу и композиционную многослойность. В таком случае сокращение является текстовой операцией, перестройка нарратива становится ее поэтическим следствием, а повышение сюжетной прозрачности возможным рецептивным эффектом. Эти уровни требуют раздельного описания.

Паратекстуальный анализ показывает, что «версия Баркса» не исчерпывается собственно стихотворным текстом. В «Суть Руми» фрагменты получают новые заглавия, распределяются по тематическим разделам, помещаются рядом с текстами иного происхождения и сопровождаются авторским комментарием. Садакат на материале «Най-наме» показывает, что изменение порядка, сокращение и включение фрагмента в новое тематическое окружение создают композиционную рамку, отсутствующую в «Маснави» [12, с.190-192, 257-258]. Нагме-Аббаспур, Махади и Зулкали формулируют функцию подобного окружения непосредственно: «паратекст является критически важной площадкой для идеологической манипуляции в переводе» [10, с.1831]. Следовательно, заглавие, предисловие, тематическая рубрика, последовательность фрагментов и комментарий входят в механизм трансформации и не могут рассматриваться только как внешний издательский антураж.

Паратекст помогает объяснить, как извлеченные фрагменты превращаются в новый жанровый объект. «Маснави» и «Диван-и Шамс» обладают собственной макрокомпозицией, жанровой памятью и системой внутритекстовых связей. Антология, организованная вокруг тем любви, пустоты, молчания, внутренней свободы или духовного пробуждения, формирует иную модель чтения. Тематическая прозрачность делает фрагмент более автономным и удобным для

цитирования, одновременно ослабляя зависимость его смысла от прежнего повествовательного или лирического контекста. Поэтому антологизацию следует рассматривать как форму интерпретации, особенно значимую для массовой циркуляции высказываний Мавляна в виде самостоятельных афористических единиц.

Рецептивно-социокультурные исследования позволяют оценивать эти преобразования не только в терминах текстуальной утраты. Аз-Зайн связывает американскую популярность Мавляна с запросом на индивидуальную, слабо институционализированную духовность [4, с.71-85]. Азадибугар и Паттон соотносят структурные изменения текста с коммерческим функционированием книг Баркса [3, с.172-189]. Уошборн описывает более общий механизм превращения сложного сакрального или философского произведения в транснациональный текст мудрости, адаптированный к массовому потреблению. Он возражает против позиционирования текста как «вневременной классики», которое «детерриториализует, деисторизирует и декультурирует» произведение [15, с.124]. В этой перспективе свободная строка, упрощенный синтаксис, снижение терминологической плотности, выраженный эмоциональный центр, новые заглавия и тематическая группировка могут одновременно увеличивать дистанцию от оригинала и повышать коммуникативную доступность.

Недостаточное обращение к классической персидской поэтике влияет на саму постановку вопроса об эквивалентности. В классическом персидском стихе смысл не сводится к словарным значениям отдельных лексем. Бейт организует высказывание через соотношение двух мисраъов, метр формирует ритмическое ожидание, рифма и радиф связывают семантически удаленные элементы, а параллелизм, повтор и звукопись создают дополнительные отношения сходства и контраста. Риторические фигуры традиции бади‘ и механизмы образного выражения, описываемые категориями байан, участвуют в производстве поэтического значения. Поэтому исчезновение формального элемента нельзя автоматически считать нейтральной сменой оболочки, так же как его внешнее сохранение не гарантирует функциональной эквивалентности. Для анализа Баркса важен вопрос функционального замещения: возникает ли в английском свободном стихе иной прием, выполняющий часть работы исходной формы, или соответствующая связь действительно исчезает. Существующие исследования лишь частично подводят к такому анализу и пока не дают систематической карты соответствий между персидской стиховой организацией и поэтикой версий Баркса. Литературоведческая перспектива тем самым дополняет переводоведческую, поскольку объектом становится не только переданное значение, но и способ его художественного производства.

На этом уровне особенно отчетливо проявляется парадокс Баркса. Операции, уменьшающие историческую, религиозную и формальную специфичность исходного текста, могут одновременно повышать его доступность для иной аудитории. Опущение культурной реалии сокращает объем необходимого контекстуального знания. Устранение суфийского термина облегчает непосредственное эмоциональное восприятие. Свободный стих отказывается от

исходной метрики, но лучше соответствует нормам современной американской поэзии. Новое заглавие сужает многозначность, одновременно повышая тематическую прозрачность и запоминаемость. Эти эффекты не компенсируют филологическую потерю и не превращают популярность в критерий эквивалентности. Они показывают, что «потеря» и «приобретение» могут быть сопряженными последствиями одной операции, если оценивать ее в различных системах координат.

Дискуссия: модель формирования «американского Мавляна».

Сопоставление рассмотренных подходов в целом подтверждает гипотезу о многоступенчатой культурно-поэтической трансформации, хотя отдельные звенья этой модели изучены неравномерно. Историко-рецептивные работы показывают длительность англоязычного посредничества и переход к популяризаторским версиям. Переводоведческие исследования подтверждают зависимость Баркса от Николсона, Арберри и Мойна и тем самым ограниченность понятия прямого перевода. Религиозно-интертекстуальные исследования фиксируют изменения коранических и исламских элементов, поэтологические и нарратологические работы выявляют преобразование формы и повествовательной структуры, паратекстуальный анализ показывает активную роль заглавия, комментария и антологической композиции. Рецептивные исследования связывают функционирование новых версий с американской духовной культурой и книжным рынком. В совокупности эти результаты показывают недостаточность однофакторного объяснения.

При этом причинные связи между отдельными уровнями изучены не одинаково. Достаточно надежно установлено, что ряд версий Баркса существенно расходится с персидскими текстами и академическими переводами, что часть исламского интертекста ослабляется, а поэтика, нарратив и паратекст подвергаются заметной перестройке. Исследования также связывают американский успех Мавляна с культурой внеконфессиональной духовности. Гораздо слабее реконструировано происхождение каждого конкретного изменения внутри цепочки посредничества. Недостаточно изучена и историческая динамика проекта Баркса, поскольку ранние издания, сотрудничество с Робертом Блаем и Джоном Мойном, «Суть Руми» и поздние антологии часто рассматриваются как проявления единого метода. Следовательно, существующая литература позволяет построить общую модель процесса, но не дает оснований считать генеалогию всего корпуса полностью реконструированной.

Понятие «американский Мавляна» в этой связи используется как аналитическая, а не публицистическая категория. Под ним понимается транскультурное текстовое и рецептивное образование, возникшее в результате многоступенчатого перевода, поэтического переписывания, паратекстуальной реконтекстуализации и функционирования избранных фрагментов Мавляна в американской литературной, издательской и духовной среде. Это понятие не обозначает «истинного Мавляна по-американски» и не предполагает однородности всех англоязычных переводов. Его референтом является

специфический культурный объект, связанный прежде всего с популярными версиями Баркса и практиками их чтения. В этом объекте имя исторического Мавлоно соединяется с новой английской поэтикой и иным режимом духовного потребления.

Предлагаемая модель связывает исходную персидскую поэтическую систему с английским текстом-посредником, поэтическим переписыванием Баркса, паратекстуальной организацией и последующей рецепцией. Персидский текст включает семантику, метроритм, структуру бейта, риторические фигуры и исламский интертекст. Английский посредник уже содержит собственные интерпретации, экспликации, потери и поэтологические решения. На стадии переписывания Баркса возможны опущения, добавления, перестановки, сокращения, смена дикции, переход к свободному стиху и переинтерпретация метафор. Заглавие, тематический раздел, предисловие, комментарий и соседство фрагментов создают дополнительный уровень реконтекстуализации, после чего текст включается в систему американской поэзии, New Age, self-help, книжного рынка и индивидуальной духовности. Модель не предполагает одинакового прохождения всех этих стадий каждым текстом, а задает уровни, которые необходимо проверять в конкретном случае.

Внутри этой модели необходимо различать текстовую операцию, ее поэтическое следствие, интерпретационный и рецептивный эффекты. Устранение религиозно маркированной лексемы представляет собой операцию, которая может ослабить кораническую интертекстуальность, способствовать универсализирующему психологическому прочтению и облегчить включение фрагмента в массовую духовную коммуникацию. Сокращение вставного эпизода сходным образом может сделать повествование более линейным, сосредоточить внимание на одном моральном тезисе и повысить сюжетную прозрачность. Такое разведение уровней показывает, какие различные процессы нередко объединяются термином domestication.

Разведение аналитических уровней уточняет соотношение филологической эквивалентности и рецептивной эффективности. Они не образуют единой шкалы. Текст может существенно отдаляться от исходной формы и при этом быть эффективным в новой читательской среде. Напротив, филологически точный перевод может требовать значительной культурной и комментаторской подготовки. Поэтому популярность Баркса не доказывает точности его версий, а их неточность сама по себе не объясняет популярность. Исследование должно отдельно устанавливать, что произошло с поэтикой и смысловыми связями исходного текста, и какие новые свойства возникли в принимающей культуре. Только после этого можно анализировать причинную связь между двумя процессами.

Такой подход позволяет избежать как обвинительной, так и апологетической редукции. Понятия «искажение», «манипуляция» и «апроприация» оправданы лишь там, где исследование показывает конкретное изменение и аргументированно связывает его с механизмом культурной репрезентации. Они становятся слишком широкими, если заменяют описание операции и

доказательство мотива. Столь же недостаточна оценка Баркса, основанная только на читательской популярности его книг. Литературоведческая задача состоит в реконструкции трансформаций на разных уровнях и в выявлении связи между изменением формы, интертекста, композиции, паратекста и новым режимом чтения.

Перспективным направлением остается систематическое привлечение классической персидской поэтики. Современная критика Баркса активно использует категории переводоведения, идеологии, постколониализма и рецепции. Значительно реже бейт, соотношение двух мисраъов, метр, рифма, радиф, фигуры бади‘ и байан, синтаксический параллелизм, звуковая организация и традиционные метафорические сети рассматриваются как взаимосвязанная система. Без такого анализа можно установить исчезновение религиозного имени или сокращение строки, но значительно труднее объяснить, как преобразование меняет работу поэтического высказывания. Дальнейшее исследование должно соединить генеалогическую колляцию персидского оригинала, посреднического текста и версии Баркса с анализом классической персидской формы. После этого выявленные преобразования могут быть соотнесены с рецептивным эффектом.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что современное изучение Кольмана Баркса вышло за пределы спора о «верности» перевода, но остается фрагментированным по дисциплинарным подходам и уровням текста. Рассмотренные четырнадцать публикаций образуют несколько пересекающихся исследовательских линий, связанных с историей рецепции, генеалогией переводческого посредничества, одомашниванием и адаптацией, религиозной интертекстуальностью и идеологической критикой, поэтикой и нарративом, паратекстом и рецептивно-социокультурным функционированием. Наиболее подробно изучены американизация, одомашнивание, деисламизация и идеологическая репрезентация Мавляна. Существенно меньше работ посвящено стиховой форме, повествовательной макроструктуре и книжной организации. Наиболее заметными лакунами остаются генеалогия конкретных версий и систематическое привлечение классической персидской поэтики.

Существующая литература в целом подтверждает понимание «американского Мавляна» как результата многоступенчатой культурно-поэтической трансформации, но не позволяет считать этот механизм полностью реконструированным. Достаточно обоснован посреднический характер работы Баркса. В ряде его версий установлены значительные текстовые и композиционные изменения, ослабление части исламского интертекста, соотнесение английской поэтики с нормами принимающей литературы и существенная роль паратекста и американской духовной среды. Вместе с тем для всего корпуса не установлена точная атрибуция каждого преобразования Барксу, поскольку происхождение конкретного решения требует реконструкции посреднического текста. Поэтому дальнейшее исследование должно опираться не на бинарное сопоставление Мавляна с Барксом, а на генеалогическую модель,

учитывающую исходный текст, посредника, поэтическую версию, паратекст и рецепцию.

Авторский вклад статьи состоит в объединении этих наблюдений в единую аналитическую модель, где текстовая операция отделяется от поэтического следствия, интерпретационного и рецептивного эффектов. Такое различение ограничивает чрезмерно широкое использование domestication и позволяет точнее описать центральный парадокс проекта Баркса. Одни и те же преобразования могут увеличивать дистанцию от персидского оригинала и одновременно повышать доступность, эмоциональную непосредственность или запоминаемость английской версии. Поэтому потеря и приобретение относятся к различным измерениям трансформации и могут возникать как сопряженные последствия одного решения, а не как простая оппозиция «плохого» и «хорошего» перевода.

Понятие «американский Мавляна» получает в этой модели конкретное литературоведческое содержание. Оно обозначает транскультурное текстовое и рецептивное образование, сформированное многоступенчатым посредничеством, переписыванием, антологизацией, паратекстуальной реконтекстуализацией и включением Мавляна в новую литературную и духовную среду. Предел настоящего исследования определяется его метааналитическим характером. Статья систематизирует и сопоставляет опубликованные работы, но не заменяет непосредственной колляции персидских текстов, переводов Николсона и Арберри, подстрочников Мойна и версий Баркса. Для дальнейшей проверки модели необходима такая колляция в сочетании с категориями классической персидской поэтики и анализом рецепции. Это позволит перейти от типологии исследовательского поля к верифицируемому описанию многоступенчатой трансформации Мавляна.

Литература

1. Afzali K. The Retranslator as the Propagandist of MOI: The Discursive Contexts of the (Re-) translation of Rumi’s Divan-e-Shams in the United States // Babel. – 2025. –Vol. 71, №1. –P. 1-21. DOI: 10.1075/babel.00390.afz.
2. Artun F.B. C. Americanization of Rumi: The Impact of Coleman Barks’s Appropriative Translations // Arizona Quarterly. – 2023. –Vol.79, №4. –P.71-97. DOI: 10.1353/arq.2023.a914007.
3. Azadibougar O., Patton S. Coleman Barks’ Versions of Rumi in the USA // Translation and literature. –2015. –Vol. 24, №2. –P. 172-189. DOI: 10.3366/tal.2015.0200.
4. El-Zein A. Spiritual Consumption in the United States: The Rumi Phenomenon // Islam and Christian-Muslim Relations. –2000. –Vol.11, №1. –P.71-85. DOI: 10.1080/095964100111526.
5. Horri A. Domestication: The Problem of Barks’ Translating Rumi into American English // Iranian journal of translation studies. –2011. –Vol.8, №32. – P. 5-18.
6. Lewis F.D. Rumi: Past and Present, East and West: The Life, Teachings, and Poetry of Jalal al-Din Rumi. – 2nd ed. – Oxford: Oneworld Publications, 2007.
7. Medhat V., Pirnajmuddin H., Abbasi P. Possible Worlds in Translation: Coleman Barks’s Rendition of a Story from Rumi’s Masnavi // Primerjalna književnost. – 2021. –Vol.44, №3. – P.115-130. DOI: 10.3986/pkn.v44.i3.07.

8. Naghmeh-Abbaspour B., Mahadi T.S.T. Intertextuality of Rumi's Masnavi with Quran: Author's Intentional Effort and Translators' Negligence // International journal of humanities and social science invention. –2017. –Vol.6, №3. –P. 32-37.
9. Naghmeh-Abbaspour B., Mahadi T.S.T., Jamal M. The impact of dominant ideology of target society on lexical choices of translation: the case study of «The Essential Rumi» // Humanities & Social Sciences Reviews. –2019. –Vol.7, №6. –P.1162-1171. DOI: 10.18510/hssr.2019.76166.
10. Naghmeh-Abbaspour B., Mahadi T.S.T., Zulkali I. Ideological manipulation of translation through translator's comments: a case study of barks' translation of rumi's poetry // Pertanika journal of social sciences & humanities. –2021. –Vol.29, №3. –P.1831-1851. DOI: 10.47836/pjssh.29.3.19.
11. Piracha A. Orientalizing the East: The West's Misrepresentation of Rumi's Poetry // Delos: a journal of translation and world literature. –2024. –Vol.39, №1. –P.61-78. DOI: 10.5744/delos.2024.1005.
12. Sedaghat A. Translating Rumi into the West: a linguistic conundrum and beyond. –Abingdon; New York: Routledge, 2023. –330 p. DOI: 10.4324/9781003157960.
13. Sharifi A., Hashemi M. R. A Study of Poetics in Coleman Barks' Translations of Rumi // FORUM. –2020. –Vol. 18, №2. –P. 127-149. DOI: 10.1075/forum.20004.has.
14. Суфизода Ш. З. Вино и религия: сакральность опьяняющих напитков (от мифологического образа к поэтической метафоре) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №4(86). – С.111-120.
15. Washbourne K. Transnational Wisdom literature goes pop in translation // Translation spaces. –2023. –Vol.12, №1. –P. 124-143. DOI: 10.1075/ts.21047.was.

COLEMAN BARKS'S POETIC VERSIONS AND THE "AMERICAN MAWLANA" PHENOMENON IN CONTEMPORARY LITERARY STUDIES

Sufizoda Shodimukhammad Zikriyopur

Doctor of philological sciences, associate professor,
Professor at the chair of world literature
Russian-Tajik (Slavonic) university
director
Indira Gandhi Central scientific library
of the National Academy of sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 33
Ph.: (+992) 90 770 11 11 (m.)
sufizadeh@gmail.com
SPIN Code: 8674-4201
AuthorID: 446104
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-7622-4486

Akhtamova Munira Usmanovna

Candidate of philological sciences,
associate professor at the chair of world literature,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzoda str., 30
Ph.: (+992) 918 64 69 12 (m.)
ahtamova@mail.ru

The relevance of this study stems from the discrepancy between the widespread popularity of the poetic versions of Mawlana created by Coleman Barks and the fragmentary nature of their scholarly analysis. The article aims to systematize the main approaches to the study of Barks and to test the hypothesis of the "American Mawlana" as the product of a multi-stage cultural-poetic transformation. The study's primary analytical corpus consists of 14 scholarly publications from the period 2000-2025. Methodologies employed include critical analysis of scholarly literature; comparative, historical-literary, and reception-oriented approaches; and elements of translation studies, intertextual, poetological, and narratological analysis. The research field is systematized through the lens of historical-receptive, translation-genealogical, domestication-adaptation, religious-intertextual, ideological, poetological, narratological, paratextual, and receptive-sociocultural interpretations. It is established that issues of Americanization, de-Islamization, and domestication have been explored in greatest detail, whereas the genealogy of specific versions and classical Persian poetics have received insufficient attention. A model distinguishing between textual operation, poetic consequence, and interpretative and receptive effects is proposed, and the working concept of "selective universalization" is introduced. The study demonstrates that textual loss and receptive gain can be coupled consequences of a single transformation. The "American Mawlana" is defined as a transcultural textual and receptive construct shaped by multi-stage mediation, rewriting, and recontextualization within the target culture.

Keywords: Coleman Barks; Mawlana Jalal al-Din Rumi; "American Mawlana"; literary translation; poetic version; rewriting; domestication; de-Islamization; reception; classical Persian poetics.

ВЕРСИЯҲОИ ШОИРОНАИ КОЛЬМАН БАРКС ВА ПАДИДАИ «МАВЛЯНАИ АМРИКОӢ» ДАР АДАБИЁТШИНОСИИ МУОСИР

Суфизода Шодимуҳаммад Зикриёпур

Доктори илмҳои филологӣ, дотсент,
профессори кафедраи адабиёти ҷаҳон
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
директор
Китобхонаи марказии илмии ба номи Индира Гандии
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Рӯдакӣ, 33
Тел.: (+992) 90 770 11 11 (м.)
sufizadeh@gmail.com

SPIN-код: 8674-4201, AuthorID: 446104
https://orcid.org/0009-0005-7622-4486

Ахтамова Мунира Усмановна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи адабиёти ҷаҳон
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 918 64 69 12 (м.)
ahtamova@mail.ru

Мубрамии таҳқиқ аз номувофиқати миёни шуҳрати густурдаи версияҳои шоиронаи Румӣ, ки Кольман Баркс офаридааст, ва шарҳи парокандаи илмии тарзи ташаккули онҳо бармеояд. Мақсади мақола низомманд сохтани равишҳои асосии омӯзиши Баркс ва санҷидани фарзияи «Мавлянаи амрикоӣ» ҳамчун натиҷаи дигаргунии бисёрмарҳалаи фарҳангӣ ва поэтикӣ мебошад. Корпуси асосии таҳлилии таҳқиқро 14 нашрияи илмии солҳои 2000-2025 ташкил медиҳад. Дар таҳлил баррасии интиқодии адабиёти илмӣ, равишҳои муқоисавию адабиётшиносӣ, таърихию адабӣ ва рецептивӣ, инчунин унсурҳои таҳлили тарҷумашиносӣ, байноматнӣ, поэтикӣ ва нарратологӣ истифода шудаанд. Майдони таҳқиқ бо назардошти таърихи рецепсия, генеалогияи матнӣ, бумисозӣ ва мутобиқсозӣ, байноматнияти динӣ, нақди идеологӣ ва пасоколониалӣ, поэтика ва нарратив, паратекст ва рецепсияи иҷтимоию фарҳангӣ низомманд карда мешавад. Муайян гардид, ки масъалаҳои амрикоисозӣ, исломзудоӣ ва бумисозӣ бештар таҳқиқ шудаанд, дар ҳоле ки генеалогияи версияҳои ҷудогона ва категорияҳои поэтикаи классикии форсӣ ҳанӯз ба таври кофӣ истифода намешаванд. Моделе пешниҳод мешавад, ки амали матнӣ, паёмади поэтикӣ, таъсири тафсирӣ ва таъсири рецептивиро аз ҳам ҷудо мекунад. Ҳамчунин мафҳуми кории универсализатсияи интихобӣ пешниҳод гардида, нишон дода мешавад, ки талафоти матнӣ ва дастоварди рецептивӣ метавонанд паёмадҳои ба ҳам вобастаи як дигаргунӣ бошанд. «Мавлянаи амрикоӣ» ҳамчун падидаи фарофарҳангии матнӣ ва рецептивӣ муайян мешавад, ки аз миёнҷигарии бисёрмарҳала, бознависӣ ва реконтекстуализатсия ба вуҷуд омадааст.

Калидвожаҳо: Кольман Баркс; Мавлоно Ҷалолиддини Румӣ; «Мавлянаи амрикоӣ»; тарҷумаи бадеӣ; нигориши шоирона; бознависӣ; бумисозӣ; исломзудоӣ; хонандамеҳвар; бутиқои классики форсӣ.

УДК 811.161.1

ПАРАДИГМА ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ «ЕВА ЛУНА. ИСТОРИИ ЕВЫ ЛУНА» ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ И РОМАНЕ М.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Лазарева Олеся Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
ответственный секретарь журнала
«Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика»
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: + 7 (499) 936 85 84, доб. 2584
lazareva-ov@rudn.ru

Бурибаева Майнура Абильтаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
проректор по научной работе и международным связям
Кызылординский университет имени Коркыт Ата
120000, Казахстан, Кызылорда, ул. Айтеке би, 29А, каб. 303
Тел.: +7 (7242) 27 62 11
buribayeva.mainura@korkyt.kz

В статье рассматривается система ценностей произведений магического реализма, при этом магический реализм рассматривается как особый метод художественной интерпретации действительности, дающий возможность в рамках одного произведения выстроить особую многоуровневую реальность, в которой сосуществуют мир вещный, реальный, обыденный и мистический, магический, ирреальный. При этом персонажи произведений магию, мистику и «двойную» реальность воспринимают как естественный порядок вещей.

Романы Исабель Альенде «Ева Луна. Истории Евы Луны» и роман М.Булгакова объединяет не только творческий метод магического реализма, но и единая система ценностей, включающая такие константы, как *любовь, истина, свобода, творчество, историческая память.* В романах, в основном, совпадает и система антиценностей (ложь, предательство, трусость, алчность и пр.).

Актуальность изучения латиноамериканского и русского вариантов магического реализма состоит в том, что это позволяет формировать глобальное пространство мировой художественной литературы, способствует осознанию системы общечеловеческих ценностных доминант и в то же время акцентирует внимание на особенности этномаркированного осмысления действительности.

Ценностная парадигма текстов магического реализма репрезентируется посредством дискурсивных стратегий: модально-оценочной, рекуррентной, глобальной семантической и формально-структурной.

Ключевые слова: магический реализм; дискурсивные стратегии художественного текста; И.Альенде; М.Булгаков.

Введение. Произведения магического реализма представляют собой уникальное явление мировой литературы XX-XXI в. Термин *магический реализм* появился в области теории живописи, его автором считается немецкий искусствовед, фотохудожник, критик Франц Рох. Рох применил термин в отношении живописи, но не литературы. Впоследствии магический реализм как термин литературоведения стал обозначать описание неких магических событий, включенных в художественный текст; в настоящее время рассматривается как художественный метод, хотя существуют и иные точки зрения. В ряде работ по теории литературы и языкознанию магический реализм рассматривается как литературное направление. К.Н.Кислицын, А.А.Гугнин придерживаются концепции, согласно которой магический реализм – это художественный метод, реализация которого имеет свои принципы и особенности, в частности: сосуществование двух реальностей (магической и первичной, бытовой), соединение мистико-магического и реалистического сознания персонажей, особый хронотоп и пр.

Материалы и результаты исследования. Материалом для исследования послужили романы латиноамериканского и русского вариантов магического реализма «Ева Луна. Истории Евы Луны» Исабель Альенде и «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова.

Уточним принципы, в соответствии с которыми произведения отнесены к магическому реализму. К.Н.Кислицын в статье «Магический реализм» выделяет ряд признаков, в соответствии с которыми тексты художественного дискурса можно отнести к магическому реализму [14]. Во-первых, это наличие «двойной реальности: скрытой и явной», то есть в тексте соединены элементы описания обыденной действительности и фантастики, но при этом важным принципом является сохранение правдоподобия.

Так, в романе «Ева Луна» Исабель Альенде содержится эпизод, в котором описывается ситуация народного восстания (бунт падших / восстание падших), беспорядков и всеобщего хаоса, сопровождающегося большим количеством насилия. Ева, будучи в тот момент беспомощным подростком, страшно испугана, не знает, как спастись и в этот момент появляется ее умершая мать, которая говорит, что «все это» Еву не касается и уводит ее с улицы, взяв за руку, при этом Ева чувствует запах матери, запах чистого полотна ее одежды, видит ее: «*Вскоре я ощутила едва уловимый, но такой знакомый и безошибочно узнаваемый запах чистого полотна и крахмала, а через минуту мама и сама появилась передо мной как живая: тугая коса уложена на затылке, большие глаза с легкой поволокой, лицо в веснушках. Она строго сказала, что вся эта суета, все аресты и неприятности не имеют ко мне никакого отношения. Не твоего ума это дело, дочка,*

и нечего тебе бояться, давай собирайся, пойдем отсюда вместе. Так мы и поступили: я встала, взяла маму за руку, и мы пошли куда глаза глядят» [2].

Но при этом, Исабель Альенде не уходит от реального описания бедственного положения Евы: *«Много дней бродила я по улицам из одного района города в другой. В Восстании Падших я не участвовала и всячески старалась избегать митингов, драк и других беспорядков. Несмотря на то, что мама постоянно сопровождала меня, поначалу мне было не по себе: в груди что-то жгло, а во рту все время было сухо и почему-то горько, словно мне набили его песком»* [2].

Во-вторых, по мнению К.Н.Кислицына, произведения магического реализма отличаются особым искажением «пространственного жизнеподобия» [14]. В романе «Ева Луна. Истории Евы Луны» реальное географическое пространство, описание городов, деревень сопровождается ирреальными деталями, связанными с миром духов. Например, в ситуации, когда изображается жизнь повстанческих отрядов Умберто Наранхо в горах. Или в эпизоде, когда юная Ева Луна смотрит на картину с парусником в доме своих хозяев, и воображает иной мир.

В-третьих, «время субъективно и относительно», то есть персонажи могут «жить» в различных временных континуумах. Так, в романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита» одновременно реальны и библейские события двухтысячелетней давности, и жизнь Москвы 30-х гг. XX века и пр.

В-четвертых, «писатель систематически замещает свой взгляд образованного человека как носителя высокой культуры взглядом примитивного человека, инфантильно и непосредственно принимающего первичную и скрытую реальность» [14]. При рассмотрении данного принципа К.Н.Кислицына следует заметить, что в произведении И.Альенде главные герои: сама Ева, Умберто Наранхо и Рольф Карле, – действительно, являются носителями мировоззренческих доминант «простого человека» (не лишенного при этом уровня философского обобщения), они непосредственно воспринимают и первичную, и скрытую (магическую) реальность, что дает возможность по-иному описывать трагические исторические события, свидетелями и участниками которых они являются.

Так, Рольф Карле, будучи подростком, участвует в захоронении жертв немецкого концлагеря. Советские солдаты привлекли к этим работам местное население, которое не понимает происходящего и находится в полном шоке: «*Послышалась команда офицера, и солдаты погнали деревенских жителей к главному зданию; их гнали, как стадо скота, поторапливая замешкавшихся уколами штыков и ударами прикладов. Вот тогда они их и увидели. Тех, которые были там. Они лежали грудами на полу один на другом. Их было много десятков: истерзанные, многие частично расчлененные – целые горы того, что отдаленно напоминало какие-то чудовищные бревна и жерди. Поначалу никто не поверил, что это действительно человеческие тела; увиденное показалось невольным зрителям грудой марионеток, выброшенных из какого-то зловещего кукольного театра; подталкиваемые со всех сторон прикладами, люди приблизились к распахнутым воротам барака и не только увидели в деталях эту кошмарную картину, но и почувствовали ударивший им в ноздри в полную силу уже знакомый запах. Это зрелище, тишина и чудовищный смрад навеки впечатались в па-*

мять всех тех, кто оказался в тот день во дворе концлагеря. В оглушительной тишине каждый услышал, как бьется его собственное сердце» [2].

Согласно концепции К.Н.Кислицына, еще одной чертой произведений магического реализма становится особый тип мышления персонажей, которые могут видеть реальность «под особым углом», когда переплетаются реалистическое и мистическое осмысление действительности [14]. В романе «Ева Луна» мистика и магия связаны с вопросами жизни и смерти. Описание умершей матери Евы включает в себя реалистические черты. Как уже отмечалось, она является Еве в трудные жизненные моменты, причем Ева ее видит, ощущает запах матери, берет ее за руку, для Евы мать вполне реальна. В романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита» наряду с реальными персонажами действуют персонажи мистические, они вступают во взаимодействие и возникает образ особой реальности. К.Н.Кислицын также полагает, что в произведениях магического реализма немного «психологического детерминизма», то есть нет глубокого психологизма. Однако в романах Исабель Альенде психологические характеристики персонажей даются не через обширные описания внутреннего состояния, а через динамику действия и прямые яркие именования чувств:

«Риад Халаби был в этом мире одним из немногих людей, пораженных редкой болезнью сочувствия к окружающим. Он до того любил ближних, что никогда не забывал постараться сделать так, чтобы люди, общаясь с ним, не морщились от отвращения или неприязни при виде его изуродованного лица. <…> Он жил так, как считал нужным…» [2].

В романе М.Булгакова психологические портреты персонажей создаются таким же образом, а также посредством хронотопа и описания динамики развития действия:

«Черная тоска как-то сразу подкатила к сердцу Маргариты. Она почувствовала себя обманутой. Никакой награды за все ее услуги на балу никто, по-видимому, ей не собирался предлагать, как никто ее и не удерживал. А между тем ей совершенно ясно было, что идти ей отсюда больше некуда. Мимолетная мысль о том, что придется вернуться в особняк, вызвала в ней внутренний взрыв отчаяния» [7].

Отметим, что важнейшей чертой магического реализма в концепции К.Н.Кислицына признается национальное начало: «Национальный, духовный, исторический опыт как мотивировка сюжетных ситуаций и характеров, как культурный контекст повествования» [14, с.276].

О важности национальной лингвокультурологической основы магического реализма писал в своих работах А.А.Гугнин. В частности, он утверждает, что «произведение магического реализма, как правило, разворачивается в строго очерченном и замкнутом пространстве (это пространство может быть и очень узким, и достаточно обширным), где действуют свои непреложные законы (они могут иметь абстрактно мифическую, фантастически сконструированную или регионально специфическую мифо-фольклорную основу)» [10, с.43]. В «Большой российской энциклопедии» подчеркивается, что «<…> Идеологической ос-

новой латиноамериканского магического реализма стало стремление утвердить самобытность национальной культуры» [6].

Мифо-фольклорную основу имеют романы Исабель Альенде, в том числе и «Ева Луна. Истории Евы Луны», где языческие верования индейцев соседствуют с христианскими аксиомами в мировоззрении персонажей. В романе Булгакова мистическая основа интерпретации библейских событий и соединение индивидуального их истолкования с незыблемыми постулатами христианства являются основой развития сюжетных линий. В латиноамериканских и русских произведениях магического реализма материальный мир, предметная действительность, соединяется с мистикой, с ирреальным миром, лежащим за пределами мира рационального.

А.А.Гугнин справедливо отмечает, что «неотъемлемая черта магического реализма – жизнеподобие, обязательное наличие конкретных и узнаваемых черт исторической реальности» [10, с.106].

В романе М.Булгакова содержатся описания ярких реалий московской жизни 30-х гг. XX века: очереди в обычных магазинах, существование особых «предприятий торговли», где в эпоху тотального дефицита можно было купить любые товары, но за валюту (которая имелась у крайне ограниченного круга людей); ярко описаны многочисленные забюрократизированные общественные дела (например, пение хором) и пр. Особенно обращает на себя внимание описание слежки за «нехорошей квартирой», что в 30-е годы было зловещим признаком скорого ареста: *«Третий, точная копия второго, а стало быть, и первого, дежурил на площадке третьего этажа. Он курил крепкие папиросы, и Маргарита раскашлялась, проходя мимо него»* [7].

В романе Исабель Альенде «Ева Луна. История Евы Луны» хронотоп неназванной латиноамериканской страны включает описание типичных для всех стран региона социальных язв (страшная бедность, неравенство, тирания, народные восстания и пр.).

Заметим, что неназванная латиноамериканская страна в произведениях Исабель Альенде, – это, прежде всего Чили, хотя образ страны все же собирательный. В романе Исабель Альенде «Ева Луна. Истории Евы Луны» содержатся вполне узнаваемые черты топоса Чили, в частности, так называемой «Маленькой Германии».

Общеизвестно, что в Чили находится большая немецкая диаспора, которая с XIX века организовала несколько закрытых поселений. В 30-е гг. XX в. были организованы общины около городов Вальдивия и Осорно, затем Темуко и Сантьяго. Немецкий бизнес процветал. Так, магазин Хорста Паульманна в столице региона Араукания превратился в Cencosud, одну из крупнейших компаний в регионе. После Второй мировой войны в Чили прибывает большая волна немецких эмигрантов, среди которых нацистские военные преступники. Особую известность приобрела закрытая национально ориентированная община Вилла-Бавьера, называемая также Баварская Вилла (исп. Villa Baviera) или Колония Дигнидад (исп. Colonia Dignidad), которая была основана немецким военным преступником Паулем Шефером. В колонии Дигнидад (образована в

1961 г.) не действовали чилийские законы, это полувоенное поселение с огражденной территорией и диктатурой основателя. Спустя много лет Пауля Шефера обвинили в насилии над детьми, арестовали, он умер в заключении. После его ареста колония превратилась в открытое поселение, члены общины занимаются сельским хозяйством и до настоящего времени. Исабель Альенде, будучи родственницей свергнутого хунтой и погибшего Президента страны Сальвадора Альенде, знала о тесных связях хунты и боевиков Пауля Шефера (власти страны впоследствии нашли на территории колонии огромный склад оружия), то есть «маленькая Германия» из романа «Ева Луна. Истории Евы Луны» имеет вполне реальный прототип, что также является неотъемлемой частью «жизнеподобия» текстов магического реализма, в которых, по А.А.Гугнину, обязательно «наличие конкретных и узнаваемых черт исторической реальности» [10].

Объединяющим началом всех художественных текстов магического реализма является наличие системы ценностных доминант, соотносимых в различных лингвокультурах.

Под ценностью, солидаризуясь с концепцией Н.Ю.Нелюбовой, понимаем «комплексный феномен, изучаемый в рамках ряда наук и предполагающий междисциплинарный подход к его анализу». «Ценность понимается в широком смысле как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, группы людей или всего общества, определяемая не их свойствами, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности во всех ее проявлениях» [16, с. 13].

Об определении лингвистических параметров ценностей писали многие российские лингвисты, в том числе Н.Ф.Алефиренко [1], В.И.Карасик [12; 13], Е.В.Бабаева [4], Г.Г.Слышкин [19], С.Н.Виноградов [8], Н.Н.Болдырев [5], И.А.Стернин [21], Е.М.Вольф [9], Н.Д.Арутюнова [3] и пр.; среди зарубежных лингвистов следует отметить работы Т. ван Дейка [23; 24; 25], Рут Водак [26], Д.Шиффрина [22] и др. Е.В.Бабаева указывает, что ценности – «это цели, которые направляют человека в его деятельности и определяют нормы его поведения» [4, с.60]. С.Н.Виноградов полагает, что сущность ценности проявляется через «языковое и речевое воплощение представлений людей о ценностях, посредством словесных моделей ценности, создаваемых носителем языка. В качестве примеров выраженности ценностей могут быть такие их названия, как добро, свобода, справедливость, правда, красота и т.д.» [8, с.93-97]. И.А.Стернин отмечает, что ценности – «социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением. Ценности – это то, что будто априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что является «добрым» и «правильным», служит образцом для подражания и воспитания» [21, с.97-112].

Ценностные доминанты любой лингвокультуры образуют систему, парадигму, понимаемую как совокупность важных для социума морально-нравственных истин. Ценностная парадигма представляет собой систему ценностных устано-

вок, принимаемых определенным сообществом (при этом важна антиномия ценности и антиценности).

Современная теория ценностей не создала единой унифицированной классификации ценностей. Обычно виды ценностей разделяются по сферам бытия (ценности природы, культуры, социума), а также по способу существования (материальные, духовные, духовно-материальные). Формально ценности можно подразделять на положительные и отрицательные, относительные и абсолютные, субъективные и объективные.

Общечеловеческие (или базовые) ценности относятся к этномаркированным константам, которые определяют взгляд индивидуума на мир, так формируется основа менталитета народа.

В 1907 году Ю.С.Степанов издал книгу «Константы русской культуры», в которой собрана система концептов русской лингвокультуры [20]. В Предисловии к книге автор отмечает, что константами он считает концепты русской лингвокультуры, которые являются частью общеевропейской культуры. Каждая словарная статья посвящена определенному концепту (при этом концепты рассматриваются в диахронии). Базовыми концептами русской культуры согласно Ю.С.Степанову являются: МИР (в том числе родная земля), МЕНТАЛЬНЫЕ МИРЫ (в том числе время), ОГОНЬ И ВОДА, ХЛЕБ, ВОДКА ПЬЯНСТВО, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ и ВОЛЯ, ИСТИНА, ЗНАНИЕ, НАУКА, ДЕНЬГИ, БИЗНЕС, ЗАКОН, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ОБЩИНА, ЧЕЛОВЕК, ДУША, ВЕЧНОСТЬ, ОТЦЫ И ДЕТИ, ДОМ, СВЯТОСТЬ, СТРАХ, ТОСКА, ГРЕХ, ЯЗЫК и пр.

Художественные тексты магического реализма имеют как общую систему ценностей, так и этномаркированные ценностные доминанты. В романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита» преобладает система общечеловеческих морально-нравственных ценностей, которые вне времени и не принадлежат только одной лингвокультуре. Эти ценности отмечены и в словаре «Константы русской культуры».

Среди важнейших ценностей романа – *любовь*. В мире магического реализма М.Булгакова любовь приобретает особый ценностный смысл. Любовь и милосердие являются основой ценностной системы главных героев произведения. Маргарита ради любви к Мастеру идет на сделку с дьяволом, жертвует собой. Но всепоглощающая любовь соединена в ее системе жизненных координат с милосердием и добротой. Она, осознавая, что ее просьба Воланду может оказаться единственной, и понимая, что она может не спасти себя и Мастера, все же просит пощадить Фриду, убийцу собственного ребенка. Любовь Мастера к Маргарите так же является жертвенной, он не хочет, чтобы она пострадала вместе с ним, когда его книга подверглась критике, а его свобода и жизнь находились под угрозой, поэтому он предпочитает «исчезнуть» из ее жизни. Любовью к ближнему и милосердием проникнуты слова Иешуа, когда он, не думая о собственной жизни, жалеет грозного Прокуратора Иудеи, потому что у того болит голова. Свита Прокуратора настолько этим поражена, что все считают Иешуа сумасшедшим.

Любовь – важнейшая ценностная константа и в романе Исабель Альенде. Ева любит свою умершую мать, которая приходит к ней на помощь в сложных жизненных ситуациях. Любовь матери к Еве настолько сильна, что она преодолевает барьер между жизнью и смертью. Ева Луна умеет беззаветно любить и готова пожертвовать собой ради Умберто Наранхо, хотя ее свобода и жизнь под угрозой. В рамках политической ситуации тирании, когда власти хотят расправиться с повстанцами и убить их предводителя Наранхо, Ева может подвергнуться тяжелым испытаниям и даже погибнуть. Однако в ее системе ценностных координат предательство человека, которого она любила, невозможно несмотря ни на что.

Рольф Карле горячо любит свою мать, больную сестру, брата, ради которых он и уезжает из Германии. Рольф полюбил Еву, старается ее спасти, скрыть от приспешников диктатора. По-своему любят Еву Ла Сеньора (владелица борделя, которая одно время заботится о Еве, даже занимается ее образованием); Мелесио (Мими, трансгендерная женщина), которая помогает Еве в трудных жизненных ситуациях, даже когда Ева заботится о крестной (Ла Мадрине), которая принесла множество страданий Еве, эксплуатируя ее детский труд и забирая себе ее зарплату. Ева, несмотря на множество страданий, добра и милосердна, умеет любить и жертвовать собой.

Особенным персонажем в романе «Ева Луна. Истории Евы Луны» является Риад Халаби, человеколюбие которого может показаться удивительным, так как он, имея физический дефект (заячью губу), постоянно подвергался насмешкам (в лучшем случае отношение к нему было немного презрительно-пренебрежительное). Однако он находил в себе силы любить людей, совершать множество добрых поступков (он спас Еву, увез ее из города, где происходило Восстание падших), «*вокруг него расходилось почти физически ощущаемое излучение симпатии к людям»* [2]. Любовь в системе ценностных координат художественных произведений магического реализма вне зависимости от того, носителем какой лингвокультуры является автор, стоит в центре ценностной парадигмы, являясь ее ядром. Любовь в романах Михаила Булгакова и Исабель Альенде преодолевает барьеры, движет героями, дает силы бороться с внешними обстоятельствами (трагические политические события, войны, революционные восстания, козни врагов и пр.). В романах «Мастер и Маргарита» и «Ева Луна. Истории Евы Луны» любовь выходит за рамки реального мира и переносит читателей в мир трансцендентальный, соединяя персонажей вещного земного мира и мира потустороннего, духовного. Так, к Еве приходит практически во плоти ее умершая мать, умершие для реального мира Мастер и Маргарита отправляются в путешествие к их вечному дому, они «заслужили покой».

Любовь не только светлое чувство, она представлена как испытание. В романах М.Булгакова и Исабель Альенде любовь проходит испытание и через участие персонажей в сверхъестественных событиях, любовь «проверяет на прочность» Маргариту и Мастера, Ева Луна живет с ощущением постоянного присутствия умершей матери, безусловная любовь которой спасает её в тяжелых жизненных ситуациях. Многие исследователи магического реализма указывают, что любовь

в этих произведениях связана с историей рода. В частности, в романе Г.Маркеса «Сто лет одиночества» кровосмесительный союз полковника Буэндиа и Урсулы (запретная, осуждаемая обществом любовь) ведет к упадку всего рода (дети рождаются с серьезными физическими аномалиями).

В романе М.Булгакова содержится известный афоризм: «Вопросы крови – самые запутанные вопросы в мире», а далее намек на то, что среди предков Маргариты были особы королевской крови: *«Одна из французских королев, жившая в шестнадцатом веке, надо полагать, очень изумилась бы, если бы кто-нибудь сказал ей, что её прелестную прапрапраправнучку я по прошествии многих лет буду вести под руку в Москве по бальным залам»* [7].

О вопросах крови рассуждает Ева Луна, когда рассказывает загадочную историю ее матери. Совершенно неясно, как в гуще джунглей, где нет деревень и городов с белым населением, оказалась беспомощная маленькая белая девочка с рыжими волосами и голубыми глазами, явно не имеющая никакого отношения к местным индейцам. Девочку спасли местные монахи, они же дали ей имя Консуэло. О семье Рольфа Карли также рассказывается довольно много, по сути его трудное детство определило его мировоззрение (от матери – жертвенность и доброта).

Важнейшей ценностной константой романов «Мастер и Маргарита» и «Ева Луна. Истории Евы Луны» становится *творчество.* Разумеется, для каждого автора любого художественного текста творческий процесс является сакральным. В рассматриваемых романах магического реализма творчество представляется как невероятная ценность, которая делает существование автора значимым. По сути, творчество – это ответ на вопрос о смысле жизни творца Мастера, и рассказчицы, писательницы Евы Луны. Для Мастера творчество – это глубокая потребность, он вкладывает душу в свое произведение.

В роман «Мастер и Маргарита» М.Булгаков включил фразу «рукописи не горят», которая стала крылатым выражением. Эта фраза – о вечности настоящих произведений искусства, которые навсегда остаются в мировой культуре.

В романе «Ева Луна. Истории Евы Луны» творчество – это «магия слов», которая воссоздает и пересоздает реальный мир. Это также, как и у Булгакова, сакральный процесс, соприкосновения с вечностью: *«Я каждый день писала сценарий для новой серии и полностью погрузилась в мир, который сама же и создала, воспользовавшись всесильной магией слов; через некоторое время я просто растворилась в толще повествования, мое «я» начало двоиться и троиться, я словно отражалась во множестве зеркал сразу и проживала множество жизней, повествуя о них разными голосами. Персонажи моей истории стали до того реальными, что начали появляться у нас в доме то поочередно, то все вместе без всякого разрешения; они перестали соблюдать даже видимость хронологического порядка, живые встречались с давно умершими»* [2].

Ценностной доминантой произведений магического реализма является *свобода,* которая рассматривается как часть необходимого человеку жизненного пространства. Свобода как ценностная категория существует в любой лингвокультуре, однако понимается по-разному. В рамках литературы магического реа-

лизма свобода всегда связана с творчеством. Творческое самовыражение дает ощущение свободы Мастеру у Булгакова, Еве Луне (писательнице), Рольфу Карле (журналисту) у Исабель Альенде. Свобода в рамках магического реализма не дается человеку просто так, к ней стремятся, проходя через страдание и нравственный выбор.

Мастер стремится к свободе творчества, для него невозможно лукавить и изменить что-то в романе в угоду конъюнктуре, для Маргариты – свобода быть вместе с любимым, быть частью его жизни, она не дорожит материальным благополучием и готова на жертвы, чтобы быть вместе с Мастером. Для Евы Луны и Рольфа Карле свобода – это самовыражение в творчестве и стремление говорить правду людям, это магия слова, которая может пересоздать реальность. Творческая свобода позволяет Рольфу и Еве самим определять свой образ жизни, цели, убеждения; свобода для них – попытка изменить жестокий мир через возможность говорить правду. «Магия слов» дает возможность Еве «говорить многими голосами», по сути, извлекать из небытия ушедших людей и давать им голос, возможность сказать свое слово правды.

Свобода в произведениях магического реализма осмысливается в нескольких ипостасях, свобода – путь самовыражения; свобода – отсутствие страхов и предрассудков. В романе М.Булгакова некоторые отрицательные персонажи живут в мире иллюзии свободы, которая понимается ими как многочисленные материальные блага (Никанор Иванович Босой, буфетчик Соков, Иуда из Кариота и пр.). Воланд, рассматривая москвичей, произносит фразу, ставшую крылатым выражением: «*Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было… Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или из золота*» [7]. Материальная независимость не есть свобода утверждается во всех произведениях магического реализма (и у Исабель Альенде, и у Борхеса, и у Гарсиа Маркеса и др.)

Частью ценностной парадигмы в произведениях магического реализма является поиск *истины* (что связывается со свободой, с творчеством, с любовью и добротой). Истину пытается постигнуть Мастер, описывая библейские события, пытаясь постигнуть глубину человеколюбия Иешуа; истину пытается постигнуть и Понтий Пилат, который не понимает, как можно в любом человеке увидеть что-то доброе.

В романах латиноамериканского магического реализма персонажи также пытаются постигнуть истину, связывая ее с интерпретацией происходящих событий, но их истина субъективна; она связывается с личными переживаниями. Истина не в том, что происходит на самом деле, а в ощущениях, в том, как человек переживает события. В романах Исабель Альенде, Гарсиа Маркеса, Хорхе Луиса Борхеса, Жоржи Амаду персонажи постигают истину через свои ощущения, через сострадание, любовь к ближнему и милосердие. Их истина – это поиски ответа на вечные вопросы бытия, она непостижима и многомерна.

Практически во всех произведениях магического реализма ценностью является *история* и *человеческая память* о прошлом; это может касаться истории семьи и государства (как у Гарсиа Маркеса), Священной истории (как у Булгакова),

истории борьбы за свободу (как у Исабель Альенде) и пр. Без памяти, внимания к прошлому не может быть будущего.

Ева Луна, рассказывая историю своей матери и свою собственную (воплощая ее в сценарии для фильма), осмысляет историю своей страны, показывает тяжелую борьбу против тирании. В конце романа «Ева Луна» Ева говорит о том, что она продолжит рассказывать истории и некоторые даже будут «со счастливым концом», то есть Ева уверена, что, если она вспомнит все, что она видела, перескажет людям, они вместе смогут построить «счастливый финал».

Следует отметить, что художественные тексты магического реализма однозначно утверждают, что ценностью являются *человеческие отношения*, не только любовь, но и дружба, сострадание, милосердие, взаимопомощь, бескорыстная доброта и даже чувство долга по отношению к ближнему.

Рассматривая парадигму ценностных доминант произведений магического реализма, следует обратить особое внимание на то, как система ценностей (и антиценностей) передается различными средствами в соответствии с дискурсивными стратегиями авторов.

Вопрос о понимании дискурсивных стратегий является дискуссионным. Полагаем, что определение С.Н.Плотниковой о том, что дискурсивная стратегия – «унифицированный способ конструирования дискурса, дискурса одного и того же типа, выделяемого по его концептуальным основаниям», является универсальным [18, с.78]. Дискурсивная стратегия может рассматриваться как система приемов, используемых автором, для передачи идеи произведения в авторской интерпретации картины мира.

В художественном дискурсе в целом (произведения магического реализма, несомненно, относятся к художественному дискурсу) дискурсивные стратегии могут различаться в зависимости от того, к какому литературному направлению относится произведение, с помощью какого художественного метода они созданы. В рамках магического реализма дискурсивные стратегии авторов связываются с особенностями конструирования текстов, которые определяются тем, что магические и / или мистические элементы повествования включаются во вполне реалистическое описание картины мира. Несомненным объединяющим началом в произведениях магического реализма является система дискурсивных концептов (в данном случае концептов, репрезентирующих ценности), что связывается с особым мировосприятием авторов.

В рамках магического реализма дискурсивные стратегии во многом носят универсальный характер.

Во-первых, в текстах магического реализма важна модально-оценочная стратегия, сущность которой заключается в том, что автор пытается повлиять на мировоззренческие паттерны читателей, вызвать определенное эмоциональное отношение к событиям, описанным в произведении (реальным или ирреальным / мистическим), убедить читателей в правильности системы ценностных доминант. Так, в романе «Ева Луна. Истории Евы Луны» содержится эпизод, когда немецкие обыватели (жители соседних деревень) должны заниматься захоронением жертв немецкого концлагеря; описание ужаса, который испытали жители,

когда увидели, что на самом деле происходило в лагере, формирует у читателей однозначную оценку. Такой ужас и бесчеловечное отношение к людям не должны повториться никогда. Такое же яркое описание в романе – это последствия жестокого подавления «Восстания падших», когда власти страны, по сути, таким же жестоким образом расправились с людьми из социальных низов. В романе М.Булгакова особо выделяются эпизоды, в которых содержатся яркие описания человеческих страстей – алчности, тщеславия, гордыни, похоти. По Булгакову, одним из самых страшных грехов является предательство. Модально-оценочная стратегия осуждения, неприятия предательства, жестокости, тщеславия, алчности, лжи является своеобразной основой текста «Мастера и Маргариты». В текстах магического реализма однозначно осуждаются деструктивные страсти человека, которые подчиняют человеческую личность и разрушают ее, это однозначно осуждаемая система антиценностей.

Во-вторых, в произведениях магического реализма реализуется стратегия рекуррентности, сущность которой заключается в эксплицитном и имплицитном повторении определенных смысловых доминант текста (в том числе и системы ценностей и антиценностей). Реализуется рекуррентная стратегия на уровне повторения определенных лексических единиц, посредством устойчивого повторения определенных приемов (градации, синтаксического параллелизма), это усиливает эмоциональный эффект и воздействие на читателя. Стратегия рекуррентности в романе Исабель Альенде реализуется и на уровне повторения сюжетных линий, связанных с главной героиней Евой. Она постоянно оказывается в ситуации, когда вынуждена начинать сначала, подстраиваясь под изменившиеся события. По сути, никому не нужная после смерти матери девочка вынуждена выживать, начиная снова и снова выстраивать свою жизнь (она убегает от жестоких хозяев из дома, куда ее поместила крестная мать, вынуждена убегать от полиции, когда случайно оказывается в эпицентре «Восстания падших», вынуждена убегать из дома Риада Халаби после самоубийства его жены, вынуждена убегать от генерала Толомео Родригеса, который пытается заставить Еву предать друга.

Стратегия рекуррентности реализуется и в романе М.Булгакова. Повторение на уровне смысловых доминант в романе «Мастер и Маргарита» реализовано на уровне лексики (прямая многочисленная номинация ценностей, реже – антиценностей, например, мотив уныния в снах Маргариты). На уровне лексики активны анафоры. В романе важным приемом является повторение на уровне синтаксических конструкций, однотипных конструкций несколько десятков. Дискурсивная стратегия рекуррентности реализуется на композиционном уровне (стыки, подхваты на уровне отдельных глав, когда последние слова или фразы предыдущей главы становятся первыми в последующей главе).

В соответствии со стратегией рекуррентности повторяются мотивы, образы. Например, на уровне мотивов активно повторяются образы сна, зеркала, дремоты, галлюцинации: это сон Маргариты, сон Понтия Пилата, сон Ивана Бездомного, сон Никанора Ивановича. Это создает особый эффект иллюзорной реальности, когда персонажи не могут понять, в какой реальности они находятся в данный момент. По сути, сны в романе М.Булгакова репрезентируют особую форму

эскапизма – бегство от реальности в иллюзорный мир (что само по себе также свидетельствует о том, что роман следует рассматривать в рамках магического реализма). Как отмечает Ю.В.Новикова в своей работе «Мотив сна в нетипичном повествовании (на материале текста романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита»), «сны героев представляют ценность как для них самих, так и для композиционного развития сюжета в целом. Они – ключ к пониманию действительности и познавательного опыта героев… Сновидение в целом, выступая как переводчик с божественного языка на язык реальности, восстанавливает утраченный человеком баланс, наполняет смыслом жизнь и помогает ему понять самого себя» [17, с.17].

Заметим, что стратегия рекуррентности проявляется также на уровне речей различных персонажей, когда повторяется лирический рефрен: «О, боги, боги!».

Среди концепций дискурсивных стратегий художественных текстов магического реализма следует обратить внимание на работы О.А.Мельничук, в которых она исследует дискурсивные стратегии магического реализма на основе романа Бориса Виана «Пена дней». В работе дискурсивные стратегии произведений магического реализма разделяются на:

«– семантические, которые подразделяются на глобальную (стратегию выражения / формулирования основной идеи текста) и тематические стратегии, направленные на выражение / формулирование отдельных тем произведения;

– формально-структурные, создающиеся при помощи одноуровневых средств, являющихся доминантными в произведении (т.е. лексические стратегии, стилистические, синтаксические, композиционные и т.д.)» [15, с.101].

Исследователь полагает, что дискурсивные стратегии, в частности семантическая стратегия, реализуются тактиками создания физического портрета персонажа, тактиками описания одежды персонажей, тактикой диссонанса и пр. Если следовать концепции О.А.Мельничук о дискурсивных стратегиях в текстах магического реализма, то в романе Исабель Альенде «Ева Луна. Истории Евы Луны» также можно выделить семантические стратегии по созданию основной идеи текста, заключающейся в утверждении, что нет ничего сильнее слова, творчества (историй), которые сохраняют человеческую историю и память. Глобальная семантическая стратегия связывается с парадигмой ценностных доминант (любовь, свобода, творчество, истина, память); формально-структурная дискурсивная стратегия, как было отмечено, реализуется на уровне различного рода лексических средств и повторов.

В романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита» семантические глобальные стратегии по созданию основной идеи текста (заключающейся в осознании антиномий *добро / зло, тьма / свет, свобода / ответственность* и пр.), так, как и в романе Исабель Альенде, связаны с парадигмой ценностных доминант (любовь, свобода, творчество, истина, память). Формально-структурная дискурсивная стратегия у Булгакова также реализуется на уровне лексической, синтаксической систем, а также на уровне использования многочисленных средств синтаксиса, тропов и фигур речи.

Заключение. Таким образом, анализ дискурсивного пространства романов Исабель Альенде «Ева Луна. Истории Евы Луны» и Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» позволяет утверждать, что они созданы в соответствии с художественным методом магического реализма. В романах выявляются признаки магического реализма: наличие двойной реальности: скрытой и явной, то есть в тексте соединены элементы описания обыденной действительности и фантастики, но при этом важным принципом является сохранение правдоподобия; искажение пространственного жизнеподобия; «время субъективно и относительно», то есть персонажи могут «жить» в различных временных континуумах; особый тип мышления персонажей; особая этноориентированная лингвокультурологическая основа произведений. Роман Исабель Альенде «Ева Луна. Истории Евы Луны» и роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» объединяет единая система ценностных доминант, включающая такие константы, как *любовь, истина, свобода, творчество, историческая память*. В романах в основном совпадает и система антиценностей (ложь, предательство, трусость, алчность и пр.). Система ценностей романов магического реализма Исабель Альенде и Михаила Булгакова выражена посредством дискурсивных стратегий художественного дискурса: модально-оценочной, рекуррентной, глобальной семантической и формально-структурной.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 225 с.
2. Альенде И. Ева Луна. Истории Евы Луны. Пер. с исп. Владимира Правосудова, Анны Денисовой. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2023. – 736 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: дис. ... д-ра филол. н.: 10.02.20 / Бабаева Елена Викторовна. – Волгоград, 2004. – 438 с.
5. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014. – №6 (335), вып. 88. – С. 118-122.
6. Большая российская энциклопедия, 2004-2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Большая_российская_энциклопедия?utm_referrer=https://yandex.ru/ (дата обращения 18.07.2026)
7. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Эксмо, 2024. – 480 с.
8. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. – С. 93–97.
9. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
10. Гугнин А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. – М.: Российская академия наук, Институт славяноведения, Научный центр славяно-германский исследований, 1998. – 117 с.
11. Дробницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблема ценности в философии / под ред. А.Г.Харчева. – Л.: Наука, 1966. – С. 25-40.

12. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С.12-18.
13. Карасик В.И. Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004. – 206 с.
14. Кислицын К.Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – №1. – С.274-277.
15. Мельничук О.А. Стратегии дискурса магического реализма в романе Бориса Виана «Пена дней» (Boris Vian «L'écume des jours») // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2019. – №3. – С.99-107.
16. Нелюбова Н.Ю. Аксиологические доминанты лингвокультуры и их маркированность в паремиологии: на материале французского, русского и тувинского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. н.: 5.9.8 / Нелюбова Наталья Юрьевна. – М., 2025. – 40 с.
17. Новикова Ю.В. Мотив сна в нетипичном повествовании (на материале текста романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита») // Художественный текст и литературный процесс. – 2023. – №1. – С.17-26.
18. Плотникова С.Н. Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий // Вестник МПГУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2018. –№3 (31). – С.78-86.
19. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 323 с.
20. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – 2. изд., испр. и доп. – М.: Акад. проект, 2001. – 989 с.
21. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник статей / отв. ред. Н.В.Уфимцева. – М.: Изд-во «Эйдос», 1996. – С. 97–112.
22. Schiffrin D. Discourse markers. – Cambridge: Cambridge university press, 1987. – 374 p.
23. Van Dijk TA (Ed.) Handbook of Discourse Analysis. – London: Academic Press, 1985. – Vols. 1– 4.
24. Van Dijk TA. Communicating Ideologies / T.A.Van-Dijk, M. PUz & Jo Anne Neff-van Aertselaer (Eds). – Frankfurt: Lang, 2004.
25. Van Dijk TA. Discourse, Context and Cognition // Discourse Studies. – 2006. – №8(1). – P.159–177. (Special issue on discourse, interaction and cognition).
26. Wodak R. Disorders of discourse. – L.; N.Y.: Longman, 1996. – 200 p.

THE PARADIGM OF VALUE DOMINANTS OF MAGICAL REALISM IN THE NOVEL "EVA LUNA. THE STORIES OF EVA LUNA" BY ISABEL ALLENDE AND M. BULGAKOV'S NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA"

Lazareva Olesya Viktorovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the general and Russian linguistics
RUDN University
Executive secretary of journal
“RUDN Journal of language studies, semiotics and semantics:
1171986, Russia, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6
Ph.: + 7 (499) 936 85 84, ext. 2584
lazareva-ov@rudn.ru

Buribayeva Mainura Abiltayevna

Candidate of philological sciences, associate professor
Vice-Rector for research and international relations
Korkyt ata Kyzylorda university
120000, Kazakhstan, Kyzylorda, Aiteke bi str. 29A, room 303
Ph.: +7 (7242) 27 62 11
buribayeva.mainura@korkyt.kz

This article examines the value system of magical realist works, viewing magical realism as a unique method of artistic interpretation of reality, which constructs a unique multi-layered reality within a single work, in which the material, real, everyday, and mystical, magical, and unreal worlds coexist. The characters in these works perceive magic, mysticism, and "double" reality as the natural order of things.

Isabel Allende's novels "Eva Luna" "The Stories of Eva Luna" and M. Bulgakov's novel share not only the creative method of magical realism but also a unified value system, including such constants as love, truth, freedom, creativity, and historical memory. The novels also largely share a system of anti-values (lies, betrayal, cowardice, greed, etc.).

The relevance of studying the Latin American and Russian versions of magical realism lies in the fact that it allows us to shape a global space of world fiction, promotes an understanding of the system of universal value dominants, and simultaneously draws attention to the peculiarities of an ethnically marked understanding of reality.

The value paradigm of magical realist texts is represented through discursive strategies: modal-evaluative, recurrent, global semantic, and formal-structural.

Keywords: magical realism; discursive strategies of fiction; I.Allende; M.Bulgakov.

СИСТЕМАИ АРЗИШҲОИ АСОСИИ РЕАЛИЗМИ ҶОДУЙ ДАР РОМАНИ «ЕВА ЛУНА. ҲИКОЯҲОИ ЕВА ЛУНА»-И ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ ВА РОМАНИ М.БУЛГАКОВ «МАСТЕР ВА МАРГАРИТА»

Лазарева Олеся Викторовна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забоншиносии умумӣ ва забоншиносии рус
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
котиби масъули маҷаллаи
«Паёми Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия.
Силсила: Назарияи забон. Семиотика. Семантика»
117198, Россия, Москва, кӯч. Михлухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (499) 936 85 84, дох. 2584
lazareva-ov@rudn.ru

Бурибаева Майнура Абильтаевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
муовини ректор оид ба корҳои илмӣ ва робитаҳои байналмилалӣ
Донишгоҳи Қорқыт Атои Қизилорда
120000, Қазоқистон, Қизилорда, кӯч. Айтеке би, 29А, ҳуҷраи 303
Тел.: +7 (7242) 27 62 11
buribayeva.mainura@korkyt.kz

Дар мақола низоми арзишҳои асарҳои реализми ҷодуӣ баррасӣ мешавад. Дар ин маврид реализми ҷодуӣ ҳамчун усули махсуси бадеии тафсири воқеият баррасӣ мегардад, ки имкон медиҳад дар доираи як асар воқеияти хоси бисёрсатҳа ташаккул дода шавад, ки дар он ҷаҳони ашёӣ, воқеӣ ва рӯзмарра бо ҷаҳони ирфонӣ, ҷодуӣ ва ғайривоқеӣ ҳамзистӣ мекунад. Ҳамзамон, қаҳрамонони асарҳо ҷоду, падидаҳои ирфонӣ ва воқеияти «дугона»-ро ҳамчун тартиби табиии ҳастӣ қабул менамоянд.

Романҳои Исабель Альенде «Ева Луна. Ҳикояҳои Ева Луна» ва романи М. Булгаковро на танҳо усули эҷодии реализми ҷодуӣ, балки низоми ягонаи арзишҳо низ ба ҳам мепайвандад, ки чунин арзишҳои асосиро дар бар мегирад: *муҳаббат, ҳақиқат, озодӣ, эҷодкорӣ, хотираи таърихӣ.* Дар романҳо низоми зиддиарзишҳо (дурӯғ, хиёнат, тарсончакӣ, тамаъкорӣ ва ғайра) низ асосан ба ҳам мувофиқат мекунад.

Аҳамияти омӯзиши вариантҳои лотинамерикоӣ ва русии реализми ҷодуӣ дар он ифода меёбад, ки ин таҳқиқот барои ташаккули фазои ҷаҳонии адабиёти бадеӣ мусоидат намуда, ба дарки низоми арзишҳои умумибашарӣ имкон медиҳад ва ҳамзамон таваҷҷуҳро ба хусусиятҳои дарки воқеият бо назардошти вижагиҳои этникӣ ҷалб менамояд.

Системаи арзишии матнҳои реализми ҷодуӣ тавассути стратегияҳои дискурсӣ — стратегияи модалӣ-арзёбӣ, рекуррентӣ, семантикии глобалӣ ва шаклӣ-сохторӣ — ифода меёбад.

Калидвожаҳо: реализми ҷодуӣ; стратегияҳои дискурсии матни бадеӣ; И.Альенде; М.Булгаков.

УДК 821.161.3-311.6'06.09

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ НА ТЕМУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дуктова Любовь Георгиевна

Кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела белорусской литературы XX и XXI столетий
Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»
220072, Республика Беларусь, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2
Тел.: +375 (29) 746 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Шарапова Елена Васильевна

Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
МОУ ВО «Белорусско-Российский университет»
212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, 43
Тел.: +375 (29) 746 92 21
alenasharapava@yandex.by

В тематической палитре современной белорусской литературы одной из ключевых является тема Великой Отечественной войны. Названная тема нашла отражение в творчестве прозаиков трех поколений: былых фронтовиков, писателей – «детей войны» и представителей поколения потомков победителей. В современном литературоведении в контексте эпических произведений рубежа XX-XXI веков о войне актуализируется и активно изучается проблема репрезентации женских образов. В статье рассмотрена специфика восприятия и изображения женских образов в произведениях белорусских прозаиков Ивана Чигринова, Василя Быкова, Владимира Гниломедова, Зинаиды Дудюк, Михаила Позднякова, Елены Браво – представителей начавшегося в 1986 году периода «новой литературной ситуации». Данный временной контекст подчеркивает значимость темы и определяет цель данного исследования. Отмечается, что художественная мысль писателей чрезвычайно чувствительна к памяти о трагических страницах войны середины прошлого века и ее многоголосым проявлениям в современной жизни. Показана ключевая роль именно женских образов при исследовании темы вины и прощения в военном эпосе последних лет. Делается вывод о том, что образ женщины в белорусской прозе на тему Великой Отечественной войны в условиях новой литературной ситуации многогранен, многосимволичен, отражен в контексте вечного, масштабного и комплексного поиска прочных основ духовности.

Ключевые слова: современная литература; белорусская литература; проза; эпические произведения; художественный образ; образ женщины; тема.

Введение. Одно из магистральных мест в современной белорусской прозе занимает тема Великой Отечественной войны, которая находит отражение в разных жанрах национальной литературы Беларуси. Это большие эпические формы – произведения Ивана Чигринова, Вячеслава Адамчика, Владимира Гниломедова, вошедшие в романные циклы писателей. Это повести, рассказы, притчи Василя Быкова. Новеллы, образки, притчи, рассказы, повести представителей нового поколения современных белорусских писателей – Владимира Гавриловича, Елены Браво, Александра Мороза и др.

Следует отметить, что освещение темы Великой Отечественной войны в национальных литературах стран постсоветского пространства обусловлено рядом факторов. В первую очередь – временным. И здесь целесообразно выделить следующие сегменты: это проза военных лет и послевоенных десятилетий, автобиографический опыт поколения «детей войны», эпические произведения писателей, пришедших в литературу на рубеже XX–XXI веков.

Еще один фактор – культурно-исторический. Военная проза советской литературы складывалась из произведений ярких представителей национальных литератур республик. Однако сама тематика нередко делала эти произведения не только достоянием национальной литературы, но и задавала тон интернационального звучания. Например, в творчестве таджикского писателя Фатеха Ниязи, посвятившего событиям на фронте дилогию-роман «Верность», в тылу – роман «Солдаты без оружия», есть произведение «Не говори, что лес пустой…», посвященное белорусским партизанам. Говоря о романе про партизанский лес Беларуси, где выполняет свой воинский долг солдат из Таджикистана, В.Борщуков отмечает: «Давлят Сафоев <…> не только воплощает в себе лучшие черты своего народа, он человек новой формации, убежденный патриот и интернационалист. Символически звучат слова Давлята о его маленьком сыне, родившемся в далеком горном Таджикистане, детство которого протекает в суровом партизанском крае, среди лесов и озер Полесья. Но ведь все это его родина – вся страна, от Великого океана до Буга и Прута, от Памира до Балтики. “Никто не знает, – говорил себе Давлят, – в какой ее точке ему придется учиться, получать паспорт, трудиться. Но не это важно. Важно, чтобы всегда и везде гордо носил звание гражданина Советского Союза, был честным и смелым, не боялся трудностей”. Роман Фатеха Ниязи овеян романтикой белорусского леса, его красотой и волшебной силой. Писатель щедро описывает подвиги героев, которыми славились белорусские леса военной поры. В каждом из них он видит человека с чистой совестью, не жалеющего своей крови и жизни для будущего советской родины» [7, с.4].

К числу примеров, когда художественные тексты на военную тему обрели межнациональную славу, относится, например, творчество, белорусского прозаика Василя Быкова, киргизского писателя Чингиза Айтматова. Нужно отметить, что в послевоенное время в киргизской литературе тема войны нашла отражение также в творчестве У.Абдукаимова, Т.Сыдыкбекова. как пишет профессор Б.Койчуев об одном из факторов, повлиявших на развитие этой темы в литературе Кыргызстана, «Во время начала Великой Отечественной войны писатели Киргизии представлены зрелыми и молодыми мужчинами призывного возраста. По-

давляющее большинство их уйдет на фронт. Вернутся единицы <…>. Произведений, воссоздающих непосредственно события, происходящие в зоне военных действий, не так много <…>. Писатели старшего поколения, оставшиеся в республике, описывали в основном жизнь тыла» [13, с.65]. И если в советское время в литературе Кыргызстана при освещении событий Великой Отечественной войны превалировали большие (романы «Люди наших дней» Т.Сыдыкбекова, «Майдан («Битва») У.Абдукаимова) и средние (повести «Джамиля», «Ранние журавли» Ч.Айтматова) эпические формы, то на современном этапе авторы отдают предпочтение малым эпическим формам: рассказы «Хлеб» М.Барджиева, «Памятник» А.Иванова, «Земляки» А.Молчанова.

Процесс художественного осмысления событий Великой Отечественной войны в конце XX – начале XXI веков в белорусской литературе похож на такой же процесс на постсоветском пространстве: в нем также участвуют белорусские писатели трех поколений.

Во-первых, непосредственные участники боевых действий (Алесь Адамович, Янка Брыль, Василь Быков, Иван Науменко, Иван Шамякин).

Во-вторых, представители поколения «детей войны» (Иван Чигринов, Владимир Гниломедов, Михаил Стрельцов, Борис Саченко).

В-третьих, потомки поколения победителей, это авторы, которые родились после войны – Михаил Поздняков, Зинаида Дудюк, Владимир Гаврилович, Елена Браво.

Особенности воплощения темы войны в эпических произведениях современных белорусских писателей, которые осмысливают события Второй мировой войны спустя несколько десятилетий – на рубеже XX и XX веков, – один из актуальных вопросов, который рассматривает Е.Крикливец в монографии «Современная белорусская литература о Великой Отечественной войне: традиции, идеология, поэтика»: «Проза о Великой Отечественной войне, созданная в XXI веке, весьма разнообразна как в идейно-тематическом, так и в жанрово-стилистическом планах. В настоящее время в филологической науке выделяют несколько направлений развития военной прозы: историческое, онтологическое, экзистенциальное и эстетическое <…>. Можем предположить, что провести четкую границу между названными направлениями довольно затруднительно. В тексте конкретных художественных произведений, как правило, наблюдается синтез различных приемов литературной рефлексии и создания авторских когнитивных моделей»[1] [5, с.29].

Актуальной и малоизученной проблемой является специфика восприятия и изображения женских образов в произведениях белорусских прозаиков периода, начавшегося в 1986 году и получившего название «новой литературной ситуации». Культурно-исторический, сравнительный и описательный методы литературоведческого анализа позволяют выявить тенденции в изображении женских образов в современной прозе белорусских писателей разных поколений.

[1] Здесь и далее перевод с белорусского языка авторов этой статьи – Л.Д., Е.Ш.

Стоит отметить, что данное исследование направлено на выявление особенностей женских образов в произведениях белорусских писателей-фронтовиков (с особым вниманием к образу Франи в повести В.Быкова «Полюби меня, солдатик»), на анализ восприятия женских персонажей в романах писателей поколения «детей войны» И.Чигринова и В.Гниломедова, а также на изучение специфики изображения женщин военного времени в цикле романов И.Чигринова. Кроме вышеназванного, в статье ставятся задачи рассмотреть традиции и новаторство в эпических произведениях писателей разных поколений при изображении природных образов, связанных с женским началом; охарактеризовать возможности репрезентации женских образов в творчестве писателей поколения, пришедшего на смену «поколению победителей», с учетом нового литературного контекста изображения Великой Отечественной войны.

Материалы и результаты исследования. В период появления на карте мира нового суверенного государства Республики Беларусь продолжали свой жизненный и творческий путь писатели, прошедшие через войну и раскрывшие свои таланты в советскую эпоху. Среди них – Янка Брыль (1917–2006), Василь Быков (1924–2003), Иван Науменко (1925–2006), Алесь Адамович (1927–1994) и Иван Шамякин (1921–2004). В своих произведениях советского периода эти авторы создали яркие женские образы, воплотившие многогранность национального характера. Лучшие из этих произведений вошли в сокровищницу национальной литературы.

Непокорность и сила духа перед лицом врага-захватчика воплощены в образе Степаниды Богатьки из повести В.Быкова «Знак беды» (Знак бяды») (1982). В рассказе Я.Брыля «Мать» (Маці») (1957) стойкость и самопожертвование являются безусловными характеристиками архетипического образа матери, для которой не бывает чужих сыновей. В документальной книге А.Адамовича, Я.Брыля и В.Колесника «Я из огненной деревни...» («Я з вогненнай вёскі…») (1970–1973) женщины предстают как живые свидетели карательных операций, как хранители памяти о жуткой гибели своих родных и односельчан.

Женское начало воплощено в ряде природных образов, встречающихся в военной прозе. Все они объединены общей символикой стойкости, безмолвного сопротивления, преданности родной земле, мужества. Примерами могут служить образ одинокой сосны в романах И.Науменко и образ одинокой птицы в повести В.Быкова «Журавлиный крик» («Жураўліны крык») (1959).

В 1980-1990-х годах в белорусской военной прозе наметилась новая тенденция в осмыслении событий 1940-х годов, сместившая акцент на психологию поколения, «деформированного» войной. Свидетельством тому служат такие произведения авторов этого поколения, как «Плен» («Палон») М.Аврамчика (1991), «Жертвы» («Ахвяры») И.Шамякина (1988–1989) и «Исполнитель» («Выканаўца») А.Осипенко (1994) и др. Например, в повести Василя Быкова «Полюби меня, солдатик» («Пакахай мяне, салдацік») (1995) изображен трагический образ белоруски Франи. Действие происходит в Австрии в 1945 году. Лейтенант Дмитрий Борейко, молодой командир взвода противотанковых орудий, встречает на чужой земле – практически накануне долгожданной Победы – землячку Франю.

Несмотря на то, что война близится к концу, герои живут в атмосфере напряжения и тревоги, и все же в их беседах звучат ритмы обычной человеческой жизни – жизни, в которой есть место любви, миру, счастью и Богу.

Женщина на войне в повести В.Быкова предстает как духовно стойкая личность, которую конфликт не сломил и не ожесточил, она осталась верна вечным общечеловеческим ценностям. Франя, воспитанная как воинствующая атеистка, несмотря на все ужасы, пережитые ею в годы войны, становится христианкой, услышав звуки органа и пение «Ave Maria» и осознав, что Бог должен существовать. Героиня приходит к выводу, что главное – это человечность, а не интеллект, ведь даже преступник может быть умным. В то же время писатель не романтизирует женский опыт войны, а делает акцент на «голой правде» (Франя погибает) и на том, как трагическая судьба молодой женщины была предопределена суровыми военными обстоятельствами, которые поглощают лучшую пору человеческой жизни – молодость. Женский образ в повести В.Быкова «Полюби меня, солдатик» представлен в контексте осмысления проблемы потерянного поколения.

В творчестве писателей поколения «детей войны» – Ивана Чигринова (1934-1996) и Владимира Гниломедова (1937-2024) – воплощены как трагическое, так и героическое: трагический отзвук народных страданий в годы военных испытаний и героический дух, направленный на прославление подвигов защитников страны.

В середине 1990-х годов народный писатель И. Чигринов продолжил работу над пенталогией, начатой еще в 1970-х. К тому времени первые три романа этого эпического цикла – «Плач перепелки» («Плач перапёлкі») (1972), «Оправдание крови» («Апраўданне крыві») (1977) и «Свои и чужие» («Свае і чужыя») (1984) – уже были опубликованы и экранизированы. В 1994 году вышел роман «Возвращение к вине» («Вяртанне да віны»), а в 1996-м – «Не все мы погибнем» («Не ўсе мы згінем»). В центре повествования – борьба народа и жизнь белорусской деревни в условиях оккупации и военных потрясений.

При оценке художественных достоинств цикла романов и его персонажей литературоведы уделяют основное внимание образам Родиона Чубаря и Дениса Зазыбы, однако и женские образы в эпопее И.Чигринова не остались без внимания исследователей. Т.Громадченко отмечает: «Трудно представить героинь Чигринова с оружием в руках. Они думают о том, как накормить детей, и беспокоятся о судьбе своих мужей, сыновей и родителей» [4, с.559].

Когда уже вышли первые два романа пенталогии, писатель в интервью газете «Литература и искусство» («Літаратура і мастацтва») отдал должное белорусской женщине военного времени: «Ни для кого не секрет, что именно они, пожалуй, сделали больше всего во время войны. Ведь им каким-то образом удавалось жить рядом с мужчинами, рожать детей, работать, беречь свое потомство, воевать, сеять хлеб, проявлять сострадание и перевязывать раны; они умели любить и ненавидеть. Женщины на войне – особенно сельские женщины – представляют собой поистине всеобъемлющее явление. Когда я пишу о своих героинях, я прежде всего опираюсь на образ собственной матери, Хадоски Игнатовны [по паспорту Феодосия Игнатьевна – Л.Д., Е.Ш.]» [1, с.8].

Стоит напомнить, что в романе «Крик перепелки» прототипом персонажа Хадоски Гаврилихи (жены председателя) послужила мать писателя. В книге она изображена как трудолюбивая и заботливая жена и мать: «Пока веремейковцы собирались группами да беседовали, обсуждая деревенские новости, а больше всего то, что предстояло делать сегодня, Гаврилиха успела нажать снопов на целый умолот на току, занимая полосу как можно шире. Драницева Аксюта зря болтала – женщина эта никогда не «господствовала», хотя была замужем за человеком, который долгое время работал председателем соседнего с Веремейками сельского Совета. Нарожала ему кучу детей, чуть ли не пятерых, и ей было ли когда даже отойти от корыта» [12, с.37]. Пенталогия представляет целую галерею женских образов: Марфа Зазыба, Дуня Прокопкина, Анна Карпилова, Палага Хохлова, Ольга Маковец и Анюта Жмейдова др.

С одной стороны, в цикле романов И.Чигринова женский образ символизирует продолжение жизни. Даже в военное время белорусская женщина рожает детей, вдохновляет, заботится о семье, не позволяя ни себе, ни своим близким поддаться суровым испытаниям времени. Д.Бугаев отмечает: «Понимание тяжести женской доли, особенно в условиях военного лихолетья, и общая стилевая ориентация сдерживали писателя от намеренной идеализации сельских женщин, заставляли его обращаться к подчеркнуто реалистическим краскам. Только о Дуне Прокопкиной сказано, что ее голос «вылетал из груди, словно посеребренный». Есть также своя поэтичность, угадываемая скорее в подтексте, нежели в прямом стилевом проявлении, в описании встречи в доме Сахвеи Мелешонковой после рождения ребенка, когда, несмотря на все тяготы войны, собираются веремейковские женщины. Эти родины можно воспринимать как символ жизненной стойкости, способности противостоять разрушительным ветрам времени» [12, с.14].

С другой стороны, в пенталогии показана растущая решимость местного населения, которую разделяли и женщины, дать отпор врагу. В романе «Свои и чужие» описывается случай, когда немецкие летчики были убиты после вынужденной посадки примерно в пятидесяти километрах от линии фронта. Согласно одной из версий, операцией по их ликвидации руководила краснопольская милиция и «главной ударной силой были местные мужики, которые обложили немцев со всех сторон, хоть вооружены были лишь топорами да оглоблями» [12, с.569]. Согласно другой версии, обессиленных врагов забили мотыгами крестьянки, когда те неожиданно оказались у них на пути: «Баранов теперь точно не знал, что стало с теми немецкими летчиками потом, однако слышал от кого-то, что будто милиционерам не удалось довести их до Краснополья. Все четверо полегли от ударов мотыг, с которыми накидывались на них по дороге разъяренные деревенские женщины... Такая ненависть уже была у людей к фашистам. Вот и сегодня хозяйка этого дома сразу вспомнила, что именно сельские женщины, и никто иной, забили тогда немецких летчиков до смерти» [12, с.569].

Стоит отметить, что в первых трех романах пенталогии автор подчеркивает, что деревенские женщины воплощают собой нравственный стержень народа – основу, уходящую корнями в стойкость, верность родной земле, преданность се-

мье и самопожертвование. Эти традиции получают дальнейшее развитие в образах героинь романов, написанных в 1990-е годы, таких как «Возвращение к вине» и «Не все мы погибнем». Анна – героиня романа «Возвращение к вине» – проходит испытание человечности через страдания и ужас. Она стала свидетельницей уничтожения деревни Боровка и гибели своих близких. В произведение представлен образ женщины, которая не сломлена, но способна пережить горе, продолжать жить и растить детей. Подчеркивается, что она не бежит от горьких воспоминаний, а хранит память, выходящую за рамки ее личной истории и воплощающую в себе коллективную память народа.

В произведении «Возвращение к вине» И.Чигринов обращается и к теме предательства в годы войны. Образ Рейдихи – матери полицая – отличается глубокой психологической проработанностью и служит художественным воплощением материнской трагедии. Ее терзают тяжелые переживания, вызванные выбором сына Якова, перешедшего на сторону врага. Это и стыд перед окружающими за его поступки, и страх, и глубокое чувство вины из-за невозможности побороть в себе стремление найти и похоронить тело своего ребенка. Писатель избегает упрощенного изображения женских образов: героини романа показаны в водовороте эмоций, мыслей и страхов, определяющих жизнь женщины в военное время.

В романе «Не все мы погибнем» изображены несколько поколений деревенских женщин, олицетворяющих стойкость и решимость, то есть те качества, которые определяют смысл оптимистичного названия произведения. Образ жены Мосея Зазыбы воплощает такие черты, как природная находчивость, терпение, мудрость, самопожертвование и человечность. Несмотря на боль, которую испытывает Марфа Зазыба, сталкиваясь с несправедливостью военного времени, она сохраняет человеческое достоинство и душевную чистоту перед лицом окружающих.

Образ женщины в цикле романов И.Чигринова – это образ неутомимой труженицы и умелой хозяйки, верной жены и заботливой матери, а также мужественной солдатки.

Роман В.Гниломедова «Война» («Вайна») (2010) – пятое произведение его окталогии – повествует о жизни жителей припущанского края в тяжелые военные годы. В центре повествования – судьба сельской семьи из западнобелорусской деревни.

Ряд персонифицированных образов растений связан с женским началом, что обогащает художественную ткань романа и задает особый эмоциональный тон в изображении событий военного времени. Природная образность в романе В.Гниломедова «Война» строится вокруг дендрологических мотивов вишни и сосны. Н.Курипка отмечает символическое звучание образа сосны в романе: «С человеческой кровью сравнивает В.Гниломедов раны расщепленной артиллерийским огнем сосны, с праславянским древом вечности, смола которого будто кровь человечья» [6, с.14]. Изображение поврежденного ствола сосны служит символом утраты традиционных мира и порядка. В то же время художественное воплощение образа сосны в произведении В.Гниломедова продолжает традицию использования этого образа, характерную для военной прозы И.Науменко («Сос-

на при дороге» («Сасна пры дарозе») (1962), «Ветер в соснах» («Вецер у соснах») (1967)). Наделение дерева «человеческими качествами» позволяет интерпретировать его кодовое значение как «дерева-солдата».

Что касается образа вишни, следует отметить, что в устной поэтической традиции он связан с мотивами рождения и плодородия. Цветущее дерево семейства розоцветных символизирует девушку на выданье. В сцене, описывающей наступление врага в романе В.Гниломедова «Война», солдаты ломают дерево, оставляя на земле оголенное и искалеченное «тело-ствол» вишни: «На пригуменьи у Кужелей, возле погреба, буйно уродила вишня. Она пошла на десерт. Ягоды еще не доспели, но кислинка, наверное, бвла кстати, потому что солдаты набросились на вишеньку в одночасье всей гурьбой. Дружно с громкими криками они обобрали нижние ветви, а вот до верхних было не добраться. А наверху вишни самые спелые. Немцы переглянулись между собой, перебросились словами и начали с бесстыдной наглостью гнуть к земле все дерево. Ухватились за ветки, за ствол. Дерево упорно не поддавалось.

– Verfluechte! [в переводе с немецкого языка «проклятое» – Л.Д., Е.Ш.] – ругался тот, кто играл на гармони.

Повар принес топор. Начали сечь под корень. Наконец вишню повалили и, весело засмеявшись, обобрали ее дочиста. Срубленное дерево лежало на земле голое, истерзанное, вываленное в песке, побежденное» [2, с.29]. Сломанная вишня – персонификация порабощенную молодой женщины – символизирует молодую и прекрасную Беларусь в трагический начальный период Великой Отечественной войны.

Женщина в произведениях В.Гниломедова предстает как усердная труженица. В тексте встречается ряд сцен, описывающих совместный труд односельчан, подробно раскрывается слаженная работа женского коллектива. Так, например, в романе «Война» описан трагический эпизод: после того как деревни Липна и Лёска Каменецкого района были сожжены, жители деревни Пруска решили установить у церкви крест с полотенцем-ручником как дань ритуалу получения божьей защиты во время тяжких бедствий. Согласно христианской традиции, крест и полотенце следовало изготовить за одну ночь: мужчины должны были сделать крест, а женщины – соткать полотенце.

В произведении подробно описан весь процесс изготовления тонкого льняного полотна – дела, в котором принимают участие только женщины. В ходе совместной работы над созданием обрядового полотенца, которое пришлось соткать за одну ночь, ощущается атмосфера ответственности во время почетной и старательной работы со льном, в которую вовлечена каждая хозяйка: «Мялку поставили в том же хлеве, где лежал забытый лен, и быстро пропустили через нее несколько покомканых снопов. Одни при зажженной лампе мяли, другие трепали, а третьи готовили прялки и ткацкие станы. Особенно старались Света и Анна Бочка, хотя и у остальных работа спорилась. Они работали с лихорадочным напряжением. За куделю, запустив поющие прялки, сели Прося, Гелька Видерко да еще Шведова Люба. Остальные, в том числе и Фекла, готовили основу и уток, наматывали нити на шпульки. Качество пряжи придирчиво проверяла Амелия,

которая тоже участвовала в общей работе, раздавая советы» [2, с.437-438]; «Основу делали вручную – так же, как для ручника. Ткала Фекла, опытная в этом мастерстве. Через час-другой получалось тонкое льняное полотно. Полотенце было уже готово, оставалось лишь вышить на концах орнамент и украсить его кружевом. Вышивали Федора с Хомковой Олькой, а кружево принесла жена Федора-«японца» Поликсена» [2, с.438].

В романах В.Гниломедова «Война» (2010), «После войны» («Пасля вайны») (2015) показан образ славянской женщины, наделенной такими национальными чертами, как гостеприимство, искренность, сострадание и доброта. В романе «После войны» Фекла делится хлебом и картошкой с нищим погорельцем, набревшим на деревню: «Я живу на милостыню. Кто мне что-нибудь даст? Может, хоть вареного чего? Может, картошки есть? В пепле горячем запеку… Кажется, если б хлеба вдоволь поесть, то и беда не беда. Есть так хочется». Фекла принесла с десяток картофелин и ломоть хлеба с остатками припеченных кленовых листьев. Не дай, так и самой стыдно хлеб тот есть. Да какой там хлеб? Хлеб она пекла, домешивая гречневую муку, а чаще – тертый картофель, льняной или конопляный жмых» [3, с.9]. Суть гостеприимства заключается в оказании внимания и защиты незнакомцу. С хлебом связано представление о доле. Хлеб выступает воплощением доброй судьбы человека. Символическое пожелание лучшей судьбы в произведении показано в сцене, когда Фекла не только угощает, но и дает нищему с собою гостинец: «Просивший, получив кусок хлеба, испеченного с картошкой, перекинул через плечо свои котомки, еще раз поблагодарил и побрел своей дорогой. Фекла долго смотрела ему вслед, о чем-то думая» [3, с.10].

В характере славян – уважение к гостю, одно из проявлений которого выражается в желании поделиться лучшим угощением. В романе «Война» такой гостеприимной хозяйкой показана вдова Аграфена, живущая на хуторе, куда пришли партизаны: «И правда, Аграфена была такая, что не могла не откликнуться на человеческую беду и не поддержать тех, кто встал на путь борьбы со злом, что пришло откуда-то на ее землю. Она молча наварила картошки, подогрела борщ, разложила по мискам соленые огурцы и капусту, положила на стол несколько пузатых луковиц. Нашла даже бутылку самогона. Гостеприимная была женщина, потому как вдобавок ко всему начала из яичной муки печь оладьи» [2, с.171]. Однако теплая встреча закончилась трагически: партизаны на хуторе оказались в окружении, попав в ловушку частей вермахта. Кажется, в тот момент, когда Аграфена почувствовала, что практически ничего не может сделать, чтобы защитить своих гостей от неминуемой беды, то поняла: ей лишь осталось молиться перед иконой Божией Матери-заступницы. И она «упала в углу перед образом на колени и начала громко молиться, а потом не выдержала и в отчаянии заголосила» [2, с.173]. Правда, что любая война – это прежде всего противостояние идей, духовной силы. И даже если у человека нет оружия в руках, его духовное единство с защитниками на невидимом силовом поле поднимает его на борьбу, позволяет не терять надежду и, конечно же, приближает момент Победы.

Тема Великой Отечественной войны приобретает новое звучание в творчестве писателей, родившихся после Великой Победы 1945 года таких представи-

телей поколения победителей, как Михаил Поздняков (род. 1951), Зинаида Дудюк (род. 1950) и других.

Гуманистическую основу в рассказе «Доброта» («Дабрыня») (2015) М.Позднякова создает образ Марфы. Несмотря на глубокую материнскую боль, она готова согреть и поддержать каждого. Нужно вспомнить в этом случае о традициях белорусской литературы в создании величественного и проницательного образа белорусской крестьянки, чье сердце болит не только за своих детей, но и за других. Образ-архетип матери присутствует в произведениях всех трех поколений писателей белорусской военной прозы разных периодов развития белорусской литературы. Это рассказ «Мать» («Маці») (1957) Я.Брыля, роман «Война» (2010) В.Гниломедова, рассказ «Доброта» (2015) М.Позднякова.

В рассказе «Доброта» присутствует мотив материнского самопожертвования. В белорусской военной прозе подобный женский образ наиболее близок образу матери в знаковом рассказе Я.Брыля «Мать». Вместе с тем в рассказе М.Познякова «Доброта» этот образ приобретает особую интенсивность, поскольку показывает мать, которая, несмотря на потерю сына, замученного карателями, способна сочувствовать вражескому солдату. Марфа шепчет вслед растерянному и заплаканному немцу, покидающему деревню, не проклятия, а желание как можно скорее вернуться к родным: «Пусть дождутся детки отца. Пусть доберется до семьи солдат» [9, с.15]. Понимание человеческой боли свидетельствует о духовном величии и мужестве, отраженных в этом женском образе. Сердце матери сильнее вражеских вооруженных сил и их солдат.

З.Дудюк продолжает традиции документально-мемуарной прозы, изображая образ женщины во время войны. Это многоголосие воспоминаний представлена в книге «Выжить на дороге смерти» («Выжыць на дарозе смерці») (2013), которая основана на воспоминаниях женщин и детей – очевидцев страшных событий Великой Отечественной войны.

Особое место в произведениях современных прозаиков на тему Великой Отечественной войны отводится осмыслению женского подвига. Наблюдается эволюция образа женщины, характеризующейся воинственностью, решительностью в сопротивлении врагу. Если произведения советской эпохи отличаются сдержанностью, то постепенно художники слова обращаются к проникающему психологизму в изображении женщин на фронте, в тылу, на оккупации. Они не просто выполняли военную работу (медики, связисты, разведчики, подпольщицы, партизаны), но и становились воплощением мужества, стойкости и милосердия в самых нечеловеческих условиях.

Тема Великой Отечественной войны присутствует в произведениях современных белорусских прозаиков, затрагивающих морально-этические вопросы, в которых, наряду с отражением реалий современной жизни в белорусском обществе, поднимаются такие острые вопросы, как «Можно ли простить предательство?» («По вере вашей» («Па веры вашай») (2022) В.Гавриловича), «Можно ли не убивать на войне?» («Своя философия войны» («Свая філасофія вайны») (1988) В.Мороза), «Можно ли простить за прошлые деяния карателя?» («Прощение» («Дараванне») (2011) Е.Браво).

В мировом художественном процессе для писателей поколения родившихся после войны важным является вопрос «постпамяти» (термин введен в научный обиход в 1992 году М.Хирш [8], когда трагические события общечеловеческого прошлого стали перманентно влиять на личностное самосознание, а временная дистанция не позволяет их игнорировать в процессе формирования отношения к определенным аспектам жизни. При этом артефакты выступают мощным катализатором в «постпамяти» литературного героя).

Внутреннее противоборство детерминировано определенной ситуацией, предметом, провоцирующими сделать выбор, заняв определенную позицию по отношению к событиям коллективной исторической памяти. Т.Полиэктова отмечает: «Герои такой художественной прозы – рефлексирующие представители второго или третьего поколения, раздираемые тяжелым внутренним конфликтом и пытающиеся реконструировать травматическое прошлое своих предков и тем самым прийти к пониманию другого:

“Потомки поколений, переживших великие катастрофы XX века, такие как война, геноцид, крайние формы насилия, дети очевидцев крупных политических движений, государственных переворотов, революций и восстаний, часто чувствуют, что на их личностное формирование повлияли события, произошедшие до их рождения. Однако для них эти события нельзя считать непосредственно воспоминаниями; качественная и временная дистанция позволяет отнести их к постпамяти”.

Данная проблематика актуальна для каждой национальной литературы. Ряд писателей поднимают эту проблему, зачастую основываясь на визуальных артефактах – фотографиях, представленных в виде фотоиллюстрации или фотоэфраксиса» [8, с.103].

Вопрос постпамяти, тема вины и прощения затрагивается А.Браво (род. 1966) в рассказе «Прощение». Действия в произведении происходят в конце XX века, во время открытия «железного занавеса» между бывшими советскими республиками и внешним миром. Одним из примечательных социальных явлений того времени стала ситуация, когда девушки и женщины из бывших советских республик стали выходить замуж за иностранцев, и далее их жизнь начинала складываться уже за границей. Главная героиня произведения, Лариса Вашкевич-Крауз, вышла замуж за немца Ральфа и переехала в Германию. Они живут в доме с ее свекром Гансом, ветераном войны, страдающим болезнью Альцгеймера и постепенно теряющим связь с реальностью. Да, отъезд белорусской эмигрантки за границу мотивирован желанием улучшить свое финансовое положение, но ее мечты о зарубежной сказке и беззаботной жизни рушатся, когда в Германии она вынуждена работать сиделкой у старого больного человека. Сострадание, терпение, смирение – качества, которыми, кажется, обладает главная героиня, и которые она не теряет ни при каких обстоятельствах. Но своего рода испытанием человечности становится ситуация, связанная с воспоминаниями о военном прошлом на белорусской территории. Эхо войны в произведении особенно ощутимо в сцене, когда Лариса узнает, что бывший солдат Ганс находился на ее малой родине во время войны: «А когда он, коверкая, произнес название с детства знако-

мого ей города, она не могла больше обманывать себя: именно так все и было – неслучайно он тогда расспрашивал ее, и про аэродром точно знал… Внутри нее будто что-то оборвалось… Несколько ночей после этого она лежала без сна, и требовательный зов старика, громкий, как боевая труба, прекрасно слышимый даже на втором этаже, зов, который обычно раздавался около четырех, опережая все утренние звуки округи, заставал ее с мокрым от слез лицом» [10, с.31-32].

Автор показывает сложный внутренний кризис. С одной стороны, Лариса испытывает боль и ненависть, и ей нужно найти в себе силы, чтобы преодолеть их. С другой стороны, вдали от своей малой родины она не утратила единства с родной землей, потому что никакие материальные блага не могут стереть кровную связь из памяти Ларисы, ее боль за трагическую судьбу дорогих ее сердцу людей.

Лариса стоит перед выбором: простить или нет? Ясно, что она не может простить человека, который когда-то участвовал в карательных операциях на белорусской земле. Страшные воспоминания о трагической истории ее родной деревни, о судьбе ее односельчан и семьи в годы войны не приносят покоя и, кажется, провоцируют месть. Она чувствует, что не хочет помогать своему Гансу Краузу, бывшему немецкому солдату, чья судьба была связана с трагедией ее страны. Однако отсутствие помощи больному человеку, находящемуся в таком тяжелом состоянии, является по сути приговором. Простить или не простить? Писательница заставляет читателя задуматься над этим вопросом, хотя и не дает на него прямого ответа.

Атмосфера напряжения и драматизма в произведении меняется, когда Лариса неожиданно находит дневник Ганса. Начав читать случайно найденную тетрадь, Лариса узнала о любви Ганса к девушке Зосе во время войны, о его искреннем желании отвести беду и спасти ее, о трагедии, которую он пережил, увидев ее убитой. До конца своей жизни Ганс ищет ответы на сложные вопросы о смысле жестокого нападения на земли советской страны: «В лесу мне показали следы партизанского лагеря: пепелища, укрепления из бревен. Утром видел в деревне повешенного партизана. На его груди дощечка с надписью: “Я убивал немецких солдат”. Зачем мы пришли на эту землю? Убивать и быть убитыми?» [10, с.69].

Кульминационный момент истории – момент прощения. Находясь в другой стране, Лариса, окунувшись в дневниковые воспоминания Ганса, вновь переживает трагедию своей семьи, сожженной деревни. И сочувствие, кажется, объединяет Ларису и бывшего немецкого солдата Ганса родственными душами, ведь он пытался уберечь тех, кто был близок и ей.

Прошло несколько десятилетий после Победы, родились внуки и правнуки тех, чьи жизни были истерзаны войной, на территории бывшей советской страны сформировались новые государства, открылись границы между странами, ранее представлявшими разные политические блоки. Мир стал ориентироваться на расширение и развитие связей между регионами, странами, народами, но в истории каждой белорусской семьи память о трагедии адских сороковых живет как личное несчастье, обида и непрощение человеческих потерь. Трудно попросить прощения за те действия, которые нанесли непоправимый урон советской стране,

но еще труднее простить, поэтому это один из сложных вопросов современной прозы о событиях Великой Отечественной войны.

Заключение. В эпических произведениях белорусских прозаиков рубежа XX-XXI веков наблюдается сохранение традиции понимания войны, а также изображение женских образов – заботливой матери, для которой нет «чужих сыновей», верной жены, неутомимой труженицы, женщины-солдатки.

Новые тенденции в изображении войны и образа женщины связаны с тем, что прозаики трех поколений, отходя от героического пафоса, обратились к раскрытию психологических различий в изображении трагедии «маленького человека», в том числе изображая женщин на войне. Обращаясь к образу Франи в рассказе «Полюби меня, солдатик», В.Быков поднимает вопрос о том, как война отнимает у молодых людей молодость и будущее, фокусируясь на теме потерянного поколения. При этом произведение подчеркивает, что война «не огрубила» людей, молодая женщина показана как глубоко духовная личность.

В романных циклах писателей поколения «детей войны» И.Чигринова и В.Гниломедова четко обозначена тема женщины-матери, женщины-труженицы, женщины как хранительницы устоев и ценностных ориентиров. В пенталогии И.Чигринова женские образы Марфы Зазыбы, Анны Карпиловой, Палаги Хохловой и другие выделяются своей невероятной стойкостью и внутренним благородством. Женщины в романном цикле отличаются сдержанностью в словах и жизненной мудростью, что позволяет им сохранять человечность даже в самой отчаянной ситуации.

Через образы своих героинь (например, Феклы, Аграфены) в романах «Война», «После войны» писатель В.Гниломедов показывает их способность находить в себе силы пережить любые трагедии, сохранить нравственную чистоту, готовность к самопожертвованию. Оба писателя, опираясь на личные детские воспоминания о войне, изображают своих героинь с состраданием, порой подчеркивая их мученичество. По сути, на их плечи возлагается ответственность за сохранение семьи [11] и нравственных ценностей.

В романе В.Гниломедова «Война» дендрологические образы имеют женское начало, их использование в прозе на тему Великой Отечественной войны является продолжением «нашенивской» традиции. Подобные образы подчеркивают трагическое положение, в котором оказались во время войны как женщины, так и Родина-мать.

В произведениях прозаиков, представляющих потомков поколения победителей, отмечается новая волна в понимании исторического конфликта, а также в изображении женских образов. Война часто рассматривается не просто как событие прошлого, она осмысляется сквозь призму болезненной памяти, как травма, затрагивающая национальное самосознание и события настоящего. В произведениях современных прозаиков при отражении событий Великой Отечественной войны женские образы представлены в контексте размышлений о милосердии, о спасении жизней других людей и сохранении духовности в любых условиях.

В целом, в белорусской прозе рубежа XX-XXI веков образ женщины показан через осмысления трагедии войны и одновременно поиска личного счастья. Эта

тема развивается в русле документальной и психологической рефлексии. Художественная мысль современных белорусских прозаиков чрезвычайно чувствительна к памяти о трагических страницах войны середины прошлого века и ее многоголосым отзвуках и напоминаниях в современной жизни. Образ женщины в белорусской прозе на тему Великой Отечественной войны в условиях новой литературной ситуации многогранен, многосимволичен, отражен в контексте вечного, масштабного и комплексного поиска прочных основ духовности.

Литература

1. Гиль Н. Роман – это народ // Литература и искусство. – 1979. – №26. – С.7-9. (на белорус. яз.)
2. Гниломедов В. Война: роман. – Минск: Белорусская наука, 2014. – 626 с. (на белорус. яз.)
3. Гниломедов В. После войны: роман. – Минск: Белорусская наука, 2021. – 522 с. (на белорус. яз.)
4. История белорусской литературы XX века: в 4 т. Т. 4. Кн. 1 1966-1985 / НАН Беларуси, отд-е гуманит. наук и искусств, Ин-т лит. им. Я.Купалы; науч. ред. В.В.Гниломедов, С.С.Лавшук. – Минск: Белорусская наука, 2002. – 928 с. (на белорус. яз.)
5. Крикливец Е.В. Современная белорусская литература о Великой Отечественной войне: традиции, идеология, поэтика: монография. – Витебск: ВГУ имени П.М.Машерова, 2025. – 132 с. (на белорус. яз.)
6. Курипка Н.О. Героический и трагический модусы художественности в современном романе о Второй мировой войне в английской и белорусской литературах (кон. XX – нач. XXI ст.: автореф. дис. … канд. филол. н.: 10.01.03; 10.01.01 / Курипка Николай Олегович. – Минск: БГУ, 2022. – 24 с. (на белорус. яз.)
7. Ниязи Ф. Не говори, что лес пустой...: роман; авториз. пер. с тадж. Л. Кандинова. – М.: Худ. лит-ра, 1982. – 471 с.
8. Образ героя современности в прозе рубежа XX-XXI веков: монография / отв. ред. Н.В.Ковтун. – М.: ФЛИНТА, 2022. – 260 с.
9. Поздняков М.П. Хлеб для партизан: рассказы, эссе, повесть. – Минск: Четыре четверти, 2015. – 95 с. (на белорус. яз.)
10. Прощение: повести / сост А.Н.Карлюкевич. – Минск: Аверсэв, 2023. – 317 с. (на белорус. яз.)
11. Фисенко О.С. Репрезентация концепта «семья» в языковом сознании Василия Васильевича Розанова как представителя нового религиозного сознания конца XIX – начала XX веков / О.С.Фисенко, Л.В.Адонина, Ш.Б.Рахимова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №1(83). – С.178-191.
12. Чигринов И. Избранные произведения. – Минск: Харвест, 2008. – 992 с. (на белорус. яз.)
13. Эхо войны в творчестве современных русских и русскоязычных писателей: материалы Международной литературной научно-практической конференции: 100-летию Первой мировой войны посвящается / ред. О.Н.Зайцев. – Минск: Литературный свет, 2018. – 119 с.

FEMALE IMAGES IN CONTEMPORARY BELARUSIAN PROSE ON THE THEME OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Duktova Lyubov Georgievna

Candidate of philological sciences, associate professor
senior researcher of the chair of Belarusian literature of the 20th and 21st centuries
State Scientific Institution "Center for Research of Belarusian culture, language and literature of the National Academy of sciences of Belarus"
220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganov str. 1, building 2,
Ph.: +375 (29) 746 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Sharapava Alena Vasiljevna

Senior lecturer of the chair of humanities
Inter-State educational institution of higher education
"Belarusian-Russian university"
212000, Republic of Belarus, Mogilev, Mir ave, 43
Ph.: +375 (29) 746 92 21
alenasharapava@yandex.by

Within the thematic spectrum of contemporary Belarusian literature, the Great Patriotic War remains one of the key themes. This theme is reflected in the works of prose writers of three generations: veterans of the front lines, writers of the "children of the war" generation, and representatives of the generation of descendants of the victors. In contemporary literary studies, within the context of epic works about the war at the turn of the 20th – 21st centuries, the issue of representing female characters is gaining renewed relevance and is being actively explored. The article examines the specifics of the perception and portrayal of female characters in the works of Belarusian prose writers Ivan Chigrinov, Vasil Bykov, Vladimir Gnilomedov, Zinaida Dudiuk, Mikhail Pozdniakov, and Elena Bravo – representatives of the "new literary situation" period that began in 1986. This temporal context highlights the significance of the theme and determines the objective of the present study. It is noted that the artistic thought of the writers is acutely sensitive to the memory of the tragic pages of the mid-twentieth-century war and its polyphonic manifestations in contemporary life. The study demonstrates the pivotal role specifically played by female characters in exploring the theme of guilt and forgiveness in the war epics of recent years. The study concludes that within the new literary situation, the image of woman in Belarusian prose on the theme of the Great Patriotic War is multifaceted and highly symbolic, reflecting the eternal, large-scale, and comprehensive quest for the enduring foundations of spirituality.

Keywords: contemporary literature; Belarusian literature; prose; epic works; artistic image; image of woman; theme.

ОБРАЗҲОИ ЗАНОН ДАР НАСРИ МУОСИРИ БЕЛАРУСӢ ДАР МАВЗУИ ҶАНГИ БУЗУРГИ ВАТАНӢ

Дуктова Любов Георгиевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
ходими калони илмии шуъбаи адабиёти беларусии асрҳои XX ва XXI
Муассисаи давлатии илмии «Маркази таҳқиқоти фарҳанг,
забон ва адабиёти беларусии Академияи миллии илмҳои Беларус»
220072, Ҷумҳурии Беларус, Минск, кӯч. Сурганова, 1, бинои 2
Тел.: +375 (29) 746 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Шарапова Елена Василевна

Муаллими калони кафедраи фанҳои гуманитарӣ
Муассисаи таълимии ғайридавлатии таҳсилоти олии
«Донишгоҳи Беларусу Россия»
212000, Ҷумҳурии Беларус, Могилёв, хиёб. Мира, 43
Тел.: +375 (29) 746 92 21
alenasharapava@yandex.by

Дар палитраи мавзӯии адабиёти муосири беларусӣ яке аз мавзуъҳои калидӣ мавзуи Ҷанги Бузурги Ватанӣ ба шумор меравад. Мавзуи мазкур дар эҷодиёти насрнависони се насл инъикос ёфтааст: собиқ иштирокчиёни ҷанг, нависандагони «фарзандони ҷанг» ва намояндагони насли наслиғолибон. Дар адабиётшиносии муосир дар заминаи асарҳои эпикии марбут ба ҷанг, ки дар остонаи асрҳои XX-XXI таълиф шудаанд, масъалаи бознамоии образҳои занон низ мавриди таваҷҷуҳ қарор гирифта, фаъолона омӯхта мешавад.

Дар мақола хусусиятҳои дарк ва тасвири образҳои занон дар асарҳои насрнависони беларусӣ Иван Чигринов, Васил Быков, Владимир Гниломедов, Зинаида Дудюк, Михаил Поздняков ва Елена Браво – намояндагони давраи «вазъияти нави адабӣ», ки соли 1986 оғоз гардидааст, баррасӣ мешаванд. Ин заминаи замонии таҳқиқ аҳамияти мавзуъро таъкид намуда, ҳадафи таҳқиқоти мазкурро муайян мекунад.

Қайд мегардад, ки андешаи бадеии нависандагон ба хотираи саҳифаҳои фоҷиабори ҷанги миёнаҳои асри гузашта ва зуҳуроти гуногунҷанбаи он дар ҳаёти муосир ниҳоят ҳассос аст. Нақши калидии маҳз образҳои занон дар таҳқиқи мавзуи гуноҳ ва бахшиш дар эпоси ҷангии солҳои охир нишон дода мешавад.

Хулоса мешавад, ки образи зан дар насри беларусӣ дар мавзуи Ҷанги Бузурги Ватанӣ дар шароити вазъияти нави адабӣ бисёрҷанба ва дорои рамзҳои гуногун буда, дар заминаи ҷустуҷӯи абадӣ, фарогир ва ҳамаҷонибаи пояҳои устувори маънавият инъикос ёфтааст.

Калидвожаҳо: адабиёти муосир; адабиёти беларусӣ; наср; асарҳои эпикӣ; образи бадеӣ; образи зан; мавзуъ.

УДК 070.1 + 32.019.5

«ОКНА ТАСС» В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ: ФЕНОМЕН ВОЕННОГО «ПРОТО-МЕДИА»

Ладыгина Ольга Владимировна

Доктор философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и политологии
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
350044, Россия, Краснодар, ул. Калинина, 13
Тел.: +7 (915) 497 38 66
friedrichii@rambler.ru

В статье «Окна ТАСС» (1941-1945) рассматриваются как функциональный элемент советской системы периодической печати военного времени. В условиях дефицита бумаги, полиграфических ресурсов и нарушения логистических схем плакат выходит за рамки агитационного жанра, превращаясь в оперативный новостной канал. Автор анализирует жанровый состав «Окон», их взаимодействие с радио и газетами в общей медиасистеме СССР, а также региональные практики выпуска.

Теоретическое осмысление феномена строится на категории «прото-медиа», фиксирующей доцифровой случай гибридизации медиаформатов и жанровой конвергенции, вызванной системным кризисом. Организационно-производственные параметры выпуска «Окон» впервые сопоставлены с типологическими признаками периодического издания; выявлена их интегрирующая функция как связующего звена между газетой, радио и уличной агитацией. Данный ракурс расширяет представления о границах журналистского жанра и механизмах адаптации медиасистем к экстремальным условиям.

В годы войны «Окна ТАСС» выполняли функции оперативного агитационно-информационного носителя, совмещая новостную повестку, мобилизационный посыл и психоэмоциональную разгрузку аудитории. Инструментарий, накопленный в этот период, представляет собой воспроизводимую модель адаптации института медиа к инфраструктурным сбоям. Данная модель сохраняет актуальность для сценариев гибридного противостояния, в которых каналы верификации и доставки контента подвергаются системным искажениям.

Ключевые слова: визуальная журналистика; прото-медиа; креолизованный текст; военный плакат; медиасистема; жанровая конвергенция; уличная газета.

В исследованиях плакат традиционно рассматривается как пропагандистский инструмент. Л.Войтасик связывал его эффективность со скоростью и визуальной доступностью: по его мнению, плакат воздействует на адресата быстрее и прямее, чем вербальное сообщение [2]. В ситуациях кризиса, когда традиционные медиаканалы утрачивают эффективность, визуальные жанры претерпевают качественные изменения: их роль не сводится к усилению воздействия – трансформируется сама социальная функция жанра. Возникают гибридные образова-

ния, которые не укладываются в привычные жанровые схемы и не поддаются описанию через стандартные функциональные рубрикаторы.

Именно таким кризисом для советской медиасистемы стала Великая Отечественная война. Положение периодической печати осложнялось несколькими факторами одновременно: дефицит бумажных ресурсов, потеря типографских мощностей, нарушения транспортной логистики – всё это делало привычный выпуск и доставку газет практически невозможными. Возникла необходимость в более мобильных и экономичных способах взаимодействия с аудиторией. Одним из таких способов стали «Окна ТАСС» – серия плакатов, сочетавших сатирические и героические мотивы и сосредоточенных на военно-оборонной тематике.

«Окна ТАСС» традиционно изучаются искусствоведами. Основной корпус исследований посвящён эстетической стороне плакатов: их изобразительному языку, композиционным находкам и манере конкретных художников. Среди таких работ – публикации Л.Е.Колесниковой [7], а также И.Л.Галинской и Г.Н.Картушевой [3]. История возникновения плакатов, их содержательное наполнение и роль в годы войны рассмотрены в исследовании Н.А.Душковой, Д.М.Боева и Д.Е.Тимкова [4]. Региональная специфика выпуска (прежде всего в блокадном Ленинграде) детально представлена в исследовании Р.А.Бахтиярова [1]. Вместе с тем за пределами этих работ остаётся вопрос о месте «Окон» в системе военной коммуникации — вопрос, который предполагает не столько искусствоведческий, сколько, собственно, медиааналитический ракурс.

Историография вопроса опирается на ряд работ, среди которых особое место занимает фундаментальное исследование Г.В.Жиркова, посвящённое советской журналистике военного периода [5]. Именно в нём были впервые системно обозначены подходы к анализу военной прессы. В современной медианауке, как показывает, в частности, исследование О.С.Филатовой [15], набирает силу тенденция рассматривать визуальный контент в качестве самостоятельного и полноценного медиатекста. Однако «Окна ТАСС» до сих пор не получили комплексной интерпретации в теории журналистики. Этот феномен, по сути, представлявший собой квазипериодическое издание, по скорости распространения и охвату аудитории не уступал ежедневным газетам, но в научной литературе его традиционно включают в общий корпус агитпродукции. При таком подходе за рамками остаётся вопрос о системообразующей функции «Окон» в военной медиаструктуре.

Между тем обращение к «Окнам ТАСС» не как к художественному артефакту, а как к специфическому звену системы периодической печати открывает новые ракурсы для исследования: позволяет иначе осмыслить механизмы жанровой конвергенции, способы мобилизации массовой аудитории и приёмы ускоренного выпуска информации, применявшиеся задолго до цифровой эпохи. Указанные обстоятельства и определяют научно-теоретическую значимость и практическую востребованность избранной темы.

В периоды системных медийных сдвигов жанровая структура СМИ обычно трансформируется [17]. Показательной в этом смысле является эволюция плакатных форм. В ситуации дефицита времени и институциональной перестройки

плакат выходит за границы сугубо агитационного жанра и начинает работать как оперативный новостной канал, беря на себя несвойственную ранее функцию экстренного информирования. Он визуализирует текущую повестку дня и в известной мере замещает классические новостные форматы. Для фиксации данного функционального сдвига в работе вводится понятие «прото-медиа».

Под данным термином предлагается понимать доцифровую гибридную форму коммуникации, складывающуюся в условиях кризиса традиционной медиасистемы и принимающую на себя её информационные, оперативные и мобилизационные задачи. Данная категория отличается от «гибридного канала» (акцент на способе передачи) и «уличной газеты» (акцент на дистрибуции) тем, что фиксирует именно функциональную трансформацию. Явление, изначально не относившееся к институту СМИ, начинает в полной мере реализовывать журналистские функции – обеспечивать регулярность, оперативность, охват аудитории, злободневность и публичную доступность информации. В основе определения лежит положение А.В.Соколова о том, что медиа как динамическая система в кризисных ситуациях порождает нетрадиционные формы [11]. В этой логике «прото-медиа» выступает родовым понятием, а «гибридный канал» и «уличная газета» – видовыми характеристиками, описывающими соответственно технологический и дистрибутивный аспекты одного явления.

Цель работы – рассмотреть военные «Окна ТАСС» как гибридный канал массовой коммуникации, то есть как «прото-медиа», которое в экстремальной ситуации приняло на себя функции оперативного периодического издания.

Методологическая основа исследования объединяет подходы медиалогии, истории журналистики и семиотики. Историко-системный и функциональный методы дают возможность проследить трансформацию агитационного плаката в самостоятельный медийный канал. Для выявления новостного содержания, заключённого в изобразительно-текстовом единстве плаката, применяются дискурс-анализ и визуальный анализ креолизованных текстов.

Эмпирическую базу составили плакаты серии «Окна ТАСС», выпущенные в период с июня 1941 по май 1945 года и представленные в открытых электронных ресурсах. Проанализировано более пятидесяти листов, отобранных по жанровому и тематическому признакам с охватом всех этапов войны.

Решение о создании мастерской было принято 24 июня 1941 года художниками М.Черемных, Н.Денисовским и П.Соколовым-Скаля. Уже 27 июня в витрине Кузнецкого моста появился первый плакат. Запуск производства за пять дней свидетельствует о том, что и руководство страны, и творческая интеллигенция осознавали необходимость оперативного канала связи с населением.

Главным же фактором, сближавшим «Окна ТАСС» с ежедневной текстовой газетой, была их неразрывная привязка к официальной информационной повестке, транслировавшейся Совинформбюро. Именно эта жёсткая зависимость от сводок и определяла новостной характер издания.

Одним из ярких примеров является плакат №603 «Наступление Красной Армии продолжается…» (худ. М.Соловьёв, стихи В.Лебедева-Кумача). Плакат, выпущенный 24 октябре 1942 года, отсылает к официальным экстренным сводкам

Совинформбюро о начале контрнаступления советских войск под Сталинградом в ходе операции «Уран». Плакат буквально «переводил» сводки с фронта в визуально-вербальную форму.

Производственный процесс был организован как круглосуточный конвейер. Сводки Совинформбюро поступали в редакцию телеграфным каналом. ТАСС, будучи центральным информационным органом, получал новости быстрее всех, и «Окна» становились их первичной публичной презентацией. Поэты и писатели (С.Маршак, Д.Бедный, К.Симонов, С.Кирсанов) создавали стихотворные тексты, художники (Кукрыниксы, Б.Ефимов, П.Соколов-Скаля) разрабатывали эскизы, после чего начиналось трафаретное тиражирование. Такая последовательность действий придавала «Окнам ТАСС» черты визуального эквивалента газетной публикации.

Сводки Совинформбюро служили для каждого выпуска «Окон» непосредственным информационным основанием, сообщая им злободневность и официальный статус достоверного источника. Смена фронтовой обстановки находила непосредственное отражение в тематике плакатов. Их сюжеты воспроизводят хронологию войны – от оборонительных сражений 1941 года до наступательных операций 1944-1945 годов.

Начальный этап представлен листами, призывавшие к отпору агрессору: «Не отдадим Москвы!» (худ. П.Соколов-Скаля, 5 декабря 1941 г.). Переход к контрнаступлению в декабре 1941-го зафиксирован сатирической серией, в том числе плакатом «Клещи в клещи» (Окно ТАСС №323 худ. Кукрыниксы). Переломный момент – плакат № 640 «Превращение "фрицев"» (худ. Кукрыниксы), где отражён переход от обороны к широкому наступлению. Завершающий этап представлен плакатом «Русские в Берлине» (№ 1239, худ. П. Саркисян, 1945 г.), запечатлевшим взятие столицы Германии 2 мая 1945 года.

«Окно ТАСС» в годы Великой Отечественной войны являлось полноценным каналом оперативной журналистики. Его тематика воспроизводила классическую хронику военных действий, где визуальный ряд работал как универсальный «фотодокумент» эпохи.

Военно-тактическая тематика не исчерпывала содержания плакатов. Художники оперативно откликались и на другие общественно-политические события: так, международные конференции союзников нашли отражение в плакате Кукрыниксов №1048 (1944 г.), а экономическая мобилизация тыла стала одной из центральных тем агитационной графики (работы И.Тоидзе № 1123 «Все силы тыла – на помощь фронту!», 1943 г.; В.Серова № 347 «Заменим!», 1941 г.; К.Вялова и В.Лебедева-Кумача № 719 «Ускорим победу!»). В этих случаях плакат выполнял не только информационную, но и нормативную функцию: он предлагал образцы поведения, оправдывая тяготы тыловой жизни через их связь с фронтовыми задачами.

Особый пласт визуальной пропаганды составил идеологический отклик на директивные документы Государственного Комитета Обороны и СНК СССР. В ответ на постановления, ужесточавшие режим секретности и борьбу с разглашением сведений, была создана знаменитая серия плакатов против болтливости – в

их числе Окно ТАСС №13 «Болтун – находка для шпиона» (худ. А.Радаков, стихи С.Маршака, 1941 г.). Реакцией на мобилизационные директивы ГКО о концентрации ресурсов стало Окно ТАСС №488 «Собирай металлический лом!» (худ. Н.Денисовский, М.Соловьев, стихи Н.Руднева).

Проведенный анализ показывает, что отклик «Окон ТАСС» на постановления ГКО и СНК СССР реализовал агитационно-правовую функцию. Визуальный образ выступал средством перевода официальных нормативных актов на язык массового восприятия, превращая формально-юридический текст в эмоционально окрашенное побуждение к действию.

Сюжетный репертуар плакатной графики охватывал полный спектр информационной повестки – от вопросов международной дипломатии до хозяйственно-экономических аспектов повседневности.

Сюжетная динамика и оперативный отклик на все были бы немыслимы без колоссального организационного и человеческого ресурса, стоявшего за каждым агитационным листом. Если тематическая палитра плаката уподобляла его «летописи войны», то сам процесс его создания превращал мастерскую в подобие фронтового блиндажа или круглосуточной газетной редакции.

Штат мастерской насчитывал 125 художников и 83 литератора. Работа велась в экстремальных условиях: отсутствие вентиляции, пары ацетона и растворителей, светомаскировка, холод [6]. Как вспоминал художник В.Масленников, «в ночную смену скорая помощь вывозила из мастерской от 3 до 6 человек в тяжелом состоянии» [10]. По интенсивности и оперативности работа мастерской не уступала редакции ежедневной газеты. Традиционный полиграфический цикл в военное время занимал несколько дней. Ручная трафаретная печать сокращала этот срок в среднем до суток, а в отдельных случаях – до четырех часов.

Показателен пример с плакатом «Убей его!» (Окно ТАСС №527), созданным Кукрыниксами в 1942 году. Через 18 часов после публикации стихотворения К. Симонова плакат был готов к тиражированию. Данная скорость была сопоставима с оперативностью выпуска газетного номера и значительно превышала возможности традиционной полиграфии того времени.

«Окна ТАСС» выходили ежедневно на протяжении всей войны, без перерывов. В наиболее напряжённые месяцы (особенно в 1941-1942 годах) за сутки могло выпускаться несколько тематически различных плакатов – по аналогии с практикой выхода утренних и вечерних выпусков центральных газет.

Выбор ручного трафаретного метода был обусловлен дефицитом типографских мощностей: полиграфическое оборудование и целлюлоза в условиях военного времени в первую очередь направлялись на выпуск фронтовых газет и топографических карт. Данная технология, несмотря на кустарный характер, обладала двумя критически важными для агитационной работы преимуществами – высокой насыщенностью цвета изображения и оперативностью тиражирования. Производительность процесса существенно возросла в динамике: если на начальном этапе суточный выпуск плакатов составлял 100 экземпляров, то к завершающему периоду войны он достиг 1200 экземпляров. В абсолютных цифрах совокупный результат работы московской редакции «Окон ТАСС» за 1941-1945

годы выразился в 1500 названиях плакатов общим тиражом более 2 миллионов экземпляров, что свидетельствует о высокой интенсивности пропагандистской деятельности и значительном охвате аудитории [12].

Хотя ручной трафаретный способ ограничивал тираж одного плаката, этот недостаток полностью компенсировался спецификой дистрибуции. Создатели плакатов перенесли информационный канал непосредственно в городскую среду, создав феномен «уличной газеты». Главными площадками для демонстрации плакатов в Москве были окна здания самого агентства ТАСС на Тверском бульваре и витрины крупнейших гастрономов на улице Горького (ныне Тверская). Размещение плакатов на улицах города создавало ощущение непрерывного, живого пульса государственной информационной политики, демонстрируя стабильность и уверенность власти даже в самые критические моменты. Показателен в этом отношении плакат Д.Мельникова «Русский народ» (Окно ТАСС №207), построенный как четырехчастный коллаж. Каждая часть отсылала к значимым эпизодам русской истории – от Ледового побоища и Куликовской битвы до войн с Пруссией и Наполеоном, – тем самым акцентируя преемственность побед русского оружия над иноземными захватчиками. Этот плакат появился 30 сентября 1941 года, когда противник находился на подступах к Москве. Его задача выходила за рамки простого информирования: исторические аналогии (разгромы иноземных захватчиков предками) использовались для укрепления уверенности в неизбежности победы над нынешним врагом. Поэтический текст М.Андриевской функционировал в единстве с изображением, образуя креолизованный текст, апеллировавший к национальной истории и воле к сопротивлению. Тем самым «Окна» выполняли ключевую задачу военной публицистики: задавали смысловую интерпретацию новостной повестки.

Аналогичный приём использован и в других «Окнах». Например, в плакате Окно ТАСС №542 за 1942 год художника П.П.Соколов-Скаля, стихи В.Лебедева-Кумача. Верхнюю часть композиции занимает монументальная фигура древнерусского князя Александр Невского на коне, в доспехах и с поднятым мечом. За ним стеной стоят русские ратники с копьями и щитами – визуальная отсылка к разгрому немецких рыцарей на Чудском озере в 1242 году. В нижней части плаката – поверженный немецкий рыцарь. Изображение ордена Александра Невского, учреждённого в 1942 году, стихотворный текст усиливают параллель между двумя историческими эпохами, объединяя их в единую нарративную линию национального сопротивления иноземному вторжению. Плакат превращал исторический прецедент в прогностический инструмент – он не просто напоминал о прошлой победе, а утверждал её повторяемость в настоящем. Плакаты, посвящённые Дмитрию Донскому или обыгрывающие образ Кутузова и Отечественную войну 1812 года, свидетельствуют о системном характере обращения к историческому материалу как к жанрообразующему элементу военной публицистики.

Однако смысловая мощность плаката оставалась бы нереализованной без соответствующей инфраструктуры его донесения до аудитории. Именно система уличной дистрибуции превращала единичный лист в инструмент массового воз-

действия. Один экземпляр плаката, выставленный в ярко освещённой витрине на центральной улице города, за день прочитывали десятки тысяч человек. По степени охвата аудитории «Окна ТАСС» не уступали ведущим печатным изданиям.

«Окна ТАСС» служили площадкой для публичной коммуникации, что способствовало сплочению людей и снижению уровня социальной тревожности. Как зафиксировано в воспоминаниях и на фотографиях, у витрин с плакатами собирались толпы – это были точки информационного обмена, обсуждения новостей, формирования общественного мнения. Боец с передовой, посетивший выставку «Окон» в Историческом музее в марте 1942 года, оставил запись: «Выставка является в данный момент таким же грозным оружием для врага, как и наши боевые автоматы» [13]. Это сравнение – не метафора, а констатация функциональной эквивалентности: плакат работал на фронте информационной войны.

Чтобы смысловой заряд достигал адресата с максимальной эффективностью, требовалась не только художественная выразительность, но и безупречная координация с другими каналами информации. В этом отношении «Окна ТАСС» не конкурировали с традиционными советскими СМИ, а выступали интегрирующим звеном единой государственной системы информирования и пропаганды, эффективно заполняя лакуны, которые объективно возникали у каждого из средств массовой коммуникации в военных условиях.

Каждый канал работал не вместо другого, а вместе с ним. Схема взаимодействия «Радио – Плакат» строилась на том, что информация делилась по сенсорным модальностям: слух и зрение работали в паре. Всесоюзное радио обладало абсолютной оперативностью, но воспринималось исключительно на слух, что усложняло удержание в памяти деталей, имен и цифр. «Окна ТАСС» визуализировали радиовещание – услышав по радио вечернюю сводку Совинформбюро, житель города на следующее утро видел ее яркое, образное воплощение на улице, и информация закреплялась в сознании через зрительный канал, работая на запоминание и эмоциональное принятие.

Не менее продуктивной оказывалась и сочетание «Текстовая газета – Плакат». Центральные газеты («Правда», «Известия», «Красная звезда») давали глубокую аналитику и большие объемы текста, однако в условиях войны они выходили на серой бумаге, уменьшенным форматом и практически без иллюстраций. «Окна ТАСС» компенсировали этот визуальный дефицит, предлагая аудитории яркий цвет, крупные шрифты и монументальные образы, которые физически невозможно было воспроизвести на газетной полосе того времени, – и тем самым возвращали зрителю ощущение масштаба события, утраченное в тесных газетных колонках.

В этой системе (Радио – Газета – Плакат) «Окна ТАСС» выполняли функцию оперативного визуального резюме дня. Они переводили сложную и часто тревожную текстовую информацию военных сводок на язык понятных, вдохновляющих и мобилизующих зрительных образов, обеспечивая психологическую устойчивость и единство советского информационного пространства, – и в этом смысле плакат становился не просто иллюстрацией к новости, а её смысловой

квинтэссенцией, доступной любому прохожему вне зависимости от уровня грамотности или доступа к печатному слову.

С позиций теории журналистики, именно периодичность и регулярность выхода, массовость распространения, общедоступность восприятия и безусловная актуальность содержания – эти базовые типологические признаки – позволяют охарактеризовать «Окна ТАСС» не как явление станковой графики или музейного искусства, а как полноценный и самостоятельный вид массовой информации, работавший в единой связке с радио и прессой и закрывавший ту визуально-эмоциональную нишу, которую другие СМИ в силу военных ограничений заполнить не могли.

Признание «Окон ТАСС» полноценным средством массовой информации требует обращения к конкретным журналистским инструментам и формам, которые использовали создатели плакатов для достижения информационных целей. Этот аспект раскрывается через жанровый анализ.

«Окна ТАСС» активно осваивали газетные жанры, приспосабливая их к законам визуальной агитации. Уже 27 июня 1941 года в витрине на Кузнецком мосту появился плакат №1 с заголовком, который звучал как боевая частушка: «Взял фашист маршрут на Прут, но фашиста с Прута прут. Пытались прорваться в районе Скулени, мы дали им в скулы, пошло скуление» (худ. М.Черемных, стихи Д.Бедного) [9, с.20]. Сатира в данном случае работала не как развлекательная вставка, а как полноценный жанрообразующий элемент публицистики.

Из всех газетных жанров именно фельетон оказался для «Окон» наиболее органичным. Он позволял совместить оперативную публицистику с яркой художественной образностью. Эта жанровая форма давала художникам и поэтам уникальную возможность – в считанные часы откликаться на фронтовые сообщения, облекая их в сатирическую, легко узнаваемую на улице форму. Классический пример такого подхода – Окно ТАСС №594, созданное художником П.Соколовым-Скаля и поэтом Д.Бедным под красноречивым названием «Вояка – раскоряка». На плакате изображен карикатурный немецкий генерал, стремящийся завладеть двумя ключевыми стратегическими точками – Москвой и Кавказом, что отражает реальные планы германского командования на 1942 год.

В плакате воспроизводится классическая трёхчастная структура газетного фельетона, которая придаёт произведению внутреннюю логику и публицистическую убедительность. Первая часть – это фактологическая основа, опирающаяся на реальное военное событие, а именно – масштабное наступление немецко-фашистских захватчиков на центральном и южном направлениях советско-германского фронта в 1942 году, когда враг предпринял отчаянную попытку прорваться к Волге и нефтяным районам. Вторая часть – гипербола, достигающая своей кульминации в гротескной, утрированной фигуре немецкого генерала, чья неуклюжая поза и театрально-угрожающие жесты делают его объектом беспощадной насмешки, а не страха. Гипербола здесь работает на разрушение ореола непобедимости, низводя врага до уровня бутафорского персонажа. И, наконец, третья часть – оценочный финал, который находит своё воплощение в частушечном, ритмически отточенном тексте Демьяна Бедного, низводящем самонадеян-

ного генерала до смешного, нелепого и жалкого персонажа, достойного лишь презрения. Этот финал становится смысловой и эмоциональной точкой плаката, превращая его в законченное сатирическое высказывание, вселяющее в зрителя уверенность в неизбежном крахе гитлеровских амбиций.

Сатира выполняла в «Окнах» стратегическую функцию, выходящую за рамки эмоциональной разрядки. Смеховое переосмысление образа врага имело когнитивный эффект: оно демонстрировало его слабость и несостоятельность [16, с.173]. В ситуации, когда сводки с фронта сообщали о тяжёлых боях или отступлениях, сатирическое изображение растерянного или обессиленного противника трансформировало восприятие новости – тревога снижалась, уступая место иронии и чувству превосходства. Тактическая неудача, зафиксированная в сводке, интерпретировалась в более широком контексте будущего краха агрессора. В этом смысле плакатный фельетон выполнял роль психологической поддержки, становясь инструментом управления массовыми настроениями.

Показательно обращение агитплаката к жанру репортажа – самой оперативной и документальной форме журналистского высказывания. Репрезентативный пример –плакат П.Соколова-Скаля «Окна ТАСС» №63 (1941) с подписью «Подвиг Николая Гастелло» и стихами С.Маршака. Здесь художник и поэт сознательно имитируют газетную форму «с места события». Зритель получает не абстрактный патриотический призыв, а хроникальную зарисовку конкретного боевого эпизода, что позволяет отнести этот лист к жанру репортажа. Спустя два года этот же жанровый приём будет усилен в Окне ТАСС № 830 (октябрь 1943 года) под названием «Подвиг гвардии рядового Александра Матросова» (худ. П.Соколов-Скаля, стихи М.Голодного). Взаимодействие изображения и текста создаёт эффект документальной хроники. Событие предстаёт как репортаж, который информирует о подвиге и одновременно погружает зрителя в атмосферу боя. Композиция создаёт иллюзию взгляда фронтового фотокорреспондента, успевшего поймать исторический миг, а текст выполняет роль закадрового голоса в документальном кино, поясняя тактическую важность подвига прямо в момент действия, – и в этом единстве изображения и слова проявляется суть креолизованного текста, позволявшего кодировать сложные политические и военные смыслы в простые, мгновенно считываемые формулы.

Иной формат публикаций представляла газетная передовица – публицистическая статья, задающая тон и формулирующая генеральную линию. В плакатном исполнении этот жанр обретал лаконичность боевого приказа. Классический образец – работа П.Шухмина «Ни шагу назад!» (окно ТАСС №574, 1942 год), представляющая собой прямую визуальную цитату знаменитого приказа №227 («Ни шагу назад!»). На фоне взрывов изображён суровый советский боец, сжимающий автомат, – его фигура становится зримой аллегорией несгибаемой воли, а сам плакат работает как императив, обращённый к каждому солдату. В отличие от репортажа, фиксирующего единичный подвиг, передовица-плакат стремилась к обобщению, переводя конкретный приказ Ставки в разряд безусловного нравственного закона.

Третий жанровый вариант –информационная заметка, максимально сжатая и фактологичная форма газетной работы. Её воплощением служит плакат «Окна ТАСС» №603 под названием «Наступление наших войск продолжается», созданный художником М.Соловьёвым на стихи поэта В.Лебедева-Кумача. Этот лист был оперативно подготовлен и выпущен по горячим следам – в самый разгар начала контрнаступления советских войск под Сталинградом в ноябре 1942 года. Здесь нет развёрнутого сюжета или психологической драмы, как в репортаже о Матросове, нет императивной публицистичности, как в передовице П.Шухмина, – есть лишь короткое, почти телеграфное сообщение о продолжающемся наступлении, подкреплённое энергичным визуальным рядом. Именно эта жанровая лаконичность делала плакат-заметку идеальным инструментом для ежедневного информирования населения о ходе боевых действий, когда каждый новый день приносил свежие сводки и требовал незамедлительной реакции.

Таким образом, «Окна ТАСС» освоили практически весь спектр газетных жанров – от краткой заметки до репортажа и передовой статьи. Однако в отличие от газеты, распределявшей эти жанры по разным полосам и выпускам, плакат совмещал их в одном листе. Каждая витрина, где вывешивался плакат, превращалась в автономный «номер» уличной газеты, в котором факт, визуальный образ и агитационный призыв были неразрывно соединены.

«Окна ТАСС» – это не единичный московский феномен, а системное явление, охватившее всю страну. «Окна ТАСС» выходили в Куйбышеве, Ленинграде, Горьком, Молотове, Очере, Кирове, Иркутске, Новосибирске, Свердловске, Казани и во многих других городах, где действовали художественные коллективы [8, с.44].

Ленинградские «Окна ТАСС» – наиболее яркий пример. 22 июня 1941 года директор ленинградского отделения ТАСС И.Анцелович, художники В.Слыщенко и Н.Игнатьев и редактор Г.Кофман приняли решение издавать плакаты в витрине Елисеевского магазина на Невском проспекте. Уже 24 июня у первого «Окна» толпился народ. К началу августа 1941 года было организовано свыше 100 постоянных стендов, где помещались сводки Совинформбюро, телеграммы из-за рубежа, карикатуры, фотографии. В блокадном Ленинграде «Окна» стали практически единственным источником информации. За блокадный период было подготовлено более 70 агитационных плакатов, тиражи которых, в зависимости от наличия ресурсов, составляли от 3 до 10 тыс. экземпляров. Особенностью ленинградских «Окон» стало использование фотографий – им первым цензура разрешила в 1943 году использовать фотоснимки корреспондентов Лен-ТАСС, на которых изображались жертвы блокады (худ. В.Н.Селиванов «Мы заставим немецких преступников держать ответ за все их злодеяния») [1, с.45]. Плакат превращался в документальное свидетельство, аналогичное фотожурналистике.

Региональный аспект подтверждает тезис о формировании единой медийной сети. Как отмечает Е.А.Федосов и К.А.Конев в исследовании советского военного плаката, региональные агитационные формы не копировали центральные образцы, а вырабатывали собственную эстетику и повестку [14]. Однако в функци-

ональном отношении они были унифицированы. Плакат везде выступал как оперативный канал новостей, замещающий разрушенную медиа инфраструктуру.

В период Великой Отечественной войны «Окна ТАСС» сформировались как специфический, высокоэффективный канал массовой коммуникации. Периодичность, скорость выпуска и жёсткая привязка к сводкам Совинформбюро позволяют рассматривать их как гибридную форму «прото-медиа». Плакатная индустрия заняла уникальную позицию, гармонично дополнив оперативность Всесоюзного радио и аналитичность текстовой прессы. Содержательные характеристики «Окон» – от трансляции сводок Совинформбюро до создания визуальных репортажей с фронта и сатирической интерпретации событий – демонстрируют, что этот проект брал на себя функции сразу нескольких звеньев классической медиасистемы: информационного агентства, периодического издания и общественной дискуссионной площадки.

В переломные исторические моменты, когда привычная коммуникация даёт сбои, а обществу необходима быстрая консолидация, визуальный язык оказывается главным средством сохранения информационной целостности страны и поддержания боевого духа населения.

Опыт «Окон» показывает, как медиаформаты могут приспосабливаться к жёсткому инфраструктурному кризису. Сочетание ручного трафарета и уличного размещения – это, по сути, ранняя версия того, что сегодня мы видим в городской среде: наружная инфографика, динамические новостные ленты. Во время пандемии цифровые витрины и экраны работали по тому же принципу – они транслировали свежие сводки о мерах безопасности. Гибрид «уличной газеты» узнаваем и в современных «умных остановках» с новостными экранами, которые оперативно реагируют на изменения повестки. А технология ручного трафарета, некогда заменявшая полиграфию, сегодня может подсказать решения для ситуаций, когда цифровая инфраструктура недоступна.

Однако применимость этой модели небезгранична. Как минимум нужны три условия: централизованный источник новостей (вроде Совинформбюро), плотный государственный контроль над медиа и возможность вывешивать плакаты на улицах при сохраняющемся порядке. Там, где эти условия не выполняются – скажем, в ситуации хаоса или фрагментации власти, – «прото-медиа» либо обретает иные очертания, либо вовсе не возникает. Детальная проработка таких альтернативных сценариев выходит за рамки данной статьи и требует отдельного исследования.

Сегодня, когда гибридные конфликты и информационные противостояния стали привычным фоном, опыт «Окон ТАСС» не выглядит архаикой. Напротив, он даёт ключ к пониманию того, как визуальный жанр может перерастать в оперативный новостной инструмент. Для современных исследователей данный исторический кейс представляет двойной интерес. Во-первых, он позволяет реконструировать внутреннюю логику трансформации медиасистем в экстремальных условиях. Во-вторых, даёт эвристический инструментарий для осмысления практик визуальной журналистики в условиях современной институциональной нестабильности.

Литература

1. Бахтияров Р.А. Плакаты «Окна ТАСС» в художественной жизни Ленинграда периода Великой Отечественной войны. Истоки и особенности образного решения // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт. – 2017. – С. 251-255.
2. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – М.: Прогресс, 1981. – 278с.
3. Галинская И.Л., Картушева Г.Н. Окна «ТАСС» в собрании Государственного литературного музея // Вестник культурологии. – 2013. – №3 (66). – С.150-152.
4. Душкова Н.А. Плакаты «Окна ТАСС» как художественный и исторический памятник времен Великой Отечественной войны / Н.А.Душкова, Д.М.Боев, Д.Е.Тимков // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – Воронежский государственный технический университет. – 2022. – №2. – С.67-70.
5. Жирков Г.В. Журналистика сталинской эпохи: 1920-1950-е годы. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 504 с.
6. Искусство наглядной пропаганды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bibliotemryuk.ru/news/news_1615.html (дата обращения: 26.06.2026)
7. Колесникова Л.Е. «Окна ТАСС», 1941/1945. Оружие победы. – Братишка, 2005. – 214с.
8. Колесниченко Д.В. Агитационная деятельность Телеграфного Агентства Советского Союза в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный акцент. – 2022. – №1. – С.43-51.
9. Колесниченко Д.В. Плакаты «окон» ТАСС как художественный символ памяти Великой Отечественной войны // Гуманитарный акцент. – 2020. – №3. – С.17-23.
10. «Окна ТАСС»: не в бровь, а в глаз! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kudago.com/all/news/okna-tass-ne-v-brov-a-v/ (дата обращения: 26.06.2026)
11. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.
12. ТАСС. Как «Окна ТАСС» приближали победу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/1398391 (дата обращения: 26.06.2026)
13. Ушаков А.П. «Окна ТАСС» били врага не в бровь, а в глаз. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/notes/2003-04-25/8_tass.html (дата обращения: 26.06.2026)
14. Федосов Е.А., Конев К.А. Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общенациональный и региональный аспекты // Русин. – 2015. – №2 (40). – С.189-209.
15. Филатова А.Г. Лингвокреативные элементы как способ реализации коммуникативных стратегий в политическом плакате // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – №3. – С.124-130.
16. Чернова Н.В., Макарова Н.Н. Смеховые практики в годы Великой Отечественной войны в газете «Магнитогорский рабочий» // Новейшая история России. – 2023. – Т.13, №1. – С.172-184.
17. Чжоу Ш. Дискурсивное пространство новых медиа в чрезвычайных ситуациях // Litera. – 2024. – №12. – С.192-201.

«TASS WINDOWS» IN THE SOVIET PERIODICAL PRESS SYSTEM: THE PHENOMENON OF WARTIME «PROTO-MEDIA»

Ladygina Olga Vladimirovna

Doctor of philosophical sciences
associate professor of the chair of history and political science
Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilin
350044, Russia, Krasnodar, Kalinina str., 13
Ph.: +7 (915) 497 38 66
friedrichii@rambler.ru

The article examines the «TASS Windows» (1941-1945) as a functional element of the Soviet wartime periodical press system. Amidst shortages of paper and printing resources, as well as disruptions to logistics, the poster transcended the boundaries of the propaganda genre to become a rapid news channel that served as a substitute for daily periodicals. The study analyzes the genre composition of the «Windows, » their interaction with radio and newspapers within the USSR's broader media landscape, and regional production practices that attest to the emergence of a unified information space.

The theoretical conceptualization of this phenomenon is grounded in the category of «proto-media, » which captures a pre-digital instance of media format hybridization and genre convergence driven by a systemic crisis. The organizational and production parameters of the «Windows» («Okna») releases are compared-for the first time-with the typological characteristics of a periodical; the study identifies their integrative function as a connecting link between newspapers, radio, and street-based agitation. This perspective broadens the understanding of the boundaries of journalistic genres and the mechanisms by which media systems adapt to extreme conditions.

During the war, the «TASS Windows» served as a rapid-response medium for agitation and information, combining news coverage, a call to mobilization, and a means of psychological and emotional relief for the audience. The toolkit developed during this period offers a replicable model for how media institutions can adapt to infrastructural disruptions. This model remains relevant to scenarios of hybrid conflict, in which content verification and delivery channels are subject to systemic distortion.

Keywords: visual journalism; proto-media; creolized text; war poster; media system; genre convergence; street newspaper.

«ТИРЕЗАҲОИ ТАСС» ДАР НИЗОМИ МАТБУОТИ ДАВРИИ ШӮРАВӢ: ПАДИДАИ «ПРОТОМЕДИА»-И ЗАМОНИ ҶАНГ

Ладыгина Олга Владимировна

Доктори илмҳои фалсафа, дотсент,
дотсенти кафедраи таърих ва сиёсатшиносӣ
Донишгоҳи давлатии аграрии Кубан ба номи И.Т. Трубилин
350044, Россия, Краснодар, кӯч. Калинин, 13
Тел.: +7 (915) 497 38 66
friedrichii@rambler.ru

Дар мақола «Тирезаҳои ТАСС» (1941–1945) ҳамчун унсури функсионалии низоми матбуоти даврии шӯравӣ дар давраи ҷанг баррасӣ мешаванд. Дар шароити норасоии коғаз, захираҳои полиграфӣ ва халалдор шудани низомҳои таъминоту интиқол, плакат аз доираи жанри таблиғотӣ берун рафта, ба як канали фаврии ахбор табдил меёбад. Муаллиф таркиби жанрии «Тирезаҳо», робитаи онҳоро бо радио ва рӯзномаҳо дар низоми умумии медиавии ИҶШС, инчунин таҷрибаҳои минтақавии нашри онҳоро таҳлил менамояд.

Тафсири назариявии ин падида бар мафҳуми «протомедиа» асос ёфта, ҳолати гибридшавии шаклҳои расонаӣ ва конвергенсияи жанриро дар давраи пеш аз рақамикунонӣ, ки дар натиҷаи буҳрони системавӣ ба вуҷуд омадааст, инъикос менамояд. Параметрҳои ташкилӣ ва истеҳсолии нашри «Тирезаҳо» бори аввал бо нишонаҳои типологии нашрияи даврӣ муқоиса карда шуда, нақши ҳамгирокунандаи онҳо ҳамчун пайванди байни рӯзнома, радио ва таблиғоти кӯчагӣ муайян карда шудааст. Ин равиш тасаввуротро дар бораи ҳудудҳои жанри журналистӣ ва механизмҳои мутобиқшавии низомҳои медиавӣ ба шароити фавқулода васеъ менамояд.

Дар солҳои ҷанг «Тирезаҳои ТАСС» вазифаи воситаи фаврии таблиғотӣ-иттилоотиро иҷро намуда, рӯзномаи хабарӣ, паёми сафарбаркунанда ва сабуксозии эҳсосию равонии аудиторияро бо ҳам муттаҳид мекарданд. Воситаҳо ва таҷрибаи дар ин давра андӯхташуда модели қобили такрори мутобиқшавии ниҳоди расонаҳоро ба халалдоршавии инфрасохторӣ ташкил медиҳанд. Ин модел барои сенарияҳои муқовимати гибридӣ, ки дар онҳо каналҳои санҷишу тасдиқи иттилоот ва расонидани муҳтаво ба таҳрифҳои системавӣ дучор мешаванд, аҳамияти худро нигоҳ медорад.

Калидвожаҳо: журналистикаи визуалӣ; протомедиа; матни креолизатсияшуда; плакати ҳарбӣ; низоми медиавӣ; конвергенсияи жанрӣ; рӯзномаи кӯчагӣ.

УДК 070:502(575.3)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В СИСТЕМЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА

Саибназарова Шаходат Мамадёровна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры медиакоммуникаций и информационной безопасности
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 555 98 82 (м.)
shsaibnazarova@gmail.com

Мансури Бибимарям Сайдулло

Кандидат филологических наук,
декан факультета журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 870 70 40 04 (м.)
maryam_mansurova_19@mail.ru

В условиях нарастающего глобального экологического кризиса экологическая журналистика приобретает всё большую общественную значимость, однако её развитие в странах Центральной Азии остаётся недостаточно изученным. Статья посвящена анализу теоретических основ и исторического развития экологической журналистики с акцентом на специфику Таджикистана. Новизна исследования состоит в сочетании систематизации теоретических подходов к определению и функциям экологической журналистики с историко-эмпирическим анализом её становления в республике – от советского периода до современности. Установлено, что таджикская модель экологической журналистики характеризуется структурными диспропорциями: концентрацией в столице, доминированием русскоязычного сегмента, дефицитом специализированных кадров и зависимостью от международного грантового финансирования. Сделан вывод о том, что выявленные системные проблемы существенно сдерживают развитие отрасли и определяют необходимость укрепления её институциональной базы.

Ключевые слова: экологическая журналистика; окружающая среда; медиапространство; Таджикистан; природоохранная тематика; функции журналистики; экологическая коммуникация; водные ресурсы; Центральная Азия; грантовое финансирование; экологическое сознание.

Экологическая журналистика представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся специализированных направлений журналистской деятельности, которое сформировалось на стыке массовых коммуникаций, есте-

ственных наук и социальной экологии. Несмотря на то, что сам термин «экологическая журналистика» получил широкое распространение лишь во второй половине XX века, «истоки профессионального интереса прессы к природоохранной тематике уходят корнями в значительно более ранний период» [10, с.80].

В западной академической традиции одним из первых систематизированных определений экологической журналистики является формулировка, предложенная американским исследователем Робертом Коксом, согласно которой данное направление представляет собой «практику сбора, обработки и распространения информации о состоянии окружающей среды, природных ресурсов, экологической политики и связанных с ними социальных последствий с целью информирования общественности и содействия принятию обоснованных решений» [14, с.76]. Это определение акцентирует внимание не только на информационной, но и на социально-практической функции экологической журналистики, подчёркивая её ориентированность на конкретный общественный результат.

Британский исследователь Андерс Хэнсен рассматривает экологическую журналистику в широком контексте экологической коммуникации, понимая под ней совокупность журналистских практик, направленных на конструирование и трансляцию смыслов, связанных с природой и окружающей средой, в публичном дискурсе [15, с.118]. Такой подход опирается на конструктивистскую традицию в социологии знания и позволяет рассматривать экологическую журналистику не как нейтральный канал передачи экологической информации, но как активного участника процесса формирования экологической реальности в общественном сознании.

В российской науке о журналистике экологическая тематика долгое время рассматривалась преимущественно как составная часть так называемой «тематической журналистики» — наряду с экономической, культурной, спортивной и иными направлениями. Т.И.Фролова определяет экологическую журналистику как «систематическое профессиональное освещение проблем взаимодействия человека и природной среды в средствах массовой информации, направленное на формирование экологического сознания, культуры и ответственного поведения граждан» [12, с.78]. Данное определение представляется наиболее полным в контексте настоящего исследования, поскольку оно одновременно учитывает тематическую специфику, профессиональный характер деятельности и её целевую ориентацию.

В широком смысле экологическую журналистику можно определить, как специализированное направление журналистской деятельности, предметом которого являются состояние и изменения окружающей природной среды, взаимодействие между природными системами и человеческим обществом, экологическая политика государств и международных организаций, природоохранная деятельность гражданского общества, а также последствия хозяйственной деятельности человека для биосферы. Важно подчеркнуть, что экологическая журналистика не сводится к простому информированию о фактах экологических катастроф или загрязнений; она включает в себя аналитическое осмысление глубин-

ных причин экологических проблем, оценку проводимой политики и поиск путей решения накопившихся противоречий.

Следует также разграничить понятия «экологическая журналистика» и «природоохранная журналистика» [13, с.5]. Если первое обладает более широким охватом и включает весь спектр взаимодействия природы и общества — от климатической политики до городской экологии, — то второе традиционно ассоциируется с непосредственной деятельностью по защите дикой природы и биоразнообразия. В современной практике оба термина нередко используются как синонимы, однако в научном дискурсе их разграничение позволяет точнее обозначить предметное поле исследования.

Можно говорить о том, что экологическая журналистика представляет собой многоаспектное явление, которое можно рассматривать одновременно как профессиональную практику, как тематическое направление медиадеятельности и как социальный институт, обеспечивающий коммуникацию между научным сообществом, властью, бизнесом и гражданами по вопросам состояния и сохранения окружающей среды.

История экологической журналистики как самостоятельного направления неразрывно связана с историей экологического движения в целом. Её условно можно «разделить на несколько ключевых этапов, каждый из которых характеризовался изменением как тематического содержания, так и концептуальных подходов к освещению природоохранной проблематики» [13, с.6].

Первый этап — натуралистический (конец XIX — первая половина XX века) — характеризовался преимущественно романтизированным изображением природы в прессе. Публикации этого периода были посвящены описанию дикой природы, экзотических животных, географических открытий. Авторами подобных материалов, как правило, выступали путешественники, натуралисты и учёные, а не профессиональные журналисты в современном понимании этого слова. Тем не менее именно в этот период сформировался читательский интерес к природной тематике, который в дальнейшем стал основой для развития специализированной экологической журналистики.

Второй этап — экологической тревоги (1960–1970-е годы) — ознаменовался резким ростом общественного интереса к проблемам загрязнения окружающей среды. Выход в 1962 году книги Рэйчел Карсон «Безмолвная весна», посвящённой губительному воздействию пестицидов на птиц и экосистемы, стал поворотным моментом как для экологического движения, так и для журналистики. Крупные экологические катастрофы — разлив нефти у берегов Санта-Барбары (1969), загрязнение реки Кайахога (1969), авария на химическом заводе в Севесо (1976) — превратились в значимые медиасобытия и продемонстрировали возможности журналистики в мобилизации общественного мнения по экологическим вопросам. В этот же период в ведущих западных изданиях появились первые специализированные экологические рубрики и редакции.

Третий этап — институционализации (1980–1990-е годы) — характеризовался профессионализацией экологической журналистики. В 1990 году в США было основано Общество экологических журналистов, которое стало первой профес-

сиональной организацией, объединившей специалистов данного профиля. Аналогичные ассоциации были созданы в Европе, Азии и Латинской Америке. В ведущих университетах появились специализированные программы подготовки экологических журналистов. Тематика публикаций расширилась: наряду с локальными экологическими происшествиями всё большее место стали занимать глобальные проблемы — разрушение озонового слоя, кислотные дожди, вырубка тропических лесов.

Четвёртый этап — цифровой (с 2000-х годов по настоящее время) — связан с трансформацией медиапространства под влиянием интернета и цифровых технологий. Появление специализированных экологических интернет-изданий (Yale Environment 360, The Guardian Environment, Carbon Brief), развитие дата-журналистики в экологической сфере, использование интерактивных визуализаций и мультимедийных форматов существенно расширили возможности экологической журналистики. Социальные сети стали площадкой для распространения экологической информации и мобилизации гражданских инициатив. Одновременно цифровизация обострила проблему достоверности экологической информации: широкое распространение получили «экологический скептицизм» и дезинформация по климатической тематике.

Функциональный анализ является одним из ключевых инструментов изучения журналистики как социального института. Применительно к экологической журналистике вопрос о функциях приобретает особое значение, поскольку данное направление выполняет ряд специфических задач, которые не в полной мере охватываются традиционными функциями журналистики в целом.

Информационная функция является базовой для любого вида журналистики и состоит в своевременном и достоверном информировании аудитории о состоянии окружающей среды, экологических происшествиях, изменениях в природоохранном законодательстве и результатах научных исследований [11, с.5]. Для экологической журналистики реализация данной функции сопряжена со специфическими трудностями: экологические процессы нередко растянуты во времени, не поддаются непосредственному наблюдению и требуют для своего понимания специальных научных знаний. В этой связи перед экологическим журналистом стоит задача перевода сложного научного знания на язык, понятный массовой аудитории, без утраты точности и достоверности сведений.

Просветительская (образовательная) функция состоит в формировании у аудитории систематических знаний об экологических процессах, взаимосвязях в природных системах и последствиях человеческой деятельности для окружающей среды [12, с.68]. В отличие от разовых информационных поводов, просветительская функция реализуется через систематическое обращение к экологической тематике, публикацию аналитических и образовательных материалов, объяснение научных концепций — изменения климата, биоразнообразия, углеродного следа и других. Реализация данной функции приобретает особое значение в странах с невысоким уровнем экологического образования, к числу которых относится и Таджикистан.

Контролирующая функция предполагает осуществление журналистского надзора за соблюдением природоохранного законодательства, деятельностью промышленных предприятий и государственных органов, ответственных за состояние окружающей среды [13, с.7]. Реализация данной функции требует от журналиста не только знания экологического законодательства, но и навыков работы с официальными документами, данными экологического мониторинга и экспертными заключениями. В странах с ограниченной свободой прессы выполнение контрольной функции экологической журналистикой существенно затруднено.

Мобилизационная функция состоит в побуждении аудитории к активным действиям по защите окружающей среды — участию в экологических акциях, поддержке природоохранных организаций, изменению потребительского поведения. Данная функция наиболее отчётливо проявляется в деятельности экологических изданий, ориентированных на активную аудиторию, а также в условиях конкретных экологических кризисов, требующих немедленного гражданского реагирования.

Функция формирования повестки дня применительно к экологической журналистике состоит в определении того, какие экологические проблемы становятся предметом общественного внимания и политических решений. Согласно классической теории повестки дня, разработанной М.Маккомбсом и Д.Шоу, «СМИ не столько формируют мнения людей, сколько задают круг тем, о которых люди думают и говорят» [14, с.118]. В контексте экологических проблем это означает, что именно журналистская деятельность во многом определяет, какие экологические угрозы воспринимаются обществом как приоритетные, а какие остаются в тени общественного внимания.

Функция экологической социализации состоит в трансляции экологических ценностей, норм и образцов поведения через медиатексты. Данная функция тесно связана с просветительской, однако акцентирует внимание не столько на передаче знаний, сколько на формировании ценностных ориентиров и устойчивых поведенческих паттернов, связанных с ответственным отношением к природе.

Современное состояние экологической журналистики определяется рядом глобальных тенденций, трансформирующих как медиасреду в целом, так и специфические условия профессиональной деятельности журналистов, специализирующихся на экологической тематике.

Первой и наиболее значимой тенденцией является нарастание общественного интереса к климатической проблематике. Проведённые в последнее десятилетие исследования медиаконтента фиксируют устойчивый рост числа публикаций, посвящённых изменению климата, в ведущих мировых изданиях. Особенно заметным этот рост стал после 2018–2019 годов в связи с активизацией международного климатического движения, принятием Парижского соглашения, а также учащением экстремальных климатических событий — лесных пожаров, наводнений, засух, — привлекающих широкое медийное внимание. Климатическая журналистика фактически выделилась в самостоятельное субнаправление эколо-

гической журналистики со своими профессиональными стандартами и дискуссиями [7, с.60].

Второй тенденцией является развитие дата-журналистики и визуализации данных в экологической сфере. Нарастающие потоки данных спутникового мониторинга, климатических моделей и экологической статистики создают новые возможности для журналистского расследования и визуального представления информации об изменениях в природной среде. Такие проекты, как интерактивные карты обезлесения Global Forest Watch, визуализации роста температуры Climate Stripes, демонстрируют высокий потенциал соединения журналистики с инструментами анализа и визуализации больших данных.

Третья тенденция — распространение «журналистики решений» (solutions journalism) в экологической сфере. В противовес традиционной модели, делающей акцент на катастрофах и проблемах, журналистика решений сосредоточивается на поиске и описании успешных практик природопользования, эффективных моделей экологической политики и гражданских инициатив. Мы с уверенностью можем утверждать, что доминирование «катастрофических» нарративов порождает у аудитории экологическую тревогу и ощущение беспомощности, тогда как демонстрация позитивных примеров способствует формированию установок на активное участие в решении экологических проблем.

Четвёртая тенденция — проблема дезинформации и «климатического скептицизма» в медиапространстве. Ряд исследований зафиксировал целенаправленные кампании по распространению сомнений в научном консенсусе относительно антропогенного изменения климата, финансировавшиеся крупными нефтегазовыми корпорациями. В условиях цифровизации подобная дезинформация распространяется значительно быстрее и шире, чем прежде, что ставит перед профессиональными экологическими журналистами задачу не только сообщать факты, но и активно противостоять ложным нарративам.

Пятая тенденция — экономические трудности, с которыми сталкивается экологическая журналистика в условиях общего кризиса медиаотрасли. Сокращение рекламных доходов, переход читателей на бесплатные цифровые источники информации, закрытие региональных редакций — всё это ведёт к уменьшению числа журналистов, занимающихся экологической тематикой на профессиональной основе. Частичной альтернативой становятся некоммерческие экологические медиапроекты и журналистика, финансируемая за счёт грантов международных фондов и организаций.

Отдельного рассмотрения заслуживает роль социальных сетей в трансформации экологической журналистики. С одной стороны, платформы Twitter/X, Instagram, TikTok и YouTube предоставляют экологическим журналистам новые каналы для распространения информации и взаимодействия с аудиторией, позволяя охватывать молодёжные аудитории, традиционно менее вовлечённые в потребление традиционных СМИ. С другой стороны, логика социальных сетей, ориентированная на эмоциональный отклик и вирусное распространение контента, нередко входит в противоречие с требованиями точности и взвешенности,

предъявляемыми к экологической журналистике как к научно обоснованному виду профессиональной деятельности [2, с.68].

Наконец, важной чертой современной экологической журналистики является её всё более выраженная транснациональная природа. Глобальный характер экологических проблем — изменение климата, утрата биоразнообразия, загрязнение Мирового океана — требует трансграничного сотрудничества журналистов и редакций. Международные консорциумы экологических журналистов, совместные расследовательские проекты (такие как «Досье Amazon» или «Архив лесных пожаров») демонстрируют возможности международной кооперации в данной сфере и задают высокие профессиональные стандарты, к которым стремится экологическая журналистика во всём мире, включая страны Центральной Азии.

Для понимания современного состояния экологической журналистики в Таджикистане необходимо обратиться к её историческим корням, уходящим в советский период. История таджикской прессы насчитывает более ста лет: первые периодические издания на таджикском языке появились в начале XX века, однако полноценная система республиканских средств массовой информации сложилась в советские десятилетия. «Именно в рамках советской медиасистемы были заложены базовые профессиональные практики освещения природоохранной тематики, которые в той или иной мере продолжают влиять на таджикскую журналистику по сей день» [11, с.4].

В советской журналистике экологическая тематика развивалась в русле общесоюзных идеологических установок, что накладывало существенный отпечаток на её характер. С одной стороны, «советские СМИ активно пропагандировали преобразование природы, освоение природных ресурсов и грандиозные ирригационные проекты как достижения социализма Масштабное орошение хлопковых полей в Таджикистане и других республиках Средней Азии преподносилось в прессе как триумф советской науки и техники, а экологические последствия подобной политики практически не обсуждались публично» [6, с.90]. С другой стороны, уже с 1960-х годов в советской прессе начали появляться материалы, критикующие бесхозяйственное отношение к природным ресурсам, — хотя эта критика, как правило, была направлена против конкретных нарушителей на низовом уровне, а не против системных причин экологического неблагополучия.

В Таджикской ССР экологическая тематика была представлена прежде всего в республиканских газетах «Коммунист Таджикистана» и «Точикистони Советӣ», а также в ведомственных изданиях, связанных с сельским хозяйством и водохозяйственным комплексом[1]. Публикации на природоохранные темы носили преимущественно просветительский и пропагандистский характер: читателей информировали о правилах охраны лесов, рыбных запасов, охотничьих угодий, призывали к экономному расходованию воды и бережному отношению к земле. Критическое освещение экологических проблем, особенно связанных с деятель-

[1] Носирова Л. Экологическая журналистика в Таджикистане: проблемы и перспективы // Фараж. 2022. 12 мая.

ностью крупных промышленных предприятий, было крайне ограничено цензурными ограничениями и партийным контролем над прессой.

Особое место в советской таджикской журналистике занимала тема водных ресурсов — стратегически важного для республики природного актива. Таджикистан является источником формирования стока для большей части рек Центральноазиатского региона: на его территории берут начало Амударья и Сырдарья — две главные реки всего региона. Тем не менее журналистские материалы этого периода, посвящённые водной тематике, были сосредоточены главным образом на достижениях ирригационного строительства и развитии гидроэнергетики, а не на проблемах водного баланса и экологических последствиях масштабного водопользования.

Со второй половины 1980-х годов, в условиях горбачёвской гласности, экологическая журналистика в Таджикистане, как и по всему СССР, получила новые возможности для развития. Темы, прежде находившиеся под негласным запретом, — промышленное загрязнение, последствия применения пестицидов в сельском хозяйстве, деградация горных экосистем — стали появляться на страницах республиканской прессы. Именно в этот период закладывались первые профессиональные традиции критической экологической журналистики в Таджикистане. «Однако глубокий политический и экономический кризис, последовавший за распадом СССР, и гражданская война 1992–1997 годов прервали это развитие» [9, с.82].

Распад Советского Союза и провозглашение независимости Республики Таджикистан в 1991 году ознаменовали начало принципиально нового этапа в развитии национальной медиасистемы. Вместе с тем переход к независимости совпал с началом жестокого гражданского противостояния (1992-1997), которое нанесло тяжёлый урон всем сферам общественной жизни республики, включая средства массовой информации. В условиях вооружённого конфликта журналистика в Таджикистане была вынуждена сосредоточиться на освещении политических и военных событий; экологическая тематика в этот период фактически исчезла с медиаповестки.

После подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в 1997 году таджикские СМИ начали постепенно восстанавливаться. Параллельно с государственными изданиями стали возникать независимые газеты, радиостанции и телеканалы. Международные организации — ОБСЕ, Фонд «Открытое общество», USAID, Швейцарское агентство по развитию и сотрудничеству — оказывали поддержку развитию независимых медиа и профессиональной подготовке журналистов. Именно в этом контексте в конце 1990-х — начале 2000-х годов в Таджикистане начали закладываться институциональные основы экологической журналистики в современном её понимании.

Важную роль в этом процессе сыграло взаимодействие журналистского сообщества с неправительственными экологическими организациями, активно развивавшимися в республике при поддержке международных доноров. Такие организации, как Региональный экологический центр Центральной Азии (РЭЦЦА), Фонд «Глобал Грингрантс», Горное общество Таджикистана, начали систематиче-

чески взаимодействовать с журналистами, организовывать пресс-туры на экологически проблемные объекты и предоставлять медиаспециалистам актуальные данные о состоянии окружающей среды. «Это взаимодействие стало одним из главных стимулов для формирования специализированной экологической журналистики в республике» [10, с.117].

В 2000-е годы в Таджикистане появились первые специализированные экологические рубрики в ряде газет и на радиостанциях. Агентство «Азия-Плюс», созданное в 1996 году и ставшее одним из ведущих независимых медиасубъектов республики, начало систематически публиковать материалы на экологическую тематику — о состоянии ледников, водных ресурсах, загрязнении воздуха в Душанбе, проблемах твёрдых бытовых отходов. Радиостанция «Азия-Плюс» запустила регулярные передачи, посвящённые природоохранным вопросам. Эти шаги свидетельствовали о постепенной профессионализации экологической журналистики и росте интереса медиасообщества к данной тематике [8, с.75].

Существенную роль в становлении таджикской экологической журналистики в этот период сыграли международные проекты по подготовке кадров. При поддержке программ ОБСЕ, Internews и ряда европейских неправительственных организаций в Душанбе проводились семинары и тренинги для журналистов, специализирующихся на экологической и природоохранной тематике. Участники таких программ получали не только профессиональные навыки написания экологических материалов, но и базовые знания в области экологии, климатологии и водных ресурсов. Часть из них впоследствии стала ядром профессионального сообщества экологических журналистов республики.

К середине 2010-х годов таджикская медиасреда существенно изменилась под воздействием интернетизации и распространения мобильных устройств. Несмотря на то что уровень проникновения интернета в республике оставался ниже среднемирового, доля онлайн-аудитории неуклонно росла, особенно среди городского населения и молодёжи. Это создавало новые условия для развития экологической журналистики: интернет-издания и социальные сети снижали барьеры входа для новых медиааакторов и позволяли охватывать аудиторию, прежде недоступную для традиционных СМИ.

Среди изданий, системно занимающихся экологической тематикой в современном Таджикистане, выделяется несколько ключевых медиасубъектов. Информационное агентство «Азия-Плюс» сохраняет позицию ведущего источника экологической информации на русском языке. Агентство регулярно публикует репортажи о таянии ледников, водных конфликтах, деградации горных пастбищ и состоянии особо охраняемых природных территорий, нередко сотрудничая с зарубежными изданиями при подготовке крупных аналитических материалов[1].

Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар» как государственное издание освещает экологическую повестку преимущественно в

[1] Азизов Ф. Изменение климата: как Таджикистан борется с глобальным потеплением // Asia-Plus. 2023. 5 июня. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230605/izmeneniya-klimata-kak-tadzhikistan-boretsya-s-globalnim-potepleniem (дата обращения: 20.05.2026).

официально-информационном ключе, публикуя материалы о государственных программах по охране окружающей среды, международном сотрудничестве в данной сфере и результатах природоохранных мероприятий [1]. Материалы агентства ценны как источник официальной экологической информации, однако носят ограниченный аналитический характер.

В сфере таджикоязычных медиа экологическая тематика остаётся представленной значительно слабее, чем в русскоязычных изданиях. Это объясняется рядом факторов: более низким уровнем экологической осведомлённости сельской аудитории, составляющей значительную часть таджикоязычного читателя; меньшим числом журналистов, владеющих экологической проблематикой, среди работников таджикоязычных редакций; а также сравнительно меньшим объёмом грантовой поддержки таджикоязычной экологической журналистики со стороны международных организаций.

Тем не менее ряд таджикоязычных изданий и телеканалов всё активнее обращается к экологической повестке. Государственный телеканал «Таджикистан» периодически транслирует документальные программы о природе республики и проблемах окружающей среды. Независимые онлайн-ресурсы и ряд региональных сайтов — публикуют материалы о местных экологических проблемах: загрязнении рек промышленными стоками, вырубке лесов, последствиях добычи полезных ископаемых.

Среди тематических приоритетов современной таджикской экологической журналистики выделяется несколько устойчивых направлений. Наиболее разработанной является тема водных ресурсов и ледников: таяние ледников Памира и Гиссаро-Алая, проблемы водоснабжения населённых пунктов, межгосударственные противоречия по вопросам водопользования — всё это регулярно появляется в публикациях ведущих таджикских изданий. Данная тема пользуется вниманием не только национальных, но и зарубежных СМИ и НКО, что обеспечивает таджикским журналистам относительно широкий доступ к международной экспертизе и финансовой поддержке.

Другим важным тематическим направлением является освещение проблем, связанных со строительством крупных гидроэнергетических объектов — прежде всего Рогунской ГЭС. Данная тема сочетает в себе экологическое, политическое и экономическое измерения, что придаёт ей особую журналистскую привлекательность [11, с.5]. Вместе с тем высокая политическая чувствительность этого вопроса существенно ограничивает возможности критического экологического освещения связанной с ним проблематики.

Проблемы загрязнения воздуха в Душанбе и крупных промышленных центрах республики также привлекают внимание журналистов, хотя глубина аналитического освещения данной темы остаётся недостаточной. Отдельные репортажи фиксируют высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха в связи с ро-

[1] Назаров С. Изменение климата: чем это грозит Таджикистану? // НИАТ «Ховар». 2023. 10 апр. URL: https://khovar.tj/rus/2023/04/izmenenie-klimata-chem-eto-grozit-tadzhikistanu/ (дата обращения: 14.05.2026).

стом автомобильного парка и выбросами промышленных предприятий, однако системного мониторинга данной проблемы таджикскими СМИ не ведётся.

Развитие экологической журналистики как профессионального направления невозможно без соответствующей институциональной инфраструктуры: профессиональных объединений журналистов, образовательных программ, нормативно-правовой базы в сфере доступа к экологической информации. Рассмотрение данных аспектов применительно к Таджикистану позволяет составить целостное представление о реальных возможностях и ограничениях экологической журналистики в республике.

В сфере профессиональной организации следует отметить деятельность Союза журналистов Таджикистана, Национальной ассоциации независимых средств массовой информации Таджикистана (НАНСМИТ) и ряда других профессиональных объединений [10, с.89]. Хотя ни одно из них не специализируется исключительно на экологической журналистике, они периодически организуют мероприятия, посвящённые освещению природоохранной тематики, и выступают партнёрами международных проектов по повышению квалификации экологических журналистов.

Важную роль в системе профессиональной поддержки таджикских экологических журналистов играет Региональный экологический центр Центральной Азии (РЭЦЦА), штаб-квартира которого расположена в Алматы, а в Душанбе действует национальный офис. РЭЦЦА реализует программы медиаподдержки, организует ежегодные конкурсы журналистских материалов на экологическую тематику и выпускает методические пособия для журналистов, работающих в данной сфере. Конкурс экологических журналистов стран Центральной Азии, проводимый при участии РЭЦЦА, стимулирует профессиональный рост и способствует обмену опытом между журналистами из разных стран региона.

Серьёзной проблемой остаётся подготовка журналистских кадров в области экологии. Пока только в Таджикском национальном университете и Российско-Таджикском (Славянском) университете реализуются программы подготовки журналистов, однако специализированных курсов по экологической журналистике в других вузах крайне мало. Будущие журналисты не получают систематических знаний об экологических проблемах республики, методах работы с экологическими данными и особенностях профессионального общения с научным сообществом. Восполнение этого пробела осуществляется преимущественно через внешние тренинговые программы международных организаций, охват которых ограничен.

В контексте нормативно-правового регулирования доступа к экологической информации следует отметить, что Таджикистан является участником ряда международных конвенций, закрепляющих право граждан на получение экологической информации. В частности, в 2001 году республика ратифицировала Орхусскую конвенцию о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. Данный документ создаёт юридическую основу для работы журналистов с экологической информацией, однако практика его применения остаётся несовер-

шенной: государственные органы нередко игнорируют запросы журналистов на предоставление экологических данных либо предоставляют их в неполном объёме.

Закон Республики Таджикистан «Об охране природы» и ряд других нормативных актов предусматривают обязательное информирование населения о состоянии окружающей среды, однако механизмы реализации этой нормы остаются недостаточно развитыми [1, с.80]. Государственный доклад о состоянии окружающей среды, ежегодно публикуемый Комитетом по охране окружающей среды при Правительстве Республики Таджикистан, является важным источником официальных экологических данных, однако его публичная доступность и активность использования журналистами оставляют желать лучшего.

Анализируя финансовую базу таджикской экологической журналистики, необходимо признать её высокую зависимость от международных грантов и донорских программ. Такие организации, как Европейский союз, USAID, Швейцарское агентство по развитию и сотрудничеству, Фонд «Открытое общество» — Таджикистан, неоднократно финансировали проекты, включающие производство экологического медиаконтента. С одной стороны, эта поддержка является жизненно важной для существования экологической журналистики в республике. С другой — она создаёт риски, связанные с зависимостью редакционной политики от приоритетов иностранных доноров и неустойчивостью финансирования при смене программных приоритетов.

Проведённый анализ позволяет заключить, что экологическая журналистика представляет собой многофункциональное специализированное направление, сформировавшееся на пересечении массовых коммуникаций, естественных наук и социальной экологии и выполняющее информационную, просветительскую, контрольную, мобилизационную и социализирующую функции. Мировая практика свидетельствует о последовательной профессионализации и институционализации данного направления, развитии цифровых форматов и углублении международного сотрудничества в освещении трансграничных экологических проблем. Применительно к Таджикистану прослеживается противоречивый путь становления экологической журналистики — от идеологически окрашенной советской природоохранной публицистики через кризис гражданской войны к постепенному возрождению при активном участии международных организаций. Однако, несмотря на наметившийся прогресс, отрасль по-прежнему сталкивается со структурными диспропорциями: концентрацией в столице и русскоязычном сегменте медиапространства, дефицитом специализированных кадров, ограниченным доступом к экологической информации и высокой зависимостью от внешнего грантового финансирования, что в совокупности определяет актуальность дальнейшего исследования данной проблематики.

Литература

1. Абдусаматов А.Б. Экологическая политика Республики Таджикистан в условиях изменения климата // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: ТНУ, 2022. – №3. – С.78-85.
2. Бойматов Д. Трансформация медиасистемы Таджикистана в цифровую эпоху. – Душанбе: Ирфон, 2023. – 208 с.
3. Гулов С.А. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии в контексте изменения климата // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – Т.24, №1. – С.92-104.
4. Давлатов А. Основы экологии. – Душанбе, 2005. – 82 с. (на тадж. яз.)
5. Зарипов А. Р. Деятельность международных организаций по адаптации к изменению климата в Таджикистане // Международные отношения. – 2023. – №3. – С.45-56.
6. Курбанов С.С. Роль СМИ в формировании экологического сознания населения Таджикистана // Социологические исследования. – 2022. – №5. – С.88-97.
7. Саибназарова Ш.М. Проблемы изменения климата и их освещение в СМИ // Актуальные проблемы журналистики: сб. ст. – Душанбе: РТСУ, 2020. – С.59-68.
8. Саибназарова Ш. М. Освещение экологических проблем на таджикском радио // Актуальные проблемы журналистики: сб. ст. – Душанбе: РТСУ, 2018. – С.74-78.
9. Саибназарова Ш. М. Таджикистан: экологический обзор // Экологические кризисы в Центральной Азии: от степей до морей, от пустынь до ледников. – Лондон: Routledge, 2016. – С.78-90.
10. Саидов А. Экологические проблемы Таджикистана и роль гражданского общества в их решении. – Душанбе: Шарки озод, 2015. – 196 с.
11. Тоирова Ш.М. Особенности развития современной таджикской экологической журналистики в свете проблем водных ресурсов, строительства Рогунской ГЭС и чрезвычайных ситуаций: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Тоирова Шоира Музафаровна. – Душанбе, 2015. – 25 с.
12. Фролова Т.И. Человек и его мир в информационной повестке дня: гуманитарные технологии в журналистике. – М.: АСИ, 2009. – 288 с.
13. Якубов Д.Н. Журналистика и экология: проблемы и перспективы: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Якубов Джамолиддин Нуридинович. – Душанбе, 2009. – 25 с.
14. Cox R. Environmental Communication and the Public Sphere. – Fourth ed. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2016. – 456 p.
15. Hansen A. Environment, Media and Communication. – London; New York: Routledge, 2010. – 208 p.

ENVIRONMENTAL JOURNALISM IN THE SYSTEM OF MASS COMMUNICATIONS: THEORY, HISTORY AND PRACTICE

Saibnazarova Shakhodat Mamadyorovna

Candidate of philological sciences,
associate professor at the chair of media communications and information security
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 93 555 98 82 (m.)
shsaibnazarova@gmail.com

Mansuri Bibimaryam Saidullo

Candidate of philological sciences,
dean of the faculty of journalism
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str, 30
Ph.: (+992) 870 70 40 04 (m).
maryam_mansurova_19@mail.ru

Amid the escalating global environmental crisis, environmental journalism is gaining increasing public significance; however, its development in Central Asian countries remains insufficiently studied. This article analyzes the theoretical foundations and historical evolution of environmental journalism, with a specific focus on Tajikistan. The study's novelty lies in combining a systematization of theoretical approaches regarding the definition and functions of environmental journalism with a historical-empirical analysis of its emergence in the republic – spanning the Soviet era to the present day. The findings indicate that the Tajik model of environmental journalism is characterized by structural imbalances: concentration in the capital, dominance of the Russian-language segment, a shortage of specialized professionals, and reliance on international grant funding. The study concludes that these systemic issues significantly hinder the sector's development and underscore the need to strengthen its institutional framework.

Keywords: environmental journalism; environment; media space; Tajikistan; environmental coverage; functions of journalism; environmental communication; water resources; Central Asia; grant funding; environmental awareness.

РӮЗНОМАНИГОРИИ ЭКОЛОГӢ ДАР СИСТЕМАИ МУОШИРАТИ ОММАВӢ: НАЗАРИЯ, ТАЪРИХ ВА АМАЛИЯ

Соибназарова Шаҳодат Мамадёровна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи коммуникатсияи ВАО ва амнияти иттилоот
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 555 98 82 (м.)
shsaibnazarova@gmail.com

Мансурӣ Бибимарям Сайдулло

Номзади илмҳои филологӣ,
декани факултаи рӯзноманигорӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумхурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 870 70 04 04 (м.).
maryam_mansurova_19@mail.ru

Дар шароити бӯҳрони рӯзафзуни глобалии экологӣ журналистикаи экологӣ аҳамияти иҷтимоии бештаре пайдо мекунад, аммо рушди он дар кишварҳои Осиёи Марказӣ ҳанӯз ба қадри кофӣ омӯхта нашудааст. Мақолаи мазкур ба таҳлили мукаммали асосҳои назариявӣ ва рушди таърихии журналистикаи экологӣ бо таваҷҷӯҳи махсус ба хусусиятҳои миллии Тоҷикистон бахшида шудааст. Ҳадафи тадқиқот омӯзиши мундариҷаи мафҳумӣ, моҳияти функсионалӣ ва қонуниятҳои ташаккули журналистикаи экологӣ дар заминаи ҷаҳонӣ ва тоҷикистонӣ мебошад. Навигарии тадқиқот дар он аст, ки муназзамсозии равишҳои назариявӣ ба таърифи журналистикаи экологӣ бо таҳлили таърихӣ-эмпирикии рушди он дар Тоҷикистон – аз давраи шӯравӣ то имрӯз – омезиш ёфтааст. Дар натиҷаи тадқиқот муайян карда шуд, ки журналистикаи экологӣ вазифаҳои иттилоотӣ, маърифатӣ, назоратӣ, бастасозӣ ва иҷтимоисозиро иҷро мекунад, дар ҳоле ки модели тоҷикистонии он бо номутавозинии сохторӣ тавсиф мешавад: тамаркуз дар пойтахт, бартарии бахши русзабони медиа, норасоии кадрҳои мутахассис ва вобастагии зиёд аз маблағгузории байналмилалии грантӣ. Дар мақола хулоса бароварда мешавад, ки мушкилоти системавии муайяншуда рушди соҳаро ба таври назаррас маҳдуд мекунанд ва зарурати чораҳои мақсадноки мустаҳкамкунии пояи институсионалии журналистикаи экологиро дар ҷумҳурӣ муайян месозанд.

Калидвожаҳо: журналистикаи экологӣ; муҳити зист; фазои медиа; Тоҷикистон; пӯшиши масъалаҳои экологӣ; вазифаҳои журналистика; коммуникатсияи экологӣ; захираҳои об; Осиёи Марказӣ; маблағгузории грантӣ; шуури экологӣ.

УДК 314.74:330.341.1.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКОНОВ МИГРАЦИИ Э.РАВЕНШТЕЙНА В УСЛОВИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ТЕОРЕТИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Комилов Сироджиддин Джалолиддинович

Доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической теории и мировой экономики,
академик международной Академии наук высшей школы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 917 50 54 01 (м.)
sirodj1950@mail.ru.

Шоидарвозова Марзия Саидвалишоевна

Кандидат экономических наук, доцент
Институт гуманитарных наук им. акад. Б. Искандарова
Национальной Академии наук Таджикистана
736000, Республика Таджикистан, Хорог, ул. У. Холдорова, 4
Тел.: (+992) 93 440 28 42 (м.)
mshoidarvozova@mail.ru

В статье исследуется применимость классических законов миграции Э.Равенштейна к современным миграционным процессам Республики Таджикистан. Актуальность исследования обусловлена высокой ролью трудовой миграции в обеспечении занятости населения, формировании доходов домохозяйств и развитии национальной экономики в условиях трансформации мирового рынка труда и институциональных изменений. Цель работы заключается в оценке степени сохранения и трансформации законов Э.Равенштейна применительно к современным условиям Таджикистана. Научная новизна исследования состоит в разработке теоретико-аналитического подхода к интерпретации классических законов миграции с учетом институциональных факторов, возвратной и циркулярной миграции, а также в предложении матрицы трансформации законов миграции. Установлено, что большинство законов Э.Равенштейна сохраняют теоретическую значимость, однако механизмы их реализации существенно изменились под влиянием институциональных преобразований, современных социально-экономических условий, развития миграционных сетей и международного рынка труда. Сделан вывод о необходимости современной интерпретации классических положений миграционной теории при анализе миграционных процессов Республики Таджикистан и разработке эффективной государственной миграционной политики.

Ключевые слова: миграция населения; законы Э.Равенштейна; трудовая миграция; циркулярная миграция; возвратная миграция; рынок труда; миграционная политика; миграционные процессы.

Введение. Законы миграции Э.Равенштейна сохраняют важное методологическое значение для анализа миграционных процессов, поскольку они фиксируют базовые закономерности пространственного перемещения населения: роль расстояния, экономических стимулов, городских центров, встречных потоков, селективности миграции по полу, возрасту и месту проживания. Современная экономика изменила не саму природу миграции как социально-экономического процесса, а механизмы ее формирования, скорость принятия миграционных решений, каналы поиска работы, способы поддержания связей с домохозяйствами, формы денежных переводов и даже само понимание трудовой мобильности. Для Республики Таджикистана данная трансформация имеет особое значение, поскольку миграция остаётся одним из ключевых факторов занятости, доходов домохозяйств, регионального развития и адаптации национального рынка труда к внешним экономическим условиям.

Степень разработанности проблемы. Теоретические основы исследования миграционных процессов были заложены Э.Равенштейном, который сформулировал классические законы миграции. Их развитие и современное переосмысление представлены в трудах П.Риса, Н.Ломакса, Т.Чемпиона, М.Белла, Э.Чарльза-Эдвардса, Х. де Хааса и К.Наттера, посвященных пространственной мобильности населения, внутренней и международной миграции, институциональным факторам и миграционной политике. В российской научной литературе зарубежные теории миграции и положения Равенштейна систематизированы П.В.Василенко, тогда как П.П.Лисицын и А.М.Степанов обосновали необходимость современного переосмысления законов миграции с учетом изменений рынка труда, информационных технологий, финансовых инструментов и методов исследования. Вместе с тем комплексный анализ трансформации законов Э.Равенштейна применительно к современным миграционным процессам Республики Таджикистан, включая влияние институциональных изменений, возвратной и циркулярной миграции, остаётся недостаточно разработанным, что определило научную направленность настоящего исследования.

Цель данной статьи заключается в определении степени сходства между современными миграционными процессами в Республике Таджикистан и теми закономерностями, которые были выявлены Равенштейном в XIX веке.

Исследовательская гипотеза. Законы миграции Э.Равенштейна сохраняют теоретическую значимость для анализа современных миграционных процессов Республики Таджикистан, однако их содержание трансформируется под воздействием институциональных изменений и современной структуры рынка труда.

Методологическую основу исследования составили положения классической теории миграции Э.Равенштейна, современные концепции международной и внутренней миграции населения, а также институциональный подход к исследованию миграционных процессов. В работе использованы историко-сравнительный метод для сопоставления классических законов миграции Э.Равенштейна с современными миграционными процессами Республики Таджикистан, институциональный подход для анализа влияния визового режима,

миграционных сетей и особенностей функционирования рынков труда приинмающих стран на формирование современных миграционных потоков и концептуальный подход, позволивший интегрировать классическую теорию миграции с современными научными методами.

Критерии оценки применимости законов Э.Равенштейна. В настоящей статье степень применимости каждого закона оценивалось по трем категориям:

- закон сохраняет свое первоначальное значение без существенных изменений;
- закон частично сохраняется, однако механизмы его реализации трансформировались под воздействием различных факторов;
- закон требует качественного пересмотра вследствие формирования новых моделей миграционного поведения.

Информационную базу исследования составили официальные статистические данные, материалы Международной организации по миграции, Международной организации труда, Всемирного банка, Международного центра по развитию миграционной политики, а также научные публикации отечественных и зарубежных исследователей.

Ограничения исследования.

1. Исследование ограничено недостаточной полнотой и достоверностью официальной статистики о внутренних мигрантах в Республике Таджикистан, что затрудняет комплексную количественную оценку современных миграционных потоков.

2. Существенным ограничением исследования является недостаточный статистический учет образовательной миграции, вследствие чего ее влияние на структуру и динамику международной миграции Таджикистана остается недостаточно изученным.

3. Дополнительным ограничением исследования является отсутствие систематизированной статистической информации о мигрантах, осуществляющих международную миграцию совместно с членами своих семей, что не позволяет в полной мере оценить масштабы и особенности семейной миграции.

Задача исследования. Проверить, насколько его законы выдержали испытанием временем, а также выяснить можно ли получить дополнительные научные результаты, используя предложенные Э.Равенштейном представления о различных функциях территорий в миграционном процессе.

Результаты исследования. Первым из ученых, который предпринял попытку выявить определенные закономерности в процессе миграции населения был английский ученый Эрнст-Георг Равенштейн, опубликоваший в конце XIX века три статьи, в которых были описаны первые законы миграции [9; 10; 11;]. Автором были выделены семь общих Законов миграции, а впоследствии другие авторы, изучая его работы добавили еще четыре закона.

Авторы аналитических обзоров, описывающих теории миграционного поведения, ссылаясь на классические статьи Э.Равенштейна, обычно предлагают для обсуждения одиннадцать законов миграции [1, с.36-42;]. Часть законов, представленных в этих публикациях, выдвинул сам Э. Равенштейн, часть аналитики

сами находили среди его рассуждений. Семь законов, выдвинутых непосредственно Э.Равенштейном, следующим образом описывают миграционные процессы:

1. Большая часть мигрантов перемещается лишь на короткие расстояния.
2. Закон всемирного тяготения применим к описанию вектора движения мигрантов: «Жители страны, окружающие быстрорастущий город, стекаются в него, уменьшая, таким образом, плотность ближайшего сельского населения, которое, пополняется мигрантами из более отдаленных районов.
3. Мигранты, отправляющиеся на большие расстояния, предпочитают крупные центры торговли и промышленности.
4. Каждый поток миграции создает компенсирующий противопоток.
5. Горожане реже мигрируют, чем жители сельских районов.
6. Женщины чаще мигрируют, чем мужчины, в случаях «длительных поездок на короткие расстояния».
7. Большинство мигрантов представляют собой взрослое население, семьи редко мигрируют за пределы своей страны.

П.П.Лисицын и А.М.Степанов справедливо указывают, что буквальная экстраполяция законов Э.Равенштейна на современность методологически ограничена, поскольку за последние 150 лет изменились рынок труда, банковские инструменты, информационные технологии, политическая карта мира и сами методы изучения миграции. Поэтому ценность законов Э. Равенштейна сегодня заключается не в механическом повторении его формул, а в современном переосмыслении поставленных им вопросов [3, с.16-24].

К законам, представленным Э.Равенштейном, исследователи добавляют тезисы, обнаруженные ими в рассуждениях. Некоторые из таких тезисов не являются очевидным следствием из его текстов, например, что «большинство мигрантов - взрослые люди, семьи редко переезжают за пределы страны». Некоторые же являются скорее уточнением, как например, тезис о том, что «миграции в основном направлены из сельскохозяйственных регионов в центры промышленности» [1, с.40].

Таким образом, семь законов превращаются в девять, десять и даже одиннадцать. Вместе с тем некоторые тезисы, представленные аналитиками как законы миграции, действительно можно вывести из его рассуждений в качестве самостоятельных утверждений. Например, что главные причины миграции – экономические и что население больших городов увеличивается больше за счет миграционного, чем естественного прироста.

Мы в данной статье ограничимся только семью законами Э.Равенштейна и исследуем их применимость к экономике Таджикистана.

Первый закон Э.Равенштейна относится к числу базовых положений классической миграционной теории. Уточняет его теорию Т.Чемпион, показывая, что даже в условиях XXI века, несмотря на глубокие изменения в экономике, обществе, технологиях и пространственной организации расселения, короткие дистанции перемещения продолжают играть значимую роль [5, с.269-290]. Вместе с тем П.Рис и Н.Ломакс справедливо отмечают, что законы Э.Равенштейна не сле-

дует воспринимать как неизменные универсальные законы человеческого поведения. По их мнению, еще в ходе обсуждения работы Э.Равенштейна было признано, что его положения являются не абсолютными правилами, а эмпирически обобщениями, характерными для конкретного времени, территории и доступных статистических данных [12, с.351-412].

Рассмотрим этот закон применительно к Таджикистану (см. табл. 1.).

Таблица 1. Количество мигрантов в Республике Таджикистан и страны-назначения

Направление трудовой миграции	Всего	6 месяцев и меньше	7-12 месяцев	Свыше 12 месяцев
	Человек			
Всего:	**553868**	**156538**	**150444**	**246886**
Афганистан	242	-	-	242
США	1047	359	329	359
Киргизстан	290	142	-	148
Казахстан	2144	1361	377	406
Украина	406	-	-	406
Российская федерация	548942	154676	149738	244908
Чехия	417	-	-	417

Источник: Рынок труда в Республике Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2025. С.308

Согласно таблице 1, закон Э.Равенштейна в условиях Республики Таджикистан подтверждается не в классическом географическом, а в институционально-экономическом смысле. С позиции физического расстояния первый закон Э.Равенштейна подтверждается слабо, поскольку основной поток направляется не в ближайшие соседние страны – Узбекистан, Кыргызстан или Китай, а в Россию, находящуюся на значительном расстоянии. Однако, с позиций миграционной доступности Россия выступает для таджикских мигрантов «близким» направлением: сохраняется безвизовый режим, действует постсоветское языковое и институциональное пространство, сформированы устойчивые диаспоральные сети, а рынок труда России многие годы остается главным центром притяжения рабочей силы из Центральной Азии.

Следовательно, первый закон Э.Равенштейна применительно к Республике Таджикистан следует считать частично трансформированным: мигранты выбирают не обязательно ближайшую по километрам страну, а наиболее доступное направление с точки зрения занятости, правого режима, транспортных маршрутов, языка и миграционных сетей. В этом смысле Россия и Казахстан формируют для таджикских трудовых мигрантов своеобразную «ближнюю миграционную зону», тогда как США, Европа и другие страны остаются второстепенными.

Однако следует отметить, что этот закон сохраняет значение прежде всего при анализе внутренней миграции в Таджикистане.

Рисунок 1 – Направление маятниковой миграции в город Душанбе из регионов Республики Таджикистан.

Перемещения населения из сельских поселений в областные города, а также из регионов в город Душанбе во многом соответствует утверждению, что мигранты перемещаются на короткие дистанции. Такая модель особенно характерна для групп населения, которые не обладают достаточными финансовыми ресурсами, устойчивыми внешними миграционными сетями, опытом международной миграции или необходимыми цифровыми навыками для выхода на более удаленные рынки труда. В этом отношении расстояние продолжает выполнять сдерживающую функцию: чем выше стоимость перемещения, неопределенность трудоустройства и социальные риски, тем выше вероятность выбора более близкого направления миграции (см. рис. 1.).

Второй закон раскрывает поэтапный характер миграционного процесса. В его классической формулировке рост крупного города вызывает последовательное перераспределение населения: сначала в город переселяются жители ближайших сельских территорий, затем освободившиеся места занимают мигранты из более удаленных районов, после чего данный процесс повторяется дальше, пока влияние крупного центра не распространяется на все более отдаленные территории. Следовательно, миграция понимается не как единичный прямой переход из периферии в конечный центр притяжения, а как цепочка последователь-

ных перемещений, в которой одни территории выступают зонами выбытия, другие – зонами поглощения, а третьи – промежуточными звеньями передачи миграционного потока [10, с.167-235]. Анализируя закон миграции Т.Чемпион предлагает современный инструмент его проверки. Через категории «передачи» и «поглощения» населения автор показывает, что территория может выполнять разные функции в миграционном процессе. Одни территории удерживают прибывшее население и тем самым замедляют дальнейшее движение; другие напротив, выступают транзитными зонами, через которые население перемещается дальше. Такой подход важен для современного анализа миграции, поскольку позволяет выявить не только направление миграционного потока, но и роль конкретной территории в общей системе перераспределения населения [5, с.271, 274].

Применительно к Таджикистану в целом это подтверждается. Внутренняя миграция преимущественно развивается по схеме «сельское население-областной центр-город Душанбе», после чего для значительной части населения следующим этапом становится международная трудовая миграция. Такой поэтапный характер миграции подтверждается тем, что город Душанбе является основным центром внутреннего притяжения населения.

В отличие от классической модели Э.Равенштейна, где конечной точкой миграции выступает крупный город, в Таджикистане наблюдается двухступенчатая миграционная модель: первоначально население перемещается из сельских территорий в крупный город страны, а затем часть мигрантов переходит на следующий этап – международную миграцию. Такая последовательность особенно характерна для тех групп, которые сначала стремятся получить образование, профессиональные навыки, социальные связи, трудовой опыт или финансовые ресурсы внутри страны, а затем принимают решение о внешней миграции. В этом смысле поэтапность сохраняется как механизм социальной, профессиональной и пространственной адаптации.

Следующий закон Э.Равенштейна отражает положение о том, что мигранты, совершающие перемещения на большие расстояния, преимущественно направляются в крупные центры торговли и промышленности. П.Рис и Н.Ломакс подчёркивают, что в современных условиях урбанизация может сочетаться с субурбанизацией, контрурбанизацией и реурбанизацией. Следовательно, центр притяжения меняется вместе со структурой экономики и рынком труда [12, с.400]. Т.Чемпион также показывает, что в XXI веке миграционные процессы уже не всегда направлены к классическому промышленному – торговому центру. Это означает, что крупный центр может одновременно выполнять функции притяжения, перенасыщения, перераспределения и транзита населения [5, с.273].

Закон Э.Равенштейна в условиях Таджикистана подтверждается с высокой степени. Несмотря на значительную географическую удаленность подавляющее большинство мигрантов направляются в Россию и в значительно меньшей степени-в Казахстан, которые являются крупнейшими экономическими и промышленными центрами Евразийского пространства (см. табл.1.). При этом мигранты концентрируются не в периферийных районах принимающих стран, а в круп-

нейших экономических агломерациях, прежде всего в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, а также Алматы и Астане, где сосредоточены наиболее ёмкие рынки труда, объекты строительства, промышленного производства и сферы услуг. Дополнительным подтверждением также является профессиональная структура занятости мигрантов. Следует отметить, что 74,1% заняты в строительстве, 10,8% – в торговле, 4,8% – в промышленности и 5,4% – в сельском хозяйстве, что свидетельствует о преобладании отраслей, традиционно локализованных в крупных индустриальных и торговых центрах принимающих стран [7, с.18-19].

Таким образом, в отличие от первых двух законов, этот закон практически полностью подтверждается в экономике Таджикистана.

Четвертый закон Э.Равенштейна относится к числу наиболее устойчивых положений классической миграционной теории. Согласно его формулировке, любой миграционный поток неизбежно вызывает встречное движение населения в противоположном направлении. Тем самым миграция рассматривается как динамичный процесс постоянного обмена населения между территориями.

Данная закономерность для экономики Таджикистана подтверждается, однако встречная миграция имеет существенно меньшие масштабы и отличается по своей структуре. Так, в 2024 году в Республику Таджикистан прибыло 25,2 тыс. человек, тогда как выбыло 33,4 тыс. человек, вследствие чего миграционное сальдо составило – 8,2 тыс. человек, что показывает наличие двустороннего обмена населением при явном преобладании эмиграционного потока[1]. Обследование возвратных мигрантов показывает, что большинство возвратившихся прибывают после завершения трудовых контрактов, изменения экономической ситуации, депортации либо по семейным обстоятельствам формирует устойчивый встречный поток по отношению к основной трудовой эмиграции.

По данным МОМ, возвратная миграция в Республику Таджикистан в настоящее время характеризуется высокой пространственной концентрацией и цикличностью миграционных потоков, что позволяет рассматривать ее как современную форму проявления четвертого закона, согласно которому каждому миграционному потоку соответствует встречный миграционный поток по отношению к основной трудовой эмиграции.

Наиболее распространёнными причинами возврата стали семейные обстоятельства – 29%, депортация, ксенофобия, нарушение прав мигрантов и последствия террористического акта в Российской Федерации – 25%, проблемы с документами – 10%, экономические причины – 10%, завершение трудовой деятельности - 8 % и ухудшение состояния здоровья – 7% [2, с.20-22]. Таким образом, применительно к современному Таджикистану встречные миграционные потоки определяются не только экономическими различиями между странами, но и институциональными, политико-правовыми, социальными и семейными обстоятельствами.

[1] Рынок труда в Республике Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2025. С.308.

Современная возвратная миграция существенно отличается от классической модели XIX века тем, что возвращение в страну происхождения всё чаще не означает завершения миграционного процесса. Исследование МОМ показало, что 57% возвратившихся мигрантов намерены вновь выехать за рубеж, из них 40% планируют осуществлять циркулярную миграцию между Таджикистаном и принимающей страной, 9% намерены окончательно вернуться в прежнюю страну пребывания, а еще 8% рассматривают возможность миграции в третьи страны [2, с.22].

В условиях Таджикистана четвертый закон Э.Равенштейна сохраняет свою значимость, однако приобретает качественно новое содержание. Если в классической интерпретации встречный поток представлял собой преимущественно компенсирующее обратное перемещение населения, то современная возвратная миграция трансформировалась в устойчивую систему возвратной и циркулярной мобильности, при которой перемещение населения между страной происхождения и государствами назначения становится постоянным элементом функционирования международного рынка труда.

Согласно пятому закону, сельские жители чаще принимают решение о перемещении вследствие ограниченных возможностей занятости, более низкого уровня доходов и стремления улучшить условия жизни. В результате именно сельская местность выступает главным источником миграционных потоков, тогда как города являются основными центрами их притяжения [10, с.199-200].

С учетом особенностей национальной экономики указанный закон подтверждается практически полностью. Это обусловлено тем, что сельские районы страны отличаются более высоким уровнем скрытой безработицы, ограниченными возможностями диверсификации занятости и значительной зависимостью населения от низкодоходного сельского хозяйства. Следует отметить, что 76% трудовых мигрантов Таджикистана являются выходцами из сельской местности. Так, в 2024 г. из Хатлонской области выбыло 16,9 тыс. человек, из Согдийской области – 7,4 тыс. человек, тогда как на их долю приходится основная часть сельского населения республики, что свидетельствует о тесной взаимосвязи между аграрной структурой экономики и миграционной активностью населения[1].

Следующая закономерность, сформулированная Э.Равенштейном гласит: «Во внутренних миграциях более активны женщины, в международных – мужчины». С позиций современной миграционной теории гендер все чаще рассматривается не как самостоятельная причина миграции, а как фактор, который влияет на доступ к ресурсам, информации, рынку труда и социальным сетям. В рамках концепции стремления и возможности Х. де Хааса миграция зависит одновременно от стремления мигрировать и способности реализовать это стремление. Гендер оказывает влияние на обе составляющие через социальные нормы, семейные обязанности, образование и доступ к экономическим возможностям [6, с.10-14].

[1] Рынок труда в Республике Таджикистан. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2025. С.300.

В реалиях экономики Таджикистана рассматриваемая закономерность в значительной степени подтверждается, хотя за последние годы наблюдается постепенное изменение гендерной структуры миграционных потоков. Международная миграция по-прежнему носит преимущественно мужской характер: по данным Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан по состоянию на сентябрь 2024 г. из всего мигрируемых людей 73% составляли мужчины и 27% – женщины, что свидетельствует о сохранении доминирующей роли мужчин в международной трудовой мобильности [8, с.3].

Вместе с тем анализ долгосрочной динамики показывает постепенную феминизацию международной миграции. Если в предыдущие годы женщины составляли около 11% трудовых мигрантов, то к 2020 г. их доля увеличилась до 16%, что связано с расширением занятости женщин в сфере торговли, общественного питания, бытовых услуг и ухода, а также с развитием самостоятельной женской трудовой миграции [7, с.18-19].

Исследования Международной организации по миграции показывают, что женщины значительно чаще участвуют в перемещениях, связанных с получением образования, вступлением в брак, воссоединением семьи и переездом в крупные города, прежде всего в Душанбе, тогда как мужчины в большей степени ориентированы на международную трудовую миграцию. Таким образом, гендерная специализация миграционных потоков, описанная Э.Равенштейном более ста лет назад, в целом сохраняется и в Таджикистане.

В следующий, предложенной закономерности Э.Равенштейн утверждает, что основную массу мигрантов составляют лица трудоспособного возраста, тогда как международная миграция семей встречается значительно реже.

Современные исследования подтверждают, что возраст остаётся одним из наиболее устойчивых факторов миграционного поведения. В большинстве стран мира наибольшую миграционную активность демонстрируют молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет. Именно эта возрастная группа характеризуется наиболее высокой трудовой мобильностью, стремлением к повышению доходов, профессиональному росту и освоению новых возможностей. Несмотря на существенные изменения в структуре экономике и технологиях, молодое трудоспособное население по-прежнему демонстрирует значительно более высокую мобильность по сравнению с детьми и пожилыми возрастными группами (см. табл.2.)

Таблица 2 – Возрастная структура мигрантов из Республики Таджикистан

Возраст, лет	Всего	6 и менее месяцев	7-12 месяцев	более 12 месяцев
	Человек			
Всего	553868	156538	150064	246886
15-19	24545	7538	8163	8845
20-24	101325	29876	29082	42367
25-29	125677	35621	32967	57089
30-34	101877	30676	22814	48387
35-39	63561	16951	18696	27914
40-44	53433	14886	14184	24364
45-49	34609	6860	10845	16985
50-54	31127	10093	6957	13697
55-59	13674	2801	4876	5997
60-75	3958	1237	1480	1241
Средний возраст	32,8	32,4	32,9	33,1

Источник: Рынок труда в Республике Таджикистан Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан.2025. Душанбе. С.300

Анализ возрастной структуры внешних трудовых мигрантов Республики Таджикистан свидетельствует о том, что закономерность Э. Равенштейна сохраняет свою значимость. Следует отметить, что средний возраст таджикских мигрантов составляет 32,8 года, причем по мере увеличения продолжительности пребывания за рубежом данный показатель возрастает с 32,4 года среди мигрантов, находившихся за границей менее шести месяцев, до 33,1 года среди лиц, пребывающих за рубежом более одного года (см. табл. 2.). Это свидетельствует о том, что наиболее устойчивыми участниками международной трудовой миграции являются лица зрелого трудоспособного возраста, обладающие достаточным профессиональным опытом, физической мобильностью и высокой конкурентоспособностью на внешнем рынке труда.

Возрастное распределение мигрантов также подтверждает доминирование экономически наиболее активных возрастных групп. Так, наибольшая доля приходиться на лиц 25-29 лет – 22,7%, далее следуют возрастные группы 20-34 года – 18,3% и 30-34 года – 18,4%. В совокупности возрастная категория 20-24 года охватывает 59,4% всех внешних мигрантов, то есть практически три пятых миграционного потока. Если дополнительно учитывать группу 35-39 лет – 11,5%, то доля мигрантов в возрасте 20-39 лет достигает 70,9%, что свидетельствует о высокой концентрации миграции именно среди населения наиболее

продуктивного трудоспособного возраста. Напротив, участие молодежи 15-19 лет остается относительно невысоким, что составляет 4,4%, а лиц старше 55 лет – лишь 3,2%, что отражает снижение миграционной активности по мере приближения к пенсионному возрасту.

Вместе с тем вторую часть закономерности Э.Равенштейна, согласно которой семьи редко мигрируют за пределы своей страны, мы не смогли доказать в силу отсутствия статистических данных. Семейная миграция существует, но она не формирует основной поток и не имеет устойчивой официальной динамики в национальной статистике.

На основе анализа миграционного процесса предлагаем матрицу сохранения и трансформации законов миграции Э.Равенштейна (см. табл.3.)

Таблица 3 – Матрица сохранения и трансформации законов миграции Э.Равенштейна в условиях Республики Таджикистан

	Законы Э. Равенштейна	**Итоговая оценка**
1.	Большинство мигрантов перемещается преимущественно на короткие расстояния	Частично трансформирован
2.	Закон всемирного тяготения применим к описанию вектора движения мигрантов: «Жители страны, окружающие быстрорастущий город, стекаются в него, уменьшая, таким образом, плотность ближайшего сельского населения, которое, пополняется мигрантами из более отдаленных районов	Частично трансформирован
3.	Мигранты, отправляющиеся на большие расстояния, предпочитают крупные центры торговли и промышленности	Сохраняется
4.	Каждый поток миграции создает компенсирующий противопоток	Частично трансформирован
5.	Горожане реже мигрируют, чем жители сельских районов	Сохраняется
6.	Женщины чаще мигрируют, чем мужчины, в случаях «длительных поездок на короткие расстояния»	Частично трансформирован
7.	Большинство мигрантов представляют собой взрослое население, семьи редко мигрируют за пределы своей страны	Частично трансформирован

Представленная матрица показывает, что ни один из рассмотренных законов миграции Э.Равенштейна не утратил полностью своей объяснительной способности применительно к миграционной системе Республики Таджикистан. Вместе с тем только третий и пятый законы сохраняются в форме, относительно близкой к их классическому содержанию. А остальные следует отнести к

частично трансформированным, поскольку базовые закономерности сохраняются, но изменяются пространственные масштабы, институциональные условия и механизмы формирования миграционных потоков. Полученные результаты подтверждают выдвинутую исследовательскую гипотезу, однако их современная реализация определяется институциональными условиями, структурой национального рынка, миграционными сетями, гендерными изменениями и распространением циркулярной миграции.

Проведенное исследование показало, что классические законы миграции Э.Равенштейна сохраняют свою научную и теоретическую ценность при анализе современных миграционных процессов Республики Таджикистан. Однако их проявление существенно модифицируется под воздействием институциональных изменений, особенностей функционирования рынка труда, миграционных процессов и современных социально-экономических условий. На основе анализа установлено, что отдельные законы сохраняют свою актуальность практически в неизменном виде, тогда как другие требуют современной интерпретации с учетом специфики национальной миграционной системы.

Литература

1. Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. – 2013. – №16. – С.36-42.
2. Возвращение и реинтеграция мигрантов в Центральной Азии: результаты обследования возвратных мигрантов в Центральной Азии. Раунд IV. – Алматы: Международная организация по миграции, 2024. – С.20-22.
3. Лисицын П.П., Степанов А.М. Новые законы миграции Э.Равенштайна // Социологические исследования. – 2022. – №8. – С.16-24.
4. Яковлева Е. Б. История и теории миграционных процессов // Теория и практика общественного развития. – 2017. – №3. – С.20-23.
5. Champion T. Updating ravenstein: Internal migration as a driver of regional population change in the Wider South East of England // Comparative Population Studies. – 2019. – Vol. 44. – P. 269–290
6. de Haas H. A Theory of migration: The aspirations-capabilities framework // Comparative migration studies. – 2021. – Vol.9. – P.10-14.
7. International centre for migration policy development. Migration profile Tajikistan. – Vienna, 2020. – P.18-19. [Electronic resource]. – Access mode: https://migrants-refugees.va/wp-content/uploads/2021/03/2020-CP-Tajikistan-EN.pdf (дата обращения: 27.07.2026).
8. International organization for migration. Tajikistan – Migration Situation Report №3 (July–December 2024). – Geneva: International organization for migration, 2025. – P.3. [Electronic resource]. – Access mode: https://dtm.iom.int/reports/tajikistan-migration-situation-report-3-july-december-2024 (дата обращения: 27.07.2026).
9. Ravenstein E.G. The birthplace of the people and the laws of migration // The Geographical magazine. – 1876. – №3. – P.173-233.
10. Ravenstein E. G. The laws of migration // Journal of the royal statistical society. – 1885. – Vol.48. – P.167-235.
11. Ravenstein E. G. The laws of migration: second paper // Journal of the royal statistical society. – 1889. – Vol.52. – P.241-305.
12. Rees P., Lomax N. Ravenstein Revisited: The analysis of migration, then and now // Comparative population studies. – 2019. – Vol.44. – P.351-412.

TRANSFORMATION OF E.RAVENSTEIN'S LAWS OF MIGRATION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: A THEORETICAL AND ANALYTICAL STUDY

Komilov Sirodjiddin Jaloliddinovich

Doctor of economics, professor,
professor at the chair of economic theory and world economy,
academician of the international higher education Academy of sciences
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzoda str., 30
Ph.: (+992) 917 50 54 01 (m.)
sirodj1950@mail.ru

Shoidarvozova Marziya Saidvalishoevna

Candidate of economic sciences, associate professor
Institute of humanities sciences named after academician B. Iskandarov
National Academy of sciences of Tajikistan
736000, Republic of Tajikistan, Khorog, Kholdorov str., 4
Ph.: (+992) 93 440 28 42 (m.)
mshoidarvozova@mail.ru

This article examines the applicability of E. Ravenstein's classical laws of migration to contemporary migration processes in the Republic of Tajikistan. The study's relevance stems from the significant role labor migration plays in ensuring population employment, generating household income, and fostering national economic development amidst the transformation of the global labor market and ongoing institutional changes. The aim of this study is to assess the extent to which E. Ravenstein's laws have been preserved or transformed within the context of modern-day Tajikistan. The study's scientific novelty lies in the development of a theoretical-analytical approach to interpreting classical migration laws—accounting for institutional factors, return migration, and circular migration—and in the proposal of a migration law transformation matrix. It was found that while most of E. Ravenstein's laws retain their theoretical significance, the mechanisms of their manifestation have changed substantially due to institutional reforms, contemporary socio-economic conditions, the development of migration networks, and the international labor market. The study concludes that a modern interpretation of classical migration theory principles is essential when analyzing migration processes in the Republic of Tajikistan and formulating effective state migration policy.

Keywords: population migration; E. Ravenstein's laws; labor migration; circular migration; return migration; labor market; migration policy; migration processes.

ТАҲАВВУЛИ ҚОНУНҲОИ МУҲОҶИРАТИ Э.РАВЕНШТЕЙН ДАР ШАРОИТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН: ТАҲЛИЛИ НАЗАРИЯВӢ ВА ТАҲЛИЛӢ

Комилов Сироҷиддин Ҷалолиддинович

Доктори илмҳои иқтисодӣ,
профессори кафедраи назарияи иқтисодӣ ва иқтисоди ҷаҳонии,
академики Академияи байналмилалии илмҳои мактаби олӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 917 50 54 01 (м.)
sirodj1950@mail.ru

Шоидарвозова Марзия Саидвалишоевна

Номзади илмҳои иқтисодӣ, дотсент
Институти илмҳои гуманитарӣ ба номи академик Б. Искандаров
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
736000, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хоруғ, кӯч. Холдоров, 4
Тел.: (+992) 93 440 28 42 (м.)
mshoidarvozova@mail.ru

Дар мақола мутобиқати қонунҳои классикии муҳоҷирати Э.Равенштейн ба равандҳои муосири муҳоҷират дар Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳқиқ карда шудааст. Мубрамияти мавзуъ бо нақши муҳими муҳоҷирати меҳнатӣ дар таъмини шуғли аҳолӣ, ташаккули даромади хоҷагиҳои хонаводагӣ ва рушди иқтисоди миллӣ дар шароити тағйирёбии бозори ҷаҳонии меҳнат ва дигаргуниҳои институтсионалӣ асоснок мегардад. Ҳадафи таҳқиқот муайян намудани дараҷаи нигоҳдорӣ ва тағйирёбии қонунҳои Э.Равенштейн дар шароити муосири Тоҷикистон мебошад. Навгонии илмии таҳқиқот дар таҳияи равиши назариявию таҳлилӣ барои тафсири қонунҳои классикии муҳоҷират бо дарназардошти омилҳои институтсионалӣ, муҳоҷирати бозгаштӣ ва даврӣ, инчунин дар пешниҳоди матритсаи трансформатсияи қонунҳои муҳоҷират ифода меёбад.Натиҷаҳои таҳқиқот нишон медиҳанд, ки аксари қонунҳои Э.Равенштейн аҳамияти назариявии худро нигоҳ доштаанд, вале механизмҳои татбиқи онҳо зери таъсири тағйироти институтсионалӣ, рушди иҷтимоию иқтисодӣ, шабакаҳои муҳоҷират ва бозори байналмилалии меҳнат ба таври назаррас тағйир ёфтаанд. Хулоса карда мешавад, ки барои таҳлили равандҳои муҳоҷират дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва такмили сиёсати давлатии муҳоҷират тафсири муосири қонунҳои классикии муҳоҷират зарур мебошад.

Калидвожаҳо: муҳоҷират; қонунҳои Э.Равенштейн; Ҷумҳурии Тоҷикистон; муҳоҷирати меҳнатӣ; тағйироти институтсионалӣ; муҳоҷирати даврӣ; муҳоҷирати бозгаштӣ; бозори меҳнат; сиёсати муҳоҷират; равандҳои муҳоҷират.

УДК 338.2; 314.7

ТАДЖИКИСТАН: ИНВЕСТИЦИИ, ИННОВАЦИИ И МИГРАЦИЯ

Ткаченко Александр Александрович

Доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Институт исследований международных экономических отношений (Москва)
Тел.: +7 985 981 14 85
AlAlTkachenko@gmail.com, AATkachenko@fa.ru
SPIN-код: 4164-7174
AuthorID: 696085
orcid.org/0000-0002-8828-1761
Scopus ID: 57218891580

В статье рассматриваются два взаимосвязанных компонента: инвестиции в таджикскую экономику и внешняя трудовая миграция граждан Таджикистана и их переводы как важнейшая часть внешних финансовых потоков в страну. Выделяется переориентация национального правительства с внешних займов у стран на сотрудничество с международными финансовыми институциями. Подробно проанализирована роль и возможности программы развития транспортного комплекса Таджикистана, сделан вывод о необходимости перспективного видения, так как инвестиции в транспортную инфраструктуру носят долгосрочный характер. Отмечено низкое участие российского капитала в развитии транспортной инфраструктуры Таджикистана в отличие от Китая и международных организаций. Изменения направлений и объемов внешней трудовой миграции рассмотрены во взаимосвязи с ужесточением миграционной политики России, которое не всегда оправдано, проведена параллель с таким же изменением политики правительства США. Сделан вывод, что без учета большого разнообразия этнокультурных характеристик стран Содружества независимых государств, что входит в фидуциарную обязанность Россия как федерального государства, СНГ не сможет успешно развиваться и тем более интегрироваться далее.

Ключевые слова: экономическое развитие; транспортная инфраструктура; государственные инвестиции; прямые иностранные инвестиции; транспортные коридоры; миграция населения Таджикистана; денежные переводы мигрантов.

Одной из целей Национальной стратегии развития Республики Таджикистан до 2030 года, утвержденной постановлением Высшего собрания Таджикистана 01.12.2016[1], стало обеспечение выхода из коммуникационного тупика и превращение Таджикистана в транзитную страну путем строительства и реконструкции транспортной инфраструктуры, создания транзитных транспортных коридоров,

[1] Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. URL: https://khovar.tj/wp-content/uploads/2017/01/NSR-2030_russkij.pdf (дата обращения: 02.04.2026)

развития транспортного обеспечения промышленных зон экономического роста и обеспечения эффективной работы транспорта и транспортной инфраструктуры.

Таджикистан относится к одним из самых быстрорастущих экономик мира: 8,4% в 2025 г.[1] и 6,5% в 2026 г. при среднемировом показателе в 3,2%, по данным ВБ[2]. При этом аналитики этого банка указывают, что столь высокий темп прироста экономики связан/происходит благодаря денежным переводам в страну, как и некоторое снижение в 2026 г. ожидается из-за уменьшения денежных переводов – это связано в первую очередь с таким важным реципиентом трудовой миграции, как российская экономика. Поэтому в статье будет уделено внимание динамике трудовой миграции в последние годы.

Таджикистан стал первым из государств Центральной Азии, принявшим долгосрочную стратегию с эшелоном до 2040 г. в важнейшей современной области развития любой экономики – искусственного интеллекта (ИИ). Это – «Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года», принятая в сентябре 2025 г.[3] Важно также отметить, что координирует выполнение этой Стратегии институциональный орган, подчиненный не правительству, а президенту страны – Агентство инноваций и цифровых технологий при Президенте Республики Таджикистан[4].

В определенной мере страны могут характеризоваться по уровню развития ИИ и возможностям его применения Индексом готовности правительств к внедрению искусственного интеллекта (Government AI Readiness Index), разрабатываемым и отслеживаемым Oxford Insights, последнее 7-е издание глобального рейтинга которого вышло в 2024 г. Индекс оценивает способность стран использовать ИИ в государственном секторе. Из стран ЦА самый высокий индекс у Узбекистана – 53,45 балла, у Казахстана он составляет 51,41, у Армении – 44,51, у а индекс Таджикистана (36,72) близок по значениям к уровню Азербайджана (39,92) и Беларуси (39,24).

Развитие через инвестирование в транспортную инфраструктуру.

Национальная стратегия развития Республики Таджикистан – 2030 поставила задачу превращения страны в транзитный узел, что требует не только реконструкции существующей транспортной инфраструктуры, но также создания новых транспортных коридоров для транзита из стран Азии в страны Европы. Подобные глобальные задачи не только интегрируют страну в глобальную экономику, но и требуют больших инвестиций. Речь в первую очередь идет о инвестициях иностранных инвесторов, включая не только частные структуры, но и государственные, а также международные банки и официальную помощь в целях развития (Official development assistance), по которой, например, проходит программа финансирования Рогунской ГЭС. Пока, судя по выступлению официального

[1] По реальному росту эта цифра немного ниже – 7,5%, но ставит темп роста страны в топ-10 мира вслед за Кыргызстаном, из других стран ЦА только Узбекистан входит в мировой топ-20 с 6,8%.
[2] https://naked-science.ru/community/1132144
[3] Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 сентября 2022 г. за №4834; изменена Аостановлением от 31 января 2025 г. №83.
[4] в июне 2025 г. также было открыто вычислительное учреждение Darya AI.

представителя Таджикистана на Международном транспортно-логистическом форуме в Санкт-Петербурге (2026), объем в 2,7 млрд долл. был реализован за счет государственных инвестиционных средств[1]. Разумеется, решение такого крупного по вложениям капитала вопроса как инвестиции в транспортную инфраструктуру не может быть решено без частного капитала и международных инвестиционных фондов. Это осознают и исследователи, ставящие вопрос о равенстве прав отечественных и зарубежных инвесторов [cafa].

Таджикская экономика открыта для всех стран, желающих направить в неё прямые инвестиции, но пока в прямых иностранных инвестициях (ПИИ) доминирует Китай. Инвестиции в другие сектора экономики по сравнению инфраструктурой рассмотрены в работе [6] с точки зрения изменений структура капитала и новых приоритетов таджикского правительство, предпочитающего многосторонние финансовые институты.

Необходимо отметить, что «Государственная программа развития транспортного комплекса Таджикистана на 2026-2030 годы» рассчитана на 5 лет, которые недостаточны для осуществления инфраструктурных проектов, всегда требующих больших средств, прогностической оценки, долгосрочных программ, которые периодически пересматриваются и дополняются, а главное – перспективного видения. Пятилетняя программа дать такого не может, какой бы отработанной она не была. В России в 2017 г. также была утверждена государственная программа Российской Федерации «Развитие транспортной системы», срок действия которой не обозначен, но источники и объекты финансирования расписаны по 2030 г., к тому же она действует, и это важно для видения перспективы, в рамках «Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года», что конечно для стратегии недостаточно, поэтому ведётся разработка актуализированных документов до 2050 года. С одной стороны, это подчеркивает понимание актуальности долгосрочности стратегий, а, с другой, свидетельствует о неверном подходе в первых шагах по разработке стратегии и отсутствии концептуального видения. Такой подход может быть связан с тем, что программа до 2030 г. была направлена на решение сугубо внутренних проблем развития транспорта в России и ставила основной задачей создание транспортной сети, связывающей все регионы страны, т.е. была только программой внутреннего регионального развития. Из всех стран Центральной Азии (ЦА) только Казахстан имеет долгосрочную стратегию «Казахстан 2050», но она имеет, несмотря на выработанные 7 основных целей, весьма общий характер по формулировке главной цели – создание общества благоденствия.

Таджикская программа направлена на решение другой целенаправленной задачи по сравнению с программами России, стран ЦА и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), но при наличии серьёзного географического ограничения (93% горной местности), что требует сложного расчёта различных последствий и учета общеизвестного мирового феномена – удорожания строительства при

[1] https://asia-today.news/03042026/8009/

нарушении плановых сроков и при обнаружении неучтенных препятствий природного характера.

На указанном выше Международном транспортно-логистическом форуме (Санкт-Петербург, 2026) было отмечено, что в рамках стратегии превращения Таджикистана в транзитный узел кроме государственных инвестиционных проекта реализуется 16 проектов с использованием государственных инвестиций на общую сумму 1,2 млрд долл.[1] Следовательно, пока государственное инвестирование в Таджикистане играет роль основной оси, на которую могут нанизываться частные инвестиции, опирающиеся на государственное видение перспектив осуществления проекта. Так, по конкретным направлениям развития транспортного комплекса на ближайшие 5 лет согласно указанной Государственной программы предусмотрена реализация проектов со следующими долями участия: на общую сумму около 19,2 млрд сомони (примерно 2 млрд долл.), из которых 85,98% планируется привлечь у международных инвесторов и 12,92% у местного частного бизнеса. При этом ставка государства (его доля составляет 0,99%) сделана на привлечение внешних инвестиций и развитие механизма ГЧП и, кроме того, часть госучастия будет реализована в виде налоговых и таможенных льгот[2].

Необходимо отметить новую политику правительства Таджикистана по отношению к внешнему долгу страны. Особенно значимым выглядит уменьшение долга по китайским займам, в первую очередь Экспортно-импортному банку (Эксимбанк). Так, в середине 2026 г. доля долга этому банку среди 5 крупнейших банков-кредиторов уменьшилась до 38,16%[3] по сравнению с 54% в 2019-2020 гг.[4], а в общем объеме внешнего долга до менее четверти – 23,8%. Этому способствует и переход с 2018 г. на новые таджикско-китайские отношения в сфере кредитования: инфраструктурные проекты осуществляются только на средства безвозмездных грантов. Именно эти проекты являются узловыми для ускорения экономического развития в целом и эффективного входа таджикской экономики в мировую. К сожалению, российские банки не предоставляют средств на развитие инфраструктуры Таджикистана, не видя, вероятно, своей долгосрочной выгоды. Российское правительство предоставляло безвозмездные гранты (ассигнования Минфина России) только на строительство и оборудование русскоязычных школ в крупнейших городах Таджикистана. Безусловно, это укрепляет таджикско-российские отношения и в будущем может способствовать удовлетворению потребностей российского рынка труда в специалистах, но этого явно недостаточно. Во-первых, как следует из этого начинания, необходимо расширить приём выпускников этих школ в российские колледжи и университеты/вузы, может быть даже с установлением определенных нижних лимитов. Во-вторых, «уклонение»

[1] Официальный сайт новостного агентства Спутник Таджикистан, 03.04.2026. URL: https://tj.sputniknews.ru/20260403/tajikistan-prevraschenie-tranzit-uzel-1076574536.html (дата обращения: 03.04.2026).
[2] Рассчитано автором.
[3] Рассчитано автором по: Министерство финансов Республики Таджикистан: официальный сайт. Душанбе. URL: www.mifini.tj (дата обращения: 29.09.2026).
[4] https://pamirinside.org/3387

России от создания и расширения транспортной инфраструктуры в Таджикистане даёт еще больше преимуществ Китаю и расширяет исключительно китайскую инициативу BRI[1]. Более того, в строительство образовательных учреждений средства инвестирует и ЕБРР, но кроме того этот банк привлекает частные инвестиции в улучшение транспортной системы Таджикистана. Судя по меморандуму ЕБРР и Таджикистана о взаимопонимании по стратегической дорожной карте многолетних инвестиций на 2026-2030 годы[2], банк осознает перспективы выгоды как для себя, так и для таджикской экономики. Столь перспективный взгляд у российских партнеров находится лишь на пути признания или даже отсутствует. Только в мае 2026 г. Евразийский банк развития (ЕАБР) заключил Соглашение о финансировании строительства первого участка автомобильной дороги Лабиджар – Калайхумб, на что может быть обратят внимание и российские банки. Но пока речь идет лишь о 10-километором участке, и пока не говорит о перспективах развития постоянных отношений ЕАБР с Таджикистаном в области развития транспортной инфраструктуры[3].

Длительные инвестиционные проекты.

После очень длительных для страны периодов поисков инвесторов в строительство Рогунской ГЭС Таджикистан осуществляет масштабный проект достройки под эгидой Всемирного банка (ВБ), который в настоящее время осознает экономическую, социальную и в области занятости важность строительства как для страны, так и всего центральноазиатского региона. Именно будущая возможность прорывной эффективности использования энергетических ресурсов стран Центральной Азии благодаря гидроэлектростанциям Таджикистана делает этот проект столь привлекательным для международных банков и фондов. К сожалению, российские частные инвесторы (компания «Русал») не смогли прийти к соглашению и войти в консорциум по достройке ГЭС. Поэтому в настоящее время привлечены средства ВБ, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Исламского банка развития, фондов ближневосточных стран, европейских структур и даже Фонда ОПЕК, но российского участия в столь эпохальном объекте ни со стороны частных структур, ни государственных нет. Косвенным, даже весьма косвенным, можно было бы признать участие через Евразийский банк развития, в котором Россия является ключевым участником, но предложенная банком сумма – 130 млн долл. слишком мала (2,58%), но даже она не была выделена. С учетом нового гранта ВБ[4], который довел суммарное финиширование до 5,34 млрд долл., что составляет 86,13% от прогнозируемой суммы общих затрат,

[1] Подробно этот вопрос по отношению к странам ЕАЭС был рассмотрен в статье М.О.Тураевой [4].

[2] Таджикистан и ЕБРР подписали меморандум о многолетних инвестициях до 2030 г. URL: https://investfuture.ru/articles/tadzhikistan-i-ebrr-podpisali-memorandum-o-mnogoletnikh-investitsiyakh-do-2030-goda-1186250599

[3] Сумма инвестирования пока незначительна – 18,5 млн.

[4] World Bank. Tajikistan – Second Phase of Sustainable Financing for Rogun Hydropower Project: Chair Summary (English). Washington, D.C.: World Bank Group. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/099070226144037217

предложение и без того было более чем скромным. И хотя таджикские авторы считают, что среди важных ресурсов страны находится потенциал развития различных отраслей промышленности, среди которых энергетический сектор отмечают лишь в частности [1]. Россия участвует только в одном энергопроекте – совместном предприятии «Сангтудинская ГЭС-1», образованном в 2005 г.; её инвестиции составляют всего 16 млрд руб.

Китай является основным источником ПИИ в Таджикистан (доля в портфеле ПИИ 55% -75%) и единственной страной из крупных вкладчиков, кто широко присутствует в важнейшем секторе экономики страны – транспортно-дорожной инфраструктуре[1]. Хотя Россия и занимает второе место среди источников ППИ (7%-11,4%), она значительно отстает от Китая, а её интересы в основном сосредоточены на строительстве Сангтудинской ГЭС-1, хотя ПИИ присутствуют в банковском секторе, как и у Казахстана, который присутствует среди крупнейших вкладчиков (5%-7%), направляя ПИИ также в пищевую промышленность и логистику. Среди крупнейших доноров присутствует также структура, условно относимая к Евросоюзу, чьи вложения составляют 8%-12% и в основном распределены между Великобританией, Швейцарией и Францией. Среди их вложений по различающимся направлениям - финансовое посредничество, ритейл, недвижимость стоит отметить аудит горнодобычи, на котором сосредоточен британский капитал. Это поможет Таджикистану избежать коллизий, возникших при строительстве Китаем горнодобывающего предприятия в Сербии.

В то же время вполне понятно решение Таджикистана заключить соглашение об участии в китайской инициативе Belt and Road Initiative (BRI), объем которой за более чем 12 лет своего существования составил по расчетам Университета Гриффита, Австралия (Griffith University)[2] около 1,4 трлн долл.[3] Никто из стран СНГ, ЕАЭС и ЕАБР вкладывать весомые средства в обновление и развитие дорожной инфраструктуры Таджикистана не может, но это не означает, что институты перечисленных образований не должны это делать. Развитие Содружества – СНГ, о котором в последнее время в России говорят и пишут не менее, если не более, чем о ЕАЭС, невозможно без обоюдоприемлемой цели сотрудничества, без помощи, особенно на не безвозмездной основе, со стороны более развитых и более «богатых» стран другим странам сотрудничества.

Роль миграция в развитии страны.

Изменения российской миграционной политики в 2025 и 2026 гг. обозначают как активизацию мер (резкую) по контролю за миграционными потоками, во-первых, сопровождаемое принудительной высылкой/выдворение иностранных граждан. Надо также отметить, что новые ограничения комментируют не законодательные или юридические органы, а Министерство внутренних дел РФ. Все эти меры непосредственно затрагивают граждан Таджикистана, которые занимают самую большей долю иностранных граждан в экономике Россией. Важность

[1] Подробно другие сектора экономики рассмотрены в работе А.К.Рахмонова [7].
[2] https://news.griffith.edu.au/2026/01/20/chinas-belt-and-road-engagement-hits-record-levels-in-2025/
[3] Накопленный объем прямого финансирования, инвестиций и строительных контрактов.

внешней трудовой миграции для экономического развития России можно подчеркнуть примерами из поведения российского бизнеса, который нарушает, по данным официального представителя МВД России, миграционное законодательство почти в 90% случаев при проведении так называемых «внеплановых проверок»[1]. Столь массовые нарушения показывают, что бизнес не может обходиться без трудовых мигрантов и поэтому идет на нарушения норм, а их ужесточение приведет лишь к поискам новых путей обхода. В статье [10] подробно рассмотрена российская правоприменительная практика последних лет, включая массовые выдворения, аннулирование документов, резкий рост административного контроля.

В то же время экономическая важность трудовой миграции признается не только национальными правительствами как стран-доноров, так и стран-реципиентов, по такой её аспект, как денежных переводы/ремиттансы, считаются международным сообществом настолько важными, что ставится цель максимизации влияния этих «жизненно важных потоков на развитие» (Глобальный форум по денежным переводам, инвестициям и развитию (GFRID)[2].

За период 2025-2026 годов в России резко активизировались меры по контролю за миграционными потоками и принудительному выдворению иностранных граждан. Более длительные изменения в российской миграционной политике по отношению к трудовым мигрантам рассмотрены в работе [9]. Официальные ведомства (в первую очередь Министерство внутренних дел РФ) регулярно публикуют статистику по высылке и комментируют новые ограничения, напрямую затрагивающие граждан Таджикистана, которые традиционно составляют значительную долю от общего числа приезжих. Поэтому вполне понятно, почему сравнительно быстро расширяется география таджикской трудовой миграции - рост выезда в страны Персидского залива, Великобританию, Южную Корею и Турцию.

Мы уже подчёркивали, что миграционная политика крупных федеральных государств-реципиентов (США, Канада и Германия) должна основываться на фидуциарной обязанности их правительств «по защите репутации этих стран как равноправных сообществ для любых внешних мигрантов, независимо от их этнической, культурной или гендерной принадлежности» [2, с.90]. В полной мере эта фидуциарная обязанность лежит на правительстве Российской Федерации, а её несоблюдение может подорвать основы Содружества независимых государств, которое имеет большое разнообразие этнокультурных характеристик, без учета которых СНГ не сможет прогрессивно развиваться.

Возможно и не стоит проводить параллель между новой миграционной политикой администрации США и новациями в российской миграционной политике по отношению к трудовым мигрантам, но это ужесточение неминуемо приводит к экономическим потерям в странах-инициаторах такой политики. Возьмем пример малого-среднего бизнеса, так как у него меньше шансов изменить ситуа-

[1] https://www.interfax.ru/russia/1115487
[2] Цит. по: [2, с.87]

цию и противодействовать американской службе ICE. Отель Grandview Lake Placid, расположенный в горном курортном городе на севере штата Нью-Йорк, не смог завершить ремонт к началу сезона из-за ареста венесуэльских рабочих и в результате упущенная выгода составила более 0.5 млн долл.[1] При этом найти замену в штате, испытывающем из-за миграционной политики нехватку рабочих рук, невозможно.

Подчеркнём, что ужесточение правовых и процедурных правил почти во всех случаях приводит к еще большим нарушениям у исполнителей этих правил. Американские публикации полны сообщений о депортациях людей без судимостей или нарушений других правил и даже граждан, имеющих законное право находится на территории США.

Укажем лишь, что доля пребывающих на территории этих стран мигрантов различна: в США она составляет более 17%, а в России – около 8%, при этом аналогичная средняя доля.[2] При этом

Для сравнения воздействия мер ужесточения миграционной политики правительств этих стран используем долю высланных по отношению к численности всех мигрантов. В 2025 г. доля высланных в США составляла приблизительно[3] 1,98% всех находившихся в стране мигрантов, в России аналогичный показатель составил 0,63%, но если сохранится существующая в 2026 году тенденция, то доля высланных возрастет до 1,25% к численности мигрантов до введения новых правил и до почти 3% по итогам действия новых ограничений, которые сократили и численность пребывающих на территории мигрантов[4].

Ужесточение правил и самого характера проведения акций ведомством ICE приводит к ухудшению не только условий бизнеса, но и демографической ситуации. По сообщению журнала «The Economist», оценка/демографические расчеты Бюджетное управление Конгресса США показывают, что в 2026 г. в стране будет на 2,3 млн чел. меньше в возрасте от 18 до 64 лет, по сравнению с оценкой на начало 2025 г. Таким образом, принудительная эмиграция иностранных работников ведет к уменьшению занятой рабочей силы и, следовательно, неминуемо к уменьшению ВВП. Эти последствия должны учитываться и институциональными органами российского государства для собственной оценки многовариантных последствий рестрикционной миграционной политики.

Численность граждан Таджикистана, получивших разрешительные документы на работу в России, началась снижаться с 2023 г., после достигнутого в 2022 г. максимума в 786,1 тыс. чел. и в 2024 г. составила по отношению к максимуму 84,4%. Оценивать данные 2025 и 2026 года не представляется возможным, так как они носят спорадический характер, а официальные публикации Росстата вы-

[1] Источник: The economic costs of Donald Trump’s immigration crackdown. A smaller workforce and slower growth. The Economist. 27.08.2026. URL: https://www.economist.com/finance-and-economics/2026/08/27/the-economic-costs-of-donald-trumps-immigration-crackdown

[2] Рассчитано по: [5]

[3] Американская администрация не даёт точной цифры, а лишь оценку.

[4] Рассчитано автором по официальным данным МВД России и The Economist. 27.08.2026.

ходят значительно позднее. По официальным данным число всех патентов на работу в 2026 г. выросло на 42%.

При этом значительно возросло число выданных разрешений на работу из визовых страны – на 42% в связи с решением российского правительства об увеличении этой квоты, хотя и не достигло утвержденной квоты в 279 тысяч человек[1]. Поэтому активная, как считают региональные органы власти, переориентация работодателей на визовые страны Азии в связи с дефицитом кадров говорит лишь о просчетах «новой» политики, которая не учитывает ни сложившиеся в последнее десятилетие структуры внешней миграции по странам, ни двухсторонних межстрановых соглашений о миграции населения стран СНГ, ни решение Экономического совета СНГ, принявшего Концепцию поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы, хотя Стратегии СНГ–2030 скорее свидетельствовала об отсутствии взаимоприемлемой точки зрения на перспективы создания общего рынка труда, как отмечалось в публикации 2023 года [3, с.32-33].

Литература

1. Раджабова З.С., Джураева Д.Х. Роль инвестиций в условиях трансформации экономики республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе: ТНУ, 2024. – №4-2. – С.185-190.
2. Ткаченко А.А. Международная миграция и реформы миграционной политики // Мир новой экономики. – 2024. – №18(1). – С. 80-92. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-80-92.
3. Ткаченко А.А. Миграционные интересы и устремления стран СНГ // Социально-трудовые исследования. – 2023. – №51(2). – С.27-37. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-51-2-27-37.
4. Тураева М.О. К вопросу о влиянии китайской стратегии на транспортное пространство ЕАЭС // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2018. – №1(61). – С.111-120.
5. Щербакова Е.М. Международная миграция по оценкам ООН 2024 года [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2025. – №1081-1082. – Режим доступа: https://demoscope.ru/weekly/2025/01081/barom01.php
6. Arakelyan M. & Khasanov RS overeign debt risks and multilateral investment flows in lower-middle-income // Central Asian economies. Central Asian Economic Review. – 2026. – №15(1). – P.74-92.
7. Rakhmonov A. K. The role of foreign investments in the socio-economic development of Tajikistan // Journal of International economic research. – 2025. – №20(4). – P.114-128.
8. Safarov S.B. Institutional legal guarantees and foreign direct investment efficiency: Analysis of the 2025 Tajik Investment Law // Eurasian journal of law and economics. – (2026. – №32(2). – P.201-219.
9. Schenk C. Controlling the crowd: The evolution of Russia's labor migration policy and institutional frameworks // Post-Soviet Affairs. – 2024. – №40(3). – P.189-205.
10. Urinboyev R. & Light M. Administrative regimes, expulsion, and the shifting geography of legal employment in Russia // Journal of ethnic and migration studies. – 2025. – №51(2). – P.341-359.

[1] На 2027 г. размер квоты сохранен.

TAJIKISTAN: INVESTMENTS, INNOVATIONS AND MIGRATION

Tkachenko Alexander Alexandrovich

Doctor of economic sciences, professor,
chief researcher
Financial university under the Government of the Russian Federation
Institute for Research in International economic relations (Moscow)
Ph.: +7 985 981 14 85
AlAlTkachenko@gmail.com, AATkachenko@fa.ru
SPIN code: 4164-7174
AuthorID: 696085
orcid.org/0000-0002-8828-1761
Scopus ID: 57218891580

The article examines two interrelated components: investments in the Tajik economy and external labor migration of citizens of Tajikistan and their remittances as the most important part of external financial flows to the country. The reorientation of the national government from external loans from countries to cooperation with international financial institutions is highlighted. The role and capabilities of the development program for the transport complex of Tajikistan were analyzed in detail, and a conclusion was made about the need for a long-term vision, since investments in transport infrastructure are long-term in nature. The low participation of Russian capital in the development of the transport infrastructure of Tajikistan, in contrast to China and international organizations, was noted. Changes in the directions and volumes of external labor migration are considered in connection with the tightening of Russian migration policy, which is not always justified, and a parallel is drawn with the same change in the policy of the US government. It is concluded that without taking into account the wide variety of ethnocultural characteristics of the countries of the Commonwealth of Independent States, which is part of the fiduciary responsibility of Russia as a federal state, the CIS will not be able to develop successfully, much less integrate further.

Keywords: economic development; transport infrastructure; public investment; foreign direct investment; transport corridors; migration of the population of Tajikistan; migrant remittances.

ТОҶИКИСТОН: САРМИЯТҲО, ИННОВАЦИЯ ВА МУҲОҶИРӢ

Ткаченко Александр Александрович

Доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор,
сармутахассиси илмӣ
Донишгоҳи молиявии назди Ҳукумати Федератсияи Россия
Институти тадқиқоти муносибатҳои иқтисодии байналмилалӣ (Москва)
Тел.: +7 985 981 14 85
AlAlTkachenko@gmail.com, AATkachenko@fa.ru
Рамзи SPIN: 4164-7174
Муаллиф: 696085
orcid.org/0000-0002-8828-1761
ID Scopus: 57218891580

Дар мақола ду ҷузъи ба ҳам алоқаманд баррасӣ шудааст: сармоягузорӣ ба иқтисоди Тоҷикистон ва муҳоҷирати кории хориҷии шаҳрвандони Тоҷикистон ва интиқоли маблағҳои онҳо ҳамчун ҷузъи муҳимтарини гардиши молии берунӣ ба кишвар. Тағйири самти ҳукумати миллӣ аз қарзҳои берунии кишварҳо ба ҳамкорӣ бо институтҳои молиявии байналмилалӣ таъкид шудааст. Нақш ва имкониятҳои барномаи рушди комплекси нақлиётии Тоҷикистон ба таври муфассал таҳлил шуда, дар бораи зарурати дурнамои дарозмуҳлат хулоса бароварда шуд, зеро сармоягузорӣ ба инфрасохтори нақлиётӣ хусусияти дарозмуддат дорад. Иштироки ками сармояи Россия дар рушди инфрасохтори нақлиётии Тоҷикистон дар муқоиса бо Чин ва созмонҳои байналмилалӣ зикр шудааст. Тағйирот дар самтҳо ва ҳаҷми муҳоҷирати кории хориҷиро дар иртибот ба ташдиди сиёсати муҳоҷирати Россия баррасӣ мекунанд, ки ин на ҳамеша асоснок аст ва мувозӣ бо ҳамин тағйирот дар сиёсати ҳукумати ИМА низ сурат мегирад. Хулоса мешавад, ки бидуни ба инобат гирифтани гуногунии хусусиятҳои этнофарҳангии кишварҳои Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил, ки ба масъулияти фидусиарии Россия ҳамчун давлати федеративӣ дохил мешавад, ИДМ наметавонад бомуваффақият инкишоф ёбад, камтар ҳамгироии минбаъда.

Калидвожаҳо: рушди иқтисодӣ; инфрасохтори нақлиётӣ; сармоягузории давлатӣ; сармоягузории мустақими хориҷӣ; долонҳои нақлиётӣ; муҳоҷирати аҳолии Тоҷикистон; интиқоли маблағҳои муҳоҷирон.

УДК 330.59 (575.3)

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Кодирзода Диловар Бахридин

Доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории и мировой экономики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 106 00 18 81 (м.)
dilovark@mail.ru

Сафарзода Навруз Умарали

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры национальной экономики и экономической безопасности
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 988 72 21 23 (м.)
cheh-16@mail.ru

В статье рассматриваются различные подходы к раскрытию экономической природы благосостояния населения, которые условно разделены на три группы, каждая из которых акцентирует внимание на различные аспекты изучения данной экономической категории. При этом также выделены основные факторы, содействующие росту уровня и качества жизни населения, а также показана роль среднего класса в решении социальных проблем общества. Особое внимание уделено экономическим факторам роста общественного благосостояния, так как от уровня производства Валового внутреннего продукта в республике во многом зависит решение вопросов удовлетворения растущих потребностей членов общества и повышения уровня благосостояния населения. В системе социальных факторов особое внимание уделено развитию образования, здравоохранения, предоставлению социальных гарантий и обеспечению безопасности граждан.

Ключевые слова: благосостояние населения; государственные институты; средний класс; социальная политика; бедность; общественные организации; социальные гарантии; уровень и качество жизни; образование; здравоохранение.

В современных условиях вопросы повышения уровня и качества жизни населения, как составных частей общественного благосостояния являются важнейшей задачей реализации социальной политики любого государства. Степень обеспечения не только материальных потребностей, но и соответствующих жилищно-коммунальных услуг, а также условий для реализации своих способно-

стей и квалификации выступают важнейшей характеристикой общественного благосостояния. Поэтому определение и изучение основных факторов повышения уровня благосостояния населения выступает важнейшей задачей современной экономической науки, на которые также особое внимание уделяют государственные и общественные институциональные структуры.

Как отметил в своем Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон: «… конфликты и неспокойная ситуация в различных регионах мира, усиление политического противостояния и санкций между крупными державами, стремительное вооружение, «холодная война», изменения климата, а также разрыв звеньев товарооборота и другие внешние факторы побуждают нас принимать своевременные меры для предотвращения отрицательного их влияния на экономику страны. В этом направлении нам необходимо путем осуществления национальных целей, прежде всего, обеспечивать национальную безопасность и устойчивое экономическое развитие, таким образом еще больше повышать уровень и улучшать качество жизни народа. Наш народ, как и другие жители цивилизованных стран, имеет моральное право на достойную жизнь. Именно в этом заключается высшая цель политики государства и Правительства Таджикистана. Правительство страны, используя все имеющиеся ресурсы и возможности, регулярно реализует грандиозные созидательные планы во имя улучшения условий жизни народа» [8, с.11]. Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон в своем обращении большое внимание уделил улучшению условий жизни граждан страны, особенно удовлетворению первоочередных потребностей в качественных товарах и услугах. Для решения этой важной задачи в республике реализуются различные государственные стратегии, программы и планы социально-экономического развития страны.

В республиках бывшего Советского Союза большое внимание было уделено исследованию общественного благосостояния. Среди ученых, посвятивших свои научные труды исследованию данной проблемы можно выделить В.М.Рутгайзера, А.Г.Аганбегяна, В.Ф.Майера, Т.И.Заславскую, Н.М.Римашевскую, Г.С.Саркисяна, Е.И.Капустина, Б.М.Сухаревского, С.Г.Струмилина, П.С. Мстиславского и др. Важно отметить, что в социалистическом обществе исследователи основной акцент делали на рассмотрении общественного благосостояния с учетом главного экономического закона данного общества с преобладанием общественных интересов над индивидуальными.

На основе анализа экономической литературы можно выделить потребительский, ресурсный и социологический подходы к изучению вопросов общественного благосостояния.

По мнению представителей «потребительского подхода», к которым можно отнести В.Ф.Майера, А.С.Ревайкина, Е.Г.Антосенкова, В.Г.Кряжева и др., структуру потребностей населения и уровень их удовлетворенности нужно рассматривать, как конечную фазу воспроизводственного процесса. При этом представители этой концепции общественное благосостояние рассматривают, как функцию развития

производства в обществе. Следовательно, данная школа акцентирует внимание на соответствующий уровень потребления населением материальных благ и услуг, с учетом общественно признанных человеческих потребностей.

В исследованиях И.Л.Анчишкина, С.С.Шаталина, Э.М.Агабабьяна, Н.М.Римашевской и др. преобладает ресурсный подход к исследованию благосостояния населения: «Ресурсный подход, предполагает зависимость благосостояния от величины национального дохода, фонда потребления, которые в свою очередь определяются ростом общественного производства, совершенствованием его структуры. Рост производства, с одной стороны, обеспечивает население продовольственными и непродовольственными товарами, а с другой, повышает его реальные доходы. Повышение благосостояния рассматривается, как функция экономического роста» [4, с.92-103].

Представители другой экономической школы, то есть «социологического подхода», при определении уровня благосостояния граждан страны основываются на субъективном восприятии населением уровня удовлетворения общественных потребностей различных социальных групп: «Этот подход связывает понятие «народное благосостояние» с различиями в степени и способах удовлетворения потребностей, вытекающими из особенностей социально-экономического положения групп. Благосостояние индивида напрямую связывается с его положением и ролью в группе. В основном социологи занимаются изучением отдельных аспектов благосостояния – доходной и имущественной дифференциации населения, проблемой бедности. Проводятся также поведенческие исследования, отражающие намерения, настроения и поведение потребителей посредством индекса потребительских настроений, позволяющего вместе с тем получить ответ относительно экономического и социального развития в целом» [2, с.22].

Таким образом, разные группы исследователей проблем повышения уровня и качества жизни населения акцентируют внимание на отдельные аспекты решения данной проблемы. На наш взгляд, рациональное зерно наблюдается во взглядах представителей «ресурсного подхода» к исследованию благосостояния населения, так как в любом обществе решение социальных проблем и обеспечения соответствующего достатка для граждан страны зависит от финансовых (ресурсных) возможностей государственных и негосударственных структур, то есть объем ВВП и государственного бюджета страны являются мерилом обеспечения соответствующих условий для проживания и жизнедеятельности.

Отечественные исследователи также много внимания уделяют изучению институциональных основ повышения уровня благосостояния населения и факторам, содействующим улучшению уровня и качества жизни людей. Так, например, по мнению Т.Х.Мирзоева: «…в решении важнейших социально-демографических проблем страны, которые прямо или косвенно оказывают воздействие на динамику и уровень благосостояния, существенную роль играет государственный бюджет страны. Бюджет может выполнять такую миссию прямо, также нацеливаясь исключительно на повышения уровня благосостояния или косвенно усиливая действия социально-демографических факторов уровня благосостояния. В первом аспекте, также прямом влиянии бюджетных средств мо-

жет иметь место их разовое применение, также непосредственное использование в целях личного потребления» [6, с.16].

По мнению Д.С.Амоновой, «…При разработке и реализации социальных программ и мероприятий, направленных на поддержание и улучшение условий жизни населения посредством социальной защиты, необходимо исходить, прежде всего, из их назначения. В связи с тем, что по выполняемым функциям социальная защита населения является важнейшим инструментом борьбы с бедностью и повышения уровня благосостояния общество на данном этапе своего развития предъявляет к ним самые высокие требования» [1, с.43].

По мнению С.Дж.Комилова, «Развитие рынка образовательных услуг и его возрастающая роль в обществе посредством повышения качества человеческого капитала во многом зависят от динамики интеграции рынка образовательных услуг и рынка труда, а также от совершенствования механизма сотрудничества между этими рынками. Функционирование этих рынков в экономической системе страны невозможно без координации интересов субъектов этих рынков и устранения их расхождения. Главная цель сотрудничества рынка образовательных услуг и рынка труда, имеющих экономико-социальный характер, заключается в повышении уровня благосостояния граждан, предоставлении качественных образовательных услуг и повышении платежеспособности населения за счет обеспечения адекватного уровня дохода» [5, с.65-66].

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что каждое государство, в зависимости от своих финансовых возможностей, использует различные механизмы повышения уровня благосостояния своих граждан. Поэтому проблема повышения уровня общественного благосостояния существовала во все времена и считается одной из главных проблем социально-экономического управления всех государств, не имея единого определения и находящегося в рамках широкой дискуссии среди различных групп ученых. Проведенное исследование позволяет заключить, что для достижения соответствующего уровня общественного благосостояния необходимо учитывать влияние системы факторов. С учетом характера и особенностей влияния отдельных факторов на уровень и качество жизни людей их можно разделить на:

- экономические и
- неэкономические (см.: рис. 1).

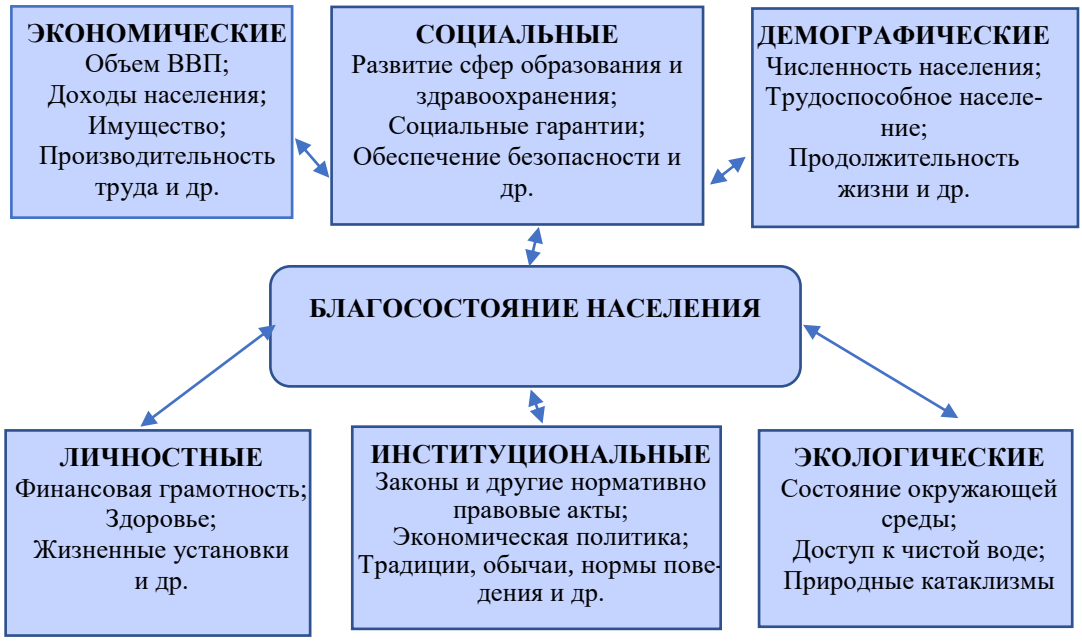


Рисунок 1 – Факторы роста благосостояния населения*

** Источник: составлен на основе проведенного исследования.*

Экономические факторы, воздействующие на уровень общественного благосостояния, которые в основном влияют на степень удовлетворения материальных потребностей людей зависят от уровня экономического развития страны и размеров доходов и имущества населения (размер ВВП и ВВП на душу населения, общие доходы населения, объем трансфертных платежей и др.). Экономические факторы могут повлиять посредством роста отдельным показателей экономического развития либо путем восполнения потерь, возникающих в зонах «провалов рынка».

Согласно рисунку, факторы роста благосостояния можно разделить на следующие группы:

- экономические;
- социальные;
- демографические;
- личностные;
- институциональные;
- экологические.

Важным фактором роста общественного благосостояния являются экономические условия, так как именно они определяют экономические возможности государства в реализации социальных мероприятий в стране.

Как отмечает Д.Б.Кадыров: «С одной стороны, в основе роста благосостояния и расширения среднего класса населения лежит повышение производитель-

ности труда, а с другой – с ростом благосостояния людей повышается трудовая активность работников, поскольку улучшается здоровье, условия жизнедеятельности и работоспособность трудящихся. Оно имеет определенные границы, тогда как положительное влияние материальных стимулов на трудовую активность может иметь место при сколь угодно высоком уровне благосостояния и материального вознаграждения за труд, поскольку не ограничены сами потребности людей, а также и возможности повышения качества труда и эффективности трудовых усилий» [3, с.81].

Рост количества новых рабочих мест и развитие продуктивной занятности играло бы большую роль в решении социальных проблем общества, а движущей силой при этом стали бы доходы, получаемые членами общества, особенно трудоспособными гражданами страны, в отраслях национальной экономики. На данном этапе развития экономики Республики Таджикистан, несмотря на усилия руководства страны и Правительства Республики Таджикистан, пока не удается решить проблему безработицы в стране, где выходом из ситуации пока является внешняя трудовая миграция.

Следовательно, создание новых рабочих мест позволяет увеличить объем ВВП страны, появления источника доходов для трудоспособных граждан страны, а также основу для решения социальных проблем республики.

Другой группой факторов роста благосостояния населения являются социальные факторы, которые создают условия для нормальной жизнедеятельности и трудовой активности людей. Сюда можно включать такие факторы, как развитие сфер образования и здравоохранения, социальные гарантии, обеспечение безопасности и др.

Уровень образования и здоровья населения выступают важнейшими качественными характеристиками жизни людей. Образование посредством занятости в сферах с высокими доходами позволяет повышать общественное благосостояния и степень развитости получаемых материальных и духовных благ. В свою очередь, здоровое население является залогом высокопроизводительного труда и повышения качественных характеристик жизни населения. Государственные и негосударственные институты в рамках реализации социальной политики и разработки социальные мер по обеспечению социальных гарантий нуждающимся слоям населения, создают условия для улучшения структуры потребления и условий жизни населения. Здесь велика роль социальных трансфертов, предоставляемых различным социальным группам, выплачиваемых из бюджетов различных уровней.

Уровень благосостояния населения и расширение среднего класса на современном этапе развития стран мира является одним из актуальных проблем общества, так как степень удовлетворения общественных потребностей в отдельных странах мира и внутри них имеют определенную дифференциацию по различным критериям. Предлагается, на основе анализа ситуации по решению социальных вопросов в Республике Таджикистан и опыта зарубежных стран сформировать соответствующую институциональную основу, позволяющую с учетом использования экономических и неэкономических факторов, принципов и подхо-

дов различных экономических школ и направлений, а также национальных особенностей развития страны, выбрать такую модель социальной политики государства, которая реализовала адресные мероприятия по поддержке нуждающихся слоев населения и защите уязвимых групп общества.

Согласно Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года, страна стремится к тому, чтобы 50 процентов его населения достигли статуса среднего класса, при этом менее 10 процентов будут вынуждены оставаться в бедности. С 2010 по 2025 годы страна добилась резкого сокращения бедности и ее уровень снизился с 55 процентов до 19 процента в 2025 году. Эти цифры свидетельствуют об устойчивости экономического развития Таджикистана и его решимости создать более инклюзивную и процветающую экономику. В отчете АБР глубоко анализируется эта трансформация, предлагая новый и всесторонний взгляд на меняющиеся тенденции бедности, ее коренные причины и человеческие истории, стоящие за статистикой. Устраняя существенные пробелы в знаниях, возникшие с момента проведения предыдущей оценки уровня бедности в 2009 году, эти данные проливает свет на успехи Таджикистана и позволяет одновременно решать основные проблемы [7, с.12].

Таким образом, реализация эффективной экономической политики, обеспечивающей функционирование национальной экономики, ее эффективное осуществление в соответствии со стратегическими целями, определение стратегических целей и приоритетов, отвечающих потребностям времени, создание благоприятных инвестиционных и производственных условий являются основными критериями обеспечения сбалансированного развития экономики страны. В условиях цифровизации отраслей экономики и усиления конкуренции на мировых рынках крайне важно обеспечить устойчивое макроэкономическое развитие и повысить конкурентоспособность страны за счет своевременной реализации поставленных стратегических целей. С момента обретения государственной независимости правительство страны предпринимает практические меры по признанию Таджикистана как неотъемлемой части мирового сообщества, установлению взаимовыгодных экономических отношений с другими странами и, в этом контексте, обеспечению экономического развития на основе определенных страной стратегических целей.

Следовательно, не всегда реализация социальных программ обеспечивает эффективность использования финансовых средств. Причины могут быть, как объективными, так и субъективными. Объективные причины в основном связаны с невозможностью охвата всех нуждающихся групп из-за ограниченности информации по отдельным территориям. Субъективные факторы в основном связаны с низкой ответственностью работников, участвующих в реализации социальных программ либо происходят под воздействием неформальных институтов, то есть знакомство, родственность или другие нормы поведения, характерные для отдельных социумов. Поэтому считается, что институциональная структура развития общества имеет большое влияние на решении социальных проблем общества и повышения уровня благосостояния населения.

Таким образом, изучение и анализ основных факторов повышения уровня благосостояния населения позволяют сделать вывод о том, что уровень и качество жизни населения зависят от влияния системы факторов. Влияние различных групп факторов создают основу для удовлетворения материальных и духовных потребностей членов общества. По нашему мнению, на данном этапе развития экономики различные институциональные структуры играют ключевую роль в повышении уровня благосостояния населения, создавая основу для экономического роста, социальной стабильности и развития. Эффективные институты, такие как правовая система, рыночная экономика, системы образования и здравоохранения, традиции, обряды, национальные особенности жизнедеятельности, неправительственные организации, а также социальные службы, обеспечивают благоприятную среду для развития человеческого потенциала и улучшения качества жизни. Учет всех этих факторов позволяет разнообразить источники и направления повышения уровня общественного благосостояния и улучшить качество и структуру потребляемых товаров и услуг.

Литература

1. Амонова Д.С. Реформирование социально-трудовых отношений в условиях перехода к рыночной экономике (на материалах Республики Таджикистан): автореф. дис. … д-ра. экон. наук: 08.00.05 / Амонова Дилбар Субхоновна. – М.: 2008. – 53 с.
2. Исмаилхунова А.М. Благосостояние населения и проблемы бедности: на материалах Кыргызской Республики: дис. … канд. экон. наук: 08.00.01 / Исмаилхунова Алия Мухаметовна. – Бишкек: 2003. – 157 с.
3. Кадыров Д.Б. Формирование и механизм регулирования доходов населения в системе факторов роста благосостояния: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Кадыров Диловар Бахридинович. – Воронеж: 2003. – 318 с.
4. Козловский А.А. Типы социальной политики – американский вариант // Общество и экономика. – 1997. – №1-2. – С.92-103.
5. Комилов С.Дж. Развитие человеческого капитала в инновационной экономике: институциональные аспекты.: монография / С.Дж.Комилов, Ш.К.Содикова, Д.А.Ходиев. – Душанбе: 2025. – 256 с. (на тадж.яз.)
6. Мирзоев Т.Х. Социально-экономические факторы снижения бедности (на материалах РТ): автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.01 / Мирзоев Тохир Хайруллоевич. – Душанбе: 2001. – 26с.
7. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года: Постановление Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 г. №636 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://egov.tj/site/les-agency/documents/details/1020?lang=ru
8. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – Душанбе, 2025. – 25 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mfa.tj/ru/main/view/7039/poslanie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-lidera-natsii-madzhlisi-oli

KEY FACTORS FOR IMPROVING PUBLIC WELFARE IN TAJIKISTAN

Kodirzoda Dilovar Bakhridin

Doctor of economic sciences, professor,
head of the chair of economic theory and world economy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 106 00 18 81 (м.)
dilovark@mail.ru

Safarzoda Navruz Umarali

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of national economy and economic security
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17
Ph.: (+992) 988 72 21 23 (m.)
cheh-16@mail.ru

The article deals with various approaches to defining the economic nature of population welfare; these approaches are broadly categorized into three groups, each focusing on different aspects of this economic concept. The authors identify key factors contributing to the growth of the population's standard of living and quality of life and highlight the role of the middle class in addressing societal social issues. Particular attention is paid to the economic factors driving public welfare growth, as the ability to meet the expanding needs of society's members and improve general welfare depends largely on the republic's Gross Domestic Product (GDP) output. Within the framework of social factors, emphasis is placed on the development of education and healthcare, the provision of social guarantees, and the assurance of citizen security.

Keywords: population welfare; state institutions; middle class; social policy; poverty; public organizations; social guarantees; standard and quality of life; education; healthcare.

ОМИЛҲОИ АСОСИИ БАЛАНДБАРДОРИИ НЕКӮАҲВОЛИИ ҶАМЪИЯТӢ ДАР ТОҶИКИСТОН

Қодирзода Диловар Баҳридин

Доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор,
мудири кафедраи назарияи иқтисодӣ ва иқтисоди ҷаҳони
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 106 00 18 81 (м.)
dilovark@mail.ru

Сафарзода Навруз Умаралӣ

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисоди миллӣ ва бехатарии иқтисодии
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Рӯдакӣ, 17
Тел.: (+992) 988 72 21 23 (м.)
cheh-16@mail.ru

Дар мақола равишҳои гуногуни муайянкунии моҳияти иқтисодии некӯаҳволии ҷомеа баррасӣ шуда, онҳо ба се гурӯҳ ҷудо карда шудаанд, ки ҳар кадоме ҷанбаҳои гуногуни ин мафҳуми иқтисодиро таъкид мекунанд. Инчунин омилҳои асосии беҳтар шудани сатҳ ва сифати зиндагии аҳолӣ ҷудо карда шуда, ҳамзамон нақши табақаи миёна дар ҳалли масъалаҳои иҷтимоии ҷомеа қайд гардида аст. Таваҷҷуҳи хоса ба омилҳои иқтисодии рушди некӯаҳволии ҷомеа равона шудааст, зеро ҳаҷми Маҷмӯи маҳсулоти дохилии ҷумҳурӣ то андозаи зиёд имконияти қонеъ кардани ниёзҳои афзояндаи аҳолӣ ва баланд бардоштани сатҳи умумии некӯаҳволиро муайян мекунад. Дар доираи омилҳои иҷтимоӣ ба рушди соҳаҳои маориф ва тандурустӣ, таъмини кафолатҳои иҷтимоӣ ва ҳифзи амнияти шаҳрвандон аҳамият дода шуда аст.

Калидвожаҳо: некӯаҳволии ҷомеа; ниҳодҳои давлатӣ; табақаи миёна; сиёсати иҷтимоӣ; камбизоатӣ; ташкилотҳои ҷамъиятӣ; кафолатҳои иҷтимоӣ; сатҳ ва сифати зиндагӣ; маориф; тандурустӣ.

УДК 336.14

МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И МЕТОДЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА

Кошонова Манзура Рахматджановна

Доктор экономических наук, профессор кафедры финансов
Таджикский государственный финансово-экономический университет
734064, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Нахимова, 64/1
Тел.: (+992) 93 555 50 72 (м.)
manzura@yandex.ru

Турахонзода Шахриёр Нурулло

Старший преподаватель кафедры цифровой экономики и логистики
Таджикский государственный финансово-экономический университет
734064, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Нахимова, 64/1
Тел.: (+992) 98 717 41 01 (м.)
shahrier_91@mail.ru

В статье разработана модель прогнозирования государственных доходов Республики Таджикистан с использованием эконометрических методов регрессионного анализа. Авторы отмечают, что прогнозирование доходов государственного бюджета является важной задачей органов государственной власти, поскольку оно необходимо для эффективного планирования и исполнения бюджетных расходов. Статья посвящена разработке системы прогнозирования доходной части государственного бюджета и ВВП, обладающей высокой прогностической способностью и потенциально применимой в различных странах. Разработанная модель позволяет оценить взаимосвязь и влияние различных экономических факторов на объем государственных доходов и валового внутреннего продукта. В статье рассматриваются особенности прогнозирования доходной части государственного бюджета Республики Таджикистан в современных экономических условиях и с учетом тенденций развития национальной экономики. С использованием методов регрессионного анализа проведено прогнозирование государственных доходов Республики Таджикистан до 2030 года. На основе полученных результатов сделан вывод о том, что экономическое развитие республики напрямую способствует росту налоговых и неналоговых поступлений. В частности, увеличение доходов предприятий, объемов продаж, заработной платы и внешнеторгового оборота приводит к росту бюджетных поступлений в виде налогов, неналоговых платежей и таможенных пошлин. Разработанная модель апробирована на основе статистических данных о государственных доходах и валовом внутреннем продукте Республики Таджикистан за период 2001-2025гг. Предлагаемая модель может быть использована для прогнозирования государственных доходов на основе предполагаемых темпов экономического роста Республики Таджикистан в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: прогнозирование доходов бюджета; эконометрическое моделирование налоговых поступлений; каузальные модели временных рядов; минимизация ошибки прогноза.

Постановка научной проблемы. Прогнозирование доходов государственного бюджета способствует разработке научно обоснованных долгосрочных планов его функционирования, реализации стратегических и текущих планов, в основу которых положены различные варианты прогнозов, характеризующих перспективы развития государственных бюджетов. Помимо этого, оно в значительной степени предопределяет принятие руководителями верных управленческих решений, помогает избежать негативных тенденций, которые возникают как внутри страны, так и в её внешнем окружении. Прогнозирование государственного бюджета является актуальной и значимой задачей, решение которой способствует обеспечению социально-экономического развития экономики.

Методология исследования. Методологическую основу данной работы составляют системный, институциональный и сравнительно-аналитический подходы. Системный подход позволяет рассматривать планирование государственного бюджета как взаимосвязанные элементы единой модели развития. Институциональный подход используется для анализа роли государственных программ, научных организаций, образовательных учреждений и инновационной инфраструктуры. Сравнительно-аналитический метод позволяет выявить взаимосвязь между долгосрочными (стратегией) и краткосрочными (оперативными) задачами планирования и прогнозирования государственных доходов.

Современные подходы к прогнозированию бюджета представлены в работах Ш.Рахимзода [11], Х.Л.Саибмуродзода [13], П.Дж.Гафурова [2], Ш.Н.Шахриера [3] и др., которые разработали модели долгосрочного прогнозирования отраслей национальной экономики. Эти методы широко используются для прогнозирования государственных доходов и расходов на основе исторических статистических данных и макроэкономических показателей. Применение эконометрического прогнозирования позволяет повысить точность среднесрочного и долгосрочного бюджетного планирования [4; 12.].

Информационную основу исследования составляют положения Послания Президента Республики Таджикистан [11], НСР на период до 2030 [10], Стратегии управления государственными финансами (УГФ) до 2030 года, Закон Республики Таджикистан от 19 июля 2022 года № 1894 «О стратегическом планировании и государственном прогнозировании» Концепция цифровой экономики и Среднесрочная программа развития цифровой экономики Республики Таджикистан на 2021-2025 годы.

Результаты и обсуждение. Результаты можно использовать для прогнозирования государственных доходов на основе предположения роста экономики Республики Таджикистан в среднесрочной перспективе. Приведенныне прогнозные данные показывают, что разработанная модель которая напрямую способствует росту налоговых и неналоговых поступлений за счет расширения налоговой базы, может быть основополагающей для экономического развития республики,.

Доходная часть бюджета страны является основным сегментом финансовой системы, требующим тщательного исследования и прогнозирования с целью принятия своевременных антикризисных управленческих мер в условиях современных санкционных вызовов участникам мировой экономики.

В соответствии с Законом «О государственных прогнозах, концепциях, стратегиях и программах социально экономического развития Республики Таджикистан» утвержденным 21 ноября 2003г., система государственных прогнозов социально-экономического развития Республики Таджикистан включает: на долгосрочную перспективу – Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Таджикистан на 15 лет и основные направления социально-экономического развития Республики Таджикистана на 10 лет; на среднесрочную перспективу – Программу социально-экономического развития Республики Таджикистан на 5 лет; на краткосрочный период-годовой прогноз социально-экономического развития Республики Таджикистан.

Стратегическое планирование бюджетных доходов – это долгосрочный процесс (обычно 3-5 лет) прогнозирования и формирования поступлений средств для реализации целей организаций или государства. Оно включает анализ финансовых показателей, оценку рисков при использовании методов экстраполяции, нормативного и программно-целевого подхода. Этот процесс обеспечивает финансовую устойчивость, эффективное распределение ресурсов и соответствие доходов целям развития.

В Национальной стратегии развития на период до 2030 года, утвержденной в 2017 году, отмечены этапы и содержание реализации ее целей:

- *к первому этапу относится период с 2016-2020гг., т.е.* переход к новой модели;
- *ко второму этапу относится период с 2021-2025гг., т.е.* ускоренное экономическое развитие за счет привлечения инвестиций;
- *к третьему этапу относится период с 2026-2030гг., т.е.* завершение индустриализации, увеличение доли среднего класса до 50% и рост ВВП в 3,5 раза;
- четвертый этап обозначен как новый этап развития и индустриализации (с 2020 года по настоящее время), т.е. ускоренная индустриализации страны стала четвертой и приоритетной национальной целью [9].

Следует отметить, что принятая Среднесрочная программа (2024-2029) направлена на увеличение доходов госбюджета за счет цифровизации системы, поиска новых источников доходов, а также совершенствования администрирования налоговых и таможенных платежей [8].

В статье внимание акцентировано на модели прогнозирования государственных доходов на период до 2030 года и предпринята попытка проанализировать факторы, влияющие на развитие ВВП Республики Таджикистан. Учитывая опыт международных стран, мы определили, что прогнозирование государственных доходов имеет следующую структуру [6; 7]:

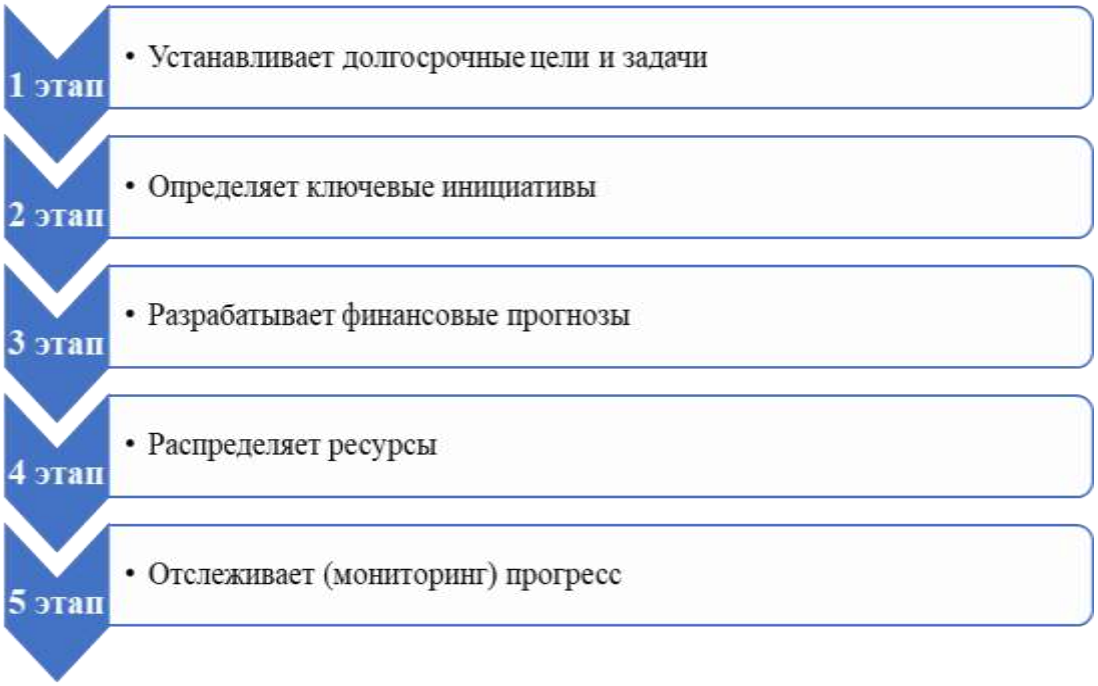


Рисунок 1 – Структура планирования бюджетов

В государственном секторе планирование государственных доходов связано с налоговой политикой и экономическим развитием регионов. На уровне бизнеса оно позволяет определить, какие источники поступлений (продажи, инвестиции) будут основными [2; 3]. Всем известно, что государственное бюджетное планирование является основой финансового благополучия любой организации (компании). Когда отсутствует четкий процесс бюджетирования, это ведет к хаотичному управлению ресурсами, потере контроля над расходами и срыву стратегических планов.

Сегодня в условиях глобального экономического кризиса начинает складываться совершенно иная геополитическая и геоэкономическая ситуация. На смену прежним устойчивым и стабильным финансовым центрам приходят новые источники глобальных финансовых центров политико-экономического воздействия. Возникает необходимость в формировании совершенно других экономических механизмов. Как указывает Н.К.Каюмов, академик Института экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан, разработка антикризисных мер невозможна без разработки текущих, среднесрочных и долгосрочных прогнозов, которые должны быть основополагающими [7]. Таким образом прогнозирование стало важнейшим инструментом развития социально-экономической системы страны. Прогнозирование – это предвидение на уровне научной идеи. Оно должно базироваться на системе объективной и достоверной информации. Финансовое прогнозирование – это прежде всего обоснование показателей финансовых планов, предвидение финансового положения на тот или иной период времени. В теории и на практике выделяют среднесрочное

(5-10 лет) и долгосрочное (более 10 лет) финансовое прогнозирование [8, с.61-62]. Финансовые прогнозы являются необходимым элементом и одновременно этапом в выработке финансовой политики. Финансовое прогнозирование увязывается с достижениями научно-технического прогресса, прогнозами изменения ресурсов, цен и др. Главная черта финансового прогнозирования-вариативность, что позволяет исполнительному органу точнее оценить проблему, выбрать оптимальное решение, предусмотреть последствия принимаемых решений.

В связи с этим, в соответствии с целью данной статьи, в качестве оценок для анализа и прогнозирования показателей государственных доходов были использованы статистические данные ВВП и государственных доходов (рис. 2) за период 2001-2025 гг. Следует отметить, что эмпирический анализ основан на официальных статистических данных, полученных от Агентства статистики при Президенте Республики Таджикистан [15].

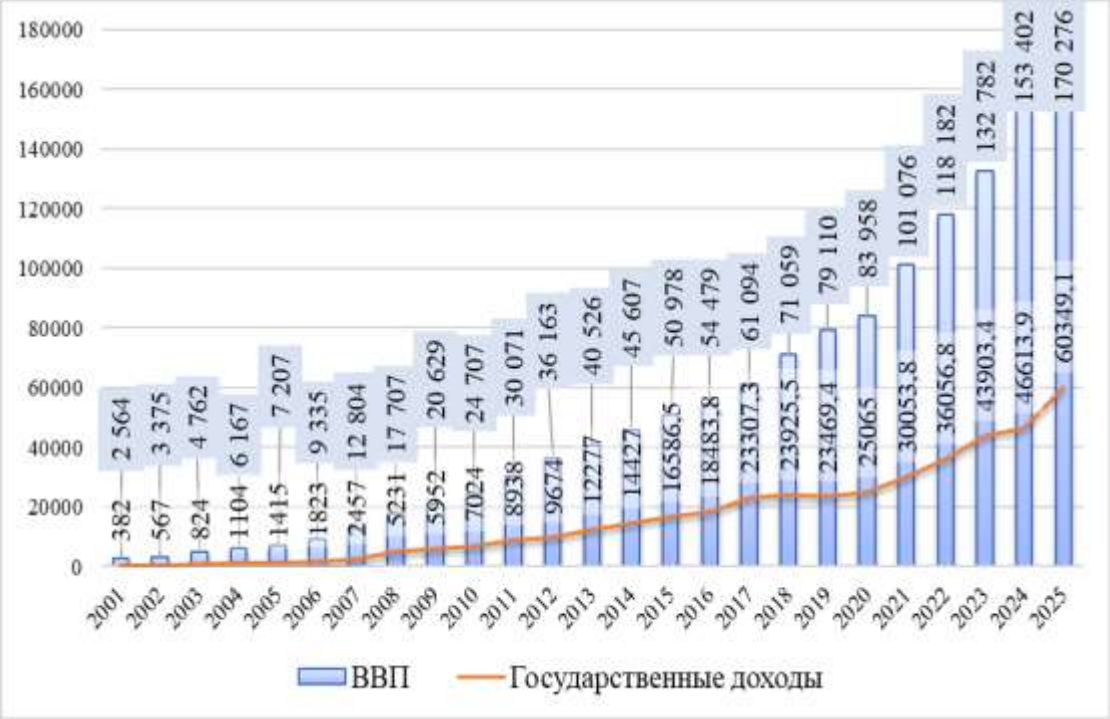


Рисунок 2 – Статистические данные ВВП и государственных доходов Республики Таджикистан на период 2001-2025 гг.

Источник: составлено автором на основе: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2025. С.211-273.

Тенденции изменения ВВП и государственных доходов указывают на то, что, в соответствии с ростом ВВП, растут и государственные доходы. В целом, в период с 2001 по 2025 год государственные доходы составляли в среднем 27 процентов ВВП Республики Таджикистан. Однако за пятилетний период, в

период с 2001 по 2005 год, государственные доходы составляли 17 процентов ВВП Республики Таджикистан. В последние годы, а именно в период с 2020 по 2025 год, данный показатель достиг в среднем 32 процентов (рис. 3). С одной стороны, это свидетельствует о росте государственного бюджета, с другой — о цифровизации экономики страны.

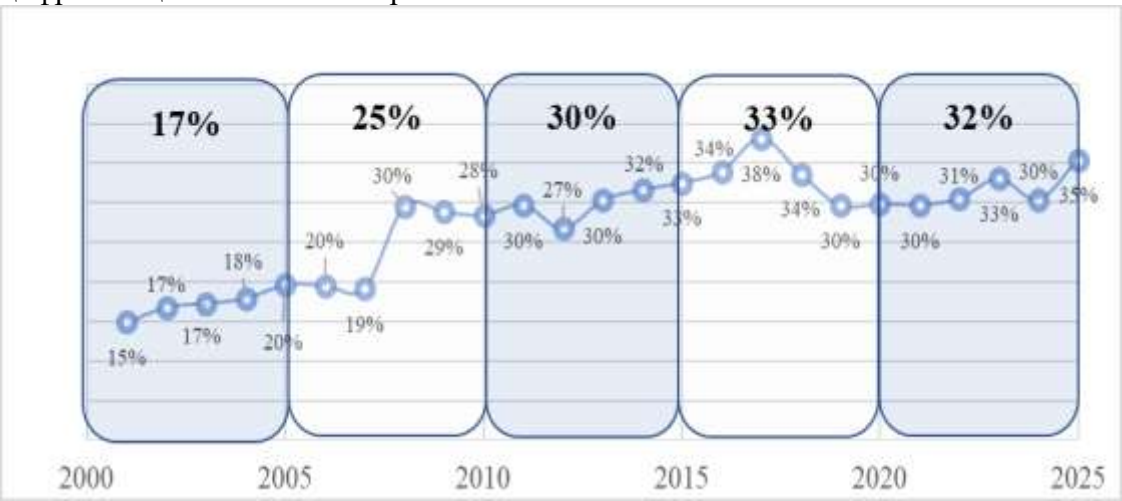


Рисунок 3 – Государственные доходы Республики Таджикистан в процентах к ВВП в 2001–2025 гг. и средние значения по пятилетним периодам

Источник: Составлено автором на основе статистических данных, представленных на рис.2.

В таблице 1, демонстрирующей коэффициент корреляции между статистическими данными по ВВП и налоговыми и неналоговыми поступлениями за период (с 2001-2025 год), видно, что между этими показателями существует высокая корреляция.

Таблица 1 – Коэффициент корреляции между государственными доходами и ВВП Республики Таджикистан

	ВВП	**Государственный доход**
ВВП	1.000000	
Государственный доход	0.995156	1.000000

Источник: составлено автором на основе статистических данных, представленных на рис.2.

На основе проведенного анализа было составлено уравнение для прогнозирования налоговых и неналоговых поступлений на среднесрочную перспективу до 2030 года. В качестве экзогенной переменной использовался ВВП Республики Таджикистан, а в качестве эндогенной переменной — государственные доходы, и уравнение модели было составлено следующим образом:

$$I_g = f(GDP) \quad (1)$$

где, I_g – Общие государственные доходы,

GDP – ВВП.

Таким образом, путем выбора макроэкономических показателей ВВП и государственных доходов Республики Таджикистан на основе регрессионного анализа с использованием уравнения (1) был получен следующий результат.

$$I_g = 0.337374 * GDP - 1162.646$$

Результат уравнения (1) показывает, что при увеличении ВВП РТ на 1 сомони объем государственных доходов (налоговые и неналоговые поступления) увеличиваются в среднем на 0,337 сомони. Ниже представлен результат проверки гипотезы уравнения (табл.2):

Таблица 2 – Результаты регрессионного анализа прогнозирования государственных доходов Республики Таджикистан

Зависимая переменная: Государственные доходы Республики Таджикистан				
Переменные	Коэффициенты	Стд.ошибки	t-статистика	Вероят.
C	-1162.646	542.5970	-2.142744	0.0425
ВВП РТ	0.337374	0.006803	49.59033	0.0000
R-квадрат	0.990335	Средняя зависимая переменная		18651.95
Скорректир. R-квадрат	0.989932	Станд. откл. зав. перем.		18655.25
Станд. ошибка регрессии	1871.825	Инфор. критерий Акайке		17.98102
Сумма квадратов остатки	84089479	Критерий Шварца		18.07780
Логариф. Вероятность	-231.7532	Критерий Ханнана-Куинна.		18.00889
F-статистика	2459.201	Стат. Дарбина-Уотсона		1.481965
Вероят.(F-статистика)	0.000000			

Источник: Расчет авторов с помощью эконометрической программы Eviews на основе статистических данных, представленных на рис. 2.

Согласно таблице 2, результат уравнения (1) показывает, что ВВП Республики Таджикистан как влиятельный показатель напрямую приводит к росту налоговых и неналоговых поступлений. Коэффициент детерминации $R^2 \approx 0{,}99$ показывает, что, согласно статистической гипотезе, он считается значимым и показатели ВВП и государственных доходов оказывают сильное влияние на используемое уравнение. Другой статистический показатель – критерий Стьюдента $t_{\text{таблица}} < t_a \approx |-2.142|$ *ва* $t_b \approx |49.59|$ также отвергает нулевую гипотезу относительно параметров уравнения. Другой коэффициент – статистика Дарбина-Уотсона, чем ближе она к 2,0, тем меньше автокорреляция. В случае выбранной модели этот коэффициент составляет приблизительно 1,481 [1; 5].

Статистические данные о государственных доходах, полученное уравнение и разница между фактическими и расчетными показателями за период 2001-2026 годов представлены на рис. 4.

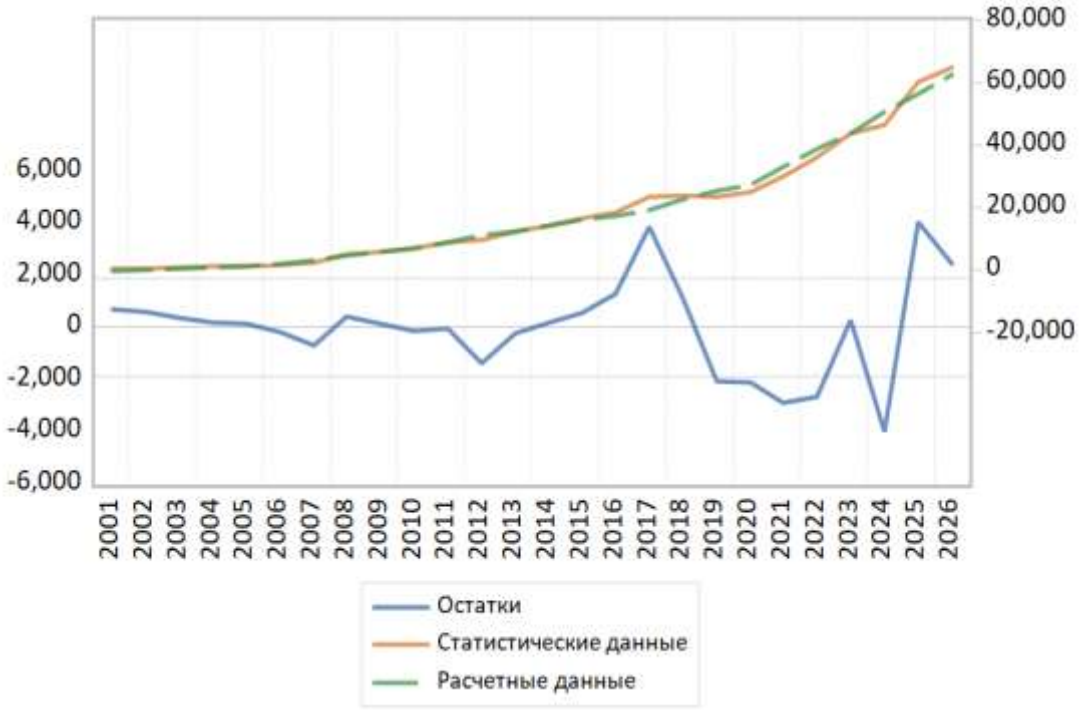


Рисунок 4 – Результат уравнения государственного дохода на период 2001-2026 гг.

Источник: Расчет авторов с помощью эконометрическая программа Eviews на основе статистических данных, представленных на рис.2.

По результатам анализа можно сделать вывод, что разработанная модель (уравнения (1)) может быть использована для прогнозирования государственных доходов на основе предположения роста экономики Республики Таджикистан в среднесрочной перспективе. Исходя из этого, в таблице 3 приведены прогнозные данные ВВП РТ на период 2026-2030 годы.

Таблица 2 – Динамика показателей ВВП и государственных доходов Республики Таджикистан за 2005-2025 гг. с прогнозом на 2027–2030 гг.

	2010	2015	2020	2025	2026	2027	2028	2029	2030
	Статистические				Расчёт-ные	Прогнозные			
ВВП[1]	24707	50977	83958	170276	189006	211687	237090	265541	297405
Госдо-ход	7024	16586	25065	60349	65041	70255	78825	88424	99174

Источник: расчёты авторов на основе данных Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2025. С. 211-273, Министерства финансов Республики Таджикистан и Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан. URL: https://www.stat.tj/; https://moliya.tj/; https://egov.tj/site/rushdiiktisod?lang=tg (дата обращения: 21.08.2026)

С учетом формирующихся перспектив, можно отметить, что налоговые и неналоговые поступления ежегодно растут в среднем на 12,9%. Графическое представление статистических данных о динамике государственных доходов Республики Таджикистан и их прогнозе на период 2026-2030 годов представлено на рис.5.

Из полученного прогноза следует, что в ближайшие 5 лет государственные доходы Республики Таджикистан составят в среднем 33% ВВП страны. Из этого можно сделать вывод, что экономическое развитие республики напрямую способствует росту налоговых и неналоговых поступлений за счет расширения налоговой базы. В частности, увеличиваются доходы предприятий, объем продаж, заработная плата и внешнеторговый оборот, что приводит к росту бюджетных поступлений от налогов и неналоговых сборов и таможенных пошлин.

[1] Прогноз ВВП на период 2026-2030 был произведен на основе предоставленных материалов Министерства экономического развития и торговли РТ. URL: https://egov.tj/site/rushdiiktisod?lang=tg (дата обращения: 21.08.2026).

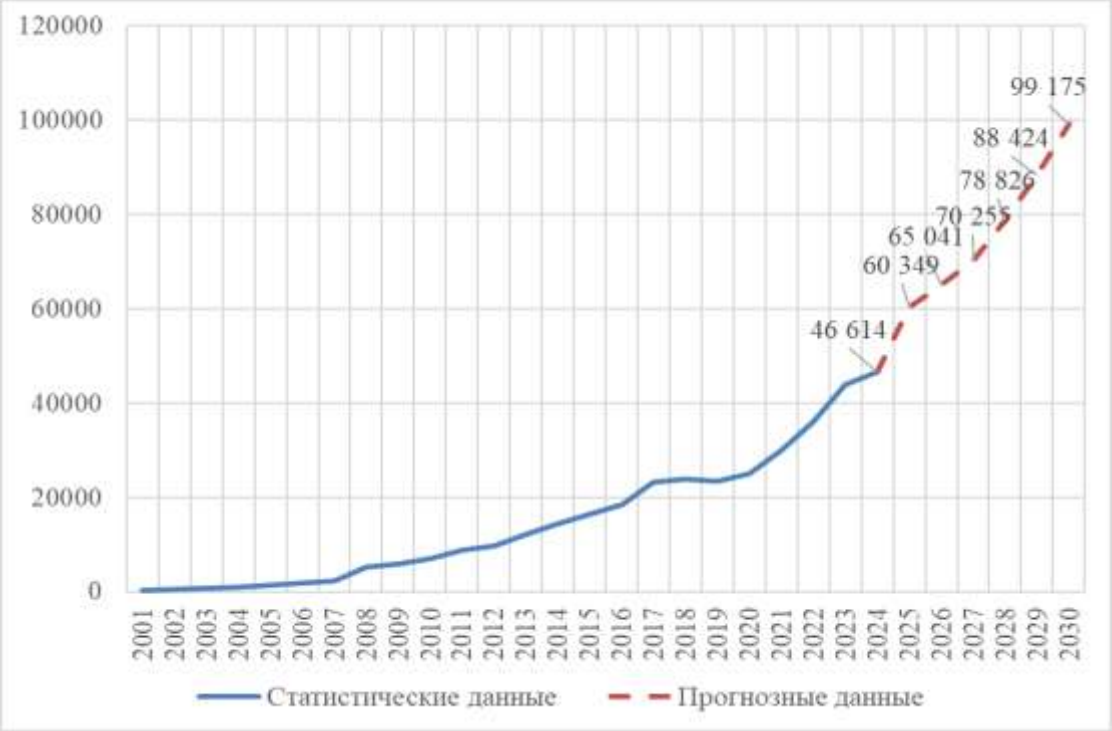


Рисунок 5 – Статистические данные государственных доходов РТ на период 2021-2025 гг. и прогноз до 2030 г.

Источник: Расчет авторов с помощью эконометрической программы Eviews на основе статистических данных, представленных на рис.2.

Заключение. Модель построена на прочной теоретической базе и разработана с целью отражения как можно большего количества данных по Таджикистану. Разработанная модель государственных доходов РТ не является финальным решением, она также не является совершенным инструментом для прогнозирования. Однако далее она может быть развита и стать предметом научных дискуссий, которые в свою очередь будут содействовать улучшению ее структуры и раскрыть более содержательно ее особенность. На данный момент модель может выступать как важный и полезный инструмент для разработки экономических прогнозов и является достаточно гибкой, чтобы коррелировать с подходами специалистов-экономистов и вариантами других моделей.

В итоге, исходя из вышеприведённой модели, государственного дохода РТ был сделан прогноз государственного дохода до 2030 года.

Литература

1. Бланшар О. Макроэкономика. – 8-е изд. – М. : Издательский дом ВШЭ, 2022. – 768 с.
2. Гафуров П.Дж. Теоретические аспекты модели CGE при анализе влияния налоговой политики на экономический рост // Экономика Таджикистана. – 2024. – №4. – С.53-56.
3. Гафуров П.Дж., Шахриери Н.Т Перспективҷ налоговых и неналоговых поступлений на материале Республики Таджикистан // Материалы Апрельской научно-теоретической конфе-

ренции преподавателей и студентов Финансово-экономического института Таджикистана, посвященной Году молодежи и 20 летию Национального единства (21-22 апреля 2017г.). – Душанбе, 2017. – С 372-374.
4. Губкова Е.А. Эконометрическое прогнозирование бюджетных доходов (на примере Республики Таджикистан) / Е.А.Губкова, И.А.Камолзода, С.С.Судаков // Финансовый журнал. – 2025. – Т.17, №6. – С.8-32. – DOI 10.31107/2075-1990-2025-6-8-32. – EDN LFRKGX.
5. Гуджарати Д. Основы эконометрики. – М. : Вильямс, 2020. – 1008 с.
6. Закон Республики Таджикистан «О стратегическом планировании и Государственном прогнозировании»: принят Постановлением Маджлиси намояндагон МОРТ . Принят от 25 мая 2022 №724. Одобрен постановлением Маджлиси милли МОРТ от 15 июля 2022 года №301 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mmih.tj>>Search>
7. Каюмов Н.К. Некоторые вопросы прогнозирования макроэкономической динамики // От исследований к политике практики в количественных, социально-экономических исследованиях в эру совершенных информационных технологий: материалы-научно-практической конференции. – Душанбе, 2015. – С.41-45.
8. Кошонова М.Р. Прогнозирование и планирование финансов: учебник. Душанбе, 2025. – 336с.
9. Кошонова М.Р., Турахонов Ш.Н. Влияние экономического кризиса на макроэкономические показатели: модельный прогноз государственного дохода Республики Таджикистан до 2024 года // Экономика Таджикистана. – 2020. – №3. –С. 72-78.
10. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. – Душанбе, 2016. – 127 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://khovar.tj/wp-content/uploads/2017/01/NSR-2030_russkij.pdf
11. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли (г.Душанбе, 16 декабря 2025 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://egov.tj/site/parlament-tj/press/news/details/3266?lang=ru&ysclid=mtmq7ad5wx611615938
12. Рахимзода Ш. Модели долгосрочного прогнозирования отраслей национальной экономики / Ш.Рахимзода, Л.Х.Саидмуродов, Ф.М.Муминова. – Душанбе: Институт экономики и демографии, 2024. – 170 с. – EDN XCUIXL.
13. Саидмуродзода Х.Л. Ускоренная индустриализация в Таджикистане: Програмные цели, реализация и прогнозы // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе: ТНУ, 2024. – №7/1. – С.58-66.
14. Среднесрочная программа развития цифровой экономики в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы Приложение 1 к постановлению Правительства Республики Таджикистан от 26 октября 2021 года, №460. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view
15. Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте РТ. – Душанбе 2025. – 373 с.
16. Стратегия управления государственными финансами Республики Таджикистан на период до 2030 года. (от 32 апреля 2020г.№21) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.portali-huquqi.tj›view_qonunhoview

STATE BUDJET MODEL OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND FORECASTING METHODS FOR THE 2030 PERIOD

Koshonova Manzura Rakhmatdzhanovna

Doctor of economic sciences, professor of the chair of finance
Tajik state university of finance and economics
734064, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Nakhimov str., 64/1
Ph.: (+992) 93 555 50 72 (m.)
manzura@yandex.ru

Turakhonzoda Shahriyor Nurullo

Senior lecturer of the chair of digital economy and logistics
Tajik state university of finance and economics
734064, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Nakhimov str., 64/1
Ph.: (+992) 98 717 41 01 (m.)
shahrier_91@mail.ru

The article considers to justification of the necessity to create a model forecasting systems for the revenue parts of the state budget and GDP, which would have high predictive aims and be potentially applicable in various countries. It is noted that forecasting state budget revenues is an important task for government authorities, as it significantly affects the efficiency of planning and the budget expenditures. Based on an analysis of official statistical data for the period from 2001 to 2025, a model for forecasting state revenues of the Republic of Tajikistan until 2030 has been proposed. This model was developed by using econometric methods, regression analysis which allow us to assess the relationship and impact various economic factors to the volume of government revenues and GDP, and can be used in government forecasting revenues based on the expected rates of economic growth in the Republic of Tajikistan in the medium term.

Keywords: budget revenue forecasting, econometric modeling of tax revenues, causal time series models, forecast error minimization.

МОДЕЛИ БУҶАИ ДАВЛАТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ВА УСУЛҲОИ ПЕШБИНИИ ОН БАРОИ ДАВРАИ ТО СОЛИ 2030

Кошонова Манзура Рахматджановна

Доктори илмҳои иқтисодӣ, профессори кафедраи молия
Донишгоҳи давлатии молия ва иқтисоди Тоҷикистон
734064, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Нахимов, 64/1
Тел.: (+992) 93 555 50 72 (м.)
manzura@yandex.ru

Турахонзода Шаҳриёр Нурулло

Муаллими калони кафедраи иқтисоди рақамӣ ва логистика
Донишгоҳи давлатии молия ва иқтисоди Тоҷикистон
734064, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Нахимов, 64/1
Тел.: (+992) 98 717 41 01 (м.)
shahrier_91@mail.ru

Дар мақола модели пешбинии даромадҳои буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо истифода аз усулҳои эконометрикии таҳлили регрессионӣ таҳия шудааст. Муаллифон қайд менамоянд, ки пешбинии даромадҳои буҷети давлатӣ яке аз вазифаҳои муҳими мақомоти давлатӣ ба шумор меравад, зеро он барои банақшагирӣ ва иҷрои самараноки хароҷоти буҷетӣ зарур мебошад.

Мақола ба таҳияи низоми пешбинии қисми даромади буҷети давлатӣ ва маҷмӯи маҳсулоти дохилӣ (ММД), ки дорои қобилияти баланди пешгӯй буда, эҳтимолан дар кишварҳои гуногун татбиқшаванда мебошад, бахшида шудааст. Модели таҳияшуда имкон медиҳад, ки робита ва таъсири омилҳои гуногуни иқтисодӣ ба ҳаҷми даромадҳои давлатӣ ва маҷмӯи маҳсулоти дохилӣ арзёбӣ карда шавад.

Дар мақола хусусиятҳои пешбинии қисми даромади буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шароити муосири иқтисодӣ ва бо дарназардошти тамоюлҳои рушди иқтисоди миллӣ баррасӣ шудаанд. Бо истифода аз усулҳои таҳлили регрессионӣ пешбинии даромадҳои давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон то соли 2030 анҷом дода шудааст.

Дар асоси натиҷаҳои бадастомада хулоса карда шудааст, ки рушди иқтисодии ҷумҳурӣ бевосита ба афзоиши воридоти андозӣ ва ғайриандозӣ мусоидат менамояд. Аз ҷумла, афзоиши даромади корхонаҳо, ҳаҷми фурӯш, музди меҳнат ва гардиши савдои хориҷӣ боиси зиёд шудани воридоти буҷетӣ аз ҳисоби андозҳо, пардохтҳои ғайриандозӣ ва боҷҳои гумрукӣ мегардад.

Модели таҳияшуда дар асоси маълумоти омории марбут ба даромадҳои давлатӣ ва маҷмӯи маҳсулоти дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи солҳои 2001-2025 санҷида шудааст. Дар асоси таҳлили маълумоти расмии оморӣ оид ба нишондиҳандаҳои мазкур модели пешбинии даромадҳои давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон то соли 2030 таҳия гардид.

Модели пешниҳодшуда метавонад барои пешбинии даромадҳои давлатӣ дар асоси суръати эҳтимолии рушди иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар дурнамои миёнамӯҳлат истифода шавад.

Калидвожаҳо: пешбинии даромадҳои буҷет; моделсозии эконометрикии воридоти андозӣ; моделҳои каузалии қаторҳои вақтӣ; кам кардани хатои пешбинӣ.

УДК 338.024

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ КАК ФАКТОР ДОЛГОСРОЧНОГО РОСТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Баринов Михаил Александрович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики инноваций и финансы
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г.Столетовых
600005, Россия, Владимир, ул. Чайковского, д.36, кв.45
Тел.: +7 920 623 0240
3lf84@mail.ru

В работе определена роль и значимость человеческого капитала и его эмпирической верификации на примере обрабатывающего сектора субъектов ПФО. Исходная идея исследования базируется на гипотезе о нелинейном характере влияния количественных и качественных характеристик, занятых на динамику отгруженных товаров собственного производства. Акцентировано внимание на разрыве между накопленным трудовым фондом и фактической производительностью, что позволяет не только идентифицировать конкретные факторы, коррелирующие с развитием промышленного сектора экономики, но и построить на их базе эконометрическую прогнозную модель. Целью исследования является количественная оценка степени влияния различных экономических условий, которые оказывают воздействие на промышленность региона. В работе использованы методы статистического, логического анализа и синтеза. Научная новизна исследования заключается в идентификации параметров, оказывающих влияние на развитие промышленности субъектов Приволжского федерального округа с построением прогнозной модели и дополненной рейтинговой оценкой на базе диаграммы Парето, позволяющей оценить вклад региональных систем в развитие индустриальной производственной среды. С помощью корреляционно-регрессионного инструментария, дополненного принципом Парето, визуализирована глубокая асимметрия в распределении и использовании среднегодовой численности занятых в субъектах выбранного федерального округа.

Ключевые слова: трудовые ресурсы; регион; промышленность; фактор; рост; модель.

Цель научного исследования заключается в определении меры и характера воздействия трудового фактора на индустриальную динамику территорий, а также построение количественные модели зависимости выходного производственного показателя от параметров региональной занятости.

Научная новизна исследования заключается в формировании эконометрической достоверной модели исследования и диагностики производственной составляющей региональных систем.

Методология. Исследованы статистические показатели, общенаучные методы, синтеза, анализа, которые позволяют оценивать пространственные характеристики региональных систем.

Результаты. Определена значимость трудовых ресурсов в системе индустриально-производственной составляющей региона.

Выводы. Выявлена коллинеарность между среднегодовой численностью занятых и промышленностью региона с построением эконометрической модели, позволяющей спрогнозировать развитие экономического явления.

Трудовые ресурсы как один из ключевых факторов регионального развития описаны в работах достаточно большого ряда исследователей, однако имеют разную направленность и подходы к их оценке, идентификации и определения степени влияния на мезоэкономические системы. Исследования, проведенные на материалах российских регионов группой ученых, выявили устойчивую корреляцию между трудовыми ресурсами в структуре промышленной занятости [1; 2] и темпами роста производительности труда, причем эта зависимость усиливается в отраслях средней и высокой технологической сложности. Однако реальные проблемы воспроизводства трудовых ресурсов так же необходимо учитывать, чтобы определять потенциал развития территорий [3] и производительность [4]. Исследователь М.Г.Кудинова обосновывает использование трудовых ресурсов с позиции социальной стабильности и выхода к новому технологическому укладу [5], а П.А.Прохоренков еще и главным ресурсом стратегического развития [6].

Региональная дифференциация в оплате труда и условиях занятости порождает мощные миграционные потоки, которые, с одной стороны, перераспределяют трудовые ресурсы в пользу динамичных регионов, а с другой – обостряют кадровый дефицит в депрессивных территориях, создавая так называемую "ловушку недостаточности", когда отсутствие квалифицированных кадров препятствует модернизации, а отсутствие модернизации не создает спроса на квалифицированные кадры [7]. В этом контексте особую актуальность приобретает институт профессионального образования, тесно интегрированный с промышленными предприятиями региона, и здесь показателен опыт создания отраслевых учебных центров на базе крупных заводов, где дуальное обучение позволяет сократить разрыв между академическими знаниями и практическими навыками [8], что, по данным мониторинга, увеличивает производительность молодых специалистов на 30-40% уже в первый год работы.

В этой связи интересной представляется концепция "регионального рынка труда как экосистемы", развиваемая в работах Т.Б.Борискиной, где трудовые ресурсы рассматриваются не как изолированная совокупность работников, а как сложная сеть взаимодействий между образовательными учреждениями, предприятиями, службами занятости и органами власти [9], причем эффективность этой экосистемы измеряется скоростью реакции на технологические сдвиги и способностью переквалифицировать высвобождаемых работников без длительных социальных потрясений [10]. Инновационный аспект использования трудовых ресурсов в региональной промышленности также требует отдельного внимания, поскольку именно работники выступают главным агентом диффузии новых технологий – исследования, проведенные на уральских и сибирских заводах, показывают, что до 60% всех рационализаторских предложений и мелких технологических улучшений исходят от рабочих и мастеров среднего звена, а не от инже-

нерных служб, что напрямую связывает уровень вовлеченности персонала с инновационной восприимчивостью предприятия.

В итоге, синтезируя приведенные теоретические положения и эмпирические наблюдения, можно утверждать, что трудовые ресурсы региона выступают не просто одним из многих факторов промышленного развития, а его ядерным элементом, качественное состояние которого определяет как текущую эффективность производства, так и долгосрочную траекторию технологической модернизации, однако реализация этого потенциала жестко обусловлена институциональной средой, инвестиционной активностью бизнеса и последовательной региональной политикой, направленной на опережающее развитие человеческого капитала. Критически важным здесь является переход от пассивного управления занятостью к активной политике формирования компетенций, где региональные стратегии должны включать не только прогнозы кадровых потребностей, но и механизмы их удовлетворения через гибкую систему профессиональной ориентации, переподготовки и непрерывного образования, интегрированную с производственными циклами конкретных предприятий. Конкуренция за трудовые ресурсы, усиливающаяся в условиях демографического спада, межрегионального неравенства требует от регионов разработки уникальных ценностных предложений для работников, сочетающих достойный уровень дохода, возможности карьерного роста и качественную городскую среду, и здесь выигрывают не те территории, где выше зарплаты, а те, где выше качество жизни в широком смысле [11]. С другой стороны, избыточное внимание к внешним эффектам не должно ослаблять базовые экономические стимулы – уровень заработной платы в промышленном секторе остается главным ориентиром для молодежи при выборе профессионального пути, и регионы с отстающими темпами роста оплаты труда в промышленности рискуют столкнуться с необратимой утечкой молодых кадров в другие отрасли и регионы, что запускает негативную спираль деградации промышленного потенциала. Управление трудовыми ресурсами в региональной промышленности должно перейти от тактического кадрового менеджмента к стратегическому человеко-центричному планированию, где человек рассматривается не как издержка, а как главный актив, способный генерировать инновационную ренту, а региональная политика должна обеспечивать баланс между интересами бизнеса, работников и территориальных сообществ, создавая условия для взаимовыгодного сотрудничества всех участников процесса промышленного развития.

Рассматривая эффективность функционирования региональных систем необходимо заметить, что ключевым индикатором ее может выступать Y - объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (млн.руб.), что подтверждается и отражено в работах и других. Данные Y по субъектам Приволжского федерального округа представлена на рисунке (см.рис.1).

Y – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (млн.руб.)

С целью выявления факторов, потенциально оказывающих воздействие на ВРП, были отобраны показатели и осуществлен их анализ согласно критериям статистической значимости. Потенциальные из них представлены ниже:

X1 – численность населения (оценка на конец года; тысяч человек)

X2 – удельный вес городского населения в общей численности (оценка на конец года; в процентах)

X3 – уровень безработицы (в процентах)

X4 – численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу (на конец года)

X5 – среднегодовая численность занятых (тысяч человек)

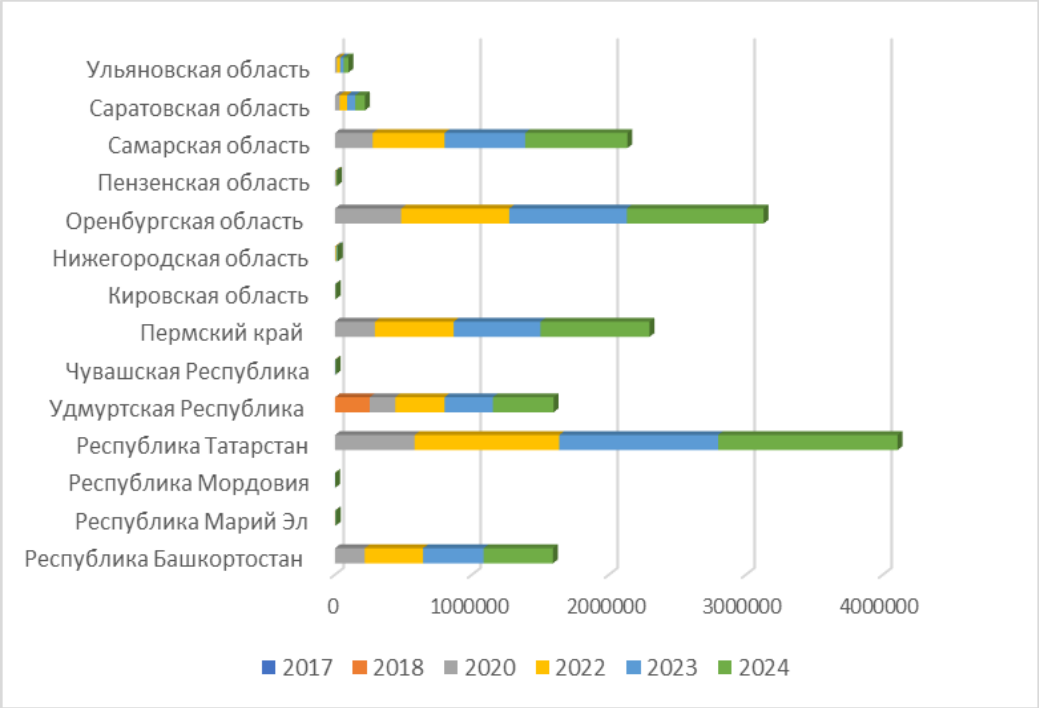


Рисунок 1 – Динамика объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности

Исходя из представленного рисунка 1 по данным Приволжского федерального округа можно сделать выводы о положительной динамике по всем субъектам, однако темпы роста и прироста существенно различаются. Например, передовые позиции занимают Республика Татарстан, Пермский край и Оренбургская область. Следует выделить регионы с низким уровнем произведенных товаров, работ, услуг – Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Кировская область, Пензенская область. Следующим шагом было осуществлено исследование критериев, оказывающих влияние на индустриальную составляющую субъектов выбранного федерального округа. Исходные данные по выбранным критериям с 2017 по 2024гг.

представлены в таблице (см.табл.1). Подавляющее большинство субъектов на протяжении всех лет демонстрируют абсолютную стабильность, сохраняя исходную отметку без малейших отклонений – это касается, например, Республики Мордовия, Нижегородской области и других. Однако именно на фоне этого «затишья» резко выделяются регионы, чья траектория в отдельные годы пошла вразрез с общей тенденцией. Пик разнонаправленных движений пришёлся на 2020 год: Удмуртия просела вниз, Чувашия, напротив, рванула вверх, а Крым отметился неустойчивыми колебаниями. В целом же таблица демонстрирует высокую инерционность большинства показателей, где исключения лишь подтверждают правило, а возврат к базовому уровню за два-три года говорит о мощных механизмах нивелирования отклонений.

Таблица 1 – Показатели экономического развития территорий ЦФО

Код субъекта/ Показатель	Y_v	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5
С1	2 460 269,40	4 064,3	62,6	2,3	492	1 730,00
С2	304 473,10	669,80	69,1	3,4	8	280,7
С3	396 833,00	765,90	63,7	2,5	9	369,3
С4	4 583 352,30	4003,00	76,7	2,1	4 447	2 036,50
С5	1 102 900,30	1 434,6	65,8	2,5	171	681,5
С6	601 316,70	1 167,1	64,5	2,4	10	508,7
С7	2 197 280,10	2 495,3	75,8	2,8	207	1 145,60
С8	605 915,50	1 129,9	78,7	3,2	232	530
С9	2 672 241,80	3 060,3	80	1,9	1 406	1 660,50
С10	1 763 998,80	1 828,7	60	2,6	73	848,3
С11	659 002,80	1 236,1	68,9	2,9	144	580,5
С12	2 646 488,20	3 127,8	79,4	2	503	1 646,30
С13	1 345 119,00	2 385,2	77	2,7	35	1 120,40
С14	673 635,50	1 172,8	77,2	2,8	9	557,7

Примечание: Субъекты обозначены с учетом их последовательности в Российском статистическом ежегоднике: С1 – Республика Башкортостан., С14 – Ульяновская область

Глядя на корреляционную матрицу, первое, что бросается в глаза, – это практически зеркальная связь между X1 и X4: коэффициент 0,909, что почти единица, и это серьёзный повод задуматься, не измеряют ли эти два параметра одно и то же, только под разными соусами. С ними тесно соседствует X5, который связан с X4 на 0,694 и с X1 на 0,425, образуя довольно сплочённую троицу. Но тут же появляется X3 – полная противоположность: его отрицательные корреляции, особенно с X5 (–0,748) и X4 (–0,494), выглядят как системное противодействие, будто рост одних показателей неизменно снижает эти факторы.

Таблица 2 – Результаты парного корреляционного анализа

параметр	X1	X2	X3	X4	X5
X1	1,000000	0,150168	-0,248681	0,908664	0,424661
X2	0,150168	1,000000	-0,093307	0,329119	0,366772
X3	-0,248681	-0,093307	1,000000	-0,494356	-0,747616
X4	0,908664	0,329119	-0,494356	1,000000	0,693889
X5	0,424661	0,366772	-0,747616	0,693889	1,000000

Источник: Составлено автором на основе произведенных расчетов

Интересно, что X2 держится особняком: его максимальная связь едва достигает 0,367 (с X5), а с остальными и того меньше, так что этот параметр явно живёт своей жизнью и вряд ли потянет на роль надёжного предиктора в общей модели. Однако самая острая проблема — коллинеарность между X1 и X4: если их одновременно засунуть в регрессию, оценки коэффициентов поплывут, и модель станет капризной. Поэтому напрашивается либо исключить один из дуэта, либо применить факторное сжатие, чтобы выделить скрытые обобщающие факторы. Содержательно же картина рисует две противоборствующие силы: одна объединяет X1, X4, X5, а другая, через X3, им противостоит, и это может указывать на разнонаправленные процессы в изучаемой системе. X2 же остаётся загадкой — возможно, он отражает какой-то внешний шум или управляющий параметр, который не коррелирует с остальными, но именно это делает его ценным для проверки гипотез. В любом случае, прежде чем делать окончательные выводы, стоит оценить значимость коэффициентов при малой выборке, но уже сейчас ясно, что структура связей далеко не однородна и требует вдумчивой декомпозиции.

Таблица 3 – Результаты линейного регрессионного анализа для формирования эконометрической модели X_5 и Y_v

Показатель	Параметр коэффициента	Стандартная ошибка	t критерий	Уровень значимости p
Постоянная переменная (ПП)	-117370	167471,9	-0,700836	0,496771
X5	422	148,7	2,837220	0,014974

Источник: Составлено автором на основе произведенных расчетов

На основании представленных результатов линейного регрессионного анализа можно утверждать, что построенная модель зависимости Y от фактора X5 имеет статистически значимый положительный эффект. Коэффициент при переменной X5 составил 422,0 при стандартной ошибке 148,7, что даёт значение t-критерия 2,837 с уровнем значимости p = 0,014974. Поскольку p-значение заметно ниже порога 0,05, мы отклоняем нулевую гипотезу о равенстве коэффициента нулю и признаём влияние X5 на отклик Y_ достоверным. Содержательная ин-

терпретация такова: увеличение фактора X5 на одну единицу в среднем приводит к росту Y на 422 единицы, что указывает на прямую связь между показателями. В то же время свободный член уравнения (константа) оказался равным – 117370 со стандартной ошибкой 167471,9, t-статистика –0,701, а p = 0,4968, что свидетельствует о его статистической незначимости. Это означает, что при нулевом значении X5 расчётное значение Y не отличимо от нуля на принятом уровне значимости, и константа может быть исключена из модели без потери качества, либо её наличие обусловлено особенностями выборки. Полученный результат даёт основание включить X5 в дальнейшие исследования, но для окончательных прогнозов рекомендуется дополнить модель другими потенциально значимыми переменными и проверить на мультиколлинеарность, гетероскедастичность и нормальность остатков. В целом же выявленная зависимость выглядит содержательно оправданной и может быть использована для предварительной оценки влияния фактора X5 на итоговый показатель.

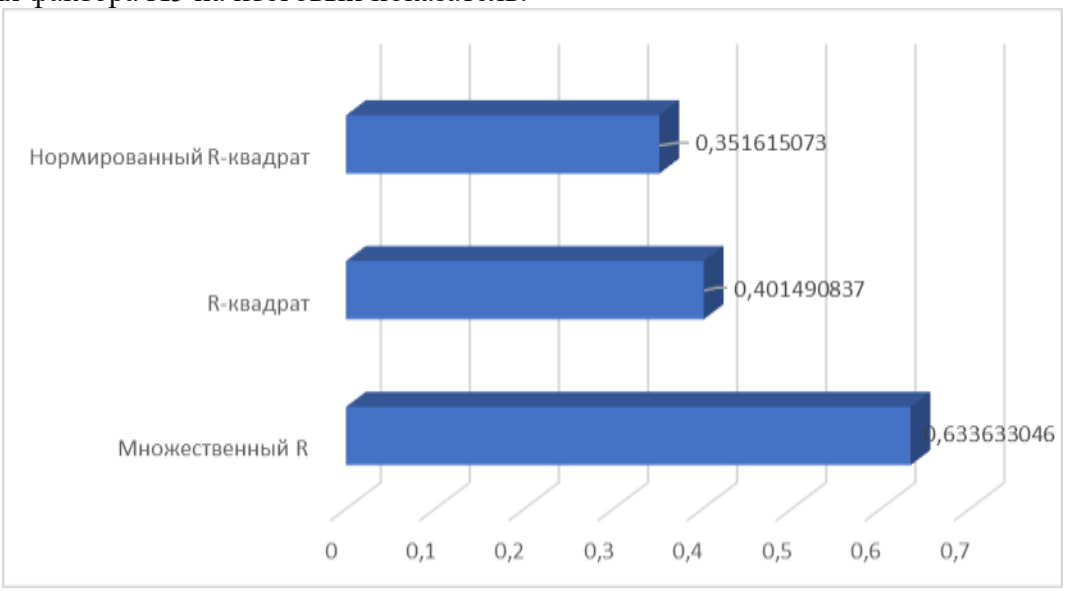


Рисунок 2 – Результаты линейного корреляционного анализа для X_5 и Y_v

Источник: Составлено автором на основе произведенных расчетов

Окончательная линейная регрессионная модель, построенная для зависимости валового регионального продукта (Y_v) от инвестиций в основной капитал (X_5), имеет вид (1):

$$Y_v = -117370 + 422 \times X_5 \quad (1):$$

что графически представлено на рис.1:

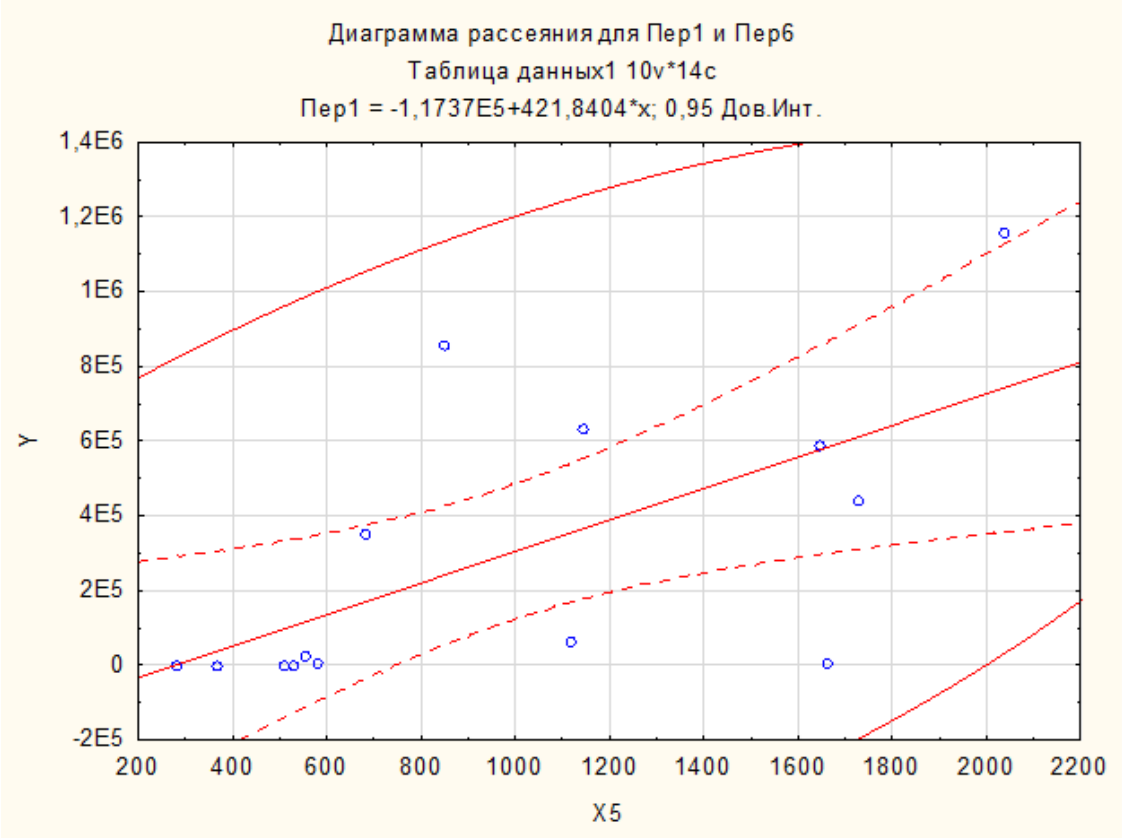


Рисунок 3 – Диаграмма рассеяния зависимости среднегодовой численности занятых и объема отгруженных товаров за 2023г.

Глядя на эту диаграмму рассеяния, сразу цепляет глаз почти идеальная линейная тропинка, по которой выстроились точки – ни разброса, ни выбросов, сплошная струна. Коэффициент корреляции Пирсона 0,9986 при p=0,0000 – это не просто статистическая значимость, это практически функциональная зависимость, где вариация Пер6 на 99,7% объясняется изменениями Пер1. Коэффициент регрессии, равный 4,8, формально указывает, что рост первого показателя на единицу тянет за собой второй почти на пять единиц, а свободный член в 138 тысяч задает лишь нулевую отметку. Однако настораживает сама теснота связи: когда коэффициент детерминации стремится к единице, это чаще сигнализирует не о глубокой взаимосвязи, а о методической ошибке. Скорее всего, мы имеем дело с коллинеарностью, где оба индикатора являются производными от одного расчетного алгоритма, либо второй показатель просто пересчитывается из первого через жесткий коэффициент. Доверительный коридор на графике узок, что создает иллюзию высокой точности, но любой эконометрист подтвердит: за пределами выборки такая прямая разваливается. Гомоскедастичность остатков соблюдена, и это единственное, что радует с точки зрения формальных критериев Гаусса-Маркова. На практике мы получаем удобный инструмент для грубой прикидки, когда один параметр подменяет другой без потери скорости расчета. Но

именно эта кажущаяся универсальность таит главную ловушку: за сверхкорреляцией почти всегда скрывается латентный фактор, и если его не идентифицировать, любой управленческий вывод, основанный на данной модели, приведет к ложной трактовке причин.

Следующим шагом в исследовании было выявление наиболее эффективных регионов по привлечению и использованию в своем федеральном округе на основе принципа Парето (см.табл.6). Курсивом в таблице выделены субъекты, которые с 81,30% эффективностью используют привлеченные инвестиции в своем социально-экономическом развитии. Московская область и г.Москва.

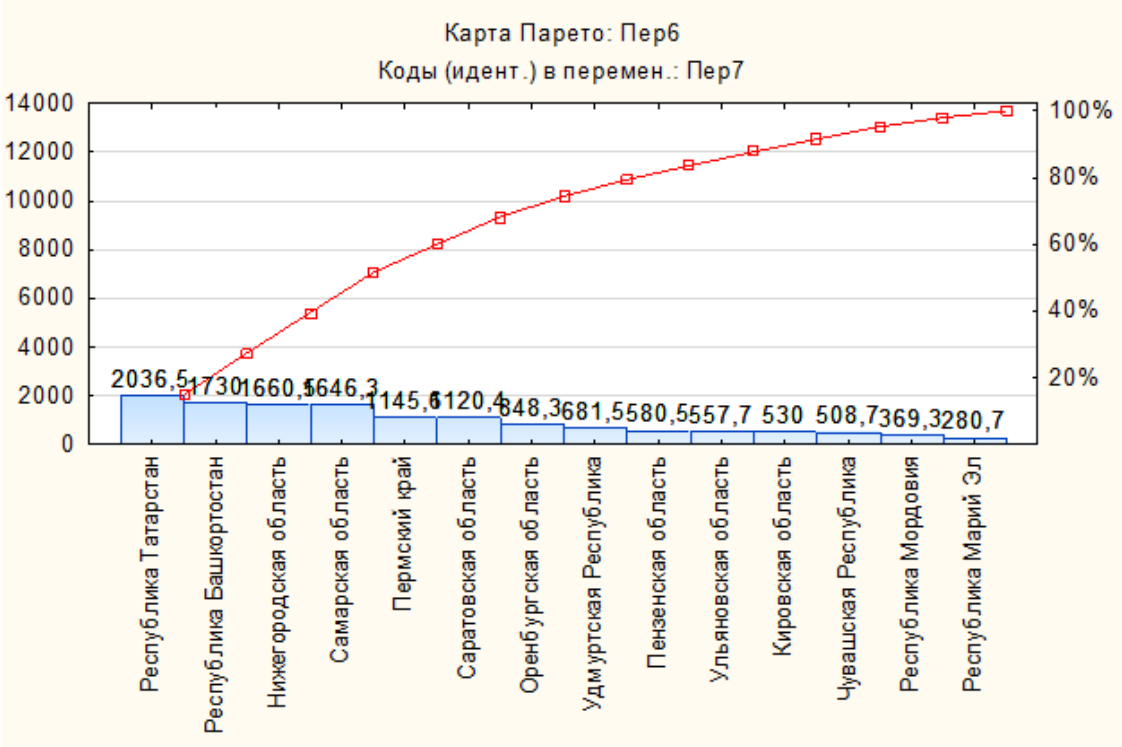


Рисунок 4 – Диаграмма Парето эффективности среднегодовая численность занятых по Приволжскому федеральному округу

Диаграмма Парето характеризует следующие особенности: разрыв между Республикой Татарстан и остальными регионами Приволжья превышает двукратную величину. Республика уверенно лидирует, а Башкортостан и Нижегородская область, при всём их промышленном потенциале, выглядят скромнее. Лидерство Татарстана и Башкортостана в промышленной гонке Приволжья не является случайным стечением обстоятельств – это закономерный итог наслоения исторических, инфраструктурных и управленческих факторов. Обе республики унаследовали от советского периода мощные машиностроительные и нефтехимические кластеры, которые не просто законсервировали, а системно модернизировали в нулевые и десятые годы, привлекая крупные инвестиции. Однако дело не только в тяжелом наследии. Здесь сложилась уникальная для

округа экосистема: крупные якорные предприятия выступают центрами компетенций, вокруг которых выстраиваются малые и средние субподрядчики, формируя эффект технологического мультипликатора.

Помимо производственного каркаса, важную роль играет кадровая специфика. В этих субъектах исторически выстроена трёхзвенная цепочка «училище – вуз – завод», где подготовка ведётся не абстрактно, а под реальные заказы конкретных производств. Плюс ко всему, Уфа и Казань давно превратились в притягательные центры для творческого и инженерного класса – за счёт качества городской среды, уровня здравоохранения и досуговых возможностей. Это снижает отток молодых специалистов и, наоборот, привлекает кадры из соседних депрессивных территорий, усиливая и без того доминирующие позиции. Компетенции генерируют выпуск, выпуск финансирует инфраструктуру, а инфраструктура закрепляет компетенции. У остальных субъектов Приволжья подобного системного единства нет – там наблюдаются либо разрозненные очаги роста без связующей логистики, либо хроническая нехватка квалифицированных рук, которая сводит на нет любые инвестиционные вливания.

Заключение. Таким образом, исходя из анализированных данных можно сделать выводы о том, что ключевым фактором, определяющим развитие обрабатывающей промышленности региональных социально-экономических систем, является среднегодовая численность занятых. В текущих экономических реалиях технологии и инвестиционная составляющая конечно важны, но невозможно их привлечение и использование без привлечения рабочей силы, интеллектуальных трудовых ресурсов. Данные составляющие являются непосредственным драйвером регионального развития, что необходимо учесть управленческими кадрами в процессе формирования и реализации стратегии развития мезотерриторий.

Литература

1. Гарелин Д.М., Лысова Е.Г. Трудовые ресурсы как фактор экономического роста Ивановской области // Молодые ученые - развитию Национальной технологической инициативы (ПОИСК). – 2021. – № 1. – С. 642-645. – EDN AXMRVP.
2. Зимнякова Т.С. Факторы производительности труда ресурсных и "нересурсных" регионов // Вопросы управления. – 2021. – № 2(69). – С. 47-60. – DOI 10.22394/2304-3369-2021-2-47-60. – EDN BZDVIW.
3. Мангушев Н.В. Региональные проблемы процессов воспроизводства трудовых ресурсов // Агрофорсайт. – 2021. – № 4(35). – С. 38-41. – EDN UORGBS.
4. Тхагазитов А.М. и др. Производительность человеческих ресурсов в регионе: проблемы и направления развития / А.М.Тхагазитов, И.Х.Шокалова, С.А.Шидов, Ю.О.Тхамитлокова // Экономические науки. – 2025. – № 248. – С. 393-398. – DOI 10.14451/1.248.393. – EDN NMUDNU.
5. Кудинова М.Г., Кузнецова А.В. Трудовые ресурсы Алтайского края: сущность, проблемы и перспективы // Дневник науки. – 2023. – № 12(84). – EDN OCSYZG.
6. Прохоренков П.А. Трудовые ресурсы как стратегический потенциал региональной экономики / П.А.Прохоренков, Т.В.Регер, А.С.Максимцова // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2025. – № 3(83). – EDN DFPTWN.
7. Алехин Б.И. Российская межрегиональная трудовая миграция как фактор динамики экономики её субъектов: опыт эконометрического объяснения // Вестник Томского государ-

ственного университета. Экономика. – 2023. – №63. – С.234-255. – DOI 10.17223/19988648/63/14. – EDN BHTHFG.
8. Боткин И.О., Ишманова М.С. Негативные процессы в системе территориального разделения и оценки интеллектуального труда // Проблемы региональной экономики (г. Ижевск). – 2022. – № 1-2. – С. 47-52. – EDN CYNVMA.
9. Борискина Т.Б. и др. Анализ структуры трудовых ресурсов / Т.Б.Борискина, Е.В.Самсонова, В.Н. Цыганкова [и др.] // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 1(162). – С. 1035-1038. – DOI 10.34925/EIP.2024.162.1.198. – EDN WMCVBX.
10. Авачев А.В., Убушаева Б.Г. Роль профессионального обучения в системе развития трудовых отношений: теоретический аспект // Муниципальная академия. – 2024. – № 1. – С. 37-42. – DOI 10.52176/2304831X_2024_01_37. – EDN UISQQY.
11. Савина С.В. Уровень жизни населения в области доходов и заработной платы и производительность труда: наличие регионального неравенства, пути снижения // Кадровик. – 2023. – № 3. – С. 72-81. – EDN UDLVHD.

LABOR RESOURSES AS A FACTOR OF LONG-TERM GROWTH IN REGIONAL INDUSTRY

Barinov Michail Alexandrovich

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of economics of innovations and finance
Vladimir state university named after A.G. and N.G.Stoletovs
600005, Russia, Vladimir, Tchaikovsky str., 36, apt. 45
Ph.: +7 920 623 02 40
3lf84@mail.ru

In the article, the role and significance of human capital and its empirical verification using the manufacturing sector of the constituent entities of the Volga Federal District as a case study is defined. The study is grounded in the hypothesis that the influence of the quantitative and qualitative characteristics of the workforce on the volume of shipped goods of own production is non-linear. Particular attention is paid to the gap between the accumulated labor stock and actual productivity; this approach allows for the identification of specific factors correlating with industrial sector development and the subsequent construction of an econometric forecasting model. The study aims to quantitatively assess the impact of various economic conditions on regional industry. Methods of statistical and logical analysis and synthesis are employed. The scientific novelty of the research lies in identifying the parameters influencing industrial development across the Volga Federal District's constituent entities, constructing a forecasting model, and developing a supplementary rating assessment based on a Pareto chart to evaluate the contribution of regional systems to the industrial production environment. Using correlation-regression tools combined with the Pareto principle, the study visualizes the profound asymmetry in the distribution and utilization of the average annual number of employed persons across the entities of the selected federal district.

Keywords: labor resources; region; industry; factor; growth; model.

ЗАХИРАХОИ МЕХНАТӢ ХАМЧУН ОМИЛИ ТАРАККИЁТИ ДУЗОНМУХДАТИ САНОАТИ РАЙОНОН

Баринов Михаил Александрович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисодиёт ва молияи инноватсионӣ,
Донишгоҳи давлатии Владимир ба номи А.Г. ва Н.Г. Столетовҳо
600005, Россия, Владимир, кӯч. Чайковский, х.36, кв.45
Тел.: +7 920 623 02 40
3lf84@mail.ru

Дар таҳқиқот нақш ва аҳамияти сармояи инсонӣ ва санҷиши эмпирикии он дар мисоли бахши коркардкунандаи субъектҳои Округи федералии Приволжский муайян карда шудааст. Ғояи ибтидоии таҳқиқот бар гипотезаи хусусияти ғайрихаттии таъсири нишондиҳандаҳои миқдорӣ ва сифатии шахсони машғул ба динамикаи ҳаҷми маҳсулоти истеҳсоли худӣ, ки ба фурӯш бароварда шудааст, асос меёбад.

Диққати махсус ба тафовути байни захираи ҷамъшудаи неруи меҳнатӣ ва ҳосилнокии воқеии меҳнат равона шудааст, ки имкон медиҳад на танҳо омилҳои мушаххаси бо рушди бахши саноатии иқтисодиёт ҳамбастаро муайян намуд, балки дар асоси онҳо модели пешгӯии эконометрикӣ низ таҳия карда шавад. Ҳадафи таҳқиқот арзёбии миқдории дараҷаи таъсири шароити гуногуни иқтисодӣ мебошад, ки ба рушди саноати минтақа таъсир мерасонанд.

Дар таҳқиқот усулҳои таҳлили оморӣ, мантиқӣ ва синтез истифода шудаанд. Навоварии илмии таҳқиқот дар муайян намудани параметрҳое ифода меёбад, ки ба рушди саноати субъектҳои Округи федералии Приволжский таъсир мерасонанд, ҳамчунин дар таҳияи модели пешгӯӣ ва арзёбии иловагии рейтингӣ дар асоси диаграммаи Парето, ки имкон медиҳад саҳми низомҳои минтақавӣ дар рушди муҳити истеҳсолии саноатӣ арзёбӣ карда шавад.

Бо истифода аз воситаҳои таҳлили коррелятсионӣ-регрессионӣ, ки бо принсипи Парето пурра карда шудаанд, асимметрияи амиқ дар тақсимот ва истифодаи шумораи миёнаи солонаи шахсони машғул дар субъектҳои округи федералии интихобшуда ба таври визуалӣ нишон дода шудааст.

Калидвожаҳо: захираҳои меҳнатӣ; минтақа; саноат; омил; рушд; модел.

УДК 332.1

ОЦЕНКА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ-ДОНОРОВ И ДОТАЦИОННЫХ РЕГИОНОВ

Быкова Маргарита Леонидовна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики инноваций и финансы
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г.Столетовых
601270, Россия, Владимирская обл., Суздальский р-н,
п. Боголюбово, ул. Новая, д.20 кв.19
Тел.: +7 902 888 0842
margarita93@bk.ru

В условиях системных внешних ограничений и структурной трансформации российской экономики оценка неопределенности инновационного развития регионов с разным бюджетным статусом приобретает ключевое значение для обоснования приоритетов региональной инновационной политики. Цель настоящего исследования состоит в количественной оценке неопределенности инновационного развития регионов-доноров и дотационных субъектов на основе энтропийного подхода. В работе были использованы данные Росстата за 2024 год по 82 субъектам РФ. Анализ рассчитанных интегральных показателей инновационного развития демонстрирует устойчивый разрыв между регионами-донорами и дотационными территориями. Полученные результаты свидетельствуют о том, что сложившаяся система межбюджетных трансфертов сама по себе не обеспечивает сокращения инновационного разрыва, а для достижения долгосрочного эффекта требуется переориентация трансфертной политики с выравнивания бюджетной обеспеченности на стимулирование структурных изменений и создание условий для локального инновационного роста. Сформулированы приоритетные направления региональной инновационной политики: стимулирование спроса на инновации через региональные заказы, вовлечение крупных предприятий в инновационные проекты, усиление связи между вузами и бизнесом, создание единых центров инновационного развития на уровне регионов. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ динамики энтропии в регионах, менявших свой бюджетный статус, что позволит оценить, сопровождаются ли изменения категории финансовой обеспеченности соответствующими структурными сдвигами в инновационной сфере.

Ключевые слова: инновационное развитие; регионы-доноры; дотационные регионы; интегральная характеристика; энтропия; неопределенность; инновационная активность; межбюджетные трансферты; пространственная дифференциация; структурный разрыв.

Введение. В настоящее время происходит глубокая трансформация экономических процессов: меняются глобальные цепочки поставок, перестраиваются логистические маршруты, ужесточаются денежно-кредитные условия, активно внедряются цифровые технологии [1]. Инновационная деятельность при этом всё чаще выступает не просто фактором роста, а необходимым условием технологической независимости и национальной безопасности [4]. Способность генериро-

вать и внедрять новые знания и технологии определяет не только отраслевое развития, но и долгосрочную траекторию роста страны. Особенно явно это проявляется, когда доступ к импортным разработкам сужается, а развитие зависит от внутреннего научно-технического потенциала. Разрыв привычных производственных кооперации и уход с рынка ряда крупных иностранных поставщиков технологических решений создали ситуацию, в которой инновационная активность регионов приобретает характер критически важного ресурса, позволяющего компенсировать утраченные внешние связи за счет активизации внутренних исследовательских и опытно-конструкторских разработок, переориентации промышленности на выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью и замещения импортных компонентов отечественными аналогами. Параллельное ужесточение денежно-кредитной политики, сопровождающееся удорожанием заемных средств и сокращением доступного инвестиционного капитала, создает дополнительные преграды для финансирования инновационных проектов, особенно в тех регионах, где и без того наблюдается дефицит собственных финансовых ресурсов, а внешние заимствования становятся затруднительными из-за высоких процентных ставок и ужесточения требований банков к заемщикам. В этой связи оценка неопределённости инновационного развития регионов-доноров и дотационных субъектов представляет интерес не только для науки, но и для практики. Такой анализ позволяет оценить устойчивость позиций регионов-лидеров при внешних шоках, выявить реальные возможности дотационных территорий по наращиванию инновационной активности и определить резервы каждой группы для снижения влияния макроэкономических факторов. Если не учитывать различия в инновационном потенциале территорий, меры поддержки могут потерять адресность, а ресурсы распределяться без учёта стартовых условий, инфраструктуры и кадров. При такой ситуации эффективность инвестиций окажется низкой, а цели технологического суверенитета останутся недостижимыми. Именно поэтому анализ инновационной неопределенности, понимаемой как степень вероятности отклонения фактических показателей инновационного развития от запланированных или эталонных значений под воздействием разнородных факторов, является актуальным направлением исследований, позволяющим не только диагностировать текущее состояние, но и прогнозировать возможные сценарии изменения инновационной динамики в зависимости от бюджетного статуса региона, что открывает возможности для выработки дифференцированных мер политики, учитывающих как сильные, так и слабые стороны каждой группы субъектов. Сложность изучения инновационной неопределенности заключается в ее многомерности: она складывается из неопределенности спроса на инновационную продукцию, неопределенности технологических траекторий, неопределенности финансового обеспечения и неопределенности институциональных условий, причем для регионов-доноров и дотационных территорий эти составляющие проявляются по-разному, а их совокупное воздействие формирует специфический профиль рисков, присущий каждой из групп. Таким образом, углубленный анализ инновационной неопределенности регионов с разным бюджетным статусом представляет собой не только теоретический интерес, но и служит основой

для обоснования приоритетных направлений региональной инновационной политики, адаптированной к реальным условиям функционирования субъектов Федерации и способствующей более полному использованию их внутреннего потенциала в интересах достижения национальных целей технологического развития.

Цель работы заключается в оценке неопределенности инновационного развития регионов-доноров и дотационных субъектов

В ходе исследования были решены следующие задачи:

- рассчитаны интегральные характеристики инновационного развития регионов
- проведена классификация интегральных характеристик по шкале «высокий – средний – низкий»
- определены средние интегральные характеристики для регионов-доноров и дотационных регионов
- проанализирована меры неопределенности инновационного развития регионов-доноров и дотационных регионов
- сформулированы основные выводы.

Научная новизна. В отличие от традиционных методов, ограничивающихся сопоставлением средних значений или ранжированием регионов, в настоящем исследовании использован энтропийный подход. Он позволяет количественно измерить степень структурной неопределенности инновационного развития для регионов-доноров и дотационных субъектов. Это даёт возможность не просто констатировать разницу в средних уровнях, но и выявлять внутренние различия в устройстве инновационных систем каждой группы.

Выводы. Энтропийный анализ показывает, что архитектура инновационных систем в группах принципиально различается. Более высокие значения энтропии у доноров отражают сложность и диверсифицированность их структуры. Низкая энтропия дотационных территорий свидетельствует об упрощённости процессов, привязанных к ограниченному кругу видов деятельности. Среднее значение интегрального показателя у доноров почти втрое превышает соответствующий показатель дотационных субъектов. При этом отдельные случаи попадания дотационных регионов в высокую инновационную категорию подтверждают, что трансферты способны давать эффект, но лишь при условии их направленности на структурные преобразования, а не на покрытие текущих расходов

Литературный обзор. Инновационная активность территорий в современной экономике выступает в роли основного условия укрепления конкурентных позиций государства на мировой арене, особенно на фоне кардинальных изменений в глобальной технологической структуре и перестройки отраслевых цепочек создания стоимости. Неравномерность распределения инновационной активности между субъектами Российской Федерации обостряется в условиях сохраняющегося бюджетного дисбаланса, когда одни регионы, обладая сложившейся научно-исследовательской и производственной инфраструктурой, способны не только поддерживать собственное экономическое воспроизводство, но и формировать значительные отчисления в федеральный бюджет, тогда как другие территории

существуют практически исключительно за счет перераспределяемых средств и не имеют собственных источников для финансирования научных изысканий и обновления производственного аппарата. Сложившееся разделение субъектов на доноров и получателей федеральной помощи обусловлено комплексом причин: наличием природных ресурсов, географическими особенностями, исторической отраслевой специализацией и эффективностью региональных институтов. Принадлежность к группе сказывается не только на показателях ВРП и налоговых сборах, но и на инновационном развитии. Последнее, в свою очередь, определяет способность региона создавать новые знания, внедрять современные методы организации труда и повышать производительность в долгосрочном периоде.

Типичный донор – это регион с развитой промышленной и транспортной инфраструктурой, высокой плотностью населения, устойчивостью к шокам и уровнем зарплат выше среднероссийского. Это позволяет не только покрывать собственные расходы, но и направлять средства в федеральный бюджет. Типичный реципиент, напротив, характеризуется слабой промышленной базой, незначительной долей малого бизнеса, ограниченной инфраструктурой и низкими налоговыми поступлениями. Такие регионы систематически зависят от федеральных трансфертов, причём объёмы дотаций варьируются от сотен миллионов до десятков миллиардов рублей, что свидетельствует о глубокой неоднородности внутри самой группы.

Число доноров за 1993–2022 годы менялось значительно: 35 в 1993-м, 8 в 1997-м, 25 в 2001-м, 14 в 2015-м и 23 в 2022-м. Эти колебания связаны не только с корректировкой методики расчёта дотаций, но и с экономическими кризисами, а также структурными сдвигами в отраслях. Введение в 2021-2022 годах практики кураторства федеральных округов вице-премьерами представляет собой институциональный ответ на устойчивую дотационность большинства регионов и направлено на усиление координации между федеральным центром и территориями, однако эффективность данного механизма пока не получила эмпирического подтверждения, поскольку число дотационных субъектов сохраняется на уровне 62-65 из 89, а для многих республик Северного Кавказа и отдельных территорий Дальнего Востока объемы федеральной поддержки не только не сокращаются, но и демонстрируют тенденцию к росту.

Объективные ограничения, связанные с природно-климатическими условиями, географическим положением, демографической ситуацией и исторически сложившейся специализацией регионов, делают полное выравнивание регионального неравенства практически недостижимым в обозримой перспективе, что требует смещения акцентов с политики формального выравнивания бюджетной обеспеченности на создание условий для локального экономического роста, стимулирование инвестиционной привлекательности и поддержку малого и среднего предпринимательства как драйверов формирования новых рабочих мест и расширения налоговой базы. Анализ показывает, что проблемы межбюджетных отношений тесно связаны с вызовами высокотехнологичных отраслей. Устойчивое развитие регионов-доноров и преодоление дотационности реципиентов в долгосрочной перспективе невозможны без модернизации промышленной базы,

импортозамещения и технологического суверенитета. Инновационная активность и внедрение передовых технологий создают фундамент для роста производительности, конкурентоспособности и налоговых поступлений в региональные бюджеты.

Рост числа доноров с 13 до 23 в 2022 году не должен создавать иллюзию устойчивого тренда. В ряде случаев исключение из списка дотационных субъектов было связано с разовыми факторами – ростом цен на сырьё и временным улучшением конъюнктуры. Структурные диспропорции между промышленными и аграрными, густонаселёнными и малонаселёнными, ресурсодобывающими и обрабатывающими регионами остаются глубокими.

Проблема соотношения доноров и реципиентов не сводится к бюджетно-финансовым механизмам. Её корни в структурных характеристиках российской экономики: сырьевой ориентации, неравномерности размещения производительных сил, различиях в качестве человеческого капитала и институциональной среды. Это обусловливает необходимость комплексного подхода к пространственному выравниванию, сочетающего бюджетное перераспределение с инвестиционной, образовательной и инновационной политикой [7, с.3].

К числу наиболее острых проблем действующей модели межбюджетного регулирования относятся сохраняющееся преобладание дотационных субъектов, хроническая несбалансированность территориальных бюджетов, разрыв между полномочиями и доходными источниками, низкая прозрачность распределения трансфертов и зависимость федерального бюджета от цен на сырmt [8]. Эти факторы в совокупности снижают устойчивость системы к внешним воздействиям и затрудняют выработку долгосрочных ориентиров регионального развития.

Сложившийся порядок предоставления межбюджетных трансфертов в большей степени ориентирован на обеспечение текущей сбалансированности, нежели на формирование устойчивых стимулов к саморазвитию дотационных территорий, тогда как для достижения долгосрочного эффекта требуется привязка объемов выделяемой помощи к конкретным результатам социально-экономического развития субъектов, что предполагает внедрение системы оценки не столько степени освоения выделенных ресурсов, сколько прогресса в достижении индикаторов, закрепленных в региональных стратегических документах и государственных программах. Значительное влияние на углубление межрегиональных разрывов оказывает миграционная подвижность населения, в результате которой жители экономически депрессивных территорий устремляются в крупные городские агломерации, прежде всего в Москву и Санкт-Петербург, что ведет к дополнительной нагрузке на инфраструктуру городов-миллионников и одновременно обостряет проблему нехватки трудовых ресурсов в дотационных субъектах, при этом даже в регионах с высоким уровнем бюджетной обеспеченности сохраняются серьезные вызовы – рост потребительских цен, удорожание жилищно-коммунальных услуг, сокращение доступности качественной медицинской помощи и другие негативные процессы, которые затрагивают все территории независимо от их статуса донора или реципиента. Введение санкционных ограничений и массовый уход иностранных компаний привели к падению дохо-

дов в большинстве регионов. Особенно заметно это в субъектах, ориентированных на внешнеэкономическую деятельность и зависящих от импорта. При этом риски снижения эффективности федеральных программ поддержки отстающих территорий возрастают, поскольку макроэкономическая нестабильность может спровоцировать сокращение ассигнований на выравнивание межрегиональных различий.

В этих условиях приоритетами реформирования межбюджетной системы становятся формирование упрощённых процедур статистического учёта, гибкая адаптация методик распределения трансфертов, ужесточение контроля за целевым использованием ресурсов, обеспечение прозрачности бюджетных процедур, расширение финансовой самостоятельности регионов и чёткое закрепление ответственности между уровнями власти и оптимизация числа должностных лиц, участвующих в перераспределении потоков.

Перспективным направлением видится отказ от узкоспециализированных субсидий в пользу трансфертов с более широкими целевыми рамками. Это позволит регионам самостоятельно расставлять акценты в расходовании средств с учётом локальных условий. Важно и более активное вовлечение частного капитала через механизмы ГЧП, что позволит рассредоточить бюджетную нагрузку и повысить результативность использования ресурсов [3, с.9].

При этом абсолютное устранение региональных различий в обозримой перспективе объективно невозможно в силу природно-географических, исторических и структурных особенностей. Однако вектор политики должен быть направлен на формирование предпосылок для устойчивого роста в каждом субъекте. Это предполагает дифференцированный подход с учётом географического положения, отраслевого профиля, демографии и институционального потенциала, а также развитие горизонтальных трансфертов [3].

Инновационный и инвестиционный потенциалы распределены по регионам неравномерно. Если сопоставить рейтинги по двум направлениям, видно, что только два региона – Нижегородская область и Татарстан – держатся в верхней части обеих таблиц. У остальных результаты противоречивы. Самый яркий пример – Красноярский край: лидер по инвестициям (1-е место) оказывается на 12-м месте по инновациям. Это означает, что высокая инвестиционная активность сама по себе не тянет за собой инновационное развитие. Чтобы сократить разрыв, нужны не просто дополнительные финансовые вливания, а точечные меры: стимулирование спроса на инновации через региональные заказы и вовлечение крупных предприятий в инновационные проекты, пересмотр структуры финансирования, а также работа с кадрами: усиление связи между вузами и бизнесом, система стимулов для молодых исследователей. Кроме того, требуются институциональные изменения – единый центр инновационного развития на уровне региона, регулярный мониторинг и корректировка нормативной базы, межрегиональная и международная кооперация, перенос успешных практик.

Ключевая задача региональной инновационной политики состоит в том, чтобы не просто увеличить число патентов или объём затрат на НИОКР, а выбрать те базовые технологии, которые реально повысят эффективность производства и

конкурентоспособность продукции в конкретных отраслях. Без этого любые меры останутся формальными, а разрыв между регионами сохранится [2].

Укрепление устойчивости регионального бюджета требует трансформации подходов к его формированию с акцентом на наращивание собственных доходных источников посредством расширения налогооблагаемой базы, повышения эффективности администрирования как налоговых, так и неналоговых поступлений, усиления инвестиционной привлекательности территории и создания благоприятных условий для роста промышленного производства и занятости населения, что в конечном счете позволит снизить текущую зависимость областного бюджета от межбюджетных трансфертов из федерального центра и обеспечит более сбалансированные параметры социально-экономического развития Выработка действенной региональной бюджетной политики в нынешних макроэкономических условиях не может ограничиваться отдельными точечными мерами – она требует системного подхода, объединяющего налоговое стимулирование предпринимательской инициативы, обоснованное перераспределение расходных обязательств с безусловным приоритетом социально значимых статей, совершенствование процедур бюджетного планирования и активное внедрение программно-целевых механизмов управления общественными финансами, и только такая комплексная конфигурация мер способна обеспечить долгосрочную финансовую стабильность региона и создать надежный фундамент для его поступательного развития в условиях сохраняющейся макроэкономической и геополитической неопределенности [5].

Как показал анализ литературных источников, имеющиеся исследования, как правило, сосредоточены либо на общем анализе инновационного развития регионов без учета бюджетной классификации, либо на сопоставлении бюджетных показателей без увязки с инновационными результатами. Именно этот пробел определяет как научную новизну, так и практическую ценность настоящей работы, поскольку предлагаемый инструментарий позволяет не просто констатировать наличие различий между регионами-донорами и дотационными регионами, но и выявить структуру этих различий, идентифицировать регионы, нарушающие однородность групп, и обосновать адресные рекомендации по совершенствованию региональной инновационной политики с учетом выявленных диспропорций.

Материалы и методы. Для оценки инновационного развития регионов-доноров и дотационных регионов, а также для оценки неопределенности данных процессов была реализована последовательность шагов, представленная на рис.1.

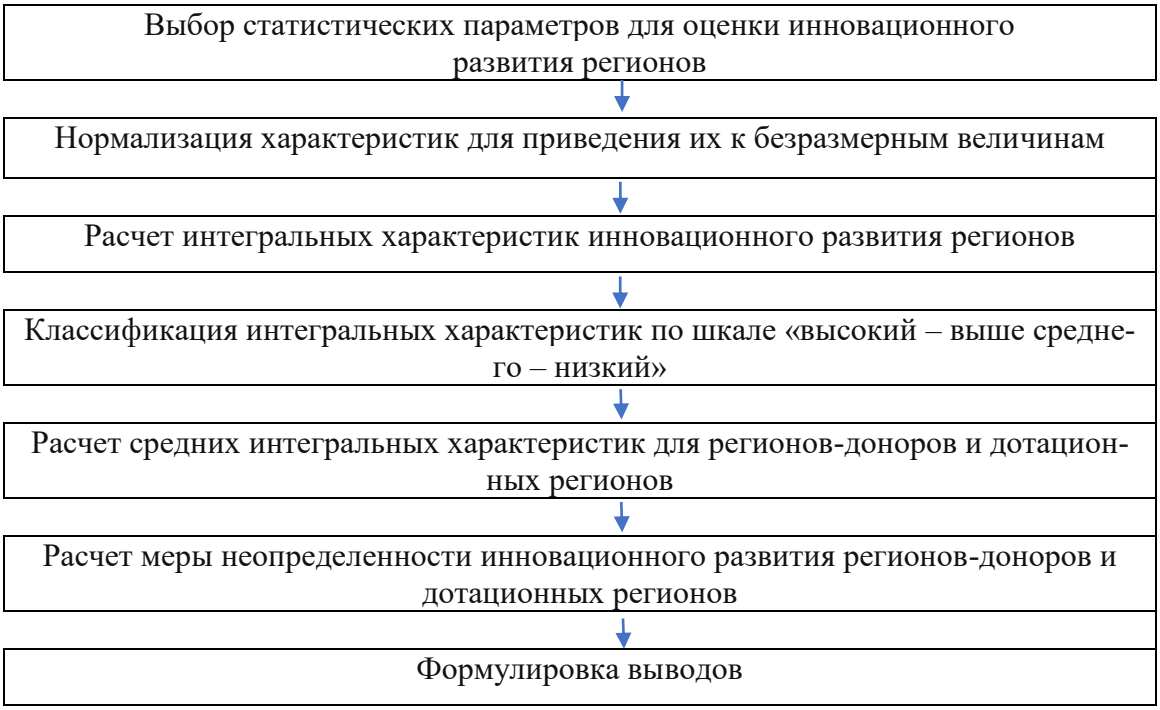


Рисунок 1 – Основные этапы исследования

Для анализа инновационного развития регионов был сформирован набор показателей, охватывающих ключевые аспекты инновационной деятельности: инновационная активность организации (x1), объем инновационных товаров, работ, услуг (x2), используемые регионом передовые производственные технологии (x3), процент затрат на инновационную деятельность организаций от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (x4).

Поскольку все рассматриваемые характеристики по своей природе являются стимулирующими, нормализация осуществлялась относительно эталонного значения, в качестве которого использовался максимальный показатель среди всех регионов:

$$X_i = \frac{x}{x_{max}} \quad (1)$$

где X_{max} – максимальное значение показателя инновационного развития;

X – исходное значение показателя инновационного развития конкретного региона.

Нормализация относительно максимума позволила не только элиминировать влияние разных единиц измерения и масштабов исходных данных, но и сохранить исходную структуру различий между регионами, поскольку отношение каждого значения к максимальному сохраняет пропорции, существующие в исходных данных.

Расчет интегральной характеристики инновационного развития осуществлялся по формуле (2):

$$I_i = \sqrt[4]{\prod_{i=1}^{4} x_i} \quad . \tag{2}$$

Классификация интегральных характеристик по шкале «высокий – выше среднего – низкий» осуществлялась на основе равноинтервальной группировки (3):

$$h = \frac{R}{n} = \frac{I_{max} - I_{min}}{n}, \tag{3}$$

где h – длина каждого интервала,
R – размах вариации интегральной характеристики среди анализируемых регионов
n – число интервалов группировки.

Расчет средних интегральных характеристик для регионов-доноров и дотационных регионов осуществлялся по формулам (4) и (5):

$$I_{don} = \frac{\sum I_{i\ don}}{m_{don}} \tag{4}$$

$$I_{sub} = \frac{\sum I_{i\ sub}}{m_{sub}} \ , \tag{5}$$

где I_{don} и I_{sub} – средняя интегральная характеристика инновационного развития регионов-доноров и дотационных регионов соответственно
m_{don} и m_{sub} – число регионов-донор и дотационных регионов в рассматриваемой совокупности.

Для количественной оценки степени дифференциации инновационного развития между регионами-донорами и дотационными территориями на основе полученных интегральных индексов использовался аппарат энтропийного анализа, который позволил измерить степень неравномерности распределения инновационного потенциала внутри выделенных групп:

$$E(W) = -\sum_{c \in C} p(W_c) * \log_2(p(W_c)), \tag{6}$$

где p(Wc) – вероятность принадлежности региона (из группы доноров W1 или дотационной группы W2) к определенной группе, характеризующей уровень инновационного развития (высокий-средний-низкий);
C – число категорий, характеризующих уровень инновационного развития.

Вероятность отнесения региона к конкретной категории определялась по формуле (7):

$$p(W_c) = \frac{n(W_c)}{n(W)}, \tag{7}$$

где n(Wc)– количество субъектов в группе регионов-доноров или дотационной группе;
N– общее количество регионов в федеральном округе в группе регионов-доноров или дотационной группе.

Энтропийный подход позволяет оценить степень отклонений показателей от равномерного распределения, то есть определить, насколько сильно различаются регионы внутри каждой группы по уровню инновационного развития. Чем выше рассчитанное значение энтропии, тем большая степень неопределенности имеет место в данной совокупности [6]. Применение энтропийного подхода обусловлено его способностью работать с данными, не требующими предположений о характере распределения, что особенно ценно при анализе региональных систем, где стандартные параметрические методы могут давать смещенные оценки вследствие гетерогенности объектов наблюдения. В отличие от показателей вариации, оценивающих разброс относительно среднего значения, энтропийный подход улавливает структурные различия в распределении инновационного потенциала, что позволяет содержательно интерпретировать полученные результаты в контексте региональной политики выравнивания уровней инновационного развития.

Выводы и результаты. Результаты расчета интегральных инновационных характеристик регионов представлены в табл.1. В рамках исследования рассматривались 82 субъекта Российской Федерации, по некоторым регионам статистические данные за отдельные годы были неполными либо несопоставимыми по методике учета, что делало их включение в модель некорректным. Исключение семи территорий не повлияло на репрезентативность совокупности, поскольку в ней представлены все федеральные округа и различные типы регионов по уровню социально-экономического развития. Исследование осуществлялось на основе данных за 2024 год.

Таблица 1 – Результаты расчета интегральных характеристик инновационного развития регионов

Регион	Интегральная характеристика инновационного развития	Регион	Интегральная характеристика инновационного развития	Регион	Интегральная характеристика инновационного развития	Регион	Интегральная характеристика инновационного развития
Белгородская область	0,21514	Вологодская область	0,089669	Ставропольский край	0,103871	Республика Хакасия	0,023279
Брянская область	0,092831	Калининградская область	0,109228	Республика Башкортостан	0,276025	Алтайский край	0,126785
Владимирская область	0,155163	Ленинградская область	0,193707	Республика Марий Эл	0,093315	Красноярский край	0,163444
Воронежская область	0,16279	Мурманская область	0,04705	Республика Мордовия	0,182584	Иркутская область	0,113697
Ивановская область	0,054669	Новгородская область	0,064875	Республика Татарстан	0,797742	Кемеровская область	0,089758
Калужская область	0,163839	Псковская область	0,047488	Удмуртская Республика	0,200538	Новосибирская область	0,201789
Костромская область	0,037523	г. Санкт-Петербург	0,461009	Чувашская Республика	0,15814	Омская область	0,15995
Курская область	0,076326	Республика Адыгея	0,035392	Пермский край	0,347111	Томская область	0,174491

Липецкая область	0,1611	Республика Калмыкия	0,004605	Кировская область	0,167327	Республика Бурятия	0,026931
Московская область	0,595339	Республика Крым	0,063533	Нижегородская область	0,522027	Республика Саха (Якутия)	0,024069
Орловская область	0,054339	Краснодарский край	0,131536	Оренбургская область	0,133295	Забайкальский край	0,020739
Рязанская область	0,102329	Астраханская область	0,052698	Пензенская область	0,145011	Камчатский край	0,022213
Смоленская область	0,107246	Волгоградская область	0,094784	Самарская область	0,396353	Приморский край	0,065193
Тамбовская область	0,086537	Ростовская область	0,381676	Саратовская область	0,151879	Хабаровский край	0,205426
Тверская область	0,120648	г. Севастополь	0,04309	Ульяновская область	0,168741	Амурская область	0,0227
Тульская область	0,255251	Республика Дагестан	0,025599	Курганская область	0,074075	Магаданская область	0,01229
Ярославская область	0,165702	Республика Ингушетия	0,00447	Свердловская область	0,356849	Сахалинская область	0,033546
г. Москва	0,74135	Кабардино-Балкарская Республика	0,014263	Тюменская область	0,19228	Еврейская автономная область	0,010678
Республика Карелия	0,053942	Карачаево-Черкесская Республика	0,002864	Челябинская область	0,320101	Чукотский автономный округ	0,018503

Республика Коми	0,05764	Республика Северная Осетия – Алания	0,012067	Республика Алтай	0,021485		
Архангельская область	0,059177	Чеченская Республика	0,006781	Республика Тыва	0,005356		

Наибольшее значение интегральной характеристики инновационного развития наблюдается в республике Татарстан, а наименьшее в Карачаево-Черкесской республике. Разрыв между данными субъектами составляет более, чем 278 раз. В группу регионов с низкими значениями инновационного развития вошли субъекты с интегральным значением до 0,06, со средними значениями – от 0,06 до 0,25, с высокими – свыше 0,25.

Распределение территорий по группам инновационного развития среди регионов-доноров и дотационных субъектов представлено на рис. 2.

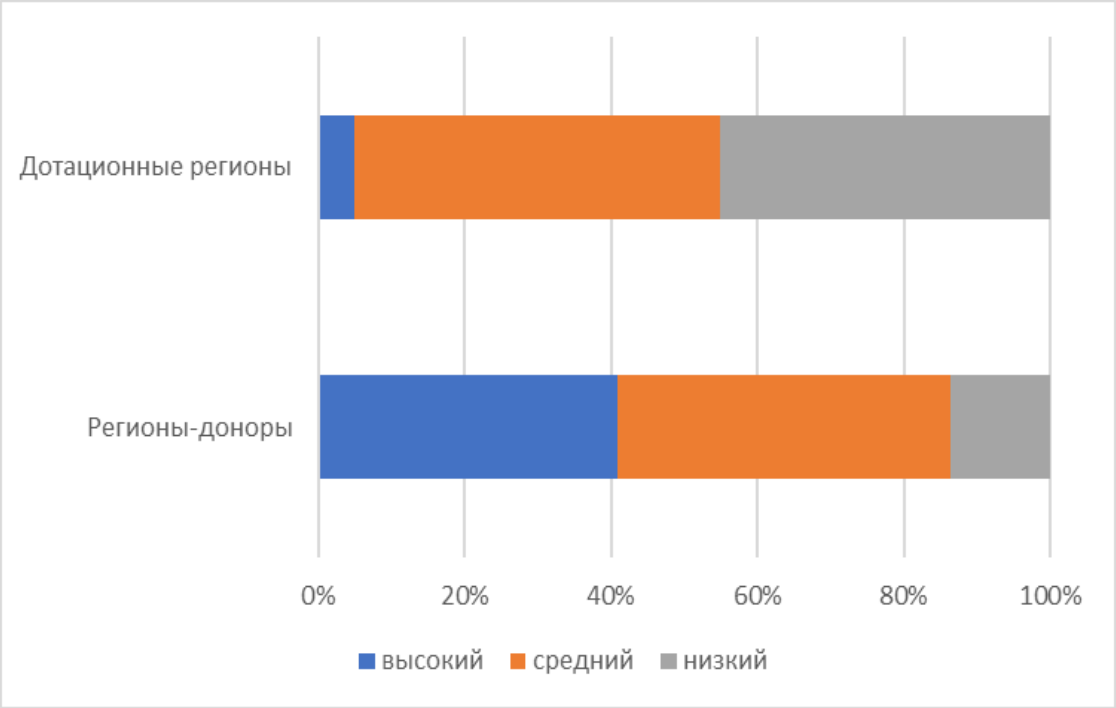


Рисунок 2 – Регионы-доноры и дотационные субъекты по уровням инновационного развития

Результаты расчета показателей энтропии для регионов-доноров и дотационных субъектов приведены в табл.2.

Таблица 2 –Распределение значений энтропии среди регионов-доноров и дотационных субъектов

Уровень инновационного развития	Расчет энтропии для регионов-доноров			Расчет энтропии для дотационных субъектов		
	число субъектов	доля в кластере	суммарное значение энтропии	число субъектов	доля в кластере	суммарное значение энтропии
Высокий	9	0,41	0,53	3	0,05	0,22
Средний	10	0,45	0,52	30	0,5	0,5
Низкий	3	0,14	0,40	27	0,45	0,52

Согласно данным таблицы 2, структура распределения по группам между регионами-донорами и дотационными субъектами принципиально различается.

Среди регионов-доноров доминируют территории с высоким и средним уровнями инновационного развития: их совокупная доля составляет 86%. При этом на высокий уровень приходится 0,53 суммарного значения энтропии, что говорит о концентрации инновационного потенциала именно в этой группе. Только три региона-донора относятся к территориям с низким значением инновационного развития.

У дотационных субъектов имеет место обратная ситуация: 95% регионов относятся к территориям с низким и средним уровнем инновационного развития. Высокий уровень представлен тремя субъектами, что указывает на единичные случаи эффективного использования бюджетных трансфертов для инновационного развития экономики. Суммарное значение энтропии регионов-доноров (1,45) превышает аналогичный показатель для дотационных субъектов (1,24). Это означает, что степень структурной неопределенности у регионов-доноров выше: их инновационное развитие устроено сложнее, и оно менее предсказуемо. У дотационных территорий показатель энтропии заметно ниже. Это прямое следствие того, что их инновационное развитие значительно проще и предсказуемее.

Среднее значение по группе регионов-доноров (0,28) почти в три раза выше, чем по дотационным субъектам (0,1). Это согласуется с общей картиной: у первых инновационное развитие структурно сложнее и диверсифицированнее, у вторых – однороднее.

Регионы-доноры и дотационные субъекты представляют собой две разные системы инновационного устройства. Разница отражает глубинные различия в хозяйственном устройстве. Доноры – это многопрофильные экономики с широким набором отраслей и инновационных категорий. Дотационные территории связаны с ограниченным кругом видов деятельности, их инновационное поле существенно уже.

То, что 95% дотационных регионов относятся к категории не выше среднего уровня, а высокий уровень представлен всего тремя субъектами, говорит о си-

стемном характере этого разрыва. Трансферты сами по себе его не сокращают. Единичные случаи, когда дотационный регион попадает в верхнюю группу, показывают другое: бюджетные средства могут сработать, но только если они идут не на текущее содержание, а на перестройку структуры – создание новых производств, диверсификацию, формирование цепочек добавленной стоимости.

В продолжение исследования предполагается более детально проанализировать природу выявленных разрывов, а также рассмотреть динамику энтропии в регионах, меняющих свой бюджетный статус. Это позволит оценить, связаны ли структурные изменения с изменением категории финансовой обеспеченности, а также уточнить, каким регионам и в какой форме финансовая поддержка приносит реальный эффект.

Литература

1. Адаменко А.А. Современные особенности цифровой трансформации процессов управления экономическими системами различного уровня / А.А.Адаменко, И.И.Михалев, В.В.Горяинов // Вестник Академии знаний. – 2022. – №53(6). – С.399-403.
2. Бикметова З.М. Инновационно-инвестиционное развитие регионов // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – №3. – С.50-62. – DOI: 10.47309/2713-2358-2025-3-50-62
3. Варфоломеева В.А., Иванова Н.А. Межбюджетные отношения: состояние, проблемы и пути их решения // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – №10(156). – С.161-168. – DOI: 10.26726/1812-7096-2023-10-161-168.
4. Курбанов К.К. Активизация инновационной деятельности и цифровизация – важнейшие факторы развития АПК региона юга России // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2022. – №10(144). – С.31-38. – DOI 10.26726/1812-7096-2022-10-31-38.
5. Огородникова Е.П. Оценка налоговых платежей в формировании региональных бюджетов / Е.П.Огородникова, Л.И.Рахматуллина, Н.В.Андреева // Вестник университета. – 2024. – №2. – С.104-114.
6. Попов Н.С. Энтропийный подход к оценке рисков социально-экологической напряженности в проектах территориального развития / Н.С.Попов, А.А.Баламутова, С.Г.Толстых // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И.Вернадского. – 2025. – №4(98). – С.63-74. – DOI: 10.17277/voprosy.2025.04.pp.063-074
7. Сапунов А.В., Полякова Д.И. Анализ тенденций выравнивания регионов России: доноры и реципиенты // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 2(46). – С. 193-196.
8. Сергеев Л.И., Сергеев Д.Л. Проблемы регулирования региональной экономики в системе межбюджетных отношений // Экономические стратегии. – 2023. – Т.25, №2(188). – С.64-71. – DOI: 10.33917/es-2.188.2023.64-71.
9. Фирсова А.А. Государственные институты развития и механизмы государственно-частного партнерства в инвестировании инновационной деятельности // Инновационная деятельность. – 2011. – №1(14). – С.71а-75.

ASSESSING THE UNCERTAINTY OF INNOVATION DEVELOPMENT IN DONOR AND SUBSIDIZED REGIONS

Bykova Margarita Leonidovna

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of innovation economics and finance
Vladimir state university named after A.G. and N.G. Stoletovs
601270, Russia, Vladimir region, Suzdal district, Bogolyubovo settlement,
Novaya st.20, apt. 19
Ph.: +7 902 888 0842

Amidst systemic external constraints and the structural transformation of the Russian economy, assessing the uncertainty of innovation development in regions with differing fiscal statuses is crucial for substantiating regional innovation policy priorities. This study aims to quantitatively assess the uncertainty of innovation development in donor regions and subsidized constituent entities using an entropy-based approach. The research utilizes 2024 Rosstat data covering 82 constituent entities of the Russian Federation. An analysis of the calculated composite innovation development indicators reveals a persistent gap between donor regions and subsidized territories. The findings indicate that the existing system of inter-budgetary transfers does not, in itself, narrow the innovation gap; achieving long-term results requires reorienting transfer policy from merely equalizing fiscal capacity toward stimulating structural changes and fostering conditions for local innovation-driven growth. Priority areas for regional innovation policy are outlined: stimulating demand for innovations through regional procurement, engaging large enterprises in innovation projects, strengthening ties between universities and businesses, and establishing unified regional innovation development centers. A promising avenue for future research is the analysis of entropy dynamics in regions that have undergone changes in their fiscal status; this would make it possible to assess whether shifts in financial capacity categories are accompanied by corresponding structural changes in the innovation sector.

Keywords: innovation development; donor regions; subsidized regions; integral characteristic; entropy; uncertainty; innovation activity; inter-budgetary transfers; spatial differentiation; structural gap.

АРЗЁБИИ НОМУАЙЯНИИ РУШДИ ИННОВАТСИОНИИ МИНТАҚАҲОИ ДОНОР ВА МИНТАҚАҲОИ ЁРДАМПУЛӢ

Быкова Маргарита Леонидовна

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисодиёти инноватсионӣ ва молия
Донишгоҳи давлатии Владимир ба номи А.Г. ва Н.Г. Столетовҳо
601270, Россия, вилояти Владимир, ноҳияи Суздал,
ш. Боголюбово, кӯч. Новая, хонаи 20, ҳуҷраи 19
Тел.: +7 902 888 0842
margarita93@bk.ru

Дар шароити маҳдудиятҳои системавии беруна ва дигаргунсозии сохтории иқтисодиёти Россия, арзёбии номуайянии рушди инноватсионии минтақаҳои дорои мақоми гуногуни буҷетӣ барои асоснок намудани самтҳои афзалиятноки сиёсати инноватсионии минтақавӣ аҳамияти калидӣ пайдо мекунад. Ҳадафи таҳқиқоти мазкур арзёбии миқдории номуайянии рушди инноватсионии минтақаҳои донор ва субъектҳои дотатсионӣ дар асоси усули энтропӣ мебошад. Дар таҳқиқот маълумоти Росстат барои соли 2024 оид ба 82 субъекти Федератсияи Россия истифода гардидааст.

Таҳлили нишондиҳандаҳои интегралии ҳисобшудаи рушди инноватсионӣ мавҷудияти фарқияти устуворро байни минтақаҳои донор ва ҳудудҳои дотатсионӣ нишон медиҳад. Натиҷаҳои бадастомада шаҳодат медиҳанд, ки низоми ташаккулёфтаи интиқолҳои байнибуҷетӣ худ аз худ ба коҳиш додани тафовути инноватсионӣ мусоидат намекунад. Барои ба даст овардани натиҷаи дарозмуддат зарур аст, ки сиёсати интиқолҳои байнибуҷетӣ аз баробарсозии таъминоти буҷетӣ ба ҳавасмандгардонии тағйироти сохторӣ ва фароҳам овардани шароит барои рушди инноватсионии маҳаллӣ равона карда шавад.

Самтҳои афзалиятноки сиёсати инноватсионии минтақавӣ муайян карда шудаанд: ҳавасмандгардонии талабот ба инноватсияҳо тавассути фармоишҳои минтақавӣ, ҷалби корхонаҳои бузург ба лоиҳаҳои инноватсионӣ, таҳкими робитаҳои байни муассисаҳои таҳсилоти олӣ ва соҳибкорӣ, таъсиси марказҳои ягонаи рушди инноватсионӣ дар сатҳи минтақаҳо.

Яке аз самтҳои ояндадори таҳқиқоти минбаъда таҳлили динамикаи энтропия дар минтақаҳое мебошад, ки мақоми буҷетии худро тағйир додаанд. Ин имкон медиҳад, ки муайян карда шавад, оё тағйироти категорияи таъминоти молиявӣ бо тағйироти дахлдори сохторӣ дар соҳаи инноватсионӣ ҳамроҳӣ мекунанд ё не.

Калидвожаҳо: рушди инноватсионӣ; минтақаҳои донор; минтақаҳои дотатсионӣ; тавсифи интегралӣ; энтропия; номуайянӣ; фаъолияти инноватсионӣ; интиқолҳои байнибуҷетӣ; тафриқаи фазоӣ; тафовути сохторӣ.

УДК 339.923-027.541 (575.3:100)

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Шарипов Фируз Рофеевич

Аспирант кафедры экономической теории и мировой экономики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 602 38 88 (м.)
firuz2292@mail.ru

В статье анализируется роль региональных интеграционных объединений в формировании внешнеэкономической политики Республики Таджикистан в условиях глобализации и цифровой трансформации. На основе сравнительного анализа моделей интеграции (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН) и статистических данных за 2024–2025 гг. показано, что участие Таджикистана в ЕАЭС и других региональных инициативах (ШОС, CAREC, «Один пояс – один путь») создаёт возможности для расширения рынков, развития транзитных коридоров и гармонизации нормативной базы, но одновременно выявляет структурные диспропорции: высокую импортную зависимость (78% внешнеторгового оборота в 2024 г.) и асимметрию торговых потоков с партнёрами по ЕАЭС (38,6% оборота, при этом импорт из России и Казахстана в 10-20 раз превышает экспорт). Установлено, что наиболее сбалансированные торговые отношения Таджикистан поддерживает со странами ВТО (Китай, Швейцария, Турция), где экспортная составляющая достигает 20-54% товарооборота. Проведено ранжирование интеграционных эффектов по критериям институциональной глубины, цифровой совместимости и экспортного потенциала. Сделан вывод о необходимости сопряжения внутренней «Концепции цифровой экономики» Таджикистана с региональными цифровыми платформами ЕАЭС и АСЕАН, а также диверсификации экспорта через развитие обрабатывающих производств и логистических коридоров.

Ключевые слова: региональная экономическая интеграция; мировая экономика; глобализация; Европейский союз (ЕС); Евразийский экономический союз (ЕАЭС); Всемирная торговая организация (ВТО); Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН); Центральная Азия; Республика Таджикистан; цифровая экономика; внешнеторговая политика.

Региональная экономическая интеграция представляет собой один из ключевых процессов, определяющих архитектуру современной мировой экономики. Она способствует усилению экономических связей между государствами, снижению барьеров во внешнеэкономической деятельности, формированию единых рынков и повышению глобальной конкурентоспособности регионов. В условиях глобализации, характеризующейся ускоренным развитием технологий, усилением взаимозависимости стран и трансформацией мировых торговых потоков, значение региональных интеграционных объединений значительно возрастает.

В современных условиях возрастания внешних шоков и усиления роли информационных технологий вопросы цифровой трансформации становятся все более актуальными как с точки зрения формирования эффективной экономической политики, так и социальной реализации общественных отношений. Формирование цифровой экономики и определение её в качестве основного индикатора современных преобразований стало самым перспективным направлением развития многих стран, в том числе и стран-участниц евразийского экономического пространства. Необходимо отметить, что сам процесс региональной интеграции также служит определённой предпосылкой усиления взаимодействий, эффективность которых увеличивается в разы, если они происходят на цифровой платформе» [5, с.1-2].

«В условиях глобализации качество развития интеграционных группировок во многом определяется новыми условиями и тенденциями развития мировой экономики, а также влиянием внешних шоков и финансовых кризисов. Региональная экономическая интеграция в современном мире проходит в условиях зависимости от внутренних и внешних факторов» [5, с.13].

Для развивающихся стран, включая государства Центральной Азии и, в частности, Республику Таджикистан, интеграционные процессы становятся инструментом адаптации к внешним вызовам, компенсации ограниченности внутреннего рынка и укрепления позиций в международном разделении труда. Таджикистан, как государство с ограниченными производственными мощностями и высоким уровнем импорта (7,008 млрд долл. США в 2024 г. против 1,947 млрд долл. США экспорта), нуждается в выработке эффективной стратегии внешнеэкономической политики, одним из элементов которой является участие в региональных интеграционных объединениях.

В теории экономической интеграции выделяют два основных подхода к объяснению механизмов интеграции. Согласно Э.Хаасу, интеграция представляет собой «процесс, посредством которого политические акторы из нескольких национальных государств перемещают свои лояльности, ожидания и политическую деятельность в сторону нового центра, институты которого обладают или требуют юрисдикции над национальными государствами» [8, с.16]. Данный подход подчёркивает роль наднациональных институтов в углублении интеграции, что особенно актуально для анализа ЕС.

В противовес неофункционализму, С.Хофман утверждает, что «интеграция происходит тогда, когда этого хотят национальные правительства, и в той мере, в какой они этого хотят» [9, с.880], что отражает межправительственную природу многих региональных объединений, включая ЕАЭС.

Цель исследования - проанализировать роль региональных интеграционных объединений (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН) в формировании внешнеэкономической политики Таджикистана, выявить структурные особенности торговых потоков и обосновать направления углубления экономического взаимодействия с учётом цифровой трансформации.

В исследовании применён сравнительно-аналитический метод для сопоставления моделей региональной интеграции (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН) по критериям институциональной глубины, уровня наднациональности и цифровой повестки.

Для количественной оценки структуры внешнеторговых потоков Республики Таджикистан использованы следующие показатели:

1. Индекс выявленных сравнительных преимуществ (Revealed Comparative Advantage, RCA) по формуле Б.Балассы:

$$RCA_{ij} = (X_{ij} / X_{it}) / (X_{wj} / X_{wt})$$

где X_ij – экспорт товара j из страны i, X_it – общий экспорт страны i, X_wj – мировой экспорт товара j, X_wt – общий мировой экспорт. Значение RCA>1 указывает на наличие сравнительного преимущества [10, с. 4-5].

2. Коэффициент торговой интенсивности (Trade Intensity Index, TII) для оценки степени интеграции Таджикистана с партнёрами по ЕАЭС:

$$TII_{ij} = (X_{ij} / X_i) / (M_j / (M_w - M_i))$$

где X_ij – экспорт из страны i в страну j, X_i – общий экспорт страны i, M_j – общий импорт страны j, M_w – мировой импорт, M_i – импорт страны i.

3. Гравитационная модель торговли (в упрощённой форме) для оценки влияния ВВП и расстояния на объём товарооборота:

$$Trade_{ij} = G \times (GDP_i \times GDP_j) / Distance_{ij}$$

Эмпирическую базу составили данные Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан за январь-декабрь 2024 г. (полный календарный год)[1], отчёты Евразийской экономической комиссии[2], публикации Всемирного банка[3] и UN Comtrade за 2020-2024 гг.[4]

Теоретической основой послужили классификация этапов интеграции Б.Балассы, концепции неофункционализма (Э.Хаас) и межправительственного подхода (С.Хофман), а также современные институциональные и цифровые парадигмы интеграции.

Принято выделять пять основных этапов развития интеграционных объединений: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и политический союз. Эта классификация восходит к работам Б.Балассы, определившим экономическую интеграцию как «процесс устранения дискриминации между экономическими субъектами, принадлежащими к разным национальным государствам» [7, с.2-3].

---

[1] Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан: Статистический ежегодник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2025. URL: https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2026/03/okonchat-ezhegodnik-2025.pdf.

[2] Цифровая экономика. Статистика Евразийского экономического союза: статистический бюллетень // Евразийская экономическая комиссия. М., 2025. 80 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Digital_Economy_2020-2024.pdf

[3]World Bank. Tajikistan trade indicators | WITS Data. 2025. URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/TJK/Year/LTST

[4]United Nations Comtrade Database. Tajikistan trade statistics. 2025. URL: https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/en/tjk

В своем развитии региональная интеграция прошла от путь преференциальных соглашений, частично устраняющих барьеров через отмену пошлин и квот и созданию зон свободной торговли, создание таможенного союза и унификацию внешнеторговой политики, формирование общего рынка со свободным движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы до образования экономического и валютного союза, высшей формы интеграции [1, с.90].

Европейский союз (ЕС) по праву считается наиболее институционализированным и политически интегрированным региональным объединением. Основой его функционирования служат учредительные договоры, наличие наднациональных органов (Европейская комиссия, Европейский парламент, Суд ЕС), единая валюта (евро), а также обширное законодательное поле. ЕС прошёл путь от Европейского объединения угля и стали (1951) через создание единого рынка (1993) к введению евро (1999) и формированию наднациональных институтов.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), сформированный в 2015 году, объединяет Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Киргизию. Союз основан на модели таможенного союза с элементами общего экономического пространства. «Евразийским экономическим союзом с начала функционирования по настоящее время накоплен достаточный опыт в вопросах интеграции и за это время заметны серьезные экономические эффекты в сферах деятельности, определенных Договором о Евразийском экономическом союзе» [4, с.193]. Вместе с тем, несмотря на наличие институциональных органов, уровень координации в ЕАЭС остаётся ограниченным, а различия в уровнях развития участников замедляют интеграционные процессы.

АСЕАН, созданная в 1967 году, демонстрирует более гибкую модель интеграции. Ассоциация сочетает элементы зоны свободной торговли, инвестиционного пространства и сотрудничества в сфере безопасности, избегая при этом жёсткой наднациональной структуры[1]. Одним из приоритетов является цифровая интеграция, в том числе реализация Digital Masterplan 2025.

[1] Digital ASEAN: Advancing Digital Integration and Inclusive Growth // World Economic Forum, 2019. URL: https://www.weforum.org/reports/digital-asean

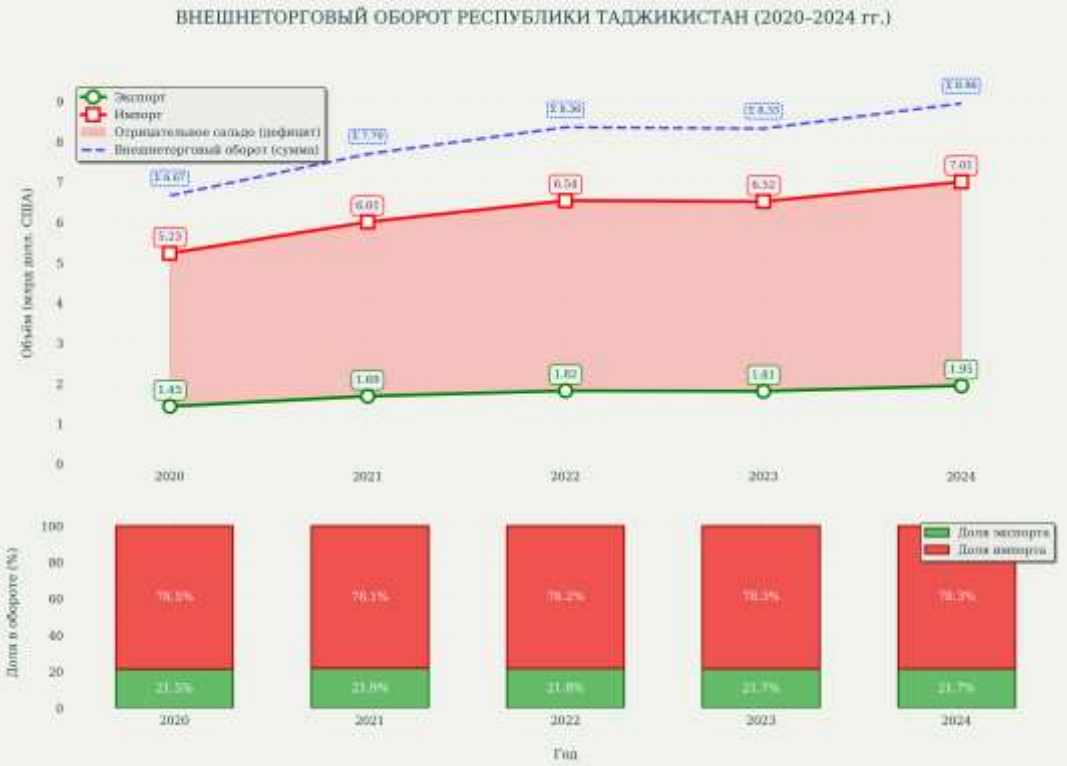


Рисунок 1 – Динамика экспорта и импорта Республики Таджикистан, 2020-2024 гг.

Источник: составлено по данным Агентства по статистике при Президенте РТ. Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан: Статистический ежегодник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2025. URL: https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2026/03/okonchat-ezhegodnik-2025.pdf

Как видно из рисунка 1, в период 2020-2024 гг. наблюдается устойчивый рост как экспорта (с 1,432 до 1,947 млрд долл., +36%), так и импорта (с 5,234 до 7,008 млрд долл., +34%). При этом отрицательное торговое сальдо увеличилось с 3,802 до 5,061 млрд долл., что свидетельствует о нарастании структурной зависимости от импорта.

Согласно данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, за январь-декабрь 2024 г. объём внешнеторгового оборота составил 8,955 млрд долл. США, что на 7,5% больше по сравнению с аналогичным периодом 2023 г.[1] Из этой суммы экспорт составил 1,947 млрд долл., а импорт – 7,008

[1] Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан: Статистический ежегодник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2025. URL: https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2026/03/okonchat-ezhegodnik-2025.pdf.

млрд долл. Такая структура торговли указывает на высокий уровень зависимости от импортируемых товаров (78% оборота).

По мнению Л.Х.Саидмуродова, внешнеэкономические связи Таджикистана следует рассматривать с учётом уязвимости страны как малой открытой экономики, зависимой от внешних ценовых, финансовых и миграционных факторов. Автор показывает, что участие Таджикистана в ВТО, СНГ, ОЭС и ЦАРЭС, а также наличие двусторонних соглашений с государствами региона и другими торговыми партнёрами расширяют институциональную основу внешнеэкономического сотрудничества. Вместе с тем, ограниченная диверсификация экспорта, преобладание сырьевых товаров и высокая зависимость от импорта усиливают воздействие внешних шоков. Поэтому региональная интеграция должна быть ориентирована не только на расширение торговли, но и на повышение устойчивости экономики, развитие экспортного потенциала, модернизацию инфраструктуры и углубление производственной кооперации [6, с.95].

Таблица 1 – Основные торговые партнёры Таджикистана в 2024 г.

Партнёр	Товарооборот (млрд долл.)	Экспорт (млн долл.)	Импорт (млн долл.)	Доля в обороте (%)
ЕАЭС (всего)	3,460	290,0	3 170,0	38,6
- Россия	1,978	92,6	1 885,6	22,1
- Казахстан	1,293	197,4	1 095,9	14,4
Китай (ВТО)	1,956	410,7	1 545,3	21,8
Швейцария (ВТО)	0,724	377,1	347,3	8,1
Турция (ВТО)	0,446	239,1	206,7	5,0

Источник: составлено по данным Агентства по статистике при Президенте РТ. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан: Статистический ежегодник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2025. URL: https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2026/03/okonchat-ezhegodnik-2025.pdf

В 2024 году значительная часть внешней торговли Таджикистана пришлась на страны ЕАЭС (38,6% от общего оборота), что подчёркивает важность этого направления для экономики страны. Ведущими партнёрами в этом объединении стали Россия и Казахстан: товарооборот с Россией составил 1,978 млрд долл. (экспорт – 92,6 млн, импорт – 1 885,6 млн), с Казахстаном – 1,293 млрд долл. (экспорт – 197,4 млн, импорт – 1 095,9 млн).

В то же время среди стран-членов ВТО ключевыми торговыми партнёрами выступили Китай, Швейцария и Турция. Товарооборот с Китаем составил 1,956 млрд долл. (экспорт – 410,7 млн, импорт – 1 545,3 млн). С Швейцарией был зафиксирован значительный экспорт – 377,1 млн долл. и импорт – 347,3 млн долл.

Торговля с Турцией составила 445,8 млн долл. (экспорт – 239,1 млн, импорт – 206,7 млн).

Как отмечает Г.А.Каландаршоев, несмотря на неравенство экономических возможностей и потенциала, Китай уделяет особое внимание своему соседу и стремится к совершенствованию торгово-экономического сотрудничества [2, с.431].

Важным событием последнего времени стало объявление периода 2025-2030 годов «Годами развития цифровой экономики и инноваций». Данное решение было закреплено Указом Президента Республики Таджикистан от 8 января 2025 года №911, в соответствии с которым 2025-2030 годы объявлены «Годами развития цифровой экономики и инноваций»[1]. Такой подход нашел отражение и в интеграционных стратегиях Таджикистана, в том числе в рамках ЕАЭС и ШОС.

В 2019 году правительство Таджикистана утвердило «Концепцию цифровой экономики», в которой подчеркивается необходимость сопряжения внутренних реформ с региональными цифровыми инициативами. В частности, отмечается, что «проекты второго этапа будут осуществляться в рамках проекта Digital Casa, которая предусматривает создание региональных инфраструктур, дата-центров и региональных подключений»[2]. В Концепции внешней политики Республики Таджикистан (2015) отмечается, что «в целях расширения двусторонних и многосторонних внешнеэкономических связей и осуществления международного экономического сотрудничества необходима реализация следующих задач: защита экономических интересов Республики Таджикистан в системе международных экономических отношений, обеспечение и укрепление процесса вхождения национальных субъектов в орбиту мирохозяйственных связей и их эффективное функционирование в этой среде»[3].

С течением времени интеграция приобретает гибридный характер, сочетающий в себе элементы экономического сотрудничества, цифровой трансформации, инфраструктурного взаимодействия и гармонизации нормативно-правовой базы [3, с.13].

Двойственная роль цифровизации в интеграционных процессах проявляется в том, что она является как следствием, так и инструментом интеграции. Цифровизация меняет направление и структуру торговых потоков, открывая новые горизонты для трансграничного сотрудничества и способствуя тесному взаимодействию на уровне законодательства, стандартов и инфраструктуры.

---

[1] Об объявлении 2025-2030 годов «Годами развития цифровой экономики и инноваций: Указ Президента Республики Таджикистан от 8 января 2025 г. №911. URL: https://khovar.tj/rus/2025/01/ukaz-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-93/

[2] Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2019 г. №642. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=122391

[3]Концепция внешней политики Республики Таджикистан: утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 г. №332. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan

Ключевую роль здесь играет формирование цифровых платформ, упрощающих логистику, трансграничные расчеты, налоговое и таможенное администрирование. Это особо актуально для стран, стремящихся преодолеть структурную отсталость, в том числе и для республики Таджикистан, где развитие цифровой экономики провозглашено государственным приоритетом.

Объем импорта из стран ЕАЭС значительно превышает экспорт. Если Россия и Казахстан поставляют в Таджикистан преимущественно топливно-энергетические ресурсы, оборудование и продовольствие, то страны - члены ВТО являются значимыми направлениями экспортных поставок. Особенно велика роль Швейцарии и Турции в переработке и сбыте таджикского сырья

Такой дисбаланс указывает на необходимость расширения экспортного ассортимента, что в свою очередь связано с необходимостью развития обрабатывающей промышленности и оптимизации логистических связей с партнёрами по ЕАЭС. Сравнительный анализ внешнеторговых потоков дает возможность увидеть текущую структуру торговли, выявить наиболее слабые места, требующие корректировки, и определить конкурентные преимущества республики Таджикистан, и наиболее перспективные векторы экономического сотрудничества.

Благодаря региональной интеграции малые страны могут скомпенсировать недостаток масштабов, расширить рынки сбыта и укрепить позиции в международных торговых переговорах. Однако реализовать эти возможности можно лишь при синхронизации нормативно-правовой базы, развитию транзитных коридоров и институциональное укрепление сотрудничества. Именно в этой логике действует Таджикистан, участвующий в целом ряде интеграционных проектов - от ШОС до цифрового взаимодействия в рамках ЕАЭС.

Успешность интеграции региона зависит от модернизации инфраструктуры, гармонизации стандартов, а также формирования устойчивых цифровых платформ и логистических коридоров. А в современных условиях глобальной экономической нестабильности и усиления внешнеторговых вызовов особенно важным становится значение комплексного анализа внешнеэкономических связей.

В условиях глобализации региональная экономическая интеграция становится ключевым механизмом адаптации национальных экономик к внешним вызовам. Её эволюция отражает как экономические, так и политико-цифровые изменения в мировой системе.

Участие в региональных инициативах открывает значительные возможности для Таджикистана открывает. Однако успех во многом зависит от готовности правительства к институциональным реформам, цифровому развитию и активной внешнеэкономической политике. В долгосрочной перспективе интеграция может стать драйвером устойчивого и инклюзивного роста для всего региона.

Проведение сравнительного анализа взаимной торговли позволяет не только оценить текущее положение Таджикистана в системе международного разделения труда, но и создаст основу для стратегического планирования торгово-экономической политики, направленной на устойчивое развитие страны.

Литература

1. Гуров И.П. Мировая экономика: учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2000. – С.89-91.
2. Каландаршоев Г.А. Внешнеторговое сотрудничество Таджикистана и Китая: оценка современного состояния и перспективы [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2023. – Т.31, №3. – С.431-447. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnetorgovoe-sotrudnichestvo-tadzhikistana-i-kitaya-otsenka-sovremennogo-sostoyaniya-i-perspektivy/viewer.
3. Кодирзода Д.Б., Салиева Н.Ш. Методологические принципы разграничения факторов региональной экономической интеграции [Электронный ресурс] // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). –Душанбе: РТСУ, 2022. –№2(77). – С.12-20. – Режим доступа: https://vestnik.rtsu.tj/uploads/files/1731645646_106736d0ce139cd.pdf.
4. Маликов К.К., Нурмахмадов З.М. Евразийский экономический союз: некоторые итоги деятельности [Электронный ресурс] // Экономика Таджикистана. –Душанбе, 2023. –№2. –С.192-198. – Режим доступа: https://ekt.tj/storage/magazine/magazine_2026_04_09_083453.pdf.
5. Омурова С.К. Цифровая трансформация как вектор современного развития региональной интеграции ЕАЭС [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2021. – №1(65). – Статья №6515. – DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-15. –Режим доступа: https://eee-region.ru/article/6515/.
6. Саидмуродов Л.Х. Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан: внешние шоки и антикризисные меры // Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан. – Душанбе: РТСУ, 2017. – №2-5-1. – С.95-102. – EDN: ZVFJWR
7. Balassa B. The Theory of economic integration. – Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1961. – XIV. – 304 p.
8. Haas E.B. The Uniting of Europe: political, social, and economic forces, 1950-1957. – Stanford: Stanford university press, 1958. – 264 p.
9. Hoffmann S. Obstinate or Obsolete? The fate of the nation-state and the case of Western Europe [Electronic resource]. // Daedalus. – 1966. – Vol.95, №3. – P.862-915. – Access mode: https://www.jstor.org/stable/20027004?seq=1.
10. Jones L., Bethmann E. Approaches of Measuring Revealed Comparative Advantage (RCA): Literature review [Electronic resource] // U.S. International trade commission, economics working paper. – 2023. –№2023-07-A. – July. – 18 p. – Access mode: https://www.usitc.gov/publications/332/working_papers/ec_working_paper_rca_in_gvc_analysis_july_2023_jones_bethmann.pdf.

THE ROLE OF REGIONAL INTEGRATION ASSOCIATIONS IN SHAPING THE FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Sharipov Firuz Rofeevich

Postgraduate student of the chair of economic theory and world economy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 93 602 38 88 (m.)
firuz2292@mail.ru

The article analyzes the role of regional integration associations in shaping the foreign economic policy of the Republic of Tajikistan in the context of globalization and digital transformation. Based on a comparative analysis of integration models (EU, EAEU, ASEAN) and statistical data for 2024-2025, it is shown that Tajikistan's participation in the EAEU and other regional initiatives (SCO, CAREC, "One Belt – One Road*/") creates opportunities for market expansion, development of transit corridors and harmonization of the regulatory framework, but at the same time reveals structural imbalances: high import dependence (78% of foreign trade turnover in 2024) and asymmetry of trade flows with EAEU partners (38,6% of turnover, while imports from Russia and Kazakhstan exceed exports by 10-20 times). The study found that Tajikistan maintains the most balanced trade relations with WTO countries (China, Switzerland, Turkey), where the export component reaches 20-54% of trade turnover. The authors ranked integration effects according to the criteria of institutional depth, digital compatibility and export potential. It is concluded that there is a need to coordinate Tajikistan's internal "Digital Economy Concept*/" with regional digital platforms of the EAEU and ASEAN, as well as to diversify exports through the development of processing industries and logistics corridors.

Keywords: regional economic integration; global economy; globalization; European Union (EU); Eurasian Economic Union (EAEU); World Trade Organization (WTO); Association of Southeast Asian Nations (ASEAN); Central Asia; Republic of Tajikistan; digital economy; foreign trade policy.

НАҚШИ ИТТИҲОДИЯҲОИ ҲАМГИРОИИ МИНТАҚАВӢ ДАР ТАШАККУЛИ РОБИТАҲОИ ИҚТИСОДИИ ХОРИҶИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Шарипов Фируз Рофеевич

Аспиранти кафедраи назарияи иқтисод ва иқтисоди ҷаҳон
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 602 38 88 (м.)
firuz2292@mail.ru

Дар мақола нақши иттиҳодияҳои минтақавии интегратсионӣ дар ташаккули сиёсати хориҷии иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шароити глобализатсия ва трансформатсияи рақамӣ таҳлил мегардад. Дар асоси таҳлили муқоисавии моделҳои интегратсия (ИА, ИААБ, АСЕАН) ва маълумоти омории солҳои 2024-2025 нишон дода шудааст, ки иштироки Тоҷикистон дар ИААБ ва дигар ташаббусҳои минтақавӣ (СҲШ, CAREC, «Як камарбанд – як роҳ*/) имкониятҳоеро барои васеъ кардани бозорҳо, рушди коридорҳои транзитӣ ва ҳамоҳангсозии пойгоҳи меъёрӣ-ҳуқуқӣ фароҳам меорад, аммо ҳамзамон нисбатҳои номутаносиби сохториро ошкор месозад: вобастагии баланди импортӣ (78% гардиши савдои хориҷӣ дар соли 2024) ва ғайримутаносибии ҷараёнҳои савдо бо шарикони ИААБ (38,6% гардиш, дар ҳоле ки воридот аз Русия ва Қазоқистон 10–20 баробар аз содирот зиёд аст). Дар тадқиқот муқаррар гардид, ки муносибатҳои савдоии мутаносибтаринро Тоҷикистон бо кишварҳои САТ (Чин, Швейтсария, Туркия) дорад, ки дар онҳо ҳиссаи содирот ба 20-54% гардиши савдо мерасад. Муаллифон ранжбандии эффектҳои интегратсиониро аз рӯи меъёрҳои чуқурии институтсионалӣ, мутобиқати рақамӣ ва иқтидори содиротӣ анҷом доданд. Хулоса бароварда шуд, ки зарурати ҳамоҳангсозии «Консепсияи иқтисодиёти рақамӣ*/-и дохилии Тоҷикистон бо платформаҳои рақамии минтақавии ИААБ ва АСЕАН, инчунин гуногункардани содирот тавассути рушди истеҳсолоти коркардкунанда ва коридорҳои логистикӣ вуҷуд дорад.

Калидвожаҳо: ҳамгироии иқтисодии минтақавӣ; иқтисодиёти ҷаҳонӣ; ҷаҳонишавӣ; Иттиҳоди Аврупо (ИА); Иттиҳоди иқтисодии Авруосиё (ИИАО); Созмони Умумиҷаҳонии Савдо (СУС); Ассотсиатсияи давлатҳои Осиёи Ҷанубу Шарқӣ (АСЕАН); Осиёи Марказӣ; Ҷумҳурии Тоҷикистон; иқтисодиёти рақамӣ; сиёсати савдои хориҷӣ.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 25.09.2026г. Подписано в печать 30.09.2026г.
Формат 60х84$_{1/16}$. бумага и печать офсетная. Гарнитура литературная.
Объем 29,5 п.л. Тираж 50 экз. Заказ №150

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30